

Н.П. ПИСАРЕВСКИЙ

Гелон Геродота

Эллинский город
в стране будинов

Н. П. Писаревский

**Гелон Геродота.
Эллинский город в стране будинов**

Исследования по этнической предыстории населения
Среднего Дона и степи и лесостепи Восточной Европы
скифского времени

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 390(=16)
ББК 63.521(=41)
П 34

Писаревский Н. П.

П34 Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов: исследования по этнической предыстории населения Среднего Дона и степи и лесостепи Восточной Европы скифского времени. — СПб. : Алетейя, 2010. — 360 с.

ISBN 978-5-91419-369-7

Монография посвящена исследованию проблемы этнической предыстории населения степи и лесостепи Восточной Европы и Среднего Дона скифского времени в контексте упоминаемых Геродотом «исконных эллинов» города Гелона в стране будинов на северо-восточной периферии Скифии, являвшихся современниками «отца истории». Представлена аргументация гипотезы о территории Среднего Дона, степи и лесостепи Восточной Европы как первоначальной прародины и оси расхождения на рубеже III–II тыс. до н.э. их далеких предшественников — носителей культур великих степных общностей эпохи бронзы, олицетворявших собой конгломерат родственных племен эллино-фрако-фригийской и индо-иранской языковых общностей. Книга рассчитана на специалистов, широкого читателя, интересующегося прошлым России, и всех интересующихся археологией и историей Древнего мира.

УДК 390(=16)
ББК 63.521(=41)

ISBN 978-5-91419-369-7

© Писаревский Н. П., 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

Введение

Исследованиями последних лет установлено, что информация античной традиции о племенах скифской периферии является многослойной, разноплановой и многоаспектной. На фоне фрагментарности, эпизодичности и спорадического характера заложенных в ней данных, совсем неудивительным представляется существующая в специальной литературе практика использования одних и тех же свидетельств античных авторов для решения самых разнообразных проблем, будь то проблемы этногенеза скифов и их соседей или вопросы их языка, идеологии и духовной культуры.*

Такой же характер проявили и данные археологии: благодаря открытиям последних лет, выяснилось, что закодированная в разнотипных памятниках материальной культуры, в частности, эпохи бронзы и скифского времени, историческая информация, помимо данных, имеющих отношение к характеристике материальной, художественной и духовной культуры носителей того или иного этноса на конкретном этапе его исторического

---

* См.: Алексеев В. Ю. Скифская архаика. СПб., 1992; Он же. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003; Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье // ВДИ. 1996. № 1. С. 3–15; Он же. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002; Гаврилюк Н. А. История экономики степной Скифии в VI–III вв. до н. э. Киев, 1999; Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982; Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001; Он же. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор. Литература. История. М., -Берлин, 2005; Кузьмина Е. Е. Происхождение пастушества в степях Евразии // Late Prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe. 2000. Vol. 2. P. 178–201; она же. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. 2000. № 4.

С. 3–20; Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племён междуречья Днепра и Дона скифского времени // СА. 1989. № 4. С. 25–40; Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990; Мурзин В., Ролле Р., Супруненко О. Більске городище. Київ-Полтава, 1999; Нейхардт А. А. Скифский рассказ в отечественной историографии. Л., 1982; Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–81; Пыслару И. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus. 2000. № 2. С. 322–345; Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М., 2006; Русяева А. С. Скифия глазами эллинов. М., 2005; Она же. Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время // ВДИ. 1999. № 4. С. 78–92; Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скіфії, 1988; Черленок Е. А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // Stratum plus. 2000. № 2. С. 345–349; Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

развития, в обязательном порядке включает в себя показатели и черты, уводящие в глубинные и древнейшие пласты истории, и в конечном итоге к истокам его возникновения и формирования.*

Современные лингвистика и сравнительная филология в указанном отношении исключения не составляют. Более того, методы лингвоархеологии не только удревели даты возникновения и распространения производящих форм экономики и различных типов политогенеза у обществ в границах Старого Света, но и обеспечили к тому же надёжными фактами определение первичных очагов возникновения и развития самых различных этно-лингвистических общностей, а в том что касается индоевропейских племён — локализовать их прародину на широтах пояса степи и лесостепи Восточной Европы к северу от Чёрного и Каспийского морей.**

Самое же важное проявилось в том, что удивительным образом совпавшие друг с другом данные глоттохронологии и калиброванных дат в археологии указали на одно и то же время, место и границы сосуществования носителей греко-арийского диалектного единства с распространением памятников материальной культуры бронзового века, оставленных в степи и лесостепи Евразии многочисленными массивами представителей больших культурно-исторических общностей этой важнейшей эпохи в исто-

---

* Брод У. Дельфийский оракул. М., 2007; Вуд М. В поисках первых цивилизаций. М., 2007; Гончаров Ю. В. Дорогами степного коридора. Типы, варианты, предположения // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 591–594; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986; Иванчик А. И. Накануне колонизации. С. 49–95; Он же. «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблема возникновения идеализации скифов // Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. Древнейшие государства Восточной Европы. Итоги работы 1996–1997. М., 1999. С. 7–45; Дергачёв В. А. О скипетрах, лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной теории М. Гимбутас. СПб., 2007; Древние индоиранские культуры Волго-Уралья / Под ред. И. Б. Васильева. Самара, 1995; Робер Ж.-Н. Этруски. М., 2007; Хьюз Б. Елена Троянская / Пер. с англ. А. Гарькавого. М., 2006; Astrom P., Demakopolou K. Signs of an Earthquake at Midea // *Archaeosesmology* / Ed. By S. Stiros, R. E. Jones. Athens, 2000; Demakopolou K. The Burial Ritual in the Tholos Tomb at Kokla, Argolis // *Celebrations of Death and Divinity in the Bronze Age Argolid* // *Proceedings of the Sixth International Symposium at the Swedisch Institute at Athens, 11–13 June 1988* / Ed. By P. Higg, G. G. Nordquist. Stockholm, 1990; Fitton J. L. The Discovery of the Greek Bronze Age. London, 1995.

** Бонгард Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 2001 (3-е изд.); Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагеки в Трое (междисциплинарный аспект) // ВДИ. 1994. № 4. С. 18–38; Они же. Троя и «Пра-Аххиява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 14–37; Они же. Гомер и Восточное Средиземноморье. М., 1998; Antony D. The archaeology of Indo-European origin // *Journ. Of Indo-European Stud.* 1991. Vol. 19. P. 193–226.

рии зарождения индо-ариев, иранцев, эллинов, фракийцев, фригийцев и многих других народов Старого Света.*

Новейшие данные опровергли представления относительно исключительной ираноязычности населения Восточноевропейской степи и лесостепи в предскифский период, обратив тем самым внимание на присутствие в топо- и гидронимии, а также топонимике региона множественности наименований, связывающих их носителей с праиндо-иранцами и прагреко-фрако-фригийцами, — этносы, племена и социумы которых составляли здесь к последней трети III тыс. до н. э. единую греко-арийскую общность. В связи с этим представилось возможным осуществить исследования древнегреческой, древнеримской (включая этрусскую), древнеиндийской и древнеиранской мифологии, вывести наблюдение, согласно которому, представления о культурном, этническом и политическом единстве Скифии на всех этапах её истории являются во многом ошибочными, поскольку не учитывают не только реалий раннего железного века, но и исходят, как из неверной оценки преемственности традиций, связывающих культурное наследие населения эпохи бронзы и скифского времени, так и из познавательных возможностей накопленной в отечественной и зарубежной науке, особенно в последнее десятилетие, источниковой базы.**

Ещё более знаменательные открытия были осуществлены в области исследования множества источниковедческих проблем, имеющих отношение к различным уровням, аспектам и вопросам, затронутым в труде «отца истории» — Геродота. Осмыслению подверглись и отношение его к своим источникам, и геополитические взгляды самого первого историка Эллады, его многочисленные знания и заблуждения по самым различным вопросам, его личное присутствие и степень надёжности его оценок и многое другое. Самым примечательным среди других стало признание многослойности отложившейся в «Истории» Геродота исторической информации, вне зависимости от того понимал ли это сам «отец истории»

---

* Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006; Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999; Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № № 3–4; Он же. Алародии II. Происхождение индоевропейцев (по поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?» М., 1994 // ВДИ. 1995. № 1. С. 116–122; Мэллори Дж. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1. С. 61–82; Ренфрю К. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // ВДИ. 1998. № 3. С. 112–122; Саларес Р. Языки, генетика и археология // ВДИ. 1998. № 3. С. 123–130; Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973; Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. и др.

** Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. М., 1977; Он же. Модель мира у скифов. М., 1985. Бессонова В. А. Скифская религия. Киев, 1977; Vernant J.-P. Myth and society in Ancient Greece. Brighton, 1980.

или, фиксируя соответствующие данные, он оставался в полнейшем неведении относительно значимости последних.*

От всего этого, как нам представляется, берёт начало совершенно новый этап в историческом осмыслении всех вышеназванных проблем и аспектов археологии и древней истории населения Евразийской степи и лесостепи, исследуемых теперь исключительно в контексте локализации прародины племён индоевропейской общности и её распада вообще, греко-арийского единства и общности в частности.

Особое место в указанном отношении занимает изучение этнолингвистического состава населения степи и лесостепи Восточной Европы, Верхнего, Среднего и Нижнего Подонья, Днепро-Донских, Доно-Волжских,

---

* Блаватская Т. В. Известия Геродота о будинском граде Гелон и его обитателях // СА. 1986. № 4. С. 24–25; Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 484; Доватур А. И. Научный и повествовательный стиль Геродота. М.-Л., 1967; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1979; Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 308–347; Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // НАА. 1979. № 6. С. 73–75; Немировский А. И. Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991; Фролов Э. Д. Факел Прометея. Л., 1967; Щеглов Д. А. Три источника скифской географии Геродота // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002. С. 258–268; Amayor O. K. Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in Philosophy. 1978. № 82. P. 59–71; Braund D. Herodotus and the kurgans // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002. С. 268–270; Barth R. Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot // Klio. 1968. № 3. (50). S. 95–110; Bischler R. Die Reihstraume bei Herodot // Chiron Mittheilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphie des Deutschen archäologischen Instituts. 1985. Bd. 15. S. 125–147; Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hildesheim-Zurich-New-York, 2000; Burkert W. Herodot als Historiker fremder Religionen // Herodote et les peuples non grecs. Geneve, 1990; Hansen A. Ost-Europa nach Herodot mit ergänzungen aus Hippocrates. Dorpat, 1844; Hartog F. Le mirror d'Herodote. Essay sur la representation de l'autre. Paris, 1980; Idem. The Mirror of Herodotus: The representation of the other in the writing of History. Berkeley-London, 1988; Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin-New-York, 1971; Immerwahr H. R. Form and Thought in Herodotus. Cleveland, 1966; Jacoby F. Herodotos. // PWRE. Suppl. 2. S. 205–520; Lattimore R. The Composition of the History of Herodotus // Classical Philology. 1958. Vol. 53. P. 9–21; Mattingly H. B. Athens and the Black Sea in the Fifth century B. C. // Sur les tracts les Argonautes / Ed. O. Lordkipanidze, P. Leveque. Bezanson, 1996. P. 151–158; Powell J. E. Lexicon to Herodotus. Hildesheim, 1966; Pritchard W. K. The liar school of Herodotus. Amsterdam, 1993; Strassbuscher H. Herodots Zeitrechnung // Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. Darmstadt, 1982. S. 695–709; Rollinger R. A., Rollinger A. R. The world of Herodotus. Philadelphia-Los-Angeles, 2003; Romm J. Herodotus. New-Haven, 1998; Waters K. Herodotus the Historian. His Problems, Methods and Originality. London, 1985.

Волго-Уральских, равно как и в противоположном направлении тех же широт распространения культур «великих», по терминологии В. М. Массона, культурных общностей эпохи бронзы. Постоянно сужающая свой диапазон, амплитуда оценок всё чаще и чаще определяет русло реки Дона (дапа древних иранцев и Танаиса древних греков) в качестве своеобразной «мировой» оси, связывающей, разбросанные между низовьями Дуная и р. Урал, очаги зарождения и распространения всех основных «европейских» цивилизаций Старого Света эпохи древности.*

Собственно, указанными обстоятельствами продиктована и настоятельная необходимость переосмысления конкретных свидетельств Геродота о стране будинов, городе Гелоне и его жителях в ней с целью установления того, к какому времени относится и что скрывает за собой определение последних «отцом истории» как «исконных эллинов», поскольку предпринимавшиеся до настоящего времени попытки их исследования основывались исключительно на источниках и фактах скифского времени. Как своеобразный этап в исследовании глобальной проблемы, такой подход являлся вполне закономерным и соответствующим очередным потребностям накопления научного знания.

Действительно, среди других важнейших свидетельств по истории Скифии в труде Геродота — свидетельств ярких и впечатляющих, свидетельств, придавших скифам и их соседям в Восточной Европе этноисторическую реальность и оказавших самое существенное воздействие на интерпретационные построения в археологии раннего железного века, данные о затерянном где-то вверх от моря и по Танаису городе Гелоне за неимением никакой другой информации являются самыми ранними и по причине своей единичности уникальными.** Указанное обстоятельство,

---

* Сводку самых последних оценок см.: Веллас Г. Я., Писаревский Н. П. Скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 2001; Mallory J. P. In search of the Indo-Europeans: Language, archaeology and myth. London, 2004 (2-nd ed.).

** Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982; Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982; Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и их историческая информативность // НАА. 1979. № 6. С. 68–74; Шишова И. А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М., 1981. С. 16; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979; Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991; Она же. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998; Щеглов Д. А. Три источника скифской географии Геродота // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002. С. 258–268; Barth R. Bevortung und auswahl des stoffes durth Herodot // Klio. 1968. № 3 (50). S. 95–110; Bichler R. Die Reichstraume bei Herodot // Chiron Mitteilungen der Kommission fur alte Geschichte und Epigraphie des Deutschen archologischen Insti-

собственно, и легло в основу многочисленных дискуссий среди археологов и историков относительно своей достоверности, а также локализации, зафиксированного в них этнолингвистического и культурного облика населения города Гелона в стране будинов, дискуссии, насчитывающей к настоящему времени не одно десятилетие, той самой дискуссии, которая произвела на свет множество взаимоисключающих концепций, идей и гипотез, дискуссии, которая так и оставила решение проблемы открытым. И всё это — несмотря на впечатляющие результаты исследования памятников эпохи бронзы и раннего железного века на территории степи и лесостепи эпохи бронзы и скифского времени, в том числе и в первую очередь, в степном и лесостепном Подонье.*

Результат — вполне закономерный: разработка проблемы осуществлялась либо на конкретно-научных (археологическом, историческом, филологическом, лингвистическом), либо на комбинаторном уровнях исследования с корреляцией производимых наблюдений, накапливаемых к тому же в рамках изучения отдельных контекстов. Это последнее подсказывает необходимость внедрения в разработку проблем этногенетической истории населения степи и лесостепи Восточной Европы, степного и лесостеп-

---

tuts. 1985. Bd.15. S. 125–147; Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin-New-York, 1971; Hansen A. Ost-Europa nach Herodot mit erganzungen aus Hippocrates. Dorpat, 1844; Hartog F. Le Mirror d'Herodote. Essai sur la representation de l'autre. Paris, 1980; Immerwahr H. R. Form and Thought in Herodotus. Cleveland, 1966; Jacoby F. Herodotos // PWRE. Suppl. Bd. 2. Coll. 205–520; Kothe H. Der Skythebegriff bei Herodot // Klio. 1969. № 51. S. 23–42; Lattimore R. The composition of the History of Herodotus // Classical Philology. 1958. Vol. 53. P. 9–21; Powell J. E. Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938; Waters K. H. Herodotus the historian. His Problems, Methods and Originality. London, 1985; Romm J. Herodotus. New-Haven, 1998.

* Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993–2000 гг. М., 2001; Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени (северско-донецкий вариант) Киев, 2000; Березуцкий В. Д. Курганы скифского времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1995; Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993–2000. М., 2001. С. 21–25; Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тыс. до н. э.). Воронеж, 1999; Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифского времени Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989; Скорый С. А. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V–IV вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. Из новейшей литературы см.: Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001; Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

ного Придонья в частности, такого подхода, с помощью которого открылась бы сама возможность последовательного, ретроспективного по своей сути, системного и комплексного рассмотрения всех накопленных к настоящему времени фактов. Первой ступенью в указанном направлении, по нашему глубокому убеждению, в особенности на предварительной стадии исследования, должен стать комбинаторно-комплексный анализ разнотипных источников, как с учётом реалий в них отложившихся, так и самой специфики отражения в каждом из них объективной действительности, подвергнутой трактовке свойственными каждому из них особенностями и средствами.*

К сожалению, автору не представилась возможность детального обсуждения поднимаемых им проблем и предлагаемых решений с ведущими специалистами (кратковременная беседа с Вяч. Вс. Ивановым в мае 1975 г. в Тбилиси, почти 40 лет назад — не в счёт). Отдельные аспекты, предлагаемой вниманию читателя тематики, обговаривались с А.И. Зайцевым и Ю.В. Откупщиковым, В.Д. Блаватским и Т.В. Блаватской, И.Л. Маяк, и конечно же с моим Учителем и наставником проф. А.И. Немировским. Именно он обратил моё внимание на сходство топонимстики Восточной Европы, Малой Азии, Греции и Италии (Таруса/Таруиса, Сунгирь/Сангарий, Тарханы/Тархон/Тархунтасса и т. п.).

Наконец, необходимо особо отметить одно немаловажное обстоятельство, что постоянно подпитывало интерес к исследуемой проблематике. Оно связано с одним из основных научных направлений кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета — археология степи и лесостепи Восточной Европы. Споры с коллегами, не всегда принимавшими предлагаемые автором решения, позволяют надеяться, что достигнутые результаты адекватны современному состоянию научных представлений.

Вопреки известной летучей оценке, согласно которой учёные ищут прародину того или иного народа по месту жительства, автор попытался объективно и беспристрастно, опираясь на результаты, достигнутые наукой, рассмотреть неустребованные современной археологией к настоящему времени в решении поднимаемой проблематики факты.

---

* Такого рода подходы распространены в зарубежных исследованиях. См.: Deniger W. *Splitting the Difference: Gender and Myth in ancient Greece and India*. Chicago, 1999; Fields N. *Troy c. 1700–1250 (Fortress 17)*. London, 2004; Gantz T. *Early Greek Myth: A guide to literary and artistic sources*. Baltimore, 1993.

Глава I

ГЕЛОНЫ ГЕРОДОТА: ЭТНОС, СОЦИУМ ИЛИ ФИКЦИЯ АНТИЧНОГО ИСТОРИКА?

Вопросы этногеографии Скифии уже более 150 лет являются едва ли не самыми популярными и дискуссионными как в скифологии, так и в исторической науке¹. В связи с существенным прогрессом, достигнутым современной археологией в изучении и трактовке культур Восточноевропейской лесостепи скифского времени, особую актуальность приобрела проблема уточнения, предлагавшихся ранее решений относительно локализации и этнической атрибуции их носителей в археологическом и историческом контекстах в направлении наполнения материальным содержанием достаточно хорошо изученных к настоящему времени свидетельств древнегреческого историка Геродота о порядке расселения племен на периферии скифской ойкумены². Составной частью такого поиска выступают попытки интерпретации памятников междуречья Северского Донца и Среднего Дона, отождествляемых исследователями с меланхленами, гелонами и будинами античного историка.³

Надо сказать, что на этом направлении достигнуты весьма существенные результаты. Это касается определения системы расселения носителей среднедонской культуры скифского времени. Это связано с установлением основных компонентов их материального быта и духовной жизни, экономических связей и этнокультурных контактов с соседями в VI–IV вв. до н. э. Наконец, они нашли свое выражение в установлении дихотомии хозяйственно-культурного типа обитателей поселений и городищ и социума, оставившего знаменитые среднедонские курганы этой эпохи.⁴

Вместе с тем, не менее существенные вопросы, касающиеся, например, этнической принадлежности племен лесостепного Подонья, соотношения между собой племен невров, меланхленов, будинов, и гелонов, возможности вхождения последних в единый племенной союз, причинность насыщенности региона предметами античного импорта, в количественном и качественном отношении по своим показателям приближающийся к Побужью и Среднему Поднепровью, наконец, возможность обитания здесь либо отдельной эллинской общности, либо двуязычных социумов типа эллиноскифов (вариант: скифов и живущих среди них эллинов) к настоящему времени продолжают оставаться предметом оживленной полемики, свидетельствуя о своей сложности, а следовательно и неразрешенности.⁵

Нельзя сказать, что причина такого состояния научных знаний заключается в отсутствии комплексных историко-археологических исследова-

ний перечисленных проблем. На наш взгляд, все дело состоит как раз в узости методологического и исследовательского диапазона последних, в невнимании специалистов к информационным возможностям этимологии, методике филологического и лингвистического анализа археологического и исторического контекста наличествующих источников, особенно в связи с интерпретацией тех свидетельств, которые присутствуют относительно гелонов и будинов в труде Геродота (IV, 21–22; 108–109). К этому следует добавить и трудности перевода, интерпретации и понимания тех вставок «отца истории», которые вроде бы содержат вполне достоверные об этих племенах данные, что нашло отражение в наличии множества несовпадающих друг с другом трактовок содержания их текста.

Все это актуализирует совершение попытки по переосмыслению накопленного опыта исследования «гелано-будинского логоса» древнегреческого историка, в том числе и с точки зрения очерченной в названии главы проблемы.

Вполне естественно, что для выполнения данной задачи прежде всего необходимо обратиться к тексту самого источника, предварительно отметив то, что о расселении будинов и отличительных признаках территории их обитания, и о них самих более или менее пространно Геродот упоминает дважды: 1) первый раз в связи с перечислением племен, живущих «за» царскими скифами и «по-за» рекой Танаис (она была важнейшим элементом его системы координат) на 15 дней пути выше савроматов; 2) в этнографическом комментарии по поводу экономики и образа их жизни. О гелонах историк упоминает хотя и несколько раз, но как-то неконкретно и неопределенно: даже в том месте, где он повествует о деревянном городе Гелон у будинов и, по всей видимости, подразумевает в качестве жителей последнего гелонов, все-таки не складывается четкого представления, что античный автор имеет в виду именно их, а не тех же будинов (IV, 108). Более того, все остальные его свидетельства о гелонах, хотя и весьма информативны, но являются спорадическими по своей сути эпизодами, сводясь (особенно в изложении обстоятельств вторжения войск Дария I) к фиксации либо одного их этнонима, либо идентичного последнему царскому имени Гелон, заимствованного, в свою очередь, по всей видимости, из эллинской версии мифа о происхождении агафирсов, гелонов и скифов. К этому следует добавить и то немаловажное обстоятельство, что определяя будинов как этнос (*ethnos*), Геродот ничего подобного не утверждает о гелонах, почему и складывается впечатление, что их-то он и считал жителями деревянного города под идентичным именем.

Для того, чтобы определиться в указанных трактовках античного историка, необходимо прежде всего подвергнуть переосмыслению содержание текстов о гелонах и будинах, так как только выверка аутентичности текста оригинала и его перевода, позволит устранить неясности, сопровождающие существующие к настоящему времени толкования

текста источника. Не менее важно, реконструировать сам метатекст его сообщения о будинах, гелонах и деревянном городе-полисе на территории обитания первых.

Но прежде, чем обратиться непосредственно к выполнению указанной задачи, необходимо указать, что очередное обращение к разработке названной проблемы обусловлено как накоплением новых данных в понимании творчества Геродота, так и расширением представлений о природе и познавательных возможностях исторических источников. Если раньше основное внимание было приковано к ним самим, то сегодня они рассматриваются лишь как носители информации о прошлом, т.е. как многоуровневая система информационных полей, для изучения которых требуются и новые подходы, и методика.

Осуществить намеченную задачу позволяют достижения языкознания и классической филологии, обративших внимание на закономерности, возникающие, как в отношениях между прототекстом и текстом, в том числе и в процессе перевода, так и в отношениях между собой нарративных уровней «события», «истории», «наррации» и «презентации наррации» в рамках творческого процесса нарративного конструирования текста его автором ((и переводчиком), находящих отображение в контексте любого письменного источника, вне зависимости от его характера, типа, рода и вида, но в особенности, при его переводе с одного языка на другой.

С точки зрения синергетики, рассматривающей свои объекты как сложные динамические системы, подчиняющиеся единым законам развития, данный ракурс, превращающий разнородные процессы и явления в единое целое, позволяет рассматривать перевод как интертекстуальный феномен, объединяющий общим языком процессы, протекающие в той сфере Универсума, где утверждается Разум.⁶ При определении спектра значений слова, последнее означает воплощение в тексте оригинала мира мыслей, отражающих в себе мир представлений индивида — автора письменного текста, реализующего через него представления, сложившиеся в общественном сознании. В результате, интертекст понимается как объективно существующая реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени.⁷ Более того, поскольку текст, рассмотренный в разные фазы своего существования в интертексте, показывает способность к саморегенерации, то из этого выводится наблюдение, согласно которому в нем происходит непрерывное означивание, имеющее своим следствием формирование на основе упорядочивания нового текста.⁸ С учетом того обстоятельства, что Человек, Текст и Время являются основными субстанциями интертекста, как его создание, так и перевод на иной язык понимается специалистами как результат отображения воплощенного в тексте (прототексте) темпомира, причем в разных зеркальных проекциях.⁹ Но, поскольку перевод,

в широком смысле, есть явление человеческого языка, то из этого следует, что в процессе перевода рождается новый текст на другом языке, интерпретация и понимание которого, с позиций энергетической теории, возможно только в плане двух диаметрально противоположных результатов: прочтения в переводимом своего как чужого или, напротив, обнаружение в чужом своих о нем представлений.¹⁰ Иными словами, с указанной точки зрения можно констатировать, что автор-переводчик не столько работает с оригиналом, сколько создает образ интерпретируемого (изучаемого) им Текста. Этим последним, собственно, и объясняется наличие несовпадающих трактовок оригинальных текстов произведений античных авторов у разных переводчиков.¹¹

С позиций разработанной филологами модели нарративного конструирования, рассматривающей взаимоотношения «фабулы» и «сюжета», процесс выполнения письменного произведения предусматривает прохождение трех уровней: 1) уровня события; 2) уровня истории; и 3) уровня наррации с последующим ее представлением. При этом, уровень «события» как совершенно аморфная совокупность ситуаций, персонажей и действий, содержащаяся в повествовательном произведении, поддается бесконечному пространственному расширению, бесконечному вечному продолжению в прошлое, а также такому же по своей характеристике расчленению внутри с бесконечной конкретизацией.¹² С данной точки зрения, источник источника (прототекст), понимаемый как фикциональный материал, служащий для осмысления и нарративной обработки, выступает не как «исходное сырье», преодолеваемое формой, но как уже эстетически релевантный результат художественного изобретения, которые в рамках приемов античной традиции (риторика) фигурировали под названиями *euzegis* / *invention*.¹³

Если обратиться к пониманию литературоведами понятия истории, то с их точки зрения она — это результат смыслопорождающего, носящего авторский характер, отбора ситуаций, лиц, действий и их свойств из неисчерпаемого множества элементов и качеств событий, результат диспозиции (*takzis* / *disposition*), представленной в естественном порядке, и в более или менее конкретизированном виде (*ordo naturalis*).¹⁴

Наконец, сама наррация представляется специалистам результатом композиции, организующей элементы событий (путем перестановки частей истории или, что более важно, линеаризации одновременных событий, фактов или происшествий) для создания, доступного эмпирическому изучению, нарративного текста, путем его вербализации, т. е. передачи наррации средствами языка (и мы бы добавили — письменности) в рамках античных критериев эмпирического изучения (*lekzis* / *elokutio*).¹⁵

Кроме того, порождающая модель нарративного конструирования текста учитывает, что повествование как отбор отдельных элементов

и их свойств, осуществляемый на основе смысловой линии автора-нарратора, в конечном результате, в рамках противопоставления событий и истории, имеет создание истории как связного рассказа, воплотившего в себе и операционально-аналитические результаты авторской обработки источниковой базы, с расчленением ситуации, и внешней контекстуализации отдельных элементов повествования за счет отбора (или неотбора) и добавления новых фактов, смещения временной точки зрения, отбора лексических единиц и синтаксических структур, представления собственных их толкований во временном, пространственном или логическом планах (например, *exegesis* (истолкование), т. е. сопровождающие изложение истории объяснения).¹⁶

С указанных позиций труд Геродота, структура и содержание текста т. н. Скифского логоса, не составляют исключений, что и представляет возможности для новых интерпретаций.

В изложении этногеографии и истории Скифии и соседних с нею племен о гелонах Геродот упоминает всего 5 раз, из них 2 раза в связи с совещанием, которое собрали цари тавров, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов и будинов (IV, 102; 118–120.) по поводу оказания помощи скифам в отражении вторжения полчищ Дария I; 1 раз в рассказе о расколе между последними и решении царей гелонов, будинов и савроматов стать союзниками скифов; 1 раз, когда историк свидетельствует о стратегии и тактике, равно как и об этническом составе Первой и Второй армий скифских царств (Иданфирса и Таксакис), в последней из которых присутствовали отряды гелонов и будинов; 1 раз — в освещении заключительной фазы скифо-персидской войны, когда будины и гелоны в составе объединенного войска со скифами царскими и скифами-кочевниками, приняли участие в преследовании отступающего противника к Истру (IV, 136.); наконец, 1 раз в характеристике хозяйства и образа жизни будинов и гелонов с акцентом на этничность первых и аморфной формой изложения относительно вторых, в частности, о том, является ли термин *Gelonos* этническим, личным или политонимическим. То же касается и определения жителей деревянного города в стране будинов Гелона, поскольку из сообщения историка остается неясным, что же они собой представляют: городскую общину (в тексте оригинала присутствует соответствующий греческий термин — *poleis*), государство или отдельный народ, экономическим и административно-политическим центром которого является одноименный город (IV, 108–109.). Иными словами, в тексте нашего основного источника гелоны ни разу (!) не названы «отцом истории» в качестве этноса, т. е. народа или племени, что и заставляет обратиться к анализу тех свидетельств, и главное, критериев определения этноса античным историком, которым он следовал в описаниях населения периферии античной ойкумены вообще, будинов и гелонов в частности.

Что будины — этнос, для Геродота было ясным с самого начала изложения событий скифской истории. Но что собой представляли гелоны как социальная общность, он не упоминает даже в пересказе эллинской версии этногенеза скифов, которая присутствует только у него, является уникальной, находящей подтверждение в более поздних по времени данных эпиграфики с точки зрения сюжета и присутствия в последнем скифов и агафирсов, но без всяких упоминаний центральной фигуры версии античного историка — Гелона (Агафирс — старший, Гелон — средний, Скиф — младший из сыновей греческого Геракла и змееногой Девы). Из его свидетельства понятно лишь то, что Гелон как и Скиф был сыном Геракла, и следовательно, как и тот должен рассматриваться в качестве основателя династии одноименного с ним народа. Оставляя в стороне имеющиеся к настоящему времени трактовки эллинской версии происхождения скифов, обратим внимание, что тенденциозность излагаемого «отцом истории» пассажа заключается в том, что передаваемая им версия каким-то образом могла восходить к устной традиции одного из древнейших и влиятельнейших аттических родов, а в V в. до н. э. (все скифские цари ведут происхождение от Скифа- сына Геракла) должна была отвечать интересам кого-то одного из его представителей.¹⁷

Если сопоставить информационные характеристики будинов и гелонов, то можно заметить определенное различие в формулировке критериев этноса историком.

В описании будинов для него важнейшими показателями служат:

1) территория (правда, дословно надел-lakzis с широколиственным лесом (IV, 22); 2) внешний облик (они светлоглазые и рыжеволосые); 3) образ жизни — кочевой (правда, номадизм их, как это следует из поздних комментариев текста, мог иметь весьма специфический характер); 4) среди промыслов будинов историк называет ловлю выдры и бобров, а также охоту на животного с четырехугольной мордой, название которого сохранилось благодаря Аристотелю — таранд; 5) будины — «вшееды» (в современных трактовках — «шишкоеды»; 6) в качестве другого отличительного признака называет Геродот и отличие языка будинов от языка гелонов (IV, 1208–109). 7) в то же время именно будины один раз в три года справляют, приходя в вакхическое исступление, празднества в честь Диониса; 8) в их стране находится деревянный город- полис Гелон, в котором все строения, статуи, алтари и храмы построены по эллинскому образцу; 9) жители этого города были не просто потомками этнических эллинов, изгнанных (кем, историк не называет) из понтийских эмпориев, а исконными эллинами. 10) Наконец, именно обитатели Гелона являются, с точки зрения разговорной речи, двуязычными, т. е. говорят они частью на скифском, а частично на эллинском языках.

Относительно гелонов «отец истории» не столь информативен. В его характеристике, гелоны, *во-первых*, занимаются земледелием, садоводством

и едят хлеб. *Во-вторых*, по внешнему виду и цвету кожи гелоны не похожи на будинов. *В-третьих*, античный историк уточняет, что эллины (не называет кто) неправомерно называют гелонами и будинов, после чего вносит дополнительные данные о естественно-географических особенностях территории последних, промыслах и женских лечебных средствах.

Сообщение Геродота не оставляет окончательной уверенности в том, что гелоны и Гелон в повествовании историка — предметы взаимосвязанные: во всяком случае, отнюдь не очевидно, что гелоны и есть жители эллинского города, в котором не они, а их соседи-будины почитают Диониса со всеми сопровождающими данный культ ритуалами и празднествами. Упоминаний о занятиях и характеристики внешнего облика гелонов, явно недостаточно даже для решения вопроса о соотношении эллино-будинов, как жителей деревянного города, определяемого «отцом истории» термином *poleis*, с теми гелонами, цари которых, объединившись с будинами, стали союзниками скифов в войне последних против войск Дария I. А поскольку других данных, за исключением свидетельства Аристотеля в передаче Элиана, согласно которому у будинов, живущих вокруг Кариסקа рождаются только черные овцы (Ael. Hist. anim. XVI, 33), в распоряжении науки до сих пор нет (исключение составляет упоминание Скилаком Кариандским гелонов вблизи кавказского побережья Понта Эвксинского за область Колика после меланхленов и перед колхами (Scyl. Cariand., 78–80) и свидетельство Плиния, уточняющего порядок расселения гелонов и будинов среди племен Восточной Европы (Plin., Nat. Hist., IV, 88...)) представляется необходимым новое обращение к переводу текста информации Геродота о будинах и гелонах, несмотря на то, что существующие к настоящему времени (в особенности перевод А. И. Доватура) признаются едва ли не идеальными.

Как показывает знакомство с оригиналом текста «Истории» Геродота по изданию Х. Калленберга, отечественные переводчики «Скифского логоса» допустили перестановку порядка слов в предложениях, почему-то не приняли во внимание, с одной стороны, того, что Геродот являлся прямым родственником эпического поэта, а с другой, (что первым заметил Э. Д. Фролов), — соответствия манеры и самой ритмики изложения историка канонам, выработанным до него выдающимися представителями ионийской прозы. К этому следует добавить и не всегда соответствующее источнику переосмысление приводимых «отцом истории» названий, событий, понятий и отдельных фактов, понимаемых не в контексте изложения, а с учетом достижений в области интерпретации текста, достигнутых к настоящему времени представителями смежных наук.

Дословное содержание главы 108 труда Геродота таково: «Βουδῖνοι δέ, ἔθνος ἑὸν μέγα καὶ πολλόν, γλαυκόν τε πᾶν ἰσχυρῶς ἐστὶ καὶ πυρρόν πόλις δὲ ἐν αὐτοῖσι πεπόλισται ξυλίνη, οὖνομα δὲ τῇ πόλι ἐστὶ Γελονός

τοῦ δὲ τείχεος μέγαθος κῶλον ἕκαστον τριήκοντα σταδίων ἐστί, ὑψηλὸν δὲ καὶ πᾶν ξύλινον, καὶ οἰκίαι αὐτῶν ξύλιναι καὶ τὰ ἱερά ἐστί γὰρ δὴ αὐτοῖσι Ἑλληνικῶν θεῶν ἱερά Ἑλληνικῶς κατεσκευασμένα ἀγάλμασί τε καὶ βωμοῖσι καὶ νηοῖσι ξυλίνοισι, καὶ τῷ Διονύσῳ τριητερίδας ἀνάγουσι καὶ βακχεύουσι εἰσὶ γὰρ οἱ Γελωνοὶ τὸ ἀρχαῖον Ἑλλήνες, ἐκ τῶν δὲ ἐμπορίων ἐξαναστάντες οἴκησαν ἐν τοῖσι Βουδῖνοισι καὶ γλῶσση τὰ μὲν Σκυτικῇ, τὰ δὲ Ἑλληνικῇ χρέωνται. Будины — большое и многочисленное племя, все голубоглазые и рыжволосые. В их земле есть деревянный город, по имени Гелон; городская стена с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся построена из дерева; дома из и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов, по-эллини, снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами, и в честь Диониса они через каждые два года совершают празднества с оргиями. Дело в том, что гелоны — по происхождению эллины, выселившиеся из торговых городов и поселившиеся в земле будинов; говорят они то по-скифски, то по-эллини. (Перевод В. В. Латышева — И. И. Переверзева).

Как можно заметить, помимо других отличий от имеющихся трактовок текста нашего источника, в нем удалось обнаружить иную характеристику двуязычия жителей Гелона, исконных эллинов и одновременно составить представление о том, что город населяли будины, предававшиеся каждые раз в три года вакхическим торжествам, на фоне радужных эллинских жилищ и деревянных храмов. Немаловажным наблюдением, выводимым из предложенного перевода, является убежденность в том, что гелоны — эллины и что «отец истории» ведет о них речь в прошедшем времени, тогда как предшествующее предложение выполнено во времени настоящем. Наконец, обращает на себя внимание, имеющееся в тексте, контрастное противопоставление историком радужных эллинских жилищ и деревянных храмов в Гелоне, равно как и дистанцирование, с одной стороны, языка будинов (об этом Геродот говорит ниже) и гелонов, а с другой — фиксация двуязычности самих жителей города, определяемой не этническими различиями, а существованием особого религиозного (жреческого) языка и языка, так сказать, «межнационального общения». Таким образом, новое качество вскрытой в тексте информации налицо. Но, прежде чем приступить к ее осмыслению, необходимо дословно понять содержание следующей, 109 главы IV книги, в которой наш автор приводит дополнительные сведения как о будинах, так и о гелонах.

Геродот свидетельствует: Βουδῖνοι δὲ οὐ τῇ αὐτῇ γλῶσση χρέωνται καὶ Γελωνοί, οὐδὲ δίαίτα ἢ αὐτῇ οἱ μὲν γὰ Βουδῖνοι ἐόντες αὐτοχθόνες νομάδες τέ εἰσι καὶ φθειροτραγέουσι μοῦνοι τῶν ταύτῃ, Γελωνοί δὲ γῆς τε ἐργάται καὶ σιτοφάγοι καὶ κήπους ἐκτημένοι, οὐδὲ τὴν ἰδέην ὅμοιοι οὐδὲ το ἡρῶμα. ὑπὸ μέντοι Ἑλλήνων καλέονται καὶ οἱ Βουδῖνοι Γελωνοί, οὐκ ὀρθὸς καλιόμενοι. (Будины говорят не на одном языке

с гелонами, и образ жизни их не одинаков: будины, исконные обитатели страны, ведут кочевой образ жизни и одни из местных племен питаются сосновыми шишками, а гелоны, напротив, занимаются земледелием, питаются хлебом, имеют сады и нисколько не похожи на будинов по сложению, ни цветом кожи. У эллинов, правда, и будины называются гелонами, но это неправильно. (Перевод В. В. Латышева — И. И. Перверзева).

Из информации, отложившейся в тексте видно, что в нем речь идет также о двуязычии будинов: обыденный язык у них, по-видимому, также скифский, но вот язык предсказаний (т. е. культовый) другой, более того отличный от такового же у гелонов. Далее мы находим характеристику будинов как автохтонов-номадов (о типе номадизма которых никаких уточнений в тексте нет), т. е., по-видимому Геродот подразумевает подвижный образ жизни, на что указывает и термин «пустыня», употребленный им ранее в IV, 22 (вся пастбищная земля их — в густых разнообразных (или: широколиственных; или: смешанных) лесах). Ему историк противопоставляет, как следует думать, оседлость гелонов — «поедателей хлеба и садовых плодов» (σιτοφάγοι καὶ κέλους ἐκτεμεύοι), и в дополнение указывает на различие нравов или цветового восприятия как первых, так и вторых. В заключение рассказа о будинах и гелонах, как следует из текста, «отец истории» характеризует естественно-географические достопримечательности ландшафта занимаемой будинами (а возможно, и гелонами) территории, включив и то, что, несомненно, вызывало интерес у его слушателей — экзотический рецепт излечения женской болезни, используемый на далекой периферии скифского мира.

В тексте указанных глав присутствуют и неясные, требующие объяснения, места. Первое из них связано с выяснением того, что же на самом деле означает фраза историка «исконные эллины» и почему она получила «прописку» в характеристике жителей деревянного города-полиса Гелона. Второе касается трактовки, фиксированных Геродотом фактов двуязычия гелонов и будинов. Наконец, требует ответа и вопрос, сформулированный нами в самом начале: кто такие гелоны: этнос, социум или фикция античного историка?

Начнем с того, что помимо характеристики эллинов Гелона, выражение το αἰθαῖον в рассказе Геродота о Скифии употребляется античным автором, по меньшей мере, дважды.

В первый раз типологически родственную характеристику античный историк прилагает к определению ее древнейшего очага, расположенного в непосредственной близости от западнопонтийского города Истрии, называя расположенную там территорию (ἡοῖα) и население определителем γε αἰθαῖε Skythie (IV, 99), т. е. «древнейшей, исконной» Скифией. Вызывавшее ранее недоумение скифологов, в первую очередь, в плане своей топопривязки и нарушавшее сложившиеся представления о восточном происхождении носителей скифской культуры, как свидетельствуют новейшие исследова-

ния, это свидетельство «отца истории» оказалось вполне достоверным, поскольку именно в Добрудже обнаружены раннескифские памятники, датирующиеся временем первой половины VIII в. до н. э. — серединой V в. до н. э., определяемые специалистами как материальные остатки «основного домена» будущего скифского царства Ариапифа, Скила и Октамасада и их предшественников.¹⁸

Второй раз, практически идентичное выражение употреблено Геродотом в описании священного меча скифов, используемого ими при совершении культа Ареса (IV, 62). «...На каждом таком холме (историк имеет в виду сложенные искусственные сооружения, для поддержания которых ежегодно использовалось до 150 повозок хвороста — Н.П.), — свидетельствует наш автор, — водружен древний железный меч (ἀκινάκης σιδήρεος ἀρχαῖος). В критическом издании текста «Истории греко-персидских войн» К. Абхит комментирует его в плане того, что античный историк имел в виду меч «древнейшего происхождения и древнейшей формы».¹⁹ Вместе с тем, неоднократно высказывалось мнение, согласно которому лексическое содержание archaios отнюдь не исчерпывается переводом «древний». Среди его значений, в первую очередь, обращалось внимание на необходимость понимания последнего как «извечный». «первозданный», «издревле установленный», наконец, «исконный».²⁰

Сопоставление значений и смысла, вкладываемого историком в его характеристики этноса, страны и меча с употреблением прилагательного ἀρχαῖος, позволяет, имея в виду значение слова ἀρχε (начало, основание), интерпретировать смысл, который историк в них вкладывал: глубокая древность, чрезвычайно архаическое начало, первоначальность, изначальность и т. п. Показательно, что он не прибегает к употреблению, казалось бы, более точного и адекватного слова — παλαιός переводимого словарями как «древний, древнейший».²¹ А это, как представляется, может рассматриваться, как подтверждение правоты тех исследователей, которые исконность эллинов, проживающих в глубине Скифии рассматривали в контексте этногенеза древних греков вообще.²²

В подтверждение предлагаемого смысла и значения archaios можно сослаться на высказывание Солона относительно самих афинян, согласно которому «Афины — то ἀρχαῖον земля Ионии» (Solon., Fr. 4a West). При этом обращает на себя внимание мысль, заложенная в него афинским законодателем: такое утверждение, как считают историки этого периода истории античного полиса, предполагало исконную связь между Афинами и ионийскими городами, причем как между метрополией и колониями! Сам смысл такого заявления, нарушая историческую действительность, носил политический характер.

Фиксация древнегреческими авторами двуязычия древнейшего населения в различных районах известной им ойкумены — факт широко распространенный в античной традиции, на фоне которой свидетельство

Геродота о двуязычии будинов и гелонов, стоит несколько особняком. Дело в том, что они, в частности Фукидид, в характеристике двуязычия населения общин на полуострове Атос, указавший на двуязычие смешанных племен варваров в этом регионе, говоривших по-варварски и по-гречески (αἱ οἰκοῦνται ξυμμίκτοις ἔθνεσι βαρβάρων διγλώσσων, буквально: «племенами двуязычных варваров» (IV, 109), имели в виду разноязычие сселившихся друг с другом этносов, тогда как у Геродота дается определение именно такого двуязычия населения, разговаривавшего на одном (в данном случае, скифском) языке, но располагавшего в своем распоряжении еще и особым, культовым языком, на котором совершались соответствующие обряды и прорицания (предсказания), т. е. «отец истории» недвусмысленно сообщает о функциональном двуязычии, которое, как считают лингвисты, всегда противопоставлено двуязычию этническому. Больше того, в ситуации этнического двуязычия, использование в одном социуме двух языков связано, как правило, с соседством и контактом двух этносов, говорящих на этих языках, тогда как функциональное двуязычие проистекает из ситуации, когда два языка используются одним народом: причем, первый из этих языков есть этнический язык данного этноса, а второй — «ничей», надэтнический, использующийся или в специальной функции, или в особых ситуациях общения.²³ Примечательно, что возникновение такой ситуации чаще всего вызвано переселениями и миграцией населения в новые места обитания, которые не могли быть заполнены этносом — пришельцем сразу, и который в силу своей малочисленности просто не имел возможности в короткий срок ассимилировать все иноплеменное население. Не секрет, что сама будущая Эллада с прилегающими к материку островами долгое время являла картину этно-лингвистической чересполосицы.²⁴

Существенным в данном случае выступает то, что язык не может рассматриваться в качестве этнического признака гелонов. Но если это так, то, может быть в указанном отношении раскроет свои познавательные возможности этимология названия «гелоны»? К сожалению, как убеждают соответствующие словари корневые основы слов «эллины» и «гелоны» различны — El/Gel. И хотя остается надежда на то, что исследование гидронимов типа Елань в бассейне Среднего Дона в конце концов выведет на след «исконных эллинов» именно в этом районе, к сожалению, современное состояние представлений по этому вопросу препятствует решению заключенной в нем проблемы в окончательной и категорической форме.

Что касается гелонов как «исконных эллинов», то в данном случае, по всей видимости, опираясь на опыт О. Н. Трубачева в отношении изучения лингвистических остатков носителей индо-арийской культурной общности в Северном Причерноморье, представляется возможным предположить, что и упоминаемые античным историком гелоны могли представлять собой ту часть грекоязычных племен, какая по неизвестным причинам «задержана-

лась» в Восточной Европе, развивалась в окружении и контактах с соседними племенами эпохи бронзы, а в I тыс. до н. э., с приходом скифов, смешалась с большим и мощным лесостепным племенем будинов-номадов, что и нашло отражение в дихотомии этнической территории последних и деревянного города в их земле Гелона, в смешанном характере его жителей, в двух культурах и двуязычии будинов и гелонов.

Возникает закономерный вопрос: а можно ли рассматривать гелонов как этнос? Но даже в такой формулировке поставленная задача требует своего разрешения, как минимум, в двух аспектах: 1) относились ли гелоны к этносу «исконных» эллинов? 2) Представляли ли они собой отдельный этнос в геродотовом описании географии скифской периферии и повествовании о событиях политической истории Скифии времени скифо-персидской войны 512 г. до н. э.?

Если обратиться к рассмотрению первого из них, то состояние современных знаний о населении лесостепного Подонья (равно как и о племенах той же зоны к востоку от Борисфена) скифского времени не позволяет сформулировать на него утвердительный ответ. В самом деле, никаких данных (за исключением отдельных гидронимов и предметов античного импорта в курганах IV в. до н. э.) о каком-либо присутствии эллинства в данном регионе нет.²⁵ Последнее следует рассматривать также в двух измерениях: либо как отражение далеко зашедшего к этому времени (в том числе и ко времени Геродота) процесса ассимиляции носителей эллинской культуры, их «оскифления» и варваризации; либо трактовать (что, собственно, и делается, в особенности специалистами по истории Греко-варварских контактов), как отображение существовавшего во времена Геродота (и у него самого) представления о наличии вверх по Танаису торгового пункта, где (солидаризируясь с мнением А. С. Русяевой и опираясь на наблюдения исследовательницы относительно «греческих следов на поселениях украинской лесостепи»), возможно, обосновались и располагали местом жительства греческие купцы или их торговые агенты.²⁶ С другой стороны, не исключена возможность и того, что речь у нашего информатора действительно идет о тех праэллинах, которые имели отношение к последним носителям греко — арийской этнолингвистической общности, разделившейся где-то в XIX–XVIII вв. до н. э. (по новейшим представлениям, на рубеже III–II тыс. до н. э.) на две, разошедшиеся в диаметрально противоположные стороны, — на Балканы и в Северо-Западную Индию — ветви: греко-армяно-фракийскую (лувийскую, фригийскую) и индо-иранскую, в свою очередь, довольно скоро распавшуюся на индо-арийскую и иранскую.²⁷ Такое представление неизбежно возникает потому, что сами скифы, как засвидетельствовано «отцом истории» (как бы скептически не относиться к его цифровым выкладкам)²⁸, выносили свою «древнюю историю» на 1000 лет вглубь веков то ли от V в. до н. э., то ли от VIII в. до н. э. Ну, а пока остается только надеяться на то, что

в будущем археология и лингвистика преподнесут когда-нибудь соответствующий «сюрприз» на предмет «исконности» эллинов деревянного города в стране будинов Гелона.

Второй аспект — относительно этничности гелонов (были ли они, как говорится, этническими гелонами или представляли собой особую культурную общность — маленькую, независимую, иноязычную и инокультурную общину) в своем решении, на первый взгляд, не представляет особой трудности. Действительно, как уже отмечалось выше, Геродот ни разу не наделяет гелонов определением этнос, в результате чего также складывается неясность относительно того, кого же они, собственно, собой олицетворяли — социум, использующий в своей практике два языка: обыденный (его представители говорили по-скифски) и культовый (священный, применявшийся исключительно в культовой практике), или только его «политических», по Аристотелю, существ, организовавшихся в ходе смешения с будинами в особое аристократическое сословие, представители которого осознавали свою принадлежность к «исконному» этносу эллинов и потому, имея своих собственных царей, корпоративно были отделены от своих соседей. В справедливости такого восприятия гелонов, как нам представляется, убеждает рассказ Геродота о совещании царей агафирсов, тавров, невров, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов по поводу заключения военного союза со скифами против агрессии полчищ Дария I. В нем обращает на себя внимание употребленный историком прием персонификации основных действующих лиц, нашедший свое выражение в том, что в тексте оригинала приводятся их названия, выраженные через имя нарицательное: например, вместо ожидаемого «...будины и гелоны...», Геродот записал «...Будин и Гелон...» (IV, 102, 119–120).²⁹ Думается, что такой поворот наррации текста «Скифского логоса» носил не случайный характер, ведь речь идет о политическом событии, и следовательно, античный автор обратился к персонификации не этносов, а по всей видимости, соседних со скифами политических образований, каждое из которых имело свой собственный политоним. Если наши рассуждения верны, то и название «гелоны» с учетом всего вышесказанного претендует на статус политонима.³⁰

Казалось бы, такая постановка вопроса находит подтверждение в данных археологии. Исследования памятников лесостепного Подонья, проводившиеся в последние десятилетия А. П. Медведевым, имели своим результатом выявление «двух культур» в культуре скифоидного населения данного региона — «культуры городищ» и «культуры курганов», очень между собой близких, но различающихся отображенным в них ХКТ (оседлые земледельцы и животноводы — скотоводы-кочевники) и степенью их развитости.³¹ Первые имели культуру более примитивную по сравнению с «курганной» культурой, различаются они и по степени присутствия предметов античного импорта.³² Однако, вскрытая картина не вполне совпадает с той, которую обрисовал «отец истории»: у него культура жителей города Гелона — ге-

лонов противопоставлена будинской как цивилизация варварству. И хотя историк отмечает определенную степень «оскифления» гелонов, тем не менее, для него было очевидным, что ситофаги — гелоны весьма существенно отличаются от «поедателей вшей» будинов-кочевников.

Но если нигде нельзя обнаружить доказательства исконности эллинов на скифской периферии, то вполне естественно, возникает вопрос: а в чем сокрыта причина такого расхождения данных археологии и письменного источника? Не имеет ли отношение факт размещения эллинов на расстоянии 15-дневного пути вверх по Танаису к политической задаче, которую выполнял Скифский логос в плане обоснования претензий Афин на контроль над известным торговым путем ионийцев на Восток? Если принять во внимание близость античного историка кружку Перикла и политике последнего по созданию Морской империи, а также то, что уже в 444 г. до н.э. он уже, читал свою историю слушателям, обосновывая целесообразность переноса ее столицы в Фурии, может стать не лишенным оснований предположение об изобретенном «отцом истории» факте присутствия в наиболее удаленном районе античной ойкумены, требующих защиты, родственников афинянам гелонов как потомков «исконных эллинов».

Не вдаваясь в детальное рассмотрение проблемы (ее разработка требует специального исследования), попробуем перечислить те возможности, которые до настоящего времени в специальной литературе востребованы не были. Мы имеем в виду то, что как-то не принимались ранее в расчет ни политические симпатии Геродота, ни геополитические интересы Афин на Понте Эвксинском, и шире — в отношении знаменитого «ольвийского» торгового пути, ни афино-скифские отношения, ни характер связей Афин с Северным Причерноморьем вообще, Боспорской симмахией в частности.³⁴ Между тем, на наш взгляд, именно в афино-персидском противоборстве после Каллиева мира (449 г. до н.э.), равно как и в специфической конструкции самого нарратива античного историка, посвященного Скифии и ее соседям (соединение изображаемых и подразумеваемых событий + художественная обработка истории как драматического повествования + смыслопорождающий, авторский отбор ситуаций и авторская композиция излагаемых фактов + изложение очередного события или факта, ему предшествующего, в том же самом временном отрезке), как раз и скрыты объяснения если не всех, то отдельных несоответствий в повествовании «отца истории» о Скифии. Не следует забывать, что в науке давно сложилась (получившая в конце 90-х гг. XX века особую устойчивость) точка зрения о присутствии Геродота в качестве участника, известной благодаря Плутарху (XX, 25), знаменитой экспедиции Перикла в Понт Эвксинский. С учетом данного обстоятельства, не лишено оснований и предположение о том, что введение в историю скифо-персидского конфликта «исконных эллинов» и их прямых потомков, проживающих в глубине скифского

хинтерланда во вполне цивилизованном, хотя и деревянном городе, могло отражать идеологическую задачу, выполненную «отцом истории» в плане обоснования афинской талассократии на Понте Эвксинском. Но это, как говорится, близкая, но совсем другая история.

Примечания

¹ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982; Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982; Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и их историческая информативность. НАА. № 6. М., 1979. С. 68–74; Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота // *Летописи и хроники*. М., 1981. С. 16; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979; Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985; Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977; Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998; Щеглов Д. А. Три источника скифской географии Геродота // *Боспорский сборник: погребальные памятники и святилища*. Ч. 2. СПб., 2002. С. 258–268;

Kothe H. Der Skythenbegriff bei Herodot / *Klio*. № 51. 1969. S. 23–42; Barth R. Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot / *Klio*. № 3 (50). 1968. S. 95–110; Waters K. H. Herodotus the Historian. His problems, Methods and Originality. London, 1985; Romm J. Herodotus. New-Haven, 1998; Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hildesheim-Zurich-New-York, 2000.

² Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993–2000 гг. М., 2001; Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант) / А. В. Бандуровский, Ю. В. Буйнов. Киев, 2000; Березуцкий В. Д. Курганы скифского времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1995; Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции*. М., 2001. С. 21–25; Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья (археология и этно-культурная история). Воронеж, 1999;

³ Скорый С. А. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V–IV вв. до н. э. // *Киммерийцы и скифы*. Мелитополь, 1992; Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

⁴ Пьянков И. В. Путь к аргиппеям // *Вестник Новгородского гос. Ун-та. Серия «Гуманитарные науки»*. № 9. Новгород, 1998. С. 48–55; Медведев А. П. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий // *Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии*. Воронеж, 2004. С. 84; Он же. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // *Там же*. С. 64–71.

⁵ Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 117–119; Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П. Д. Либеров / М., 1965 (САИ. Д1-31); Он же. Проблема Будинов и гелонов в свете новых археологических данных // *МИА*. № 151. С. 5–26; Моруженко А. А. Историко-культурная общность

лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. № 1. М., 1989. С. 41–47; Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001; Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

⁶ Князева Е. Н. Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познание. М., 2000. С. 69.

⁷ Кузьмина Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура. Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4–7 апреля 2001 года). М., 2001. С. 9.

⁸ Там же. С. 10, 20–21.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968. С. 118–122.

¹¹ Шмид В. Нарративные уровни «события», «история», «наррация» и «презентация наррации» // Общие вопросы строения художественного текста. Спб., 2002. С. 25.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 34–39; См. также: Женетт Ж. Повествовательный дискурс. Фигуры. Кн. 2. М., 1998. С. 48–51.

¹⁷ Владимирская О. Ю. Алкмеониды и Филаиды афинские. Спб., 2003. С. 96 (<http://www.ancienthistory.ru> О. Ю. Владимирская. Алкмеониды и Филаиды афинские. Глава 4. [htm](http://www.ancienthistory.ru)).

¹⁸ Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. С. 194; Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 29; Раевский Д. С. Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. № 4. М., 1995. С. 87–96; Романчук А. А. Три кита раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии // Stratum Plus. № 3. Спб., 1999. С. 78; Москалу Е. Некоторые аспекты скифской проблемы в Северной и Южной Фракии в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. до н. э.). Материалы конференции. 2. Тирасполь, 1991. С. 161–163.

¹⁹ Дарчиев А. В. Рождение громовержца. К интерпретации сообщения Прииска о священном мече скифов / <http://www.Oset.dartciev/html>. С. 4.

²⁰ Там же. С. 5–6. См. также: Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция, М., 2004. С. 79; Филиппов А. М. О некоторых концепциях равновесия в межгосударственных отношениях греческих полисов // Вісник Харківського національного університету. № 633. Історія. Вип. 36. С. 231–239.

²¹ Например, Вейсман А. А. Греческо-русский словарь. Спб., 1899. s. v.

²² Antony D. The archaeology of Indo-European origin // Journ. Of Indo-Europ. Stud. 1991. Vol. 19. P. 193–222; Cavalli-Sforza L. L., Menozzi P., Piazza A. The history and Geography of Human Genes. Princeton, 1994. P. 84–95; Веллас Г. Я., Писаревский Н. П. Скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 2001. С. 4–10.

²³ Мечковская Н. Б. Язык и религия. Киев, 2003. С. 106, прим.

²⁴ Там же.

²⁵ Медведев А. П. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки Научные труды исторического факультета. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 96–101.

²⁶ Блаватская Т. В. Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях. СА. 1986. № 4. С. 25–28; Гиндин Л. А. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 37–42; Русяева А. С. Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время // ВДИ. 1999. № 4. С. 90–92.

²⁷ Antony D. W. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 B. C. // The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia. Washington, 1998. P. 63–93; Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронографии // ВДИ. 2002. № 2. С. 20–33.

²⁸ Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 102–112.

²⁹ Кузнецова Т. М. Краткая история скифов // Геродот «История» (фрагменты) / Перевод И. А. Шишовой с участием Е. Б. Новикова. М., 2003. С. 17 ([www.Scythian /Cuznetzova/html](http://www.Scythian/Cuznetzova/html)); Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003. С. 40–43.

³⁰ Тем не менее в специальной литературе продолжает оставаться устойчивой трактовка гелонов как особого этноса. Более того, по мнению одного из исследователей, гелоны — не только этнос культурно и этнически связанный с «ранними» или «старыми» скифами, отделившийся от них, но и изначально родственный последним. См.: Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скимфы и Древний Восток. М., 1992. С. 222–223; Скорый С. А. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V–IV вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 89; Медведев А. П. Исследования. С. 37, 70. В доказательство этничности гелонов ссылаются и на данные «Аргонавтики» Валерия Флакка (вт. половина I в. н. э.) о любителях разрисовывать части своего тела (Flacc Val. Argonaut., VI, 33, 79, 135–140) и свидетельство писателя V в. н. э. Элиана о разрисованных железом гелонах (Claud., De lande Stilihoris, II, 247). Действительно, сообщения указанных авторов, казалось бы, подтверждают мнения современных ученых, если бы не одно весьма существенное обстоятельство: Валерий Флакк был подражателем Аполлония Родосского (т. е. ученой эллинистической поэзии) и Вергилия, а Клавдиан — слишком поздний автор, «обративший» в гелонов современных ему аланов. К этому следует добавить, что образ гелонов, по всей видимости, основывался у обоих авторов на этимологии близкородственного слова *he-lo-po-s*, одним из значений которого являлось «татуировка». См. Vanicek A. Griechisch-Lateinisches Etymologisches Worterbuch. Bd. 1. Leipzig, 1877. S. 257–258.

³¹ Там же. С. 19–52.

³² Там же. С. 32.

³³ Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hindelsheim-Zurich-New-York, 2000. P. 122–123.

Глава II

ОБИТАТЕЛИ ГЕЛОНА: «ПРАЗДНЕСТВО В ЧЕСТЬ ДИОНИСА»

В описании Скифии, рассказывая о совещании скифских царей с царями соседних с ними племен относительно заключения союза против вторгшихся в их страну войск Дария I, Геродот, перечислив участников (тавры, агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены, гелоны, будины и савроматы) и разрывая нить своего повествования о политической истории региона этого времени, вставляет в него этнографический экскурс. В нем он представил характеристику образа жизни, живущих за меланхленами и выше савроматов, будинов, и назвал главной достопримечательностью области их проживания деревянный город Гелон с эллинскими святилищами и храмами, в котором **будины «каждые три года справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление»** (IV, 108). После этого, в следующей точке книги, античный историк ввел две уточняющие поправки, в первой из которых он дал определение жителей города как «исконных эллинов» (τὸ ἀρχαῖον Ἑλληνες), а во второй — специально подчеркнул, что «эллины и будинов зовут гелонами, но неправильно» (IV, 109). Среди череды других, самым интересным в свидетельствах «отца истории» о будинском деревянном городе Гелоне, жителями которого были «исконные эллины», переселившиеся из «гаваней» (ἐκ τῶν δὲ ἐμπορίων) и нашедшие приют у будинов (ἐξαναστάντες οἴκησαν ἐν τοῖσι Βουδίνοισι (IV, 108), является указание на регулярно совершаемые там будинами, называемыми неправильно гелонами, очевидно, на территории города, празднества в честь Диониса (καὶ τῷ Διονύῳ τριετηρίδας ἀνάγουσι καὶ βαχεύουσι (Там же).

В отсутствие каких-либо археологических соответствий храмовой архитектуре по эллинскому образцу на поселениях степного и лесостепного междуречья Днепра и Дона скифского времени, равно как и в масштабах указанных речных гидросистем (исключение составляют керамическая тара, оружие, воинские доспехи и знаменитый серебряный сосуд из Частых курганов с изображением эллинской версии скифской этногонической легенды), с учетом позднего распространения культуры винограда в указанном географическом пространстве, во всяком случае ее невыеявленности в культурном слое городищ эпохи бронзы и раннего железного века, и напротив, располагая надежными фактами относительно дихотомии ХКТ носителей археологической культуры скифского времени на территории Среднего Дона, свидетельство афинского историка приобретает особое значение, поскольку в нем, как понятно из

вышеизложенного, по всей видимости, присутствует упоминание о каком-то ином (или сходном) по содержанию обряде и ритуале почитания Диониса, восходящего, как следует думать, к несколько отличной (или, напротив, предшествовавшей) мифологической традиции, чем та, которая лежала в основе культа этого бога в греческих полисах Средиземноморья в эпоху их расцвета. Точнее говоря, к древнейшим ее пластам, которые зафиксировали не только одну земледельческую сущность этого древнейшего, вошедшего одним из самых последних в олимпийский пантеон греков, бога.¹

Поскольку, как только что было отмечено, каких-либо памятников материальной культуры, засвидетельствовавших бы наличие культа Диониса у населения указанного региона во II—I тыс. до н. э., до настоящего времени не выявлено, особое значение приобретают о нем свидетельства самого «отца истории», в числе которых четверем из них следует придать особое внимание (имя бога, вакхические исступления его почитателей, периодичность празднества 1 раз в 3 года, совершение ритуала **представителями племени будинов в исконном эллинском городе Гелоне**), поскольку все они, представляя собой своеобразные индикаторы, по нашему мнению, и дают возможность дешифровать сущность, равно как и истоки культа данного бога у варварского населения далекой периферии античной ойкумены в годы жизни Геродота. На то, что данное наблюдение, выводимое из текста сообщения «отца истории» о городе Гелоне в стране будинов, не является беспочвенным и потому нуждается в специальном рассмотрении, указывают не только факты, связанные с историей данного культа, но и сохранившиеся в античной традиции своеобразные «этнографические» параллели. В частности, среди них наше внимание обратили сообщения античных авторов о специфических обрядах и ритуалах, сопровождавших почитание Диониса, как в самом греческом мире, так и за его пределами, в частности, Страбона и Павсания о культе и ритуале почитания Диониса у самнитских женщин и в греческом полисе Кинете, которые в сопоставлении со свидетельствами других античных авторов, как нам представляется, позволяют реконструировать содержание упоминаемого Геродотом дионисийского празднества у населения Гелона.

О ритуале самнитских женщин сообщается в IV книге «Географии» Страбона. В описании Цизальпинской Кельтики он указывает: «В океане, говорит Посидоний, лежит остров, находящийся не особенно далеко в открытом море, прямо перед устьем реки Лигера, на острове живут самнитские женщины, одержимые Дионисом (Διονύσῳ κατεχόμεναι); они умилоствуют этого бога мистическими обрядами, так же как и другими священнодействиями; и ни один мужчина не вступает на остров, хотя сами женщины отплывают с него для общения с мужчинами и затем возвращаются обратно. Существует обычай, продолжает Посидоний, раз в год снимать крышу святилища и затем крыть ее снова в тот же день

перед заходом солнца, причем каждая женщина приносит свой груз соломы для крыши; но женщину, у которой груз выпадет из рук, **остальные разрывают на куски; они носят куски жертвы вокруг святилища с криками «эу-а» и не прекращают хождения, пока не утихнет их неистовство**; обыкновенно кто-нибудь поражает (на смерть) обреченную женщину» (Strab., IV, 4, 6).²

Другое свидетельство об обряде почитания Диониса присутствует в «Описании Эллады» Павсания — труде, благодаря которому сохранилась возможность познакомиться не только с важнейшими памятниками и событиями истории Древней Греции, но, в первую очередь, и с обычаями населения отдаленных от крупных городов местностей. Обратившись к описанию обычаев граждан Кинета, он счел возможным остановить внимание на следующем: «В зимнее время в Дионисову память справляется празднество: мужи, жирно вымазанные елеем, из стада быков одного, на которого бог наведет их мысль, подхватив, несут к храму для принесения в жертву» (Paus., II, 19, 3–6).

Аналогичные празднества и обряды имели распространение и в других областях античной Греции, причем, как в свое время убедительно показал еще Вяч. Иванов, во всех них отложились незримые черты доисторической подосновы позднейшего культа, вне зависимости от того, в какой ипостаси — растительной, животной или морской — выступал его центральный божественный персонаж.³ То же самое можно сказать и относительно основных почитателей и жречества оргиастического культа: к настоящему времени надежно установлено, как развитие мужского и женского начал в сакральной сущности Диониса от его предшественников — безымянных *пυμῖνα* до морского и растительного Диониса-Быка-Дифирамба, так и основные тенденции и судьбы преобразования его образа в представлениях эллинов и варваров в древнейшие времена. У одних он низводился до уровня Героя (Ойней, Икарий, Аристей и т. п.), у других, — соответственно, — возвышался на уровень отождествления с самим Зевсом.⁴

Однако самые впечатляющие результаты, достигнутые в науке к настоящему времени, заключаются в установлении пастушеско-земледельческой природы культа Диониса, для которого, вне зависимости от мест почитания, как свидетельствуют его эпитеты (*bukerds*-«рогатый», *taurokerds theos* — «быкорогий», *taurometopos* — «каменнорогий», *taurokefalos* — «быкоголовый», *chrysokeros* — «златорогий» и т. п.), образ и атрибуты бога-быка представляли собой общие и постоянные черты дионисийской символики.⁵ Имеются и прямые указания о том, что во Фракии, считавшейся древними греками родиной культа, Дионису поклонялись как белому быку.⁶ Все это заставляет, с одной стороны, хотя бы конспективно, проследить эволюцию образа и практики культопочитания Диониса в различных областях Греции, а с другой, с учетом полученных результатов, попытаться представить

сущность, характер, смысл и содержание ритуала поклонения Дионису местным населением столь удаленной от Балканской Греции территории заскифских земель.

При нынешнем состоянии источников ответ на эти вопросы можно обнаружить как в древнейших эпитетах, сопутствовавших Дионису (к уже названным добавим *bougenes* — «рожденный коровой») и олицетворявших его иконографию, так и в упоминаниях античных авторов о самой ранней практике почитания, отразившейся в представлениях о нем как о боге — быке, сыне Ио и о Дифирамбе-быкоубийце, как например в Аргосе. Такая работа в указанном направлении, к счастью, в историографии была (хотя и частично) проделана, результатом чего стала констатация факта о более глубокой древности чисто буколического культа в сравнении с культом орфическим. «Прежде чем буколы научились от орфиков называть своего бога Загреем, — писал, например, Вяч. Иванов, — они были просто быкоубийцами и «таврофагами»; назначение их оргиастических общин состояло в принесении таинственной энтузиастической жертвы, объектом коей был бог-бык, а мистическим субъектом бог-топор, причем оба бога сливались в одно божество, чье изображение мы видим в кносской голове быка с двойной секирой, вырастающей из черепа и опирающейся лезвиями на рога».⁷

Иными словами, древнейшая ипостась безымянного еще бога, которая только по прошествии значительного времени была причудливо переплетена в греческой мифологии с Загреем — Дионисом, была тотемистической (Дионис-всадник (Фракия, Фессалия, Аргос; Дионис-Melanippos (Фивы), Дионис-Aigobolos (г. Потния (Беотия), и как показывают современные исследования, имела отношение к культу, распространенному у пастушеско-земледельческих племен континентальной и островной Эгеиды, в особенности, у тех из них, в хозяйстве которых скотоводческий уклад (ХКТ) занимал доминирующее положение.⁸ В частности на о. Косе еще в историческую эпоху сохранялся обряд принесения специально избранного для этой цели самого красивого быка. При этом, обряд совершался под руководством обладавшего соответствующими привилегиями царя.⁹ В древнейшем культовом месте Эллады — на о. Тенедосе (Horn., II., I, 38), судя по сообщению Элиана (Aelian., Anim. Hist., XII, 34), существовал обряд жертвоприношения новорожденного теленка, которого закалывали, предварительно привязав к его ногам котурны. Он пишет: «Тенедосцы растерзателю человека — Дионису откармливают тельную корову. Показательно, что участник, наносивший удар, обращался после этого в бегство и за ним устраивалась погоня».¹⁰ Как свидетельствуют монеты полиса, такого рода жертвоприношение, по всей видимости, еще осуществлялось в середине VI в. до н. э., поскольку на них присутствует постоянное изображение топора-лабриса.¹¹ Сходная, происходившая в зимнее время, практика убивания быка в святилище Диониса с последующим разрыванием его на части и поеданием характеризует, как уже указывалось выше, религиозную жизнь Кинета.¹²

Интерес в названном отношении представляет и сообщение Павсания об оракуле Диониса в Амфиклее — городе, получившем свое название от змея, водившегося в его окрестностях. «В Офигии, — указывает он, — совершают оргии Дионису, но кумира на виду нет, нет и доступа в его тайное святилище (adition). Бог прорицает...и врачует недуги положенных в храме больных во время сна, а прорицателем выступает жрец, одержимый богом и изрекающий им (больным) внушенное» (Paus., X, 33, 9–10).¹³

Еще более древним выступало, находящее аналогии в дионисийских мистериях, почитание безымянного героя во Фракии, где он наделялся прозвищами «конника» и «охотника», присоединенных впоследствии к Загрею (go megalos zagreuon («большой охотник Загрей»)) — самостоятельной, по мнению Вяч. Иванова, ипостаси пра-Диониса — Аида.¹⁴

Существовали и другие направления формирования образа Диониса-бога. Одно из них, в частности, было связано, с одной стороны, с введением в круг почитаемых божеств мужского коррелята для женского божества, обладающего способностью удовлетворять женский оргиазм посредством рождающегося и воскресающего бога, а с другой — путем удвоения самого культа Диониса, о чем свидетельствуют поклонения Зевсу-быку и Дионису-быку на Крите, упоминания в мифографической традиции о культах Зевса и Диониса Мейлихиев, Зевса и Диониса Лафистиев, Арея и Диониса в Эниалии как двух противоположных лиц одного мужского питеп.¹⁵ Наконец, в Додоне изначальному почитанию подземного Зевса были приданы черты дионисийского культа.¹⁶

Особое место, среди предшествующих Дионису культов, занимало почитание Идейского (или Диктейского) Зевса в греческих полисах Ионии, практика которого, как полагают исследователи, была заимствована с доэллинского Крита и которая была связана с почитанием божества обоюдоострого топора-лабриса (и одновременно, бога-быка), живущего в Лабиринте и отождествлявшегося островитянами, и с богом оргиастических жертв (Дионис Omadios), и с богом погребений — пра-Дионисом-Аидом.¹⁷ Показательно, что этот последний был не только удвоен культом быка-Диониса, но и лег в основу культа Зевса-Полизя афинских буфоний.¹⁸

Изучение культа Зевса в Древней Греции имело своим следствием констатацию факта, согласно которому первоначальное почитание питеп Диониса у эллинов (Дионис-бык в мире живых, Дионис-змей в мире мертвых) под неопределенным именем Dios оставило следы в пра-Дионисийских ипостасях «подземного» Зевса. К их числу В. Иванов относит Зевса-Аристия, Зевса-Амфиарая, Зевса-Трофония, Зевса-Героя. О древнейшей их сути свидетельствует то, что в качестве олицетворения подземных сил они мыслились подобно римским манам во множественном числе, и более того, были противопоставлены божествам неба (uranioi или diamonos meilichioi) в качестве разделившихся на мужскую и женскую ипостаси, богов-покровителей деревьев, среди которых одними из первых проявились как Дионис,

так и Зевс.¹⁹ Последнее зафиксировано для Беотии, где Дионис почитался в качестве бога деревьев вообще.²⁰ В Аргосе и Беотии, он рассматривался как **покровитель садовых насаждений** (т. е. плодовых деревьев), за что ему воздвигались статуи в виде пней.²¹

Надо думать, что с расселением первых эллинских племен на Балканах и островах Эгеиды, в особенности, с началом оформления олимпийского пантеона, перечисленные выше представления уступили место мифу, согласно которому Диониса в образе быка убивают титаны, подкупленные Герой. Иными словами, эллинская религия Диониса началась с момента переосмысления имевшихся ранее о нем сказаний и отождествления последнего не с сыном Верховного бога, а с оставленным на царствование сыном Зевса от земной женщины Семелы, погубленного и разорванного на части титанами по велению ревливой супруги бога-громовержца, погребенного и впоследствии возродившегося к новой жизни благодаря тому, что его бабушка Рея-Сильвия разыскала внука, и вновь составила из кусков его тело (Plut., *De Is. et Os.*, 365A). Что это так, указывают представления о могилах Диониса (в Фивах и в Дельфах), но в особенности, указывающих, что вовлечение пра-дионисийского культа в круг религии Диониса произошло именно в Фивах, свидетельством чему выступает мифологема о бракосочетании Афананта с Ино, которая была в свою очередь, сестрой Семелы — матери Диониса. О том же свидетельствует и указание Павсания относительно практики призвания менад для устройства дионисовых оргий по Беотийскому обычаю, именно из этого города (Paus., X, 33, 10). Видимо, только после того, когда олимпийский пантеон утвердил свои права на существование, в общественном сознании Древней Греции и произошел тот переворот, который нашел отражение в складывании мифа, в котором Дионис был представлен в качестве сына Кадма и Семелы (Hesiod., *Theog.*, 940–942), подвергся опасности, был спасен Зевсом, обратившим его в козленка (барашка), защит им в свое бедро, а после рождения был отдан на воспитание к нисейским нимфам (Euripid., *Bacch.*, 556–559), после чего, став юношей, он во Фригии приобщился к мистериям Реи-Кибелы, совершил путешествие **к индам за Фракией** (Apollod., III, 5, 1) и вернулся в Элладу уже как бог виноградной лозы (Himn. Hom., VII).²⁰ Перечисленные перипетии сплетений различных версий происхождения Диониса послужили основанием для восстановления этимологии самого его имени (Dionysos — «дерево», «хромота Зевса» и «Божественная Ниса» (Pherecid., XXVI; Diod., II, 38; III, 68–69; Paus., X, 29, 2; Strab., XI, 5, 5).

Тем не менее, и в этой своей ипостаси он, как свидетельствуют мифы греков, принимал облик козла. Одним из его прозвищ было «козленок» (trygos). В этом образе он почитался в Афинах и в аргонидском полисе Гермигоне, в которых существовал культ Диониса «носящего шкуру **черного козла**». Сложилось даже целое предание, согласно которому своим наименованием он обязан тому, что однажды предстал в подобной шкуре

перед местными жителями. А во Флиунте, славившемся своими виноградниками, имелось бронзовое, покрытое золотой пленкой, изваяние бога виноградной лозы в виде козленка. Здесь также имелось в ходу готовое объяснение такого рода представлений о боге. Оказывается, для того, чтобы спасти мальчика Диониса от ярости и мести Геры, Зевс превратил его в козленка, а когда боги от гнева Тифона бежали в Египет, Дионис принял облик козла (или барашка). Во время празднеств, его участники, разрывали на куски живого козла и поедали его мясо в сыром виде, испытывая первобытное чувство приобретения силы через вкушение плоти и крови бога.

Доисторические следы культа просматриваются также в древнейшем афинском празднике, посвященном Зевсу Полиэю («Градоправителю» или главному богу общины). Аристофан в комедии «Облака» (ст. 985–990) приводит его как пример самого допотопного из всех афинских праздников, а Андротион (I, 26, 10) отнес возникновение обряда, главной частью которого выступало жертвоприношение быка (из-за которого он и получил название Буфонии), ко времени афинского царя Эрехтея.

Особый интерес (и значение) в плане исследуемой нами проблемы приобретают свидетельства античной традиции относительно обряда быкоубийства. В частности, Павсаний, фиксируя, что память о такого рода жертвоприношениях сохранилась до его времени писал: «...Есть тут и бык, пожертвование Совета с Ареопага, но с какою целью Совет соорудил его неизвестно..., афиняне первыми стали почитать Афину под именем Эрганы (работницы). Тут же у них в храме стоит изображение «Гения Старания». Есть и статуя Зевса Полиэя. Насыпав на алтарь Зевса...ячмень, смешанный с пшеницей, они оставляют его без охраны; бык же, которого они держат наготове для жертвы, подойдя к жертвеннику, поедает зерно. Одного из жрецов они называют «убийцей быка», который, убив быка и бросив здесь топор — таков у них обычай, — убегает. Они же, как-будто не зная того человека, который это сделал, подвергают суду топор...» (Paus., I, 24, 3). Оно, как показывают дополнительные данные, совершалось представителями трех афинских исторических родов, стоявших в ближайшем отношении к тотему быка: Этеобутадами (Eteobutadai — т.е. «исконными Бутадами»), Бузигами (Buzigoi) и Тавлонидами (Thaulonidai), причем, особенно важно, что имена первых двух не только совпадали со священными прозвищами будущего Диониса (Bukolos, Butes — «волопас»; Buzigos — «сопрягатель быков», но и воплотились в личных именах и атрибутах их персонифицированных эпонимов и родоначальников (Paus., I, 24, 3–4; 28, 10). Как показывает знакомство с орфическими гимнами, характерный признак принадлежности рода Бутадов к дионисийскому культовому кругу нашел свое выражение в том, что наследственные имена этого рода — Ликург и Бут были сопряжены и с обладанием специфическим оружием buplex, и с самой практикой выпаса быков (Porphir., De abstin., II, 28–30). Что касается Фавлонидов, то представители этого афинского рода, принадлежавшего к филе

Эгеев (Aigeis) собственно, и совершали обряд «убийства быка» (buphonia). Таким правом, как следует из показаний Плутарха, они наделялись потому, что, во-первых, принадлежали к буколическому роду, а во-вторых, потому, что сам этот род являлся подразделением **пастушеской филы** — *goi eritais nomais kai probateiais* (Plut., Solon., 23). Неудивительно, почему именно из них выбирались «быкоубийцы» (*butipoi*) и сам главный «резчик быка» (*buphonos*), тогда как другие священнодействия при таком жертвоприношении представлялись родовым коллегиям (*gene*) соседнего Элевсина — Кентриадам и Детрам, принадлежавшим к элевсинскому роду Кериков (*Kerikes*), также получивших свои прозвища по тем функциям и орудиям, которые ими использовались в обряде. Первые, Кентриады, загоняли быка с помощью т. н. «рожнов» на медный помост; вторые, Детры, рассекали быка на части, после того, как «быкоубийца» из фавлонидов наносил быку удар, заранее наточенным и ритуально передававшимся из рук в руки членами коллегии священнослужителей, священным топором. Обращает на себя внимание присутствие в ритуале точения топора избранных предварительно девушек, в задачу которых ставилась доставка необходимой для заточки лабриса воды.²²

Главными орудиями, используемыми в ритуале буфоний, помимо топора, выступали т. н. «рожны» — пастушеские копья, о чем прямо свидетельствуют Эсхил и Пиндар (Aesch., Ag., 1624; Pind., Pyth., II, 94).

В отношении самой организации празднеств в честь неземледельческого Диониса достаточно давно доказано положение, что «ночные служения» (*rannychides*) выступали самой древнейшей их формой. Дионисий Галикарнасский сохранил описание такого рода «бдений». По его данным, участники торжеств занимаются биением в грудь, а женщины еще и плачем в память богов исчезнувших; служению также были присущи почитание фаллоса и обряд переодевания женщин в мужские, а мужчин в женские одежды (Dion. Hal., III, 19). В частности, поиски Диониса женщинами на Агриониях, первоначально заключалось в разыскивании, якобы спрятавшегося среди них, в женском наряде мужчины. (Nonn., XLVI, 105–114). Благодаря Геродоту, мы знаем, что функции вакхических мистов выполняли «буколы и буты» (*bukoloi, butai*, которые «*homologeousi de tauta toisi orphikoisi kai bachioisi*» (Herod., II, 84). В известной степени, к тому же ряду празднеств и их ритуалам можно отнести и то, о котором рассказывает Платон в диалоге «Критий». Сообщая интереснейшие подробности о судебных делах в Атлантиде, он, среди прочего, в связи с клятвами, приносимыми участниками судебных заседаний, указывает: «Перед тем как приступить к суду, — пишет автор одной из первых греческих утопий, — они всякий раз приносили вот какую клятву. В роще при святилище Посейдона на воле разгуливали быки: и вот оставшись одни и вознесши богу молитву, чтобы тот сам избрал угодную для себя жертву десять царей приступали к ловле, но без применения железа, вооруженные только палками и арканами, а быка, которого удавалось изловить, приводили к стеле (с написанными на ней законами — Н. П.) и за-

калывали над ее вершиной, чтобы кровь стекала на письма...» (Plato., Krit., 119C=E).²³ В том, что такое представление относится к разряду древнейших, свидетельствует мифология орфиков. В ней в животное превращался сам Посейдон и произошло это потому, что Гера, ради спасения сына подменила его жеребенком и отдала на съедение Кроносу, после чего снова проделала то же самое (превратила Диониса в белого жеребенка) и спрятала в табун белых лошадей, пасущихся на лугу, чтобы Кронос не мог его обнаружить. Эту способность, т. е. превращаться в коня, Посейдон, равно как и его сестра Деметра (принимавшая образ кобылицы), сохраняли и впоследствии (Orf. Hymn., XI). В указанном отношении весьма информативны данные ранней аттической вазописи, в которой, по наблюдениям Д. Е. Харрисон, в качестве спутников Диониса изображались люди, одетые лошадьми, а не в шкуры козлов. Они совпадают с версиями смерти Ликурга — противника введения культа Диониса, растерзанного на части дикими лошадьми, под которыми (или в облике которых), как полагают, были представлены жрицы.

В отношении праздника в честь Диониса в г. Гелоне, особый интерес представляют сообщения античных авторов, указывающие на основные символы бога, используемые в ритуале: плющ, змея, пчела, лоза и сосна или ель (elate). Согласно Гесиоду и Плутарху, Дионис питался медом, а менады обладали увитым плющом сосновым тирсом. С учетом расстояний и длительности доставки по морю дорогие вина укупоривались либо смолой, либо медом (Hesiod., Theog., 947; Plut., Hell. quest., 38). Такая атрибутика указывает на то, что древнейший опьяняющий напиток являлся аналогом той амброзии и нектара, которыми впоследствии питались олимпийские боги. Представленный ряд атрибутов Диониса мог и не иметь важности, если бы не одно обстоятельство. Оказывается, ветки сосны или ели в руках мистов назывались *bachoi*, что проясняет, если опереться на данные Страбона (...toiuto de kai to philotechnon malista peri tas dionisikas technas kai orphikas (Strab., X, 474), характер вакхических исступлений у будинов (и очевидно, гелонов). Диониса и его последователей чаще всего изображали с посохом, увитым плющом и украшенным **наконечником из сосновых шишек**.²⁴ Но и это еще не все: важнейшим его качеством и способностью, как показывает знакомство с мифологической о нем традицией, выступала способность к обращению во льва, лошадь и змею, что только подтверждает архаичность отложившихся в позднейшем культе, восходящих к пра-дионисийству представлений. В одном из них он рассматривался как пожиратель козлов, причем, если опереться на данные Павсания, на Хиосе и в Тенедосе во время учрежденных в его честь празднеств, вместо козленка разрывали человека, а в Беотии, в местечке Потния, ему приносили в жертву ребенка. (Paus., III, 33, 12).²⁵ Несмотря на это, большинство историков древнегреческой религии единодушны во мнении, что «образ и атрибуты Диониса **как бога-быка** выступали в древнейшие времена самыми общими и постоянными чертами его повсеместно принятой символики».²⁶

Последнее засвидетельствовано в Фессалии, где фетишем Диониса-Кадма был Boukolos (Eurip., Antiope., Fr.203). Считается, что разрывание на части и пожирание быков и телят живьем являлось типичнейшей чертой дионисийского культа.²⁷ С данной практикой, как правило, связываются и оргиастические по своему содержанию ритуалы разрывания бога в виде жертвенного животного на части, ношение и собирание последних с последующей попыткой рукотворного его «воскрешения» (например, в культах Диониса Лафистия и сходного с ним Зевса Лафистия — ипостасей, требовавших человеческих жертв).²⁸

Конспективное изложение генезиса представлений о Дионисе и проявлений его культа в различных областях Балканской и островной Греции, сопряженное с фрагментарным (по необходимости) пересказом отдельных мифов дионисийского цикла, как можно убедиться, позволяет выделить возможные черты, которые вполне могли быть присущими почитанию Диониса в деревянном городе на далеком краю античной ойкумены. Чтобы получить дополнительные данные в интересующем отношении, необходимо по возможности рассмотреть типологию мистерий и ритуалов этого бога.

Торжества, посвященные Дионису назывались *оргиями*. После вкушения вина или других наркотических средств, ее участники (в эллинских полисах, главным образом, женщины, входили в экстатическое состояние при помощи танцев под завораживающие звуки безумной музыки, изливавшейся из тростниковых свирелей, грома барабанов и лязга цимбал. Такое поведение обеспечивало в безлюдных местах идиллию единения с богом. Кульминация оргии наступала, когда участники рвали на части жертвенное животное (теленка, козленка, барашка) и ели его сырое мясо, полагая, что в нем воплощен бог и его магическая сила. Согласно дельфийской традиции она совершалась в зимние месяцы, поскольку именно в это время Аполлон **ежегодно** передавал Дионису свое святилище. Характерной особенностью образа Диониса выступала диалектика мистицизма и сексуальности, а самой важной чертой дионисийского ритуала служило то, что периоды безумного шума сменялись периодами полнейшей тишины, что впоследствии в ходе Великих Дионисий в Афинах проявилось в выделении специального дня для поминовения умерших родственников.²⁹

Одна из мистерий совершалась на родине культа, в Фивах. Происходила она **1 раз в 3 года** и притом в ноябре — самом неподходящем месяце для культа плодородия (каковым культ Диониса являлся лишь частично). По свидетельству Еврипида, его подвергали «растерзанию и воскрешению» под руководством пяти жрецов. Как повествует Плутарх, они отправляли над гробом Диониса ритуал воскрешения бога: **соединяли его разрозненные члены**, выточенные из дерева, а вакханки-фиады специальной песней «будили спящего». Песня была колыбельной, поскольку соединение жрецами частей тела бога имело смысл его «нового рождения», по причине

чего, тысячи вакханок, собравшихся в Дельфах со всей Греции, иступленно плясали вокруг дельфийского святилища, ликуя по случаю воскресения бога (Plut., De Delf. or., I, 409e).³⁰

Другой, во многом сходный, тип мистерий — антестерии (досл. «праздник цветов») засвидетельствован в Афинах. Здесь они совершались ранней весной (в феврале-марте) и главными действующими лицами в них являлись женщины. Под руководством верховной жрицы полиса-басилины и 14 младших жриц — «стариц» празднество открывалось их вхождением в храм, где в 14 корзинах (по одному в каждой) хранилось 14 членов растерзанного бога. Эти корзины они поочередно подносили к 14 жертвенникам, повторяли вслед за жрецом-священноглашатаем (hierokyriksos) слова, обращенной к богу молитвы. При этом, каждая жрица доставала из своей корзинки часть тела Диониса, умащала его благовониями, окуривала фимиамом и закалывала приготовленную заранее жертву (животное) перед алтарем. Потом все части тела бога отдавали верховной жрице, которая и соединяла их воедино. Это тело она уносила в сокровеннейшую часть храма, где и «воскрешала» убиенного бога, который после воскрешения являл себя на торжественном шествии с фаллосом в Буколион, в «стойло жертвенного быка», где «царица» проводила с Дионисом ночь, дабы зачать от него в мистическом соитии.

В определении сущности указанного обряда В. Ивановым была высказана мысль, согласно которой экстатическое поведение участников оргий представляло собой не что иное, как удерживаемые мифологической памятью представления о душевных болезнях, исцеление от которых порождало манию превращения людей в животных (корову, лисицу, оленя, волка), следы чего можно обнаружить в исторических свидетельствах о болезнях кинатропии и ликатропии, зафиксированных в нашем случае Геродотом для переселившихся к будинам невров. Но самое важное, особенно в том, что непосредственно касалось праздника Антестерий, заключалось в том, что люди подверженные таинственному недугу по ночам выходили из городов подражая волкам и собакам.³¹ «Обобщая материал, относящийся к душевным аномалиям древнейшего периода, — писал В. Иванов, — мы приходим к выводам о многочисленности и распространенности таких случаев психического заболевания; о религиозной окраске их в воззрениях древних; о постоянной связи между ними и религией Диониса (фигуры Ореста, Алкмеона, Ио. Геракла возникли, без сомнения, под влиянием дионисийских представлений); наконец, о необходимости **различения двух категорий этих фактов...**, распадающихся на **явления аффекта одиночного и коллективного**»³². При этом, исследователь особо подчеркивал, что «об экстазе, или безумии, как явлению собственно культовом мы вправе говорить только тогда, когда оно принимает **характер состояния коллективного**. Эта совместность иступления есть отличительная черта Дионисовых оргий...».³³

В других местах Греции (от Фракии до Метапонта и Регия в Италии) дионисийские празднества имели более бурный, оргиастический и кровавый

характер. Их характерной особенностью выступало присутствие «энтузиазма» (одержимости богом). Хотя и не всегда, но основными участниками таких торжеств и отправительницами ритуалов являлись преимущественно женщины, менады или вакханки, устремлявшиеся в оргию по зову своего девичьего бога с криками:

— На гору, на гору! Эван-эвойя, эван-эвойя!
Каков бы ни был образ твой, явись
Огненнооким львом, стоглавым змеем или горным туром,
О бог, о зверь, о тайна тайн, явись!

Самое же существенное состояло в глубоком их убеждении, что среди лесов и гор, на лоне дикой природы, во время экстатических, совершаемых ими, диких плясок, он к ним, как бог-«освободитель, обязательно явится (Euripid., Bakh., 402).³⁴

Так например, женщины в итальянских Локрах и Регии, находясь дома и уловив такой зов, с самого первого его момента, как засвидетельствовано античной традицией, вскакивали со своих мест и в исступлении бежали из города (Pheocr., 6). Объясняя причинность такого рода поведения женщин, В. Иванов писал: «В этом состоянии, - указывал он, — женщины были «святы». Утрачивая сознание личности, они делались безмысленными менадами, или казались самим себе превращенными в другие существа — птиц, летучих мышей, коров, растений, в собак, как в «Вакханках» Еврипида, где Агава принимает сына за горного льва, травимого охотничьей сворой, как чувствуют себя Еврипидова Лиса, «ловчая собака Геры», и Эсхилковы Эриннии, чуткие к запаху крови, — образы которых воспроизводят тип менад».³⁵

Такого рода обряды, как засвидетельствовано Платоном, были присущи скифам и фракийцам. «Σκύθαι δὲ καὶ Θράκες, — указывает источник, — ἀκράτῳ παντάπασι χρώμενοι, γυναικὲς τε καὶ κατὰ τῶν ἱματίων καταχέμενοι, καλὸν καὶ εὐδαίμον ἐπιτήδευμα ἐπιτηδεύειν νενομίκασι» (Plat., Leg., 637 E). Причем, их показательной чертой выступали и entousiasmos и нахождение участниц в состоянии ekzistastai и ekstasis. Мы, к сожалению, не знаем каких скифов имел в виду великий философ, но данные Псевдо-Аристотеля и Плиния, позволяют предполагать, что и у него, возможно, речь шла о тех из них, которые античной традицией отождествлялись с гелонами (Ps.-Arist., De Auscult. Mirab., 832b 30; Plin., Nat. Hist., VIII, 221; Ср.: Ael., De nat., an XV, 26).

Еще один тип, не связанный напрямую, но возможно имеющий отношение к почитанию Диониса в Гелоне (как бог-человекотерзатель), с совершением мистерий запечатлелся в мистериальном культе кабиров-куретов-корибантов, отразившимся в т. н. Самофракийских таинствах.

В отношении последних единственными источниками информации являются христианские авторы — Фирмик Матери и Климент Александрийский, благодаря которым осталось известным, что в мистериях кабиров (ко-

рибантов) превозносилось братоубийство (один из трех братьев-корибантов, Кабир, был убит двумя другими). Вот ему-то и поклонялись жители Фессалоник, воздевая кровавые руки к окровавленному страдальцу. Впрочем, имелся и иной вариант мифологемы. Как свидетельствует Климент Александрийский, в том случае, когда корибантов называют кабирами, сущность мистерии заключалась в оскотлении третьего брата, помещении его фаллоса в корзинку, и обучение посвящаемых поклонениям детородному органу. При этом Климент отмечает, что в данном случае оскотленный Кабир, считается Дионисом.³⁶ Византийский автор был недалек от истины: в мифах сохранились рассказы о воспитании Диониса Кибелой (Ино), посвященные в таинства которой, оскотляя себя, уходят из мира, чтобы служить одной лишь владычице священной пещеры. В связи с этим, обращает на себя внимание близость праздника в честь Аттиса и Кибелы, отображавшего также как и дионисийские оргии, идею смерти и воскресения божества растительности, непременным атрибутом ритуала которого являлась срубленная сосна, устанавливаемая и украшаемая в храме Кибелы.³⁷

Впрочем, такого рода служения были известны и Платону, который писал: «...οὐκ ἔμφρονες ὄντες ὀρχοῦνται, οὕτω καὶ οἱ μελοποιοὶ οὐκ ἔμφρονες ὄντες τὰ κατὰ μέλη ταῦτα ποιοῦσιν, ἀλλ' ἐπειδὴν ἐμβῶσιν εἰς τὴν ἀρμονίαν καὶ εἰς τὴν ῥυθμὸν, βακχεύουσι καὶ κατεχόμενοι, ὥσπερ αἱ βάκχαι ἀρύονται ἐκ τῶν ποταμῶν μέλι καὶ γάλα κατεχόμεναι, ἔμφρονες δὲ οὔσαι οὐ, καὶ τῶν μελοποιοῶν ἡ ψυχὴ τοῦτο ἐργάζεται, ὅπερ αὐτοὶ λέγουσι (Plat., Ion., 534 A). В данном свидетельстве обращает на себя внимание указание на то, что важнейшими чертами празднества являются, с одной стороны βάκχαι ἀρύονται ἐκ τῶν ποταμῶν, а с другой — нахождение в состоянии εἰς τὴν ἀρμονίαν καὶ εἰς τὸν ῥυθμὸν, βακχεύουσι καὶ κατεχόμενοι.

Сходные сюжеты присутствуют в традиции, оставленной орфиками.³⁸

Оргия — мир Диониса. Характерной чертой богослужения такого типа являлось то, что все без исключения участники данного действия принимали равное и активное участие, тогда как в греческих полисах главным действующим лицом выступали жрец (жрица), а все остальные в роли, хотя и активных, но наблюдателей. Именно поэтому, на наш взгляд, скотоводческая ипостась буколического Диониса (равно как и его генеалогического предшественника) была отражением культа всей общины, в пользу чего, как нам представляется, свидетельствуют, с одной стороны, закрепление в культе соответствующих обрядов, и выходы их участников из себя с целью слияния с миром, существующим вне общины и личности, с другой, имевшие своим следствием достижение блаженного сумасшествия как формы индивидуальных проявлений свободы человека по отношению к общине.

Важны и моменты «смены одежд» участниками. По мысли М. Элиаде, такое действие через религиозный опыт имеет целью достижение некоего состояния андрогинности, возвращения к первоначальному человеческому

состоянию, которое во всех традициях считалось совершенным. «Человек, надевший женскую одежду, — указывает ученый, — не становился женщиной, но он воплощал на какое-то время единство полов- состояние которое облегчало ему определенное осмысление цельности Космоса».³⁹

На этом фоне сообщение Страбона о празднике самнитских женщин можно рассматривать как отложившееся в античной традиции упоминание о содержании идентичного пра-дионисийскому обряду и ритуале, тем более, что речь идет не об эллинах, а о местном кельтском празднестве. И хотя в специальной литературе присутствует скептическая мысль, согласно которой оно было отождествлено с «дионисийством» исключительно на основании внешних признаков, сам контекст наррации античного географа, в которой рассказ об «одержимости-растерзании», свойственной местному обряду предваряется перечислением различных способов человеческих жертвоприношений у населения региона, включая те, где центральной фигурой выступает сближаемое с греческим богом местное божество, на наш взгляд, не оставляет в этом никаких сомнений.⁴⁰

Во всяком случае, выражение *Dionysoi katehomenes* («одержимые Дионисом»), которым Страбон характеризует самнитских женщин, можно интерпретировать как обозначение особого рода безумия (*manian*), связанного с персоной Диониса, поскольку такого рода поведением он наделил фиванского Ликурга, который, как свидетельствует миф, убил своего сына Дриаса, приняв его за виноградную лозу (*Apollod.*, III, 5, 1), а также Агаву, принявшую последнего за животное и растерзала на части (*Apollod.*, III, 5, 2). Вот и самнитские женщины разрывают на части одну из участниц оргии подобно тому как Агава разрывает собственного сына в состоянии «одержимости Дионисом». При этом совершение данного акта в самнитском культе является не спонтанным, связанным с «неузнаванием-ошибкой» действующих лиц, а предусмотрено самим ритуалом, т.е. является ритуально-запрограммированным. Важно, что центральной фигурой ритуала выступает божество-аналог Диониса, что, собственно, подтверждается сентенцией античного автора во фразе *kai ilaskomenes ton teon* («и умиловивляющие этого бога»), что позволяет вслед за Т.В. Цивьян вести поиск элементов, позволяющих с достаточным основанием причислить ритуал самнитских женщин, хотя и к дионисийскому кругу, но кругу особенному, кругу, в котором Дионис выступает в качестве демиурга своего собственного и особого дионисийского мира со своими пространством и временем.⁴⁰

О таком типе представлений сохранилось свидетельство Гермия Александрийского. В комментариях к «Федре» он пишет: «Дионис есть бог, составляющий причину возрождения, восстанавливающий формы воплощения и принуждающий все, что возникает и рождается, выходить наружу...» (*Hermiae In Phaedr.*, 87). Считается, что такой *insolite* Дионис, прячущийся в пещерах и наказывающий своих слугителей за то, что они смотрят на другое небо, имеет отношение к антиритуалу, за которым просматриваются

антикосмогонические представления, суть которых связана с соблюдением принципа закрытости.⁴¹ На этой основе формулируется тезис, согласно которому ритуальное убийство одной из участниц ритуала как раз и связано с тем, что падение груза при крытии крыши святилища «представляет собой нарушение и влечет гибель виновницы», потому что в крыше образуется отверстие, через которое видно иное небо, а следовательно, нарушается герметичность неба Диониса, деструктурируется его мир.⁴² Более того, в его развитие выносится суждение о том, что, исходящая из ритуала процедура, символизирует собой представление о том, что каменное небо Диониса закрывает открытое небо других богов, почему и сам Дионис становится принципом закрытости, ревниво охраняющим свою тесную «пещерную» форму.⁴³

Казалось бы, мифологические данные, указывающие на противоположную сущность принципов Диониса — принципов открытости и раскрепощения (освобождения) входят в противоречие с содержанием ритуала самнитских женщин. Однако это противоречие — только кажущееся. На самом деле, по нашему мнению, и тот и другой составляют в нем противоречивую, отражающую реальные отношения между личностью и общиной, неразрывную связь. Если данное рассуждение верно, то пещера в указанных представлениях выступает символом максимальной закрытости и непроницаемости. Но, только в первую очередь, обрастая плющом, ветвями, растительностью вообще, ее мертвая каменная поверхность становится как бы живой, цветущей, проникается жизненными энергиями, в результате чего Дионис не «закрывает» большое воздушное небо богов своим маленьким и закрытым, но **открывает закрытое**, делая его доступным и позволяя проявиться в полной мере. В качестве иллюстрации нашего понимания цели и сущности данного обряда служат данные, присутствующие в трагедии Еврипида «Вакханки», в одном из эпизодов которой автор заставляет Пенфея заключить связанных вакханок в тюрьму, чтобы те увидели тьму и мрак (*καθ'ερξάτ' αὐτόν ἰπμχαῖς πέλας φάτναισιν, ὥς ἄν σκοτίον εἰσορᾷ κνέφας* (Eur., Bacch., 509–510). Самое же интересное дальше: вакханок освобождает Дионис и они **убегают в поле** (*pros orgadas* (т. е. в поле, большой луг), иными словами выходят из замкнутого пространства конюшни (*stegē* — досл. «дома-крыши») в открытое пространство поля или луга. Показательно, что у Еврипида Дионис не строит нового, своего, закрывающего остальные, неба, но как раз раскрывает его как уже существующее и закрывающее. Тем самым можно согласиться с точкой зрения, по которой мир Диониса — это «мир без неба».⁴⁴ Но, если это так, то символику крыши в ритуале самнитских женщин следует относить к разряду космогонических мифов, т. е. иллюстрирующих не собственно строительный ритуал в прямом смысле, а представляющих строительство совершенно особого рода — эпизод, связанный с сооружением неба-мира. Что это так, доказывает присутствие указанного мотива в мифологии индоевропейцев,

где весь окружающий мир представлялся проявлением единой метафизической субстанции Перво-быка (Дьяус ведических ариев, Диос древних греков), и в особенности, близкое сходство древнеиндийской и зороастрийской мифологием: если в «Законах Ману» Брахма создает небо и землю из двух половинок золотого яйца — лона, из которого он родился (I, 9–13), то тем же самым занимается и Гопатшах древних иранцев, разделяющий физический мир на составляющие его субстанции.

Строительством такого рода, т.е. ритуального по своей сути, как свидетельствует Страбон, и заняты самнитянки. Но оно, как уже нами подчеркивалось выше, несет в себе специфическое содержание и характер. «Для того, чтобы длиться, строение — дом, техническое, а также духовное создание, — писал М. Элиаде, — должно быть одушевленным, т.е. получить одновременно жизнь и душу. «Трансферт» души возможен, однако, только при посредничестве жертвоприношения; другими словами, **через насильственную смерть**».⁴⁵

Собственно, в этом последнем и заключается важнейшее качество содержания рассматриваемого ритуала. Дополнительный интерес в сообщении о нем античного автора представляет отсутствие каких-либо намеков на то, что насильственная смерть одной из участниц ритуального строительства является преднамеренной, производимой в результате подножки, толкания или убийства обреченной женщины. Последнее вполне объяснимо: как показали исследования религиозных обрядов у древнейших народов индоевропейской общности, в частности, Ж. Дюмезилем, соединение «случайного» с «неизбежным» представляется для ритуала бессмыслицей, потому, что все, что в нем совершается, совершается согласно правилу, порядку, установленному богами во времена «Оно». Поэтому всякое отклонение от этой ритуальной нормы и правильности актуализирует хтонические, деструктивные потенции, которые и обращаются в первую очередь против непосредственных исполнителей ритуала, вследствие чего делается в высшей степени необходимым **сотрудничество жертвы**, будь то животное или человек.⁴⁶ Впервые данная черта была подмечена Гесиодом, который в «Теогонии» приводит сообщение о жертвоприношении, *megān bouon prosfrōni tymoi dassamenos prouteke* («благосклонного душой к этому»), быка.

Однако самым важным представляется в рассказе Страбона свидетельство о грузе, который несет каждая из участниц ритуала. В нем можно увидеть те же самые элементы представлений о расчлененном Дионисе, только на этот раз экстраполированные на небо-крышу. Неважно при этом, несут ли женщины солому, или в качестве груза может выступать что-либо еще, перед нами картина разорванного на части мироздания, которое посредством ритуала надо воссоздать. Упавший груз воспринимается как исчезающий в бездне, и именно поэтому **он заменяется частями тела жертвы**, посредством которых оно достраивается. И груз в связи с этим, если вернуться немного назад, выпадает из рук одной из участниц не в следствие

того, что кто-то по-случайности заставил ее совершить подобную ошибку, а потому, что она уже была готова к роли жертвы, т. е. груз выпадает из рук предназначенной и знающей о своем предназначении жертвы, совершающей в нужный момент то, что предписано ритуалом и ритуальным временем. А в целом, данная ипостась Диониса и представлений о нем, равно как и космогонический характер обряда открытия и закрытия неба «одержимых Дионисом» свидетельствуют о **хтоническом характере культа Диониса — покровителя освобождающих земных энергий**, и более того, вместе взятые уводят в глубины истории племен-носителей индоевропейской общности.

Прежде чем, сформулировать заключение относительно сущности празднества Диониса в г. Гелоне, необходимо сопоставить рассмотренные показания Геродота и результаты осмысления почитания Диониса в различных частях Эллады. Они весьма любопытны. Вот данные Геродота о будинах и гелонах, жителях одноименного города:

1. будины-номады справляют празднество в честь Диониса 1 раз в 3 года;
2. ритуал будинов включает обряд вакхического исступления;
3. будины — поедатели сосновых шишек (вшей), т. е. они — *fteirophagoi*;
4. в стране будинов густые леса разной породы (т. е. смешанные) и в ней нет саженных (плодовых) деревьев;
5. гелоны-земледельцы, они едят хлеб (т. е. они-*sitofagoi*) и выращивают плодовые деревья.

Весьма примечательны и обобщенные данные относительно генезиса и определяющих черт как образа бога, так и культа Диониса в Элладе и соседних областях:

1. Дионис-древобог, в особенности покровитель садовых насаждений и плодовых деревьев;
2. Дионис-бог-бык и одновременно бог-дифирамб (топор); в ритуале присутствует искусственное безумие;
3. Дионис — «черный козленок» (вариант-баран); в ритуале вакхических исступлений;
4. во II тыс. до н. э. в Афинах празднество-жертвоприношение быка (буфонии) производилось представителями пастушеской филы.⁴⁷
5. Дионис-бог виноградной лозы с вакхическим ритуалом почитания.

Сопоставление выявленных данных, как нам представляется, приобретает симптоматичный характер. Оно свидетельствует о вписываемости тех, известных из свидетельства «отца истории», проявлений культа Диониса у будинов в древнейший пласт религиозных представлений об образе этого бога у самих греков и шире в общеиндоевропейские и ойкуменистические.⁴⁸ В том, что обряд разрывания на части и последующего поедания принесенного в жертву быка, возможно, имел место у будинов, засвидетельствовано Птолемеем, разместившим на своей карте между гелонами и меланхленами **гипподов-гиппофагов** (т. е. «поедателей коней»), на-

звание которых, относящееся к сарматскому времени, по всей видимости выступало у него переосмыслением предшествовавшей их характеристики, связанной именно с культом пра-Диониса-быка — *taurophagoi* («быкоеды» (Ptol., III, 5, 22)).⁴⁹ Основанием для такого суждения служат не столько имеющиеся параллели в античной традиции (например, Ксенофонт упоминает страну на правой стороне Понта и называет живущих там фракийцев — *melinophagoi* (просоедов), но и обращающие на себя внимание, как пастушеские, так и земледельческие элементы эллинской (или праэллинской) культовой практики, и тот и другой из которых был присущ хозяйственной деятельности будинов и гелонов. Во всяком случае, не станет большой натяжкой отождествление практики афинских буфоний с ритуалом почитания Диониса у будинов (здесь у нас есть хоть какие-то данные) и в г. Гелоне, в котором (хотя никаких, кроме косвенных показаний источников нет, исключение — различие языков предсказаний), последний, вполне возможно, почитался как покровитель садовых деревьев. Показательно, что в первом случае, высказанные соображения находят подтверждение в оценках Псевдо-Аристотеля и Стефана Византийского. У подражателя Стагирита, в передаче Элиана, есть указание на то, что «у Будинов...не рождаются белые овцы, но что все они черные» (Ael., Hist. Anim., XVI, 33) и что «у скифов, называемых гелонами водится редкое животное-таранд» (Ps.-Arist., De mir. ausc., 30). Что касается византийского автора, то, засвидетельствованный им этноним *boudinoi*, с точки зрения этимологии, еще Б. Н. Граков полагал возможным интерпретировать как сложносоставной и производный от греческих слов-существительного «бык» (*bous*) и глагола «кружиться, колесить» (*dineo*), сочетание которых выражало иносказательное «переезжать на телегах».⁵⁰

Еще одна возможность интерпретации ритуала почитания Диониса у будинов проистекает из возможности наличия у них отмеченного выше ритуального братоубийства, находящее, по мнению скифологов, подтверждение как в сюжете генеалогической легенды скифов-сколотов, так и в изобразительном сюжете навершия гребня из кургана Солоха.⁴⁹ В связи с этим, нельзя не задуматься и над вопросом о том, не является ли известным соответствием указанной мифологеме (присутствие двух пеших и противоборствующих со всадником в эллинском доспехе, одетых в скифские одежды персонажей, которых можно сопоставить с Агафирсом, Скифом и Гелоном) изложение той же легенды в единственном из сохранившихся на эту тему эпиграфических источников? (GIG, XIV, 1939A. Lin. 5–6).

Из приведенных соображений, какой бы гипотетический характер они не носили, складывается (с учетом дуализма ХКТ будинов и гелонов) убеждение, что религиозно-культовый обряд почитания Диониса в г. Гелон являлся двойственным, построенным на дополнении друг друга традиций, сложившихся (а возможно, и развивавшихся совместно) относительно сакральной трактовки явлений единого календарного цикла (т. н. триетериды).

В данной связи не лишено интереса предположение, согласно которому Дионис выступал в образах льва, быка и змея потому, что последние были эмблемами трехсезонного года: родился зимой в образе змея (отсюда его венец), весной превратился в быка, и в этом обличье его убивают и пожирают (впрочем, как и в облике козла, лошади или оленя) в дни летнего солнцеворота (т. е. 22 мая или 21 июня).⁵¹

Произведенный нами анализ показал, что в преобладающем большинстве случаев история почитания Диониса была связана с городом-polis. Но являлся ли им Гелон в стране будинов? Во всяком случае, имеются основания для сомнений в том, что же на самом деле имел в виду Геродот, определяя его статус термином polis. По мнению древних греков, для того, чтобы называться городом, ему надлежало иметь несколько самых необходимых построек. В этом отношении весьма показательной представляется оценка Павсанием селения Панопей в Фокиде. Описывая его, он говорит, что, хотя панопейцы **посылают своих представителей на всефокидское собрание**, их селение нельзя называть городом (polis) поскольку там нет «ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни площади, ни центрального водоема» (Paus., X, 4, 1). Пропуск теменоса, храмов и наосов у античного автора, по всей видимости, не был случайным, а отражал устойчивое представление о различии городского и сельского типов поселений. С другой стороны, подтверждением урбанистического статуса Гелона выступает указание Плутарха, согласно которому, исполнявшие литургию хореги, имели обычай воздвигать монументы в форме небольших храмов только на городской территории (Plut., Nic., 5).

В решении данной проблемы свое решающее слово должны сказать данные языка, поскольку понятие «афиняне» в нем передается Athenaiōi, «лакедемоняне» — Lakedemoniōi, «милетяне» — Milesiōi (Herod., I, 14, 23, 56). В полном соответствии с данной закономерностью и жители Гелона должны были бы обозначаться как *Gelonaioi или *Gelonioi, в то время как в тексте рассказа о них Геродотом употреблено слово Gelonoi. Является ли последнее свидетельством сознательной или бессознательной этномизации античным историком соответствующего языковым правилам Gelonioi или же в этом следует усматривать ошибку переписчиков «Истории» — ни опровергнуть, ни доказать невозможно. С другой стороны, в Gelonoi (в отличие от *Gelonaioi) просматривается дорическая форма названия. Впрочем, и в этом случае ее присутствие находит объяснение: согласно сообщению Платона, афинский род Гераклидов (потомков Даная) в конце концов стал дорийским по возвращении из под Илиона, в связи с чем и ахейцы стали называться дорийцами (Platon., De leg., III, 622e; 682b4), каким по своему происхождению, очевидно, был хорошо известный в северопричерноморской истории афинянин Гелон, отдавший город Нимфей, входивший в I Афинский морской союз, под власть боспорских царей (Aeschin., Contr. Ctesiph., 171–172).⁵²

Примечания

¹ Возможность названного направления в осмыслении празднества в честь Диониса у будинов вытекает не только из зафиксированного в науке существования дионисийских ритуалов собственно в скифской среде, но и установление того, что используемые их соседями-скифами мифологические персонажи эллинов, не являясь ни фактом заимствования греческих культов, ни показателем синкретизма, отражают древнейшие, восходящие к общим источникам происхождения представления. См.: Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 71, 176. В правомерности такой оценки убеждают свидетельства Диодора и Аполлодора, согласно которым свое происхождение Дионис ведет из Индии (Diod., I, 19; III, 63). Согласно другим данным его родиной являются Фивы (Diod., III, 63). Из Беотии же он совершает поход к индам за Фракией (Diod., IV, 3, 1; Apollod., Myth. Bibl., III, 47). Сообщают указанные авторы об индийской и эллинской ипостасях Диониса (индийский был с бородой (Diod., III, 63). Но среди них обращают на себя внимание указания на «двухматеринского» (дваждырожденного?) Диониса, которому эллины и фракийцы приносят жертвы 1 раз в 3 года, что указывает на определенную общность индо-арийского и греческого обрядов. Наконец, показательно, что триэтэриды — празднество, символизировавшее уход и возвращение Диониса в Фивы из похода к «индам за Фракией», производилось в Фессалии, которая была одной из первых земель в Греции, куда прагреки пришли из Восточной Европы. См.: Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железного века. СПб., 2002. С. 79. Однако самым существенным аргументом в пользу предложенной трактовки является то, что культ Диониса у греков, как свидетельствует античная традиция (Diod., IV, 1, 6; 3, 1–5; 41–4; 5, 1–2), прошел в своем становлении две стадии. Первая стадия дионисийского культа была связана с представлением бога Диониса в образе быка и присущей данному культу обряду, составным элементом которого являлось разрывание на части и пожирание жертвенных быков и телят. По свидетельству Диодора, ритуал почитания Диониса-быка носил характер таинства и производился ночью (Diod., IV, 1–2). Вторая стадия развития культа была связана с утратой Дионисом зооморфного облика и превращением его в антропоморфное божество, с появлением которого, во-первых, зримым становится его земледельческая, связанная с культурой винограда, сущность, а во-вторых, происходит соответствующая трансформация самих религиозных представлений: от веры в возможность соединения с божественной силой бога до его рассмотрения в качестве патрона и покровителя. См.: Камад. И. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М., 2006. С. 33.

² Греческий текст цит. по: The Geography of Strabo / Loeb Classical Library. - Cambridge- Massachusets- London, 2006.

³ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство / Вяч. Иванов. — СПб.: Изд-во «Алетейя», 1994. С. 153.

⁴ Там же; Dionysos // PWRE. Bd.

⁷ Иванов Вяч. Дионис. С. 18; Как бог, Аристей — древнее Диониса. Более того, традиция засвидетельствовала его в ипостаси Аида. Кроме того, он — двойник и предтеча Адраста. См.: Блаватская Т. В. Греческое общество Второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 73, 81; В этом качестве, как

похититель Кору-Персефоны, дочери Деметры он засвидетельствован аттической вазописью. Кроме того у р. Кефис в Элевсине имелось место Эринейон (erineon), получившее свое название от смоковницы, олицетворением которой выступал Дионис, а сама она считалась символом входа в Аид. Мистерии в честь Диониса-Аида устраивались в Афинах на р. Илис (Ilisos), название которой напоминает древнейшее, засвидетельствованное Плинием Старшим, название Танаиса — Силис (Silis). Непременными атрибутами мистерий в Честь Диониса Аида являлись соответствующие культу фаллос и маска Диониса, которые, в частности, в древнейшие времена изготавливали на о. Наксос, а в V в. до н. э. эти атрибуты составляли обязательную часть даров союзных полисов Афинам во время празднеств в честь Диониса или на Элевсинские мистерии. Дионис в Афинах, кроме того, имел свою подземную ипостась под названием Theos / Вся история превращения бога в животное, как полагают историки древнегреческой религии, была основана на веру в зое — нерушимую, наделенную божественным ликом, человеческую жизнь (Dittenberger F. SEG³, № 1024, lin.17–18); Считается, что почитание Диониса и родственных ему оргиастических культов в Грецию, в частности в Аттику, во II тыс. до н. э. принесли фракийцы — первоначальное население последней. См.: Кереньи К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М., 2000. С. 46, 57–59, 69, 76, 78, 149–159, 168, 183; Недалеко от мыса в Брасиях (Лаконика) располагался т. н. Nyseion pedion — сад Диониса (Ном., II., VI, 133).

⁸ Там же. С. 150;

⁹ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 76; Preller L. Griechische Mythologie. Bd.1. Berlin, 1872. S. 568, 589.

¹⁰ Иванов Вяч. Дионис. С. 150.

¹¹ Там же

¹² Willets R. F. Cretan Cults and Festivals. N.-Y., 1962. P. 17; Dabdad Trabulsi J. A. Dionisisme, pouvoir et societe en Grece jusqu' a la fin de l'epoque classique. Paris, 1990. S. 67.

¹³ По поводу Тенедосского обряда см.: Толстой И. И. Обряд и легенда афинских буфоний // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966; Лосев А. Ф. Греческая мифология. С. 121.

¹⁴ Nilsson M. P. The Greek Religion. Copenhagen, 1967. P. 44, 227.

¹⁵ Head B. Historia Numorum. P. 550; Poland R. Minos // PWRE. Bd. 30. Coll. 1898.

¹⁶ Иванов Вяч. Дионис. С. 17–26.

¹⁷ Nilsson M. P. The Mycenaean Origin of Greek Mythology Berkeley, 1932. P. 176;

¹⁸ Hammond N. G. L. Epirus. Athens, 1966. P. 466–468.

¹⁹ Guntrie W. The Religion and Mythology of the Greeks // САН³ Vol. 2. P. 26.

²⁰ Лосев А. Ф. Античная мифология. С. 134ю

²¹ Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1956. S. 159.

²² Nilsson M. P. OP. Cit. P. 159.

²³ Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Munchen, 1989. S. 227–234; Грейвс Р. Мифы. С. 77; Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. С. 319; Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 2002. С. 162; Торчинов Е. А. Хлеб жизни и вино экстаза // Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного // <http://www.PSYLIB@> С. 9; Титова Е. В. Культ Диониса в микенскую и архаическую эпоху. М., 2002. С. 27–29.

²⁴ Лосев А. Ф. Дионис // Мифы народов мира. Т.1. С. 380. Несколько иную трактовку данного празднества дает М. Детьен, связывающий основной ритуал «быкоубийства» с изменениями которому он был подвергнут в учении пифагорейцев, в свою очередь, соответствовавшего, по мнению автора, основным принципам греческого полиса. См. Детьен М. Сады Адониса: мифология ароматов в Древней Греции / Пер. с франц. О. Литвиновой и И. Е. Широниной. М., 2004. С. 27. В частности, исследователь отмечает земледельческую, а не скотоводческую сущность культа быка, который, пожирая разложенную на алтаре Зевса Полиэя растительную пищу-жертвенные дары (злаки и лепешки), предназначенные богу-покровителю города как бы совершает святотатство, за что и подвергается убийству со стороны жреца. Последний, испугавшись содеянного, обращается в бегство бросив орудие преступления-топор-лабрис. Однако в последующем судебном разбирательстве втормозным признается топор, приговаривающийся к изгнанию за пределы Аттики, после чего мясо жертвы съедалось, причем в ритуальной трапезе принимал участие весь город (Там же. С. 29). Смысл ритуала буфонии М. Детьен усматривает в признании кровавой жертвы святотатством, поскольку считалось, что приносить в дар богу жертвенное животное аналога человеку пахарю означало в представлениях афинян настоящее убийство (Там же. С. 33). Наблюдения французского антиковеда, на наш взгляд, верны для времени, начиная с эпохи архаики, тогда как в предшествующий период, по всей видимости, значение имела иная, скотоводческая сторона представлений.

²⁵ Самый близкий типологический аналог указанной практике имел место в Древнем Риме, где закланию подвергали козу, определенную в качестве жертвы богу Ведийовису (Vediovis/Vejovis — «белый или черный бык»), причем обряд содержал такие ритуалы, как-будто бы это был человек. См.: Frazer J. G. The Golden bough. A Study in Magic and Religion. Vol.1., abridged edition / J. G. Frazer.- New-York: The Macmillan company, 1942. P. ³⁹²

²⁶ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 77. Иванов Вяч. Дионис. С. 150.

²⁷ Фрэзер Д. Указ. Соч. С. 81; Nilsson M. P. OP. Cit. 179.

²⁸ Борухович В. Г. Зевс Миноийский (следы культа верховного Критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах // АМА. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 14 и прим. 44.

²⁹ Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Пер. с фр. Г. А. Гельфанд. М.-СПб., 1999. С. 172.

³⁰ Preller E. OP. cit. Bd. 1. S. 569; Bd. 2. S. 584; Кереньи К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. «Рефл — бук», 2000. С. 76.

³¹ Preller E. OP. Cit. S. 662, прим. 2.

³² Кулишова О. В. дельфийский оракул в сакральной географии древних греков // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Проф. Э. Д. Фролова. Вып. 3. СПб., 2004. С. 363–364.

³³ Иванов Вяч. Дионис. С. 112; Hughes D. D. Human Sacrifice in Ancient Greece. London, 1991. P. 216–220.

³⁴ Там же. С. 116; Detienne M. Dyonisos a ciel ouvert. Paris, 1986. P. 95.

³⁵ Иванов В. Эллинская религия страдающего бога // Эсхил / Пер. В. Н. Ярхо. М., 1989. С. 322–324; Торчинов Е. А. Указ. Соч. С. 96; Nilsson M. P. Dyonisos: Mythos und Cultus. Frankfurt am Main, 1963. S. 193–204.

³⁶ Торчинов Е. А. Указ. Соч. С. 71; Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998. С. 164..

³⁷ Иванов В. Эллинская религия. С. 326; См. также: Detienn M. Dyonisos a ciel ouvert. Paris:, 1986. P. 137; Цивьян Т. В. Знаки Балкан / Т. В. Цивьян // Балканские чтения. Ч.1. М.: Наука, 1994. С. 35–57; Евзлин М. Еще о дионисийском ритуале (Strab., IV, 4, 6) / М. Евзлин // Славянское и Балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли.- М.: «Индрик», 2003. С. 51.

³⁸ Элиаде М. Азиатская алхимия. С. 166; До сих пор лучшей о корибантах-кабирах и их культе в Древней Греции остается труд Г. Бенгта. См.: Bengt H. Die Cabiren. Berlin, 2001 (первое изд. 1950).

³⁹ Лосев А. Ф. Древнегреческая мифология. С. 165–166; Иванов Вяч. Вс. Древнебалканские названия священного царя и символика царского ритуала // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 199; Leroi-Gouran A. Les Religions de la Prehistoire. Paris, 1983. P. 69.

⁴⁰ Цивьян Т. В. Знаки Балкан // Балканские чтения. М., 1994. Ч.1. М., 1994. С. 41–42.

⁴¹ Евзлин М. Еще раз о дионисийском ритуале. С. 52.

⁴² Там же. С. 54–57.

⁴³ Там же. С. 58, 64.

⁴⁴ Там же. С. 57, 67.

⁴⁵ Там же. С. 64.

⁴⁶ Vandiver E. Entries in Herodotus. The Interaction of Myth and History. Frankfurt am Main, 1991. P. 26, 63, 192.

⁴⁷ Там же. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1995. С. 156.

⁴⁸ Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М., 2000. С. 81–83; Элиаде М. Миф о вечном возвращении, 2003. С. 275–278; Eliade M. Spezzare il tetto della casa / М. Eliade.- Milano^ Labirinto, 1988. P. 675–676.

⁴⁹ Элиаде М. Миф. С. 280; Hubert H., Mauss M. Natura and her functions during sacrifice / H. Hubert, M. Mauss // Magic and Cult: Origin, History and Perspectives.- Bruxelles, 2005. P. 77.

⁵⁰ Других гиппофагов Птолемей размещал на восточных склонах Имая (Алтая). См.: Ptol., V, 9; VI, 15. Альтернативный ритуал, возможно, имеющий отношение к исконным эллинам полиса в стране будинов представлен традицией относительно Аркадии, где Дионис, представляемый в образе барана перед жертвоприношением кормился медом, а в распоряжении сопровождавших его Менад находились тирсы (сосновые ветви, увитые плющом), *олицетворявшие использование в ритуале елового пива, приправленного плющом и подслащенного медом* — того самого опьяняющего напитка нектара, который варили из забродившего меда и который, по мнению Р. Грейвса, боги продолжали употреблять на гомеровском Олимпе. См.: Грейвс Р. Мифы. С. 76–77. В связи с этим, как нам представляется, появляется возможность для предположения о еще одной вероятности вскрытия этимологии *elle* в плане интерпретации этого слова как основы этнонима Hellenes. Наконец, весьма существенным нам представляется свидетельство Нона, согласно которому атрибут самого Диониса и его спутников — тирс представлял собой, увитый тем же плющом, жезл с навершием в виде сосновой шишки (Nonn., Dionis., XIV, 224 sqq; XVII, 15–22). Такими же жезлами, судя по Геродоту, обладали пер-

фереи-послы гипербореев, привозившие обернутые в солому дары богу Аполлона в Дельфы. См.: Захарова А. В. Нонн Паннополитанский. // Нонн Паннополитанский. Деяния Диониса / Пер. Голубца. СПб., 1997. С. XIV–XXI/

⁵¹ Представляет интерес, зафиксированная античной традицией связь с землей и коневодством Геракла, культ которого в данной ипостаси был близок культам Деметры и Диониса. Также примечательно, что одно из его прозвищ отложилось в эпитете «бог стад», указывающего на его функции как древнейшего пастушеского божества. См.: Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. Еще больший интерес представляет то, что кроме виноградной лозы Дионису была посвящена сосна (*helle*), и что Дельфийский оракул заповедал жителям Коринфа поклоняться сосне «наравне с богом», а сам он со своими спутниками изображался с посохом украшенным наконечником в виде сосновой шишки (или шишек), что являлось напоминанием о его первых игрушках в младенчестве. Наконец, должна быть учтена и та связь, которой Дионис наделялся древними греками в отношении циклов перехода от рождения (новолуние) к смерти ((полнолуние). Согласно одному из такого рода представлений, он подчиняется богине Луны Селене/Семеле, называвшейся также Тиона или Котитто (Apolloclod., III, 5, 3; 23; II, 3, 1, 2). См.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 429.

⁵² О покровительстве и оказании именно населением Аттики всяческой помощи дорийским переселенцам и беглецам сообщают многие античные авторы (например, Schol. Aristoph. Equit., 1151; Isocr., Pap., 15–16; Lys., II, 16; Diod., IV, 58; Just., Epit., XVII, 3, 1) и эпиграфические источники (в частности т. н. Паросский мрамор (Mapp. Pap., I, 29). Небезынтересно и то, что, по мнению Вяч. Вс. Иванова, дорийцы — древнейший субстрат греко-армяно-фракийской культурной и языковой общности.

То, что написание имени деда Демосфена могло быть искажено, свидетельствуют, как минимум два обстоятельства: то, что речь переделявалась Эсхином в связи с публикацией его оппонентом речи «О венке» и то, что изложенные в речи «Против Ктесифонта» факты (в особенности измены, вынесения приговора и бегства из Афин на Боспор) были вставлены позднейшими переписчиками и комментаторами (Liban., Argum. orat. Demosth., 2). См.: Жебелев С. И. Северное Причерноморье. С. 187. прим. 1; Thalheim P. Aeshin // PWRE. Bd. I. Coll. 1058.

Показательны и другие факты. В частности, наличие родственников Демосфена на Боспоре в целях уничтожения соперника использовал и его современник Динарх, назвав его просто скифом (Dinarch., Contr. Demosth., I, 15). С другой стороны, не менее информативны аналогичные оценки поздних авторов, начиная с Плутарха (Зосимы Аскалонского и Сириана — писателей IV в. н. э.), которые также, исходя из имени деда Демосфена, называли последнего скифом, явно опираясь на свидетельство Аристотеля (или Псевдо-Аристотеля) о гелонах-скифах. Однако самое важное заключается в присутствующей у них аллитерации имени Gelopos, а не Gylonos. Думается, они вполне отдавали отчет о греческом характере этого имени, поскольку в отличие от современников Демосфена им незачем было его компроментировать, тем более, что ко времени их жизни понятие Восточной Европы ассоциировалось или со Скифией, или с Сарматией, наподобие того как в русских летописях устоялся термин «Великая Скуфь», наполненный совершенно иным этническим содержанием.

На возможность существования имени Гилон в форме Гелон указывают примеры из трактата Евсевия «О взаимозаменяемом», где можно обнаружить устанавливаемое им тождество между названием города **Gilon** личным именем **Gelon**, написанным через «эту» (Euseb., De пом., 354, 357). Во всяком случае, опираясь на наблюдения Евсевия, можно предположить существование просопографического ряда — Gaelonos=Gelonos=Gylonos=Gilonos, что с учетом закономерностей развития ономастики, выглядит вполне закономерным. Показательно, что само имя Гилон/Гелон, как показывают результаты исследования афинских «фамилий», не является Нимфейским, но вполне вписывается в афино-спартанскую просопографию, на что еще в 30-е гг. прошлого века обратил внимание Р. Бехтель. См.: Bechtel R. Griechische hist. Personennamen. Gottingen, 1931. S. 163; Brandis S. Nymfei // PWRE. Bd. 3. Coll. 761 (примечательно, что Hilon/Gilon/Gelon были исключительно афинского происхождения). Известно, что спартанский реформатор 556 г. до н. э. Гилон относил себя к роду ахейского происхождения. Являлось ли такое утверждение истинным или оно отражало распространенное (и запечатленное Геродотом) мнение, согласно которому дельфийский оракул «дал возможность спартанцам объявить себя истинными наследниками ахейцев-властителей Пелопоннеса» (Herod., I, 67–68). См. также: Мельников О. Н. Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гелона» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Сборник научных трудов. Вып. 8. Симферополь: Таврия, 2001. С. 410–435; Форму Gelonos склонен прилагать к деду Демосфена Ю. А. Виноградов. См.: Виноградов Ю. А. «...Там закололся Митридат». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. — СПб., 2004. С. 18–19. Небезынтересно, что в одной из своих последних статей о скифах в Афинах (если это, конечно, не опечатка) такое же написание присутствует и такого тонкого историка и филолога, каким является Э. Д. Фролов. См.: Фролов Э. Д. Скифы в Афинах // ВДИ. № 1. М., 1998. С. 133–135; См. также перечень афинских имен V–IV вв. до н. э.: Meiggs R., Lewis D. A. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the Fifth Century B. C. Oxford, 1969. Однако самым существенным следует признать в указанном отношении обнаружение О. Н. Трубачевым, как нам представляется, праосновы и личного имени Гелон и названия одноименного города. В одной из своих статей, написанных совсем по другому поводу, он обратил внимание на то, что древняя изоглосса золота, отразившаяся в прагерманском, праславянском, балтском и фракийском диалектах, восходит к и. е. диал. *ghel-en-io, которое, совпадая и морфологически и фонетически с греческим Gelonos, на наш взгляд, вполне могло лечь в их основу. См.: Трубачев О. Н. Этногенез славян и праиндоевропейцы // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 14.

Глава III

ПОЛИС ГЕЛОН И АФИНСКАЯ АРХЭ

Анализ свидетельств Геродота о деревянном городе Гелоне в стране будинов (IV, 108) и открывшиеся в нем познавательные возможности делают настоящим и необходимым их рассмотрение в контексте внешней политики Афин в 40-е- 30-е гг. до н. э. вообще, взаимоотношений с населением Северного Причерноморья, древним скифским царством и античными городами в бассейне Понта Эвксинского, а также племенами Лесостепи, в частности. Более того, его актуальность продиктована самим характером отложившейся в труде «отца истории» информации, ставящей вопрос о том, зачем историку понадобилось в этногеографическом описании Скифии, специально остановиться на факте существования в глубинах скифского хинтерланда города, население которого составляют *to arhaion Hellepon* — выходцы из понтийских эмпориев и не является ли она надуманной и введенной в оборот ради обоснования афинских интересов в этом важнейшем со стратегической и геополитической точек зрения регионе.¹ Другими словами, с учетом того, что в тексте источника Афины ни словом не упомянуты (афинское гражданство Геродота в 30-е-40-е гг. V в. до н. э. лишь подразумевается) закономерно возникает вопрос, а не является ли эллинский город Гелон в землях будинов фикцией древнегреческого историка?

Понятно, что определенная возможность решения указанной проблемы как раз и лежит в плоскости, с одной стороны, изучения политики афинской архэ, а с другой — в контексте поиска проявлений постановок идеологических задач обоснования последней, выполняемых в названном отношении «Историей» Геродота, в том числе и по линии Афины — Гелон.

Отметим сразу: никаких прямых свидетельств в письменных источниках по данному вопросу нет, зато имеется достаточное количество данных вторичного порядка, раскрывающих развитие представлений населения греческого Средиземноморья о Северном Причерноморье и племенах периферии скифской ойкумены, в том числе о гелонах и будинах (но не о Гелоне, свидетельство о котором у Геродота является единственным и потому уникальным).²

Из них данные Плутарха об экспедиции Перикла в Понт Эвксинский, позволяющие предположить мотивацию сообщений Геродота (при допущении его в ней участия), представляют своего рода «ключ» к выяснению тех интересов, мотивов, целей и задач, которые преследовала внешняя политика Афин в акватории Понта Эвксинского (и соответственно, у «отца истории») именно в 540–530 гг. до н. э.³

Он пишет: «...Перикл сосредоточил в себе и сами Афины и все дела, зависевшие от афинян, — **взносы союзников, армию, флот, острова, море, великую силу**, источником которой служили **как эллины, так и варвары,**

и верховное владычество, ограниченное покоренными народами, дружбой с царями и союзом с мелкими властителями... Он в своей политике затанул песню на аристократический и монархический лад и проводил эту политику согласно с государственным благом... Он сделал государство из великого величайшим и богатейшим..., могуществом превзошел многих царей и тиранов, из которых **иные заключали договоры с ним, обязательные даже для их сыновей** (Plut., Per., XIV). Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он сделал для эллинских полисов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварам он показал великую мощь, неустрашимость и смелость афинян, которые плывут, куда хотят, **и все море держат в своей власти...** (Plut., XX, 25).

В сообщении Плутарха присутствуют указания, заставляющие задуматься относительно сущности проводимой Афинами политики в отношении Понта Эвксинского, в том числе и по отношению к Скифскому царству и античным городам Северного Причерноморья. Основными проявлениями последней выступают: 1) освобождение Нимфея из-под протектората скифов; 2) превращение его жителей в союзников афинской архэ; 3) основание военно-морских баз Афинеона и Пирея на противоположных побережья моря; 4) оставление 13 триер в Синопе для контроля над акваторией Понта; и 5) высылка в нее 600 клерухов-афинян в качестве гарнизона. По всей видимости, в 438/7 гг. до н. э. этого было достаточно для обеспечения афинской талассократии на Понте Эвксинском, установленной, если доверять записи Кратера, в нарушение условий Каллиева мира 449 г. до н. э.

В отсутствие прямых данных (в литературе дебатировался даже вопрос об обстоятельствах воцарения Спартака I) относительно последствий утверждения Афин в Черном море высказываются самые различные оценки. При этом одни исследователи вслед за Ю. Г. Виноградовым склонны рассматривать экспедицию Перикла как стремление включить припонтийские полисы в состав архэ, установить угодные политические режимы и тем самым создать прочную базу снабжения Афин хлебом.⁴ Другие (Ф. В. Шелов-Коведяев, С. Ю. Сапрыкин, Е. А. Молев), не связывая с ней историю Северного Причерноморья, полагают возможным указать на автономность политического переворота на Боспоре в 438/7 гг. до н. э. поскольку в тексте сообщения Плутарха о Северном Понте о нём не сказано ни слова.⁵ Наконец, третьи увязывают экспедицию афинян в Понт с политической борьбой, какая шла между демократами и олигархами, персонально, между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия вокруг трех вопросов: политики на Западе, политики на Понте и политики по отношению к союзникам.⁶ Четвертые, как например, А. А. Завойкин, опираясь на нумизматические источники, полагают возможным рассматривать стремление афинян в акваторию Северного Понта в контексте противоборства, с одной стороны, Афинской архэ с влиянием ахеменидской Персии в Пантикапее и городах южного Причерноморья (Синопа, Гераклея Понтийская), а с другой — с точки

зрения стремления Перикла к созданию плацдарма и обретения союзников в Синдике в целях нейтрализации влияния персов на основных морских судоходных трассах Понта Эвксинского (Фемискира-Синдика, Кriu Метопон-Карамбис).⁷

Среди них всех обращают на себя внимание те оценки, которые, рассматривая экспедицию Перикла в контексте потребности Афин в союзниках на Понте, тем не менее, носят скептическую окраску. Так, например, по мнению М. Гранта, источники однозначно указывают на то, что Спарток I стал покорным представителем Афин в Северном Причерноморье.⁸ Как полагает исследователь, это отнюдь не способствовало процветанию Боспорского государства ни при самом Спартоке, ни при его преемнике Сатире I (433–389 гг. до н. э.), и только после поражения афинян при Эгоспотамах (405 г. до н. э.), установив, несмотря на противодействие Гераклеи Понтийской, свой контроль над их бывшими опорными пунктами на Крымском побережье, в особенности над Феодосией, превратив последнюю в главный порт вывоза товаров морем в Пирей и наладив тем самым судоходную трассу, снабжавшую граждан Афин хлебом, Боспорское царство превратилось в мощный фактор международной политики, как в Причерноморье, так и в Средиземном море.⁹

Несмотря на противоречивость и даже неадекватность мнения исследователя информации источников по данному вопросу, все-таки, с учетом последовавших двусторонних договоров Боспора с Афинами, освобождения афинских купцов от пошлин на вывоз зерна, а также почетных декретов в честь его правителей со стороны афинян, складывается впечатление, что и то, и другое государство были заинтересованы друг в друге, несмотря на то, что переход городов Нимфея и Феодосии, способных принимать до 100 кораблей одновременно под покровительство Спартокидов, сыгравший, как следует думать, свою роль в расцвете экономики городов Боспорской симмахии на рубеже V–IV вв. до н. э., был, как свидетельствует эпизод с Гилоном, неоднозначно воспринят властями восстанавливавшей свое былое могущество морской державы.

И все-таки вышеперечисленные факты, насколько бы действительными они ни были, даже с учетом своей ретроспекции в 30-е гг. V в. до н. э. не дают возможности не только разобраться в действительных причинах интереса Афин к побережью Северного Понта, но и, в особенности, к тому, почему в тексте «Истории» Геродота при отсутствии упоминаний о Херсонесе и городах Боспора, известных Гекатею Милетскому и Гелланику Лесбосскому, а также присутствующих в перипле Скилака из Карианды,¹⁰ его внимание сфокусировалось на описании Скифии, торговом пути к агриппеям и г. Гелоне, расположенному по его маршруту в стране будинов сразу за меланхленами и выше савроматов. В свое время ответить на этот вопрос попыталась Т. В. Блаватская. « Не следует забывать, — писала она, — что Геродот с большой симпатией относится к планам выселения на чужбину и основа-

ния там совершенно новых полисов. Его личное участие в основании колонии в Фуриях служит тому достаточным свидетельством».¹¹ Исходя из такой посылки она полагала возможным вывести заключение, согласно которому умолчание Геродота о боспорских городах является неслучайного порядка его враждебным отношением к Боспору, поскольку позиция историка в данном аспекте, равно как и по отношению к тому или иному государству, была прямым отражением афинской политики, в том числе и к Боспору в 40-х-30-х гг. V в. до н. э.¹² В доказательство затронутого тезиса Т. В. Блаватская рекомендовала обратить внимание на типы пантикапейских монет рассматриваемого времени. Прodelав такую работу, она пришла к выводу о существовании известных различий между монетными чеканами Пантикапея и Феодосии. В частности, в последнем исследовательница усмотрела сильное афинское влияние, точно также как и на монетах синдов, и, сопоставив с влиянием афинской весовой системы в Ольвии, сочла возможным, держа на прицеле свидетельство Плутарха об экспедиции Перикла в Понт, высказать мнение о существовании политической отчужденности между Боспором и Афинами во второй половине V в. до н. э.¹³ В последнее время данный вывод получил подтверждение в результатах исследования монетного чекана Пантикапея и Синдики. На Пантикапейских монетах второй-третьей четверти V в. до н. э. наряду с другими присутствует изображение восьмилучевой звезды, которая была символом царской власти персидских царей из династии Ахеменидов.¹⁴ В историографии высказывалось даже мнение о принадлежности последних, либо царскому наместнику, управлявшему боспорской сатрапией, либо послу царя персов, направленному сюда с дипломатической миссией.¹⁵ Такая трактовка была поставлена под сомнение открытием на монетах Синдики заметного и довольно выразительного присутствия афинской символики.¹⁶ Наконец, нельзя пройти мимо установленного в науке факта начала реального влияния Афин на Боспоре только десятилетие спустя после экспедиции Перикла.¹⁷

Рассуждения Т. В. Блаватской (как, впрочем, и результаты изучения боспорских монет В. А. Анохиным, представившим в самое последнее время обобщающий труд по истории монетной чеканки Боспора, а также рассуждения Х. В. Маттинли)¹⁸ натолкнули нас на мысль о необходимости выявления, с одной стороны, целей внешней политики Афин в 430-х гг., в том числе и на Понте Эвксинском, а с другой — рассмотрения международного положения, сложившегося к этому времени в его акватории, в особенности после греко-персидских войн, но с учетом роли полисов, одни из которых подверглись контролю афинян, а другие, как в случае с Гераклеей Понтийской — метрополией Херсонеса Таврического, нет. Это последнее показалось весьма перспективным, поскольку Геракл был эпонимом Гераклеи, а его культ одним из самых основных в ее апойкии.

Гераклейское направление поиска причин размещения Геродотом греческого полиса на далекой периферии античной ойкумены и даже выше

территории проживания скифов диктуется, как нам представляется, следующими соображениями.

Во-первых, ко времени похода Перикла у Гераклеи Понтийской сложились тесные отношения с Ахеменидами. В пользу этого свидетельствует то, что, согласно Юстину (Justin, XVI, 3), после победы афинян над Персией она отказалась уплачивать форос в казну Делосского союза. Во-вторых, находясь в подчинении царям персов она сохранила свою автономию. В-третьих, в лице сатрапов Ахеменидов в Малой Азии Гераклея имела не только гарантию своей безопасности, но и поддержку в плане развертывания своей заморской торговли в северном, северо-западном и северо-восточном направлениях, что засвидетельствовано археологическими и нумизматическими данными.¹⁹ С учетом данного обстоятельства, становится понятным, почему южнопонтийский полис, ориентированный на Персию, не стремился к развитию политических отношений с Афинами, чему также в немалой степени способствовала симпатия его олигархических кругов к Спарте, развивавшаяся со времени Ионийского восстания.²⁰ К этому следует добавить, с одной стороны, заинтересованность олигархов Гераклеи в северопонтийском рынке, а с другой — конкуренцию, которую составляли им купцы из Синопы и Амиса, основавшие еще в 612 г. до н. э. поселение на Гераклейском полуострове в качестве своей транзитной базы, ориентированной на установление контроля в этом регионе, направленном, как следует думать, против экспансии в этот регион, опиравшейся на поддержку скифов, Ольвии, и полагававшейся, на так же находившуюся под протекторатом Скифского царства Скила-Октамасада — Керкинитиду, Гераклеи.²¹

С учетом указанных возможностей, получает объяснение, носившее, очевидно, насильственный характер, включение Гераклеи Понтийской в Афинскую Архэ (во всяком случае, в 425/4 г. до н. э., т. е. накануне выселения из метрополии в Херсонес второй волны делосско-гераклейской дорической апойкии), поскольку для взимания с нее фороса афиняне послали флот во главе со стратегом Ламахом, добивавшегося цели разорением, принадлежавшей олигархам, гераклейской хоры.²² По мнению историков Гераклеи и Херсонеса, сам факт такой посылки, равно как и упоминание о совершенном в те же годы государственном перевороте, выступает свидетельством демократического характера политической системы полиса в предшествующее время, начиная с экспедиции Перикла, завершившейся включением в Афинский морской союз Амиса, Синопы, Гераклеи на южном, Аполлонии и Истрии на западном, Тиры, Ольвии, Нимфея, Фанагории на северном побережье Черного моря.²³ Неустойчивость полиса и его нежелание быть членом Архэ, помимо других причин, могли, как нам кажется, вызвать необходимость пропагандистского идеологического обоснования прав афинян на гераклейский флот и форос, что и послужило поводом для Геродота, наряду с контрпропагандой против режима Археанактидов, и Спартока I, следовавших, о чем свидетельствует присутствие персидской весовой системы в монетном чекане

боспорских городов Европейской части, в русле политики Ахеменидов, обратиться к теме родства афинян с «исконными эллинами» города на далекой периферии античной, даже по меркам Причерноморья, ойкумены.

Возникает вопрос: а носило ли стремление Афин в земли по-за Танаисом выше савроматов целенаправленный характер? Иными словами: существуют ли иные объяснения пассажа «отца истории» о Гелоне? Ответ на них, думается, содержится в рассмотрении носивших комплексный характер, предпосылок и причин морской экспедиции Перикла в Понт Эвксинский.

Важнейшей из первых следует назвать победы, одержанные Афинами на заключительном этапе греко-персидских войн, заключение и условия Каллиева мира с Ахеменидами (449 г. до н. э.), создание морской державы и установление афинской талассократии, имевших своим следствием в перерастание симмахии с афинской гегемонией в союзное государство территориального типа со столицей в Афинах, установление контроля над перемещенными сюда финансами союзников и появившаяся на этой основе возможность превращения города в геополитический центр ойкумены от Фурий на Западе до Гелона на северо-востоке.²⁴

Следующая по степени важности предпосылка была связана с ростом товарно-денежных отношений и укреплением города как экономического центра, включая сюда и изменение социальной природы последнего. Первое проявилось в тенденции установления контроля над основными торгово-судоходными трассами, по которым происходил импорт зерна в Афины и который, помимо того, представлял, с одной стороны, возможность накопления денежных средств за счет взимания фороса за проход кораблей, а с другой — использовать, как свидетельствуют т.н. навигационные листы, указанное обстоятельство в реализации требования обязательного захода их в афинские порты, что обеспечивало сосредоточение в них основных грузопотоков.²⁵ Все это в своей совокупности способствовало углублению разделения труда между сельскохозяйственным и ремесленными производствами, их специализации, формированию развитого рынка на основе денег, утверждению частной собственности и изменениям в положении основных слоев населения афинского общества. В частности, особо существенную роль сыграло превращение земли в объект купли-продажи, что не замедлило сказаться на эволюции общественного строя: с середины 50-х гг. V в. до н. э. права избрания на высшие должности добились люди, богатство которых основывалось не на земельной собственности, а на деньгах.²⁶ Помимо них собственные интересы постепенно начинали формироваться у средних слоев земледельцев, ремесленников, купцов, наемных рабочих судостроительных верфей, что не могло не отразиться на политике выведения клерухий и сознательно проводимой изоляции членов Пелопоннесского союза за счет подчинения своей власти колоний ионийских полисов, в особенности на важнейшем стратегическом направлении — в Понт Эвксинский.²⁷ В этой связи нелишне напомнить что по условиям мира, названного Каллиевым,

персы потеряли контроль над Эгейдой, но не над Понтом. К тому же, несмотря на признание Ахеменидами морского владычества Афин, в практике международного морского (торгового) судоходства сохранялся принцип свободы мореплавания, который существенным образом подтачивал интересы Афин и, по всей видимости, несколько ограничивал восстановленную автономию малоазийских полисов.

Наконец, в качестве побудительного мотива морской экспедиции в Понт мог выступить зафиксированный источниками, первый кризис архэ, обнаружившийся некоторое время спустя после египетской катастрофы 454 г. до н. э. и сразу же по заключении мира 449 г. до н. э., когда союзники поставили вопрос о роспуске, выполнившего свою историческую миссию морского союза (IG, I² 27, 28a).²⁸

Но не только указанными обстоятельствами определялось стремление афинской политики времени Перикла к распространению своего влияния в акватории Понта. В решении данного вопроса не менее важно учитывать ту политическую конъюнктуру, которая сложилась в середине — третьей четверти V в. до н. э. в отношениях Афин со Спартой и Ахеменидами, на что не так давно обратил внимание И. Е. Суриков.²⁹ Она настоятельно требовала, с одной стороны, не только обеспечения безопасности границ Аттики со своими ближайшими соседями (Беотией и Фессалией), за счет чего только и могло быть обеспечено стратегическое равновесие со Спартой, с одной стороны, но и сохранение, задекларированной соглашениями 449 г. до н. э., биполярности мира между Спартой, Афинами и державой Ахеменидов — с другой.

В указанном отношении весьма примечательны свидетельства Тита Ливия (Liv., III, 31, 8; 32, 6) и Дионисия Галикарнасского (Dion. Hal., Ant., X, 51–53) о римском посольстве в Афины с целью изучения законов Солона, которое отправилось в 454 г. до н. э. и возвратилось из поездки в 452 г. до н. э. На следующее десятилетие выпадают, зафиксированные традицией и эпиграфическими источниками договоры афинян о союзе с Регием и Леонтинами, заключенные в 440 г. до н. э., т. е., практически, накануне понтийской экспедиции.³⁰

В этом же ряду следует рассматривать как рост численности сторонников «нового политического курса», так и значения панэллинских черт в развитии внешней политики Афин, непосредственным проявлением которых, в том числе и в целях увеличения своего влияния на Западе, стало выведение колонии в Фурии, инициатором чего, по свидетельству Плутарха, выступил сам Перикл (Plut., Per., 11), а в общей массе переселенцев афиняне составляли лишь часть колонистов (Strabo., VI, 1, 13).³¹ Как заметил М. Финли, выведение колонии в Южную Италию было со стороны афинян стремлением создать систему «сдержек и противовесов», обеспечивавшей бы разобщение союзников и противников и предоставившей бы свободу выбора направлений в реализации ее собственных интересов, через обеспечение безопасности действиям афинского флота на всех акватори-

ях и морских коммуникациях. Что Перикл имел самые серьезные намерения в данном отношении, свидетельствует т. н. монетный декрет афинян 440–439 гг. до н. э., согласно которому все члены архэ должны были в обязательном порядке использовать Афинские серебряные монеты, систему мер и весов.³² Эти меры способствовали развитию торговли повсеместно от Фаселиды до Пропонтиды, но ее состояние напрямую зависело от контроля Афин над проливами, за вход и выход из которых афинские эллимены взимали пошлину.³³ Обратной стороной процесса усиления морского могущества Афинской архэ в целом, и ее столицы, в частности стало увеличение суммы выплат (фороса) со стороны «строптивных» союзников. Об этом свидетельствует договор Афин с Самосом, по условиям которого этот полис был обязан выплачивать в казну конфедерации 1276 талантов фороса.³⁴ Последнее весьма примечательно в свете афинского закона, принятого шестью годами раньше (445 г. до н. э.), который требовал от союзников выплаты не только денежных сумм, но и поставки различного рода подарков, в частности, как говорится в одной из надписей, «коровы и доспеха на Великие Панафиней и фаллос на Дионисии» (SGIML. № 49. Lp. 11–13).³⁵

На решение той же задачи была нацелена и колонизационная практика Перикла. Во второй половине V в. до н. э., а скорее всего в 439 г. до н. э. Афины выводят колонию в Амфиполь, причем, в местность, занимавшую важное стратегическое положение и получившую название «Девять путей», расположенную как раз на пересечении сухопутных, речных и морских торговых трасс, богатую корабельным лесом и серебром, причем и в данном случае афиняне составляли только ядро колонистов, тогда как остальной контингент состоял из выходцев из других полисов архэ (Thuc., IV, 103, 3; 106, 1).³⁶

Еще одна сторона причин совершения Периклом экспедиции в Понт заключалась в стремлении обезопасить афинские экономические интересы в этом стратегически важном регионе, равно как и в решении задачи по снижению того влияния, которым располагали в отношении местных племен дорийские полисы Причерноморья, находившиеся под протекторатом Ахеменидов, или ионийские города прибрежной зоны — данники скифских царей.³⁷ В указанном отношении особый интерес представляют свидетельства Геродота о морских путях на Понте Эвксинском (Синопа-Истрия, Фемискира-Синдика, Боспор Фракийский- Фасис), изучение которых показало, что с прокладкой прямого пути между южной оконечностью Крымского полуострова (м. Крию метопон) и Синопой (м. Карамбис) Периклу удалось не только расчленить контролируемые персами и их сателлитами важнейшие прямые трассы, но и изолировать друг от друга полисы (например, Гераклею Понтийскую, Каллатис и Синопу (из последней был изгнан тиран Тимесилей), имевшие собственные экономические и политические интересы как в прибрежной акватории, так и во внутренних областях скифского хинтерланда.³⁸ Более того, данные Геродота вполне можно рассматривать как своего рода документ о реальности экспедиции Перикла в Понт Эвксинский,

осуществленной, думается, в то время, когда основные, действовавшие в нем краткие морские пути, связывавшие античные государства и местные народы по всему периметру его акватории в единое целое, находились или под контролем самих персов, или их сателлитов. Появление кратчайшего пути через Черное море следует рассматривать как шаг к оформлению глобальной талассократии афинян на морях, осуществленной на Понте с помощью базировавшегося в Синопе флота из 13 триер и 600, высланных сюда афинских клерухов.

На этом фоне, поистине бесценными и чрезвычайно информативными нам представляются, с одной стороны, данные о том, что к 435 г. до н. э. потенциальная военная мощь Афин превышала их совместную мощь со Спартой в годы греко-персидских войн, а с другой — свидетельства о пополнении архэ за счет новых союзников на Понте (Гераклея Понтийская, Ольвия, Нимфей и др.).³⁹ Но еще более исчерпывающим в указанном отношении, по своему значению превосходящим все вышеперечисленные факты является свидетельство Фукидида о том, что в 433–432 гг. до н. э. граждане Митилены, решившиеся отложиться от архэ и выжидавшие для этого удобного случая (в том числе и вмешательства Спарты), но, формально, находящиеся в ее составе, надеялись **на прибытие из Понта лучников, хлеба и других запасов** (Thuc., III, 2, 2), что, с нашей точки зрения, как раз и указывает (поскольку полис формально еще находился в составе архэ) на один из важнейших результатов понтийской экспедиции Перикла.⁴⁰

В их ряд, по всей видимости, следует поставить еще одно, имеющее отношение к религиозно-культовой практике населения Аттики (почитанию Аполлона Гиперборейского), имевшего ахейско-ионийское происхождение, явление: согласно Павсанию, т. н. дары гипербореев, достигнув Скифии, переправлялись ее посланниками в Синопу, откуда они доставлялись в Афины, а из Афин на о. Делос (Paus., I, 31, 1). И хотя источник ничего не сообщает о времени изменения маршрута «даров» (ранее их маршрут пролегал через побережье Адриатического моря (Herodot., IV, 33), вполне правомерной представляется его увязка с установлением афинской талассократии на Понте Эвксинском, осуществленной Периклом в 438/437 гг. до н. э.⁴¹

Констатация данного факта открывает еще одну, не затрагивавшуюся ранее в связи с осмыслением причинности интереса Геродота (и его слушателей- афинян или фурийцев) к далекому от Греции деревянному городу Гелону в стране будинов, сторону исследуемой проблемы — ту, которая связана с определением места т. н. «Священных путей» к Рипеям в контексте афинской политики вообще, времени экспедиции Перикла в Понт, в частности. Обоснованность постановки и поиска возможных объяснений в ее разрешении приобретает особенную актуальность, если учесть, что конечным пунктом «гиперборейских даров» являлся о. Делос — место организации I Афинского морского союза и местный храм Аполлона, где до переноса в Афины хранились «золотозапасы» союзной казны. Возмож-

но, что недовольство союзников бесконтрольным распоряжением афинян общими средствами и послужило побудительным мотивом, совершенного Периклом, отвлекающего, имевшего идеологическую подоплеку, дипломатического маневра: переключение доходной статьи казначеев священных сумм Делоса на поступление компенсирующих «золото-валютных» средств с запредельной периферии населенной людьми ойкумены.

На возможность предлагаемого решения указывают и результаты изучения Д. А. Мачинским сакральных центров Скифии близ Кавказа и Алтая.⁴² По мнению исследователя, сформировавшиеся в начале III тыс. до н. э. и зафиксированные Геродотом, Павсанием и Плинием «священные пути» отражали культурные трансляции между носителями индоевропейской языковой общности первоначально по линии запад-восток (до середины II тыс. до н. э.), а с VII в. до н. э. — в обратном направлении, т. е. восток-запад. При этом, как полагает Д. А. Мачинский, античной традицией достаточно компетентно описаны линии связей между юго-западным Приуральем и некой нелокализованной до сих пор заалтайской областью с Нижним Доном и Таманским полуостровом и далее — с северным побережьем Малой Азии и Эгеидой.⁴³ Более того, свидетельства последней об ориентации «Священных путей», по убеждению ученого, вполне вписываются в пунктирно намеченными на базе археологических исследований направлениями миграций и культурных контактов, олицетворением которых для эпохи бронзы, по его мнению, выступает идентичность погребального обряда носителей Новотиторовской культуры Прикубанья и Афанасьевской культуры Минусинской котловины в Сибири.⁴⁴

Д. А. Мачинский считает вполне достоверными известия древних авторов о гиперборейских посольствах с «начатками плодов» на Делос, полагая что они прекратились ко времени Геродота и не учитывая вышеприведенного нами свидетельства Павсания, отраженный в котором маршрут движения даров соответствует развиваемой нами гипотезе. Но самое важное, на что автор не обратил внимания вообще, заключается в упоминании Геродотом и Павсанием жреца Аполлона и первого, жившего не позднее VIII в. до н. э. (а значит, современника Гомера) поэта — слагателя гимнов и «истинного эллина», *Олена Ликийского*, имя которого родственно наименованию г. Гелона и гелонов (Gelopoi / Gelonos = Olenoi = Helenoi = Hellepoi). А это вновь возвращает к постановке вопроса о причинах интереса афинян времени Перикла к Гелону и мотивам присутствия информации об этом затерянном, казалось бы в глубинах заскифских земель, деревянном городе, жителями которого являлись «исконные эллины», а их соседи — будины, справляли в нем раз в три года празднества в честь Диониса (Herodot., IV, 108–109).

Представляется, что его решение находится в тесной взаимосвязи с результатами исследований С. Я. Лукьяшко и В. Е. Максименко курганных погребений Среднего и Нижнего Дона, которые в сопоставлении с заключениями Д. А. Мачинского, по нашему представлению, открывают еще один уровень, не подвергавшегося еще осмыслению в науке, информационного

пространства, образуемого к тому же показаниями письменных и археологических источников. Речь идет об установлении удивительной близости погребальных сооружений с деревянными конструкциями Среднего Дона и низовий Северского Донца VI–IV вв. до н. э., на основании чего было выдвинуто мнение не только об их тождестве, но и о том, что нижнедонские курганы представляют собой южную группу памятников среднедонской культуры скифского времени.⁴⁵ Идею о культурной и этнической близости населения двух районов, правда в плане привязки к скифской макрокulture, в самое последнее время развивает и В. И. Гуляев, полагающий, что такая близость снимает вопрос поиска археологических эквивалентов культуры будинов и гелонов Геродота.⁴⁶ Проанализировавший доводы своих коллег А. П. Медведев опротестовал все предложенные решения, найдя возможным вывести заключение о принадлежности указанных памятников *элитарной субкультуре аристократии племени сирматов Псевдо-Скилака и Эвдокса*, несмотря на то, что и на Среднем, и на Нижнем Дону достаточно отчетливо просматриваются и иные *«исходные ядра этно-культурных комплексов тех социальных групп номадов, которые и оставили названные памятники»*.⁴⁷ В процессе полемики высказывалось также мнение, не нашедшее поддержки археологов — мнение, согласно которому во всех указанных памятниках отображена сезонность перекочевок представителей аристократических семейств, главы которых, как полагал его автор, в отличие от основной, перешедшей к оседлости (или оседлой по природе) массы населения, продолжали заниматься кочевым скотоводством. Иными словами, картина взаимосвязей творцов курганных могильников Среднего и Нижнего Дона, на самом деле была более сложной, чем это представлялось до сих пор. В данном отношении, осмысление вещевых комплексов в погребальном обряде, в первую очередь мечей, среди которых зафиксировано 5 синдо-меотских экземпляров в комплексах на р. Быстрой, один меч и один кинжал сходного типа у с. Дуровка⁴⁸, в отличие от иллюстрируемого оружием другого типа — акинаками и длинными мечами — широтного направления связей носителей среднедонской культуры (вплоть до Приуралья)⁴⁹, указывают на другое — по долготе — их направление, что вполне вписывается в свидетельства античной традиции после Геродота, в которой, как нам представляется, отложилась информация о каком-то имевшем место переселении, во всяком случае гелонов, на Северный Кавказ, точнее, как выяснил В. Р. Эрлих, в левобережье Кубани.⁵⁰

Если обратиться к конкретным фактам, то среди них всех данные перипла Скилака и периегесы Пс.-Скимна представляют в нашем случае первостепенный интерес. Прежде всего потому, что первый из них, оставив сирматов на Танаисе, разместил меланхленов и гелонов друг за другом на территории после синдов (Scylac. Kariand., Per., 68, 79–80). Не менее показательно и сообщение Пс.-Скимна: он упоминает и пустыни, и невра, и андрофагов, и Гилею, и скифов, и карпидов, но абсолютно молчит о меланхленах, ком-

пенсирюя данный факт упоминанием в одной обойме и последовательности савроматов, гелонов и агафирсов (Ps.-Scymn., Per., 841–849). Обращает на себя внимание и то, что, практически в той же последовательности, что и у Скилака перечислены племена и у Страбона: за Синдской областью он называет вместо гелонов ахейцев, над землей которых находится ущелье фтирофагов (Strabo., VII, 2, 1) — эпитет, с помощью которого, если вспомнить, Геродот охарактеризовал соседей гелонов-будинов (Herodot., IV, 108–109). Возникает вопрос, а не являются ли перечисленные свидетельства результатом смешения различных данных, использованных всеми указанными авторами к тому же еще и в переотложенном виде? На него отвечает Пс.-Скимн: опираясь на Эфора, он прямо указывает, что некоторые из названных выше племен (меланхлены, гелоны, ахейцы и фтирофаги) «пришли в Азию и поселились там» (Ps.-Scymn., Per., 860–864). Таким образом, из свидетельства данного автора становится понятным, кто такие фтирофаги, и почему с ними вместе на Северном Кавказе упоминаются ахейцы, гелоны и меланхлены. Последнее важно и с точки зрения перемещения к югу, пересекавших Скифию, «священных путей», европейский маршрут которых в предшествовавшую эпоху, надо думать, совпадал с ольвийским торговым путем, на котором будины и г. Гелон являлись промежуточными остановками.⁵¹

Еще одна возможность объяснения причинности появления рассказа о гелонах, будинах и г. Гелоне у Геродота проявляется через анализ имени деда аттического оратора Демосфена, рассматриваемого в контексте истории античного Боспора в период после экспедиции Перикла и утверждения в нем власти Спартокидов. В этой связи не вызывает сомнений, что практика надения своих детей наиболее архаическими именами, имевшими отношение к мифологии региона, греческими переселенцами была связана в том числе и с развитием брачных контактов между эллинами и скифами, появившимися в Северном Причерноморье, практически, одновременно. Впоследствии, с налаживанием более тесных связей между колониями и метрополиями, развитием международной морской торговли и усилением эксплуатации скифами отдельных античных городов побережья и племен Лесостепи, такая практика, надо думать, получила дальнейшее свое распространение. Поэтому 438/437 гг. до н. э. в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре она не составляла никакого исключения, поскольку этому способствовали, с одной стороны, появление афинских клерухов в Синопе (и возможно, в Нимфее)⁵², а с другой — распространенность, которую, как свидетельствуют эпиграфические данные, получила практика заключения смешанных эллино-варварских браков, проявлением которой, в частности, на наш взгляд, явилось вхождение в греческий ономастический фонд имен, довольно редко заимствовавшихся переселенцами у местного населения, но гораздо чаще представлявших собой, отложившиеся в них, названия конкретных этносов (этнонимический путь).

Среди них личное имя Гелон/ Гилон, носителем которого был дед знаменитого аттического оратора и политического деятеля Демосфена,

выполнявшего, скорее всего, функции начальника афинского гарнизона в Нимфее и по неизвестным причинам передавшего в 80-х гг. IV в. до н. э. управление городом боспорским тиранам, является, пусть слабым, но зато конкретным проявлением возможного интереса Афин к городам автохтонного населения на периферии Скифии. Основания для такого утверждения заключаются в том, что, во-первых, этот Гелон, являлся, по всей видимости (как показывают подсчеты) не только современником Перикла, но и, что весьма вероятно (и чего нельзя исключать) участником морской экспедиции афинского Стратега в Понт, а во-вторых, эта последняя происходила в условиях, когда скифские цари как раз оказывали давление и на Ольвию и на города Боспора Киммерийского.⁵³

Определенным препятствием для надежности интерпретационных построений, в основу которых мы намереваемся положить этимологию этого личного имени, является, зафиксированное античными рукописями его правописание — *Gylon*. Впрочем и оно не может рассматриваться в качестве полностью деструктивного, поскольку хорошо известна практика искажения первоначальных текстов как эллинистическими, так и средневековыми переписчиками античных рукописей. Поэтому, в том, что написание имени деда Демосфена могло быть искажено, свидетельствуют, как минимум, два обстоятельства: 1) то, что речь переделывалась Эсхином в связи с публикацией его оппонентом речи «О венке»; 2) то, что изложенные в речи «Против Ктесифонта» факты (в особенности об измене, вынесении приговора и бегстве Гелона из Афин на Боспор) были вставлены позднейшими переписчиками — филологами и комментаторами рукописей Эсхина и Демосфена (*Liban., Argum. Orat. Demosth., 2*).⁵⁴

В указанном отношении весьма показательны и другие факты. В частности, необходимо принимать во внимание то, что искомая информация отложилась в, отражавшей остроту политической борьбы, полемике между Демосфеном и его противниками, для которой, как известно, не существовало и до сих пор не существует никаких нравственных границ и норм, если только появляется, путем уничтожения оппонента, добиться над ним победы любыми средствами. Динарх в указанном отношении выступает в качестве образца политика эпохи кризиса греческого полиса. Именно поэтому он и называет Демосфена «просто скифом» (*Dinarch., Contr. Demosth., I, 15*). В том, что это было именно так, свидетельствуют оценки Демосфена со стороны более поздних авторов, начиная с Плутарха. Среди них суждения писателей IV в. н. э. Зосимы Аскалонского и Сириана, которые также, исходя из получившего широкое распространение определения Аристотеля гелонов как скифов (*Arist., ...*), называли скифом и деда Демосфена. В то же время аллитерация имени последнего в их произведениях представлена иначе, чем у Эсхина — *Gelon*, а не *Gylon*. Последнее, по всей видимости, является неслучайным, поскольку они отдавали себе отчет о греческой природе данного имени, поскольку в отличие от современников Демосфе-

на им незачем было компроментировать афинского оратора, тем более, потому, что ко времени их жизни понятие Восточной Европы ассоциировалось или со Скифией, или с Сарматией. Что это было именно так, на наш взгляд, указывают примеры из трактата Евсевия «О взаимозаменяемом», в котором этот автор приводит примеры тождества названий городов Gilon и Gelon (Euseb., De pom., 354, 357). Показательны и результаты исследований афинских «фамилий», произведенные еще в прошлом веке Р. Бехтелем, установившим, что имена Gylon / Gelon отнюдь не являются нимфейскими, но вполне вписываются в афино-спартанскую просопографию, имея прямое отношение именно к Афинам.⁵⁵

В отсутствие других данных, пусть и имеющих опосредованное отношение к г. Гелону, закономерно возникает предположение о возможной взаимосвязи Гелона Геродота с идеологическим обоснованием талассократии Афин на Понте, основу которого, по меньшей мере, составляли присутствующие в наррации историка эллинская версия этногенеза скифов, рассматривавшая их как Гераклидов, определение жителей Гелона как *to arhaion Hellenes*, имеющих отношение к празднеству в честь Диониса, широко распространенное мнение о родстве языка эллинов и гипербореев, рассказ о каллипидах и упоминания о живущих среди скифов эллинах, в своей совокупности, очевидно, представлявшие главную аргументацию основного «защищаемого» им постулата. Уже одно это перечисление компонентов, составляющих главное содержание развиваемой «отцом истории» геополитической доктрины, наводит на мысль, что определяющая идея последней заключалась в доказательстве первородства эллинов и гелонов вообще, ахейцев-афинян и гелонов, в частности.⁵⁶

На возможность выполнения историком работы по идеологическому обоснованию права афинян на талассократию в Понте Эвксинском, на наш взгляд, указывает, сложившееся у афинского гражданства со времен Солона убеждение, что Афины-исконная страна ионийцев (*to arhaion hōra Ionion* (Solon., F4a West)). На нее же ориентируют и результаты исследования в современной науке геополитических взглядов в Древней Греции, на основе которых, как полагают специалисты, сформировалась *континентально-региональная геополитика*, важнейшим фактором которой, особенно в демократических полисах, и в частности в Афинах времени греко-персидских и Пелопоннесской войн, рассматривался военно-морской флот.⁵⁷ Таким образом, обоснование геополитических интересов Афин на краю античной ойкумены Геродотом могло развиваться в двух противоположных, но весьма сильно связанных друг с другом, направлениях: с точки зрения современной историку политической программы Перикла и в плане поиска в древней истории эллинства, особенно в связи с представлениями о гиперборейской их прародине, фактов, подтверждающих, с одной стороны, древнейшие связи эллинов с очагом их происхождения в областях по-за Танаисом, а с другой — отражающих приоритет ахейцев-афинян в освоении страны,

получившей впоследствии название Эллада.⁵⁸ Высказанное предположение, по нашему мнению, вполне подтверждается конкретными проявлениями форм афинской политики до начала Пелопоннесской войны: в частности, как установлено современными исследователями, практика выведения Периклом клерухий, фактически, переросла в нацеленный на смешение населения архэ синойкизм.⁵⁹ Что касается областей к северу от Понта Эвксинского и Меотиды, в особенности вверх по-за Танаисом, то в названном отношении ключевое значение приобретает фраза «отца истории», посредством которой он охарактеризовал состав населения г. Гелона в стране будинов: *to arhaion Hellenoi* (IV, 108). В связи с тем, что ее осмыслению нами посвящена отдельная статья,⁶⁰ приведем дополнительную аргументацию относительно устойчивости представлений в общественном сознании древних греков о северной прародине их происхождения, которые в науке новейшего времени получают все большее и большее подтверждение.⁶¹

Начнем с последнего. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения то, что процесс формирования индоевропейской праязыковой (или вторичной языковой) общности, откуда, в частности эллины переселились на Балканы, проистекал на пространствах степи и лесостепи Восточной Европы между Вислой и Волгой, в областях, имевших отношение к концу IV тыс. до н. э. к междуречью Днестра и Дона, Поволжью и Северному Причерноморью.⁶² По мнению Л. С. Баюна, «степная прародина индоевропейцев соотносится с ареалом общих по большей части индоевропейских диалектов, с которого и происходило движение в сторону Центральной и Южной Европы, включая сюда Малую Азию и Балканы.⁶³ В продолжение данной мысли исследователь-лингвист указывает, что выделение греко-армяно-арийского единства следует за обособлением анатолийцев, причем арийский диалектный ареал, по его мнению, предположительно отделяется *в пределах общеиндоевропейского* после чего носители «древнеевропейских» диалектов перемещаются на запад, в историческую Европу.⁶⁴ Такой взгляд, фактически, присущ всем специалистам по индоевропейскому языкознанию вне зависимости от места локализации каждым из них индоевропейской прародины (Балканы, Малая Азия и Северная Месопотамия, волго-донской бассейн, Средняя Азия).⁶⁵ При этом, самое важное заключается в признании степи и лесостепи Восточной Европы, в особенности региона Приволжья-Северного Причерноморья в качестве контактной зоны, ранее отделившихся друг от друга, древнеевропейского и индо-иранского диалектов, результат чего, в том числе проявился и в том, что крупные реки этой историко-географической области подверглись переименованию, тогда как за малыми и мелкими сохранились древние европейские названия.⁶⁶ Но еще более важным, особенно в плане развития языка (языков), нам представляется, отмечаемый специалистами, факт существенного изменения фонетической структуры древнеевропейского и индо-иранского диалектов (прежде всего согласных звуков), происшедшей под воздействием

развивавшихся между ними, как и их носителями, контактов. В указанном отношении название города Гелон (Gelon) вполне вписывается в устанавливаемые закономерности форм диалектного развития языка представителей древнеевропейской и арийской (индо-иранской и индо-арийской) культурных общностей.

Наконец, нельзя не отметить, солидарность взглядов представителей различных школ индоевропеистики в признании расхождения носителей прагреческих и индо-иранских диалектов в диаметрально противоположные стороны: первых — в сторону Балканского полуострова (по степному коридору Северного, Юго-Западного Причерноморья или через Малую Азию), вторых — через Среднюю Азию и Иранское нагорье — в направлении от Северо-Западной Индии до Месопотамии.⁶⁷ При этом какая-то их часть, как свидетельствуют топонимы и гидронимика, осталась на территории Восточной Европы, где ее представители, изменив экономический уклад и форму социально-политической организации, но сохранив, также подвергшиеся развитию во времени, свои языки, традиции и культуру, продолжали обитать (возможно, такую характеристику можно распространить на «исконных эллинов» Гелона и будинов), в том числе на Верхнем и Среднем Дону, вплоть до середины I тыс. до н. э., т. е. до времени Геродота.⁶⁸ По всей видимости, свидетельство в пользу возможности складывания означенной ситуации в названном районе в скифское время, на наш взгляд, обнаруживается в упоминании Геродотом эллинских храмов, наосов и храмиков на территории варварского деревянного города, отправление будинами внутри городских стен празднеств в честь Диониса, наконец, констатация «отцом истории» двуязычия местного населения, проявляющегося в двух языках межэтнического общения, а главное — в существовании у горожан особого, сакрального языка, использовавшегося исключительно в религиозных ритуалах и обрядах.⁶⁹

В связи с этим, самым существенным представляется вопрос об источниках и основах, приводимой, как считается, Геродотом, этимологии названий Гелон и гелоны. Заметим, что античный историк ни словом не обмолвился о том, что *gelonoi* и *Gelon* он выводит из представления об «исконности (т. е. первоначальности) эллинства» деревянного города в стране будинов. Поэтому, высказывавшиеся на основе яркого предположения Б.Н. Гракова о происхождении этнонима «будины», распространявшиеся и на гелонов, оценки, отказывавшие данному понятию в самостоятельности по причине использования «отцом истории» метода наивной этимологии, как нам представляется, не являются корректными и не отражают всего многообразия, сокрытых за триадой будины-Гелон-гелоны, древнейших представлений.

В дополнение к уже высказанным нами соображениям по этому вопросу, считаем необходимым затронуть аспект, связанный с обнаруживающейся оппозицией, имеющих разную корневую основу, двух наименований, а именно: *H-elle-n-es* и *Gel-on / gel-on-oi*.

Необходимость в его осмыслении продиктована едиными истоками, из которых сформировалась древнегреческая мифология и религиозные представления, в которых, как установлено, иногда до неузнаваемости, преобразилась, присущая древним индоевропейцам, возможно пеласгического происхождения, однородная и мистическая связь между богиней-Луной и Солнцем-Гелиосом. Как свидетельствует культ богини Elle в Гемере, здесь небесным символом богини выступала не только луна, но и само, уступающее ей первенство, солнце, олицетворявшее своим ежегодным бегом вегетационные фазы жизненного цикла богини Луны или идею, воплощенного в быке-корове, мирового древа с его тремя мирами вообще.⁷⁰ Развитием этой первоначальной ипостаси стало появление мужского консорта — символа плодородия, первоначально, приносимого в жертву богине, впоследствии, развертывающегося в близнечный культ, умирающего и воскресающего бога — символа мужской плодovitости и олицетворение солнечного года, — властителями материальной субстанции которого (равно как луны и пяти известных к тому времени планет) являлись титаны.⁷¹ Возможно, уже в эпоху раннего неолита и сложилось то самое противопоставление женского и мужского начал, которое впоследствии и выразилось в расхождении когда-то близких, но ставших различными, корневых основ Elle/Helle- Gello/Gelios, последняя из которых, после расселения на Балканах эолийцев, ионийцев, ахейцев и дорийцев, могла воплотиться в личном имени Гелон (Gel-on-os). Следы результатов миграции эллинских племен, принесших в новые места обитания триаду общих с арийцами божеств- Индры-Митры и Варуны⁷², можно усматривать в рождении типично греческого предка богов — Урана, выступавшего, также как и его предшественники, парой одноименной женской богини, следы которой затерялись (или были стерты) современниками (как автохтонами, так и эллинами) «тишайшей и величайшей» патриархальной революцией.

Примерно такой же картина представляется и последователю теории Бахофена Р. Грейвсу. По его мнению, почитатели индоарийской триады божеств, преодолев Офрийскую горную цепь и смешавшись с доэллинским населением Фессалии и центральной Греции, были приняты автохтонами как дети местной богини, которые стали давать ей из своей среды царей-жрецов.⁷³ При этом, как полагает историк греческих мифов, цари эллинов стали считаться наместниками их собственной, сложившейся в новых местах расселения, триады: Зевса-Посейдона и Гадеса (Аполлона), о чем свидетельствуют, с одной стороны, древнейшие мифологические сказания о похищении будущими олимпийскими богами нимф, бракам с которыми всячески препятствовала, первоначально самостоятельная, Гера, а с другой, — зафиксированные в античной традиции, их эпитеты. Один из них, в частности, титул Зевса — Dios Gelhanos (от и.-е. Gelh-) засвидетельствован Гезихием (Hesych., Sappho. Fr. 47b). В указанном отношении особенно показательным представляется сохраненный Аполлодором факт происхождения Elle/Helen от его брака с Ледой (Apollod., II, 112–115, 116, 118; IX, 73).

Возникновение оппозиции *hel/gel* можно предполагать и в условиях, засвидетельствованного Фукидидом и имевшего место в эпоху древности, двуязычия (*diglosson*) эллинов и пеласгов, последние из которых оказали весьма существенное культурное влияние на пришельцев и язык которых продолжительное время, о чем сообщает Геродот, продолжал служить средством совершения обрядов и ритуалов в Додоне (Herodot., VIII, 134–135; Thuc., IV, 109).

Приведенных аргументов, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы, согласившись с точкой зрения, согласно которой имя Эллин (*Hellen*) есть не что иное, как форма мужского рода от имени богини Луны, вывести предположение, что и собственное имя Гелон (*Gelon*) является производным от имени бога солнца Гелиоса. В дополнение к вышеизложенным, представляется небесполезным подчеркнуть и другие, хорошо известные факты:

- 1) Гелиос — древнейшее, доолимпийское божество;
- 2) местопребывание Гелиоса — т. н. «страна белых быков» (Апия, Тринакрия и т. п.);
- 3) местопребывание сыновей и дочерей Гелиоса — *Geliades* — р. Эридан в Аттике;
- 4) корень *gel-* является основообразующим в имени Гелос (*Gelos*) — божества персонифицированного смеха, который входил в свиту Диониса и которому в Фессалии посвящалось ежегодное празднество (Apol., Met., I, 31; III, 11)⁷⁴;
- 5) на основе *gel-* образованы нарицательные и собственные имена, такие как *gelos* (смех, судьба); похищающая детей, ведьма *Gello* и имя дочери царя Атаманта — *Gella/Gela*; имя царя Аргоса, уступившего власть Данаю — Геланор (*Gelanoros* (Apol., II, 1, 4.));⁷⁵ от нее же происходит и имя Гелеонта (*Geleontes*) — сына мифологического первопредка эллинов-ионийцев Иона и название одной из аттических фил (Apol., V, 66).
- 6) от той же основы ведет начало название горы Геликон (*Gelikonos*) — места проживания 9 муз.

Иными словами, противопоставленные друг другу, восходящие к разнотипным представлениям, и возможно, этносам, и потому имеющие различные основы, *hel/gel* должны были иметь какое-то обоснование в общественном сознании эпохи греко-индо-иранского культурного и языкового единства, а может быть и еще более древнейшего времени. Основанием для такого предположения служат т. н. астральные (лунарные и солярные) мифы, демонстрирующие постепенное уменьшение лунной и стремительное нарастание солнечной мифологии в обществах с развитыми технологиями (обработка металлов, колесный транспорт и. п.), социальной стратификацией и отделением публичной власти от общества, включая формирование в ней развитого аппарата власти.⁷⁶ В их контексте обращает на себя внимание идентичность греч. *Elle/Hellen* др. инд. *Duhita Saryasya* (дочь солнца) с тенденцией формирования на данной основе близнечного культа брата и сестры солнца, в качестве персонифицированных воплощений которых, по всей видимости, и следует рассматривать.

Имеющих различные корневые основы и родовое происхождение, имена Elle / Hellen- Gelon. С учетом отраженности в мифах древних индийцев существования и противоборства единых по своему происхождению лунной и солнечной царских династий (Пандавов и Кауравов), из которых Пандавы выступали *владыками западного царства*, имеет право на существование мнение, по которому в корневых основах hel- и gel- в закодированном виде отложилось представление о бинарной оппозиции Луны и Солнца, лунного и солнечного годов (с первоначальной смертью солнца на 13-ом месяце), лунноориентированной, и более поздней, солнцепоклоннической, земледельческой и скотоводческой (или комплексной) по хозяйственной основе, идеологии в ее последовательном, не всегда прямо-и однолинейном развитии в сторону форм, олицетворяющих подвижное скотоводство в рамках его противоборствующих укладов: пастушества, номадизма и оседания племен ранних скотоводов в связи с переходом к земледелию, что нашло свое отображение в эпических поэмах древних индийцев и древних греков, которое, представленное в виде вселенских войн, как некая «историческая» реалья, располагает в них поразительно близкими датировками. Во всяком случае, по данным Паросской надписи, воцарение царя Кекропа в Афинах имело место приблизительно в 1582 г. до н. э., незадолго перед чем ахейцы утвердились в Элладе (Man. Par., I, 25–26).⁷⁷ Обращает на себя внимание и то, что цари-жрецы Солнца появляются повсеместно в Передней Азии, на Крите и Балканском полуострове в XVIII–XVI вв. до н. э.⁷⁸ Что касается древнеиндийских источников, то в них, как показывает текст надписи из Айхолы (634–635 гг. н. э.) битва потомков Бхараты имела место в 3102 г. до н. э. Конечно же, доверять цифровым данным, присутствующим в древнеиндийской традиции (тем более в средневековой) не следует, однако, как и в отношении Паросской надписи (согласно которой Троянская война закончилась 5 июня 1208 г. до н. э.)⁷⁹ весьма показательным выступает сходство принципов датировки, значительно предшествовавшей троянской, другой «великой войны», указывающего на близкое традиции время последней — 3120–2449 гг. до н. э.⁸⁰

В указанном отношении своего внимания, требующего производства специального исследования, заслуживает упоминающиеся в Ригведе участники битвы 10 царей, среди которых упоминаются племена — противники Индры и Судаса, потерпевшие от них поражение: *turvaca*, *yaksu*, *matsya*, *bhrgu*, *druhyu*, *paktha*, *bhalana* и *alina* (Rv. VII, 18–33), в индийских названиях отдельных из которых угадываются этносы, знакомые античной традиции со времен Гомера. Это — фракийцы бриги (*bhrgu*), гелоны (*bhalana*?) и не вызывающее никаких сомнений, упомянутое в паре с *bhalana*, индоевропейское по происхождению, имя племени *alinas*, тождественное самоназванию древних греков (*Hellenes*).⁸¹

Если принять во внимание современную датировку времени распада индоевропейской языковой общности (рубеж IV–III тыс. до н. э.), то свидетельства древнеиндийских источников (равно как и древнегреческих) как

нельзя лучше фиксируют данное событие, причем свидетельства Паросской надписи, как следует предполагать, запечатлели не больше не меньше, как дату распада греко-фрако-фригийской и индо-иранской общности, так и время окончательного утверждения эллинских племен на Балканах.⁸²

На другую возможность интерпретации этимологии Гелона и гелонов указывает присутствие в ранней хеттской надписи (т. н. надписи Анитты) названия р. Hulan, которое Вяч. Вс. Иванов считает необходимым вывести из др.-анат. *hulna- «волна» (= и.-е. волны)⁸³, которое, на наш взгляд, довольно близко названию, присутствующему в топонимии бассейна Среднего Дона — имени р. Елань (*Helan). Впрочем и приведенных фактов достаточно, чтобы составить представление о глубоких и.-е. корнях эллинов и гелонов, что, по всей видимости, и стало основанием для «отца истории» для определения последних как «первоначальных эллинов» (to arhaion hellenes).

В рамках поставленной задачи гораздо важнее другое: насколько Геродот был информирован в области древнейшей мифологии эллинов и простирались ли так глубоко в нее знания его современников. Хорошо известно, что греки ничего практически не помнили о событиях Троянской войны, не говоря уже о времени талассократии Миноса. Поэтому на современном уровне знаний возможно лишь скептическое отношение к ответу на поставленный вопрос.⁸⁴ В то же самое время не вызывает никаких сомнений, подкрепляемый соответствующими фактами, вывод о том, что мифология использовалась в политике Афинской архэ в качестве идеологического обоснования решаемых ею задач. В том, что это было именно так, свидетельствует пример Кимона, который в обоснование захвата Скироса нашел могилу Тесея и с торжественной помпой перевез его останки для захоронения в центре города (Plut., Cim., XXXVI, 2).⁸⁵ Возможно, что и политика Перикла проводилась под лозунгом, брошенным в свое время этим легендарным правителем, желавшем, по словам Плутарха, учредить всеобщую республику: «Сюда все народы!». По всей видимости, в таком контексте и следует рассматривать появление рассказа о деревянном городе Гелоне в стране будинов у Геродота. Во всяком случае, к настоящему времени, вне зависимости от того был ли варварский город в нем исторической реальностью или фикцией историка, ясно одно: его присутствие в «Истории» соответствовало расширению им границы Европы и Азии до Танаиса и отвечало потребностям афинской политики в 30-е гг. V в. до н. э.⁸⁶

Примечания

¹ В правомерности такой постановки вопроса убеждает множественность аналогичного порядка представлений, искусственно привязывавших происхождение того или иного народа к жителям конкретного греческого полиса. В частности, в том, что касается Причерноморья указанная логика присутствовала за

утверждениями Пс.-Скимна о населении Истрии как потомках эллинов, переселенных туда сыном Геракла Гиллом (Ps.-Scymn. Per., 405–412).

² Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991; Она же. Скифия глазами эллинов. М., 1996.

³ Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2.

⁴ Виноградов Ю. Г. Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху // История Европы. Т. 1. / Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1988. С. 614.

⁵ Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 89; Сапрыкин С. Ю. Тирания в Припонтийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 90–91; Молев Е. А. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 32–35.

⁶ Владимирский М. Ю. Афины, Перикл, Фукидид // [http:// worldhistory.ru/countries/about/281/1847.html](http://worldhistory.ru/countries/about/281/1847.html). С. 1–2.

⁷ Завойкин А. А. Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс. Ч. 1. - Казань, 2000. С. 249–267.

⁸ Грант М. Классическая Греция. М., 1998. С. 188.

⁹ Там же.

¹⁰ Еще в конце 50-х гг. на это обратила внимание Т. В. Блаватская, посвятившая данной проблеме специальные исследования. По ее мнению, причина заключалась в антиперсидской направленности афинской политики на Понте См.: Блаватская Т. В. К вопросу о боспоро-афинских отношениях во второй половине V в. до н. э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / Отв. ред А. П. Смирнов., М., 1959. С. 195–204; Она же. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959. С. 82. Такого же мнения придерживается и Г. А. Кошеленко. См.: Кошеленко Г. А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. Итоги исследований 1996–1997 гг. М., 1999. С. 141. Двойственный характер внешнеполитической ориентации как Афин, так и северопричерноморских полисов, в том числе и на Боспоре Киммерийском, отмечает А. А. Завойкин. Клубок противоречий, по его мнению, был представлен: 1. полисами, тесно связанными с Афинами; полисами — членами афинской архэ; 3. ориентированными на поддержку Ахеменидов тираническим режимом (или режимами) в Пантикапее (Археанактиды и Спарток I). См.: Завойкин А. А. Афины-Боспор-Гераклея Понтийская. С. 261.

¹¹ Блаватская Т. В. К вопросу. С. 199.

¹² Там же. С. 200.

¹³ Там же. С. 202–204.

¹⁴ Анохин В. А. Монеты Боспорского царства. Киев, 1986. С. 161; Завойкин А. А. Указ. Соч. С. 260. К этому же кругу доказательств относят и две печати царя Артаксеркса I, датирующиеся 464–423 гг. до н. э., обнаруженные, по всей видимости, также в Пантикапее (там же).

¹⁵ См.: Шилейко В. Печать царя Артаксеркса // Жизнь музея. Бюллетень Гос. Музея изящных искусств. 1925. № 1. С. 18; Блаватская Т. В. Очерки. С. 82.

¹⁶ Завойкин А. А. Указ. Соч. С. 258, 261.

¹⁷ Шелов-Коведяев Ф. Ф. Боспор в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 85–86.

¹⁸ Mattingly H. B. The Growth of Athenian Imperialism // *Historia*. 1963. Bd. 12. Hft. 3. S. 154–155; Idem. Athens and the Black Sea in the Fifth century B. C. // *Sur les traces des Argonautes*. Paris, 1996. P. 151–157; Idem. *The Athenian Empire Restored*. Oxford, 1996. P. 76; См. также: Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxford, 1972. P. 35, 72; Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 201.

¹⁹ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 45.

²⁰ Там же. В немалой степени тому же способствовало и наличие в распоряжении Гераклеи собственных торгового и военного флота, достигшего, как засвидетельствовано Ксенофонтom, к концу V в. до н. э. огромных размеров (Хеп., Апаб., V, 6, 9; 19; Ср. также: Ps-Chion., Epist., 7). На те же обстоятельства указывают и эпиграфические документы-проксении из античных государств Северного Причерноморья, содержащие данные о притоке гераклейских купцов в Ольвию (НО.1968.№ 2).

²¹ Город был расположен в местности, богатой природными ресурсами: корабельный лес, богатые залежи железа, серебра, свинца и меди. Ремесленники полиса славились изобретением особой краски-синопиды, а его торговцы являлись монополистами в снабжении населения Восточного и Северного Причерноморья керамической тарой и архитектурными полуфабрикатами (черепицей, антефиксами, водосливами и др.). К этому следует добавить и совершенное жителями при помощи Перикла свержение власти тирана Тимесилея, бежавшего и нашедшего приют у своих братьев в Ольвии, после чего между Синопой и Гераклеей произошло размежевание сфер экономического и политического влияния, вероятной датой которого выступает основание дорийского Херсонеса. В результате, кроме Крымского полуострова зоной торгового и политического влияния Гераклеи Понтийской стали города юга Западного Причерноморья — Аполлония, Месембрия и Каллатис, последний из которых, как и дорийский Херсонес, являлись ее «выселками» (Каллатис основан в 520 г. до н. э., а Херсонес — в 422 г. до н. э.). См.: Ruge W. *Herakleia* // *PWRE*. Bd. 8. Coll. 433.

²² Там же. С. 47–55. См. также: Burstein S. *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley, 1976. P. 25–28, 34, 42.

²³ Брашинский И. Б. К вопросу о положении Нимфея во 2-ой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148–150; Brant P. A. *Athenian Settlement Abroad in the V-th Century* // *Ancient Society and Institutions Studies*. New-York, 1967. P. 78–80.

²⁴ Строгеецкий В. М. Морская программа Фемистокла. Горький, 1987; Он же. Полис и империя в античной Греции. Нижний-Новгород, 1991.

²⁵ Velissropoulos J. *Le monde de l'emporion* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1977. Vol. 3. P. 61–85; Davies J. K. *Welth and Power of Welth in Classical Athens*. Salem, 1984. P. 39.

²⁶ Строгеецкий В. М. Некоторые особенности социально-экономических и политических отношений в афинском полисе классического периода // *Античное общество — IV : Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов*. Спб., 2001. С. 66.

²⁷ Westlake H. D. *Individualism in Thucydides*. Cambridge, 1968. P. 30–31; Ehrenberg V. *The people of Aristophanes: A Sociology of Old Comedy*. Cambridge, 1975. P. 225–226; Jordan B. *The Athenian Navy in the Classical period: A Study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B. C.* Berkeley, 1975; Connor W. R. *Thucydides*. Princeton, 1984. P. 48.

²⁸ Кондратюк М. В. Архэ и Афинская демократия // Античная Греция. Кн. 1. М., 1983. С. 334.

²⁹ Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Международные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 95–112.

³⁰ Mattingly H. B. Athens and the Black Sea in the Fifth Century B. C. // Sur les traces des Argonautes. Paris, 1996. P. 155–157; Суриков И. Е. Два очерка. С. 100.

³¹ Connor W. R. The New Politicians of Fifth Century Athens. Princeton, 1971. P. 152–166; Ober J. Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1998. P. 140.

³² Mattingly H. B. The Athenian Coinage Decree // Historia. 1961. Bd. 10. S. 163–169; Meiggs R., Lewis D. M. A. Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the V-th Century B. C. Oxford, 1969. P. 113; Austin M. M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berceley-Los-Angeles, 1997. P. 339–340; Kallet-Marx L. Money, Expence and Naval Power in Thucidides History. Los-Angeles, 1993. P. 95. Хэммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. С. 326.

³³ Хэммонд Н. Указ. Соч. С. 329.

³⁴ Там же. С. 339.

³⁵ Meiggs R., Lewis D. M. A. Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the V-th Century B. C. Oxford, 1969. P. 139.

³⁶ Кондратюк М. В. Архэ. С. 336; Westlake H. D. Seaborne Raids in Periclean Strategy // Class. Quort. 1945. Vol. 39. № 1. P. 75–84.

³⁷ Выше уже отмечалось, что в последнее время в научных исследованиях по истории Боспорского царства все устойчивее становится мысль о политической зависимости Боспора периода правления Археанактидов от империи Ахеменидов. См.: Завойкин А. А. Bosporos-Kimmerios-Diod., XII, 31, 1 (Опыт источниковедческого анализа) // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 1. Магнитогорск, 1994. С. 64–69; Кошеленко Г. А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. Итоги исследований 1996–1997. М., 1999. С. 130–142. С учетом такого рода оценок становятся понятными и мотивы, предопределившие ориентацию маршрута морской экспедиции в Понт Эвксинский, тем более материалы аттического керамического импорта свидетельствуют о резком его упадке в Северное Причерноморье вообще, в Херсонес и города Боспора, в частности. Тот факт, что в 425 г. до н. э. против Гераклеи Понтийской, находившейся под протекторатом Ахеменидов, была направлена новая, на этот раз во главе с Ламахом экспедиция, на наш взгляд, только подтверждает указанное мнение. См.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

³⁸ Решению данной проблемы нами посвящены еще две (одна из которых находится в печати) статьи. См.: Н. П. Писаревский. Ариарамн, Перикл и морские сухоходные трассы на Понте Эвксинском (еще раз о времени освоения краткого пути через Черное море); Он же. Морской флот и морской фактор во внешней политике Спартокидов третьей четверти V — первой четверти III вв. до н. э. // Норция. Проблемы археологии и истории древнейших цивилизаций европейского Средиземноморья и соседних с ним областей в контексте мировой истории. Воронеж, 1999. Вып. 4–5. С. 209–224.

³⁹ Хэммонд Н. Указ. Соч. С. 335; Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Gregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge, 1939. P. 478–479 (об упомянутом

в них под 425 г. до н. э. Эвксинском округе говорится в сткк. 39–41 (Сев. Причерноморские полисы — в сткк. 40).

⁴⁰ На наш взгляд сюда же вполне вписывается информация, выявляемая из родословной Демосфена, дед которого Гилон (Гелон?) сдал Нимфей боспорским тиранам в 410 или 405 гг. до н. э.: подсчеты показывают, что последний, возможно, имел какое-то отношение к экспедиции Перикла, поскольку исполнял там к моменту поражения Афин в Пелопонесской войне обязанности начальника афинского гарнизона, за что был привлечен к суду и и почему вынужден был искать прибежище у «властителей Понта»- правителей Боспора Киммерийского. См.: Латышев В. В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 238–239. См. также: Burke Ed. M. The Early Political Speeches of Demosthenes: Elite Bias in the Response to economic Crisis // Class. Antiquity. 2002. Vol. 21. № 8. P. 165–193; Tambiah S. J. Culture, Thought and Social Action. Cambr.-Mass., 1985. P. 60–85. В связи с этим (а известия схолиастов аттических ораторов и жизнеописания Демосфена, в частности, Зосимы) ставят под вопрос сомнения Е. А. Молева, высказанные им по поводу взглядов Г. А. Кошеленко о реальности наименования Диодором Спартока «царем Понта», и соответственно, возможности бытования официального названия боспорского государства «Понтом». См.: Кошеленко Г. А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. Итоги исследований 1996–1997 гг. М., 1999. С. 130–142; Молев Е. А. Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // Античное общество-IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. СПб., 2001.

⁴¹ Веллас Г. Я., Писаревский Н. П. Скотоводы Восточно-европейской степи и лесостепи, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 2001. С. 24, 34.

⁴² Мачинский Д. А. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая в конце IV — середине I тыс. до н. э. // Stratum plus. СПб., 1997.

⁴³ Там же. С. 69.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 55; Лукьяшко С. И. Этнополитическая история и экономические связи кочевого населения Нижнего Дона в VIII–III вв. до н. э.: Автореф. Дисс...канд. ист. наук. М., 1990. С. 13.

⁴⁶ Гуляев И. И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. С. 149; Он же. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. М., 2001. С. 25.

⁴⁷ Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 58.

⁴⁸ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999. С. 20–27; Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001. С. 200.

⁴⁹ Медведев А. П. Исследования. С. 57.

⁵⁰ Эрлих В. Р. Curriculum vitae железного ножа // Прорез. 2002. № 2. С. 40–45; Он же. Связи Древней Абхазии с протомеотскими памятниками // Кавказ: история, культура, языки. Сухум, 2004. С. 206–217.

⁵¹ Промежуточный пункт движения гиперборейских даров на Делос перед Синопой Д. А. Мачинский размещает в Западном Предкавказье, откуда, по его мнению,

шли традиционные морские пути к Синопе. См.: Мачинский Д. А. Сакральные центры. С. 157. Он же находит возможным полагать, что к VII–VI вв. до н. э. значение сакральных центров Алтая постепенно слабеет, а к рубежу IV–III вв. до н. э. прекращаются вовсе в связи с образованием Боспорского царства (Там же. С. 176). Правда, справедливости ради, следует указать, что мнение о переселении меланхленов и гелонов в Азию встретило, правда опосредованные, возражения М. П. Инадзе, которая в полемике с Ш. Д. Инал-Ипа, настаивает на первичности данных Пс.-Скилака о меланхленах и гелонах, проживавших между колами и колхами на Кавказе по сравнению со свидетельствами о них Геродота. Она полагает, что упоминания о них восходят к периплу подлинного Скилака Кариандского, автора VI в. до н. э. Опираясь на предположение Кисслинга, она считает возможным связать появление указанных племен вблизи Колхиды с инфильтрацией и проникновением отдельных этнических групп скифов через черноморское побережье с юга России в VII–VI вв. до н. э. и при этом ссылается на появление отдельных, датирующихся тем же временем скифских погребений в могильнике Куланурхва, а также указывают на возможность интерполяции текста перипла Пс.-Скилака, правда, только относительно переселения гелонов. (Инадзе М. П. Античные города Древней Колхиды. Тбилиси, 1979; Хоштария-Броссе Э. Проблемы этнополитической истории Абхазии античной эпохи // [http:// www. Abchasia. Dot. ge/ society/200506121553976363183.php](http://www.Abchasia.Dot.ge/society/200506121553976363183.php) С. 4–5, 9, 13, 20. Современная археология постулирует прямо противоположное направление движения скифов через Кавказ в степи Северного Причерноморья. См.: Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. С. 255–256. В этой связи, не вдаваясь в детальное рассмотрение проблемы (она требует специального исследования), небезынтересно обратить внимание на то, что упоминаемое у Пс.-Скилака племя колов, возможно, представляло собой «царственную орду» скифов, вторгшихся в Закавказье в VIII–VII вв. до н. э. из Малой Азии. В пользу данного предположения может выступать имя центрального персонажа скифской мифологии — царя Колаксия, вторая часть которого *hsaya* (царь) в сочетании с первой могла передавать значение не «царь-солнце» (близкое славянскому Светозар), но вполне возможно и «царь колов».

⁵² Вопрос о подчинении Нимфея Афинам по настоящее время продолжает оставаться дискуссионным по причине неоднозначности информации, отложившейся в произведениях Эсхина, словаре Гарпократиона (*Aeshin.*, III, 171 cum school; *Нагросс.*, s. v. *Νυμφαίον*) и эпиграфическом источнике (*IG*², I, № 63=ATL, I, P. 157). Сторонники подчинения отвечают на него утвердительно. См.: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 176–178; Блаватская Т. В. Очерки. С. 68–77; Шелов Д. Б. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 13; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э... Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1984 год. М., 1985. С. 90–115; Отрицательно относились к указанной трактовке источников С. А. Жебелев (Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 180–195) и И. Б. Брашинский (Афины и Северное Причерноморье в VI–IV вв. до н. э. М., 1964. С. 79–85).

⁵³ Виноградов Ю. Г. Исторические судьбы полисов Северного Причерноморья в V в. до н. э. // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 400–419.

⁵⁴ Thalheim P. Aeshin // PWRE. Bd. 1. Coll. 1058; Жебелев С. И. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 187, прим. 1.

⁵⁵ Bechtel R. Griechische historische Personnamen. Gottingen, 1931. S. 163; Brandis S. Nymfei // PWRE. Bd. 3. Coll. 761; Meiggs R, Levis D. M. A. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the Fifth Century B. C. Oxford, 1969. См. также: Фролов Э. Д. Скифы в Афинах // ВДИ. 1998 ю № 1. С. 133–135; Виноградов Ю. А. «Там закололся Митридат». Военная история Боспора Киммерийского в до-римскую эпоху. Спб., 2004. С. 18–19.

⁵⁶ В названном отношении весьма информативными нам представляются данные Страбона о пиратском племени ахейцев на кавказском побережье Понта (Strabo., XI, 2, 12), а также свидетельства, в частности, Плиния и Плутарха о распространенности на его побережьях топонима «Ахейская гавань» (Plin., VI, 18; Plut., Per., XX, 24–25). Античный географ приводит предание, согласно которому эти последние, ахейцы из Фтии (Phtiotidos Ahaious) основали во времена похода аргонавтов Ахайю на кавказском побережье Черного моря (Strabo., XI, 2, 42; Ps.-Scymn., Per., 718–720; Anon. Per., 10). По мнению специалистов, данная легенда содержит рациональное зерно, поскольку в районе современного Туапсе локализуется населенный пункт Ахайя, именовавшийся в античной традиции и как ахейская гавань, и как порт ахейцев, и как деревня, и что самое главное — «исконная Ахайя» (te arhaia Ahaia). См.: Asheri D. The Achaeans and the Heniochi: Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The greek Colonisation of the Black Sea Area / Ed. G. Tzetzchladze. Stuttgart, 1998. P. 268. По мнению С. Ю. Сапрыкина, развившего взгляд, впервые высказанный Д. Плачидо, поскольку спорадические раскопки местного поселения дали греческие материалы VI–IV вв. до н. э., основание Ахеи Страбона следует связывать со временем основания Гераклеи Понтийской, куда переселились наряду с мегарцами и жители Беотии. См.: Placido D. Les Argonautes, entre l'Orient et l'Occident // Sur les traces du Argonautes. P., 1996. P. 55–57; Сапрыкин С. Ю. Новая митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2006. С. 85. В пользу этого, по мнению последнего, свидетельствуют данные т. н. Равеннского Анонима (Анон Per., V, 10), который в перечислении городов, поселков и местностей на Северном Понте приводит и близкий с названием Фтии и фтиотов топоним — F (ri) tiotes, представляющий собой искаженное Ftiotidos (Phio (tio)ros с заменой О на Е (Там же. С. 86). Важность названных наблюдений трудно переоценить. Во-первых, они позволяют составить представление из каких понтийских эмпориев могли переселиться эллины в деревянный город Гелон в стране будинов. Во-вторых, что гораздо важнее, если исходить из альтернативы, можно предположить, что названные ахейские гавани (напротив Ольвии, в Синопе и в районе Туапсе) выступают свидетельствами путей миграции to arhaion Hellenes в широком смысле на Балканы и острова Эгеиды, откуда через много поколений путем колонизации далекие потомки стремились возвратиться на свою прародину — тенденция, которая, в частности, нашла отражение в свидетельствах «Аргонавтики» Аполлония Родосского и его современников, выскивавших соответствующие древнейшие версии греческих мифов (AP. Rhod., Argonaut., I, 51–56; 94; III, 47).

⁵⁷ Исаев Б. А. Геополитика. Спб., 2006. С. 37; Фролов Э. Д. Рождение геополитической идеи: программа Гермocrates Сиракузского // Фролов Э. Д. Парадоксы истории. Парадоксы античности. Спб., 2004. С. 84–85.

⁵⁸ В рамках концепции о существовании в древнегреческой историографии т. н. «топоса варваризации», содержащего и политический и идеологический контексты,

главное внимание которых отводилось проблеме «греки в варварском окружении» (ekbarbarosis) рассматривает проблему Д. Ашер в статье «Ахейцы и гениохи», информация о которой дана С. Ю. Сапрыкиным. См.: Сапрыкин С. Ю. Рец. На кн.: The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. R. Tzetskhladze. Stuttgart, 1998 // ВДИ. 2000. № 4. С. 191–196. Еще более ценным в указанном отношении нам представляется популярность в Афинах VI–V вв. до н. э. темы вручения Гераклом скифского лука как символа власти своим наследникам, весьма популярной в сюжетах росписи аттических чернофигурных сосудов (в частности, школы мастера Антимена) 530–490 гг. до н. э., указывающая на интерес граждан полиса к эллинской версии этногенеза скифов. См.: Beazly J. D. Attic Black-Figure Vase-painters. Oxford, 1956. P. 287. Fig. 1; Vos M. F. Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963. Catalogue. № 107. Pl. IVb; Алексеев А. Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н. э. // Сообщения гос. Эрмитажа. Вып. 46 (XLVI). Л., 1981. С. 41–42; См. отрицательную оценку предложенных интерпретаций: Иванчик А. И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. 2002. № 3. С. 52–54. С нашей точки зрения, исследователь абсолютизировал идею о «мире наоборот» в тематике аттической вазописи VI в. до н. э. Это искусство было донельзя предметным и не иносказательным, а в высшей степени реалистичным. С учетом данной особенности в подтверждение уже высказывавшихся точек зрения об изображении как иллюстрации мифа об интронизации Скифа, полагаем возможным обратить внимание и на иную трактовку «зеркального штампа» чернофигурной вазописи по А. И. Иванчику. По нашему мнению, присутствующий на флорентийской вазе сюжет закодировал в себе то самое представление, согласно которому агафирсы и гелоны являлись так или иначе эллинизированными племенами, тогда как скифы еще оставались «варварами». Возможен и иной подтекст: на основании исторических аналогий периода взаимодействия ахейцев с троянцами, можно предположить, что сюжет с Гераклом и луком отражал тенденцию доказательства родства афинян и скифов, а следовательно и общности их интересов в условиях экспансии Ахеменидов против тех и других, характеризовавшую идеологическое обоснование необходимости противоборства с ней. См.: Карышковский П. О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1. С. 179–180; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 48–54; Кулланда С. В., Раевский Д. С. Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 2004. № 1. С. 79–95.

⁵⁹ Суриков И. Е. Два очерка. С. 110–112.

⁶⁰ Писаревский Н. П. Το αργαίον Hellenes Геродота (к интерпретации Herodot., IV, 108) — в печати

⁶¹ Против такого подхода, точнее, в плане осторожности в его отношении, призывает придерживаться М. Васильева, считающая, что в своем большинстве представления греков о Понте Эвксинском, и в особенности, об областях к северу от него, представляют собой *причудливую мешанину разнотипных сведений*. См.: Vasillieva M. Greek ideas of the North and the East: Mastering the Black Sea // The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. Tzetskhladze R. Stuttgart, 1998. P. 48–62.

⁶² <http://www.байон.л.с.> Древняя Европа и индоевропейская проблема. С. 3; Бартонек З. Златообильные Микены. М., 1983. С. 18.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 6. По мнению Вяч. Вс. Иванова, выделение Греко-армяно-арийской диалектной общности имело своим следствием ее распад на греческий, армянский и индо-иранский диалекты, инициировавшего широкие миграции их носителей. Кроме того, исследователь рассматривает Восточную Европу в качестве «вторичной, промежуточной прародины» индоевропейцев, которая представляла собой область контактов и вторичного сближения ранее отделившихся друг от друга диалектов, также обусловившего миграционные волны в направлении с востока на запад Евразии. Наконец, ученый рассматривает Приволжье и Причерноморье, где с начала III тыс. до н. э. получили распространение памятники носителей древнеямной культурной общности, как ареал существования древнеевропейской диалектной общности, которая вошла в соприкосновение с уже находившимися здесь, пришедшими сюда кавказским путем арийскими племенами. См.: Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. К.

⁶⁵ Из новейшей литературы см.: Antony D. The Archaeology of Indo-European origin // Journ. Of Indo-Europ. Stud. 1991. Vol. 19. P. 193–222; Antony D. W., Brown D. R. The Origin of Horseback Riding // Antiquity. 1991. Vol. 65. P. 22–38; Сафронов В. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1. С. 74–121.

⁶⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984; Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. 1996. С. 21–34.

⁶⁷ Mizrachi J. Mystery Circles // Biblical Archaeology Review. 1992. Vol. 18. № 14. P. 26; Зданович Г. Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 23; Григорьев С. А. Синташта. С. 31–33.

⁶⁸ Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. СПб., 1999.

⁶⁹ Не следует забывать и утверждение Диодора, по которому гипербореи и эллины близки не только местом происхождения, но и языков, древность контактов между которыми подтверждается, по его мнению, родством языков гипербореев, афинян и делосцев (Diod., II, 47). См. Лосев А. Ф. Греческая мифология. С. 465–468.

⁷⁰ Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К. П. Лукьяненко. М., 1992. С. 7.

⁷¹ Gimbutas M. Civilization of the Goddess. Harper-San-Francisco, 1991. P. 93–122.

⁷² По другим данным, индо-иранская триада была представлена Индрой-Агни и Пушаном и, как свидетельствуют греко-индо-иранские параллели, преобразовалась в иные сочетания в рамках поздних культурно-языковых общностей. См.: Топоров В. Н. Ведийская мифология // Мифы народов мира. N/I/ М., 1988. С. 220–222; Он же. Python, Ahi Budhnya, Бадньак и др. // Этимология 1974. М., 1976.

⁷³ Грейвс Р. Указ. Соч. С. 10.

⁷⁴ Gelos, атт. Gelo, эпич. Geloi/ gelon (от глагола gelaο-«смеяться» распространены в античной традиции со времени Гомера до Полиена (Hom., Od., XVIII, 100; 350; Plato., Lg., 730c; Polyen., I, 34, 2). Примечательно и то, что к той же основе относится слово helus/ helon, в муж. роде-helonos, впервые засвидетельствованное Гесиодом, среди значений которого присутствуют: 1. панцырь черепахи (использованный Гермесом для изготовления лиры Дионису); 2. обозначение росوماхи-животного, обитающего в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы, вызывающее из памяти указание Аристотеля о животном таранде (Arist.,

De mir., ausc., 30); 3. понятие татуировки, совпадающее со свидетельствами римских авторов о покрытых татуировками гелонах (Verg., Met., 34). Самое же важное заключается в том, что слово *helone*, как показывает его реконструируемая форма *helFona*, восходит к древнейшим слоям греческого языка точно также как *ahaioi* (и.-е. *ag-agos-aktos*) к *ahaiFoi*. См. Preller. Griechische Mythologie. Bd. 2. Berlin, 1875. S. 257. К этому следует добавить, что все три значения так или иначе могли бы быть приложены к пониманию этимологии и происхождения названий Гелон и гелоны у Геродота (IV, 108), если бы не была известна, совпадающая с определением рыжеволосости будинов, в землях которых они упомянуты «отцом истории», исконноевропейская этимология названия золота, находящая свою промежуточную основу в инд.-ир. определении этого металла **zhaḡanya-* и восходящая к своей и.-е. основе *ghel-en-io. См.: Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 14.

⁷⁵ Примечателен обряд, совершенный участниками сакрального противоборства — претендентами на царствование: в нем принимали участие волк и стадо быков, причем Данай подобно волку одержал верх над быком-Геланором (Paus., II, 19, 3–4). По своему содержанию, последний, может вполне соответствовать рассказу Геродота о превращении в волков один раз в году переселенцев к будинам невров, т. е. соответствовать луперкалиям. Что касается «времени жизни» Даная, то о нем имеется свидетельство т. н. Паросской хроники — 1511 г. до н. э. со всей условностью этой даты (Map. Pag., 9). См.: Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1999. С. 38.

⁷⁶ Иванов Вяч. Вс. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Т. I. М., 1988. С. 80; Он же. Солярные мифы // Там же. Т. 2. С. 460–461.

⁷⁷ По мнению некоторых ученых, индоевропейцы, пришедшие в Элладу и на основе которых сформировались будущие ахейцы, еще не представляли собой единого этноса. Это были племена-носители той культурно-лингвистической общности, которая была родственной населению Юго-Восточной Европы и Малой Азии. См.: И. Пыслару. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus. 2000. № 2. С. 69. Впрочем, имеет место и другое мнение (его основу составляет анализ дисковидных псалиев с орнаментацией протомикенского типа), согласно которому Доно-волжье и Приуралье на рубеже средней и поздней бронзы представляли очаг культурных трансляций, одна из которых развертывалась в направлении с северо-востока на юго-запад. И хотя сейчас трудно судить, были ли это ахейцы или другие эллины, однако сам факт такого рода связей указывает на неизолированность, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга областей Европы. См.: Гончарова Ю. В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // Stratum Plus. 1999. № 2. В связи с этим, небезынтересно, что согласно традиционным представлениям самих греков, афинский царь Эрихтоний впервые запряг колесницу, приблизительно, в 1506 г. до н. э. (Map. Pag., 10).

⁷⁸ Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1987. С. 81.

⁷⁹ Jacoby F. FGH. Bd. 2. № 239.

⁸⁰ Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество / Пер. с англ. Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1987. С. 176–177.

⁸¹ См.: Писаревский Н. П. Будины-индоарии и гелоны-эллины (к интерпретации Herodot., IV, 108–109) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 19. Воронеж, 2009. С. 186–194.

⁸² О близости мира эллинов-ахейцев и индоариев свидетельствует не только родство эпических поэм и общая любовь к благородному животному-коню, но и представления о народах периферии населенной ойкумены (Diod., II, 47). См.: Лосев А. Ф. Мифология. С. 466; Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. Спб., 2002. С. 19. Показательно и другое сходство: в Древней Индии и Иране в качестве лунного божества почитался бык, тогда как в греческой мифологии оно выступало в качестве коровы. См.: Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. Спб., 2002. С. 51.

⁸³ Иванов Вяч. Вс. Миграции индоевропейцев // <http://www.ntv.ru/gordon/archive/17667/>.

⁸⁴ Приведенная Геродотом новелла о скифских «дарах» Дарию I (птица, мышь, лягушка и 5 стрел (Herod., IV, 131) ставит под сомнение знание «отцом истории» мифологии индо-иранцев. И потому можно только надеяться, что в области греческой мифологии он был более информированным. Во всяком случае, в отношении приводимой им эллинской версии этногенеза скифов можно предполагать, что он хорошо знал, что афиняне гордились своей связью с Гераклидами, и более того, что они самыми первыми стали почитать культ Геракла, который впоследствии стал носить общегреческий характер (Schol. Ad Aristoph. Equit, 1151; Isocr., Pan., 15–16; Lis., II, 16; Man. Par., I, 29).

⁸⁵ Для обоснования политических интересов и достигаемых целей афиняне прибегали и к помощи «археологии». По свидетельству Плутарха, во время спора с Мегарами за владение островом Саламином, Солон обратился к раскопкам некрополя и указал своим оппонентам, что остров должен принадлежать именно Афинам, поскольку мегаряне обращают тела умерших к востоку, а афиняне — к западу (Plut., Sol., X, 3). Об этой стороне политики Афин (Тезей как носитель имперской идеи) в межгосударственных отношениях см.: Davie J. N. Theseus the King in Fifth Century Athens // Greece & Rome. 1982. Vol. 29. P. 25–34; Tausend K. Theseus und Delisch-Attische Seebund // Rh. Mus. 1989. Bd. 32. S. 225–229; Гушин В. Р. Кимон и кости Тезея // <http://www.rome.webzone.ru/publik/guschin/gusch01f.htm>.

⁸⁶ Рабинович Е. Г. Незримая граница // Евразийское пространство. Звук, образ, слово / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2003. С. 77–79. О реальных результатах ее свидетельствует отмеченное источниками как появление множества частных и государственных рабов-скифов, так и их «подражателей» в Афинах именно во времена Перикла. См.: Фролов Э. Д. Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1. С. 151.

Глава IV

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГЕЛОНА И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ ЭЛЛИНСКОГО ГОРОДА В СТРАНЕ БУДИНОВ

Проблема, избранная в качестве основного предмета содержания данной главы, возникла достаточно давно и имеет огромную историографию своего изучения.¹

Анализ специальной литературы показывает на существование в ней диаметрально противоположных точек зрения в рамках огромной амплитуды разброса мнений, главным образом, между представителями классической филологии и археологии относительно местонахождения упоминаемого Геродотом деревянного города в стране будинов, о котором «отец истории» сообщает кое-какие подробности, в том числе и те, согласно которым территория будинов, с одной стороны, в «широтном» направлении располагалась сразу же за меланхленами, а с другой, — в «меридиональном», — началась по окончании 15 дневного пути по направлению к северу от угла Меотиды через владения савроматов, причем, в качестве точки отсчета им были избраны Понт Эвксинский (эмпорион Борисфенитов (возможно, ахейская гавань Плиния Старшего (Herodot., IV, 17, 101; Plin., Nat. Hist., IV, 88) и река Танаис (IV, 21; 107).

Интерпретация текста античного историка, как в контексте самой наррации его труда, так и с учетом данных археологии, имела своим следствием локализацию Гелона от Полтавы до Острогжска, и от Ставрополя до Приуралья. При этом, в основном археологи, в памятниках раннего железного века пытались выявить поселение, соответствовавшее бы тем пространственным параметрам, которыми Гелон наделен самим Геродотом в тексте его труда. При этом, они, опираясь на свидетельство «отца истории» о том, что город был окружен стеной, длина каждой стороны которой равнялась 30 стадиям. Используя разные цифровые величины стадия у греков, они, имея в виду величину 36 км,² как максимум, пытались найти ей соответствие в конкретных изучаемых ими археологических культурах, прежде всего среди укрепленных фортификационными системами городищ Восточноевропейской лесостепи.² Такой подход был абсолютизирован и по своему существу стал ключевым в развитии исследовательского поиска в указанном направлении. В частности, он сыграл немаловажную роль в отождествлении П. Д. Либеровым и Б. А. Шрамко Гелона Геродота с системой Волошинских городищ на Среднем Дону и Бельским городищем на Ворскле.³ Замеры укреплений последнего указали на поразительное соответствие

не по площади, но по длине каждого из них цифровым данным античного историка (25, 995 м!).⁴

Эйфория по поводу открытия точного соответствия свидетельству «отца истории» о Гелоне несколько спала после систематических раскопок данного памятника, тем не менее, в трактовке их автора взгляд, согласно которому Бельское городище и есть Гелон «отца истории», приобрел стабильную устойчивость.⁵

Впрочем, как сразу же после заявки на открытие, так и по прошествии довольно значительного времени, оппонентами Б. А. Шрамко, в особенности, специалистами по археологии Среднего Дона скифского времени, были высказаны, не менее фундированные контраргументы.⁶ В частности, они указывали на некорректность использования цифровых данных «отца истории» в качестве истины в последней инстанции, поскольку в качестве диагностического признака они, как показали исследования текста геродотовой истории отечественными и зарубежными специалистами, никак не могут быть использованы.⁷ В полемике использовались и наблюдения, связанные, как с геометрической конфигурацией Бельского городища, так и принадлежностью материальной культуры его обитателей носителям правобережно-днепровской культурной традиции и т. д.⁸

Несмотря на спорность предложенной украинским археологом локализации деревянного города в стране будинов в бассейне Северского Донца, его открытие имело положительное значение в том плане, что оно аргументированно отклонило не находящие подтверждения данные и обоснованно сфокусировало внимание серьезных исследователей на междуречье Северского Донца и Среднего Дона (именно этот регион скифского времени с этих пор стал предметом дискуссий относительно трактовки свидетельства Геродота материалами раскопок сосредоточенных в нем городищ) как самом вероятностном направлении исследовательского поиска.⁹

С подачи Б. А. Рыбакова, поиск нового подхода определился в уже тогда устаревшей дискуссии относительно локализации русла течения р. Дон, за который некоторые археологи стали принимать впадающий в него приток — р. Северский Донец, памятники которого, соответственно, отождествлялись с будинами и гелонами Геродота.¹⁰ Исследованиями в области исторической географии и гидронимии Восточной Европы, а также результатами трактовки историко-географических взглядов Геродота вообще и его представлений о Европе, в частности, и такая постановка вопроса стала достоянием историографии.¹¹

Как результат — определенный тупик в котором оказались историко-археологические разработки, искавшие точку нахождения Гелона и через поиск ему археологического эквивалента, и через попытки добиться той же самой цели на основании анализа топонимии (в указанном отношении

весьма показательна мысль, высказанная наблюдательным Б.А. Рыбаковым относительно возможности отождествления Геродотова Гелона с Бельским городищем, поскольку по соседству с с. Бельск находится деревня Глинка, опорные согласные названия которой, по его мнению, тождественны названию города скифского времени), и через критическое отношение к цифровым выкладкам, присутствующим в труде античного историка. И все это — на фоне «информационного взрыва», вызванного введением в научный оборот новейших данных раскопок поселений, святилищ и курганов Лесостепи, равно как и результатов их исторического осмысления.¹²

В итоге, относительно локализации Гелона Геродота к настоящему времени сложилась парадоксальная ситуация, характерной чертой которой выступает, с одной стороны, как никогда ранее хорошая изученность поселений и курганных могильников в междуречье Северского Донца и Дона, а с другой, — просматриваемое в памятниках материальной культуры у носителей скифоидных культур указанного региона, -несоответствие свидетельствам «отца истории» о цивилизованном образе жизни и быте населения деревянного города Гелона в их стране (*hoga*).¹³

Казалось бы, состояние современных знаний таково, что не имеется не только каких-либо оснований для нового обращения к разрешению проблемы, но и сама такая попытка будет выглядеть бесперспективной, поскольку археология до сих пор так и не выявила соответствующих и удовлетворяющих всей сумме характеристик античного историка относительно Гелона археологических комплексов в лесостепи Восточной Европы вообще, в междуречье Северского Донца и Дона (исключение — спорное Бельское городище), в частности.

Однако, на наш взгляд, ситуация в названном отношении не является абсолютно безнадежной. И убежденность в этом придают, как нам представляется, допущенные в процессе исследования проблемы мелкие, но существенного порядка по своему значению, методические недоработки, связанные, как это ни странно, с отношением исследователей к оценке информативности Скифского логоса вообще, свидетельствам о речных и сухопутных путях Скифии в частности, информации Геродота о племенах по-за Танаисом вверх по течению этой реки от угла Меотийского озера, в особенности.

Наиболее ярким примером в указанном отношении следует назвать оценку специалистами точности и надежности цифровых данных «отца истории». Считается, что цифровые величины устных источников античного историка восходят, либо к фольклору и эпосу, в которых каждая величина больше 10 означает просто «много», либо, в том, что касается источников письменных или личных наблюдений, отражают практику их употребления в годы жизни самого составителя Скифского логоса.¹⁴ Вместе с тем, относительно продолжительности преодоления расстоя-

ний, исследователи, имея в виду прежде всего измерения, представленные в днях сухопутного пути и плаваний, находят возможным выводить их из навигационной и деловой практики, в которых моряки и купцы, осуществлявшие морскую, речную и сухопутную торговлю, опирались на достаточно точные, проверенные на практике измерения.¹⁵

В качестве примера можно сослаться на определение Геродотом размеров территории скифов-земледельцев (*gauvarga* по В. И. Абаеву), дважды присутствующей в тексте его труда. В первом случае протяженность их земель он определяет в 11 дней плавания (IV, 18), а во втором — 10 (IV, 53). В историографии такое разночтение «отца истории» было воспринято как доказательство ложности и приблизительности его знаний, или, как полагал В. Али, его представлений о действительной протяженности путей в скифском хинтерланде.¹⁶ Более того, проводилась мысль, согласно которой историк вообще не утруждал себя согласованием приводимых им исчислений.¹⁷ Находили даже объяснения этому: по мнению М. В. Скржинской, в случае с землями скифов-земледельцев, Геродот пользовался информацией из разных источников.¹⁸ В тоже время, правильно определяя, что наблюдения античного историка опираются на данные о протяженности плавания по Борисфену, никто из обращавшихся к указанному вопросу, так и не обратил внимания на то обстоятельство, что плавание вверх по реке (против течения) занимает, как правило, больше времени, чем в обратном направлении вниз по ее течению, поскольку в первом случае скорость течения реки вычитается из скорости движения судна, замедляя его движение, а во втором все происходит равным образом наоборот.¹⁹ Следовательно, никаких расхождений, тем более противоречий, в свидетельстве нашего единственного информатора относительно плавания по Борисфену нет. Но дело даже не в этом. Сообщая о том, что в измерениях расстояний в Скифии дневной переход он принимает за 200 стадий (IV, 101), античный историк, как нам представляется, в данном случае согласует свое утверждение с мнением, высказанным им несколько раньше — в самом начале Скифского логоса, где в главе IV, 16 он весьма однозначно и четко обозначил свою позицию в словах «будем пользоваться тем, что принято» (τοῖσι γὰρ μετίζομενοῖσι αὐτῶν χρῆσις μετῆτα (IV, 45). Более того, прочтение текста «Истории» показывает, что в тех местах, где «отец истории» имеет в виду преодоление расстояний пешком, он всегда, как например, в случае с указанием на расстояние от Меотиды до реки Фасис и страны колхов (30 дней) и оттуда до Мидии (столько же), он обязательно поясняет происхождение используемых им величин (I, 104). Такое понимание текста, принимая во внимание рассуждение историка, согласно которому он изложит все, что узнал (IV, 16), как мы постараемся показать выше, открывает новые информационные возможности именно в плане локализации Гелона.

Однако прежде, чем обратиться к решению этой задачи, отметив, что относительно будинов, гелонов и г. Гелона информация в плане интересующего нас аспекта в «Истории» Геродота присутствует в трех разнотипных блоках изложения и принимая во внимание последовательность и динамику нарастания ее самой в плане интересующего нас аспекта, представляется необходимым прежде всего собрать воедино все те немногочисленные суждения, оценки и свидетельства «отца истории», которые относительно гелонов, будинов и Гелона присутствуют в тексте его труда.

Впервые земля будинов (точнее, надел (λάξις) упоминается историком уже в самом начале IV книги, посвященной описанию расселения племен Скифского царства и содержащей характеристики областей их обитания, включая физико-географические условия и ландшафтные особенности местностей. По данным Геродота, хора будинов представляет собой равнину, обладающую плодородными почвами и покрытую смешанными лесами (IV, 21). Объектом внимания «отца истории» во второй раз становится уже население, занимающее эту территорию за Танаисом, в связи с изложением им обстоятельств подготовки скифов к войне с Дарием I, войска которого переправившись через Истр, осуществили широкомасштабное вторжение на территорию их царства. В перечислении участников совещания, созванного представителями соседних со скифами племен по поводу прибытия послов скифского царя с предложением о союзе и совместном отпоре агрессии персов, Геродот называет в одном ряду царей тавров, агафирсов, невров, андрофагов, гелонов, будинов и савроматов (IV, 102). Понимая необходимость доведения до сведения своих слушателей, хотя бы минимума этнографической информации о представляемых ими племенах, афинский историк приводит информацию об образе жизни, нравах, религиозных представлениях и одежде последних, уделяя больше внимания таврам и неврам, в связи с рассказом о последних из которых, он отмечает два, представляющих интерес с точки зрения избранной нами темы, обстоятельства:

1. он фиксирует обряд ликантропии, распространенный у невров, и обстоятельства, принудившие их к переселению к будинам за одно поколение (т. е. за 30–33,5 лет) до вторжения войск Дария I в Скифию (IV, 105);

2. в связи с изложением свидетельств о неврах «отец истории» упоминает «скифов и живущих среди них эллинов» — утверждение, которое ни с чем другим не согласуется, кроме как с предшествующим рассказом о каллипидах и последующим рассказом о соседях невров на юго-востоке (Там же).

3. третий случай, — самый примечательный, — тот, в котором обращение Геродота к гелонам и будинам занимает центральное место в понимании представляемых им данных относительно, мест расселения, хозяйства, социально-политической организации и быта, первых

из которых в предшествующем своем изложении он никак не определил с точки зрения их этнической принадлежности, а вторых постоянно называл племенем. В переводе Г. А. Стратановского он представлен следующим образом: « Herodot., 108: Будины — большое и многочисленное племя; у всех них светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадиев. Городская стена вся высокая и вся деревянная. Из дерева также построены и дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной. Herodot., 109. Будины-коренные жители страны — кочевники. Это — единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, — замечает историк, — эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно...». И далее «отец истории» возвращается к известной уже по предшествовавшим его замечаниям характеристикам местности проживания будинов, дополняя их экзотическим рассказом об охоте будинов на выдру, бобров и других зверей из яичек которых получают лекарство от страшной женской болезни (Там же).

Четвертый раз в поле зрения изложения Геродота гелоны и будины попадают в рассказе о результатах совещания скифских послов с царями соседних с ними племен, по окончании которого, как давно известно, была создана Вторая скифская армия, состоявшая из войск двух скифских царств (Великого — Идантирса и малого-Таксакиса) и присоединившихся к нему гелонов и будинов (IV, 119–120).

В пятый раз будины и гелоны появляются в тексте Скифского логоса в самом загадочном относительно Гелона месте повествования Геродота — в связи с рассказом об отступлении Второй скифской армии через земли будинов и оставлении последними родных очагов под натиском персов, обнаруживших здесь деревянные стены (*ξύλινω τείχεϊ*), после того как армия Дария I дошла до разделявшей будинов с фиссагетами пустыни и занялась постройкой 8 больших укреплений на хоре будинов (или на ее границе с пустыней до фиссагетов (IV, 123–124)).

Наконец, в шестой (и в последний) раз гелоны и будины упоминаются Геродотом как участники преследования отступающих войск Дария I до Истра. Примечательной особенностью данного отрывка выступает иная последовательность перечисления двух соседей: на первом месте на этот

раз стоят будины и только после них гелоны, тогда как во всех остальных случаях, описанных выше, в рассказе Геродота гелоны в порядке перечисления (такой же порядок засвидетельствован и Плинием Старшим (Plin., IV, 88) всегда предшествовали будинам.

Анализ приведенных сообщений «отца истории» показывает, что относительно гелонов, будинов и Гелона он, в соответствии с интересами своих слушателей, останавливает их внимание на самых существенных с его точки зрения моментах:

1. характеристике страны и места жительства, причем в географическом, экономическом и социологическом смысле (это проистекает из противопоставления понятий «земля-страна-хозяйственно освоенная территория» (*gae-oikesis/oikos-hora*);

2. не называя гелонов этносом, на перечислении особенностей духовной культуры жителей Гелона и их происхождении как *to arhaion Hellenon*, а также на описании атрибутов повседневного быта в виде эллинской по образцу светской и храмовой архитектуры;

3. на знакомстве с самыми существенными чертами социально-политической организации, что у историка выражено в упоминании царей гелонов (*basileioi*) и наличии на далекой периферии управляемой ими общины-государства (*polis*), имеющей возможность выставить войско в союзную армию для отражения 800-тысячного войска вторгшихся персов.

Сопоставление указанных наблюдений, выведенных из текста источника, создает предпосылки для понимания того, что же в действительности афинский историк имел в виду относительно места расположения Гелона в стране будинов. Они показывают на совокупность критериев, которые им были положены в основу своего о нем рассказа:

1. критерий географический присутствует в сообщении о нахождении «надела/участка (*lakzis*) земель будинов выше (*to pros Boreen* и *gypergoikeousi*) надела/участка (*lakzis*) савроматов, расположенного на расстоянии 15-дневного пути от угла Меотийского озера в первом случае, и от моря внутрь страны (*katyperte Skytheon oikemenous*) после племени меланхленов, до которых расстояние составляет 20 дней пути, во втором; сюда же присоединяется свидетельство историка о равнинном типе ландшафта (*gae petomete*), наличии смешанных лесов и большого озера, включая заметки об их флоре и фауне;

2. критерий социокультурный, данный в определении жителей города как «исконных эллинов» с прибавлением информации о переселении последних в землю будинов из понтийских эмпориев;

3. критерий культурологический, связанный с упоминаниями о празднествах Диониса совершаемом в Гелоне будинами 1 раз в 3 года;

4. критерий социально-политический, просматриваемый за указаниям, после публикации труда Т. В. Блаватской, представляется возможным отнести к типу базилией.²⁰

Дополнительные возможности в указанном отношении проистекают из знакомства с оригиналом текста сообщений Геродота о Гелоне, в котором специалистами, в частности Л. А. Гиндиным, достаточно давно было обращено внимание на использование Геродотом двух, этимологически совершенно различных глаголов, имеющих значение «жить, обитать» (*oikeo*, *petomai*)²¹. Более того, ему удалось выявить строгое распределение в отношении степени отраженности в значении каждого из них образа объективной реальности. По наблюдениям лингвиста, оно выразилось в том, что, если *oikeo*, являясь деноминативом от *foikos* («жилище, дом»), специализировавшем свою семантику по сравнению с индоевропейским термином социальной организации **ueik'* означало «жить домом, ведя совершенно оседло ойкосное хозяйство, организованное в рамках *урбанистической* цивилизации со свойственными ей интенсивными формами обработки земли», то *petomai*, представляя собой тот же деноминатив, но от и.-е. **pet-*, также продуцируя важнейшую терминологическую сферу социальной жизни индоевропейцев, отражало собой самое архаическое значение слова (гот. *Niman*—«брать, получать законно»; лат. *Numtrus*—«число». Другими словами, и.-е. **pet*, — по мысли исследователя, переводимое как «считать», проявило себя и в других значениях: «распределять, раздавать пищу, питье, землю (под пашню и выпасы)» Последнее, как полагает Л. А. Гиндин, выражается в значениях «пожинать плоды, кормиться, питаться»; «жить, обитать, простирается, занимать территорию». А с именами собственными, этнонимами и топонимами слова с указанной корневой основой, по его мнению, могут означать «существовать вообще, пасти скот, заниматься скотоводством, что в *med.* проявляет себя, в особенности относительно характеристик скотоводов, пастухов и кочевников-потас, в значениях «кормиться, пастись, питаться, бродить, скитаться, жить».²² В связи с этим Л. А. Гиндин формулирует вывод, согласно которому по отношению к негреческим племенам *petomai* в *med.-pass.* выступает в значении «жить, обитать, добывая средства к существованию иными, чем привычные грекам формами ведения хозяйства, «менее интенсивными, вплоть до натурального» (к ним он относит переложное или подсечное земледелие, кочевое или отгонное скотоводство — Н. П.).²³ Последнее, с точки зрения лингвиста, предполагает, на взгляд греков, недостаточно оседлый образ жизни, сопровождающийся различной частоты переменами конкретного местожительства, «почему и понятие «пастись» одинаково было применимо и к животным, и к людям».²⁴

В полном соответствии с данными наблюдениями Л. А. Гиндин дает уточненные трактовки должному с его точки зрения переводу свидетельств Геродота о будинах, гелонах и г. Гелон. Они таковы:

1) «гелоны же и землю обрабатывают, питаются хлебом и имея сады (здесь употреблено противопоставление *oikesan* — *sitofagoi* (IV, 108);

2) «Gelopos — огромный деревянный город»; 3) «гелоны живут совершенно оседло, отличаясь от Будинов по языку и образу жизни»; 4) «будины обитают в густом лесу, имея другой надел (полученный по жребию, поскольку lakzis исследователь производит из laghaпо с этимологическим значением пето- Н. П.); 5) «будины autohtones помades, питающиеся соновыми шишками», что, по мысли лингвиста, только подтверждает расширенное понимание термина помades Геродотом (по его мнению, это не только скотоводы, но и племена, находящиеся на стадии присваивающей экономики — Н. П.).²⁵

Рассмотрение используемой «отцом истории» терминологии указывает (хотя и не убеждает окончательно) на примерное соответствие его представлений о будинах и г. Гелон тому, к чему пришла, как отмечалось выше, современная археология. В частности, это касается констатации факта наличия на далекой периферии античной ойкумены урбанистической цивилизации, относительно которой, как например, в случае с Бельским и другими городищами, применительно к урбанистическим памятникам эпохи бронзы и скифоидному населению Восточноевропейской лесостепи, определенные факты есть.²⁶

Понимание того, что представляет собой Гелон как урбанистический центр невозможно без осмысления тех представлений, которые имелись у древних греков, в частности, афинян, в V–IV вв. до н. э. и нашли отражение в их письменной традиции. К счастью, такого рода свидетельства обнаруживаются не у кого-либо, а именно у Аристотеля в его труде «Политика», по причине чего они представляют не столько познавательный интерес, сколько приобретают качества весьма существенного аргумента в плане суждений относительно Гелона Геродота. В указанном отношении, в первую очередь, должна быть принятой во внимание присутствующая в нем мысль, согласно которой *всякий город* (Аристотель в данном случае имеет в виду именно город, а не государство-полис как во всех остальных случаях: античный автор сопоставляет данный тип общежития с Вавилоном — Н. П.) представляет собой скорее *племенной округ, нежели государственную общину* (Arist., Pol., III, 1, 3, 28–30 (1276a)).

Заключение античного ученого, как показывает знакомство с работами этнографов и опирающихся на их результаты археологов, вполне вписывается в представления современной науки о социально-политической организации восточноевропейских племен степи и лесостепи в эпоху бронзы и ее типе, который все чаще и чаще отождествляется в ней с т. н. квазигородом или протополисом. Согласно Ю. В. Андрееву к нему имеют непосредственное отношение поселения Эгеиды и Балканской Греции III тыс. до н. э. (Ситагри, Мальти-Дорион, Криса, Евтресис), открывающие своей архитектурой и материальной культурой черты родо-племенного поселка, предшествовавшего классической ми-

кенской цитадели.²⁷ Отмечает ученый и то обстоятельство, согласно которому такой тип поселков не только предшествовал, но и сосуществовал много позднее с Микенами, Тиринфом и Пилосом в последней трети следующего тысячелетия.²⁸

В данной связи нельзя не обратить внимание, что в указанном отношении не менее типичны, в особенности, в плане характеристики «урбанизма» на Среднем и Нижнем Дону система Волошинских городищ, Ливенцовское и Каратаевское городища-крепости, признаки которых (в том числе архитектурно-планировочное решение и конструкционные приемы) находят, в частности, довольно близкую аналогию в поселениях с оборонительными сооружениями в Беотии (Гла) и в Эпире (Зеленица). По мнению зарубежных археологов, цитадель Гла являлась и административно-политическим, и хозяйственным центром своей округи.²⁹

Конечно, памятники эпохи бронзы проецировать на последующую историческую эпоху и на этом основании строить какие-либо выводы методически неверно, если бы не одно примечательное обстоятельство: согласно свидетельству Геродота, скифы уводили свою историю, по всей видимости, от V в. до н. э. в прошлое на 1000 лет (Herodot., IV, 5). Самое же интересное заключается в том, что памятники такого типа, напоминающая спартанскую модель полиса, олицетворяются и системой рассеянных, группирующихся вокруг центрального убежища, поселков, аналог которым можно обнаружить и в системе поселений, открытых, в том числе и в самое последнее время на Среднем Дону.³⁰

Показательно, что такая система косвенно подтверждена Геродотом. В качестве определенного отражения картины сложившейся жизни и особенностей, присущих поселениям скифского времени в бассейне Среднего Дона, является, присутствующее в тексте его труда, описание обстоятельств пребывания в земле будинов войск Дария I, где персами была подвергнута сожжению безымянная деревянная крепость (*kzyline teihi* (IV, 123), последнее слово из данного словосочетания, как показал Хансен, означает «полис» Если допустить, что за данным определением скрывается Гелон, о котором у «отца истории» речь шла выше, то не лишним оснований станет и другое предположение — мысль о тождестве деревянного города в стране будинов топо-и архитектурным характеристикам цитаделей степи и лесостепи Евразии, существовавших здесь, начиная с XIX в. до н. э. и яркими проявлениями которых являлись сходные по своему архитектурному решению Микены и Аркаим.

С учетом археологических реалий, Гелон Геродота, если понимать под термином *polis* не только город, но и общину, т. е. рассматривать его как социально-политическое образование с царями, войском и народом, то возможно и еще одно предположение — о соответствии Гелона такому разряду протополисов, которая также зафиксирована благодаря Аристотелю. В его оценке, он представлял собой союз родов и фратрий, которые объединялись

друг с другом в границах занимаемого ими племенного округа *родством, жертвоприношениями, развлечениями и дружбой, как условием совместной жизни* (Arist., Pol., V, 14, 42 (1281a). Весьма примечательна акцентация Стагиритом на специфике такой организации: в ее основе, по его данным, лежит господство в отношениях между людьми, сложившихся между ними эпигамий, союзов родов и фратрий, тесных взаимоотношениях родов и селений (Arist., Pol., V, 1, 12; 35 (1280b); V, 1, 14 (1281a).

Рассмотренная информация указывает на определенное сходство той социально-политической организации общества, которая имела место в степи и лесостепи Евразии на рубеже III–II тыс. до н. э. и которая, представляя собой сложное переплетение кровнородственных и территориальных связей, сложилась в Эгеиде и на Балканах (Фессалия, Беотия, Эпир) после прихода туда эллинских племен со своей прародины, два из вероятностных ее местоположений исследователи связывают с Восточной Европой и Южным Уралом.³¹

В последнем отношении, весьма информативным выступает свидетельство Диодора, указавшего на то, что «...Гипербореи, говорят, имеют свой собственный язык и он очень близок к эллинскому, и особенно языкам афинян и делосцев, с древнейших времен сохраняя это положение» (Diod., II, 47). В данном случае, неважно, кого имел наш автор в виду, поскольку к настоящему времени, с учетом изменений во взглядах населения Греции на гипербореев во II–I тыс. до н. э., достаточно хорошо доказано возведение эллинами к ним своего этногенеза.³²

В данном случае мы не будем обращаться к решению проблем «исконности эллинов» Гелона Геродота и тех познавательных возможностях, которые представляет рассмотрение вопроса о «празднестве в честь Диониса» в нем (эти вопросы рассмотрены нами специально в других работах),³³ однако, заметим, что перечисленные аспекты указывают на возможность интерпретации фразы Геродота в рассказе о неврах («скифы и живущие среди них эллины») не только в плане учета результатов проникновения эллинских купцов в Лесостепь, но и с точки зрения сохранения в ней мест обитания потомков праэллинов времени разделения племен индоевропейской общности на сатемные и кентумные языки, а также ветви, разбросанные волею истории, в частности, на Балканы и в Северо-Западную Индию.³⁴

Иными словами возникает вопрос: был ли Гелон греческим эмпорием на схождении сухопутного и речного пути на Южный Урал или Алтай или же он являлся местом проживания потомков «исконных эллинов», осевших в данном регионе и проживавших среди местных племен, начиная со II тыс. до н. э. вплоть до времени жизни «отца истории», которых он, находясь в тупике в поисках объяснения выявленного им феномена, связал происхождением с понтийскими эмпориями?

Ответ на него заложен, как нам представляется, в выяснении этимологии названия самого города с учетом имени его эпонима Гелона, сына

Геракла и установлении сходства определений древнейшего города эллинов на Балканах и населения Гелона посредством выражения *to arhaion*.

К настоящему времени сложилось два устойчивых убеждения, согласно которым корневые основы слов *Hellepes* и *Gelonoí* совершенно различны, во-первых, и что этноним *Boudinoí* и название города в их стране — *Gelopos*, в своем происхождении, представляя собой результат словотворчества, носят искусственный характер, во-вторых. Во всяком случае, в пользу первого указывают этимологические словари³⁵, а в отношении второго свое соображение высказал Б. Н. Граков, занимавшийся в том числе и локализацией племен скифской лесостепи. Последний, опираясь на данные, присутствующие в «Этнике» Стефана Византийского (*Steph. Byz. Ethn.*, s. v. *Boudinoi*), пришел к заключению, что чуждый греческому языку этноним будины явился производным от сложения двух слов: *bous*-«бык» и *díneo*-«кочевать, кружиться» на телегах.³⁶

Впрочем, в специальной литературе можно встретить и попытки выведения *Hellepes* из *Gelonoí* и наоборот. Опираясь, по всей видимости, на свидетельства Птолемея и Плиния Старшего, согласно которым в верховьях Дона обитали сарматы-аланы, их инициаторы настойчиво проводят мысль согласно которой триада этнонимов *Ariain-Alanos-Hellenes* является в лингвистическом отношении однопорядковой.³⁷ Основными аргументами при этом являются следующие:

1. из всей группы языков *centum* «только греческий, то есть язык эллинов имеет особую близость к языкам группы *satem*; язык аланов — сатемный — индоиранский (курдский) является генетически родственным языку греков-эллинов; до своего исторического вторжения в материковую Грецию в XVIII в. до н. э. эти эллины-аланы обитали в степях Северного Причерноморья;

2. самоназвание дорийских (!?) кочевников *Hellepes* вполне согласуется с ведийским индоиранским «Алан-Арийан».³⁸

В силу данного обстоятельства башкирский ученый полагает, что указания грека Геродота на то, что эллины — жители города Гелона осели среди будинов, является как раз и подтверждением их близости последним, и индо-арийского родства тех и других с кочевыми иранскими племенами.³⁹

Определенный, хотя и косвенного порядка, аналог такой точки зрения можно обнаружить в свидетельствах эллинистического автора из Гераклеи Понтийской, который, как и все его современники-филологи и мифографы, выискивал в мифологической традиции греков древнейшие сказания, чтобы познакомить с ними своего читателя. Естественно, что многое из того, что становилось предметом знания таких писателей, по причине прошествия значительного времени упрощалось и приводилось в соответствие с господствующими в III—I вв. до н. э. представлениями. Геродор Гераклеяский в указанном отношении исключением не был, тем не менее, его сообщение, согласно которому стрельбе из скифского лука Геракла

обучил скиф Тевтар (Teutaros) представляется весьма примечательным, особенно в свете сообщения Геродота о происхождении Геракла-Таргитая скифов и о том, что он был первожителем необитаемой тогда (т. е., по-видимому, в XVIII–XVI вв. до н. э., как свидетельствует т. н. Паросская надпись) страны (Herodot., IV, 5).⁴⁰

Казалось бы, на этом решение вопроса и находит свое завершение. Однако, в науке нет-нет, да и появлялись время от времени оценки, ставящие под сомнение кажущиеся незыблемыми решения. В частности, В. И. Абаевым было обращено внимание на присутствие в финно-угорских языках заимствованных из древнегреческого слов *gaele-«куница, бобер, выдра» и *lake-«яма», первое из которых претендует быть основой обозначений Гелона и гелонов, поскольку второе (и это нетрудно заметить) воплотилось в этнониме *lakedemonioi*, которым в античной традиции называли эллинов-дорийцев, осевших в долине Еврота, известных также как спартанцы.⁴¹ Однако указанные трактовки, например, гелонов и Гелона, встречают противоречие в свидетельствах Геродота: ловлей на выдру у него занимаются не гелоны, а жители города Гелон, будины (IV, 109).

В связи этим, равно как и с тем, что рассказ о Гелоне принадлежит историку, жившему в Афинах еще больший интерес в указанном отношении представляют данные об одноименном эпониме города Гелона и аналогах этому персонажу в греческой мифологии.⁴²

Напомним, что в пересказе двух версий этногонической легенды происхождения племен скифов (скифской и эллинской) Геродот происхождение родоначальников каждого из них связывает с божеством, которое в греческом варианте мифа названо Гераклом, тогда как в скифском — Таргитаем. Соответственно той же логике, одним из сыновей последнего называется Арпоксай в скифском варианте легенды и Гелон в эллинском (IV, 5). По видимому, сходство основного сюжета той и другой версии следует рассматривать в качестве признака, указывающего на общие (т. е. индоевропейские) их корни, поскольку и в первом и во втором случае Гелон (Арпоксай) назван сыном Геракла (Таргитая). Последнее позволяет рассмотреть в сопоставительном порядке мифологические представления как о происхождении первопредка древних греков-Эллина и эпонима города (и первопредка его населения) Гелона в стране Будингов, принимая во внимание то, что Арпоксай-Геракл, как засвидетельствовано Геродотом, считался родоначальником катиаров и траспиев, т. е. двуэтничного социума, имевшего какое-то отношение к дихотомии будинов и гелонов на этнической карте Геродота.

Относительно происхождения Эллина в античной традиции сложились устойчивые представления, согласно которым «отец всех греков» был сыном Девкалиона и Пирры, имя которого, по оценкам современных специалистов, представляет собой форму мужского рода от имени богини луны Helle. (Apollod., I, 7, 2; Paus., X, 38, 1; Euphst., Comment. Ad

Ном., 1815).⁴³ Согласно той же традиции первое племя, которое называло себя эллинами пришло из Фессалии и поселилось в южной части Додоны (Эпир), став называться ахейцами (одной из причин переселения последних называются, залившие их пастбища в прежних местах расселения дожди (Herodot., I, 5, 6; Paus., VII, 1, 2). Считается, что датой этого переселения на основании данных Паросской надписи следует считать 1521 г. до н. э. (что касается самой Фессалии, то в ней, согласно тому же источнику, эллины утвердились в 1550 г. до н. э. (Tatian., Ad Hell., I.).⁴⁴ Интерес представляет и то, что, с одной стороны, среди детей Пелопа, носившего прозвище «укротителя коней» (Ном., II, II, 104; Pind., Pith. Od., 23), которые почитались в качестве предков ахейцев, традиция называет Гелина (Gelinos) фонетически родственного Гелону (Gelonos (Apollod., II, 5, 1; III, 12, 6; Apollod., Epit. I, 1; II, 10; Schol. Ad. Thuc., I, 9; Tzetz., Hiliad., II, 172.), а дорийцев, связывая с младшим сыном Эллина Дором, рассматривает в качестве основателя первой дорийской общины в Греции (Herodot., I, 56; Apollod., I, 7, 3; Paus., VII, 1, 2).

Не менее интересны и коллизии, имеющие отношение к самому Гераклу. Во-первых, он — сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона (дядей последнего был Geleos), которого первоначально называли Алкидом или Полемоном (Apollod., II, 4, 7–8; Gigin., 29.), а во-вторых — Геракл (или «прославленный Герой») рассматривался в качестве фракийского по происхождению бога однотипного и равного Аресу, которому, как божеству подземного мира, были посвящены «белые тополя» (осины) (Ном., II., XIX, 95–105; Diod., IV, 10; Apollod., III, 14, 2; II, 4, 5; Paus., I, 21, 7; Plaut., Amhitr., 1096.).

Геракл-многодетное божество. В качестве мужского потомства от него и Деяниры в мифологической традиции называются Гилл (Gillos) и Глен (Glenos), первый из которых наследовал статус вождя Гераклидов после вознесения отца на Олимп и принял непосредственное участие в убийстве царя Эврисфея в бою на колесницах (Apollod., II, 7, 7–8; 8, 1–2). Впрочем, она называла и другие родословные Гилла и Глена. Согласно одной из версий, первый приходился сыном лидийской царевны Омфалы, согласно другой — был сыном речной нимфы Мелиссы. Такие же разночтения относились и к Глену. Важно другое: во всех случаях в характеристике их отца Геракла в общественном сознании древних греков оставались тождественными две детали: 1) Геракл был обладателем двух луков и чаши; 2) Гераклу была присуща «практика» их дарения (Herodot., IV, 5; Diod., IV, 23–25). Вообще, обращает внимание, что в греческой архаической традиции этот бог и герой одновременно наделялся самыми архаическими чертами и атрибутами. Он — обладатель скифского лука, владеец свиной шкуры, спасающей его от холода. И такое перечисление можно продолжить. Необходимо заметить, что все это указывает на присутствие в них элементов, имеющих отношение не к греческой или скифской традициям, а к традиции общеевропейской, относящейся,

по меньшей мере к временам греко-арийского единства. Во всяком случае, подтверждением данной мысли выступают сюжеты чернофигурной аттической вазописи, в которых Геракл представлен владельцем пароконной колесницы. Но самое главное заключается в том, что и сам Геракл имел такое же происхождение как и его потомство, т. е. во всех сказаниях в качестве его «матери» присутствует речная нимфа как олицетворение нижнего сакрального мира. Насколько можно судить по эллинской версии мифа об этногенезе агафирсов, скифов и гелонов, эта общеиндоевропейская основа в полной мере в нем представлена. Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что брачевание Геракла с дочерью реки Борисфена происходило по воле первой в лесистой местности, называемой Гилея (Glaia), название которой ассоциируется не только с именами его сыновей, но и с персонажем «дитя борозды», связанного с жертвоприношением быка из упряжки на трижды вспаханном поле во времена празднества в честь божества-прототипа Диониса (Diod., IV, 50, 1; Apollod., I, 9, 16; AP. Rhod., Argonaut., I, 232; Schol. Ad Od., XII, 70; Schol. Ad Apol. Rhod., I, 45; Tzetz., Schol. Ad Lycophr., 872).⁴⁵ При этом, согласно версиям, изложенным Аполлодором и Вергилием, жертвоприношение производилось у источника, носившего имя Gylas/ Gelos, в связи с чем участники процессии, находясь в экстатическом состоянии, вызвали его появление скорбными воплями «Gyla, Gelo, Gyla!» (Apollod., I, 9, 19; Verg., Ecl., VI, 44 (68)).

Впрочем, Диодор называет супругом дочери р. Борисфена не Геракла, а самого Зевса, от которого появился только один божественный ребенок — Скиф (Diod., II, 43). По мнению М. В. Скржинской, миф о Геракле и змееногой богине, Зевсе и дочери реки Борисфена (по другой версии Танаиса) представляет собой отголоски греческого фольклора с включением в него скифских образов для решения задачи по обоснованию права греческих колонистов на земли в Северном Причерноморье.⁴⁶ На наш взгляд, развитие такого рода сюжета отражало исключительно афинские политические (а возможно и геополитические) интересы на Понте Эвксинском и в отношении скифского хинтерланда, и более того, как свидетельствуют отношения гегемона архэ по отношению к Эгейским союзникам, не являлось для Афин времени Перикла чем-то необычным.⁴⁷

В этой же связи нельзя пройти мимо и того, что согласно отдельным версиям мифа, Геракл похитил коров у Гериона, правившего не где-то в Иберии, и не на таинственном острове в Океане, а именно в Эпире, около Амбракии, где он, как полагал еще Гекатей Милетский, и совершал свои подвиги (Hecat. Mil. Fr. 26–27 Jac.) и где современной археологией вскрыты курганные погребения древнеамного типа, датирующиеся концом III- началом II тыс. до н. э., указывающими на приход какой-то части населения, имевшей отношение к древнеамной культурной общности в Фессалию, Эпир и Беотию.⁴⁸

Важной с точки зрения понимания происхождения Гелона является и то, что, как свидетельствует Дидодор, культ Геракла как бога впервые возник в Афинах, и что одной из функций самого бога выступало основание династий (Diod., IV, 32).⁴⁹

Сопоставление родословных Эллина и Гелона приводит к констатации факта о диаметральной противоположности их «таксономий»: первый — сын царя, второй — бога, и на этом основании сформулировать отрицательный вывод относительно их тождества. Однако такое заключение будет неполным, если не учесть, с одной стороны, того, что в мифологии греков был и древнейший Девкалион-сын Прометея и океаниды Климены, отражавший представления населения Фессалии,⁵⁰ а с другой — если не обратиться к такому же сопоставлению имен Гелон и Гелен, последний из которых считался 7-ым сыном царя Трои Приама от второго брака с Гекубой (Tzetz., Schol. Ad Lycophr., 266). В античной традиции «портрет» данного персонажа представлен, практически, исчерпывающе. Гелен (Gelepos) — прорицатель, знающий, как и его сестра Кассандра, тайные оракулы (Apollod., III, 12, 6; Ovid., Ars am., XVI, 19), он — жрец Аполлона, поразивший в бою Ахилла (Hom., Il., I, 10–15), он, как и его брат Эней, бежит из Трои к ахейцам, и через посредство Неоптолема — сына Ахилла, женится на царице племени молоссов, став их царем (Apollod., Myth. Bibl. Epit., V, 12–13; Eustaph., Schol. Ad Od., III, 188). Однако и эти, выявленные факты, указывают лишь на тождественность родословных Эллина и Гелена, но никак не Гелона. Единственное, что проступает за выявленными фактами, так это то, что Гелон, возможно имел отношение к древнейшему индоевропейскому божеству прадионисийского круга. И в этом следует искать возможность нахождения более точного суждения о Гелоне-эпониме и происхождении названия одноименного города в стране будинов.

Данные лингвистики и мифологии недвусмысленно указывают на отраженность в языке и общественном сознании Древней Греции древнейших связей с населением Восточной Европы вообще, лесостепного Подонья в частности. Существует взгляд, согласно которому все примеры греко-иранских и греко-западнофинских связей дают основание допускать, что некогда (скорее всего, во II тыс. до н. э.) какое-то эллинское племя осело в пограничной зоне между носителями индо-иранской и финно-угорской общностей.⁵¹ Относительно места ее расположения называют район верховий междуречья Северского Донца и Оскола, куда, по мнению анонимного автора, были вытеснены «гелоны-праэллины-носители раннесрубной культуры, попавшие в окружение будинов-протомордовских племен и на пограничье с иранцами-гилянами (gilyani), с языка которых и было введено в язык эллинов переосмысленное Gelopos.»⁵²

В отсутствие других, более выразительных данных, последнее заставляет более внимательно отнестись к цифровым выкладкам относительно

расстояний, отделяющих будинов от Меотиды и от «моря вглубь страны», поскольку только на таком основании, измерив на основании данных историка оба расстояния (вверх по Танаису и от моря (под которым Геродот, представивший соответствующую информацию, несомненно понимал Понт Эвксинский), можно определиться в координатах расположения деревянного города эллинов в стране будинов.

Исходные расчетные величины расстояний и времени их преодоления таковы:

- 1) от угла Меотиды вверх по Танаису *lakzis* будинов начинается по окончании 15 –дневного пути через *lakzis* савроматов;
- 2) от моря вглубь страны до меланхленов — 20 дней пути;⁵³
- 3) в сутки сухопутный и водный транспорт преодолевают 200 стадиев;
- 4) 1 день пешего пути — 150 стадиев (Herodot., V, 53).⁵⁴

Приняв за основу (поскольку вопрос дебатруется в специальной литературе, равно как и надежность цифровых данных античного историка) среднеарифметическую величину стадия, мы получаем цифру 764- 1063 км от моря до меланхленов и 525–573–580 км вверх по Танаису от угла Меотиды, т.е. примерно такое расстояние, которое в настоящее время существует между Ростовом-Таганрогом и Задонском-Ельцом в первом случае (500–680 км)⁵⁵, и между Николаевым-Одессой и Задонском-Ельцом (771–1063 км).

Принцип расчетов был следующим. В качестве исходных данных мы приняли указания Геродота о днях пути к будинам от угла Меотиды вверх по Танаису, т.е. 15 дней и о пути к ним же, только от моря (т.е. от Понта Эвксинского) до граничащей с ними земли меланхленов, т.е. 20 дней. Точно также, опираясь на свидетельства «отца истории» о расстояниях преодолеваемых в 1 день (как по суше, так и по рекам), за единицу измерения была избрана цифра 200 стадиев. Что касается величины одного стадия, то по причине невыясненности каким из них (аттическим или ионийским) пользовался историк, мы избрали его среднеарифметическую величину, или 36 км в сутки. Произведенные на основе уточненных данных подсчеты дали для расстояния от угла Меотиды величину в 540 км, а для расстояния до меланхленов 720 км, что, с учетом масштаба современных карт и протяженности территории, занимаемой меланхленами (т.е. от верховьев Северского Донца до точки окончания пути по Танаису-Дону), показало 360–380 км, т.е. весь путь составил в сумме около 1100 км. Сопоставление с километражем современных расстояний, равно как и с точкой, образованной пересечением окончаний двух путей Геродота к будинам на карте, указало на пограничье Среднего и Верхнего Дона, где и находятся названные выше географические пункты. В правомерности избранного подхода, по нашему мнению, не позволяют сомневаться как данные, отложившиеся в Скифском логосе (порядок перечисления меланхленов, будинов и гелонов) с уточняюще-подтверждающими корректировками, Птолемея и Плиния (Ptol., III, 5, 22), так и установ-

ление в самое последнее время родства материальной и духовной культуры, отождествляемого с меланхленами, населения бассейна Северского Донца скифского времени с археологической культурой Среднего Дона того же периода. При этом важнее всего представляется то, что придонские города оказываются в точке пересечения векторов двух направлений путешествия к будинам по Геродоту. Иными словами, измерения по карте не оставляют сомнений в том, что будины и г. Гелон Геродота — объекты, располагающиеся в бассейне Среднего Дона.

Вывод является неожиданным, напоминая собой нечто вроде спекуляции, основанной на произвольно избранных точках отсчета. Поэтому закрадывается сомнение в его надежности, тем более, что в произведениях других античных авторов (за исключением Птолемея и Плиния Старшего) таких, какие у Геродота, данных нет. И тем не менее, ситуация, как оказалось, не является безнадежной.

Внимательное прочтение древнерусских летописей обратило наше внимание на события, происходившие на Руси в 1116 году во времена правления князя Владимира Мономаха. В частности, в Никоновской, Воскресенской, Ипатьевской, Лаврентьевской и Троицкой летописях говорится о походе князя Ярополка в половецкую землю, к реке, называемой Дон, где он взял не только «полон многий», но и три половецких города — *Галин* (Балин), *Чешуев* и *Сугров*.⁵⁶ В данном сообщении обращает внимание не столько поразительное сходство (хотя и фонетическое) названий геродотов Гелона и половецкого Галина, но и их расположение в одном и том же географическом районе — на Дону-Танаисе древних греков. И хотя из пяти летописей, название Галин присутствует только в двух (Лаврентьевской и Троицкой; в других он назван Балин), вряд ли следует списывать существующие между ними расхождения на счет ошибки, допущенной составителями (или переписчиками) указанных летописей. Важнее другое: то, что летописи подтверждают долголетнее существование топонима, несмотря на изменения, которые к раннему Средневековью, претерпела этнокультурная карта Восточной Европы. А это, с учетом идентичности корневых основ двух названий (*Gel-on-os* / **Gal-in- (os)*), позволяет надеяться, что направление поиска Гелона Геродота все-таки должно быть сужено до района, на который указывают русские летописи и подсчеты, произведенные автором настоящей статьи.⁵⁷

Где конкретно располагался Гелон/Галин при современном состоянии источников сказать трудно, но выявленное отечественными историками-краеоведами соответствие названия половецкого Чешуева названию, преобразованного в 1779 году в г. Задонск, села Тешевка на одноименной реке, левом притоке Дона, на правом берегу которого располагалось урочище и небольшое село Галичья гора, включающих в своем названии ту же корневую основу, кажется, придает уверенность в обоснованности предложенного нами решения.

Примечания

¹ Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С.126–131.

² Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Вестник ЛГУ. 1949. № 85. Сер. ист. Наук. Вып.13. С.162; Фабриціус І.В. До питання про топонімію племен Скіфії // Археологія. 1951. Вип. 5. С. 50–80; Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 39–92; Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. М., 1969. С. 5–26 (МИА. № 151); Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона. М., 1969 (МИА. № 151); Граков Б.Н. Скифы. М., 1971; Либеров П.Д. К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. М., 1977. С. 100–101; Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1989; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э.. Киев., 1983. С.336–355; мн

³ Либеров П.Д. Проблема. С. 22–26; Шрамко Б.А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелано-будинская проблема // СА. 1975. № 1. С. 120.

⁴ Шрамко Б.А. Некоторые итоги. С. 121–122; Он же. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев, 1975. С. 94–132;

⁵ Ильинская В.А. Могло ли Бельское городище быть геродотовым Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 73–95; Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 10–32.

⁶ Медведев А.П. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографической информации Геродота // Археологія. 1997. № 4. С. 24–29.

⁷ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев., 1991. С. 102–112; Раевский Д.С. К толкованию числовых данных в древних исторических свидетельствах // Живая Старина. 1997. № 3. С. 18–20; Hartog F. The mirror of Herodotus. Cambridge, 1967. P. 72–92; Rollinger R. Herodots Babylonischer Logos. Innsbruck, 1993. S. 183–189; Strassburger H. Herodots Zeitrechnung // Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. Darmstadt, 1982. S. 688–736;

⁸ Медведев А.П. Гелон Геродота: К проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологической традиции // Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 85–86.

⁹ Рыбаков Б.А. Указ. Соч. С. 153–155; Мурзин В., Ролле Р., Супруненко О. Більське городище. Київ-Полтава, 1999. С. 70–77; Медведев А.П. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий // Античный мир и археология. Вып.11. Саратов, 2002. С. 131–140; Он же. Исследования по археологии и истории лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 82–90 (тот же доклад автора 2000 года в переработанном виде. — Н.П.)

¹⁰ Tomaschek L. Budini // PWRE. 1897. Bd.5. Coll.990; Hermann K. Tanais // PWRE. 1932. Bd. 20. Coll.2162; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982. С. 292–293. Прим.75; Рыбаков Б.А. Указ. Соч. С. 27–28; Яйленко В.П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С.57 (карта), 64; Проблема отождествления Танаиса с Доном впервые была поставлена Г. Байером в 1728 г., а с конца XIX в. достаточно крепко утвердилось в исторической науке. Несмотря на

это, в ней время от времени появляются трактовки, характеризующиеся стремлением представить Танаис как комбинацию течения нижнего течения Дона либо с его правым притоком-Северским Донцом (Ф. Хадсон, М. И. Артамонов, Д. А. Мачинский, Б. А. Рыбаков), либо с течением Волги, начиная от места наибольшего сближения последней с Доном (К. Маннерт, А. Хансен, Р. Хенниг). См.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982. С. 300, прим. 396. Если оставить в стороне Каспийско-Черноморское междуморье, куда, отождествляя р. Фасис с Танаисом, также размещали будинов-гелонов (Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 145), то самой периферийной областью их обитания было названо междуречье Окса и Яксарта. См.: Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1986. С. 60. В самое последнее время В. Г. Зубаревым и Р. Исмагилом вновь предприняты попытки отождествления Танаиса с Северским Донцом и с Волгой. См.: Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 321; Исмагил Р. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. 2006. № 5. С. 23. Мы придерживаемся традиционной точки зрения. См.: Медведев А. П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Новочеркасск, 1993. С. 127–137.

¹¹ Подосинов А. В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 224–227; Впрочем, в самое последнее время вновь предпринята попытка реанимации точки зрения о Танаисе как Северском Донце. См.: Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по античным письменным источникам. СПб., 2005.

¹² Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–81; Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев, 2000; Березуцкий В. Д. Курганы скифского времени лесостепного Дона. Воронеж, 1995; Он же Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996. С. 162–180; Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история) I тысячелетия до н. э.). М., 1999; Он же. Комплекс памятников скифского времени у с. Волошино // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 67–68; Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989; Он же. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V–IV вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 85–89; Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 1. С. 35–47; Мурзин В. Ю., Ролле Р. Скіфські міста у лесостепу // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 181–182; Гавриш П. Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпрівського Лівобережжя (за матеріалам Прип'їлля). Полтава, 2000;

¹³ Для Геродота характерно различие в определении территории, занимаемой будинами, для которой он использует термин *ge* (земля) в географическом и *hoga* (хозяйственно освоенное пространство) в историко-этнографическом контексте. Ср.: Herodot., IV, 20; 119; 122; 123. Чаще же всего, как свидетельствуют,

в частности, характеристики неуров и андрофагов он в термин *нога* вставляет понимание «страна». Причина этого требует специального рассмотрения. См.: Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор. С. 108–110. Впрочем, отдельные факты археологии Среднего Дона скифского времени (керамические сосуды, подражающие по форме канфарам, мечи греческого образца, строительство курганов «пирамид»), уводящих в Балканскую и островную Грецию начала II тыс. до н. э., указывают на рудиментального порядка признаки, восходящих к общему источнику.

¹⁴ Aly W. *Volksmorchten, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Gottingen, 1921. S. 74; Bischoff H. *Perieget* // PWRE. Bd. 79. Stuttgart, 1937. Coll. 726–727; Gisinger F. *Periplus* // Ibid. Coll. 839–850. Исследования производились также в связи с экономической и политической необходимостью. Так, до начала Греко-Персидских войн, по приказу Дария I к берегам Европы была отправлена экспедиция в составе двух триер и торгового судна из Сидона, которую возглавил Демокед из Кротона, целью которой была поставлена разведка побережий Греции и Италии (Herodot., III, 135–138). О другой экспедиции, под руководством Ариарамна, на этот раз к берегам Северного Причерноморья, сообщает Ктесий (Ctes., Pers., 16).

¹⁵ Aly W. *OP. Cit.* S. 75.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор. С. 109.

¹⁸ В справедливости предложенных рассуждений позволяют убедиться измерения, присутствующие у Страбона относительно судоходности Борисфена и Гипаниса (Strab., VII, 3, 17). Кнорринг В. Г. Очерки общей теории измерений. 3. Теория и философия измерений в Древней Греции // Клио. 2005. № 3 (30). С. 173–177; Höckmann O. *Roman river patrols and military logistics on the Rhine and the Danube* // *Military aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, A. D. 1–1300*. Copenhagen, 1997. P. 239–247.

²⁰ Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 21–94.

²⁰ Гиндин Л. А. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 37.

²¹ Там же. С. 38.

²² Там же. С. 41–42.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 43.

²⁵ См., например: Ker J. *Solon's Theoria and the End of City* // *Classical Antiquity*. 1999. Vol. 19. № 2. P. 304–329.

²⁶ Андреев Ю. В. Островные поселения Эгеиды III тыс. до н. э. Л., 1989; Он же. *От Евразии к Европе*. СПб., 2000.

²⁷ Там же.

²⁸ Dickinson O. *The Aegean Bronze Age*. Cambridge, 1994. P. 199. Branigan K., Worren P. M. *Creta: 3000–1400 B. C. immigration and Archaeological sources* // *British-American Archaeologist*. 1998. P. 41; Нельзя исключать и того, что развитие могло пойти по пути, который выявил для Ольвии А. В. Буйских. См.: Буйских А. В. Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 164.

²⁹ Медведев А. П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (проблемы этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С. 157; Березуцкий В. Д. «Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ. 2002. № 4. С. 139–140.

³⁰ Antony D. The Archaeology of Indo-European origin // Journ. Of Indo-European Stud. Vol. 19. 1991. P. 193–222; Drews R. The Coming of the Greeks. Princeton. P. 62–86; Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1. С. 61–82/

³¹ Кошеленко Г. А. Новые исследования античной цивилизации // Вестник Росс. Гуманит. Науч. фонда. М., 1999. № 3. С. 28–36; Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 2002; Он же. Античная философия истории. Спб., 2000. С. 106.

³² Писаревский Н. П. Гелоны Геродота: этнос, социум или фикция античного историка? // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 5. Воронеж, 2006. С. 4–15.

³³ По мнению Г. Крае, к началу II тыс. до н. э. греческий, индийский и хеттский языки известны, тогда как латинский, оскский, умбрский, кельтский, иллирийский, германский и балтийский еще не обособились и существовали как не вполне сформировавшиеся языки. См.: Krahe. Schprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954. S. 22–29; Более того, представляется также важной мысль В. И. Абаева, согласно которой в середине того же тысячелетия вся индоевропейская общность была кентумной и что первая, сатемная, палатализация не была ни синхронной, ни взаимосвязанной во всех языках satem. См.: Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 141.

³⁴ Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 105; Powell J. E. Lexikon to Herodotus. Hindelsheim, 1966. P. 316; Высказывалось также мнение, что созвучие этнонима Gelonoi с Hellenes также есть искусственный образ. См.: Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 86.

³⁵ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 163.

³⁶ См.: Галлямов С. Философские основы индо-арийского мифа о растерзании и расчленении космического быка: Гавамард-Минотавр-Дьяус-Зевс // Галлямов С. Основы Башкортской индо-германской философии. Эстетика. Т. 4. Башкортостан. Уфа: НМ РБ, 2002 (<http://www.Bashkurd.Narod.Ru/aesthetics19.html>).

³⁷ Как бы не относиться к высказанной точке зрения автора данной концепции, его рассуждение, согласно которому иллирийско-эпирские племена, обитавшие в Эпире дали греческим племенам свое имя Hellenes вполне соответствует данным античной традиции (в частности, Платон оставил предание, согласно которому по возвращении из-под Илиона ахейцы-Гераклиды, поскольку их возглавил Доризей, стали называться дорийцами (Plato., Res., III, 622e) и новейшим разработкам в археологии и истории Древней Греции. См.: Хэммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. С. 44–53; Hammond N. G. L. Ancient Epirus. Prehistory and Protohistory // Epirus. 4000 years of Greek History and Civilization / Gen. Edit. M. B. Sakellariou. Athens, 1997. P. 35–45.

³⁸ Галлямов С. Философские аспекты индо-арийского мифа о растерзании и расчленении Космического быка // <http://www.Bashkurd.Narod.Ru/aesthetics9.html>. Кроме того, по мнению автора в пользу такого «расклада» свидетельствует общее обозначение бога Ариев-индоевропейцев — Dios (Там же).

³⁹ Латышев В. В. Известия древнегреческих и латинских авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 293. Это последнее вполне вписывается в представления археологов и лингвистов относительно исторических судеб арийской общности в Восточной Европе, олицетворением которой выступают памятники древнейшей культурной общности. См.: Клейн Л. С. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // НАА. 1987. № 5. С. 94–95.

⁴⁰ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 37–41; Дадашев М. П. К этимологии индоевропейских слов *gel(e)-do-to-, *mazdo- // Этимология 1968. М., 1971. С. 221; Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии II (1–3). 3. *Spart- в индоевропейских языках // Этимология 1980. М., 1982. С. 150–157

⁴¹ Tumpel K. Gelon // PWRE. Bd. 5. Coll. 1007. Данному аспекту — трактовке Гелона как урбанистического цеттра мы намереваемся посвятить специальную работу. Сейчас же, забегаая вперед, опираясь на наблюдения А. Хойбека, имеется возможность для высказывания предположения, что полис Гелон в контексте наррации Геродота тождественен тому, какой смысл вкладывал Гомер, характеризуя киммерийцев «Илиады» как *demos te polis* (Ном., II., XI, 14–16) и какой современные специалисты вкладывают в понятия «племя-государство» и «вождество». См.: Heubeck A. Kimmerioi // Hermes. 1963. Bd. 91. H. 4. S. 490; Luce J. V. The Poleis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978. P. 142.

⁴² Грейвз Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 121.

⁴³ Там же. С. 119.

⁴⁴ Этому аспекту — религиозному празднеству в честь Диониса в г. Гелоне, совершаемом будинами нами посвящена специальная статья, находящаяся в печати (см. выше).

⁴⁵ Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор. С. 20.

⁴⁶ Карпюк С. Г. Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 4. С. 27–40.

⁴⁷ Gimbutas M. The Kurgan Wave № 2 (c. 3400–3200 B.C. into Europe and the Following transformation of Culture // Journ. Of Indo-EuroP. Stud. Vol. 8. 1980. P. 273–315; Hammond N. G. L. Epirus. Athens, 1997. P. 307–309.

⁴⁸ Zwicker A. Heracles // PWRE. Hbbd. 5. Coll. 516–520.

⁴⁹ Tumpel K. Deukalion // PWRE. Bd. 5. Coll. 262–263, 264–275. При этом, являясь древнейшим, оно было широко распространено от Крита до Афин и Этолии.

⁵⁰ Иванов Вяч. Вс. Индо-хеттский, индо-уральский, ностратический, евразийский // Евразийское пространство: звук и слово. М., 2000. С. 1–14; Чередниченко Н. Н. Бессарабский клад. Киев, 1986. С. 74; Он же. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 8; Кузьмина Е. Е. Финно-угры и индоиранцы: динамика культурных связей // Балкано-славянское языкознание. Ч. 2. М., 1990. С. 64; См. также сайт Alterlingva // <http://Alterling.narod.ru/CilaRusD.doc>. Неизвестный автор, разместивший на нем главы из своей работы, считая невозможным возвращение ахейцев из Греции в Северное Причерноморье после крушения микенской цивилизации, исходя из гипотезы о тождестве идеи конструкции погребальных сооружений в Греции и Степных областях Восточной Европы времени ахейской и срубной культур, развивает мысль о том, что это последнее выступает свидетельством нахождения на территории Восточной Европы праэллинского племени до его переселения на Балканы, иными словами, до XV в. до н. э. (Там же). Вырванная из контекста, данная идея автора,

исходящая из предположения о восхождении микенских купольных гробниц и ям со срубами к общему прототипу, с учетом передатировки ахейских усыпальниц в сторону удревнения, может стать плодотворной. См.: Веллас Г. Я., Писаревский Н. П. Скотоводы степи и лесостепи Восточной Европы, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 2001.

⁵¹ <http://Alterling.narod.ru>. С. 7–8.

⁵² Учет этого пути в последнее время приобретает особую актуальность в связи с установлением тождества материальной культуры и погребального обряда населения Среднего Дона и Северского Донца в скифское время. См.: Медведев А. П. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 92–103.

⁵³ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982. С. 236, прим. 212–213.

⁵⁴ К такому же выводу приходит и Р. Исмагил, правда, ведя отсчет от Каспийского моря в сторону Предуралья. См.: Исмагил Р. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. 2006. № 5. С. 24

⁵⁵ Полное собрание русских летописей. Т. I. Воскресенская летопись. М., 1856. С. 24; Там же. Ипатьевская летопись. М., 1843. С. 7–8; См. также: Полное собрание русских летописей. N/1. V/?1962/ С/291; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1956. С. 207.

⁵⁶ Прохоров В. А. Топонимия Дона // Долина Дона: природа и ландшафты / Под ред. Ф. Н. Милькова. Воронеж, 1982. С. 136. На донской бассейн указывает и этимология названия реки Оар, упоминаемой Геродотом среди трех других, которые из области фиссагетов протекают по земле будинов (Herodot., IV, 123). По данным «отца истории» эта река расположена перед пустыней до фиссагетов (ἐρί ποταμοί οαροί τον ἐτι... τα ἐρεῖπια σοα γεν.) В переводе с др.-греч. ее наименование означает «супруга» и находит тождество в инд.-ар. Pati-dana с тем же значением. Что касается двух других-Лика и Сиргиса, то в их отношении уже достаточно давно приобрело устойчивость отождествление первой с р. Медведицей, а второй — с р. Чир или Северским Донцом. См.: Munzel R. Tanais // PWRE. Bd. 20. Coll. 2162–2166; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.

⁵⁷ В самое последнее время О. Н. Трубачевым предложено весьма перспективное толкование древнейшего индоевропейского названия золота, которое и фонетически и морфологически соответствует, по всей видимости корневой основе названия деревянного города в стране будинов-Гелона : и.-е. диалектное *ghel-en-iō- при *ghel-t-o/*ghl-t-o других диалектах (прагерманском, праславянском, балтийском и фракийском). См.: Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 14.

Глава V

ДАНАЙЦЫ, ГИКСОСЫ И «ИСКОННЫЕ ЭЛЛИНЫ» ГОРОДА ГЕЛОНА: ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОКИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В процессе восстановления этно-социогеографии страны будинов Скифского логоса Геродота, равно как и в порожденном сомнениями относительно хронологической одновременности всех составляющих компонентов (исторических, культурных, этнических) его рассказа об их стране, особый интерес представляет осмысление давно установленных в лингвистике фактов индоевропейских корней происхождения как самих этниконов местных племен, так и самых существенных элементов их религиозных представлений и культовой практики (празднество в честь Диониса), поскольку только на его основе, в конце концов, только и можно определиться, что же конкретно имел в виду «отец истории» и какой смысл был заложен им во фразу «to arhaion hellepes» (Herodot., IV, 108), посредством которой он охарактеризовал свою мысль о происхождении обитателей г. Гелона.

Правомерность указанного направления поиска существенно подкрепляется тем обстоятельством, что название реки, вверх по которой на 15 дней пути от угла Меотийского озера размещал землю будинов Геродот, т. е. Танаиса, имеет и.-е. корневую основу *don-, проявившую себя в др.-инд. и др.-иран. — dana, а также Арам Napat, греч. Poseidonos и лат. Neptun.¹

Поскольку в этом районе Геродотом был размещен деревянный город Гелон, жители которого были «исконными» (to arhaion) эллинами, а в этническом имени архаических эллинов-ахейцев, упоминаемых греческими мифами и Гомером также в качестве данайцев и аргивян (т. е. жителей Аргоса-Н. П.)², как полагает большинство лингвистов, отложилась та же самая основа, позволяющая отождествить с ними упоминаемых в надписях Древнего Ближнего Востока, в особенности у хеттов и египтян Нового царства периода XVIII–XX династий, племена dnn / danuva-danaoi-adanava³, то с неизбежностью возникает соблазнительная мысль: а не имеют ли гомеровские данайцы, равно как и зафиксированные восточными источниками сходные этнонимы, какое-либо отношение к населению Среднего Дона в эпоху бронзы, особенно, если учесть сравнительно достаточное количество фактов топо-и гидронимии, имеющих отношение к греческим аналогам? В правомерности постановки такого вопроса позволяют убедиться и результаты археологических исследований последних лет в доно-уральском междуречье, которые имели своим следствием отождествление археологических культур эпохи ранней и средней бронзы (ямная и катакомбная)

с носителями греко-индо-иранского этнолингвистического единства, а также способствовали установлению корреляции и типологического родства памятников племен-носителей высокоразвитой абашевско-синташтинской культурной общности того же времени с материальной культурой населения Ахейской Греции., что имело своим результатом постепенное формирование убеждения, согласно которому ареал распространения ее памятников, обладающих датировкой в пределах XVIII–XVI вв. до н. э., вполне может вписываться как в границы, фиксируемого данными языка, очага распада греко-арийского этно-лингвистического единства, стартовавшего, как установлено к настоящему времени, где-то на рубеже III–II тыс. до н. э., так и во временные рамки периода заключительной фазы последнего, выпавшей как раз на первую треть II тыс. до н. э.⁴

Более того, археология в полном соответствии с лингвистикой пришла к одинаковой реконструкции направлений распространения отдельных этно-лингвистических групп — его носителей как в восточном, так и в юго-западном направлениях, причем, особенно выразительно совокупность имеющихся данных, зафиксированная на уровне топонимики, гидронимии и ономастики, засвидетельствовала продвижение одной из частей бывшего единства на Балканы и в Малую Азию, представленной прото-греко-фракийскими племенами, хорошо знакомыми с коневодством, скорченностью погребального обряда, тактикой колесничного боя и располагавшими в своей социальной системе ударной силой-обособившимся от других, сословием воинов-колесничих.⁵

Такой вектор их распространения, на наш взгляд, вполне вписывается и находит подтверждение в материальной культуре носителей ямной культуры, отождествляемой большинством специалистов с данным этно-лингвистическим субстратом.⁶ В пользу этого, по мнению сторонников этой концепции, свидетельствуют факты появления в Северо-Западной Греции ямных захоронений, оригинальной, имитирующей металл, керамики с плетеным орнаментом, сходство химического состава изделий бронзолитейного производства (медь+мышьяк+цинк+серебро+олово в самых разных комбинациях), традиция изготовления каменных пробушных и бронзовых топоров, кинжалов и мечей, копий с наконечниками и своеобразных доспехов, покрывавших все тело, а также, представленной разделением общества на 4 страта, социально-политической системы, опорой которой, как только что было отмечено, служила каста профессиональных воинов-владельцев пароконных боевых колесниц.⁷ Другие исследователи, в свою очередь, считают, что сходство некоторых предметов из шахтовых гробниц Микен, датировемых XVII в. до н. э.,⁸ с синхронными по времени артефактами из курганных погребений степи и лесостепи Евразии, обнаруживают определенные черты, указывающие на этот регион (а также Египет) как на исходный (и промежуточный) пункты миграции носителей греческих диалектов, вполне увязывающийся, как они полагают, с одной стороны,

с мифом о прибытии Даная в Арголиду из Северной Африки,⁹ а с другой — с появлением в дельте Нила около 1750 г. до н. э. совокупности пастушеских (индоевропейских и семитических) племен под общим названием гиксосы, завоевавших ее северо-восточную часть с применением боевых колесниц и основавших там две своих «столицы» — Аварис и Танис, овладев данной областью больше чем на 100 лет.¹⁰ К этому следует добавить и поразительное совпадение имен гиксосских правителей в надписях Египта времени правления Хатшепсут, в труде Иосифа Флавия и в греческой мифологии, среди которых присутствуют Апопи/Эпаф, Салис/Салитис, Хиан/Иаппа (возможно, переделанное Iop), и что самое поразительное, наличие в их числе типично греческого имени, сохраненного иудейским историком — Тимайос (Τιμαῖος-дорич. вариант греч. имени Тимэй).¹¹ Среди других имен времени владычества гиксосов обращает на себя и еще одно, отложившееся в трудах Плиния Старшего, Юстина и уже упоминавшегося Иосифа Флавия — Silis/Sind-jer/Tan (a)is.¹²

Результаты исследования египетской эпиграфики второго переходного периода (1750–1580/60) и периода правления Хатшепсут не оставляет сомнений, в том, что за период владычества гиксосов на троне сменилось 7 царей, среди которых было 3 Хиана, 1 Апопи, 1 Тимэй, 1 Синд-джер, 1 Якоб-джер. Иными словами, в ономастике Египта в указанный период, как нетрудно в этом убедиться, преобладают индоевропейские, имеющие отношение к языку эллинов, имена. Более того, в правомерности такого наблюдения позволяют утвердиться и данные самой древнегреческой традиции, сохранившей свидетельства о непосредственных контактах эллинов с Египтом.

По степени важности, самым первым из них следует назвать свидетельство Гомера, согласно которому Менелай прибыл под стены Трои «богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться» (II, III, 312). Такое же значение приобретает и указание эпического поэта о нападениях Одиссея на побережье Египта (Od., IX, 44). Наконец, необходимо учесть, на наш взгляд, бесценное в контексте исследуемой проблемы, указание Геродота, по убеждению которого первые греческие поселения в этой стране появились в связи с тем обстоятельством, что некогда «ионийцы и карийцы, вышедшие в море для разбоя, были застигнуты бурей и отнесены к Египту» (Herod., II, 152).¹³ Согласно Диодору какие-то эллины основали Гелиополь, где и утратили свою древнейшую письменность (Diod., II, 57, 1). Однако самым показательным с интересующей точки зрения является утверждение Страбона, согласно которому *Пелопс привел народ из Фракии, а Данай из Египта* (Strab., VII, 7, 1).

Если с учетом приведенных фактов принять во внимание, что источником знаний иудея Иосифа Флавия и римских авторов выступала «История Египта», написанная Манефоном в IV в. до н. э., то, как нам представляется, возникает новый аспект осмысления не только достаточно продолжительное

время изучаемой в историографии античности проблемы гиксосского завоевания и этнического облика его проводников, но и вопросов интерпретации этнических обозначений, тяготеющих к этнониму (политониму) *данайцы* в надписях царей XVIII династии, поскольку присутствие среди них, наряду с 'аат, племен *dnn* позднее надежно зафиксировано одновременными вторжениям народов моря в дельту эпитафическими и папирологическими текстами.

Собственно, данное обстоятельство заставляет обратиться к осмыслению путей миграций той части племен былого греко-арийского единства, путь продвижения которой на Балканы включал и Восточную Фракию, и Восточное Средиземноморье, включая территорию Северо-Восточной Африки.¹⁴

Правомерность избранного направления актуализируется, главным образом, современным состоянием знаний, согласно которым данная племенная общность, представленная протоармянами, бриго-фригийцами, македонцами, пеонийцами, эолийцами, дорийцами и ахейцами, по замечанию В. Л. Цымбурского, «в конечном счете греками», продвигалась, нанося удары по раннебронзовым культурам Восточной Фракии и Балканской Греции, на Балканы с северо-востока, начиная с конца III тыс. до н. э., после чего, как свидетельствуют результаты исследования культур типа Эзеро, Чернавода, Юнаците, Гла и др. собственно, и произошло вытеснение новыми мигрантами самых первых эллинов-пришельцев из Фессалии и Эпира, уже обосновавшихся на Балканах ранее, в том числе и на юге, в Пелопоннесе.¹⁵

Интенсивно проводимые в 50-х-80-х гг. прошлого века раскопки многослойных поселений на территории Болгарии, Северо-Западной Греции (Эзеро, Караново VII, Юнаците, Кирило-Мефодиево) и Кикладских островах (поселения Полиохни, Ферми) привели к открытию, согласно которому начало бронзового века в этих областях ознаменовалось большими военными и культурными потрясениями и гибелью цветущих, но совершенно незащищенных энеолитических поселений, обитатели которых были беспощадно истреблены «пришельцами с севера», в результате чего в конце IV-начале III тыс. до н. э. во всем этом ареале распространилась совсем иная, представленная множеством укрепленных поселений- крепостей и курганными погребениями со скорченными костяками, культурная общность, олицетворяемая памятниками раннебронзовых культур от Баденской до Караново VII, Эзеро и «нового» Юнаците». Примечательно, что данное событие однозначно трактуется специалистами как вторжение скотоводческих массивов населения в приэгейские и эгейские области, важнейшим следствием которого стала «индоевропеизация» и изменение общего культурного облика данного историко-географического региона в целом.¹⁶ Считается, что носителями указанных культур являлись племена фрако-лувийской общности.¹⁷ Однако к настоящему времени широкое признание получил взгляд, согласно которому завоевание Греции было осуществлено потомками ассимилировавших

местные культуры племен восточноевропейских скотоводов (следы разрушений в Лерне, Тиринфе, Асине, Зигуриесе и Агиос-Космасе), выступавших уже носителями, как показывают памятники Пелопоннеса, Болгарии, Албании и Далмации, ранне- и среднеэлладской культур второй половины III — начала II тыс. до н. э. и представлявших собой, по мнению М. Гимбутас, малочисленные отряды «воинов курганной культуры», утверждавшихся в среде местного населения в качестве правящего сословия.¹⁸

Наиболее аргументировано такая концепция разработана в обобщающем труде Ю. В. Андреева.¹⁹ По мнению ученого, в археологической культуре РЭ III периода (последних столетий III тыс. до н. э.) обнаруживаются материальные признаки двух географически сильно удаленных друг от друга культур. Одна из них, локализуемая в северной части Балканского полуострова (Македония, Фессалия, Эпир, Иллирия), характеризуется обычаем т. н. интрамуральных погребений (внутри жилищ под полом или в стене), традицией строительства домов апсидального плана, присутствием в культурном слое каменных сверленных топоров и особого типа керамики по форме напоминающей фляжки.²⁰ Другая, курганная (или ямная) культура была распространена на обширных пространствах степей Северного Причерноморья и далее к востоку вплоть до Аральского моря. Ее характерными особенностями, *находящими прямые аналогии в культуре РЭ III периода*, могут считаться подкурганные погребения в ямах, использование охры и шкур животных в погребальном обряде, дома овального типа, палицы с шиповидными каменными навершиями, т. н. шнуровая и геометрическая керамика и т. п. Но самое главное, по наблюдениям Ю. В. Андреева, заключается в том, что *элементы этих двух культур проявляются на территории Греции чересполосно, в том числе в одних и тех же поселениях, причем с течением времени число таких мест увеличивается (для конца РЭ эпохи — всего 15, тогда как для следующей, СЭ — более 50 (XX–XVII вв. до н. э.)).* Последнее, как полагает ученый, может рассматриваться в качестве прямого свидетельства о том, что в 2200–1900 гг. до н. э. через Среднюю Грецию в Пелопоннес прошло по крайней мере две волны миграций: одна из северо-балканского региона, скорее всего из Подунавья, другая из более удаленных областей Северного Причерноморья, причем, *обе начали смешиваться еще по дороге и окончательно смешались после оседания на территории Греции и ассимиляции автохтонного населения.*²¹ На этом основании он приходит к заключению, согласно которому, поскольку в последующей истории Балканской Греции вплоть до начала микенской эпохи никаких ощутимых скачков в культурной преемственности не отмечено, *в какой-то части этих пришельцев вполне возможно видеть «прагреков».* А поскольку ареал распространения курганной (или ямной) культуры, с которым эти последние были связаны, большинством современных исследователей (как археологами, так и лингвистами) отождествляются с прародиной индоевропейцев, то греков следует рассматривать в качестве

тех первых индоевропейцев-носителей ямной культурной общности, которые и появились на территории Балканской Греции в финальной стадии РЭ периода.²²

Подтверждение такой трактовке данных археологии, по нашему мнению, присутствуют в результатах, осуществленных западными специалистами-антропологами, анализов отпечатков большого пальца гончаров, оставленных ими на необожженной глине сосудов, указавших на наличие двух этнических составляющих греческой народности, а именно: европейскую (Зап. и Восточная Европа, Скандинавия) и Ближневосточную.²³

Следует отметить, что такое понимание процесса распространения эллинов по территории Греции вполне вписывается в совокупность свидетельств античной традиции (от Пиндара до Аристотеля). Мы имеем в виду представление, сложившееся в общественном сознании древних греков, начиная со времени Гомера, согласно которому Эллада — это область в Эпире между Додоной и р. Ахелой. В схолиях к «Илиаде» прямо указывалось, что *ge arhaotate Hellas peri Dodonen kai Sellous ekeito, othen go Aheleos ekreon* (Schol. Ad Il. XXI, 194). Примерно тоже самое засвидетельствовано Фукидидом, по мнению которого, *Homeras hellenas oudamou tous kzymphantas opomaseu oud' allous e tous met' Ahilleus ek tes Phtiotidos, oiper kai protoi Hellenes ge san* (Thuc., I, 3). Там же длокализовали первоначальную Элладу Пиндар (*..oud' estin outo barbaros oute palinglossos polis* (Pind., Isthm., I, 14) и Аристотель (*...peri ton Hellenikon malista topon kai touton peri ten Hellada ten arhaian* (Arist., Meteor., I, 14). Обращает на себя внимания констатация Пиндаром и Фукидидом факта древне-и двуязычия (*palindiglosson*) населения этого времени, что соответствует археологическим реалиям конца III-начала II-го тыс. до н. э.

Археологическая картина распространения памятников ранне-и средне-элладских культур на Балканах вполне адекватна информации, отложившейся в античной традиции. В частности, по свидетельству Страбона (Strab., V, 2, 4), Еврипид указывал, что пеласги приняли имя данайцев по пришествии в Аргос Даная и его 50 дочерей. Последнее, как нам представляется, достаточно точно отражает факт соприкосновения пришельцев-носителей курганной культуры с автохтонным населением Балкан, хотя, может быть, в сообщении Страбона следует усматривать упоминание лишь о об одном из вариантов такого контакта. В правомерности такого предположения, по нашему мнению, убеждают свидетельства того же автора о греческом названии армянского Аракса, как реки Пеней, какая имелась и на Балканах в Темпейской долине между горными кряжами Оссы и Олимпом, а также констатация им небезынтересного факта о расселении, с одной стороны, части эллинов-энианов над армянами за горами Абом и Нибаром, а с другой — фракийцев-сарапаров там же, но по соседству с гуранями и мидянами, на основании чего античный географ, ссылаясь на своих предшественников, сохранил древнейшую традицию, существенным компонентом содержания

которой являлось «заключение о родстве мидян и армян в какой-то степени с фессалийцами и с потомками Ясона и Медеи» (Strabo., XI, 14, 13–14).

Важность информации Страбона, как нам представляется, заключается в ее сопоставимости с наблюдениями современных лингвистов относительно характера, форм и путей расселения носителей греко-армяно-фракийской общности из первоначального очага их расселения в Восточной Европе после разделения с индо-иранцами, допускающими наличие в первоначальный период движения на Балканы, в Малую Азию, Иранское нагорье и в Северо-Западную Индию смешанных друг с другом субстратов.²⁴

Еще более показательным подтверждением высказанной точки зрения служит трактовка этногенеза эллинов на основе древних аргосских сказаний об Ио, представленная в одной из ранних трагедий Эсхила («Умоляющие»), связывавшая его с Египтом, где от преследуемой Герой Ино, обежавшей весь свет и побывавшей в том числе и на Понте, в результате связи с Зевсом появились сын Эпаф, внук Бел и два правнука Эгипт и Данай. Пятьдесят сыновей Эгипта вознамерились взять в супруги соответственно пятьдесят дочерей Даная. Результат известен: вместе со своим отцом Данаиды морем бегут на свою новую родину-Аргос (Aesh., Fr. 47).

Другой аспект, который с неизбежностью проявился в процессе анализа археологических данных, происходящих из памятников ямной культуры, оставленных носителями скотоводческих культурных общностей на широком пространстве от Северного Кавказа до Синайского полуострова и восточной части Нильской дельты (в том числе и синкретической культуры населения Митанни), связан с допущением того, что распространение этнонимов с корневой основой **dnn** могло сопровождать появление, зафиксированных для XVIII–XVII вв. до н. э. пастушеских скотоводческих племен, распространение которых археологически, совпало по времени с началом их расселения из степи и лесостепи Евразии (из района Дона и Волги) в диаметрально противоположных направлениях, на что указывают оставленные ими здесь укрепленные поселения и курганные могильники с катакомбно-скорченными захоронениями.²⁵ Все это заставляет внимательно проанализировать данные о гиксосах в египетских источниках, поскольку а priori можно предполагать их принадлежность именно этому, названному так Диодором, этносу: античный автор называет Эпафа общим предком Ливии, Агенора, Бела, Эгипта и Даная (Diod., V, 80, 1)²⁶

Данная проблема вплоть до настоящего времени содержит ряд аспектов, которые также далеки от своего разрешения как и 25 лет назад. Прежде всего это касается определения того, кого представляли гиксосы в этническом отношении, когда они появились в Египте, носило ли их проникновение в дельту Нила характер вторжения, какова материальная культура гиксосов и т. п. С другой стороны неизбежно возникает вопрос о том, кого же собой представляли, упоминаемые в древнеегипетских источниках и ан-

тичной традиции, начиная с Гомера ахейцы (akhaïos), данайцы (danaoi), аргивяне (argeios) и эллины (панэллины (hellepoi / panhellenoi).

Из всех них первостепенное значение достаточно давно приобрел вопрос о данайцах, *под которыми к настоящему времени понимают не только подданных мифического царя Даная из Арголиды, отца Данаид, предка царя Аргоса Диомеда, но и, что самое важное, связывают с названием реки Апида (Apidanos).* На этом основании выводится заключение, согласно которому четыре этнонима которыми наиболее древние письменные источники обозначают греков-эллины, ахейцы, аргивяне и данайцы- принадлежали племенам, населявшим богатую фессалийскую равнину с начала II тыс. до н.э.²⁷ Более того, по мнению авторов «Истории этноса эллинов», **в том, что касается собственно протоэллинского региона, то названия рек и гор указывают на территорию современной северо-западной Греции, которая насыщена топонимами и гидронимами (например, Эридан в Аттике) исключительно древнегреческого происхождения, свидетельствующими в пользу того, что носители указанных этнонимов кочевали между горными кряжами Граммоса, медными рудниками Гревены и бассейном реки Ион (!)**²⁸

Две проблемы в указанном отношении требуют рассмотрения в первую очередь. Это — вопрос о времени и последовательности нарастания информации о пребывании Даная и данайцев в Египте, а также об этнолингвистической идентификации гиксосов (как в этнонимическом, так и в политонимическом отношении) как носителей сложносоставной «великой» культурной общности.

Самые ранние упоминания о гиксосах в египетских источниках относятся ко времени их господства в Египте в 1750–1580/60 гг. до н.э. Речь идет об информации, отложившейся в двух деревянных табличках из разграбленной гробницы XVII династии, повествующей о борьбе фараона Камоса с гиксосским правителем Апопи.²⁹ Ее содержание представляет рассказ о совещании в Фивах, устроенном фараоном Камосом для обсуждения вопроса подготовки военной кампании против гиксосского властителя в Аварисе и о военных действиях, завершающей фазой которых стала осада египтянами Авариса (текст лицевой части таблички обрывается на описании осады Камосом укрепления Пер шака (Saka). Источник дает представление о фортификационных сооружениях Авариса и крепостях его окружающих, тактике высадки десантов со стороны египтян, но ничего не дает для прояснения вопроса этно-лингвистического облика гиксосов, правитель которых презрительно называется Азиатом.³⁰

Немногом более информативна т.н. «Вторая стела Камоса», повествующая о дипломатических связях Апопи и Камоса в период осады последним Авариса.³¹ Текст источника засвидетельствовал планы захвата Камосом колесничного войска, кораблей и жен гиксосского правителя (II, 13), срытие

Авариса, на месте расположения которого предполагалось строительство одного из каналов Нила, наконец, об имевшем место захвате египтянами посла Апопи к правителю страны Куш с предложением заключения военного союза против Камоса.³² Среди других, присутствующих в нем фактов обращают на себя внимание явно не египетские топонимы, отложившиеся в названиях местности контролируемой гиксосами. Прежде всего это — *Аварис, Танис, Кинополь, Гермополь и Сака*³³. Этот ряд дополняется данными граффито из некрополей фараонов XVIII династии, представляющих имена Апопи и его дочери Херит. Здесь же в Дельте была найдена статуя царевны Тани (tana<dana) рядом с именем которой присутствовало имя Апопи.³⁴

Если таблички Карнарвона и стелы Камоса повествуют о заключительном этапе изгнания гиксосов из Египта, то начало борьбы фиванских фараонов (в частности, Секененра) стало известным благодаря одной сказке, записанной иератическим письмом в эпоху Рамессидов (около 1088 г. до н. э.) учеником писцовой школы в Фивах (т. н. папирус Саллье I).³⁵ Помимо интересных свидетельств о размерах и глубине проникновения захватчиков в долину Нила,³⁶ обстоятельств поиска повода для войны с Фивами правителем гиксосов Апопи и ответной реакции египтян (Секененра созывает совещание воинов и сановников), в ней содержится информация о строительной, религиозной и культовой практике царя, строительстве по его приказу храма и установление ежедневных обрядов жертвоприношений верховному богу Сутеху, напоминающих по своему содержанию отдельные элементы пра-дионисийских празднеств (I, 2–5).³⁷

Однако самая конкретная информация по интересующему нас вопросу представлена в надписях времени правления царей XVIII династии, представители которой внесли решающий вклад в изгнание «вечных кочевников пустыни» из восточной Дельты, а первый царь ее, Яхмос, довел начатое своим предшественником дело до логического завершения: вытеснил их вплоть до Мегиддо и Шаррухена в Сирии.

Особый интерес в названном отношении представляют данные, содержащиеся в тронной надписи царицы Хатшепсут. В ней говорится:

— Я восстановила то, что лежало в развалинах... С тех пор как Азиаты были в Аварисе в Северной Стране (т. е. Нижнем Египте- Н.П.) и варвары были среди них — народы Северной страны ...». Из текста надписи следует, что вторгавшиеся в дельту Нила племена были пришельцами из Азии (т. е. из областей за Иорданом-Н.П.). Верность данного предположения подтверждается другим эпиграфическим памятником, на этот раз египетского военачальника-непосредственного участника войны с гиксосами, из текста которого следует, что преследование изгнанного из Египта противника продолжалось в Южной Палестине, в Финикии и Келесирии.³⁸ Показательно, что вы их числе упоминаются и народы «Северной страны», которую, в противовес синониму Дельты, на наш взгляд, *следует отождествлять не с этой последней, а с областями к северу от Азии!*

В правомерности выдвинутого предположения не позволяет усомниться Иосиф Флавий, в рассказе которого о вторжении гиксосов, опирающегося на традицию, идущую от Манефона, с одной стороны, указано на занятие ими Нильской дельты без единой битвы, а с другой — упомянуты два, правивших одновременно в Египте царя — Тимайос и Салитис, последний из которых был избран на должность голосованием и правил в Мемфисе (Flav. Ios. Contr. Apion. I, 14; Manefon., Egypt. Hist., Fr. 42), причем, имя его, как показывает сравнительный анализ вполне соотносится, как отмечалось выше, с именами Silis/Tanaïs Плиния Старшего и Юстина (Just., Epit., I, 1, 6).

Свидетельства, присутствующие в литературной и эпиграфической традиции, позволяют по-новому оценить высказанные в специальной литературе оценки относительно этно-лингвистической идентификации гиксосов. В частности, Б. А. Тураев и Дж. Брестед настаивали на семитическом (аморейском) происхождении гиксосов.³⁹ В полном соответствии с таким подходом определялась и негреческая основа, сопоставляемого с ними, этнонима данайцев, выводившегося из названия, обитавшего у моря вблизи Яффы, самого северного из древнееврейских племен — Дан. Такая интерпретация может быть поставлена под сомнение, поскольку название города, по всей видимости, представляет собой искаженное Iawan/Ion. К термину dan относили также и dnn (данунитов) египетских источников, и более того, в таком же ключе, связывая с гиксосами, усматривая в нём отражение обстоятельств изгнания гиксосов фараоном Яхмосом I, трактовали греческий миф о Данае сыне Бела, прародителе данайцев, который, преследуемый своим братом Египтом, вынужден был бежать в Аргос.⁴⁰

Иного мнения относительно происхождения гиксосов придерживается Ф. Шахермейр. Соглашаясь со своими оппонентами относительно присутствия археологических следов египетского влияния в раннем слое Микен, он отдает предпочтение мифам изображающим Даная как домикенского, аргосского персонажа. Ахейско-египетские контакты, по его мнению, были обусловлены не бегством семитических изгнанников из Египта на Пелопоннес, а тем обстоятельством, что военные дружины ахейцев-колесничих находились на службе царей XVIII династии. В подтверждение своей позиции он ссылается на сообщения в египетских источниках о матери Яхмоса I царице Аххотеп, собиравшей для борьбы с гиксосами разных чужестранцев и беглецов, среди которых, по его мнению, могли быть и данайцы-греки.⁴¹

Представляет интерес мнение Ж. Берара и Р. Стаббингза, связывавших появление Даная на Пелопоннесе с изгнанием гиксосов из Египта в первой половине XV в. до н. э., доказательствами чему, по их мнению, выступают археологически документированное сходство имен в Египте и в Микенах, указывающее на то, что предок Даная — Эпаф был гиксосским царем Египта под именем Апопи.⁴² С другой стороны, они на основании сюжетной несвязанности мифов о царе Данае и царевне Данае и мифов об Ио как матери Эпафа, полагают, что аллюзии о царе Данае могут быть объяснены

более поздними воспоминаниями о нашествии народов моря на Египет в XIII–XII вв. до н. э.⁴³ Именно в этот период дануна-аданава-данаи проникли до Аскалона, включив в сферу своего контроля все морское побережье Палестины, оставив свои следы в топонимике (например, г. Астиванда) и ономастике (например, владелец одноименной крепости, Критра, молящийся богу Ваалу).⁴⁴ Если принять во внимание тождество эпитета Критра и названия города Календорида в Памфилии, а также то обстоятельство, что в греческой мифологии Данай являлся сыном Бела (Ваала-Н.П.), то станет понятным происшедшая ассимиляция данайцами-греками еврейского племени Дан, представители которого вели жизнь, проживая в кораблях у моря, результатом которой стало представление, сохраненное благодаря Павсанию, о Данае как изобретателе пентеконтеры — 50-ти весельного парусно-гребного корабля многоцелевого назначения.

Особую позицию в интерпретации этноса гиксосов занимают специалисты, которые, отрицая семитическое происхождение самого племени Дан, доказывают первоначальную, времени гиксосского вторжения в Египет, индоевропейскую основу его названия, подвергшемуся после изгнания из Нильской дельты семитизации, отражавшей ассимиляцию семитами какой-то части индоевропейцев в Южной Сирии и Палестине.⁴⁵

В отечественной историографии античности новейшего периода еще одна трактовка проблемы не так давно была предложена Л.А. Гиндиным и В.Л. Цымбурским. По мнению этих исследователей, отнюдь не исключена возможность того, что имя dnp (данунитов) имеет индоевропейское происхождение и лишь вторично сблизилось с известным в XVII–XVI вв. до н. э. названием страны Адана.⁴⁶ Во всяком случае, таким временем датируются упоминания об Adana в форме Adaniy в надписи хеттского царя Телепина.⁴⁷ В свое время Е. Ларошем были приведены исчерпывающие доказательства того, что название данунитов и их страны в Киликии гораздо древнее передвижения «народов моря» в Египет.⁴⁸ Как полагают исследователи, в таком случае данное племя может быть сопоставлено с потомками греков-данайцев из «дома», упоминаемого Гомером, Мопса, приведенных этим героем в Киликию. Откуда происходило продвижение проливает свет сохранившееся у Стефана Византийского свидетельство, согласно которому древнейшим названием Аттики было именно Мопсопия (St. Byz. s. v. Mopsopia).⁴⁹ Поскольку эта миграция происходила задолго до троянской войны, Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский, опираясь на свидетельства хеттских источников о Муксе, полагают возможным усматривать в нем историческую личность, носитель которой в конце XV в. до н. э. выступил сподвижником Аттариссия-Атрея.⁵⁰

Еще более информативна хеттская надпись последней трети XIII в. до н. э., составитель которой называет себя потомком царя Акагамунаса, имя которого еще в 20-х Э. Форрер нашел возможным сопоставить с его греческим эквивалентом Агамемноном.⁵¹ Исходя из позиции этого слова в начале предложения, Ф. Шахермайр не только уверенно отнес его к ахейскому пласту, но

и высказал убеждение, согласно которому этот Акагамунас был прадедом Атарисия / Атрея и должен был жить, по меньшей мере, в конце XIV в. до н. э.⁵² Поэтому в данунитах, как они полагают, следует видеть анатолизовавшийся осколок племен, адаптация которых к лувийскому окружению проявилась и в приспособлении их имени к явно негреческой ономастической модели, не имевшей никакого отношения к грекам-данайцам и лишь позднее подпавших под власть «дома Мопса» из Лидии.⁵³ В связи с этим, имея в виду события XIII в. до н. э., они полагают возможным видеть в дануна либо негреков, либо особую ветвь малоазийских эллинов с очень специфической судьбой, которую ни в коем случае нельзя отождествлять с ахейцами-акайваша.⁵⁴ Вместе с тем, относительно времени XVIII–XVI вв. до н. э., как следует из логики рассуждений указанных исследователей, они отнюдь не исключают возможности эллинской (ахейской) принадлежности дпп египетских источников, повествующих о борьбе с гиксосами.⁵⁵ В качестве вероятных претендентов на участие в гиксосском завоевании Египта они рассматривают именно этих, ставших малоазийскими, эллинов уже 200 лет как обособившихся к 1220 г. до н. э. от основного греческого этнического массива.⁵⁶

Еще дальше на этом пути интерпретации продвинулся Л. С. Клейн, который в анализе содержания гомеровского «Каталога кораблей» обратил внимание на то, что, согласно Плутарху, вождями ахейцев были не Агамемнон (в греческой архаической традиции он -фокейского происхождения), а Гектор, овладевший Трезеной в Арголиде, и Ахилл-командующий ахейцами, согласно той же традиции под стенами Трои. Примечательно, что реальным союзником последнего являлся Диомед (Diomedes) — также царь Аргоса, но вождь фракийского племени медов, представители которого по Павсанию проживали по соседству и с Аттикой.

Непосредственным следствием полемики по вопросу об этнической интерпретации гиксосов стало признание отложенности в источниках информации о двух паронимических племенах — греках-данайцах и данунитах-кикийцах, между которыми существовали тесные, как непосредственные, так и, опосредованного порядка, связи.

Чтобы разобраться в этом весьма деликатном вопросе необходимо обращение к тем оценкам этноса данайцев, которые имели место в историографии проблемы до начала 90-х гг XX века.

С этой точки зрения, одна из первых трактовок проблемы была предложена С. Б. Е. Гладстоном еще в 1858–1863 гг. до н. э. Ученый считал, что ахейцы — народ-завоеватель, пришедший на Пелопоннес с севера в эпоху Пелопидов.⁵⁷ В узком значении термин «ахейцы», по его мнению, означал вождей, аристократию или господствующий класс, тогда как в широком — весь народ.⁵⁸ Что касается сочетаемости терминов ахейцы-данайцы-аргивяне, то отмечая первоначальное различие между ними, исследователь сделал замечание, согласно которому, если они и были, то ко времени Гомера остались в далеком прошлом.⁵⁹ Иными словами, С. Б. Е. Гладстон был

сторонником точки зрения об этнонимичности соответствующих терминов и присущем им этно-культурном различии.⁶⁰

На основании предположения о синхронности присутствия ахейцев и данайцев в Фессалии, зафиксированном в свидетельствах Гомера, Еврипида и Страбона, сначала П. Кауэр, а затем и Р. Дрюс пришли к заключению о приложении к жителям Аргоса эпитетов, связанных с коневодством, результатом которого стала идентификация ахейцев и данайцев.⁶¹ Такой же точки зрения придерживался и Дж. М. Эйтчинсон, полагая, что слово «Ахеида», обозначавшее область ахейцев в «Илиаде» в 14 из 17 случаев указывает на области Северо-Восточной Греции, в частности, Южную Фессалию, Локриду, Беотию, Северную Эвбею.⁶²

Такое понимание содержания терминов ахейцы-данайцы-аргивяне было подвергнуто критике, сторонники которой отрицали фессалийскую «прописку» данайцев, отводя приоритет ахейцам как населению всей северной Греции, называемой Гомером Пеласгическим Аргосом.⁶³ По мнению Л. С. Клейна, данайцы у Гомера с Фессалией в исторической ретроспективе связаны не были.⁶⁴ Тем не менее, он полагает возможным сохранение у эолийцев в X–IX вв. до н. э. представлений об ахейцах как обитателях земель севернее Коринфского перешейка.⁶⁵ Последнее, на наш взгляд, весьма существенно, поскольку позволяет предполагать разные хронологические пласты такого рода памяти: либо времени до вторжения ахейцев в Пелопоннес (т. е. в XIX в. до н. э.), либо времени вытеснения их самих на Пелопоннесе вторгшимися дорийцами (т. е. XII–XI вв. до н. э.).⁶⁶ Кстати сказать, такое понимание ситуации вполне вписывается, как нам представляется, в наблюдение Л. С. Клейна, согласно которому все три названия — ахейцы, данайцы, аргивяне — вошли в эпическую традицию греков в разных местах, в разное время и из разных источников.⁶⁷

Категоричность и полиморфность трактовок проницательного исследователя, однако, не следует абсолютизировать, приняв во внимание прежде всего то, что традиция о данайцах складывалась, во-первых, в различных районах Греции и Малой Азии (Киликия), во-вторых, что она неоднородна (стратиграфична) в плане хронологии и, в-третьих, то, что само представление о данайцах формировалось на основе данных разнотипных и асинхронных по времени источников.

В отсутствие других фактов существенным подтверждением пребывания ахейцев-данайцев в Арголиде выступают памятники археологии, в частности, результаты пространственного изучения распространения погребального обряда захоронений в каменных ящиках с возведением над местом погребения курганный насыпи.

Такого типа погребения отмечены для северо-западного Причерноморья времени ямной культурной общности (или кубано-днепровской культуры по В. А. Сафронову) и были наиболее типичными для всего греческого материка, особенно в субмикенский период ахейской истории. Погребальный обряд

и способ захоронения такого типа засвидетельствован античной традицией. В частности, в отношении Аякса Теламонида, который после своей смерти не был сожжен, как это практиковалось в гомеровское время, а предан земле, поскольку подобно другим древнейшим ахейским героям (Гераклу, Эдипу, Амфиараю, Эректею), для того чтобы попасть в собрание богов, он покончил жизнь самоубийством, по причине чего Агамемнон запретил предать его тело огню. По данным «Малой Илиады» он оказался единственным из героев Троянской войны, похороненным в саркофаге (Apollod., EP., V, 7). Кроме того, было замечено, что в XI песне «Илиады», где рассказывается о подвигах Аякса, этот герой постоянно окружен не только духами загробного царства Аида, но и убивает троянцев с именами, которые идентичны эпитетам этого бога: *rapdokos* (принимающий всех), *Pyrras* (огневой, возлагающий тела мертвых на костер) и *pylart* (вратозатворный)⁶⁸ Иными словами Аякс персонифицирует у Гомера представителя того населения Эллады, которое принесло с собой религиозную идею обязательного предания мертвого тела земле, но не огню. По мнению Л. С. Клейна, это правило сохраняло свою силу в геометрическое и гомеровское время *для эолийских областей Греции*, но в Аттике, на островах и в Ионии господствовала кремация.⁶⁹

Вывод исследователя, в особенности, относительно Аттики и Ионии, нам представляется слишком категоричным. Во всяком случае, как показывают данные археологии, в Эпире еще в начале II тыс до н. э. ингумация и интрамуральность являлись определяющими чертами повсеместно распространенного погребального обряда вплоть до раннего железного века.⁷⁰ Еще более красноречивым выступает рассказ Плутарха об аргументации Солона относительно контроля Афин над Саламином. Среди других оснований (а Солон доказал судьям, что Аякс, Филей и Эврисак не только получили афинское гражданство и поселились в Аттике, передав остров) будущий афинский архонт и протат опирался и на те, которые весьма условно можно назвать археологическими. «Солон ссылаясь на то, — указывает античный биограф, — что умершие похоронены на Саламине не по обычаю мегарян, а так, как хоронят Афиняне: мегаряне *обращают тела умерших к востоку, а афиняне к западу*» (Plut., Sol., X, 2). В передаче Диогена Лаэртского, напротив, Солон уверждал, что «мертвые обращены на восток, по афинскому обычаю, как и сами гробницы» (Diog. Laert., I, 48). Интерес представляет и контраргументация мегарца Героя, обратившего внимание на идентичность ориентации тел погребенных в Афинах и Мегарах и отметившего, что различия проявляются в другом: *у каждого из афинян есть своя отдельная могила, тогда как у мегарян по трое или четверо лежат в одной* (Plut., Sol., X, 3). В противоречиях свидетельств античных авторов исследователи усматривают, либо отражение двух ориентаций (ионийской (ахейской) и дорийской), либо эволюцию традиций погребального обряда от ориентировки на восток до ориентировки на запад, последняя из которых возобладала, надо думать, с победой олимпийской религии

и мифологии.⁷¹ Показательны в указанном отношении обряды, выявленные при исследовании могильников микенского времени: в 5 погребениях на акрополе Микен два тела лежали ногами на юг (!) и более 10 — на запад. В Амиклах (совр. Вафио) — 1 ногами на восток, тогда как остальные 11 — на юг и на запад, что указывает на разнообразие ориентационной практики захоронений в эпоху бронзы в Эгеиде и выступает свидетельством направлений, следуя которым эллины появились на территории Балканской Греции⁷²

Сказанного, по нашему мнению достаточно, чтобы распространить обряд ингумации и на Аттику, и на северную часть Пелопоннеса, где раскопками М. Андроникоса выявлены соответствующие данной религиозной идее могильники РЭ и СЭ периодов.

В доказательство присутствия среди гиксосов, вторгшихся в Египет, эллинов, на наш взгляд, можно сослаться на те немногочисленные, но весьма показательные данные, которые происходят с памятников, оставленных «агрессорами» в дельте Нила и датирующихся временем правления XII–XIII династий и вторым переходным периодом.

Прежде всего, это крупные городища подчетыреугольной формы с закругленными угловыми частями, характерной особенностью которых выступают, песчаные валы высотой до 15 м, окружающие их по периметру, и высокие, с находящимися перед ними глубокими рвами, оборонительные стены, предназначенные для противодействия боевым колесницам или применению таранов спешившимся с них противником. Ярким образцом крепости такого типа является городище Телль эль Яхудийя, площадка которого, равнявшаяся 480 X 450 м, имела площадь 250 кв. м. Показательно, что, до настоящего времени, исследователи, занимавшиеся поиском его аналогов, акцентировали преимущественное внимание на памятниках Палестины и Леванта (Иерихон, Хатор, Катна, Кархемыш, Рас-Шамра) и совершенно не обращали внимание на его сходство с памятниками, выявленными на территории степи и лесостепи Восточной Европы (Михайловка, Ливенцовка, Синташта, Аркаим и др.), иллюстрирующих, может быть, в более скромных размерах, те же самые архитектурные особенности обустройства и типа оборонительных сооружений.⁷³

Однако самыми показательными, своего рода «знаковыми» предметами из гиксосских скорченных подкурганых погребений, выявленных в Нильской дельте, являются ямно-катакомбного типа, баночно-овоидной формы, орнаментированные накольчатым геометрическим орнаментом по верхнему плечу, керамические сосуды, и главное, обнаружение в одном из таких погребений символа царской (вождеской) власти — четырехшипового навершия булавы из ценной породы камня. Показательным в указанном отношении является то, что указанная «евразийская» керамика и того же типа навершия встречаются в воинских погребениях, характеризующихся к тому же наличием в отдельных из них коротких мечей и кинжалов, по своей форме напоминающих изделия ремесленников ЦМП и Балканского полуострова СЭ периода.⁷⁴

Другими словами, знакомство как с данными античной традиции, так и с фактами материальной культуры гиксосов, как нам представляется, вполне подтверждает верность неоднократно высказываемого в науке предположения о возможности отнесения его носителей не только к племенам индоевропейской общности, но и вполне конкретным образом отождествить их с эллинами первой трети II тыс. до н. э., миграция одного из потоков которых включила и территорию Египта, что, собственно, на уровне разновременных и разнопорядковых воспоминаний нашло отражение в их мифологии, эпической поэзии, литературной и исторической традиции.

Правомерность постановки такого вопроса определяется состоянием современной сравнительной мифологии. Специальные исследования, произведенные в самое последнее время имели своим следствием констатацию факта, согласно которому и мифология и эпическая традиция, несмотря на переотложенность и кажущуюся хаотичность воспроизведения, сохранявшихся на протяжении жизни многих поколений знаний о прошлом, в большинстве своем содержат достаточно точные данные.⁷⁵ В том, что касается мифологии древних греков и римлян, то все отмечаемые противоречия в античной традиции и наличие множественных версий относительно происхождения и ранней истории эллинов специалисты объясняют сходством отдельных циклов их сказаний с мифами родственных им народов, с которыми они, эллины, когда-то еще до переселения на Балканы, проживали на территории общей прародины индоевропейцев.⁷⁶ Последнее соображение натолкнуло на мысль обращения к древнейшему из индоевропейских письменных памятников-Ригведе, в котором можно было бы обнаружить интересующие нас данные в отношении данайцев и гиксосов, поскольку и в данном случае современными специалистами установлена возможность складывания ее древнейших гимнов в устной форме задолго до того (до 500 г. до н. э. как минимум), когда они подверглись своей первоначальной литературной обработке и записи.⁷⁷ Кроме того, требовало своего объяснения и то обстоятельство, почему в арабском предании о завоевании Египта гиксосами (арабская рукопись текста «Иудейской истории» Иосифа Флавия) они назывались словом, близким санскритскому термину Aditya, а их вождь, основавший 200-летнюю династию, именовался Шеддадом (от лид. Sadiatt).

Искомые данные уже при самом первом знакомстве с текстами Ригведы незамедлили сказаться, и более того, проявились в самом неожиданном (и ожидавшемся) плане: как удалось установить, они присутствуют в личных именах, этнонимах, гидронимах, причем, все без исключения указывают на близкое родство эллинов вообще, данайцев и гиксосов с ариями Индии, в частности.⁷⁸

Прежде всего в перечислении рек западной части мира, помимо знакомых Rasa, Sindhu, Vaga, в самой древнейшей мандале Ригведы присутствуют упоминания о р. Yahnavi (Ион?) (I, 44, 12; 83, 1; 112,

12; 122, 6; 126, 1; 186, 5 и т. др.). Здесь же в том же районе ее авторы располагают, находящие аналогии с хеттскими и греческими названиями, реки Sohau (Сеха?) и Наго (греч. имя Харон, связанный с рекой Стикс (I, 46, 14).

Такую же тенденцию проявляют, упоминаемые в Ригведе имена богов и названия этносов, большинство из которых перечислены в каталоге племен и народов, предвосхищающем соответствующий каталог гомеровской «Илиады». В последнем случае существенный интерес представляет присутствие в одном ряду с арийскими (Апу) неарийского племени Yaksas, которые связывались с изготовлением колесниц и входили в одну комбинацию с этносами Dapavas, Ailas, Ayas, Sigrus и Iksiakus (последние из которых точно также как и иксиаки перипла Понта Арриана (Arr., Per. Pont. Eux., 87) живут на побережье моря. Еще более важными представляются информационные поля поэмы, представляющие Ailas/Ala или Alinas (Hellenes? (VII, 18, 7) как представителей лунной, состоящей из 5 племен, династии, тогда как Iksivaku/Iksiakus названы относящимися к династии, поклоняющейся солнцу или солнечной династии (I, 108, 8; VI, 46, 8; VIII, 10, 5; X, 60, 4 и др.). Интересно отметить, что в состав пентады племен лунной династии в Ригведе включено племя Turvasas (Tyrsepoi? (I, 47, 7), в паре с которыми всегда упоминаются Yadus (Иады (I, 36, 18; 54, 6; 174, 9 и др.), название которых проявляет близость названию области Пелопоннеса. В этом последнем отношении нельзя не обратить внимания на совпадение характеристик территории, примечательной особенностью которой служит присутствие городов причем греческий называется Диодором Оленом (Olenos (впоследствии он получил название Ахайя (Diod., V, 61, 1), а ригведийский Kuyava (I, 104, 3)

Еще более показательными нам представляется сходства, если не идентичность наименований жреческих родов в Ригведе с соответствующими наименованиями царских родов ахейцев: Aias (Эакиды?), клана Atri Risi и личного имени Atreya, относящегося к «истинным ведическим арийцам»-племени Purus, по причине чего им посвящено 30 гимнов и 312 стихов-шлок Ригведы. В пользу такого предположения весьма показательным представляется наличие относящегося к тому же ономастическому ряду имени царя Фригии Отрей, за дочь которого в гимне «К Афродите» (VII в. до н. э.) выдаёт себя сама богиня (Homeri hymn., IV, 137–139). Не меньший интерес в указанном отношении представляет, связанное с Мидасом, свидетельство сохранившегося фрагмента мифографа Конона, согласно которому Мидас первоначально был царём бригов и убедил своих подданных переправиться из Европы через Геллеспонт в Азию, чтобы поселиться по соседству с мисийцами (Kon., Dieges., I, 1–16 (Hoefer)).⁷⁹ Имеет место также присутствие созвучного геродотову Априю-царю Египта почти идентичного, имевшего отношение к одному из 7 жреческих родов Atris, имени Aprikustas (V, 31, 8; VI, 27, 6).

Если вернуться к этнонимии и топонимии Ригведы, то в указанном ряду привлекают два племенных названия — Medes, Sak и Kasa, причем первое упоминается античной традицией как соседствующее с Аттикой, фракийское по происхождению, а два вторых в своем соединении весьма созвучны названию области в Закавказье, южнее Куры — Сакасена, а также этнониму kas-kas, из которого ряд исследователей полагают возможным производить этимологию названия Кавказ. Исследователи Ригведы давно обратили внимание на то, что все ранние цари Ригведы — это цари Кас (Kasiraja) и что само значение данного этнонима означает дословно «маленькие иранцы» (parsu (VIII, 5, 37–39)).⁸⁰ Еще одно племенное наименование, также указывающее на свое смещение, в частности в Малую Азию, представлено среди других Апи в качестве изобретателей огня и колесницы-Bhrigus/Frigus (бриги, фригийцы). Более того, в их земле, судя по тексту, к востоку от Инда, у озера Арауа (RV V, 31, 4; VI, 62, 9; VII, 12, 13–14; VIII, 74, 4) находится, в одном случае, деревня Mapas, в другом — город Mapusa, постоянно упоминающийся как центр переселенцев к востоку теперь уже от восточного притока Инда, р. Сарасвати (правда, на этот раз, судя по «Махабхарате», он лежит на реке Сарака или Апака (Mbh., III, 81, 55–56)). Значение приводимых фактов, по всей видимости, не составляет никакой загадки: они указывают на пути миграции одной из ветвей праэллинов в составе греко-фрако-фригийской общности либо из Северо-Западной Индии на восток, либо, что более, на наш взгляд, вероятно, через Северо-Западную Индию и Иранское нагорье в сторону Ближнего Востока, поскольку он является одним из регионов, где этнонимы dnp-danuna-adanava и производные от них, напоминая гомеровский термин danaioi, зафиксированы не только данными различных литературных традиций, но, в первую очередь, надежными эпиграфическими источниками.

Наконец, нельзя не назвать еще один, чрезвычайной важности, аргумент: оказывается богиней уже упомянутой р. Сарасвати, была одна из трех древнейших арийских богинь вообще по-имени Iaspada/Ilayaspada (или Ia (I, 142, 9; 188, 9; II, 1, 11; III, 4, 8; VII, 2, 8; X, 110, 8)). название которой довольно близко подходит как к elle (как считал В. Георгиев — это и.-е. по происхождению слово, означает «луна»), которой, по сообщению Страбона, армяне поклонялись в образе коровы (Strab., IX, 1, 3), так и к названию одноименного города в Троаде — Илион (хетт. Viliysia/Vilusa, др. греч. Ilios).

Весьма показательны в доказательстве эллинского (эллино-фрако-фригийского) происхождения данайцев и гиксосов и факты, указывающие на общие черты и корни эллинов, индо-иранцев, фрако-фригийцев, отложившиеся на этот раз в произведениях античных авторов. Примечательно, что, по всей видимости, «ключом» к их пониманию является утверждаемый в законах древних индийцев (законах Ману) взгляд, согласно которому от кшатриев-вратья (hsaya vratya) произошли народы, среди которых в одном

ряду упомянуты племена-вероотступники, ушедшие на Запад: *Saka, Kas, Bhrigus, Danava, Syrmii, Turvasa, Alinas, Yaksos и Iksiaka*. Только с учетом данного обстоятельства становятся понятными те убедительные совпадения свидетельств античных авторов с ведической традицией, что в них присутствуют.

Особенно информативен в указанном отношении Диодор. Он не только сделал запись о том, что гелиады-дети Гелиоса (и среди них Перс, сын Гелиоса), но и специально отметил, что Афина являлась богиней гелиадов (Diod., I, 56, 3). Более того, от него мы узнаем, что именно они (т.е. сыновья Гелиоса) изгнали пеласгов из Фессалии (Diod., V, 61, 1). Приводит античный автор и то убеждение, существовавшее до его времени в общественном сознании, согласно которому *эллы основали Гелиополь в Египте* (Diod., V, 57, 1). Тот же автор называет землю *Iados* на Пелопоннесе, где располагался город *Olepoi* (*tes tote Iados Olepoi*), жители которого пользовались *древнейшими* (дословно, «с покон веков») *медными сосудами* (*ton arhaion rithmon*) (Diod., V, 81, 4). Еще более интересными представляются рассуждения Диодора на предмет индийского происхождения бога Диониса, которому поклоняются эллы и фракийцы, приносящие ему жертвы 1 раз в 3 года (триетериды). В связи с этим, в качестве доказательства (а может быть и не подозревая об этом) он сообщает, что Дионис относится к разряду дваждырожденных богов (Diod., I, 19; III, 63; IV, 3). Наконец, великий компилятор сохранил предание, в котором упоминается о самопродаже Геракла в рабство ради женитьбы на дочери бога реки Иардана, т.е. такая же практика, к которой прибег и небезывестный по индийской «Рамаяне» царевич Рама (Diod., IV, 31, 5). В сопоставлении со свидетельствами Геродота и Аполлодора о блужданиях эллинов до прихода на Балканы (например, с указанием Аполлодора о том, что эллы селились в разных местах от Сангария, Ливии до Италии (Apollod., EP., 6 (15) или с указанием «отца истории» о происхождении всех имен эллинских богов из Египта (Herodot., II, 50), они дают достаточно надежную информацию в пользу использования последней в качестве обоснования предположения, с одной стороны, о тождестве данайцев и гиксосов, а с другой — о наличии (помимо европейского, через Нижний Дунай) и азиатско-ливийского пути распространения эллинских (в соединении с индоиранцами, фракийцами и фригийцами) племен на Пелопоннес, на котором, по всей видимости, и завершился (в результате разнопорядковых отношений с автохтонами-пеласгами) процесс их этногенеза.⁸¹

Примечания

¹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Т.1. М., 1987. С. 531.

² Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и Восточное Средиземноморье. М., 1999.

³ Fitton J. L. The Discovery of the Greek Bronze Age. London, 1995.

⁴ Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.

⁵ О миграциях индоевропейцев см.: Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. К.; Николаева А. В. К вопросу о культурной атрибуции погребений ранней бронзы с остатками транспортных средств в Северном Причерноморье // Археологические памятники Восточной Европы. 2006. Вып. 12. С. 79–86.

⁶ Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анавтолии // Азия-диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 263.

⁷ Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 45.

⁸ Там же. С. 248. См. также: Фор П. Повседневная жизнь Греции. С. 13–14 (дата — 1650–1510).

⁹ САН. 1974. Vol. 3. P. 635–638.

¹⁰ Drews R. The Coming of the Greeks: Indo-European Conquests in the Aegean and Near East. Princeton, 1988. Современные комментаторы труда Иосифа Флавия, впрочем, склонны отождествлять Авварис и Танис, полагая что речь идёт об одном и том же городе, поскольку «столичный» город гиксосов был возведён пришельцами на месте египетского Таниса — центра одноимённого с ним нома. Известное подтверждение такому взгляду можно обнаружить в свидетельстве Геродота о пребывании Даная в Египте (Herod., II, 99).

¹¹ Тураев Б. А., Брестед Дж. История Древнего Египта. М., 2004. С. 211–216.

¹² Там же. См. Также: Лапина Т. А. Некоторые источниковедческие проблемы географических книг Плиния Старшего // ВДИ. 1987. № 2. С. 130; Sequi E. Elleni, barbari e teratologismo nella tradizione greca // Ziva antica. 1963. god. 12. № 2. S. 231–254; Verdin H. Notes sur l'attitude des historiens grecs a l'age de la tradition locale // Ancient Society. 1970. № 1. P. 183–200;

¹³ С учетом представлений «отца истории» о Египте и допущенных им искажений в процессе изложения его истории, данное его свидетельство, хотя оно и связано с именами Псамметиха I и Нехо, представляется возможным распространить на более раннее время. Такой вывод автора данной статьи основывается на оценках как отечественных, так и в особенности зарубежных исследователей труда Геродота. См.: Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота. // Геродот. История в 9 книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. С. 485. Противоположное, альтернативное мнение сложилось в историографии античности со времен Ф. Якоби. См.: Jakoby F. Herodotos. S. 394. См. также: Суриков И. Е. «Несвоевременный» Геродот (эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151.

¹⁴ Воспоминания о пребывании в Египте (Ливии) сохранились в генеалогических и исторических преданиях самих древних греков, показателем чего, в частности, выступают свидетельства мифов о богине Афине, ставшей в конечном итоге (что весьма символично) богиней-покровительницей одноименного с ней города. Однако до этого, как свидетельствуют данные гомеровских поэм и труда Павсания, она была богиней-покровительницей всех эллинов, почитавшейся всеми греческими племенами по всей их диаспоре на Балканах и в Малой Азии (Аргос, Спарта, Трезен, Эпидавр, Фенеи, Троя и т. д. (Paus., II, 24, 2; II, 32, 4; III, 17, 3; III, 23, 6; VI, 88; VIII, 10; 14, 4.) Она считалась изобретательницей ярма, колесницы, уздечки для лошадей и гончарного круга (Ном., II, I, 199; V, 803–840). С точки зрения

интересующих нас аспектов, особый интерес представляют те данные, которые свидетельствуют о *рождении богини на берегу озера Тритон в Ливии*, где ее воспитанием до признания дочерью Зевса занимались ливийские нимфы, носившие козьи шкуры (AP. Rhod., IV, 1310–1314; Apollod., III, 12, 3; 23; IX, 33, 5). Платон же вообще отождествлял Афины с египетской богиней Нейт. (Plato., Phed., 12, 3). Судя по его рассуждениям и концепции, сторонником ливийского происхождения Афины был и Геродот, оставивший свидетельства о египетском происхождении культа Додонского Зевса, а в отношении Афины, указавший на заимствование ею своих одеяний и эгиды у ливиянок (Herodot., IV, 189). Примечательна и связь Афины как с Бореєм, так и с Посейдоном (Hom., II, 266–267; Herodot., IV, 180). Примечательно также то, что сын богини Эрихтоний, был первым колесничим в Аттике. (Apollod., III, 14, 6).

¹⁵ Hammond N. G. L. Epirus. Athens, 1974. P. 193.

¹⁶ Goetze A. Kleinasien. München, 1957. S. 45–46; Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я. Поселение Езеро и его место среди памятников раннего бронзового века Восточной Европы // Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, 1973. S. 130; Мерперт Н. Я. Рец. На кн.: Korfman. Demirchihuyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. Bd. I. Mainz am Rhein // СА. 1983. № 2; Гиндин Л. А., Цыбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 218–219; Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / Пер. с англ. М. С. Неклюдовой. М., 2006. С. 426. Рис. 10–32; 428–431.

¹⁷ Мерперт Н. Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1980. С. 41.

¹⁸ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006. С. 425–444.

¹⁹ Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железного века. СПб., 2002. С. 77–79.

²⁰ Там же. С. 77.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 79.

²³ Фор П. Повседневная жизнь Греции. С. 52. В указанный ряд наблюдений вполне вписываются наблюдения археологов относительно размеров костяков в погребениях носителей ямной культурной общности, Северо-Западной Греции, Фессалии и микенских толосов кругов А и В. Исследования останков тел взрослых мужчин, помимо близости самого обряда захоронения, указали на совпадение их роста в этих, казалось бы, достаточно удаленных друг от друга обществах. См.: Иванова С. В. О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. Петербургский археологический вестник. СПб. 2000. С. 388. Прим. 1, 389 (со ссылкой на Мэллори Д. Курганы и социальная структура населения эпохи ранней бронзы. С. 86–89 (1994); Генинг В. Ф. О социальной структуре ямного населения Нижнего Поднепровья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990. С. 44–46; Черленок У. Ф. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана. // Stratum plus. Петербургский археологический вестник. СПб., 2000. № 2. С. 257; Pustovalov S. Z. Economy and Social Organization

of the Northern Pontic Steppe-Forest steppe Pastoral populations 2750–2000 B. C. (Catacombe culture) // *Nomadism and Pastoralism in the circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures 5000–1650 B. C. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 2)* Poznan, 1994. P. 86–134.; Пустовалов С. Ж. О возможности реконструкции сословно-классовой системы по археологическим материалам // *Древности Северного Причерноморья и Крыма. Вып. 5. Запорожье, 1995. С. 21–32.*

²⁴ В связи с этим небезынтересными нам представляются суждения Р. Грейвса, согласно которым пути распространения в эпоху бронзы культуры винограда из Причерноморья через Палестину до горы Ниса в Ливии и на Крит, а в Индию через Иранское нагорье, являются основой представлений об ипостасях и путешествиях Диониса. См.: Грейвс. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 76. По нашему мнению, наблюдение ученого вполне можно сопоставить с путями миграции носителей греко-индоиранской этно-культурной и языковой общности, одна из ветвей которой (праэллинская) мигрировала в долину Нила (Ливию мифов) через Палестину. См. также: Борухович И. Г. Ахейцы в Малой Азии // *ВДИ. 1964. № 3. С. 91–106*; Korfmann M., Kroner B. Demircihuiyuk, Besik-Tepe, Troia: Eine Zwischen bilanz zur Chronologie dreier Orte in Westanatolien // *Studia Troica. 1993. № 3 S. 23.*

²⁵ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974; Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры // *Археология Старого и Нового Света. М., 1982*; Титов В. С. У изучению миграций бронзового века // *Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 111–115.* Несколько иную позицию в трактовке указанных фактов занимает А. Бартонек. По его мнению попытки связать легенду о прибытии Даная в Арголиду с потрясениями, которые он переживал в XVII в. до н. э. нуждаются в корректировке. Как полагает сам исследователь, под гиксосами следует понимать ту разрушительную волну миграции семитических племен, которая в конце XVIII в. до н. э. с Кавказа и гор Армении прошли по всему Ближнему Востоку и одна часть из которых сокрушила военную мощь Вавилона, а другая проникла в Нильскую дельту и овладела более чем на столетний период большей частью Египта. Именно такое событие нашло отражение, по мнению ученого, в тех центральных фигурах соответствующего пласта греческой мифологии, которые по своему происхождению связаны с Востоком (Данай, Кадм и Пелоп). См.: Бартонек А. Златообильные Микены. С. 31.

²⁶ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 152. Вопрос об идентификации Эпафа с египетскими фараонами Апопи (или Пепи) относится к одному из самых дискуссионных в науке. По этой причине отсутствует единая хронология определения времени проникновения гиксосов в Египет и господства в нем гиксосской династии. Одна из последних попыток реконструкции хронологии Древнего Египта предпринята А. Ю. Скляровым, новые датировки династий которого охватывают время с 1881 г. до н. э. по 1550 г. до н. э. (Сенусерт III 1881–1840; Себекнефру — 1785–1781; Аменемхет IV-1798–1785; Второй переходный период — 1650–1550). См.: Скляров А. Ю. Цивилизация древних богов Египта. М., 2005. С. 448–449. Как бы к ней ни относиться, но даже с поправками на традиционные датировки, время правления Пепи I и II, Сенусерта III и Второй переходный период (1750–1580/60 гг до н. э.), не оставляют сомнений в постепенном, начиная с XX века до н. э. проникновения скотоводческих элементов в материальную культуру и иконографию Египта, начиная с конца Древнего и кончая началом

Нового царства. Во всяком случае правление гиксосских царей Хиана и Апопи Э. Бикерманом относится к 1785–1580 гг. до н. э. См.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 176–177

²⁷ Фор П. Повседневная жизнь Греции. С. 43.

²⁸ *Historia tou Hellenikou Ethnos*. T.I. / Ed. Iakovidis P., Karageorgis N., Sakellariou R. Athenes, 1970. S. 58–59; См. также Фор П. Указ. Соч. С. 44.

²⁹ Carnarvon and Carter H. Five ears explorations of Thebes. London, 1912. P. 36–37. Tabl., XVII–XVIII. Об этом же сообщают и два обломка стелы фараона Камоса из Карнака с фрагментами надписей такого же содержания. См.: Lacau P. Une stèle du roi Kamose // *Annales du Service des antiquités de l’Egypte*. 1939. T. 39. P. 245–271.

³⁰ Gardiner A. H. The defeat of the Hyksos by Kamose^ The Carnarvon Table № 1 // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1916. Vol. 3. P. 95–110. Pl. 1.

³¹ Hammad M. Decouverte d’une stèle du roi Kamose // *Chronique du Egypt*. 1955. T. 30. № 10. P. 198–208.

³² Seters J. van The Hyksos. A New Investigation. New-Haven-London, 1967. P. 165–170

³³ Поскольку в египетском языке, точнее в письменности, отсутствовали гласные, упоминаемое Saka можно представить как *SKT и тогда данные античной традиции (Диодор, Юстин) становятся на свое место.

Habachi L. The Second Stela of Kamose and His Struggle Against the Hyksos Ruler and His Capital // *Abhandlungen des Deutschen Arheologischen Instituts. Abteilung Kairo, Agyptologische Reihe*. Glukstadt, 1972. Bd. 8. S. 126–137.

³⁴ Carter G. OP. cit. P. 152. Table. 22; Simpson W. K. The Hyksos Princess Tany // *Chronique du Egypt*. 1959. T. 34. № 68. 1959. P. 233–239; Schulman A. Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom // *Journal of Near Eastern Studies*. 1979. Vol. 15. S. 181; Seters J. van. OP. Cit. P. 168. В отношении присутствия знака, обозначающего звук -t в египетских источниках еще Дж. Брестедом и Б. А. Тураевым было установлено, что в эпоху Нового царства фонемы -t и -d уже слились. Последнее весьма симптоматично относительно названий имеющих отношение к гиксосам (например, Tinji= Tin; jw=Tapain=Dapayy См.: Тураев Б. А., Брестед Дж. История. С. 214.

³⁵ Gardiner A. H. Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. P. 85–89; Стучевский И. А. Древний Египет // *Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке*. М., 1987. С. 30–31.

³⁶ Небезынтересны и факты размерах международного владычества гиксосских царей, указывающие на огромную территорию от Вавилона до Крита, о чем свидетельствуют алебастровая крышка сосуда с именем Хиана, выявленная А. Эвансом под микенской стеной Кносса и находка гранитного льва с картушем с именем того же царя в ходе раскопок культурного слоя XVIII в. до н. э. Вавилона.

³⁷ Об этом же информирует и строительная надпись, воздвигшего храм Сутеху Апопи, назвавшего верховное божество господином и эпонимом Авариса. См.: Тураев Б. А., Брестэд Дж. Указ. Соч. С. 214; Полагают, что Секененра погиб в одной из битв с гиксосами. В пользу этого предположения обычно ссылаются на хранящуюся в Каирском музее мумию знатного египтянина из разоренной гробницы времени XVII династии, тело которого покрыто страшными ранами, на голове зияет глубокий, оставленный боевым топором, пролом черепа. См.: Habachi L. OP. cit. P. 130. Такой же точки зрения придерживается и И. А. Сту-

чевский. См.: Стучевский И. А. Древний Египет. С. 32. На наш взгляд два элемента, зафиксированные археологически, противоречат сложившемуся в специальной литературе мнению о личности (но не о статусе) погребенного: плохая бальзамация тела и скорченная на боку поза захороненного, указывающих, как мы предполагаем, на тот погребальный обряд, который был свойственен гиксосам, а по свидетельствам античной традиции (Диодор, Плутарх, Павсаний), прежде всего, грекам-дорийцам.

³⁸ Тураев Б. А., Брестед Дж. Указ. Соч. С. 211.

³⁹ Тураев Б. А., Брестед Дж. Указ. Соч. С. 212.

⁴⁰ Huxley G. L. *Acheans and Hittites*. Oxford, 1960. P. 114; Huxley. G. L. *Crete and Luvians*. Oxford, 1961. P. 55; Astour M. *Hellenosemitica*. Leiden, 1965. P. 93–108.

⁴¹ Schachermeyr F. *Griechische Fruggeschichte*. Wien, 1984. P. 64–65, 99–102

⁴² Клейн Л. С. *Анатомия «Илиады»*. СПб., 1998. С. 82.

⁴³ Там же. С. 83. Оригинальную точку зрения высказал Р. Грейвс, полагающий, что имя *Danaia* проистекает из шумерского *Dam-kin* и соответствует еврейскому *Din*. По мнению ученого, Даная была олицетворением лунной богини, в брак с жрицами которой обязаны были вступать правители Арголиты. В связи с близнечеством Агенора и Бела, Даная и Эгипта, по его мнению, сложилась практика соправления царей, каждый из которых правил 50 лунных месяцев. Не исключал исследователь и того, что имена Данай и Эгипт, возможно, отображали титулатуру Аргосских царей. См.: Грейвс Р. *Мифы*. С. 160.

⁴⁴ Olbright V. F. *The Sea-peoples* // *CAH*. 1975. Vol. 2. Pt. 2. P. 514.

⁴⁵ Huxley G. L. *Crete*. P. 21; Vaux 1969. P. 478; Arbeitman J., Rendsburg G. *Adapa Revised. 30 years later* // *Archeologische Anzeiger*. 1981. T. 49. 1981. S. 151–159.

⁴⁶ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. М., 1998. С. 166. Существуют и альтернативные трактовки понимания царства Адана-Дануна. Указывают, что под названием Дануна оно упоминается в поздних (ассирийских) источниках XI–IX вв. до н. э. и датированной следующим веком двуязычной финикийско-лувийской надписи из Кара-тепе. Как показывают упомянутые источники, место проживания аданава-дануна-адвана рассредоточено между Северной Месопотамией, Киликией и Анатолией. Что касается синхронных свидетельств из Египта времени Рамзеса III, то в них указанное племя (племена) относятся к живущим на островах «народам моря». См.: Ississhkin D. *The date of the Nea-Hittites enclavure in Kara-Tepe* // *AC*. Vol. 19.31. P. 69, 121–137; Verser S. *The Tel el Amarna tablets*. 1939/ Vol. 3 151. P. 496.

⁴⁷ Goetze A. *Kleinasien*. Munchen, 1957. S. 294.

⁴⁸ Laroche E. *Comparaison du louvite et du lycien II*. // *BSA*. 1958. vol. 53. P. 268. Несколько позднее Ф. Шахермайр, опираясь на информацию из письма царя Тира Абутилки на аккадском языке из дипломатического архива Ахетатона (эль-Амарна), согласился отодвинуть данунитов в первую половину XIV в. до н. э. и выявил, что в тексте источника область Киццуватна (греч. Киликия) в своем названии заменена определением *Danuna*. См.: Schachermeyr F. *Griechische Fruggeschichte*. Wien, 1984. S. 194.

⁴⁹ Для сравнения см.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. *Гомер и история*. С. 174.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Античной традиции известны храмы Зевса Агамемнона в Арголитде (Микенах, Леперсах и Хероне) и, следовательно, само имя последующих царей следует,

по всей видимости, выводить из существовавшего более ранее теонима. См.: Камад И. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М., 2006. С. 85.

⁵² Schachermeyr F. Mykene und das Hethiterreich. Wien, 1986. S. 277.

⁵³ Имя Мопса сопоставляется специалистами с именем Мопса Колофонского и с упоминаемым в лувийской иероглифической надписи времени угаритского царя Аситавадды именем представителя династии («дома Мопса») Mu-k (a)-s-s E pa-g-pa/ См.: Astour M. Hellenosemitica. Leiden, 1965. P. 2; Barnett R. D. Mopsos // JHS. 1953. Vol. 73. P. 142; Meriggi P. Manuale di eteo geroglifico. Pt. 2. Testi. Ser. I. Roma, 1967. P. 83, 87. На этом основании ряд ученых отождествил подвластных «дому Мопса» дпум с греческим Δαναοί (данайцы), частым, наряду с Αἰαίοι (древнейшее — Αἰαίφοι (ахейцы) обозначением греков в гомеровском эпосе и приравнял этот малоазиатский этнос к грекам-ахейцам) См.: Meriggi P. Op. Cit. P. 87. И хотя балканское происхождение и прописка этого народа ставится, в частности В. Л. Цымбурским и А. Л. Гиндиным, под сомнение, на наш взгляд мнение согласно которому ахейцы=данайцы, находит подтверждение в свидетельствах традиции об исходе Мопса именно из Аттики (по мнению Стефана Византийского в древности Аттика называлась Мопсопией (St. Byz. s. v. Mopsoi) Та же самая основа представлена как в упоминаемом Страбоном названии фессалийского города Mopsion (Strab., IX, 5, 20), так и в имени фессалийского лапифа Мопса-участника похода аргонавтов (AP. Rhod., Argonaut., I, 65; Hyg. Fab., 14)/ По всей видимости, имя Δαναοί, а не какое либо иное передается надписями времени Тутмоса III (через Tinij/Tin:ju, которое появляется не ранее утверждения ахейцев на Крите, подтверждением чему является упоминание в тексте надписей Аменхотепа III балканских и критских городов, в том числе и Микен (Mu-k'-a-nu) равно как и подарков, которые их вожди (dapa:ju) присылали фараонам Египта. См.: Клейн Л. С. Анатолия. С. 75

⁵⁴ Там же. В том, что такая вероятность понимания миграций различных греческих субстратов разными волнами и направлениями вполне возможна, на наш взгляд, позволяют утвердительно говорить факты, свидетельствующие, во-первых, о том, что, носители культуры слоя Трои I, как заметил еще К. Блеген, не оставили не только ни одного взрослого погребения (обнаружено только 2 детских), но и могильника вообще, т. е., что это были мобильные группы населения; во-вторых, того, что осталось от носителей данной культуры, указывает на сходство последней с вещевыми комплексами материковой части (синхронные культуры ранней бронзы в Македонии и Греции); в-третьих, появление различий между ними в последующий период (Троя II–IV), по всей вероятности выступало прямым следствием, как контактов с автохтонами, так и перехода мигрантов эллино-фракийцев к оседлости, земледелию и освоению моря; в-четвертых, о ней (т. е. вероятности), по всей видимости, позволяют судить сходство, уводящих к общему источнику в степи и лесостепи Восточной Европы, базовых керамических форм, бронзового, медного и каменного оружейного арсеналов, равно как и глиняных матриц (форм) для их отливки. См.: Блеген К. Троя и Троянцы. Боги и герои города-призрака. М., 2002. С. 64, 68, 83, 88–89, 122–123.

⁵⁵ Показательно, что прямой потомок Даная Персей, как это следует из сообщений Еврипида и Аполлония Родосского, укрепил пограничную с Арголидой Мидию и основал Микены (Eurip., Hel., 459–463; AP. Rhod., IV, 13–15.

⁵⁶ Там же. С. 176–177. Смутные воспоминания о пребывании дорийцев (древнейшего из греческих субстратов, по мнению Вяч. Вс. Иванова) в Малой Азии и Восточ-

ном Средиземноморье отложились в мифах о подвигах Геракла (Геракл и минийцы, взятие Гераклом Трои и утверждение им на царском троне Приама / Подарка, Геракл и кобылицы Диомеда и др.). См.: Грейвс Р. Мифы. С. 346; Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000. P. 199. Примечательно, что согласно той же традиции, самыми первыми, кто стал поклоняться Гераклу как божееству были афиняне и марафонцы (Там же. С. 420–421). Существенным нам представляется, фиксируемое мифами, присутствие в Балканской Греции (в Лерне) культа данайд (Paus., II, 5, 2; II, 36, 2, 6; II, 37, 4.), имя которых происходит как и этноним данайцы от общего индоевропейского корня *don.

⁵⁷ Gladston C. B. E. Analyzing of Homer and his Epoch. Oxford, 1858. Vol. 1. P. 68–86.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. P. 85.

⁶⁰ Ibid. P. 69–70.

⁶¹ Kauer P. The Principles of Homeric Critique. Cambridge, 1921. P. 279–291; Drews R. Argos and Argivians in Iliad // Classiocal Philology. 1979. Vol. 74. P. 111–135.

⁶² Aitchinson G. M. Motherland of acheans // Glotta. 1964. Bd. 42. H. 1–2. S. 17–28.

⁶³ Lorimer X. L. Homer and Monuments.. London, 1950. P. 42; Padge D. L. Homer's Iliad and History. Los-Angeles, 1959. P. 197–200, 209, 246–247.

⁶⁴ Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998. С. 66.

⁶⁵ По мнению археолога, «данайские книги» составляют прочный блок и по форме и по содержанию, что и указывает на формирование последнего в Аргосе: там был центр исторической династии Данаидов, там очаг неоднократно упоминающегося в связи с Аргосом Геракла, там же, как полагает Л. С. Клейн, возможно, создавались т. н. «аргивские» книги «Илиады». См.: Клейн Л. С. Анатомия. С. 357.

⁶⁶ Там же. С. 80.

⁶⁷ Там же. С. 91.

⁶⁸ Клейн Л. С. Анатомия. С. 210.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Hammond N. G. L. Ancient Epirus // Epirus. 4000 years of Greek history and civilization / General Editor M. B. Sakellariou. Athens, 1997. P. 42–43. Pl. 29–30. Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 122

⁷¹ Muller K. O. Die Dorier. Breslau, 1824. Bd. I S. 288; Bd. 2. S. 398; Atkinson T. D. Points of the Compass // Encyclopaedia of Religion and Ethics. Edinburg-N. Y., 1987. P. 79; Frothingam A. L. Ancient Orientation Unveiled // AJA. 1917. Vol. 21. Ser. 2P. P. 55–76, 187–201, 313–336, 420–448. Muller I. von. Die griechischen Privaaltertumer. Munchen, 1893. Bd. I. S. 221; Kurtz D. C, Boardman G. S. Greek Burial Customs. L., 1971. P. 54–71, 194–195; Wiesner J. Grab und Jenseits: Untersuchungen im Agaischen Raum zur Bronzezeit und fruhen Eisenzeit // Religions geschichtliche Versuche und Vorarbeiten. Berlin-N. Y., 1938P. P. 56, 80, 91, 110, 116, 167.

⁷² Wiesener J. OP. cit. 56–57. 80–82; Hammond N. G. L. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park-Ridge-New-Jersey. 1976. P. 129–133. См. также: Блеген К. Троя и Троянцы. М., 2004. С. 22–33; Подосинов А. В. Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 242–244.

⁷³ С названной архитектурной и строительной традицией соотносятся и поселения на территории самой Палестины, в частности Сихем (Шхем) и Телль-Дан (древний Дан на одноимённой реке). Их раскопки показали, что в первом примечательной конструкции оборонительные сооружения а la Аркаим были возведены около 2000 г. до н. э., а во втором — в XVIII в. до н. э. И то, и другое, может рассматриваться как свидетельства, подтверждающие наличие восточно-средиземноморско-переднеазиатской «линии» миграции прагреков через Египет на Балканы. См.: Райт. Библейская археология. (http://www.Hyksos/book III/rightarchaeology/21k_029/upk.htm).

⁷⁴ Титов В. С. Миграции. С. 113.

⁷⁵ Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1991.

⁷⁶ Winn Sh. M. M. *Heaven, Heroes and Happiness: The indo-European Roots of Western Ideology*. Lanham-New-York-London, 1995. P. 43–48, 146.; Gamkrelidze T., Ivanov V. *Indoeuropean and The Indoeuropeans*. Berlin, 1995. P. 140; Murray G. *The Rise of the Greek Epic*. Oxford, 1911. P. 4; Frawley D., Rajaram N. S. *Vedic Aryans and the Origins of Civilization*. Toronto, 1997. P. 2.

⁷⁷ ⁷⁸ Более основательная работа в указанном направлении была не так давно проделана Й. Бронкхортом. См.: Bronkfort J., Mandhav M. *Aryan and Non-Aryan in South Asia: Evidence interpretation and Ideology.. Vol. 3*. Columbia, 1999. P. 150–152.

⁷⁹ Konon. *Text und Quellenuntersuchung von Ulrich Hofer*. Greifswald, 1890.

⁸⁰ Сака-кас с учетом развития языков, их скрещений, связанных с изменением гегемонии носителей конкретных языков (в данном случае иранского и индо-иранского, поскольку Сакасена упоминается античными авторами в зоне господства дардо-кафирских языков, могло изменить начальную -s на -h, в результате чего получится *hak-kasa/hakasa*., т. е. получится наименование того народа, который до настоящего времени проживает на Алтае (равно как и тевкраны-потомки тевкров на Кавказе) и который обладает совершенно иным самоназванием (*tadar, hoogan*), указывающим на то, что тюркизация I тыс. до н. э., которой подверглось прежнее населения края, так и не смогла уничтожить память о прежнем названии проживавшего здесь этноса.

⁸¹ Такое предположение, как нам представляется, вполне вписывается в результаты современных исследований гиксосской проблемы в науке. См.: Bietak M. *The Center of Hyksos Rule Avaris (Tell-el Dabba) // The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives* / Ed. By E. D. Oren. Philadelphia, 1997. P. 124–125. В частности, современные датировки, предложенные археологами, равно как и выявление множества декоративных, семантически восходящих к традициям энеолита-бронзы степной Евразии, элементов материальной культуры (в том числе и орнаментации керамических сосудов и изделий из бронзы (е комплексы из квадрата H/III)) указывают на время между 1758–1450 гг. до н. э., что примерно совпадает с египетской стратиграфией с материалами синхронных ПМ-ПЭ культур Эгеиды и Ахейской Греции. См.: Avaris: *The Capital of the Hyksos. Recent Excavations at Tell-el-Dabba* / Ed. By M. Bietak. London, 1996. P. 76–78; Redford D. *The Hyksos. Invasion in History and Tradition // Jorientalia*. 1970. Vol. 39. P. 14; van Sews J. *The Hyksos rule in Egypt // Journal of Egiptian Archaeology*. 1951. Vol. 37. P. 53. Не менее важным в указанном отношении выступает соответствие названных фактов теории «двух волн» распространения эллинских племен в Эгеиде и на Балканах (через Дунай (в Фессалию и Эпир (2350 г. до н. э.) и через Малую Азию, Палестину

и дельту Нила в Пелопоннес.) после разрушения Трои V (XX–XIX в. до н. э.). Одним из заслуживающих внимание объяснений состоит в утверждении того, что в течение III тыс. до н. э., когда уже вовсю в среде носителей индоевропейской общности развивался дезинтеграционный процесс, от двигавшегося на юг его массива, отделилась часть племен, которая двинулась далее вдоль северного, восточного и южного берегов Черного моря, и в конечном итоге достигла северо-западного побережья Малой Азии, где и явилась причиной разрушения Трои V. С учетом данного обстоятельства, получает право на существование предположение о том, что после некоторого периода пребывания в Троаде движение переселенцев, занявшее около 300–250 лет, по всей видимости, продолжилось через Восточное Средиземноморье и северо-Восточную Африку на Пелопоннес, что было зафиксировано в мифологическом сознании носителей СЭ культуры (2000–1550 г. до н. э) после периода длительного взаимодействия с автохтонным пеласгическим населением. См.: Бартонек А. Златообильные Микены. С. 138; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Тбилиси, 1984. С. 898–908. Приводимые в настоящей статье факты из Ригведы, не подвергая сомнению конечный пункт миграции части эллинских племен, ушедших из Восточной Европы через Урал и Среднюю Азию в Иран и Индию, позволяют «удлинить» маршрут мигрантов в Малую Азию, имея в виду именно это последнее направление. См.: Гудзь-Марков А. В. Индоевропейская история Евразии // <http://RuWeb.Info/article/greece.html>

Глава VI

ЭЛЛИНЫ И ГИПЕРБОРЕИ В КОНТЕКСТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ГЕРОДОТА И МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ.

Вопрос о том, что представляло собой население Восточной Европы в эпоху энеолита и бронзы, несмотря на порой весьма существенные результаты, достигнутые специалистами различных областей гуманитарного знания, вплоть до настоящего времени продолжает оставаться одним из самых дискуссионных в современной науке.¹ Еще более слабо изучены и далеки от своего окончательного решения проблемы происхождения, прародины и распространения носителей индоевропейской общности, затрудняющие в значительной степени, с одной стороны, определение территориальных и хронологических рамок ее распада, а с другой — понимание ранних этапов и направлений этнической истории далеких предков современных европейских народов.² Все это вместе взятое требует поиска таких познавательных средств в интерпретации свидетельств разнотипных источников, с помощью которых стало бы возможным воссоздание процессов формирования, распада и установления путей их распространения в Северо-Западной Индии, на Иранском нагорье, Балканском полуострове и на Аппенинах.

Одним из таких подходов является учет того важного обстоятельства, согласно которому формирование и распространение индоевропейской общности вообще, ее отдельных субстратов, в частности, происходило не в «безвоздушном» пространстве, а в условиях различного рода культурных и языковых контактов, как между родственными племенами (в пользу этого свидетельствует близость лексического фонда, религиозно-мифологических персонажей, обрядов и культов древних греков, индийцев и римлян), так и с носителями других общностей, среди которых едва ли не на первом месте находились ближайшие соседи индоевропейцев — финно-угры.³

Такой метод, основанный на акцентировании внимания на наличии остатков т. н. субстрактной лексики (т. е. на обнаружении в индоевропейских языках элементов неиндоевропейского происхождения), доказав свою плодотворность, в современной лингвистике является одним из основных методов исследования процесса этногенеза древнейшего населения Европы. Исследованиями последнего десятилетия доказана его плодотворность и для анализа древнейшей гидронимии на северо-востоке данного континента. В частности, ее анализ указал на наложение носителей индоевропейских диалектов на древних представителей местных культур этого региона

и сохранение островков последних в указанном регионе в последующее время.⁴

В качестве иллюстрации длительных контактов финно-угров с отдельными группами индоевропейских языков исследователи-лингвисты приводят данные, происходящие из их лексического фонда, в котором наряду с лексикой греко-арийского, общеиндоиранского, индоарийского и восточноиранского происхождения обнаружен целый слой протофракийских, протогреческих, протоармянских и протоиранских заимствований, относящихся прежде всего к социально-экономической и религиозной сферам жизни и деятельности племен — их носителей.⁵ Весьма симптоматично, что выводы лингвистики, как нам представляется, находят прямое подтверждение в свидетельствах античной традиции. В частности, Исократ прямо указывал на приход в древнейшие времена в Элладу наряду с эллинами фракийцев и скифов с амазонками (Isocr. Papег., IV, 68).⁶ Еще больший интерес в названном отношении приобретает информация Страбона, из которой, в первую очередь, обращают на себя внимание суждения, присутствующие в труде Страбона относительно ахейцев и гениохов кавказского побережья Понта Эвксинского (ахейцы Фтии и Лаконцы), а также, основанное на анализе древнейших сказаний, утверждение географа о родстве *эллинов-ахейцев с мидянами и армянами*, исходящее из констатации факта совместного проживания перечисленных племен в горах на границах Армении и Мидии (Strab., XI, 2, 12; 14, 12–14.). Вместе взятые, по нашему мнению, они могут рассматриваться в качестве подтверждения тех гипотез, которые обращают внимание на возможность наличия в период распада индоевропейской общности сложных субстратных образований, в том числе и эллино-фракийского, эллино-арийского, эллино-армянского, эллино-иранского и наоборот.

Констатация названных фактов позволяет понять, почему не менее дискуссионный характер носит в современной науке и разработка проблемы процесса распространения индоевропейцев, начиная от определения их прародины и заканчивая реконструкцией основных путей их миграций.

Со времени возникновения индоевропеистики в первой половине XIX века и по настоящее время предметом ожесточенной полемики в ней остается проблема локализации их первоначального очага, в ходе разработки которой специалистами смежных областей гуманитарного знания (лингвистами, археологами, антропологами, историками) были предложены диаметрально противоположные, и порой, взаимоисключающие точки зрения: от его размещения на Востоке (в районе между Гиндукушем, Аму-Дарьей и Каспийским морем), до поисков мест его расположения в различных регионах Европы.⁷ Среди них, в особенности со второй половины того же века, постепенно необходимую устойчивость приобрела концепция, согласно которой прародина индоевропейских народов находилась на Юго-Востоке данного континента, в областях к северу от Черного моря, в частности от устья Дуная до Каспийского моря.⁸

Перелом в проблематике произошел лишь в 50-х-60-х гг. XX века, когда расширенное изучение, с одной стороны, археологии Центральной и Восточной Европы и прилегающих к ним областей, и соотношений между индоевропейской языковой семьей и другими семьями в лингвистике, с другой, равно как и многочисленные смежные исследования, привели к достижению относительного единства взглядов на хронологические границы общеиндоевропейского периода, время существования которого было отнесено к V–IV тыс. до н. э., включая сюда и дату определения распада общеиндоевропейской языковой семьи народов рубежом IV–III тыс. до н. э., когда, как показали их результаты, достаточно отчетливо стал развиваться процесс расхождения отдельных индоевропейских диалектных групп.

В настоящее время множество точек зрения по индоевропейской проблематике группируется вокруг нескольких основных гипотез, рассматривающих в качестве наиболее вероятных решений взгляды о нахождении прародины индоевропейцев в Балкано-Карпатском регионе⁹, в евразийских степях¹⁰, на территории Передней Азии¹¹, а также в так называемой циркум-понтийской зоне.¹²

Оставляя в стороне вопросы причин, импульсов, исторических условий, характера, темпов и направлений миграций индоевропейцев, необходимо отметить, что все они, так или иначе, при всех разных подходах и трактовках, включают в орбиту своего внимания регион степи и лесостепи Восточной Европы, в котором район Волго-Донского междуречья определяется либо в качестве исходного, либо в качестве вторичного очага в распаде индоевропейской общности и формировании «древнеевропейских» языков и этно-культурных общностей.¹³

Свой вклад в решение данной проблемы внесла и археология. Передатировка, переосмысление и картографирование памятников эпохи энеолита и ранней бронзы в степи и лесостепи Восточной Европы указали на известную общность лингвистических и археологических артефактов.¹⁴ На этом основании и возникла целостная теория, согласно которой на рубеже IV–III тыс. до н. э. в Поволжье и примыкающих к нему областях этот процесс нашел отражение в историческом развитии носителей древнейшей культурной общности, представленной культурами скотоводческих племен, осваивавших степные и лесостепные районы и широко контактировавших с инокультурными территориями и их населением. Эти контакты выражались по-разному: в обмене, вторжениях, оседании части древнейших племен на пограничье территорий раннеземледельческих центров, в миграциях, ориентированных на Юг, Юго-Восток и Юго-Запад.¹⁵ Это последнее направление постулируется в целом ряде обобщающих работ, исследующих трансформацию центрально-европейских и балканских культур в пределах рубежа IV–III тыс. до н. э. — второй половины III — начала II тыс. до н. э.¹⁶

Характерной чертой последних, по мнению Е. Н. Черных, выступало сочетание контактной непрерывности и культурной интеграции как в исто-

рико-географической области формирования и распространения культур этого типа, так и в соседних, порой весьма удаленных от нее районах.¹⁷

Данные археологии, более того, связывают с носителями указанной культурной (великой, по определению В. М. Массона) общности процессы, возможно, определявшие также разделение греко-арийской общности на греко-армяно-фракийскую и индоиранскую, в пользу чего, по всей видимости, свидетельствуют давно установленные в науке факты поразительного сходства, наблюдаемого в языках, культуре и духовной жизни населения от Древней Италии до Северо-Западной Индии.¹⁸

Последнее касается и тех индоевропейских племен, которые в III и в начале II тыс. до н.э. переселялись из Восточной Европы на Балканы. По мнению А. Бош-Гимпера, индоевропейцы, пришедшие в Грецию (как он считает, будущие исторические ахейцы) не были еще окончательно сформировавшимся этносом.¹⁹ С мнением ученого согласились и другие лингвисты, полагающие, что эллины, особенно в представлении a-ka-y-wa-sha / ahhiyawa египетских и хеттских текстов, во II тыс. до н.э. представляли собой племена, родственные своим дальним и близким соседям, как в Юго-Восточной Европе, так и в Малой Азии, свидетельством чему выступает не просто родство эпических поэм Индии и Греции, засвидетельствованное, кстати, в самой античности (Strabo. V, 1, 3.), но и относительная синхронность самого появления ариа-бхаратидских и греко-эгейских, по мнению А. Моретта, эпических произведений, находящихся к тому же близость и в сюжете, и в сходстве функций и поступков отдельных эпических героев.²⁰

Собственно, указанными обстоятельствами состояния изученности индоевропейской проблемы в целом (т.е. дискуссионностью основных проблем, несходством в трактовках направлений миграций разделившихся индоевропейцев, не говоря уже о разбросе мнений относительно локализации прародины) определяется и состояние изученности проблемы происхождения и этногенеза эллинской народности в современной науке, одним из самых сложных и запутанных аспектов которой является, засвидетельствованная в античной традиции связь эллинов и гипербореев, контакты между которыми, если верить ее свидетельствам, не прерывались вплоть до времени жизни Геродота. Последнее приобретает особую важность, поскольку сами греки как-будто ничего не знали о своей прежней жизни в какой-то другой стране и обретении ими земли, ставшей на многие века вперед их общей новой родиной. Во всяком случае, по мнению Ю. В. Андреева, не сохранилось никаких прямых данных, отложившихся в их мифах и преданиях, где бы рассказывалось об их переселении на Балканы откуда-то с севера или с востока.²¹

Категоричность суждения отечественного ученого, зафиксировавшего этногенетический феномен исторической памяти древних греков, на наш взгляд вполне сопоставим с другим их феноменом: несмотря на отсутствие представлений о своей прародине, они же обладали сознанием своего

изначального единства, включая сюда и представление о соседстве с гипербореями.²² Из этого вытекают две взаимосвязанные между собой проблемы: происхождения эллинской народности и определения характера (историчности или утопичности) представлений о гипербореях.

В отношении первой из них современной наукой предложено три варианта решения. Согласно первому из них, основанному на анализе греческих мифов в сопоставлении с данными археологии, около 1600 г. до н. э., ведомые своим героем-эпонимом Эллином (сыном северянина Прометея или Девкалиона и Пирры («Белого» и «Рыжей»), они откуда-то с севера от Олимпа расселились в Фессалии, после чего тот, вступив в брак с нимфой Орсеей, положил начало четырем родоначальникам эллинских племен.²³

Второе решение проблемы опирается на существование в топонимике и гидронимии Греции как серии эгейских, предшествовавших греческим, так и собственно палеогреческих названий рек, городов и местностей, к которым в первую очередь, относятся названия с окончаниями на — don, dana, -па, -os, -eus, -mna, -nthos, -ssa и др. На этом основании и был сделан вывод о первоначальном очаге концентрации греков на территории северо-западной Греции в Фессалии и Пиэрии, где особо благоприятные условия для жизни представляли долины рек Апиданоса и Иона.

Вполне соответствует первым двум и теория, выводящая праэллинов в Грецию из Восточной Европы (из южной России по терминологии авторов), опирающаяся исключительно на археологические источники, указавшие на идентичность курганного обряда захоронений от Волги до Албании и Малой Азии и появление последних в связи с несколькими волнами миграций туда индоевропейских племен, начиная с 2500 г. до н. э., оставивших следы своего прохождения в пожарищах Трои, городищах Фессалии (в особенности Этреси и Лерны), а с 2300 г. до н. э. и Крита, знаменуя появление особой керамики, оружия, символов власти, но главное — боевых пароконных колесниц, определивших глубину и успех завоевания Балканской Греции.²⁴ По всей видимости, одна из указанных волн прокатилась по территории Троады, поскольку, как установили специалисты, ахейцы, совершившие нападение на Трою в XIV–XIII вв. до н. э., «встретили» там язык, обычаи и религию аналогичные их собственным.²⁵ Более того, отмечено, что для 1900–1360 гг. до н. э. культурный слой Трои VI содержит же типы керамики, (серая, красная, кремовая), те же формы сосудов, зданий, укреплений, что и современные этому слою поселения Балканской Греции.²⁶

Несколько иным образом обстоит дело с гипербореями, упоминания о которых выступали в качестве одного из главных элементов всех древнейших сказаний об этногенезе эллинов и описаний Скифии в античной традиции.²⁷ В современной историографии (если исключить из внимания опусы спекулятивного порядка) в трактовке «эллино-гиперборейской» проблемы к настоящему времени сложилось два взаимоисключающих подхода, первый из которых акцентирует внимание на утопической природе и характере

данных о Гиперборее и гиперборейцах в произведениях античных авторов,²⁸ тогда как сторонники второго, с учетом археологических реалий III—II тыс. до н. э. в степи и лесостепи Евразии и на Балканах, на основании применения метода ретроспекции, пытаются выявить рациональное историческое зерно, указавшее бы, как считает М. Сакеллариу, на Восточноевропейский регион, как на область, откуда эллины пришли в Грецию.²⁹³⁰

К этому последнему направлению примыкают и исследователи древней географии, а также этнологи, занимающиеся, в частности, решением проблем обусловленности северной ориентации в мировосприятии греков. По мнению А. Л. Фротингэма, дошедшие до нас свидетельства о стране северных гипербореев являются подтверждением изначальной северной «киблы» греков.³¹ Расширительно толкуя ее как всеобъемлющую и пронизывающую все стороны жизнедеятельности древних эллинов как в практической плоскости, так и в области теории, К. Мюллер, опираясь на господствующую теорию о повышении земли к северу, нашедшую отражение, в частности у Геродота и Аристотеля, вывел из нее и саму северную ориентацию восприятия греками окружающей действительности в географическом плане.³²

Всеми перечисленными обстоятельствами и продиктована настоятельная необходимость переосмысления всей совокупности свидетельств античной традиции об эллинах и гипербореях, поскольку, как уже было замечено, передаваемое Аристотелем мнение об удивительной близости их языков, может внести дополнительные факты для понимания, как поразительных совпадений, прослеживаемых в «Ригведе» и древнегреческих источниках, так и самого этногенеза эллинской народности, что в свою очередь позволит определиться относительно тех, присутствующих в историографии античности и археологии, точек зрения, которые утверждают о генетическом родстве этих этносов, восходящем к далекой эпохе индоевропейской общности.³³

Такая задача, как нам представляется, может быть решена на основе строгого анализа и жесткой хронологической последовательности в рассмотрении как отдельных ее данных, так и всех уровней соответствующей информационной базы в целом.

Прежде всего необходимо отметить, что относительно определения мест расположения и проживания гипербореев в античной традиции особых расхождений между ее представителями не было: все они размещали это племя где-то на «севере» и связывали со священными дарами и путями доставки «начатков плодов завернутых в соломую» для жертвоприношений Аполлону. Однако в отношении локализации этого «севера» (равно как и местонахождения храма) в своих оценках античные авторы существеннейшим образом расходились. Одни из них (писавшие в VIII—VI вв. до н. э.) связывали их с Рипеями, обитатели которых грифы стерегут золото, другие же, в особенности после морской экспедиции самосца Колея к Британским островам — на «севере земли кельтов» или на острове в океане напротив

«земли кельтов», куда 1 раз в 19 лет отправляется Аполлон и где находится посвященный ему храм шарообразной формы.

Своего рода промежуточным был взгляд Геродота, рассматривавший гипербореев как самый крайний народ в обойме последовательно расположенных друг за другом племен к востоку от Танаиса. Согласно нему последовательность их проживания была следующей: исседоны — аримаспы — «стерегущие золото грифы» — горы Рипей — гипербореи (IV, 11, 16, 25–27). По мнению большинства специалистов, последние имели отношение к племенам, которые обитали восточнее Урала и Алтая.³⁴ Нельзя не упомянуть и того, что в ряде случаев античные авторы, отходя от характеристик гипербореев как о народе блаженных и вегетарианцев, сопоставляют их как одно целое с аримаспами, давшими, как указал «отец истории», знаменитый толчок к тому самому «переселению народов» в евразийских степях, который имел своим следствием появление скифов на Северном Кавказе, а впоследствии и в Европе.

Справедливости ради, необходимо указать, что такого рода данные присутствуют главным образом у авторов эллинистической эпохи, хотя сбрасывать со счетов их ни в коей мере не следует (например оценку Каллимаха, по которой гипербореи несли Артемиде на Делос «священные горсти колосьев» (Callim., ad Del., II, 97) или утверждение Антимаха, согласно которому «гипербореи-это аримаспы (Antim., Нупн., II, 50).³⁵

Сама же литературная история предания о гипербореях начинается с эпических поэм Гомера. В «Илиаде» им представлен эпизод, в котором, наблюдающий за битвой, Зевс обращает свой взор на земли конеборных фракийцев, дальше которых он усмотрел область «блаженных» — пространство, населённое гиппемолгами, млекоедами и абиями (Ном., II.). После него о тех же народах, проживающих у пещеры Борея Рипейских гор писал Алкман (VII в. до н. э.), одним из первых включившим в их состав исседонов, аримаспов и грифов. В таком же ракурсе рассматривал гипербореев и Гекатей Милетский, в труде которого, как свидетельствует сохранившийся фрагмент, отложились представления относительно народов, обитавших на краях Земли. Это — пигмеи, ведущие войну с журавлями, скиаподы — люди, обладающие огромными ступнями и, гипербореи, о которых ничего конкретного не сообщается, кроме намёка на возможную их связь с исседонами и аримаспами. (FHG. I. Fr.266.).

Свое продолжение данная традиция получает, сначала у Гелланика, а впоследствии у поэта Пиндара, в одах которого, посвященных религиозным празднествам, спортивным состязаниям и их победителям, гипербореи, упоминаются, по меньшей мере, четыре раза (Pind., Pyth., X, 29–46; OlymP., II, 16; Istm., VI, 23; Peap., VIII, 63)

Самое раннее его свидетельство — эпкиний в честь знатного фессалийца Гиппокла, датируемый 498 г. до н. э.. Он содержит заслуживающую внимания характеристику (а следовательно, и отображённых в ней пред-

ставлений в общественном сознании населения Балкан и Эгеиды начала V в. до н. э.) этого полумифического народа, почитающего Аполлона, земли которых удалось достичь лишь Персею (X, 33–36). Прежде всего в ней обращает на себя внимание присутствие термина *roleis* в обозначении социума гипербореев (X, 33), который в античной традиции, пожалуй, впервые распространен на определение общественной организации негреческих этносов. Указывает поэт и на наличие у гипербореев обычаев гостеприимства, тождественного, как следует из изложения, греческому по отношению к частным лицам. Сообщает он и о религиозных обрядах и празднествах этого народа в честь богинь-покровительниц водных источников, сопровождаемых игрой на лире и флейтах, прежде всего в связи с почитанием бога Аполлона (впоследствии Аполлона Гиперборейского), в жертвоприношение которому приносилось 100 «ослов» (!?) и произносились торжественные песнопения.³⁶ Наконец, им засвидетельствован несвойственный грекам и идеальный для них образ жизни — отсутствие болезней, вечная молодость, счастье, смелость, отсутствие войн (X, 41–46), что послужило основанием для Э. Д. Фролова вывести заключение о реминисценциях у Пиндара, восходящих к Гомеру и эпической поэзии эпохи архаики, утопических мотивов о стране Блаженных.³⁷

К сожалению, эти последние практически неизвестны: во всяком случае, согласно Геродоту (IV, 32), упоминания о них содержались в недошедших до нас эпических произведениях — у Гесиода (возможно, в «Эоях»), в приписываемой Гомеру поэме «Эпигоны» (из фиванского цикла), и по всей видимости в географической поэме Аристея из Проконнеса «Об аримаспах», локализовавшей этот народ на «самом крайнем Севере», который к тому же закрывал ряд народов, тянувшийся от Понта Эвксинского.

Несмотря на это, в свидетельствах Пиндара можно выявить закодированные и отложившиеся в них древнейшие представления греков о своем «родстве» с гипербореями, в которых, возможно, нашли отображение имевшие место в прошлом исторические реалии. Основанием для такого заключения является этимология имен основных религиозно-мифологических персонажей, упоминание поэтом Аристея в одной из его од и сами «гиперборейские» реликты мифопоэтического сознания в мировоззрении классических греков. Внимание науки к познавательным возможностям указанных аспектов носило спорадический характер, тем не менее, со времени Л. Преллера и Е. Г. Майера, время от времени, их рассмотрение приносило и положительные результаты, последним по времени свидетельством чему выступает посвященная богу Аполлону статья Ю. В. Откупщикова.³⁸

Весьма информативным в указанном отношении оказывается рассмотрение этимологии матери гостя гипербореев — Персея, в имени которой *Da-na-ja* специалисты на основании свидетельств Гесиода и Павсания (Hes., Theog., 371–374; Paus., V, 25, 5) усматривают отражение скотоводческого культа Луны-богини, имя которой *elle / helle*, отдельными учеными кладется

в основу формообразующего этноним «эллины» слова.³⁹ Ее консортом, возможно, выступал Гелиос — такое же божество скотоводов, известное у хеттов в образе солнечного бога в образе быка, который в своей греческой ипостаси, по мнению Р. Грейвса, подчинялся этой лунной богине под именем Гипериона.⁴⁰ Показательны также эпитеты, с которыми Даная упоминается у Пиндара: *Galia* (морская), *Leucotheia* (белая), *Electria* (янтарная (*Piund.*, *Isthm.*, VII, 54–59)). Кроме того, на острове Родос, эпонимом и владычицей которого Луна-Даная являлась в представлениях греков, она почиталась под именами *Kamira*, *Ialisa* и *Linda*, которыми были названы одноименные города острова (*Kameiros*, *Ialisos*, *Lindos*).

Представляет интерес и происхождение Геракла: согласно мифу, являясь сыном Зевса и Алкмены, он принадлежал к роду Персея, имея своим дедом Пелопа (*Hom.*, II, XIX, 95–105; *Apollod.*, II, 4–5; *Plaut.*, *Amphitr.*, 1096; *Diod.*, IV, 10). Еще более важно, что в них, первопредок ионийцев и афинян Ион рассматривался как сын Аполлона Гиперборейского, что не может не свидетельствовать об устойчивости представлений в общественном сознании Древней Греции относительно северной ориентации взгляда о приходе эллинов в Грецию.

Картины жизни гипербореев, восходящие к общеэллинскому мифологическому преданию, возможно, были заимствованы Пиндаром у Гекатея Абдерского, о взглядах которого нам известно благодаря Диодору. Этот автор, перелагая свидетельства древнегреческого логографа, развивает целое повествование об их стране как родине Латоны и месте ежедневного почитания, воспеваемого в гимнах, Аполлона, который появляется у них через каждые 19 лет (*Diod.*, II, 47). Нетрудно заметить, что центральным моментом у Пиндара и Гекатея является предание о связи гипербореев с культом Аполлона и «священность» их как племени (*hiera genea*), живущего на крайнем севере, за (*katyperte*) Борею.⁴¹

На тот же образ жизни представителей этого племени указывал и Гелланик из Митилены, младший современник как Пиндара, так и Геродота. Он одним из первых попытался внести в иррациональное предание о гипербореях рационалистические трактовки, на основании которых он, с одной стороны, представил объяснение их исключительной справедливости (*dikaiosine*) вегетарианским, обусловленным *поеданием шишек* (*fteirofagoi* (*FHG.* Fr.96)), пищевым рационом, а с другой — сумел уточнить представление о локализации их земель, расположенных за северными (Рипейскими) горами.⁴² С учетом времени жизни Гелланика (496–411 гг. до н. э.) можно сделать заключение, что уточнение представлений о местоположении страны гипербореев произошло не раньше и не позже середины-второй половины V в до н. э., чему в немалой степени способствовали завершение греческой колонизации Северного Причерноморья, окончание греко-персидских войн и, по всей видимости, установление афинской талассократии на Понте Эвксинском после морской экспедиции Перикла в Черное море.

Самыми ярким подтверждением такой точки зрения, с нашей точки зрения, выступают данные Скифского логоса «Истории» Геродота, в котором достаточно большое внимание отводится повествованию о гипербореях, совпадающего в основных чертах со свидетельствами II в. н.э., отложившимися в труде Павсания. И хотя сам «отец истории» был скептического мнения относительно их реального существования, он, тем не менее, следуя своему правилу приводить все имеющиеся в его распоряжении свидетельства какой бы достоверностью они не отличались, опираясь на Делосскую традицию, приводит услышанный им рассказ о дарах гипербореев.

Историк пишет: «... гипербореи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ передает их дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе» (Herod., IV, 33). Оттуда, как утверждает Геродот, дары отправляют дальше на юг, пока они не достигнут Делоса (Там же). Самым же интересным в свидетельстве античного автора, однако, является даже не это, а констатация факта, что, первоначально, тем же путем священные дары на Делос доставлялись самими гипербореями, снаряжавших священное посольство, состоящее из двух девушек в сопровождении 5 «гиперборейских мужей» (*andras pente pomprois*), которые назывались «перфереями» (*perferees kaleontai*).⁴³ Только после того, как однажды по пути к месту назначения они были обещены и не вернулись обратно в Гиперборею, население последней стало доставлять эти дары на границу своих владений (Там же).

Другое важнейшее обстоятельство, которое должно быть учтено в связи с рассмотрением ориентации пути гиперборейских даров у Геродота, связано с упоминанием «отцом истории» их контактов с эллинами Додоны (*Dodopaiois hellepon* (IV, 33)). Речь идет о том, что следующим пунктом после выхода несущих их посольств к побережью Адриатического моря, по его данным, были земли, заселенные додонейцами, древнейшими из племен северо-западной Греции, по происхождению эллинов, заселивших область Додона, располагающейся, как свидетельствуют историко-географические и археологические реалии, на одноименном плато в долине реки Аой, где, по показаниям самых разнотипных источников, был расположен один из древнейших оракулов Зевса.⁴⁴

Локализация «исконных» эллинов в Додоне античным историком, очевидно, опиралась на устойчивую мифопоэтическую традицию, согласно которой они были первыми, кто установил свой контроль над оракулом после смещения или вытеснения из родных мест автохтонного пеласгического населения, воспоминания о чем сохранились как в эпитете самого Зевса (*Pelagikos*), так и в топониме Пелластиотида и Пеласгский Аргос, предшествовавших собственно эллинской топо-и гидронимике в ее ионийском выражении (например, *Athentania*), распространявшемся из Аттики, Ахеи, Кинурии или Беотии.⁴⁵

В этой связи исключительный интерес представляет фиксация такого контакта эллинов с пеласгами Аргоса в мифологической традиции, связывающего его с переселившимся сюда из Ливии Данаем, в имени которого современные исследователи усматривают отображение широко распространенного в мифопоэтической географии греков этнонима данайцы (*danuna, adana, adanava, didana*), имевшего в том числе среди других и связь с областью междуречья Дуная и Дона.⁴⁶ Существенным указанием в пользу этого служит отложенность праиндоевропейского корня *-don в самих этих названиях, которая находит весьма существенный по своему значению аналог в выявленной Р. Грейвсом ритуальной практике царя Фив, носившего титул *Potidanos/Potidanas*, который получал огромную сакральную силу через прикосновение к священному рогу приносимого в жертву быка (*Apollod.*, II, 5, 5; *Diod.*, IV, 13; *Paus.*, V, 1, 7).⁴⁷

Дальнейшее наращивание (и уточнение) информации о гипербореях, как нам представляется в отличие от наших оппонентов, можно обнаружить в двух фрагментах трагедии Эсхила «Прометей освобожденный», в которых были реанимированы гомеровские представления о гипербореях как о гипемолгах, млекоедах и абиях, живущих простой жизнью и отличавшихся высокой, несвойственной самим эллинам, нравственностью (*FAT.Fr.*, 196). В первом фрагменте им упоминаются габии (абии), охарактеризованные трагиком как *demos endikotatos*, который использует то, что дает незасеваемая и необрабатываемая ими земля, производящая все необходимое сама по себе (*autosporoi*). Во втором отрывке габии (абии) определены уже как скифы, точнее сравниваются с ними, как на предмет сходства в употреблении кумыса и кобыльего сыра, так и в отношении «благозакона» (*eupomia* (*Fr.* 198)).

Но не только введение новых исторических реалий, с которыми познакомились греки к V в. до н. э. в контекст сложившихся ранее представлений о гипербореях характеризует качество свидетельств Эсхила. В них можно обнаружить и более, в полном смысле этого слова, архаические представления, сохранявшиеся в общественном сознании граждан афинского полиса и, надо думать, напрямую связывавшие их с далеким северным народом. В трагедии «Эвмениды» — последней части трилогии «Орестея» (458 г. до н. э.), наряду с симпатиями к древним политическим установлениям эллинов, автором проводится мысль, согласно которой между скифскими землями и Пелопидой устанавливается связь, проявившая себя в сходстве функций Совета Ареопага, выступающего оплотом правового и политического порядка, а по существу, безопасности и спасения общества (*eruma kai soterion*) и реализованная т. н. «отцами» эллинов в традиционных формах и нормах *Patrios politeia*. Примечательно, что Геродот называет сохранение ее постулатов в Спарте (в частности *eupomia*) одной из самых примечательных черт социально-политической организации последней (*Herod.*, I, 65–66).⁴⁸

Интерес к гипербореям (равно как и к «исконным эллинам» Ахилла) проявился и в трудах Аристотеля, зафиксировавшего наряду с другими греческими авторами взаимоотношения гиперборейской страны и Дельф как

двух главных мест пребывания Аполлона на земле. Аристотель сообщает о периодическом возвращении туда этого бога, указывает, что Лето прибыла на Делос в образе волчицы именно из страны гипербореев, из которой происходила и богиня родов Илифия.⁴⁹

Еще более содержательными выступают данные Диодора, сохранившего утраченные к настоящему времени свидетельства древних авторов о Гиперборее и гиперборейцах. Он замечает, что гипербореи *имеют свой собственный язык*, что они *очень близки эллинам*, в том числе и *по языку*, что с древнейших времен (Diod., II, 47) они, поддерживая это расположение и впоследствии, *родственны эллинам, особенно афинянам и делосцам*. Более того, он указывает, что гипербореи и люди в других землях находятся в постоянном взаимном общении, наконец, что именно поэтому Аполлон посещает как тех, так и других (Там же). К уже известной информации о гиперборейцах из других источников Диодор добавляет свидетельство о взаимопосещениях смертными героями двух народов Гипербореи и Эллады.⁵⁰

К свидетельствам Диодора Павсаний прибавляет данные о наличии в Прасиях памятника гиперборейца Эрисихтона, погибшего во время обратного плавания при возвращении домой после священного посольства на Делос (Paus., I, 18, 5). Ему же принадлежит утверждение, согласно которому из страны гипербореев на Делос пришла богиня родов Илифия, чтобы помочь Латоне в ее родовых муках (Там же).

Начиная с Геродота, который, как указывалось выше, не доверял бытовавшим в его время сведениям о далеком северном народе гипербореев, но, тем не менее, размещал их выше (апо) аримаспов, вытеснивших исседонов, в античной традиции утвердилось и мнение, родоначальником которого называют современника «отца истории» Дамаста Сигейского, согласно которому аримаспы заключали перечень северо-восточных народов ойкумены: за скифами исседоны, выше исседонов — аримаспы, выше аримаспов (за (katyperte) Рипейскими горами) — гипербореи, живущие в направлении к другому морю. В таком же смысле, опираясь на более ранние свидетельства высказывались Птолемей, Антимак и Стефан Византийский. Прямое отождествление аримаспов и гипербореев было произведено Антимаксом, данные которого в значительной степени определили в 90-е годы перемену вектора поиска страны гипербореев в сторону Алтая.⁵¹

Однако наибольший интерес по поводу тождества эллинов и гипербореев представляют комментарии Евстафия к «Илиаде» Гомера относительно Додонского оракула Зевса, посвященного ему храма и названия области. Последняя, названная поэтом «суровой и холодной» (IL., XVI, 234), в схолиях называется не больше не меньше как «землей гипербореев» (Gyperboreion horion).

Помимо мифо-хорографических по своей сути свидетельств относительно локализации страны гипербореев в произведениях античных авторов

отложились данные об отдельных представителях этого племени, выступивших в роли культуртрегеров эллинов. Прежде всего в данном отношении представляет интерес свидетельство Диодора об ахейской принадлежности Борея и его участия в Троянской войне на стороне эллинов, где он прославился в боях с фракийцами (Diod., IV, 2–3). Согласно тому же автору, Бореады освобождают, наказанных Финеем и заключенных во Фракии, внуков афинского царя Эрехтея (Diod., IV, 43, 3; 44, 2). Еще более конкретным адресом обладает известие о прибытии в Афины из страны гипербореев Артемиды для оказания «божественного покровительства городу и его царю» (*ekz Giperboreon ger agatho daimoni tei te polei kai toi Basilei* (Diod., IV, 51)). Среди них же следует назвать и сообщения о гипербореях Абарисе и Аристее, которые обучали греков новым культурным изобретениям — музыке, философии, искусству создания поэм и гимнов. Им приписывалось строительство Дельфийского храма на острове Делос⁵², певцом в котором называется выходец из племени гипербореев Олен, по имени которого были названы два города, первый из которых располагался на р. Ахелой у феспротов (Эпир), а другой на пути к Тиринфу на Пелопоннесе (Diod., IV, 33, 35, 69; V, 81).⁵³ Кроме того, с именем Абариса связывалось строительство храма Девы Спасения (Коры) в Спарте, а с персонами Описа и Гекаэрга знакомство населения Делоса со способом хранения меди в пластинах. Если вспомнить, что передача священных даров Аполлону связывалась в представлениях греков с именами гипербореев Гиперохии и Лаодики, а гипербореев же Зета и Калаида с походом аргонавтов, становится понятным, почему в произведениях средневековых схолиастов (в частности, Евсевия) сложилось устойчивое представление о господствующем положении этноса гипербореев на Делосе.

Приведенными данными представления античной традиции о гипербореях отнюдь не исчерпываются. Существует целый ряд весьма ценных и редких, но существенных по своему значению фактов, отобразивших господствовавшие в общественном сознании архаической и классической Греции представления о физическом облике протогреков. В суммарном плане они могут быть представлены следующим образом:

1) классические поэты от Гомера до трагика Еврипида *определяли предков эллинства-героев греческих мифов высокими и светловолосым.*

2) от минойской эпохи и до эпохи эллинизма греческая пластика неизменно наделяла олимпийских богов и богинь *золотистыми волосами и сверхчеловеческим ростом;*

3) греческие мифы определяли первопредка древних греков Эллина в качестве сына Прометея или Девкалиона и Пирры (*т.е. «Белого» и «Огненно-рыжей»;*

Такого рода представления нашли подтверждение как в результатах исследования погребальных комплексов в Микенах (круги В-А), так и измерениях величины костяков в захоронениях носителей древнейшей общно-

сти в Восточной Европе. В первом случае результатом стало установление того, что средний мужской рост в Микенах XVI–XIII вв. до н. э. составлял 1,68–1,7 м (соответственно женский рост был равен величине в 1,65 м) для круга В и 1,7–1,8 м (для женщин — 1,65 м).⁵⁴ При этом была выявлена парадоксальная, но характернейшая для ахейской культуры особенность — существенные антропологические различия царей и аристократии от основной массы населения.⁵⁵

Приведенная база данных, несмотря на наличествующие в ней противоречия, различия в характере происхождения и разновременные пласты, как нам представляется, вполне вписываются в данные современной лингвистики и археологии относительно истории населения степи и лесостепи Евразии III — первой половины II тыс. до н. э., в особенности в реконструкцию этногенетических и культурно-исторических процессов, развивавшихся в указанный период на широком пространстве от северо-западной Индии до северной и южной Греции, а также южной и средней Италии.⁵⁶

Несмотря на отдельные возражения, происходящие от историков античной, в частности, древнегреческой исторической географии, специальные исследования, произведенные в самое последнее время, имели своим следствием констатацию факта, согласно которому мифология и эпическая традиция, несмотря на переотложенность и хаотичность воспроизведения в них сохранявшихся на протяжении многих поколений знаний о прошлом (или изобретаемых на их основе), в большинстве случаев содержит достаточно точные и адекватные историческим реалиям данные.⁵⁷

В интересующем нас отношении это можно наблюдать при анализе тех пластов мифопоэтической и литературной традиции, в которых отложились представления относительно самых первых, древнейших «исконных» (*to arhaion*) эллинах и областях их происхождения и расселения.

Особенно важное значение в указанном отношении приобретает, сочетаясь с данными Паросской хроники, свидетельство «Илиады» Гомера, содержащее указание, согласно которому «исконная Эллада» есть область между Додоной и рекой Ахелой (*ge arhaotate Hellas peri Dodoneo kai Sellous ekeito, othen go Aheleos ekreon* (Il., XXI, 194). В том же районе размещал ее, если доверять схолиастам, и составитель од Пиндар, определявший ее как общину (или город) (Pind., Isthm., I, 14). Точно также локализовал и определял «исконную Элладу» Аристотель, представивший самые исчерпывающие аргументы относительно смыслового значения прилагательного «исконный»: *peri ton Hellenikon malista topon kai touton peri ten Hellada ten arhaian* (Arist., Meteor., I, 14). В доказательство правомерности предложенных трактовок, как нам представляется, не последнее место занимает свидетельство Солона о том, что Аттика и Афины — «исконная земля ионийцев» (*to arhaion hora Ionion* (Solon., Fr. 4A West). Иными словами, первоначальная область расселения эллинов в Греции находилась как раз в том районе, где Диодором и Евстафием засвидетельствовано соседство эллинов

и гипербореев, которые, если следовать Пиндару, и составляли разноязычный (или двуязычный (т. е. diglosson) полис (barbaros oute palin glossos polis).

Данные античной традиции вполне соответствуют представлением о первоначальном месте оседания прагреков-пришельцев на территории Греции. По их мнению, собственно протоэллинским регионом была область Пиэрия, расположенная к северу от Эпира, т. е. на территории современной северо-западной Греции, топонимия и гидронимия которой по своему происхождению имеет самое архаическое происхождение. На этом основании они пришли к заключению, что *предки мифического Эллина кочевали между горным массивом Граммос, медными рудниками Гревены и бассейном реки Ион*.⁵⁸ Самое же интересное состоит в том, что примерно в том же регионе (в соседней Фессалии) данные лингвистики позволяют локализовать первоначальный очаг формирования этносов эллинов, ахейцев, аргивян и данайцев, которые принадлежали к племенам, *населявшим равнину в долине самой крупной реки Фессалии Анидана (Apidanos)*.⁵⁹

Казалось бы приведенные данные, однозначно указывающие на близкое соседство эллинов и гипербореев в Эпире (а именно там находится Додона со своим знаменитым и пользовавшимся огромным авторитетом и влиянием на протяжении всей античности оракул), и есть свидетельство либо совместного проживания, либо дихотомии населения первоначальной Эллады, если бы в труде «отца истории» не присутствовало такое же определение, распространенное им на жителей восточноевропейского, расположенного на периферии Скифии, где-то в районе Среднего Дона, города под названием Гелон, которые, по его определению, являлись «исконными эллинами» (to arhaion Hellenes (Herod., IV, 108).

Последнее заставляет, вспомнив достижения современной лингвистики, вновь возвратиться к проблеме локализации территории греко-арийского единства и путей «расхождения» носителей греко-армяно-фригийской и индо-иранской общностей.

Как отмечалось выше, наибольшее распространение в настоящее время получили представления о локализации греко-арийского единства в Юго-Восточной Европе, уже в степной зоне данного региона. Археологические данные, накопленные наукой XX века, представляют необходимую возможность для того, чтобы определиться относительно путей разрешения поставленной проблемы. К ним следует отнести погребения колесничих, открытых на Верхнем и Среднем Дону, в Поволжье, на Южном Урале и в Китае.⁶⁰ Сюда же следует добавить погребальные комплексы, раскопанные в Триалети Б. А. Куфтиным и А. Мнацакяном в Лчашене.⁶¹ Интерес представляют хорошо изученные поселения со сложной фортификацией на Южном Урале, на Дону, в Поднепровье, на Среднем Дунае и в Беотии (Гла, Греция). Особенно весомое значение приобрело открытие неизвестных ранее культур эпохи ранней бронзы, среди которых особой информативностью отличаются памятники многоваликовой, новотиторовской (на Кубани), ре-

пинской (на Среднем Дону) и ХМК (в Горном Алтае).⁶² Но еще большее значение в указанном отношении приобрели раскопки ярких комплексов военной элиты абашевской и андроновской культур в бассейнах лесостепных течений рек Дона, Волги, Урала и Тобола, позволивших акцентировать внимание не только на том, что Доно-Волжье-Урал представляет собой ядро формирования племен греко-арийской общности, но и на наличии определенных сходств (в том числе и антропологического) в культурах эпохи бронзы Восточной, Юго-Восточной, Северного Кавказа, Центральной Европы (включая сюда и Грецию), Южной Сибири, Алтая, Северо-Западной Индии и Средней Хуанхэ.⁶³

Наиболее существенно, особенно после исследований К. Ф. Смирнова, Е. Е. Кузьминой, Г. Б. Здановича, И. Б. Васильева, П. Ф. Кузнецова, А. П. Семеновой и Ю. П. Матвеева, обросла аргументация локализации в указанном районе индо-иранцев, с которыми связывают носителей древнеямной, абашевской (включая сюда и синташтинскую), срубно-андроновской культурных общностей.⁶⁴ Главное, что удалось выяснить на археологическом уровне исследования проблемы, заключается в констатации факта, согласно которому и абашевские, и синташтинские традиции, начиная от керамических форм и заканчивая технологией выплавки бронзы, разительно отличаются как от предшествующих традиций (репинская, фатьяновская, катакомбная культуры), так и от современных (потаповская и полтавкинская культуры, близкие, но инвариантные абашевской). Более того, считается, что памятники Синташты-явление привнесенное в Волго-Уралье извне (полагают, из доно-волжья) в полностью оформленном виде. Совершенно уникальными на этом фоне выступают дисковидные псалии (маркер господствующего сословия колесничих), которые распространяются в XVIII–XVI вв. до н. э. в направлении Восточная Европа-Балканы, откуда они, как полагают отдельные специалисты, возвращаются наделенными ахейской орнаментацией.⁶⁵ Но еще большее значение в плане выявления греко-арийской общности имеют, представленные сходствами в архитектуре поселений и в погребальном обряде массовые материалы (планировка, жилища мегаронного типа, строительство оборонительных сооружений) от При-и Зауралья до Средней и Южной Греции.⁶⁶ К этому следует добавить и поразительное сходства общинных поселков При- и Зауралья с поселениями (квазигородами по Ю. В. Андрееву) Эгеиды III–II тыс. до н. э., а также, в случае с Аркаимом, с микенским, по терминологии того же автора, протополисом.⁶⁷ Такие сходства, по нашему мнению, весьма красноречивы: они указывают на иррадиальность распространения указанных традиций именно из лесостепи и степи междуречья Дона и Волги по всем направлениям, но прежде всего в восточном и западном.⁶⁸ Само их наличие придает решимости в выделении культуры носителей греческой и индоиранской общности на основании самых показательных проявлений в их материальной культуре.

Прежде всего, обращает на себя внимание удивительное сходство способов и обрядов захоронений в Эпире, в Фессалии, в Арголиде, Аттике и в ранних курганных комплексах Восточной Европы: возведение надмогильных сооружений над каждой ямой, присутствие вторичных захоронений и их ориентировка по кругу. Сюда же следует отнести, восходящую к носителям репинской культуры и памятникам ивано-бугорского типа, открытых А. Т. Синюком, традицию трупоположения на спине, восточную ориентировку костяков и сооружения подобия будущих на территории Балкан каменных ящиков. Нельзя не принять во внимание и то, что абашевская керамика, фактически впитала в себя множество реплик (по форме и орнаментации) из арсенала катакомбных и ямно-катакомбных представлений, тогда как ее классические формы, особенно в междуречье Дона и Волги, не проявляют каких-либо особо отличных дериватов. Если к этому добавить тенденцию к колоколовидности в абашевской керамике, присутствию в престижных захоронениях каменных булав и хорошей выделки бронзовых кинжалов, выявление целого страта захоронений представителей колесничной аристократии, то станет понятно, что указанную общность нужно искать в круге древнеямных, ямно-катакомбных и катакомбно-абашевских археологических культур Восточной Европы.⁶⁹

Что такая точка зрения имеет право на существование, свидетельствуют результаты, полученные независимо друг от друга Л. С. Клейном и Ж. Дереллем. По мнению последнего две волны индоевропейцев (одна с юго-востока Европы, другая с северо-востока Передней Азии), первая из которых была представлена носителями шнуровых культур или культуры боевых топоров, около середины IV тыс. до н. э. вторглась в Малую Азию с последующим продвижением в Сирию и Палестину.⁷⁰ Вторая, состоявшая из выходцев из Прибалтики эпохи ранней бронзы, распространилась через степи Восточной Европы и Кавказ в Иран и Индию, а через степи Поволжья — на Южный Урал и в Сибирь.⁷¹

В последнее время С. А. Григорьевым была предложена и альтернативная точка зрения, выводящая ариев-носителей синташтинской культуры из Передней Азии, откуда они стремительно появились на Волге и Урале около XVII в. до н. э.⁷²

Такой постановке вопроса, по нашему мнению, противоречат факты археологии и античной традиции. Прежде всего, осуществленные в последнее время передатировки сейминско-турбинских, абашевских, синташтинских и полтавкинских памятников существенным образом изменили их хронологию. Так, оказалось, что сейминско-турбинская дата оказалась синхронной памятникам Елунинской культуры Северо-Западного Алтая (2140–1940 гг. до н. э.), а полтавкинские даты (1940–1880/1880–1750) показали одновременность ее существования с памятниками синташтинского Зауралья.⁷³ Более того, абашевское (или абашевско-раннесрубное)

время удревнилось до 1970–1750 гг. до н. э., а в случае с Пепкинским курганом — до 2430–2190 гг. до н. э.⁷⁴

Значение представляемых фактов, на наш взгляд, трудно переоценить. Они совпадают с датировкой специалистами времени появления протогреков-ахейцев на Балканах и на Крите после пребывания на территории современных Болгарии, Венгрии и Сербии (XXIV–XXII вв. до н. э. — на Балканы, 1900–1700 гг. до н. э. — на Крит.⁷⁵ Именно к этому времени Ю. В. Андреев относит смешение двух культур (северобалканской и древнеямной), в носителях одной из которой (ямной) он полагает возможным видеть прагреков.⁷⁶ Но, в особенности, они показательны в отношении вопроса локализации страны гипербореев: наличие в Зауралье памятников «квази-городской» культуры можно предположительно рассматривать в качестве основы представлений об этом далеком северном народе в общественном сознании населения Древней Греции.

Еще более выразительны данные, происходящие из раскопок памятников первой трети II тыс. до н. э. в северо-восточном Египте и вполне вписывающиеся в новейшие датировки археологических культур евразийской степи и лесостепи. Дело в том, что в культурном слое поселения Телль-Нагила, что находится на восточной половине Дельты выявлены захоронения колесничих, керамика ямно-катакомбного и абашевского (катакомбно-абашевского) облика, которые в сочетании со свидетельствами Диодора о царе Салисе (по версии Помпея Трога в передаче Юстина-Танаисе), заключившем договор с египетским фараоном Сенусертом (до 1750 гг. до н. э.), а также выявление колесничной индоиранской лексики в языке египтян после захвата гиксосами Восточной части дельты Нила и изгнания последних около 1580/60 гг. до н. э., как нам представляется, указывают на северный (или северо-восточный) исходный пункт миграции одной из групп эллинов и примкнувших к ним индоиранцев в Малую, Переднюю Азию, Северо-Восточный Египет и на Пелопоннес, что и было схвачено мифологической традицией и эпической поэзией в связи с рассказами о данайцах и Данае.

Несколько иначе картина разделения греко-арийской общности представляется Л. С. Клейну. Исходя из того, что в источниках Древней Индии (буддийских текстах, пуранах и эпосе) *народ тукхара (тушара) упоминается в непосредственной связи с народом явана (ионийцами согласно египетским надписям времени Рамзеса III)*, опираясь на заключения, представленные В. Н. Даниленко, В. Семенова, В. В. Сафронова, ученый предлагает рассматривать в качестве участников индо-арийской волны, представители которой мигрировали на Восток, носителей афанасьевской культуры Южной Сибири, исходный очаг формирования которой находился в лесной и лесостепной зоне междуречья Дона и Волги и был представлен памятниками репинской культуры III тыс. до н. э., доказательства чему исследователь усматривает в совпадениях форм и орнаментации керамики, погребального обряда и самого способа погребения умерших.⁷⁷ Что касается

аналогичных совпадений с энеолитическими культурами Северного Причерноморья, главное проявление которых археолог усматривает в проявлении тенденции к мегалитизму и постановке погребальных стел над погребениями, то, по мнению Л. С. Клейна, именно «*в этой зоне и круге культур Причерноморья начинался общий этногенез греков и ариев*», испытавший по мере своего развертывания воздействие западных индоевропейцев.⁷⁸

Существенный интерес представляет выявленные автором факты лингвистики, указывающие на то, что до своего переселения тохары находились в очень тесных контактах с с финно-угорским населением лесостепи Волго-Донского междуречья, которые оказали значительное воздействие на глубокое преобразование индоевропейской фонологии и грамматики.⁷⁹ Последнее, как полагает исследователь, указывает на то, что *у тохаров в прошлом было не просто соседство с финно-уграми, но, в первую очередь, финно-угорский субстрат*.⁸⁰ По всей видимости, в него, по всей видимости, входили помимо тохаров и далекие предки эллинов, свидетельство чему можно усматривать как во влиянии носителей андроновской и карасукской культур на Иньский Китай, так и появление в нем именно в это время боевых колесниц и типично греческого меандрообразного орнамента. На этом основании он приходит к выводам, согласно первому из которых, движение тохаров из Европы на Восток происходило по лесной полосе далеко от степей-ареала Ариев, где они долго жили в финно-угорской среде, тогда как согласно второму — фатьяновская культура, двучастная по своей основе, предваряет карасукскую Южной Сибири, носители которой, восходя к «репинцам», подверглись сатемизации на путях своей миграции на территории Поволжья, представив собой материальную основу и признаки выделения тохарских языков.⁸¹

Достаточно аргументированно в современной науке обоснован взгляд и о возможности обратного, с востока на запад, движения родственных, хотя и не идентичных в плане языка, массивов населения, принесших с собой передовую по тем временам технологию металлообработки, ареалом обитания которых до переселения в Восточную Европу являлись степи Алтая. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что т.н. сейминско-турбинский феномен оформился именно в этом регионе и что самому его появлению в значительной степени способствовали, с одной стороны, миграционные (и инфильтрационные) процессы, протекавшие в Евразии в этот период, а с другой стремительные, быстрые рейды представителей колесничного сословия обществ греко-ариев (*или праэллинов и индоариев*) в самых различных направлениях.⁸² Но самое главное наблюдение, которое было выведено специалистами из оценки последствий воздействия, оказанного носителями сейминско-турбинского феномена, на население степи и лесостепи Восточной Европы в первой половине II тыс. до н.э., заключается в констатации факта переоформления катакомбной культурной общности, следствием которого является начало разделения этно-лингвистических очагов по линии Волга-Дон-

Северный Кавказ и появление в лице носителей культуры многоваликовой керамики, иллюстрирующей более ранние, но типологически родственные микенским (ахейским) орнаменты, олицетворяющие собой этно-лингвистический субстрат *прагреков*, мигрирующих на Балканы, в пользу чего свидетельствует комплекс хронологически одновременных и сопоставимых с КМК признаков в материальной культуре Беотии, Фессалии и Эпира.⁸³

Данные лингвистики указывают, что последние олицетворяют собой греко-фригийский субстрат, продвигавшийся с северо-востока, и вытеснявший уже успевших проникнуть на Балканы племена исконных эллинов, и стимулировавших их отход в Эпир, и дальше, через Фессалию, на юг в сторону Пелопоннеса.⁸⁴ Свидетельство тому — тождество названия крупной пеонийской реки Еригон (Erigonos) — совр. Црна (Черная река) — арм. Egek (вечер) — греч. erebos (тьма).⁸⁵

Вполне вписывается в указанные соображения и трактовка этногенетической истории Балкан в 2200–1900 гг. до н. э. Ю. В. Андреевым, которую, как нам представляется, с поправками на новейшие датировки памятников, можно соединить с логикой предложенных выше рассуждений. По мнению исследователя, в археологической культуре РЭ III периода присутствуют материальные признаки двух географически сильно удаленных друг от друга культур. Одна из них локализуется в северной части Балканского полуострова (Македония, Фракия, Фессалия, Эпир, Иллирия) и представлена интрамуральными погребениями, домами апсидального плана, каменными сверленными топорами и фляжкообразной керамикой.

Другая, т. н. курганная (или ямная) культура, распространенная на обширных пространствах степей Северного Причерноморья и далее на восток вплоть до Южного Приуралья и Аральского моря, имеет в качестве показательных элементов целый ряд вещей, находящих прямые аналогии в культуре РЭ III периода: подкурганные погребения в ямах, использование охры и шкур животных в погребениях, дома овального плана, палицы с шиповидными каменными навершиями, шнуровая и геометрическая керамика и т. п.⁸⁶ Самое же примечательное, как считает ученый, состоит в том, что элементы этих двух культур *появляются на территории Греции чересполосно* (одни в одних поселениях и могильниках, другие в других), *иногда в одних и тех же поселениях, причем с течением времени число таких мест*, по его подсчетам, *постоянно нарастает* (конец РЭ периода — 15, начало СЭ периода (т. е. XX–XVII вв. до н. э.) — 53).⁸⁷ На этом основании Ю. В. Андреев приходит к заключению, согласно которому в течение РЭ III периода (т. е. между 2200–1900 гг. до н. э.) через Среднюю Грецию в Пелопоннес с севера прошло по крайней мере две волны пришельцев: *одна из северо-балканского региона, скорее из Подунавья, а другая — из более удаленных областей Северного Причерноморья, причем, обе начали смешиваться еще по дороге и окончательно смешались после оседания на территории Греции*, ассимилировав при этом значительную

часть носителей автохтонной РЭ I–II культуры.⁸⁸ Вполне возможно, как предполагает исследователь, что какую-то часть пришельцев условно можно назвать «греками» или скорее всего «прагреками». А поскольку ареал распространения ямной культуры отождествляется и лингвистами, и археологами с прародиной индоевропейцев, то из этого он полагает возможным (в отсутствие сколько-нибудь существенных разрывов в культурной преемственности вплоть до микенского времени) рассматривать прагреков как носителей ямной культурной общности, появление которой в Греции и было связано с их приходом.⁸⁹

О контактах пра-эллинов с индоариями и финно-уграми свидетельствуют как данные археологии, так и их древнейших языков. Как уже отмечалось, археологически это нашло отражение во влиянии, которое оказал культ коня и пласт связанных с ним мифологических представлений (ашвамед-ха ведических ариев, погребальный обряд гомеровских греков, консуалии в Древнем Риме и сходство близнечного культа).⁹⁰ Что касается языка, то в литературе давно отмечено сходство названий основных пород деревьев, ландшафтов, правил строительства колесниц и их конструкции и т. п. Как специфическую черту можно отметить практическое совпадение греко-латинского обозначения коня с финно-угорско-кетским (мик.-греч. i-go, лат. equos, и.-ар. asva/ авест. aspa, кет. qus = общ. и.-е. * ek (w)os.⁹¹ Еще более показательными выступают сходства, проявляющиеся в представлениях о «северной стране» мертвых, близкое ведическим и иранским космогоническим представлениям о творении из яйца, наконец, присутствие в ономастике имени Нуми-Торум.⁹²

Приведенные данные, как нам представляется, однозначно показывают на возможность возникновения и первоначального развития представлений о «северной стране» и ее обитателях в рамках, контактировавших с финно-уграми и урало-алтайцами носителей греко-арийской общности. С оригинальной гипотезой по данному вопросу не так давно выступил один из крупнейших отечественных специалистов Д. А. Мачинский, развивший на основе сопоставления сведений античной традиции и археологии мысль о тождестве гипербореев племен Среднего Енисея и горного Алтая конца IV–середины I тыс. до н. э.⁹³

Главное, что привлекает в системе рассуждений исследователя заключается в попытке по-новому представить картину миграций племен ранних скотоводов эпохи бронзы из Европы на Восток, включив в нее и маршрут связывавший культуры доно-волжья и майкопскую с синхронными по времени культурами Хакасско-Минусинской котловины, определив, опираясь на заключения В. А. Трифонова, дату проникновения в указанный регион носителей ямной культуры в промежутке между 3200–2900 гг. до н. э.⁹⁴ Его важнейшим результатом, по мнению исследователя, стало, во-первых, формирование на Алтае Афанасьевской культуры, которая по типу ее создателей, по погребальному обряду, по формам керамики убедительно со-

поставляется с ямной, а во-вторых — начало проникновения этого степного скотоводческого населения высоко в горы.⁹⁵ Последующее появление здесь могильников носителей афанасьевской культуры на плато Укок, у северного подножья главного узла горной системы Алтая — горного массива Табын-Богдо-Ола, по предположению археолога, знаменует собой время и источник возникновения образа мировой горы у индо — и ирано-ариев, сюжет, связанный с которой он усмотрел в иконографии знаменитого серебряного сосуда из одного из «царских» погребений Майкопской культуры.

Констатация данного факта позволила Д. А. Мачинскому вывести заключение, согласно которому между серединой IV и серединой III тыс. до н. э. предгорья Кавказа и горные долины Алтая оказались соединенными языковой, хозяйственной, культурной, антропологической и, возможно, религиозной непрерывностью.⁹⁶ Последующая история носителей указанного массива была связана с проникновением в Хакасско-Минусинскую котловину (систему котловин на Среднем Енисее), оседанием в этом районе и интенсивной сакрализацией образа жизни и самого, сформировавшегося в среде пришельцев, общества.⁹⁷ Показателями происшедших перемен выступили комплексы их материальной культуры (широкое распространение и доминирование яйцевидных типов сосудов над другими, появление украшенных вихревым (или бегущей волной) орнаментами курьих с 4–8 ножками, возникновение практики сооружения горных святилищ, зарождение традиции возведения далеко от поселений и могильников огромных (до 4, 7 м высоты) каменных изваяний (обелисков и стел) в средней части которых рельефно выявлены яйцевидные «трехглазые» лики.⁹⁸ Появление последних исследователь связывает возникновение на Среднем Енисее (впоследствии, с VI в. до н. э., переместившегося в горы Алтая) в 2335–1190 гг. до н. э., уникального сакрального центра, определившего вплоть до IV в. до н. э. не только предысторию религиозной жизни будущей Скифии (понимаемой им в широком историко-географическом аспекте), но и развивавшиеся контакты (на раннем этапе — с запада на восток, с середины III тыс. до н. э. с востока на запад) между населением Южной Сибири, Центрального Предкавказья, Нижнего Дона (а возможно, как показывают исследования С. В. Большова, и доно-вожского междуречья).⁹⁹ Само складывание и существование последних, Д. А. Мачинский определяет однородностью хозяйственно-культурной (по терминологии автора) и, возможно, языковой среды. Именно к этому времени, по его мнению, и относится формирование того «священного пути» через евразийскую степь, который, как мы полагаем, позднее был хорошо известен античной традиции как путь гиперборейских даров.¹⁰⁰ В трактовке автора, начинаясь от Хакасско-Минусинской котловины и Алтая, он, через Нижний Дон и Западное Предкавказье, распространялся на Малую Азию и Эгеиду.¹⁰¹ Более того, предлагая отождествление Рипеев с горами Алтая, Д. А. Мачинский, на наш взгляд, нашел убедительнейший аргумент в обоснование правоты защищаемой им концепции.

Исходя из постулата, согласно которому зафиксированное Геродотом прекращение посольств, несущих священные дары Аполлону по причине оскорбления гиперборейских дев является для древности событием экстраординарным и должно поэтому отражать значительные сдвиги в политической обстановке и сознании населения Скифии, он предположил, что этим последним должна соответствовать мощная передвижка кочевых племен с востока, сопровождаемая войнами и закончившаяся появлением скифов в Предкавказье около рубежа VIII–VII вв. до н. э.¹⁰² Кстати сказать, такая постановка вопроса вполне вписывается в свидетельства Геродота и Диодора (Herod., IV, 13; Diod., II, 47). Взяв за основу свидетельство Аристия Проконнесского (690–580/670–630 гг. до н. э.) относительно этногеографии Скифии (исседоны-аримаспы-грифы-гипербореи) и опираясь на его данные относительно вытеснения аримаспами исседонов, исседонами скифов (Herod., IV, 13)) исследователь нашел возможным отождествить этнос аримаспов с носителями культуры Хакасско-Минусинской котловины, в традиции которых было возведение трехглазых стел, причем, как полагает ученый, именно третий большой, по сравнению с другими, их глаз мог быть положен античными авторами в основу этимологии самого этнонима. А поскольку та часть ХМК, где встречены «трехглазые» изображения, расположена между 52°50' и 55° СШ, что совпадает с координатами расположения римской Британии (между 50°–55° СШ), то на этом основании, допустив, что гипербореи и аримаспы представляют один и тот же этнос, Д. А. Мачинский выводит заключение о тождестве гипербореев населению Алтая и ХМК, что, по его мнению, снимает сам вопрос о том, где обитали и кого представляли собой гипербореи античной традиции.¹⁰³

Резонные заключения автора, однако, могут быть оспорены: дело в том, что в 90-е в лесостепном и степном Зауралье в массовом количестве были выявлены памятники «страны городов», типологические родственные Аркаиму, Синташте и поселениям абашевской культуры на Среднем Дону. Указавшие на наличие альтернативной великой культурной общности (по терминологии В. М. Массона), они ставят вопрос о возможности отождествления гипербореев античной традиции с ее носителями, тем более, что по своему расположению вполне вписываются в перечисление племен, обитавших на т. н. «ольвийском торговом пути» к Рипеям-Уралу, информация о котором более многочисленна и практически тождественна, в особенности у античных авторов эпохи классики.

Таким образом, и рассмотренные нами в контексте мифопоэтических представлений древних греков данные, и наличие альтернативных возможностей в интерпретации свидетельств античной традиции относительно локализации области обитания гипербореев, позволяют, на наш взгляд, вывести заключение, что за ними скрывается не только (и не столько), связанные с идеализацией варваров, утопические воззрения населения Эллады на обитателей периферии античной ойкумены периода кризиса греческого полиса, но и от-

ложилось почти забытое, сохранявшееся на уровне генетической памяти, знание о том, что в глубокой древности праэллины либо сосуществовали друг с другом на далекой «борейской» прародине как этносы, либо вместе (как показывают данные археологии, до XVIII–XVII вв. до н.э.) составляли единый этнолингвистический субстрат, носители которого, частично, оказались и на территории Эпира, где проживание последних зафиксировано Диодором.

В правомерности такого вывода, как нам представляется, убеждают факты, сохранившиеся в трудах Дионисия Галикарнасского и Ликофрона. И тот, и другой определяют сикелов (пришное население Италии во II тыс. до н.э.) терминами *aborigines/boreigonoí* (в значении «рожденные Бореем»), ставя между ними знак равенства (*Dion. Hal., Bibl. Hist., I, 11*). Более того, по мнению Дионисия, территория, занятого сикелами, Лация была захвачена не только пришедшими с севера (*boreigones*) аборигинами (*Dion. Hal., I, 9*), но и присоединившимися к ним пеласгами и «другими эллинами», что, совпадая с данными Диодора, позволяет вывести предположение об отложенности в труде историка представлений о родстве гипербореев / борейгонов с пеласгами и «другими эллинами» (*Dion. Hal., I, 17*). Если принять во внимание, что согласно той же традиции итальянский эпоним одноименного племени Энотр считался ахейцем по своему происхождению, а местность *Sikel* засвидетельствована для II тыс. до н.э. в Афинах, после чего название распространяется в южную Италию и на Сицилию, становится понятным, что представление о северной прародине было свойственно не только протоэллинам, но и целому конгломерату племен индоевропейской культурно-лингвистической общности, избравшим в качестве основного — юго-западное направление переселения из Восточной Европы на Балканский полуостров и Аппенины из тех северных широт, где располагалась их прародина.¹⁰⁴

Примечания

¹ Баюн Л.С. Индоевропейский язык и индоевропейцы // История Европы. Т.1. М., 1988. С.366.

² Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М., 2006; Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины // ВДИ.1997.№ 1. С. 1–82; Ренфрю К. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индо-европейская проблема // ВДИ. 1998. № 3. С. 112–122; Сафронов В. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Салларес Р. Языки, генетика и археология // ВДИ. 1998. № 3. С.122–130; Antony D. The Archaeology of Indo-European origin // Journ. Of Indo-European Stud. 1991.Vol. 19. P. 193–222. Gimbutas M. The Kurgan wave № 2 (с.3400–3200 B.C.) into Europe and the following Transformation of Culture // Journal of Indo-European Stud. Vol 8. London, 1980. P.273–315; Renfrew C. Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European origin. London, 1987. P. 103;

³ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1988; Клейн Л.С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2. С.178–187;

Dolgopolsky A. The Indo-European Home land and Lexical Contacts of Proto-Indo-European with other Languages // *Mediterranean Language Review*. 1988. № 3. P. 3–12; Guglielmo C. R., Piazza A., Cavalli-Sforza L. L. Uralic Genes in Europe // *AJPA*. 1990. Vol., 83. P. 57–68.

⁴ Баюн Л. С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // *История Европы*. Т.1. М., 1988. С. 206.

⁵ Там же. С. 208.

⁶ Следует учитывать, что данная речь была написана под воздействием пагубного для греков Анталкидова (387 г. до н. э.) мира с целью мобилизации общественного мнения афинян в пользу выдвижения инициативы в пользу объединения всех греков для войны с державой Ахеменидов. Именно поэтому в перечне варваров называются скифы и амазонки, за которыми по нашему убеждению следует усматривать сознательно искаженное оратором предание о приходе в балканскую Грецию эллино-фракийцев и индо-иранцев в период задолго до правления Эрехтея. См.: Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. М., 1994. С. 119.

⁷ Там же. См. также: Killian L. Zum Ursprung der Indogermanen. Habelt-Bonn, 1983. S. 73; Renfrew C. *Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European origin*. London, 1987. P. 122; Mallory J. P. *In search of the Indo-Europeans*. London, 1989. 69; Dolgopolsky A. The Indo-European Homeland and Lexical Contacts of Proto-Indo-European with other Languages // *Mediterranean Language Reviv*. 1988. Vol.3. P. 12.

⁸ Cavalli-Sforza L. L., Monozzi P., Piazza A. *The History and Geography of Human Genes*. Princeton, 1994. P. 105; Dolgopolsky A. More about Indo-European Homeland Problem // *Mediterranean Language Reviv*. 1993. Vol.6–7. P. 121; Sherran S., Sheratt A. The Archaeology of Indo-European: an Alternative View // *Antiquity*. 1988. Vol.69. P. 584–595; Сафронов В. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

⁹ Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. С. 156–162..

¹⁰ Antony D. The archaeology of Indo-European origin // *Journal of Indo-European Studies*. 1991. Vol.19. P. 193–222; Idem. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 B. C. // *The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia*. Washington, 1998. P. 63–93; Gimbutas M. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // *Journal of Indo-European Studies*. 1977. Vol.5. P. 277–338; Idem. The Kurgan Wave № 2 (с. 3400–3200 B. C.) into Europe and Following transformation of Culture // *Journal of Indo-European Studies*. 1980. Vol.8. P. 273–315; Idem. *Civilization of the Goddess*. Harper-San-Francisco, 1991; Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006. С. 398–444; Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // *Новое в археологии Урала*. Челябинск, 1996; Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // *ВДИ*. 2002. № 2. С. 20–33; Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // *ВДИ*. 2004. № 4. С. 3–20.

¹¹ Гамкрелидзе Т. К., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

¹² Черных Е. Н. Протоиндоевропейцы в системе циркумпонтийской провинции // *Античная Балканистика*. М., 1987. С. 89–91.

¹³ Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. С. 161–162; Гамкрелидзе Т. К., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык*. Т.1. С. 177–179; Мерперт Н. Я. Об этно-

культурной ситуации IV–III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 25; Черных Е. Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 43, 48; Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994; Гончарова Ю. В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // Stratum plus. 1999. № 2. С. 126; Черленок Е. А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // Stratum Plus. 2000. С. 346–349.

¹⁴ Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. № 3; Мерперт Н. Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984; Gimbutas M. The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilisation around 2300 B. C. // Bull. Archeologique de Minor Asia. 1974. P. 56–57.

¹⁵ Утверждение, согласно которому, начиная с III тыс. до н. э., носители ямной культурной общности, представляя собой мощные племенные объединения совершали военные походы в густо населенные районы азиатских степей, Подунавья и Балканского полуострова из степей Восточной Европы (при этом их исходные очаги трактуются специалистами по-разному) в настоящее время является, как свидетельствует знакомство с основными концепциями, разделяется большинством специалистов. В пользу этого приводятся доказательства, основанные на результатах анализа предметов погребального обряда, соответствующих позднейшим эллинским стандартам (типы и размеры мечей, наличие т. н. мечей со скипетрами (mikos), костяные рогатки, костяных трубочек-«флейт Пана», наконец, свойственный дорийцам способ захоронения покойника в скорченном на боку положении и т. п.). См.: Мерперт Н. Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи // Энеолит СССР / Отв. Ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М., 1982; Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985; Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996; Кузьмина О. В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб., 1995; Масон В. М. Некоторые вопросы культурогенеза в доскифских обществах Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996; Brukert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford, 1985. P. 189–190; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983. P. 14.

¹⁶ Так например, по мнению Дж. П. Мэллори, археологические свидетельства убедительно свидетельствуют о притоке населения из степных областей на Запад — до р. Тисы и на Балканы. См.: Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1. С. 78; Ecsedy I. The people of Pit-Grave Culture in Eastern Hungary. Budapest, 1979; Thomas H. L. New Evidence for dating the Indo-European Dispersal in Europe // Indo-European and Indo-Europeans. 1970. P. 121; Шевченко А. В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы. Л., 1986. С. 121–215; Николова Л. Ямная культура на Балканах (динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы // Stratum Plus. 2000. С. 423–458.

- ¹⁷ Черных Е. Н. Циркумпонтийская провинция. С. 45.
- ¹⁸ Дюмезиль Ж. Древнейшие боги индоевропейцев. М., 1986. С. 4, 41; Клейн Л. С. Миграция тохаров в свете археологии // *Stratum plus*. 2000. С. 178–187
- ¹⁹ Bosh-Gimpera P. El Problema indoeuropeo Mexico, 1960. P. 42; Ibid., *Propilee* 4. Vol. 3. Madrid-Saragosa, 1961. P. 69.
- ²⁰ Moretta A. Mituri antica si mituri progresului. Bucuresti, 1994. P. 169–170.
- ²¹ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 19.
- ²² Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 53.
- ²³ В настоящее время, в результате произведённого нами пересмотра исторической традиции, отложившейся в мифах древних греков, появление этой народности на Балканах представляется вероятным датировать временем между 2022–1750 гг. до н. э., в пользу чего свидетельствуют мифы об «отцах-основателях» — Эаке, Данае, Пелопидах, Кадме и т. п.
- ²⁴ Там же. С. 43. Особенно иллюстративны в указанном отношении, датирующиеся XVII в. до н. э., подкурганые погребения с лошадьми и остатками колесниц в Марафоне (там же. С. 45–46. Обращает на себя внимание и оценка, исходящая из определений путей распространения культуры винограда. По мнению некоторых специалистов, эта культура, произраставшая первоначально вдоль южного побережья Черного моря постепенно достигла Ливии и тем же путем через Палестину Крита. Что касается Индии, то сюда она распространилась через иранское нагорье. См.: Грейвс Р. Мифы. С. 76.
- ²⁵ Hood S. The Home of Heroes: the Aegean before the Greeks. London, 1967. Дж. Е. Харрисон в свое время обратила внимание на то, что греческий Дионис у индоевропейцев олицетворял собой бога пива, которое в Афинах еще варили при первых царях. В доказательство исследовательница приводила примеры греческой вазописи, в сюжетах которой спутники Диониса облачались не в шкуры козлов, а наряжались лошадьми, поскольку конь выступал олицетворением двух божественных напитков: меда (нектара) и пива. См.: Harrison J. E. *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cambridge, 1903; Камад И. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М., 2006. С. 31–32.
- ²⁶ Blegen C. W., Caskey J., Rawson M. The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. Vol. 1–3. Princeton, 1966–1973; Blegen C. W., Caskey J., Rawson M. Troy. Vol. 4. Princeton, 1958. P. 625; Sakellariou M. La migration greque en Ionie. Athenes, 1958. P. 326.
- ²⁷ Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 287. К этому следует добавить, что древнейшее название данного этноса у эллинов, как показали соответствующие исследования, первоначально не имели ничего общего с именем Борея. Греческое *gipe* означает «полёт, порыв ветра» и т. п. Такая трактовка указывает на перосмысление праэллинами того понятия, которое было распространено у их соседей по Восточной Европе индоиранцев (*gipa/gip*, и означало «земля, горная вершина». Совпадение родственных значений одной и той же фонемы возможно лишь, как полагают специалисты в границах родственных языков, на основании чего и были сделаны 2 принципиальных вывода: 1) название гипербо-

реи понималось как «народ, живущий выше обиталища Борея» (Рипейские горы); 2) последнее стало возможным вследствие того, что «желанная вершина Рипы», охраняемая богом Агни вместе с птицей Гарудой упоминается в III мандале Ригведы (III, 5, 1–3) и потому её присутствие указывает на переосмысление эллинами общих, времени единства с индоиранцами, представлений о «священной горе», «пупе Земли», «мировом древе», отложившемся в представлениях о горах Меру и Хара Березайти. См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. *От Скифии до Индии* (3-е изд.). С. 90–93.

²⁸ Сторонники такого подхода полагают, что свидетельства античной традиции о Гиперборее являются частью общеэллинского религиозно-мифологического предания. См.: Фролов Э. Д. *Факел Прометея*. Л., 1976. С. 32–51; Напротив, их оппоненты считают возможным допускать наличие в ней данных о давно забытых греками классической эпохи взаимоотношениях со своими соседями на далекой прародине, откуда в Элладу и на Делос, в частности, явились Аполлон и Артемида. См.: Хэммонд Н. *История Древней Греции*. М., 2003. С. 48–49; Sakellariou M. *Peuples prehelleniques d'origine indoeuropeenne*. Athenes, 1977. P. 1977; Idein. *Les Proto-grecs*. Athenes, 1980.

²⁹ Пыслару И. *Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы* // *Stratum plus*. 2000. С. 322–343.

³⁰ В настоящее время территорию расположения очага греко-арийской общности до её распада отечественные специалисты локализуют в областях к северу от Чёрного моря, Кавказа и Каспия в границах между Дунаем и Уралом. См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. *От Скифии до Индии*. Древние арии: миф и история. СПб., 2001. С. 160, 167, 170–177; Гиндин Л. А., Цымбурский Л. С. *Троя и «Пра-Аххиява»* // ВДИ. 1995. № 3. С. 23.

³¹ Frothingam A. L. *Ancient Orientation Unveiled* // *AJA*. 1917. Ser. 2. Vol. 21. P. 432–433.

³² Muller I. von. *Die griechischen Privalataltertumer*. Munchen, 1893. S. 6, 145. Особенно рельефно северная ориентация проявилась в греческом картографировании. См.: Atkinson T. D. *Points of the Compass* // *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. Edinburg-New York, 1987. P. 79; Подосинов А. В. *Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М., 1999. 224, 227–229.

³³ Drews R. *The Coming of the Greeks*. Princeton, 1988; Guglielmino C. R., Piazza A., Menozzi P., Cavalli-Sforza L. L. *Uralic Genes in Europe* // *AJPA*. 1990. Vol. 1990. P. 57–68. См. Также: Vasilev M. *Greek ideas of the North and the East: Mastering the Black Sea area* // *The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. R. Tzetzchladze. Stuttgart, 1998. P. 19–34.

³⁴ Стратановский Г. А. *Указатель собственных имен, географических названий и этнических групп* // Геродот. *История в девяти книгах* / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. С. 566; Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. *Народы нашей страны в истории Геродота*. Л., 1982. С. 612.

³⁵ Лосев А. Ф. *Мифология греков и римлян*. М., 1996. С. 477.

³⁶ Тезис о северном происхождении культа Аполлона был сформулирован в середине XX в. А. Краппе и поддержан Ю. В. Откупщиковым. См.: Краппе А. Н. *Apollon Kyknos* // *Classical Philology*. 1942. Vol. 37. № 4. P. 353–370; Откупщиков Ю. В. *Apollon (мифолого-этимологический этюд)* // *Античный мир. Проблемы истории и культуры* / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 35–42. О пастушеском «облике» этого бога свидетельствуют многочисленные факты, производящие его многочисленные эпитеты из занятий, связанных с этим видом деятельности

или сопутствующим ему (например, Аполлон *pomeus* (пастух). См.: Wernicke R. *Apollon* // PWRE. Bd. 2. Stuttgart, 1896. Coll. 1–111; Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. М., 2005. С. 398, 416–434. В данной связи представляет существенный интерес определенное совпадение имени и функций Аполлона-номия с именем финно-угорских божеств Нумой, Нуми-Торумом и с божеством догонов номмо, указывающих на наличие контактов, взаимовлияний и заимствований. См.: Е. А. Хелимский. Нум. Нуми-Торум. // Мифы наодов мира. Т. 2. М., 1988. С. 226–227. По наблюдениям О. В. Кулишовой, в античной традиции Аполлон (как чей-либо покровитель или гонитель) связан с полумифическими, по мнению исследовательницы, обрядами Бакида и Абариса, последний из которых, имея отношение к гиперборейцам упоминается Геродотом как древнейший обитатель страны, позднее получившей название Скифии. См.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных международных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 50–51.

³⁷ Фролов Э. Д. Факел Прометея. С. 364. Возможна и иная трактовка взглядов, отложившихся в произведениях Пиндара: «справедливость гипербореев», возможно отражала не столько отвлеченное понятие, заключенное в существительном *dikaíosyne*, сколько вполне определенный взгляд на *eupotia*, который был присущ грекам эпохи становления первичных форм государственности (протополиса). См.: Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 47.

³⁸ Preller L. *Griechische Mythologie*. Bd. I–II. Berlin, 1872–1875; Meyer E. H. *Indogermanische Mythen*. Bd. II. Achilleis. Berlin, 1887; Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992; Откупщиков Ю. В. Аполлон // Античное общество и его культура. СПб., 1996. С. 59.

³⁹ Грейвс Р. Мифы. С. 112.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Weber L. *Apollon* // Rhein. Museum für Philol. 1933. Bd. 82. Hft. 3. S. 185–187.

⁴² Обращает на себя внимание совпадение характеристик Геллаником и Геродотом племени будинов, обитавших на расстоянии 15-дневного пути вверх по Танаису от угла Меотийского озера (Herod., IV, 108–109) как «шишкоедов» (или «вшеедов», как полагают отдельные переводчики). Впрочем, по мнению Э. Д. Фролова и сторонников утопичности представлений о гиперборейцах, в данном случае отчетливо проявляет себя «еще один популярный в античности утопический мотив зависимости нравственного состояния людей, в частности, и от их диеты». См.: Фролов Э. Д. Факел Прометея. С. 365.

⁴³ Примечательно, что священные посохи этих послов имели шляпку в виде сосновых шишек, указывающую, как нам представляется, на их какое-то отношение к культу Диониса пра-дионисийского типа, одним из внешних показателей которого выступало отождествление и посвященность Диониса *sosne* (*helle*), а внутренним содержанием одного из пластов представлений о нем являлось подчиненное положение этого бога богине-Луне Селене/Семеле (*helle/selle*) и его связь с природными циклами, и соответственно, с тремя зооморфными ипостасями (Apollod., II, 3, 1, 2; III, 5, 3; 23; Ovid., Met., III, 70–73). См.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 77; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 429. Из этой соединенности названия спутника Земли и священного дерева (сосны) впол-

не возможно и произошло самоназвание тех исконных эллинов, которые, по Геродоту, проживали в стране будинов в г. Гелоне, в котором они справляли свои празднества-триетериды в честь Диониса (Herodot., IV, 108–109). См.: Писаревский Н. П. Празднество в честь Диониса (к интерпретации Herodot., IV, 108–109). // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 7. Воронеж, 2007. По всей видимости в том же направлении следует интерпретировать свидетельства, согласно которым в Арголиде, Лаконии, Беотии и Аттике в качестве древнейшей богини деревьев (в том числе и сосны) почиталась Елена, имя которой совпадает как с обозначением последней, так и Луны вообще (elle, Helen / Selen). См.: Камад И. Обрядовая сторона культов. С. 34, 86.

⁴⁴ Hammond N. G. L. Epirus. Athens, 1967. P. 365; Хэммонд Н. История Греции. М., 2003. С. 48–49, 51, 69.

⁴⁵ Там же. С. 69–70.

⁴⁶ Waser D. Danaides // PWRE. Bd. 4. Coll. 2087–2091; Arbeitman G., Rendsburg G. Adapa Revised: 30 years later // Archiv Orientali. 1981. Vol. 49. № 2. P. 145–151; Славятинская М. Н. Этнонимы в поэтическом тексте // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 125–127; Клейн Л. С. Гомеровские названия греков и Древний Восток // НАА. 1990. № 1. С. 60–66; Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и Восточное Средиземноморье. М., 1998. С. 162–163.

⁴⁷ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 360. В данном случае обращает на себя внимание практическое тождество Potidan / Patidon (или Poseidan / Poseidon названию р. Потудань, левом притоке Дона в Воронежской области.

⁴⁸ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 128–130; Kelly D. H. Sparta : Some Myths Ancient and Modern // Hellenica. Essays on Greek History and Politics / Ed. By G. H. Horsley. North Ride, 1982. P. 19. Впрочем, часть исследователей традиционно трактует данные свидетельства в общем контексте античной утопической мысли. См.: Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 93–96; Панченко Д. В. Геродот и становление европейской литературной утопии // Проблемы античного источниковедения. Л., 1989. С. 107–116.

⁴⁹ Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1996. С. 469.

⁵⁰ Там же. С. 465.

⁵¹ Мачинский Д. А. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV-середине I тыс. до н. э. // Stratum Plus. 1997. С. 118–147.

⁵² По самым современным данным святилище на месте Дельф уже существовало в XVI в. до н. э. См.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 69, 74.

⁵³ В данной связи особенно ценным наследием традиции о гипербореях являются сохранившиеся в ней представления о том, что наряду с жрецом Аполлона на Делосе, гипербореем по происхождению, слагателем гимнов, Оленом, древним грекам был известен и одноименный город Олен, локализуемый Диодором *tes tote Iados* — в области Греции, которая в его время называлась Ахайей (Diod., V, 81, 4).

⁵⁴ Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 48.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. И. От Скифии до Индии. М., 2005. С. 79; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 113–115; Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М., 2000. С. 189–190; Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 2002. С. 14; Он же. Античная мифология с античными комментариями к ней. Харьков-М., 2005; Массон В. М. Эпоха древнейших великих степных обществ // Археологические вести. 1998. С. 255–260; Трубаев О. Н. Труды по этимологии. Т. 1–2. М., 2005; Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1–2 (ч. 1–2). М., 2005; Pallottino M. Sulla cronologia dell'eta del bronzo finale e dell'eta del ferro in Italia // Studi Etruschi. 1960. Vol. 28. P. 11–47; Idem. Urartu and Etruscy // East and West. Rome. 1958. Vol. 21. P. 453–473; Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitive. Firenze, 1978. P. 22–47; De Francisci P. Primordia civilis. Roma, 1959. P. 165–166;

⁵⁷ Подосинов А. В. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // Древнейшие государства Восточной Европы: мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. Ред. Т. Н. Джаксон, М., 2005. С. 194–195.

⁵⁸ Historia tou Hellenikou Ethnos. T. 1. / Ed. Iakovidis, Karageorgis Sakellariou. Athenes, 1970. P. 58–59; П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 44.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4; Пыслару И. Конь. С. 333; Ма Дэжи, Чжоу Ючжень, Чжан Юньпэн Отчет о раскопках в д. Даньсун, вблизи Аньяна // КГСБ. Т. 9. М., 1955. С. С. 25–90; Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. Гончарова Ю. В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии Stratum Plus. 1999. Вып. 2. С. 163–166; Матвеев Ю. П. Колесничная традиция и абашевская общность // Проблемы гірничної археології. Алчевськ, 2003. С. 102–106; Резепкин А. Д. Проблема колесничного транспорта и его появления на Северном Кавказе. С. 231, 233, 235.

⁶¹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. С. 76.

⁶² Синюк А. Т. Бронзовый век на Среднем Дону. Воронеж, 1995. С. 156–162; Синюк А. Т., Козмирчук И. А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 37–72; Зданович Г. Б. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Он же. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и элладский регион в XVIII–XVI вв. до н. э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 5. Кн. 1. Челябинск, 1996. С. 63–65; Челябинск, 1995. С. 43–53; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б. Аркаим. Челябинск, 1992. С. ; Братченко Н. П. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы 1976.; Рыбалова В. Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. Вып. 16; Березанская С. С. Бронзовый век Украины. Киев, 1986; Шарафутдинова. Киев, 1978. С. 79–81; Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у с. Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.

⁶³ Васильев, Кузнецов, Семенова 1995; Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.; Матвеев Ю. П.; Мерперт Н. Я. // Энеолит Юга СССР и евразийские степи. М., 1982. С. 326.

⁶⁴ Смирнов К. Ф., Е. Е. Кузьмина Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994; Зданович Г. Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б. Синташта, 1992; Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. Впрочем, данная концепция подвергнута сомнению Л. С. Клейном, считающим, что только ямная культура Восточной Европы должна рассматриваться в качестве очага арийского этногенеза (исходным для иранцев и их родичей), а донецкая катакомбная культура и ее носители могут быть идентифицированы только с индо-ариями. См.: Клейн Л. С. Миграция тохаров в свете археологии // *Stratum Plus*. 2000. № 2. С. 180.

⁶⁵ Зданович Д. Г. Синташтинское общество. С. 90–93. В частности, Богоявленский и Утевский псалии декорированы классической ахейской бегущей волной, которая впервые появляется в средне-элладский период (XIX–XVI вв. до н. э.), но особенно ярко представлена в псалиях шахтных гробниц. На Богоявленском экземпляре волна сочетается с вихревой розеткой, также характерной для микенских образцов, а в Утевке — с шахматным узором в композиции с волной, аналогично чему представляют росписи местного мегарона и микенских гробниц. Выявлено и множество других аналогов, проявляющих себя в пяти-восьмилепестковых розетках, распространенных от Центрального Казахстана до Венгрии и Турции. См.: [www. http: // Е. Е. Кузьмина. Откуда пришли индоарии. htm](http://www.http://Е.Е.Кузьмина.Откудапришлииндоарии.htm). С. 16–20

⁶⁶ Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976; Он же. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 197; Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // [www. http: // grigoriev sintashta and greek-arian equality. Html](http://www.http://grigoriev.sintashta.and.greek-arian.equality.html).

⁶⁷ Андреев Ю. В. Островные поселения Эгеиды в III тыс. до н. э. Л., 1989; Он же. Раннегреческий полис. Л., 1976; Он же. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 3–18. Считается, что своего рода связующим звеном между поселениями «Востока» (Южный Урал, Зауралье) и «Запада» (Гла, Криса, Эвтресис в Греции) являются, расположенные в Донецко-Донском междуречье городища Ливенцовка и Каратаевка, представлявшие собой крепости. См.: [www. httpP. Зданович Д. Г. Синташтинское общество. Html](http://www.http://Зданович.Д.Г.Синташтинскоеобщество.html). С. 50.

⁶⁸ Матвеев Ю. П. Колесничная традиция и абашевская общность // Проблемы гірничної археології. Алчевськ, 2003. С. 102–106; Щетенко А. Я. Колесный транспорт ранних ариев по данным Ригведы и археологии. С. 317–319; Резепкин А. Д. Проблема происхождения колесного транспорта и его появления на Северном Кавказе. // Там же. С. 231, 233, 235.

⁶⁹ Генинг В. В. О социальной структуре ямного населения Нижнего Поднепровья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990. С. 44–46; Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. Боевые колесницы и колесничество в обществе катакомбной культуры // СА. 1991. № 4. С. 206–216; Манзура И. В. Владеющие скипетрами // *Stratum Plus*. 2000. Т. 2. С. 26–46; Пустовалов С. Ж. Он же. Курган «Тягунова могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // *Stratum Plus*. 2000. С. 296–321; вопрос о социальной стратификации у носителей катакомбной культуры Северного Причерноморья // Похоронный обряд давнього населення України. Кив, 1991. С. 22–42.

⁷⁰ Deruelley J. De la Preistorie la Atlantidamegalitilor. Bucuresti, 1997. P. 189; Манзура И. В. Археология основного мифа // Stratum Plus. 1997. С. 26–46.

⁷¹

⁷² Григорьев С. А. Указ. Соч. С. 6.

⁷³ Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 67, 70, 99.

⁷⁴ Там же. С. 67–70. Показательно, что новые даты указывают на синхронность носителей абашевской культуры времени вторжения, с одной стороны протогреков-ахейцев в Грецию, а с другой — появление индоариев в Северо-Западной Индии. (ок. 1900–1750 г. до н. э.). А это может указывать на разновекторность экспансии носителей абашевской культурной общности как на Восток, так и на Запад и Юго-Запад. Более того, в том же самом направлении заставляет работать мысль и передатировка микенских гробниц круга А и Б, осуществленная в конце XX века, поднявшая планку определения времени погребений до 1700–1650 гг. до н. э. См. Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1988. С. 86 (гл. 17); ФорП. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 13–14

⁷⁵ Клейн Л. С. Инвазия с севера на Среднеминойский Крит: оценка достоверности гипотезы // Syssitia. Памяти Юрия Владимировича Андреева. СПб., 2000. С. 98–103.

⁷⁶ Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железного века. СПб., 2002. С. 79

⁷⁷ Клейн Л. С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum Plus. 2000. № 2. С. 182. Дальнейшая судьба этих племен была связана с рождением карасукской культуры, перенявшей у своей предшественницы, в частности, традицию постановки стел с изображением одноглазого (точнее, круглоглазого) персонажа с третьим глазом на лбу (Там же).

⁷⁸ Там же. Правда, в более ранних своих анализах Л. С. Клейн исходил из того, что индо-арийский субстрат в Северном Причерноморье восходит к катакомбной культурной общности, разделение которой на западную и восточную ветви знаменовало собой разделение индо-ариев и иранцев. См.: Клейн Л. С. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // НАА. 1987. № 5. С. 82, 94–95.

⁷⁹ Там же. С. 183.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 184–185. В указанном отношении представляют несомненный интерес данные, указывающие на внешние связи дравидийских языков во внеиндийском и индийском периоде их истории. В частности, относительно возможных доисторических их связей с финно-угорскими языками, среди многочисленных гипотез привлекает концепция Т. Барроу, в обоснование которой ее автор выявил 72 этимологических гнезда слов, служивших в этих языках названиями различных частей тела, в связи с чем ученый полагает, что «было бы невозможно установить между любыми двумя языками такое количество детализированных параллелей, не дав оснований считать их родственными друг другу» (Цит. по: Андронов М. С. Дравидийские языки. М., 1965. С. 100). Отмечает исследователь и убедительные совпадения между ними не только в области словаря, но и в области морфологии. В объяснении данного феномена Т. Барроу находит возможным предположение как о заимствованиях и взаимовлияниях между финно-угорским и дравидийскими языками, относящихся к субстратно-суперстратному типу, так и (в том, что

в особенности касается появившихся позднее на территории Индии индо-ариев) воздействию, впитавшего финно-угорские фонемы языка дравидов в качестве субстрата на язык индо-ариев, выступавших в качестве суперстрата. Примечательно, что носители дравидийской общности появились в IV тыс. до н.э. в Индии, уже располагая в своей лексике финно-угорскими заимствованиями (Там же. С. 99–101). Картина распространения финно-угорских языков, на наш взгляд, вполне вписывается в отношения эллинско-гиперборейского языков в Балканской Греции середины III — первой четверти II тыс. до н.э., представляя собой зеркальное отражение такого рода контактов в диаметрально противоположных областях расселения носителей былого греко-арийского единства.

⁸² Матвеев Ю.П. Колесничная традиция. С. 106; Григорьев С.А. Синташта. С. 10.

⁸³ Полагаясь на результаты, полученные В.Л. Цымбурским при изучении проблемы соотношения гомеровского эпоса с легендарной традицией Анатолии, можно предполагать, что в состав переселенцев на Балканы и в Грецию входили, продвинувшиеся приблизительно в конце III тыс. до н.э. праармяне, фракийцы, иллирийцы, македонцы и греки. «Они, указывает он, «принадлежали к той племенной общности, которая продвинулась на Балканы с северо-востока..., нанеся удары по раннебронзовым культурам Восточной Фракии». С такой постановкой вопроса солидаризируются мнения М. Гимбутас и Н. Хэммонда. См.; Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия-диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 291.

⁸⁴ Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 263, 281.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железного века. СПб, 2002. С. 77.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Для определения адреса начала «исхода» данных массивов подвижного скотоводческого населения весьма существенное значение приобретают наблюдения, осуществленные специалистами при исследовании ориентировки погребений древних греков. В археологической литературе до настоящего времени господствует точка зрения о восточной ориентации древнегреческого погребального обряда. В самое последнее время она подвергнута сомнению со стороны А.В. Подосинова, полагающего, что ориентировку нужно устанавливать не по положению головы по отношению к той или иной стороне света, а по ориентации ног. См.: Подосинов А.В. Ориентация. С. 242. Уязвимость взглядов отечественного исследователя иллюстрируется свидетельствами Плутарха, Элиана и Диогена Лаэртского, засвидетельствовавших две системы ориентации погребенных в Древней Греции, соответственно на Восток и Запад (Plut., Sol., X; Aelian., Var. Hist. I; Diog. Laert., I, 48). В частности, это следует из рассказа Плутарха о споре афинян и мегарян за Саламин, разрешенный Солоном за счет раскопок погребений и доказательства тождества ориентировки погребенных афинскому обычаю, тогда как у мегарцев в погребальном обряде господствовала западная ориентировка. Со времени К.О. Мюллера, одни исследователи видят в указанных сообщениях отражение двух традиций: ионийской и дорийской (Muller K. O. Die Dorier. Breslau, 1824. S. Bd. I. S. 288; Bd. II. S. 398), тогда как другие, подобно И. фон Мюллеру полагают, что афиняне

хоронили своих покойников ногами на северо-восток (или восток). См.: Muller Y. von. *Op. cit.* S. 149. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой ни восточная, ни западная ориентировка (при фактической идентичности последней по причине разной терминологии) не является единственно возможной. См.: Kotting B. Grab // *Reallexikon für Antike und Christentum*. Stuttgart, 1983. Bd. 12. S. 376–377. О разнообразии погребальных традиций в Греции эпохи бронзы свидетельствует сопоставление обрядов в Микенах и Амиклах (совр. Вафио): в Микенах 2 тела лежали ногами на юг, более 11 — на север, тогда как в Амиклах 1 ногами на восток, при ориентации остальных на юг и на запад. См.: Atkinson T. D. *Points of the Compass* // *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. Edinburgh-N. Y., 1987. P. 79–80; Wiesner J. Grab und Jenseits: Untersuchungen im Agaischen Raum zur Bronzezeit und frühen Eisenzeit // *Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten*. Berlin-N. Y., 1938. Bd. 26. S. 56, 80, 91, 110, 116, 167.

⁸⁹ Там же. С. 79. Такой взгляд соответствует представлениям, согласно которым, с одной стороны, переименование дорийцев, ионийцев и ксуфийцев (ахейцев) в эллинов произошло в 1521 г. до н. э., когда Эллин принял отцовское царство, а с другой — существовавшему в общественном сознании древней Эллады и нашедшему отражение в схолиях к «Илиаде», одах Пиндара, в трудах Фукидида и Аристотеля убеждению, согласно которому первоначальной (исконной) Элладой называлась область в Эпире между Додоной и Ахелоем (*ge arhaotate* (Schol. Ad Il., XXI, 194); *Hellas... oud estin outo barbaros oute palinglossos polis* (Pind., *Isthm.*, I, 14); *peri ton Hellenikon malista topon kai touton peri ten Hellada archaia* (Arist., *Meteor.*, I, 14; *Homerus Hellenas oudamou tous kzym pantas onomasen oud' allous e tous met' Ahilleos ek tes Phtiotidos, oiper kai protoi Hellenes ge san* (Thuc., I, 3). Обращает на себя внимание также информация Фукидида о совместном проживании пришельцев и автохтонов, выразившаяся в двуязычии жителей поселений (*diglosson*), раскрываемое, на наш взгляд, по своему значению через определение *palinglosson* у Пиндара (Pind., *Isthm.*, I, 14).

⁹⁰ Иванов Вяч. Вс. *Конь* // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1988. С. 666.

⁹¹ Там же. Веллас Г. Я., Писаревский Н. П. Скотоводы Восточно-европейской степи и лесостепи, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 2001. С. 54.

⁹² Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. Финно-угорская мифология // *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 1988. С. 563–564, 567. Небезынтересно и то, что в определении родословной Аристея Диодор перечисляет три имени, которым его наделили нимфы в Египте: Номий, Аристей и Агрей (Diod., IV, 82, 6).

⁹³ Мачинский Д. А. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV-середина I тыс. до н. э. // *Stratum Plus*. 1997. Вып. 1. С. 108–147.

⁹⁴ Там же. С. 119.

⁹⁵ Там же. С. 120.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 121.

⁹⁹ Большов С. В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). Йошкар-Ола, 2006. С. 65–80, 127–143.

¹⁰⁰ Мачинский Д. А. Сакральные центры Скифии. С. 122–128.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ На возможность такой интерпретации показаний источников еще в 50-х гг. XX века обратил внимание П. де Франчиши. См.: De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959. P. 484–486; По мнению И. Л. Маяк, в них законсервировалось представление, согласно которому все италики — пришельцы с севера (из Дунайского региона) и потому все они есть *aborigines / boreigonoí*. См.: Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1984. С. 84. В настоящее время выявляется и другая возможность интерпретации причин и времени его возникновения, которая связана с выявлением специалистами бытования множественности «скифских» образов и сюжетов в казалось бы далёкой от Скифии Италии, в частности в Таренте. Как полагают Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, их наличие не должно удивлять: в Южной Италии была хорошо известна традиция о заскифских областях и расположенной за ними «страны гипербореев». В признании данной реалии авторы исходят из того, что соответствующее знание могло распространиться на Аппенинах в результате колонизации греками Южной Италии и Сицилии, т. е., если исходить из общепринятых дат последней, в VIII–VI вв. до н. э. См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб., 2001. С. 84. Изучение мифов греков, однако показывает, что представления ранних римлян о гипербореях, также как и греческие (и добавим, также как и индоиранские) восходили к общему, периода греко-арийского единства в степи и лесостепи Восточной Европы, источнику. По всей видимости, отсюда носители его эллино-фрако-фригийской ветви могли занести их сначала в Северную Грецию, а затем и в Южную Италию, в пользу чего свидетельствует миф о переселении Энотра, которого, по всей видимости следует олицетворять в качестве мифологической персонификации расселения в ней племён аборигенов (*boreigones*).

Глава VII

ЭТНО-СОЦИОГЕОГРАФИЯ СТРАНЫ БУДИНОВ В ЗЕРКАЛЕ СКИФСКОГО РАССКАЗА

Одно из самых последних, феноменальных по своей сути, открытий скифской археологии, относящихся, на наш взгляд, к числу радикально меняющих существующие представления относительно этнической карты Скифии Геродота, в особенности, ее северо-восточной окраины, является установление А. П. Медведевым тождества погребальных комплексов и обряда у носителей соседних скифоидных культур в бассейнах Северского Донца и Среднего Дона.¹

Принципиальная его важность, помимо всего остального, заключается, на наш взгляд, в нескольких аспектах:

- 1) оно доказывает культурное родство обитавших в этом районе племен;
- 2) оно выводит на несколько отличное понимание этнической карты междуречья Северского Донца и Среднего Дона;
- 3) оно представляет возможность иного понимания смысла, вложенного «отцом истории» в его характеристику населения северо-восточного угла скифского хинтерланда.

В доказательство названного тезиса необходимо возвратиться к сложившимся к настоящему времени представлениям по вопросам этногеографии Скифии. Литература относительно последних поистине огромна: если опираться только на публикации результатов раскопок, статьи и обобщающего порядка исследования второй половины 90-х гг XX-го и начала XXI-го века, то можно прийти к заключению о том, что она, по отношению к предшествующему периоду, по меньшей мере, удвоилась.²

Однако, относительно локализации скифских и нескифских племен в ней к настоящему времени, за некоторым исключением, присутствует, ярко представленный в соответствующих публикациях, значительный (до диаметральной противоположности) разброс мнений относительно географии и этнографии Скифии, объяснение которому надо усматривать как в научных приоритетах конкретных ученых, разрабатывающих данную проблему, так и в основанных на них трактовках, интерпретации и самом понимании свидетельств Геродота и соотносимых с ними данных археологических источников.³ В результате, к настоящему времени наука не располагает не только единой, но и общепринятой концепцией построения этногеографической карты Скифии, включая сюда и локализацию племен, населявших в VI–IV вв. до н. э (по новейшим датировкам VIII–IV вв. до н. э.)⁴ междуречье Северского Донца и Среднего Дона и примыкающие к нему районы Лесостепи.

Собственно, этим и продиктована настоятельная необходимость поиска такого подхода, на основании которого, с одной стороны, удалось бы надежно «привязать» друг к другу данные Скифского логоса и археологические памятники степной и лесостепной Скифии (в широком понимании данного понятия). Выполнение такой глобальной задачи одному исследователю не под силу. Поэтому, как нам представляется, потребуется еще немало времени и сил для того, чтобы основательно разработать и аргументировать целостную концепцию скифской этно-и социогеографии. Понятно и другое: в рамках данной проблемы ее появлению должны предшествовать исследования отдельных проблем и микрорайонов с целью выявления и подбора материальных проявлений этничности населения, занимавшего в скифское время ту или иную территорию степи или лесостепи, с последующим наложением полученных результатов на свидетельства и Геродота, и античной традиции в целом.

При этом, в качестве первоочередной задачи, как нам представляется, необходимо сформулировать потребность в сведении воедино всей совокупности свидетельств античных авторов о конкретных племенах-соседах скифов в степи и лесостепи в единый, локально-тематический свод с качественным анализом каждого показания источников, подвергнутого системному анализу-синтезу с привлечением познавательных возможностей этимологического метода и данных лингвистики. Но самое главное, для того, чтобы такую работу проделать, необходимо определиться в методологии исследования, с помощью которой только и станет возможным вскрытие тех пластов информации, которые ранее были неизвестны или не привлекали внимания специалистов.

В науке настоящего времени предложения по данному вопросу есть, но все они, так или иначе, «завязаны» на вскрытии информации источников, преимущественно, в пределах историко-археологического контекста, который при всех своих феноменальных возможностях, тем не менее, как показывают имеющиеся результаты, хоть и является весьма плодотворным, но выступает слишком узким для решения сформулированной выше задачи.⁵

В такой ситуации необходимы совершенно иные «стартовые» критерии. Одним из них, по нашему мнению, должен стать достаточно подзабытый современным поколением археологов и специалистов по истории античности, но хорошо в свое время зарекомендовавший себя, доказавший свою полезность в историко-этнографических исследованиях, историко-социологический подход к интерпретации памятников материальной культуры, естественно, скореллированный с достижениями современной структурной-антропологии и взглядами сторонников школы альтернативных подходов к реконструкции социальных и политических систем первобытного общества как у нас в стране, так и за рубежом. В первую очередь, мы имеем ввиду концепцию «вождества», разработанную

Сервисом-Скалником, а у нас в стране развитую Н.Н. Крадиным и его единомышленниками.⁶

Но есть отдельные аспекты, которые в специальной литературе или не затрагивались вообще, или принимались во внимание в самой незначительной степени. Это касается прежде всего осмысления систем пространственного, территориально-этнического и социального расселения и разделений обществ ранних скотоводческих сложных вожеств (или кочевнических государств). Все, что имеется в существующих публикациях на этот счет, имеет тенденцию «наложения» археологических фактов на результаты разработок структурных антропологов или этно-историков, а потому, поскольку реконструкции производятся вне учета моделей и закономерностей социально-политического развития древних обществ Средиземноморья и примыкающих к нему областей (к тому же представленных в трудах античных авторов, в частности, в «Политике» Аристотеля), весьма далеко от тех реальных процессов, которые как раз и характеризовали становление и развитие обществ и «политий» указанного типа во временном измерении. Впрочем, единственным исключением в указанном отношении, на наш взгляд, является опубликованное не так давно монографическое исследование Т.В. Блаватской, посвященное эллинской государственности XII–VII вв. до н.э. и в котором намечены и подвергнуты анализу все основные компоненты социо-и политогенеза племен Балканского полуострова во времена т.н. «темных веков» и ранней архаики греческой истории.⁷

Публикация труда маститого и уважаемого отечественного антиковеда, имея в виду точку зрения о северо-восточном происхождении и скотоводческом прошлом далеких предков эллинов, ставит не только четкие цели и задачи в исследовании обществ ранних скотоводов степи и лесостепи Евразии, но и содержит конкретные предложения относительно основных направлений и их перспектив, заставляет более внимательно относиться к существующим на этот счет к настоящему времени концепциям.

Нам уже приходилось высказываться по вопросу трактовки в современной историографии структур вожества, возможности существования у племен ранних скотоводов степи и лесостепи Евразии эпохи бронзы некоего подобия архаической государственности и самой перспективности самого такого подхода, оставляющего без внимания экономические, политические, социальные, культурные, духовные и иные закономерности общественного развития, предающего забвению законы его диалектики и неравномерности, включая системный подход и комплексные методы вскрытия исторической информации в разнотипных источниках.⁸

С точки зрения предмета данной главы этот аспект не требует своего детального рассмотрения, однако перечисленные принципы, на наш взгляд, как раз и доказывают свою плодотворность в плане рассмотрения

системности тернарных и тетрарных социо-этнических структур скотоводческих племен указанного периода.⁹

Действительно, главная черта ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии, если оторваться от частных, заключалась в единстве основных компонентов материальной и духовной культуры их основных представителей в эпоху ранней и средней бронзы-носителей т. н. самых «великих культурных общностей», т. е. то же, что и характеризовало общность культуры эллинского мира до XIII в. до н. э.¹⁰ Другими проявлениями сходства социоисторической и этногенетической картины экономического, политического, социального и военного развития между ними, на наш взгляд, были: 1) длительные и напряженные отношения победителей и побежденных во времена миграций; 2) широтное распространение скотоводческих культурных общностей в направлении запад-восток и восток-запад с заключительной (и неизменной) дирекцией на юг; 3) долгое сохранение общности в погребальном обряде и закодированных в нем представлений; 4) кланово-племенной характер великих культурных общностей степи и лесостепи Евразии эпохи бронзы; 5) синойкизм как непереносимое условие (и определяющая закономерность) форм политогенеза, формирования кланово-племенных общностей и различного типа «политий» (вожеств); 6) тенденция к удвоению бинарных биосоциальных и политических систем; 7) господство клановой общины, союза мужей (глав кланов) и вооруженного демоса (глав большесемейных патриархальных общин); 8) моно — или полиморфизм политического устройства, в котором причудливо сочетались автономия и автаркия отдельных социумов как политических единиц; 9) господствующий тип патриархальной власти- военно-биологическая гегемония (*tes kata polemon hegemonies kai ton physion* (Arist., Pol., III, 9, 7 (1285b8); 10) близость отдельных религиозных верований и постоянство сохранения религиозных контактов с населением областей прародины и соседей.

Иными словами, перечисленные черты представляют собой не что иное, как усредненную теоретическую модель социо-и политогенеза, основу закономерности развертывания (и свертывания) которой составляет цикл, основными этапами которого являются — вождество — миграция — синойкизм — изменение и усложнение структуры хозяйства и общества (вплоть до изменения господствующего ХКТ) — развитие урбанизма — образование союза племен (сложного вождества, полиса или иных форм ранней государственности). Ее важнейший результат, возможно, как раз и выражался в складывании таких кланово-племенных великих степных общностей степи и лесостепи Евразии, главной особенностью которых и выступала, засвидетельствованная основополагающими письменными памятниками представителей и.е. общности и свидетельствами отдельных авторов от Индии до Италии, сочетаемость тетрарности пространственно-этнического расселения и тернарности (естественно, условной) профессиональной и этно-социальной структуры как внутри отдельного племени, так и в рамках союза племен.¹¹

Но самое существенное, причем, неразрывно связанное с указанной моделью (и вытекающее из нее) заключается в том, что именно она, отражая естественно-географические, экологические социально-экономические, демографические, политические реалии (и общественные потребности), а главное, основываясь на учете степени и уровня разделения труда в общественном производстве, позволяет гипотетически наметить выделение не менее трех типов пространственно-этнических и территориально-социальных разделений, имевших место в обществах ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии во II—I тыс. до н. э.: 1) социально-профессиональный тип (исходящий из потребностей производства, обмена и войны); 2) этно-социо-территориальный; 3) административно-этно-территориальный.

Такой подход, как мы полагаем, чрезвычайно увеличивает возможности исторической реконструкции как понимания этнической карты Скифии вообще, так и населения ее отдельных областей, в том числе и племен северо-восточной окраины ее лесостепной и лесной периферии. К этому следует добавить, что реконструкционно-интерпретационные возможности еще более возрастут, если в решении проблемы исходить из того, что скифы Геродота *представляли такое объединение различных, но этнически родственных, скотоводческих племен, находившихся на разных уровнях социально-экономического развития, стержневым и консолидирующим элементом которого выступала, состоявшая из объединения аристократических кланов, орда-племя, узурпировавшая право на распределение и присвоение как естественно необходимого, так и избыточного продукта, производимого скотоводческими и земледельческими сообществами племен внутренних областей степной Скифии и ее лесостепных периферийных соседей (perioikoi), а также античными городами Северного Причерноморья, временами находившимися под ее протекторатом.*¹²

Такой характер обустройства геродотовой Скифии (ее этно-территориальное разделение на 4 части при трехчастной внутренней иерархической этно-социальной системе) достаточно давно лег в основу представления, согласно которому кочевая орда или племя, господствующие над другими родственными, зависимыми от них племенами, выступает в двух качествах: в качестве организующего, обладающего своей собственной военно-пирамидальной структурой, ядра этого, возглавляемого ими союза, и одновременно, выполнявших функции «несущей» конструкции разного типа такого рода социально-политических систем, государственности или альтернативных ей форм, складывающихся, как правило, при сравнительно неразвитой сословно-классовой структуре общества и форм эксплуатации зависимого населения, основная тяжесть которых в виде данничества распространяется во вне, прежде всего на ближних и дальних соседей.¹³

Больше того, по мнению нomaдологов, приоритет кочевой орды-племени, является не только непременным условием единства и управляемости

потестарно-политических (или государственных) образований такого типа, но и вообще является отличительным ее признаком, учет которого помогает определить основные направления социально-политического развития обществ кочевников, его тенденций направлений и факторов.

Поэтому, прежде чем обращаться к этногеографии скифоидного, населения Лесостепи, необходимо в первую очередь разобраться в основах и принципах, в этногенезе и самом порядке пространственного распределения собственно скифских племен, поскольку надежная информация именно по этому вопросу как раз и содержится в свидетельствах античной традиции.¹⁴

Помимо Геродота, особый интерес в ней представляют версии скифского этногенеза, представленные в трудах Диодора и Плиния. Согласно первому из них, «сначала они (скифы- Н. П.) жили в незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности... они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережье Океана и Меотийского озера и прочие области *до реки Танаиса*. Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который ...назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью, один из них назывался Пал, а другой Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назывались народы, один палами, другой — напами. Спустя несколько времени... они подчинили себе страну *за рекой Танаисом до Фракии* и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила» (II, 43, 2–4). Согласно второму, скифские народы жили за рекой Яксартом (саки, массагеты, даги, аримаспы, эвхоты, котиоры (Plin., VI, 50). Именно здесь, как указывает римский автор, *напеи были уничтожены палеями* (Там же). В район Танаиса и Меотиды, по его данным, вторглись скифские племена *авхетов, атернеев и асампатов, которые поголовно истребили танаитов и инапеев* (Plin., VI, 22). Местом обитания авхетов автор «Естественной истории» называет пространство от Тафр по направлению внутрь материка, где берет начало Гипанис (VI, 88). Сразу же за ними он размещает неуров (в области которых берет начало Борисфен), гелонов, фиссагетов и будинов.

Указанные свидетельства уже становились предметом внимания со стороны А. М. Хазанова, для которого они выступали показателем достаточно ранней, вполне достоверной и взаимодополняемой информации, подтверждающей исходные рубежи, направления, последовательность и хронологию продвижения скифов в Северное Причерноморье.¹⁵ Ученый допускал и возможность привлечения свидетельств этих источников к исследованию их этногенетической истории.¹⁶

Однако в процессе исследований такого порядка никто из специалистов, за исключением В. И. Петрова, а в последнее время и О. Н. Трубачева, так

и не обратил своего внимания на этимологию этнонимов *Palai* и *Napai*.¹⁷ Между тем, как свидетельствуют результаты осмысления последних с точки зрения общеиндоевропейской идентичности, она открывает дополнительные возможности, и в первую очередь, в плане отождествления между собой названий отдельных скифских племен в данных Геродота, Диодора и Плиния.

Как известно по Геродоту, этносоциальное и территориальное разделение Скифии представляло собой сочетание этносов со специализированными видами деятельности на закрепленной за ними территории (Herod., IV, 5–6; 17–18; 46). Этот принцип «отец истории» воспроизвел в трех «измерениях» одновременно: собственно, в двух скифских и одном греческом. Согласно первому из них, все скифские племена, ведущие свою родословную от первоцарей — Липоксая, Арпоксая и младшего Колакся, завоевавшего право быть старшим — являются «царскими», причем каждое из них носит свое собственное название: от Липоксая-авхаты, от Арпоксая-катиары и траспии, от Колакся-паралаты (IV, 6). Переход верховной власти к Колакся, насколько можно понять Геродота, знаменовал собой возвышение возглавляемого узурпатором племени над другими, после оседания в Северном Причерноморье и, естественно, как можно предполагать, имел своим следствием «сужение размеров» самого понятия «царские скифы», сохранивших прежнюю систему деления на 3 gens (по Плинию — авхатов, атернеев и эсампатов, противопоставленных танаитам и инапеям, которых первые к тому же и уничтожили (Plin., VI, 22)). Что касается второго принципа, то он достаточно хорошо известен и даже благодаря В. И. Абаяеву существенно уточнен: мы имеем в виду расчленение Геродотом скифской этногеографии на 4 части после ухода на Восток отколовшихся от основного ядра скифов-апостантов — на пахарей, земледельцев, царских и кочевников (авхатов, паралатов, катиаров и траспиев). А. М. Хазанов уже обращал внимание на совпадение свидетельств всех трех античных авторов. Изучение этимологии, присутствующих в их трудах терминов и понятий, позволяет уяснить, в чем же по своему существу это совпадение имело место и почему.

В указанном отношении весьма показателен этноним *Pala*, засвидетельствованный Диодором и несущий в себе общеиндоевропейские корни. Исследования предпринятые в его отношении позволили установить, что он находит ближайшие аналогии в понятиях и терминологии санскрита и древнегреческого языка. В частности, *Pala*, восходящее к основе *pa-l* отложилось в терминах, присутствующих в тексте Ригведы (RV IV 68) — *skr. Pala, pala-ka* в значении «воин, колесничий».¹⁸ С древнегреческим его сближает форма *pel/ple=pol/plo*, в котором, помимо значений «черный» и «плыть», оно легло в основу понятий «город/государство» (*pol-i-s=ptollis*), реализовавшись в том числе и в значении *pella* (земля/небо).¹⁹ В форме *pale-s*, как понятие, тождественное имени древнейшей римской

богини-покровительницы скотоводства и пастухов (Pales/Palilia), проявившись и в названии связанного с ней праздника (Palilia/Parilia), оно так же легло в основу имени древнего сабинского города Palatium и названия царского дворца на нем-Palatinus (Serv., 1: Pales dea est pabuli; Verg., Georg., 3, 1).²⁰ Иная трактовка предложена О. Н. Трубачевым. Как полагает ученый, прилагательное Paloi/Palaioi явно калькировало какое-то местное определение со значением «старый, древний».²¹

Аналогичным образом дело обстоит и с этимологией этнонима Нара, в котором помимо производных от skr. parat, parṭa (например, «двоюродный брат») значений, отложилось, находящее соответствия в греческом и латинском языках понятие «сын, дочь» (nepos/parṭi; греч. nepios/nepti, anefios. См. РВ IV 35).²² Близкую точку зрения высказал по данному поводу и О. Н. Трубачев, по мнению которого этноним Narai этимологически родственен индоиранским обозначениям отпрыска, сына, внука (др.-инд., авест.-parat=др.-перс. nava, navada).²³ Что касается общеиндоевропейских корней термина Нара, то в указанном отношении специалистами достаточно давно установлено его соответствие религиозным представлениям носителей данной общности, в которых он связан с темой водного царства и с мифом о божестве *Nep (o)t (букв. «племянник», уравниваемый с «сыном»), варианты которого представлены в засвидетельствовавших троичную структуру разделения мира мифологии древних индийцев (Aram Napat), иранцев (Aram Napat), греков (Poti-d (h)on/Poseidon) и римлян (Neptunus), в своих версиях сходящихся на «измерении» сущности последнего как владыки третьего, водного мира.²⁴ Небезынтересно, что тот же Плиний сохранил упоминание о сарматах-спалеях, обитавших в районе Танаиса, что в сопоставлении с свидетельствами Птолемея о бодинах, модоках (амадоках?) и сарматах-гиппофагах, гелонах, гиппоподах и меланхленах, проживавших выше поворота этой реки (Ptol., Geogr., III, 5, 21, 24; VIII, 34) и локализациями гор Амадока, Водин (Будин?) и Алан (Гелон?) на широте 55*-62* сш и 51*-55* вд позволяет, опираясь на археологические реалии, рассматривать пространственное положение земель, занимаемых перечисленными племенами, между верховьями Днепра и Средним Доном, в промежутке между которыми протекает р. Нара, с названием которой соприкасается корневая основа этнонима neugoi.²⁵

Сопоставление информации, выявленной из этимологии этнонимов Pala-Нара показывает на их связь со знаковыми представлениями о социально-профессиональном разделении бинарной системы скифских племен, вторгшихся в Северное Причерноморье, в общественном сознании которых была устойчивой идея о тернарности окружающего их мира, вообще, как показал Ж. Дюмезиль, свойственная индоевропейцам.²⁶ Ретроспективный подход, опирающийся на социально-пространственное разделение Позднего царства скифов во II в. до н. э. и основывающийся на факте наличия четырех «столиц» (Неаполь-главный город, Палакий,

Напеи и Хабеи — резиденции глав скифских «областей») наводит на мысль о возможности ее развертывания в четырехчастную модель по мере утверждения на новых землях, если конечно такая система не была представлена на микроуровне или если ее удвоение не носило циклического характера. Однако и в том и в другом случае напрашивается вывод, согласно которому социально-пространственное разделение и собственно скифов, и их далеких предшественников, и их соседей в Лесостепи соответствовало (и строилось, как свидетельствует этимология)) *по хозяйственно-профессионально-родовому принципу*. Свидетельства такого порядка были свойственны эллинам, римлянам и многим другим народам эпохи древности, в социальной практике которых имел место синойкизм и включение в свою систему неродственных в родовом смысле кланов (Ион, Солон, Ромул). Последнее, как нам представляется, объясняет, почему культурные общности эпохи бронзы и скифского времени, соответствуя общераспространенным «мировым» тенденциям, представляли собой *кланово-племенные общности*, основу которых составляла клановая община, основными подразделениями которой выступали Совет глав кланов и геронтов, Союз мужей и Собрание глав большесемейных патриархальных общин и вооруженного демоса. При этом конкретные формы и содержание институтов политической системы вождеств такого типа определялось, с одной стороны, господствующим типом политогенеза и формами определяемой им власти, а с другой — степенью подвижности и рентабельности форм скотоводческого хозяйства, способность последнего к воспроизводству избыточного продукта и населения. Но при всех наличествующих различиях объединяющим признаком их являлись *однородность культуры населения, автаркия и автономия*, существовавшие одинаково и в условиях мономорфизма, и полиморфизма. Еще одним качеством политической системы в такого рода социально-политических образованиях, как показал Аристотель, является господствующий тип Власти — *гегемония* (*tes kata polemon hegemonias kai ton Thysion* (Arist., Pol., III, 9, 7. 1285b)). Можно предположить, что подобно тому, как скифы в своих миграциях следовали по путям, уже проторенным их предшественниками эпохи бронзы, они в своей социально-политической организации, во всяком случае в VII–VI вв. до н. э., точно также придерживались хорошо апробированных в прошлом принципов.

Понятно, что появление скифов в Северном Причерноморье и их натиск на Лесостепь в значительной степени способствовали закреплению названных традиций «политического строительства» и у племенных вождеств Лесостепи, в том числе у меланхленов, невров, будинов и населения города Гелона. В пользу такого заключения свидетельствуют понятия, которыми Геродот оперирует в описании социально-политического устройства «своей» Скифии. Среди них 9 раз в значении «близкие родственники» упоминаются *oikeios, oikeioi* (III, 33, 65, 119; IV, 65, 104; V, 5, 41; VII, 39). «Друзья по мужскому союзу» несколько раз определяются им как *goi filoi*,

а большесемейно-патриархальная община (*goi aghotato prosekontes / oi prosekontes pantes* (IV, 26) отмечена «отцом истории» в связи с массагетами, которые по одной из версий вытеснили самих скифов с занимаемой ими прежде территории.²⁷ Если представленные суждения верны, то процесс образования и развития вождеств скотоводов эпохи бронзы и скифского времени в Лесостепи, с учетом основополагающей роли и значения «сселений»-синойкизмов можно представить в виде схемы: *вождество-миграция-синойкизм-сложное вождество (государственность)*.

При этом периодичность и повторяемость в циклах, свойственных социально-политическим системам такого типа как на макро-, так и на микроуровне, была (при стабильности естественно-географических и политических условий) обеспечена прочностью самого родо-племенного строя. Во всяком случае традиция, начиная с Гекатея предпочитает определять такого рода образования по имени господствующего клана или племени (например, амадоки и город Амадока его периегесы: см.: *Hellanic., Fr. 170: St. Byz. s. v. amadaka*), а также области, гор, города и одноименного озера Птолемея (III, 5, 5, 6, 10.14), надо думать, что четырехчастная (тетрарная) система Скифии Геродота есть модель аналогичных социально-политических образований, в том числе и того союза племен (вождества), олицетворением которого выступало население междуречья Верховьев Днепра, Северского Донца и Среднего Дона.

Что будины — этнос, для Геродота было ясным с самого начала изложения им событий скифской истории. На это в первую очередь указывает использование в их характеристике термина *ethnos* (*Herodot., IV, 109*). Несколько сложнее дело обстоит с определением статуса жителей города Гелона, которых «отец истории», насколько можно судить по словоупотреблению в его наррации, определяет и как социум, и как городскую общину, местом базирования которой является, как свидетельствует одно из значений слова *roleis*, «главный город» в стране будинов (*Herodot., IV, 108*). Из 5 упоминаний о последних античный историк 2 раза упоминает наличие у них царей, 1 раз намекает на их принадлежность к «исконным (т.е. первоначальным или самым первым) эллинам» и 2 раза отмечает роль, которую они сыграли в скифо-персидской войне. Относительно трактовки этимологии понятий «будины» и «гелоны» в специальной литературе к настоящему времени, хотя и не сложилось единого мнения в отношении сути заключенных в них смыслов, тем не менее, можно констатировать совпадение оценок, согласно которым и то и другое носят искусственный характер. В первую очередь, такой подход можно наблюдать в отношении этнонима будины, который, опираясь на свидетельство Стефана Византийского (*Steph. Byz., s. v. boudinoi*), Б.Н. Граков, занимавшийся локализацией племен Лесостепи скифского времени, рассматривал, во-первых как чуждый греческому языку, а во-вторых, как сложно составной из существительного *bous* (бык) и глагола *dineo* («кочевать, кружиться на телегах».²⁸

Небезынтересны и попытки, имевшие место в науке относительно интерпретации этнонима гелоны, которых только один автор — Псевдо-Аристотель предпочитал считать скифами (Ps.-Arist., *De Auscult. Mirab.*, 832b 30; Ср. Plin., *Nat. Hist.*, VIII, 221; Ael., *De hat. An.* XV, 26). Само происхождение слова и его греческая основа, казалось бы не вызывают сомнений: в переводе с древнегреческого *to gelos* означает «болото».²⁹ В частности, В.И. Абаевым было обращено внимание на возможность отображения в финно-угорских языках и.-е. слов *gaele («куница, бобр, выдра», т.е. той разновидности млекопитающих животных, на которых, согласно Геродоту, охотились будины и слова *lake («яма»), которое легло в основу этнического наименования спартанцев — *lakedemonioi*.³⁰ Специальное исследование, предпринятое автором данной статьи привело его, на основании сопоставления родословных мифологических персонажей Эллина и Гелона, имена которых восходят к разным корневым основам, к установлению факта происхождения соответствующего этнонима и названия города Гелон из круга представлений о Гелиосе и его потомках, сказания о которых восходили к древнейшим представлениям носителей индоевропейской общности, а впоследствии, как воспоминание о противоборстве представителей «лунной» и «солнечной династий, соответствующим образом отложились в мифологии иранцев и древних греков.³¹

Достаточно весомым подтверждением высказываемой точки зрения, на наш взгляд, служит возможность интерпретации этнонима гелонов и личного имени Гелон на основе этимологии, предложенной совсем по другому поводу О.Н. Трубачевым. По мнению исследователя, общеиндоевропейская, отраженная во многих европейских древняя изоглосса, обозначавшая понятие «золото», прозрачная до деталей, восходит к и.-е. диал. *ghele-en-*io*.³² К этому следует добавить, что среди наблюдений, осуществленных специалистами в ходе исследования Пилосских табличек, было и то, которое имеет прямое отношение и к нашей теме: относительно болотистой местности в устье р. Ахелой, низменностей равнины Алфея и Мессении в табличках из дворца Нестора (равно как и в «Каталоге кораблей» Илиады) присутствует один и тот же термин — *gelos*.³³

В отношении меланхленов теперь уже ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, установленное впервые В.И. Абаевым, тождество греческого *melanhlenoi* (Hecat., *Per.*, Fr. 185; Herodot., IV, 20, 107) скифскому (иранскому) этнониму *saudaratai* со значением «черноризцы» по В.В. Латышеву.³⁴ Единственное, что пока не нашло объяснения заключается в невозможности найти ответ на вопрос: а какой из них, греческий или иранский, был первоначальным. Вопрос этот — отнюдь не праздный. Хорошо известно, что эллины установили свои связи с населением Лесостепи несколько раньше прихода скифов в Северное Причерноморье.³⁵ Несмотря на это и достигнутое его понимание в науке к настоящему времени позволяет определить степень скифоидности его носителей, главным образом за счет памятников скифского времени в бассейне Северского Донца.³⁶

Относительно этнонима невры (*neuroi / nauroi, neuritai / neurotai, neuri / neurae* (Herodot., IV, 17; Scymn., Per. 104; Mel. PomP. II, 17, 14; Plin., Nat. Hist., IV, 88)) дело обстоит несколько сложнее, причем, не только в плане этимологии, но и с точки зрения этнической атрибуции, локализации его носителей, равно как и привязки к конкретной лесостепной культуре скифского времени.³⁷ В указанной ситуации чрезвычайно возрастает значение смысла и содержания самого понятия, легшего, как следует думать, в основу данного этнонима. Что это могло иметь место, указывает П. Шантрэн, усматривающий в греч. *peris / perion* отображение собирательного, сакрального имени племени сабинов.³⁸ По мнению К. Ваничека, и других, более современных, этимологов слово *neuroi* восходит к индо-европейской основе *paга* — *per / por* (лат. *ferula*) и в первом случае выступает синонимом существительного «люди-мужи», а во втором, как показали исследования Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, имеет отношение к индоевропейской мифологии, и в частности, к фигуре матери-земли и воплощенному в ней плодотворящему началу вообще.³⁹ Более того и.-е. корень *Ner / Nor*, по мнению последних, во всяком случае, в древнеиндийской, тохарской и греческой мифологии, являлся основой обозначения нижнего мира и его плодоносящих свойств, а также в форме *пагака* олицетворял собой представление о подземном царстве и входе на небо, о воде и ее обитателях (например, др. инд. *pagas*, др. греч. *perites* (в последнем случае см. Arist., Hist. Anim., 530a)).⁴⁰ В указанном отношении, надо думать, весьма примечательна, проявившая себя в обряде ликантропии и отложившаяся в этнониме невров, связь данной корневой основы с другим мифологическим символом нижнего мира индоевропейцев — с волком, открывающая определенные возможности для понимания, с одной стороны, «причину» переселения невров в землю будинов, а с другой — трактовки их обращения раз в несколько лет в волков, упоминания о чем содержатся в скифском рассказе «отца истории» (Herod., IV, 17; 107).⁴¹

Эта последняя сторона понимания содержания этнонима невров достаточно хорошо разработана в трудах М. Элиаде, Вяч. Вс. Иванова и А. И. Иванчика.⁴² Все они в согласии друг с другом отмечают центральное место волка в мифологических представлениях многих народов и его связь с этнонимией огромного множества народов эпохи древности.⁴³

Наиболее ярко, по их мнению, она была выражена в представлениях о родоначальниках племени и в культе бога войны (и боевых дружин). В первом случае это проявлялось в т. н. получении тем или иным этносом имени от бога или мифологического предка, персонифицируемого с волком. Во втором — в представлении об олицетворяемом им тотеме, объясняющем возникновения названия племени от группы людей, составлявших воинское братство (мужской союз, *sovigia*), в практике существования которого ритуальное подражание волку и соответствующие ритуалы через т. н. ликантропию имели своей целью сплочение такого содружества на идеологической

основе кровного родства с этим хищником и связью с первопредками. Специфическим проявлением такого рода представлений, не изменявших их сути, выступала замена центральной фигуры мифа собакой.⁴⁴

Анализ свидетельств относительно форм этнонимизации образа волка у иранцев и греков показывает, что этноним *пейгои* выпадает из этого правила, несмотря на то, что Геродотом у них зафиксировано существование свойственного воинским сообществам и обряду инициации юношей (как в Спарте) ритуала ликантропии (т. е. превращения в волка через одевание его шкуры (Herodot., IV, 17). Констатация данного противоречия вполне вписывается в трактовку представлений об этом племени, как о том, носители которого не имели никакого отношения к культурной и этно-лингвистической общности древних иранцев.⁴⁵ Вместе с тем отдельные, олицетворяющие сакральную связь с землей, водой и родством (например, **Trita/Traetaopa* («третий, младший»), значения самого слова, лежащего в основе их этнонима, как нам представляются, отображают место невра в вождестве будинов после своего к ним переселения.⁴⁶

По всей видимости, на это указывает этнографическая парентеза Геродота, согласно которой невра, андрофаги, меланхлены упоминаются в одной «обойме» с будинами (Herodot., IV, 102, 105–109, 119). В данной связи весьма показательно, что и в свидетельстве Плиния также идет последовательное, практически совпадающее с описанием, «отца истории», но с некоторыми отклонениями к северу и перестановкой на место андрофагов фиссагетов, последовательное перечисление невра, гелонов, фиссагетов и будинов в направлении с запада на восток. Точно также поступает поздний автор Гай Юлий Солин, локализирующий, как и его предшественники невра в верховьях Борисфена и называющий их ближайшими соседями гелонов.⁴⁷ Указанная перестановка, равно как и то, что цари невра, андрофагов и меланхленов дали отрицательный ответ скифским послам на предложение заключить союз для отпора вторгшимся персам, впрочем, не должна смущать: и лингвистические, и археологические данные, по мнению специалистов рисуют картину культурной общности не только между населением Левобережной лесостепи и племенами Среднего Дона в скифское время, на что одним из первых обратил внимание Б. А. Шрамко, но и, как доказала В. А. Ильинская, указывают на прямую этническую связь, если не на единство, между андрофагами и меланхленами.⁴⁸ Последнее, как нам представляется, со всей очевидностью следует и из сообщения Геродота, указавшего, что τὰ κατ' ὑπὲρθε ἐς τὴν μεσόγαιαν φέροντα ἄλοκλήϊετα ἢ Σκυθικὴ ὑπὸ πρῶτων Ἀγαθυρσων, μετὰ δὲ Νευρῶν, ἔπεται δὲ Ἀνδροφάγων, τελευταίων δὲ Μελαγχλαίων, если допустить, что ὑπὸ означает «под, ниже», *meta* = *meso* имеет смысл «между», ἔπεται от *ereho* «иметь против себя», а *teleutaion* = *teleo* / *teleutao* означает «оканчивать путь», или в форме прилагательного *teleutaios* «конечный, последний, крайний», то мысль античного историка о μετὰ δὲ Νευρῶν, ἔπεται

δὲ Ἀνδροφαγῶν, τελευταῖον δὲ Μελαγχλαίων можно рассматривать не только в качестве подтверждения наблюдений В. А. Ильинской, но и в качестве расширяющей наши представления о родстве неуров, андрофагов и меланхленов, присутствующих в изложении «отца истории» в перечислении племен от верховьев Борисфена в направлении Танаиса. С учетом данного обстоятельства, а именно, объединив тождества меланхленов и андрофагов и меланхленов и неуров, а всех их вместе взятых с будинами и жителями г. Гелон (гелонами), мы получаем картину четырехчастного этно-территориального обустройства страны, населенной неврами (переселившимися к будинам), меланхленами-андрофагами, будинами и гелонами. Знакомство с текстами IV, 17 (τούτον δὲ κατύπερθε οἰκέουσι Νευροί δὲ τὸ πρὸς Βορέην ἀπνεον ἔρημος ἀνθρώπων...) и IV, 22 (Θυσσαγέται, ἐτηνοὶ πολλοὶ καὶ ἰδιοὶ), помимо этого, наводит на мысль и о «родственности» этого «большого и сильного» (от *polus, polle, polu*) племени конгломерату этносов, обитавших по северной границе Степной Скифии.

Относительно возможности такого рода этногеографии нескифских племен лесостепного междуречья Днепра и Дона можно опереться, как минимум, на два результата исследований проблемы, имевших место в прошлом. Первый из них связан с концепцией этногеографии лесостепных племен, предложенных в 70-е годы прошлого века М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым. Независимо друг от друга, исходя из различного понимания данных археологии и свидетельств Геродота, опираясь на несходные принципы трактовки и интерпретации последних, они, тем не менее, полагали возможным рассматривать «Будинию» как огромное этно-территориальное образование, размеры которого, по их мнению, не уступали величине самой степной Скифии.⁴⁹ Сравнительно недавно, Д. С. Раевский высказал убеждение, согласно которому этногеография Скифии Геродота, в том числе и картина расселения племен ее периферии, опирается на отраженные в скифском эпосе структурные элементы мифологической модели мироустройства, развивавшейся в общественном сознании ее кочевнического населения.⁵⁰ Примечательной особенностью указанного миропонимания, по мнению исследователя, выступает, восходящее ко времени индо-иранской общности, представление о мире как состоящем из пяти элементов (т. н. пентада), последний из которых выполняет функцию центральной оси, соединяющей их воедино. Если исходить из подобия этно-территориального обустройства неуров, андрофагов, меланхленов, фиссагетов, будинов и жителей Гелона-гелонов миропониманию скифов и их далеких предшественников (т. е. системе 4+1), то последних можно рассматривать как носителей идеи центральной оси, что вполне соответствует заключениям Д. С. Раевского.⁵¹ В пользу этого свидетельствуют и данные археологии, показывающие, что материальная культура населения лесостепи, представленная памятниками Ворсклинской, Сейминской, Северскодонецкой, Посульской и Среднедонской археологических культур содержит много общего (при

многообразии специфики-Н.П.) в экономике, характере поселений, системе оборонительных сооружений, домостроительстве и в религиозных представлениях.⁵² Показательно, что археологически зафиксировано переселение именно в V в. до н. э. в междуречье Десны и Сейма носителей Юхновской культуры, которые сдвинулись впоследствии еще северо-восточнее, создав основы для складывания Дьяковской культуры.⁵³

В логику такого представления, по нашему мнению, должны вполне вписаться и наблюдения, выведенные специалистами из изучения этимологии этнонима фиссагеты.

Одним из первых важность ее для производства этнической классификации племен Скифии осознал Г. Роулинсон, высказавший предположение, что вторая его часть — *Getae*, соединенная с древнеиндийским *Jats* или этниконом готов (*Goths*) Европы указывает на принадлежность носителей такого определителя к арийской общности, а вторая — *Thissa* — содержит определения типа «маленький» или «меньший», в доказательство чего он ссылаясь на этноним *Massa-getae*, в первой части которого, по его мнению, отложилось прилагательное «великий, большой», находящее соответствия в аккадском, древнеперсидском, древнееврейском и арабском языках.⁵⁴ Наука последующего времени отказалась от такого рода наивных и прямолинейных, основанных на формальном сходстве, суждений. В частности, К. Латте, изучив словоупотребление *etai/etes* в поэмах Гомера (например, *Hom., Il., IX, 464–469*) вывел заключение, согласно которому с довольно раннего времени этим словом обозначалось понятие родственников и членов рода вообще, а в переносном смысле оно выступало в значении «соотечественник». Допускал исследователь и возможность отображения в данной лексеме понятия группы взаимобрачующихся родов, входящих в состав фратрии.⁵⁵ Интересно отметить, что несколько ранее диаметрально противоположный взгляд был обоснован Г. Глотцем, настаивавшем на том, что *etai* не означает ни родственников, ни свойственников, но предполагает широкую, типа рода и фратрии, социальную группу.⁵⁶ С таким подходом солидаризировался П. Шантрэн, указав что *etai* и *etera/etairos* однопорядковые понятия.⁵⁷ В отечественном антиковедении данной проблемой занимался Ю.В. Андреев, показавший на основе словоупотреблений в гомеровских поэмах, что *etai* и *etairoi* выражают два различных понятия, причем *etai* в поэмах встречается в связи с обозначением различного вида родственных связей, тогда как *etairoi* выступает как полисемантическое понятие, обозначающее и мужской союз, и возрастной класс, и дружину как эпизодическое объединение воинов во время похода, и группу близких друзей, нахлебников и слуг предводителя в составе дружины.⁵⁸ Вместе с тем, не вызывающая сомнений двучастность этнонима *Thyssa-getai* (или *Thys-sag-etai*), особенно во второй своей части, не только не находит соответствия в указанных рассуждениях, но, напротив, провоцирует его сопоставление с этнонимом *Getai* также упоминаемом Геродотом в области Истра, от лево-

бережья которого он развешивал свой рассказ о Скифии (IV, 93). Геты — фракийское племя, менявшее свое местоположение, но в строго ограниченном районе низовьев Дуная. Не означает ли это, что и «геты-фиссы» имеют отношение к фракийской этно-лингвистической общности, часть которой, как и праэллины, осталась на территории прародины, тогда как остальные ее носители мигрировали в направлении Балкан в пользу чего свидетельствует название полуострова Thyssa, расположенного в Халкидике? Или корни данного этнонима следует видеть в др.-греч. *Thysis* / *thysia*, раскрывающих характер совершения жертвоприношений, а в переносном смысле выступающих эквивалентом самого понятия «жертва»?

Как бы то ни было, но присутствие фиссагетов в одной обойме племен за (досл. «под») агафирсами не может не указывать на какого-то типа межкультурную общность, существовавшую во времена Геродота и, по всей видимости, осознававшую свое, возможно, социально-политическое (хотя и непрочное, как показывает пример невров, андрофагов и меланхленов в отношении отпора Дарию I) единство. Подтверждения этому можно обнаружить как в тексте самого Скифского логоса, так и в данных, происходящих из итогового осмысления археологических культур Лесостепи скифского времени. И хотя последние, как и положено сложным проблемам, продолжают оставаться предметом научных дискуссий, интересующие нас факты в них по-существу лежат «на поверхности». В частности, в том, что касается Подонья, то в этом регионе (включая степь, лесостепь и лесную зону) исследователи пришли к констатации наличия трех различающихся между собой культур скифского времени — савроматской, среднедонской и городецкой.⁵⁹ Более того, в отношении последовательности пространственного расположения последних в меридиональном плане отмечается их точное соответствие трем, упомянутым Геродотом, этносам — савроматам, будинам и фиссагетам, первые из которых локализуются на Нижнем Дону, а два других — в среднем и верхнем течении Дона.⁶⁰ К этому следует добавить и наблюдение относительно общего направления широтного движения на восток носителей скифоидных культур днепровской левобережной лесостепи (Среднего Днепра и его верховий), находящее материальное подтверждение в среднедонской лесостепи и в верховьях Дона.⁶¹

В обоснование права на существование предложенной нами гипотезы относительно «родства» невров-будинов-меланхленов-андрофагов-будинов (и гелонов) особое значение приобретает анализ частоты совместного упоминания перечисленных этносов друг с другом в тексте Скифского логоса. Подсчеты показывают: меланхлены с будинами — 3 раза, невры с будинами — 4 раза, будины с меланхленами и неврами — 6 раз, наконец, гелоны с будинами и всеми остальными 5 раз (о меланхленах Геродот см.: IV, 20, 100, 102, 107, 119, 125; о неврах — IV, 17, 51, 100, 102, 105, 119, 123; о будинах — IV, 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 120, 122, 123, 136; о гелонах и г. Гелоне — IV, 102, 108, 109, 120, 136.)

Защищаемое предположение можно подкрепить ссылками как на понятийный аппарат наррации Геродота, в которой с будинами, меланхленами, андрофагами и неврами историком совмещен, согласующийся с определением их «отцом истории» как этноса, термин *hoga* — определитель свойств и типа населяемой ими территории (IV, 105, 122–123), так и на археологическую карту лесостепного междуречья Днестра и Дона, составной частью которой является междуречье Северского Донца и Дона.⁶²

В доказательство можно сослаться на данные археологии и исторической географии рек донского бассейна, нашедших отражение в Скифском логосе Геродота. Что реки Скифии в труде эллинского историка выполняли функцию системы координат, было установлено, по меньшей мере со времени Б. Нибура и уже упоминавшегося выше Г. Роулинсона, посвятивших этому вопросу специальный комментарий.⁶³ Аналогичную роль в его рассказе о землях к северо-востоку от нее, надо думать, играли перечисленные им реки Лик, Оар, Танаис и Сиргис (Гиргис), истоки которых берут начало в земле фиссагетов, отстоящей на 7 дней пути от территории, занимаемой будинами (Herodot., IV, 123), а русла (или нижние течения перечисленных рек), протекая через область меотов, впадают в озеро Меотиду. К настоящему времени, пожалуй, только локализация р. Сиргис (Гиргис) не вызывает ни у кого сомнений: это — р. Чир, действительно впадающая в Азовское море и протекающая по территории в пограничной зоне, занимаемой в древности племенами меотов и синдов, олицетворявших собой, как установлено О. Н. Трубачевым остатки индо-арийского этно-лингвистического субстрата, носители которого проживали в указанное время в Приазовье и Северном Причерноморье.⁶⁴ Что касается р. Танаис, то как отмечалось неоднократно, в том числе и нами, а в последнее время новейшее обоснование тождества Дона с Танаисом Геродота предложено Е. Г. Рабиновичем, то за названием и местоположением этой реки «отец истории» действительно подразумевал Дон, разделявший в его географических представлениях Европу и Азию.⁶⁵ Гораздо сложнее дело обстоит с реками Лик и Сиргис, последнюю из которых начинают отождествлять либо с Северским, либо с Мертвым Донцом, либо с р. Миус, а первую с р. Обиточной или Кильтячьей.⁶⁶ Еще более сложна трактовка местоположения р. Оар, относительно которого в историографии сложился впечатляющий разброс мнений: от отождествления с Волгой и Днестром, до р. Корсак и Лозоватки.⁶⁷ Такая ситуация вполне объяснима как акцентацией внимания на труде Птолемея, свидетельства которого подправлялись из других источников, так и той чересполосицей разновременных данных, которая нашла отражение в античной письменной традиции после труда Эратосфена и деформацией практики северной ориентации античных географических карт. Между тем, принимая во внимание это последнее обстоятельство, трудно избавиться от впечатления, что перечисление указанных рек «отцом истории» следует строгому правилу, ведется в направлении с севера на юг, как бы отчерчивая конечный пункт и фазу агрессии персов против скифов и их

союзников и прямо указывая на знание античным историком как верховьев, так и низовьев тех рек, которые так или иначе протекали через землю меотов. Более того, более поздние источники помогают увидеть самые разные этнические подвижки населения, происшедшие в пред-и сарматскую эпоху (например, в Периплах Скилака Кариандского и Анонима (II в.). В частности, согласно данным этих источников, в которых обитатели междуречья Северского Донца и Дона (в первом случае меланхлены и гелоны, во втором — гелоны, савроматы и агафирсы) названы в числе племен, переселившихся в Азию. Противоположное направление миграции (к северу от Истра), более всего соответствующее итогам скифо-персидской войны, предложили Вибий Секвестр и схолиаст античных рукописей Евстафий (XII в.)⁶⁸. Примечательно, что и в тех, и в других можно заметить некоторую общность в названиях местностей, рек и речушек Лесостепи, степного Приазовья и Северного Причерноморья (в частности, невры-Наварис, ахейцы — р. Ахей или пос. Атикит, Авхеты (авхаты)- Авхида и т.п.). Самым интересным с данной точки зрения выступает тождество в названиях р.р. Хопер и Хапры, Елань и Еланчик, отражающих, как надо думать, известные этнокультурные связи между пограничными районами, уходящие в глубокое прошлое, если не к началу раннего бронзового века в степи и лесостепи Восточной Европы.⁶⁹ Того же порядка аналогии, как следует думать, можно провести между этнонимом *neuroi* и зафиксированным Птолемеем и Плинием названием города *Naurois*/*Naurois*, восходящего, как считает О.Н. Трубачев, к индоарийской основе *pauro / *pauro* (*b*)*aris* в значении «новый город», локализуемый как в европейской Сарматии, так и в Крыму (*Naurois* / *Neapolis*).⁷⁰

Приведенных аргументов, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы, оттолкнувшись от верховьев Борисфена-Днепра, к бассейну которого близко расположена одноименная с названием невра река Нара, видеть в ней р. Лик, в р. Оар — Воронеж, в р. Танаис — Дон, и в р. Сиргис — Северский Донец (или р. Чир). Не исключена и иная трактовка: р. Лик — Хопер, р. Оар — Савала (др. греч. *Silis*) или Битюг, Танаис — Дон, а Сиргис — Медведица, тогда как Гиргис (на что указывают одноименные топонимы) — с Северским (или Мертвым) Донцом.⁷¹ В последнем случае важно, что диатеза невра-меланхленов, андрофагов, будинов и жителей г. Гелон (гелонов), фиссагетов, отмеченная родством материальной культуры носителей скифоидных культур вполне вписывается в параметры географии и гидронимии лесостепного и степного Подонья.

Таким образом, пространственно-территориальная картина расселения племен Лесостепи, как нам представляется, вполне соответствует той системе, которой придерживались скифы, а до них — ведические арии и племена Иранского нагорья до Ахеменидов. Думается, что ей должна соответствовать и вертикальная, этно-социальная структура общества лесостепных племен изучаемого региона, поскольку нет оснований для суждения о каких-то иных источниках и тенденциях ее возникновения и развития.

В указанном отношении весьма показательными выступают исторические, общеиндоевропейского порядка, параллели, позволяющие составить представление о том, как протекал процесс социального обустройства и на периферии Скифии. Основанием для такого подхода выступает, давно установленное в науке и постоянно развиваемое в ней, представление о типологическом родстве начал социальной классификации у племен индоевропейской общности, которая складывается в процессе их исторического развития на основе бинарной оппозиции представленных в них социальных групп с тенденцией удвоения последней. Поэтому обращение к соответствующим фактам с точки зрения ретроспекции и с учетом сочетаемости подвижного и оседлого образа жизни племен лесостепной скифской периферии, имея в виду переотложенность свидетельств о них в письменных источниках-результата деформации самого освещаемого в них объекта, представляется вполне логичным и правомерным.

В решении поставленной задачи самыми близкими аналогами являются социальные системы архаического Рима, гомеровской Греции, а также скифов как ближайших соседей невров, андрофагов, меланхленов, будинов и жителей г. Гелон (гелонов), представленные как тернарными (Рим Ромула, дорийцы), так и тетрарными (ахейцы/ионийцы, скифы) социальными моделями.

В первую очередь обращает на себя внимание, отмеченное Дионисием Галикарнасским, наличие в социальной системе Рима VIII в. до н. э. *genos-potina*, представлявших собой поколения большесемейных патриархальных общин (Dion. Hal., I, 40; III, 13, 29; V, 18) В традиции о роде имеются и более поздние сведения, раскрывающие системность его структуры. В частности, такой характер носит информация, которую можно почерпнуть из труда Исидора Гиспальского, на значение которой в свое время обратила внимание И. Л. Маяк, и согласно которой существует три типа сообществ: семейные, городские и родовые (Gisp. Is. Etym., XV, 2).⁷² Важность данного свидетельства заключается в том, что она позволяет вскрыть сущностный смысл термина *poleis*, которым Геродот характеризует деревянный город Гелон в стране будинов: по всей видимости для «отца истории» это был не просто город, но *городская община* гелонов — потомков «исконных эллинов». Если такая интерпретация верна, то можно предположить, что в социально-политической системе, представленного, скорее всего, союзом невров, андрофагов, меланхленов, фиссагетов, возглавляемого будинами, вождества она представляла собой или общину членов царского рода, или сообщество аристократических родов племени будинов. Что касается структуры такого рода общины, то надо думать, что в ней, как и у скифов, греков и римлян, господствовал псевдородственный принцип, поскольку в архаических обществах все социальные и иные связи (в том числе и на раннегосударственном этапе), все без исключения строились по родовому признаку.⁷³ В пользу этого свидетельствует одно-

типное для всех индоевропейцев возведение всех гелонов к первоначальному Гелону, а также термин *ethnos*, сопровождающий название «большого и сильного» племени будинов, который, как подметил А. М. Хазанов, у Геродота употребляется и в значении «племенной союз».⁷⁴ Более того, как свидетельствует упоминание Птолемеем города *Naigon / Navaris* и открытые раскопками большие городища на отдельных племенных территориях (Басовское, Бельское и др.) данная система носила у лесостепных племен скифского времени общераспространенный характер. Скорее всего, такие патриархальные кровно-родственные общины были основаны на общеродовой и кланово-семейной собственности на скот, пастбища, коллективный труд, распределение и потребление, поскольку само появление такого рода образований явилось результатом усложнения общественной системы, на что в свое время обратил внимание Эд. Мейер, рассматривавший появление *gentes* и *familia* у римлян как результат перехода к оседлости и распада примарной организации-орды.⁷⁵ Последняя, по мнению Ф. де Мартино, выдвинувшего одним из первых концепцию «этнического государства», предвосхищавшую «теорию вожества» Скальника-Саллинза, выступала носителем государственных порядков.⁷⁶ В таком «государстве», как замечено, патриархально-родовая (основанная на кровном родстве), община сосуществует с родами и с большесемейно-патриархальными (или кланово-семейными) общинами (*familia*), имея тенденцию определения численности *patres* и количества мужских союзов, имевших, как правило, гетерогенный и этнический характер и через синойкизм способствовавших удвоению населения и, как показывает пример Рима времени Ромула, росту численности членов «общесоюзного» Совета. Примечательно, что рассмотренные тенденции формирования социально-политической организации связываются итальянским ученым с древнейшим типом социально-политической организации Рима — *basileia=regnum*.⁷⁷ Аналогичный ее тип был присущ в далеко уходящие от времени Аристотеля «архаические времена» и Афинам: *Athenaioi to men... arhes ephronto basileia* (Arist., Pol., V, 3, 1 (1303b 17–20); III, 9, 5 (1285a 31–33)). Нельзя не упомянуть и о принципах разделения внутренней структуры таких племенных объединений, которые, по наблюдениям специалистов, исходили из этно-лингвистических, профессиональных и цветовых признаков. Все это указывает на возможное тождество социальной и политической (пространственно-территориальной и этно-социальной) систем племен будинского союза (вожества) как со структурой Скифского царства, так и со стадийно близкими им примарными прото-и предгосударственными организациями Старого Света вообще.⁷⁸ К сожалению, текст наррации Геродота о будинах и жителях города Гелон не содержит никакой прямой информации по данному вопросу. И тем не менее, анализ немногочисленных косвенных свидетельств приводит нас к заключению о сходстве принципов этногеографического и исторического описания «отцом истории» и Скифии

и северо-восточных соседей последних — будинов и г. Гелона, что, с одной стороны, позволяет выделить своеобразный «минитетрагон» в скифском «макротетрагоне», а с другой (и с учетом последнего) — полагать о близости, если не об идентичности, самих основ и принципов социально-политического устройства у всех племен Старого Света с более или менее выраженным скотоводческим ХКТ.

Примечания

¹ Медведев А. П. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 92–103.

² См., например: Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М., 1989. С. 423–442; Пузикова А. И. Курганные могильники Среднего Подонья. М., 2001 (библиография); Алексеев А. Ю. Скифская хроника. Спб., 1992; Он же. Хронография Европейской Скифии. Спб., 2003; Гавриш П. Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалам Прип'їлля). Полтава, 2000; Скорый А. А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2003 и др.

³ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982; Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979; Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. М., 1977 (МИА. № 177). С. 92–102; Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–81; Алексеев А. Ю. Скифская хроника. Спб., 1992. С. 92–112.

⁴ Шрамко И. Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону (За матеріалами розкопок зольника № 5) // Білюске городище та його округ (До 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006. С. 42.

⁵ Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древние государства Восточной Европы. Материалы и исследования. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 282.

⁶ Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум / Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН / Отв. Ред. к. и. н. Крадин, к. и. н., доц. В. А. Лынша. Владивосток, 1995; Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина. М., 2000.

⁷ Блаватская Т. В. Черты истории государственности Элады (XII–VII вв. до н. э.). Спб., 2003.

⁸ Писаревский Н. П. О государственности ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. Вып. 1. Воронеж, 2000.

⁹ По мнению В. Н. Топорова, они отражают сферу мифопоэтических представлений о космосе и человеке как его части, изоморфной и соприродной ему. Более того, числа 3 и 4 отражают, как полагает ученый, врожденный характер трех- и четырехчленных структур в мифопоэтическом сознании, в котором идея числа 3 выступает, с одной стороны, идеальной моделью любого *динамического* процесса, а с другой — олицетворяет собой идею *динамической целостности*, предполагающих вместе возникновение, развитие, упадок и реализующихся в представлениях о вертикальной структуре Вселенной. Число 4, как считает исследователь, *прообразует* статическую *целостность*, *крепость, идеально устойчивую структуру, полнее всего реализующуюся в горизонтальном плане Вселенной*. Именно с данной особенностью числа 4 связано его использование в мифах о сотворении Вселенной, о ее горизонтальной структуре, о правилах ориентации в ней, наконец, в объяснении закономерности, представленной 4 сторонами света, 4 направлениями, четверкой богов, 4 временами года, четырьмя веками, 4 основными элементами и т. д. Трехчленная вертикальная ось — то направление, по которому *в мир входит случайность, неожиданное — как доброе, так и злое*. Вместе с тем горизонтальная структура всегда взаимосвязана с вертикальной: она выступает в качестве *ритуального пространства*, в котором сам ритуал рассматривается как средство связи людей (земля) с богами (небо), и следовательно, актуализирует вертикальную ось. См.: Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I. Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005. С. 302–303, 306.

¹⁰ Блаватская Т. В. Черты. С. 39.

¹¹ В справедливости указанного тезиса убеждает сходство принципов социальной и политической организации Древней Индии, эллинов времепни Иона, Афин во времена синойкизма Тесея и реформ Солона, Древнего Рима времени Ромула и законов XII таблиц, наконец Скифии Геродота и Позднескифского царства (Неаполь, Хабеи, Палакий и Напит какотражение существующего разделения).

¹² См. разделение понятия «скифы» В. А. Гаибовым и Г. А. Кошеленко, по мнению которых для него характерны три информационных (идентификационных) уровня: генеральный (азиатские, европейские), конкретно-географический и этноконкретный, указывающих в социокультурном контексте как на кочевые племена вообще, так и на совокупность нескольких племен этого типа. (Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского // ВДИ. 2005. № 1. С. 108–109.

¹³ Установлены в специальной литературе и истоки, и определяющие тенденции генезиса дихотомических членений в дуальных системах, имеющих своим следствием образование тернарных и еще более сложных структур. Особенно наглядно, как полагает Вяч. Вс. Иванов, этот процесс представлен в мифах и ритуалах обществ с дуальной организацией, в которых, начиная с публикации труда А. М. Золотарева», принято считать жесткую обусловленность двух рядов полярных символов и основных правил формирования социальной организации. См.: Золотарев А. М. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (Рукопись 1941 г.) — цит. по Иванов Вяч. Вс. Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972. С. 206, 218. Считается, что мифологические и ритуальные системы двоичных символов, соотнесенные с дуальной организацией коллектива проявляются в характерном наличии в нем двух вождей (священных царей), соотнесенных в свою очередь с двумя дуальными экзогамными половинами племени, каждая из

которых образует хозяйственное и территориальное единство. Такого же порядка оппозиции характерны и для символического восприятия или передачи информации о социальной ранговости через цветовые определения социальной ранговости общества или его пространственное четырехчастное разделение, которое, как правило, отражено в архитектуре. (Там же. С. 225, 228, 231–232).

¹⁴ По мнению Д. А. Щеглова, наибольшее удивление вызывает то, что именно в описании Скифии античная и эллинистическая традиции проявляли традиционность и близкое сходство данных, опиравшихся на безнадежно устаревшие сведения VII–V вв. до н. э. В связи с этим он выделяет 3 варианта скифской этногеографии: вариант Аристее-Гелланика, вариант Геродота и карту Сарматии Птолемея, которая опиралась, в свою очередь, на вариант Гелланика. См.: Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии. С. 282, 291.

¹⁵ Хазанов А. М. Социальная история скифов Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975. С. 207

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Петров В. И. Скифі. Мова и етнос. Київ, 1965; Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

¹⁸ Vanicek Ф. Griechisch-Lateinisches etymologisches wörterbuch. Bd. 1. Leipzig, 1877. S. 449. Представляет интерес и то, что среди производных от Pala словосочетаний, в частности, засвидетельствованных Ригведой (palayati/palayate) присутствует одно из понятий «царского оружия» (palayan sakaga «главная, большая, царская колесница»

¹⁹ Ibid., S. 525, 499, 501.

²⁰ Ibid. S. 450.

²¹ Трубачев О. Н. Indoarica. С. 101.

²² Vanicek F. OP. Cit. S. 428.

²³ Трубачев О. Н. Indoarica. С. 101. В связи с этим исследователь полагает возможным трактовать palai и parai как обозначение «старых скифов» и «молодых скифов», строя на этом основании вывод о соответствии Palai понятию arhaie Scythie у Геродота. (IV, 99).

²⁴ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология / Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 531; В 70-х гг. прошлого века П. Шантрань, опираясь на свидетельства Гомера и Гезихия (II., VII, 858; XVI, 300; Hesyl., s. v. pare/paros, paraios, pari/paruos) предложил несколько трактовок глоссы пара: 1) раселина, лощина; холмистая и лесистая долина; луг/поле; юноша. См.: Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la Langue Greque. T. 2. Paris, 1970. P. 735.

²⁵ Даже в эпоху эллинизма, как показывают результаты исследований в области географических представлений у авторов этого времени, наблюдается элементы традиционности и близкого сходства относительно этногеографии Скифии. Более того, как отмечает Д. А. Щеглов, наибольшее удивление представляет то, что в данном аспекте их работы, игнорируя новейшие данные, опираются на сведения VII–V вв. до н. э. См.: Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древнейшие государства Восточной Европы 2003: мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 282.

²⁶ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1989.

²⁷ См.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. С. 101–103.

²⁸ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 163. Не исключено, что название «будины», как показывают результаты достигнутые в изучении индо-арийской этнонимии Северного Причерноморья О.Н. Трубачевым могут иметь основу *bhuta-natha* / **buta-nata* («повелители духов»). См.: Трубачев О.Н. *Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь.* М., 1999. С. 232. Еще более вероятная трактовка может быть выведена из имени ведийского «Змея глубин» — *Ahi Budhnya*, первая часть имени которого (*ahi*)осходит к и.-е. названию змеи, находящем множество тождественных параллелей, в том числе и в языке древних греков (*ofis*, *ekis*), а вторая (*budhnya*) — представляет собой прилагательное, производное от *budhnya* (дно, основание, глубина), находящее параллель в др.-греч. *Pythmen* (тождество *budhna-*, = *pythmen*) со значением «ствол, род». Самое же показательное, с точки зрения анализируемого вопроса, заключается в том, что обе эти основы выступают в качестве формообразующих относительно имен, с одной стороны, ведийского божества, рожденного и проживающего в глубинах рек, а с другой — в имени древнегреческого Пифона, разные версии мифа о его поражении стрелами Аполлона находят соответствие в гимнах «Ригведы» (в связи с *ahi-Vritra*, который, как говорится в тексте, *budhnam asayat* (РВ. I, 132). Интерес представляет и тождество имени ведийского божества др.-нем. *bodam* и нем. *Boden*, а также имени героя русских сказок *Будыне (от **bud-un-*) / Дубыне по своей дублетности воспроизводящих дублетность индо-арийских понятий **budhn-* / **dubhn*. Все это, по мнению В.Н. Топорова, позволяет говорить об индоевропейских истоках представлений о «Змее глубин». См.: Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2005. С. 203–205, 222–224. Интерес представляет и словообразовательная схема, иллюстрирующая переход от значений «мужчина», «человек» (с сопутствующим семантическим компонентом «ярость», «гнев») к значению «бык», выявленная при изучении семантики ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции поэтического языка индоевропейцев. В семантическом аспекте Б.Л. Огибениным было выявлено некоторое число морфем образующих формальное (метатическое) или фонетическое сходство с и.-е. основами. Так, в последнем случае тип **ри-* или **ро-* (человек) может быть сопоставлено с **bhu-* или **bho-*, причем значение первых двух элементов выявляется автором на основании сопоставления с греч. *antro-pos* (человек), греч. атт. Диалекте — *rais* (дитя, мальчик), а также со ср. греч. *ro-los* (с элементом **ро* (*u*) — «жеребенок, юноша». Более того, как полагает исследователь, в связи с тем, что они появляются только в сочетании с корневой морфемой *ugs-*, то из этого можно вывести заключение об их большей близости к значению «бык» (*vrsabha* / *ugsn-bho-*). См.: Огибенин Б.Л. Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции индоевропейского поэтического языка // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 317.

²⁹ Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. М., 1975. С. 333. Поскольку применительно к определениям варваров, присутствующим в языке греков ничего исключать нельзя, целесообразно не упускать из вида и значение *go gelos* (смех).

³⁰ Благодаря этимологическим словарям, представляется возможным и иное толкование происхождения данного слова. В частности, в праславянском лексическом фонде присутствуют и восходящее к и.-е. **geul* / **geu-l* (вар. **gu-l*, и к др.-инд. *Gola* (шар, ком), и к др.-греч. *gualon* (углубление, выпуклость), существительное **gula-* (чурка, полено, шишка (в т.ч. и хвойного дерева), а также прилагательное **golvenъ*, находящее соответствие в ст.-слав. *Главан* со значением «главный, основной». И то, и другое так или

иначе вполне вписываются в характеристики, данные Геродотом будинам и обитателям Гелона. См.: Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -и // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 67–68; *Этимологический словарь русского языка*. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. С. 13–14, 168–169. Ср.: Vanicek A. *griechisch-Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*. Erster band. Leipzig, 1877. S. 228–229, 233, 259–260.

³¹ Писаревский Н. П. О локализации Гелона (К интерпретации Herodot., IV, 24, 108–109) // *Вестник Воронежского университета*. 2006. Гуманит. серия. Вып. 2. С. 80–82.

³² Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // *Этимология* 1988–1990. М., 1992. С. 14.

³³ Фор П. Жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 37.

³⁴ Hermann A. *Melanchlainoi* // PWRE. Bd. 29. S. 420. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // *Основы иранского языкознания (древнеиранские языки)*. М., 1979. С. 305.; Латышев В. В. Известия древнегреческих и римских авторов о Северном Причерноморье // *ВДИ*. 1947. № 2. С.

³⁵ Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // <http://www.АрхеологияРоссии.2006.С.154-155>. Как отмечалось выше, теперь это подтверждается и новыми датировками культурных слоев лесостепных городищ скифского времени. См.: Шрамко И. Б. Ранній період в історії. С. 33–56; Махортых С. В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.

³⁶ Правда, П. Шантрэн склонен усматривать соответствие иранскому *saudaratai* греч. *saudai* Гезихия — названия реки Селейнея и одноименного с ней племени ниже македонян. См.: Chantraine P. *OP. Cit.*, T. IV-1. Paris, 1978. P. 990; Шрамко Б. А. Бельское городище-Гелон Геродота. С. 69.

³⁷ Hermann A. *Neuroi* // PWRE. Bd. 13. S. 158–160; Степи европейской части СССР вскифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–89.

³⁸ Chantraine P. *Dictionnaire Etymologique de la langue Greque*. T. 2. Paris, 1970. P. 752.

³⁹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1987. С. 530–531.

⁴⁰ Там же. К тому же кругу мифологических представлений и персонажей относят ряд божеств, чьи имена восходят к индоевропейскому *Trit- древнеиндийскому Trita («третий брат или мир»), Trita Aptya («водяной, бог ручья»), авестийскому Thrīta, Thraetaona, к др.-греч. Triton (морской бог или поток), с которыми связан о спуске героя в колодец вследствие предательства двух других братьев, откуда, т. е. из нижнего мира, он добывает живую воду или богатства, которые позволяют ему преодолеть смерть и вернуться к жизни. К тому же кругу мифов относится и и.-е. миф о водном царстве, главным персонажем которого является божество по имени *Nepot (буквально, «племянник», уравниваемый в правах с сыном), проявления которого обычно усматривают в др.-инд. Aram Napat, в идентичном персонаже иранской версии Aram Napat и латинском образе Neptunus, к основе которого, вероятно, имел отношение этноним, составлявших тандем с палами, напов, вторгшихся, согласно, Диодору, как отмечалось выше, в будущую Скифию. См.: Иванов Вяч. Вс. Топоров В. Н. Индоевропейская мифология. С. 530–531. Кроме того, в форме прилагательного *peritai* составляло параллель *megaloī* и было употреблено Гесиодом в обозначении понятия «большой лес» (Hes., Theog. Fr. 511). См.: Chantraine P. *OP. cit.* T. 2. P. 752.

⁴¹ Иванов Вяч. Вс. Волк // Мифы народов мира. Т.1. С.242; В указанном отношении нам представляется в качестве возможной засвидетельствованная в древнеиндийском языке форма существительного *perki-h* (волчица), которая проявляя тождество с древними фигуральными обозначениями волков у скандинавов, поморских германцев (Восточная Германия) и славян (все определения находились в непосредственной близости от *Lugi), имела непосредственное выражения в этнонимах, приводимых античными авторами (*Lou (g)oi* (Страбон), *Lougioi* (Птолемей), *Lyguoi* (Дион Кассий), *Lygii/Ligii* (Тацит)), и др., находящих прямые параллели в архаической форме этнонима *Lukoī, отображенного надписями царского архива хеттов (*Lukki* (ликийцы), *Lukka* (Ликия), *Luwi* (лувийский)). По мнению О. Н. Трубачева, эти два последних названия представляют собой рефлексии индоевропейского названия волка. «Гипотетический этноним *Lukoī, — указывает он, — существование которого можно допустить у части древнеевропейских племен, объясняется из и.-е. *lukoos, древнего варианта и.-е. *ulkoos (волк). См.: Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т.1. М., 2004. С. 223–225.

⁴² Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М., 2005; Иванов Вяч. Вс. Волк. С.242; Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ.1988. № 5. С. 43–48.

⁴³ Элиаде М. От Залмоксиса до Чингисхана. М., 1991. С. 104–105.

⁴⁴ Там же. С. 106–107.

⁴⁵ См., например: Седов В. В.

⁴⁶ ⁴⁷ Впервые упоминание неуров в верховьях Борисфена присутствует в труде Гелланика Лесбосского (FGH 4 A 64). Находящее противоречие со свидетельством Геродота об обитании этого племени в верховьях Буга, с учетом продолжительности жизни современника «отца истории» следует понимать как фиксацию конечного пути «сселения» неуров в страну будинов, о чем уроженец Галикарнаса прямо указал в своем рассказе о неврах. Показательно, что эллинистические представления по этому вопросу, равно как и карта Сарматии Птолемея зафиксировали устойчивость такой локализации, восходящей к варианту Гелланика. См.: Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания. С. 291.

⁴⁸ Іллінська В. О. Про походження та етнічні зв'язки племен пліскульсько-донецького лісостепу // Археологія. 1966. Т.20; Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 85; Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. Обращает на себя внимание отмеченное ученым изобилие в этом регионе *западно-и восточно балканской гидронимии*, вполне вписывающееся в утверждение об «исконности» эллинов Гелона. См.: Трубачев О. Н. Анализ. С. 276. Небезынтересно, что у части археологов сложилось устойчивое убеждение о скифоидном населении Среднего Дона как о *самой эллинизированной группе населения за пределами Скифии*, показателем чего выступает, в частности, по мнению П. Д. Либера и В. А. Ильинской практика подражания греческим образцам в керамическом производстве. См.: Либера П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (САИ. Вып. Д1–31). Табл. 10, 32–35, 37–39; 11, 1, 9; Ильинская В. А. Может ли быть. С. 91.

⁴⁹ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. 82–83; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 121, 132, 161, 162–163, 164.

⁵⁰ Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 231.

⁵¹ Там же. С. 231, прим. 8.

⁵² Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67.

⁵³ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Юхновская культура // Археология Украинской ССР. Т.2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986. С. 182–183.

⁵⁴ Roulinson G. History of Herodotus in Four volumes. Vol.3. London, 1862. P. 175. В последнее время О.Н. Трубочевым др.-инд. Жапа на основании вскрытия этимологии этнонима упоминаемых Геродотом Ализонов (иран.- ali-zantu, где zantu означает также «род», предлагается трактовать также как «род», в силу чего по его мнению греч. Alyzoni= Иран. Ari-zantu и означает «чужой род». См.: Трубочев О.Н. Indoarica / С. 111.

⁵⁵ Latte K. Beitrage zum griechischen Strafrecht // Hermes. 1931. Bd. 66. S. 96.

⁵⁶ Glotz G. La solidarite de la famille dans le droit criminal en Greece. Paris, 1904. P. 85–87.

⁵⁷ Schantraine P. Etymologie. Vol. I. Paris, 1968. P. 1966.

⁵⁸ Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Спб., 2004. С. 94.

⁵⁹ Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. С. 66.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 109.

⁶² Петренко В.Г. Указ. соч. С. 67.

⁶³ Ibid.. P. 168–174. См. комментарий ученого и его оценку вклада Г. Б. Нибура в понимание географии Скифии.

⁶⁴ Трубочев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 100–101, 106–107.

⁶⁵ Рабинович. Е.Г. Незримая граница // Евразийское пространство. Звук, слово, образ / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2003. С. 78–79.

⁶⁶ В самое последнее время такая оценка дана В.Г. Зубаревым, допускающим, что и Средний Дон мог быть определен Геродотом в качестве особой реки (Сиргиса), а все остальные реки, располагаясь исключительно в Приазовье, к донской гидро-системе не имели никакого отношения. См.: Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 291, 292, 293, 295, 297, 321. На наш взгляд со всеми ними сразу или с каждой по отдельности так или иначе соприкасается гидроним maetes, присутствующий в описании «отца истории» (IV, 45) и, по мнению лингвистов, имеющий прямое отношение к названию Меотиды или племени меотов. См. Трубочев О.Н. Indoarica. С. 27.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Совпадение свидетельств Псевдо-Скилака и Анонима (Ps.-Scyl., Per. Pont. Eux., 79–80; Аноп., Per. Pont. Eux., 109) представляются отнюдь не случайными, поскольку внимательное прочтение сообщения Страбона о кавказских фтирофагах, живущих в ущелье над ахейцами, зигами и гениохами (Strabo., XI, 2, 1) в контексте исторических судеб племени будинов и жителей города Гелон, как нам представляется позволяет восполнить недостающее звено в триаде будины-гелоны-меланхлены и для, удинов, которые по Геродоту были также фтирофагами (Herod., IV, 109), тем самым, найдя подтверждение мнению об их миграции на Северный Кав-

каз, чему в настоящее время не противоречит и наличествующая база памятников скифо-сарматского времени. Причиной такого переселения специалисты рассматривают усиление агрессивности в среде кочевников, которое в свою очередь исходило из заметного потепления климата и аридизации степи, особенно ощутимой в континентальных регионах материка. Основную роль в указанном отношении сыграло постепенное изменение природных факторов и ландшафтов, достигших такой критической отметки, когда население степи и лесостепи просто было вынуждено тронуться со своих мест. В пользу этого, в частности, свидетельствует и то, что в европейской части (речь идет о времени 278–277 гг. до н. э.) исчезли практически повсеместно сельскохозяйственные владения у большинства северопричерноморских античных государств. Прекратили свое существование и скифские поселения, расположенные в благоприятных районах, т. е. городища и селища лесостепи, Елизаветовское городище в дельте Дона и т. п. См.: Марченко К. К. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 184, 186; Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии. // 1997. С. 5; Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Автореферат дисс...ученой степени докт. Ист. наук. М., 2006. Имевшие место по этому вопросу в прошлом трактовки этнонима Страбона должны быть, как мы полагаем, оставлены. См.: Белов В. Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима *fteirofagoi* // ВДИ. 1964. № 3. С. 130–136. Основанием для такого вывода служат, с одной стороны, новая датировка перипла Скилака, которая позволяет рассматривать конец V в. до н. э. как начальную точку отсчета такого переселения этих племен в Центральное Предкавказье, а с другой — весь комплекс перечисленных данных археологии. Взятые вместе, они заставляют все больше и больше задуматься о возможном тождестве фтейрофагов Страбона и будинов-фтейрофагов Геродота и тем самым обнаружить будинов, гелонов и меланхленов в тех районах, где их присутствие фиксируют античные авторы. Примечательно, что где-то поблизости от них обитали пиратствующие ахейцы, а также то, что название дема Алопека в Аттике, полностью соответствует названию одноименного острова в устье Дона.

⁶⁹ Разделение греко-арийской общности, как считают лингвисты, имело своим следствием «расхождение» носителей сатемных и кентумных языков и их носителей, которое принимало по большей части весьма сложные, смешанные и противоречивые формы, т. е., например греко-армяно-фракийцы могли быть вовлечены в движение носителей индо-иранского субстрата и наоборот. Представление об этом сохранилось у Страбона в рассказах об Армене и реке Аракс=Пеней, расселении энианов (часть которых ушла другим путем в Эпир) над армянами за горами Абом и Нибаром, присутствию же в указанном районе и фракийцев-сарпаров, проживавших по соседству с мидянами, наконец, в выводимом географом наблюдении, согласно которому в Греции с глубокой древности существовало убеждение о родстве мидян, армян, эллинов-фессалийцев и ахейцев (Strabo., XI, 14, 12–14). Несколько ранее, Страбон, как нам представляется, в «зеркальном отражении» сообщает то же самое, приводя данные относительно происхождения ахейцев и гениохов кавказского побережья Понта Эвксинского-племен, занимавшихся морским разбоем (фтиотийские ахейцы и лаконцы (Strabo., XI, 2, 12).

⁷⁰ Трубачев О. Н. Indoarica. С. 50.

⁷¹ Вполне вероятно восхождение р. Оар к иран. *vaḡu-, в переосмысленной форме *vo (a)г/Фоаг вполне приложимо к названию рек Донского бассейна — Воронежу и Хворостани. См. там же С. 112. Весьма информативные данные можно получить и из ретроспективного подхода к анализу свидетельств Геродота о пути вверх по Танаису. Если допустить, что «отец истории» имел в виду в том числе и возможность преодоления последнего по самой реке, то в названном отношении станут весьма информативными данные русских письменных источников, в которых нашли отражение свидетельства очевидцев, совершавших плавание по Дону, который, как показывают многочисленные документы, до 90-х гг. XVII века служил основной дорогой в развитии дипломатических отношений Русского централизованного государства с Турцией. В указанном отношении особый интерес представляет датируемый 1389 г. труд Игнатия Смоляного «Пименово хождение в Царьград», содержащий данные о речном маршруте, преодоленном участниками священного посольства от Переяславля Залесского до устья Дона. Если взять информацию об отрезке пути между устьем р. Воронеж и дельтой Дона, и более того, рассмотреть его вектор в обратном изложении направлении (т.е. привести в соответствие с направлением описания пути вверх по Танаису Геродота, то за упоминаемыми афинским историком реками, впадающими в Танаис, с нашей точки зрения, можно увидеть и соответственно отождествить Елань (+ Савала+Хопер), Битюг, Воронеж и Сосну, протяженность которых превышает 300 км, указывая одновременно на их статус в гидросистеме Донского бассейна. Примечательно, что в рассказе о совершенном паломничестве упоминания о Северском Донце отсутствуют вообще. См.: Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934; Степкин Ю. В., Писаревский Н. П. К интерпретации изображений донских кораблей из Павловских пещер // *Nostos. Athens*, 2001. 216–219.

⁷² Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 121.

⁷³ Хазанов А. М. Социальная история скифов. С. 105.

⁷⁴ По мнению ученого, в отдельных этносах, населявших Скифию, следует видеть племена или племенные союзы (этнические образования). См.: Там же. С. 114–115.

⁷⁵ Маяк И. Л. Рим. С. 91.

⁷⁶ De Martino F. *Storia della costituzione romana*. Vol. I. Napoli, 1958. P. 90.

⁷⁷ *Ibid.*, P. 486.

⁷⁸ Примером, в частности, может выступать додинастический Египет, становление государственности в историко-географических рамках которого не было связано с урбанизацией, а социальное расслоение отражало не социальную позицию индивида, а его личный статус, поскольку разделение труда имело место не между сельским хозяйством и ремеслом, но между производством и распределением прибавочного продукта. См.: Шеркова Г. И. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 143, 175. Альтернативный путь формирования этно-социальной системы населения будинского союза племен, мог отражать социальную систему ранних кочевников Северного Причерноморья — киммерийцев. См.: Махортых С. В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 310–311.

Глава VIII

БУДИНЫ, ГЕЛОНЫ-ГОРОЖАНЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭЛЛИНСКОЙ НАРОДНОСТИ

Вопросы этнической и культурно-языковой принадлежности будинов Геродота, равно как и установление указанных признаков по отношению к гелонам — жителям одноименного города в их стране, расположенной на перекрёстке двадцати-и пятнадцати дневных путей, соответственно, от моря (Понта Эвксинского) за меланхленами и угла Меотиды (Азовского моря), выше савроматов, но южнее фиссагетов и восточнее невров, в настоящее время, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки их разрешения, остаются одними из самых дискуссионных в науке.

Причина проста: в отсутствие термина *ethnos* в приложении к гелонам в тексте «Истории», при неизменном и устойчивом определении в нём будинов как этноса, как раз и зарождается сомнение в хронологической одновременности всех составляющих компонентов, отложившейся о них информации (исторических, культурных, этнических, идеологических), в том числе и относительно этногеографии северо-восточного угла скифского тетрагона, где ее автор размещал, обитавших, по его мнению, по-за Танаисом вышеназванные племена и деревянный город Гелон.

Это сомнение находит почву в данных археологии. Во всяком случае, до настоящего времени сколько-нибудь существенных подтверждений свидетельствам «отца истории» относительно эллинства и иранства будинов и гелонов в памятниках материальной культуры носителей среднедонской и северско-донецкой культурных общностей скифского времени не выявлено. Единственный успех на этом направлении осмысления текста Скифского логоса связан с установлением в самое последнее время тождества погребального обряда населения двух регионов в VI–V вв. до н. э., памятники которого ранее отождествлялись специалистами, соответственно, со скифоидными племенами гелоно-будинов и меланхленов Геродота.¹ Во всех остальных случаях попытки интерпретации нарратива древнегреческого историка (вне зависимости от того, были ли они построены исключительно на фактах археологии, или же за основу принималось комплексное осмысление всей совокупности разновременных свидетельств античной традиции) неизменно заходили в тупик, оставляя основные вопросы неразрешенными и потому открытыми.²

В сложившейся ситуации давно назрела необходимость обращения к разрешению названной проблемы с иных источниковедческих и методических позиций, причем, весьма существенно отличных от тех, которые имели место в ее исследовании специалистами ранее. В качестве таковых,

во всяком случае, на начальной стадии формирования нового подхода к дешифровке смысла и гносеологии повествования «отца истории» о будинах и гелонах, необходимым, как минимум, является наличие перспективной возможности извлечения новых данных с учетом, во-первых, всего контекста «Истории», во-вторых, проафинской ориентации Геродота и излагаемых им «рассказов», и, наконец, в-третьих, неординарности и исключительной важности, многоуровневости и самоценности той информации относительно областей скифского хинтерланда, которая сама по себе присутствует в приводимых им, опирающихся на данные мифологии и эпической поэзии, негреческие источники информации, свидетельствах. Необходимость именно такой работы с текстом его труда продиктована в первую очередь современными результатами, достигнутыми специалистами в сопоставительном изучении языка и мифологии ариев Индии и Ирана с языком и мифами древних греков, указавшими на поразительное сходство сюжетов, трактовок, этнонимии, ономастики, эпической топо-и гидронимии, а через это — и на возможность былого родства эллинов и индо-иранцев, которое могло иметь место в период присутствия тех и других в рамках лингвокультурной общности носителей индоевропейских языков на территории их общей прародины, локализуемой современной наукой всё чаще и чаще на территории степи и лесостепи Евразии.³

Исследованиями последнего времени также доказана и обоснована актуальность такой переориентации внимания к объекту и предмету исследования, при которой первостепенной важности акцент должен быть сосредоточен на историко-лингвистических и этимологических аспектах, с одной стороны, процесса этногенеза ведических ариев, иранских племен и эллинов во II тыс. до н. э., когда они начали движение на территории, где впоследствии их застала позднейшая античная и древневосточная традиции, с другой. Все это вместе взятое, как нам представляется, служит весомым основанием в пользу того, что осмысление этнонимов будинов и гелонов (равно как и их соседей — савроматов, меланхленов и невров) следует производить в соответствии с общими требованиями, распространяемыми на исследования в области этногенеза практически всех народов Старого Света эпохи древности, поскольку через анализ терминологии, этнонимии, ономастики, отраженных в языке элементов культуры и религиозных представлений, при понимании разнотипности, сложности и асинхронности этно-генетических процессов и культурогенеза, только и появится возможность за дымовой завесой мифологической традиции, отложившейся в разнотипных произведениях от Гомера до Аммиана Марцеллина увидеть историческую реальность.

Таким образом, возможность рассмотрения будинов и «исконных» эллинов» Гелона в плане их идентификации с индо-иранцами и пра-греками может опираться на результаты достигнутые в современной науке: 1) локализацию большинством специалистов индоевропейской прародины в степи

(и лесостепи) Восточной Европы; 2) установление здесь же очага импульсивной, хаотичной, волнообразной, направленной строго в юго-восточном и юго-западных направлениях, а не наоборот миграции праариев (составной частью которых были праэллино-фрако-фригийцы); 3) представления о незавершенности процесса разделения праиндо-иранцев и праэллинов и смешанном характере олицетворяемых их этносами культурных общностей пастушеских племен, достигших Северо-Западной Индии и Северо-Западной Греции.⁴

Самым существенным аргументом в пользу необходимости производства исследования в указанном направлении выступают результаты этимологического осмысления племенного названия «Будины», указавшего на его и.-а. корни (либо *bhuta-patha* (Трубачев), либо *urs-*bghu* (Огибенин), последний из которых ближе всего подходит к известному, принятому Б. Н. Граковым, определению Ст. Византийского (*bou-dinoi*). Не менее показательным явилось установление возможности восхождения этнонима (политонима) «Гелоны» и названия одноименного города в сохраненном финно-угорскими языками и.-е. слова **gaele* (Абаев), вполне вписавшегося в представления об этно-археологической атрибуции их соседей фиссагетов.⁵

Важность установленных фактов заключена не в них самих, а в том, что, благодаря им, вскрылся мощнейший пласт не востребованной ранее исторической информации, подтвердившей действительность длительного сосуществования праэллинов и праиндо-иранцев как до их разделения, так и в период совместного переселения тех и других в новые места обитания.

Весьма показательными в указанном отношении служат два, дополняющие предшествующие наблюдения, свидетельства, исходящие из древнеиндийской и древнегреческой традиций. В Законах Ману (XI в. до н. э.) присутствует утверждение, согласно которому, все племена-вероотступники (*Saka, Aila, Апи, Turvasha, Iskusa* и др.) произошли от кшатриев-враггов (*hsaya vrathya*). Типологическая родственная и по смыслу, и по содержанию картина представлена комментатором перипла Понта Эвксинского Арриана (II в.) Львом Диаконом (X в.), который ссылаясь на первоисточник, приводит данные о том, что Ахилл, сын Пелея, был родом скиф, которого они изгнали из своей земли и тот вынужден был поселиться в Фессалии. До недавнего времени такого рода информация могла показаться нонсенсом. Теперь же очевидна глубинная связь между происходящими из далеко отстоящих друг от друга, и кроме того, разновременных традиций, объединенных, тем не менее, центральной идеей-идеей первоначального родства ведических ариев и праэллинов (Ахилл-предводитель и родоначальник племени эллинов) в один и тот же период сосуществования тех и других.

Такого порядка совпадения, как показали результаты, произведенного нами исследования, носят не только не единичный характер, но напротив являются массовыми, если подобное определение применимо к анализируемой ситуации. Оставляя в стороне множество других, приведем наиболее

показательное и не оставляющее никаких сомнений в том, что такое родство между эллинами, индийцами и иранцами представляет собой не вымысел воспаленного воображения, а историческую реальность. Оно связано с тем, что племя Ядос (Iados) упоминается на протяжении всех 10552 стихов Ригведы (I, 36- до X книги). Согласно же Диодору, земля, которую они населяли (Iados) является греческой, расположена в Пелопоннесе и что именно в ней есть город Олепои, который впоследствии был назван Ахайей (Diod., V, 61, 1).

Еще более яркими и существенными представляются данные о детях Гелиоса-гелиадах (имя которых включает ведийский этноним Iados), одним из которых был Перс, но богиней которых выступала Афина, под водительством которой они изгнали пеласгов из Фессалии (Diod., I, 58, 2). Обращает на себя внимание грамматическая форма, присутствующая в труде Диодора-*ton arhaion*, переводимая О. Цыбенко как «ис покон веков», что существенно уточняет и понимание *to arhaion Hellenes* Геродота в определении гелонов (они-«споконвековные», а следовательно, первоначальные (изначальные) эллины).⁶

Возможно, такое представление следует связывать с упоминанием в Ригведе племени *alipas* (например, VII, 18, 7), причем совместно с медами, которые являлись, в свою очередь, одним из подразделений племенного объединения *apus*, имевшего троичное разделение, к которому также относились *Iaksas* (гиксосы? якса? иксоматы?) и *danavas* (I, 32, 14; VII, 33, 17). Согласно античной традиции (одной из ее версий), Мед являясь сыном Эгея и Медеи, стал царем Мидии, где и убил Перса (Diod., IV, 55, 4–6; 56). То, что меды были фракийским племенем, указывает Плутарх в биографии Александра Македонского и происходившего из их среды Спартака. Самое же примечательное состоит в том, что данный этноним сохранился в имени эпического героя-предводителя фракийцев Диомеда, персонаж которого, наряду с Атридами и Эакидами был известен и древнейшим песням Ригведы (при известном различии: там они — представители жреческих, у греков же — ахейских-царских родов). Такое наблюдение подкрепляется и присутствием в песнях Ригведы термина *Iksiaku*, которое не только находит параллели в этнонимии Восточной Европы в трудах Птолемея и Диодора (*aksiakoi*/*Iksiakoi*), но и указывает, возможно, на своё присутствие в корневой основе одного из героев греческой мифологии по имени Иксион (*Iksionos*). Но еще более существенным в указанном отношении нам представляются упоминания о племенах *Alinas* и *Bhalana* в VII мандале Ригведы как составных частях единого союза племён, осуществлявшего противоборство с «истинными арийцами» в бассейне р. Инд (RV, VII, 23–33), заставляющее ещё раз задуматься в отношении определения Геродотом жителей периферийного заскифского города как *to arhaion Hellenes*, т. е., согласно наиболее точной трактовке, как «изначальных эллинов».

Понятно, что достижение искомого результата станет возможным только при самом внимательном анализе фактов древнеиндийской и греческой

мифологии, традиции сравнительного изучения которых к настоящему времени имеют довольно длительную, устойчивую и располагающую результатами традицию. И хотя по-прежнему специалисты по-разному трактуют трудноразрешимые противоречия между мифами и исторической реальностью, в особенности, относительно локализации территории первоначальной прародины индоевропейских племён вообще, области совместного проживания эллинов и индо-иранцев, в частности, общепринятым, однако, остаётся подход, опирающийся на постулат о сюжетном, тематическом и идеологическом сходстве древнеиндийской, древнеиранской, древнегреческой и древнеримской мифологических традиций, используемый в том числе и в решении проблем этногенеза их носителей.⁷

Реализация такого похода, начиная с античности (см., например, Thuc., I, 10; Diod., IV, 1–4) и по настоящее время встречает сопротивление со стороны устоявшегося в науке представления о чрезвычайной сложности, а следовательно, и недостоверности хронологических пластов той исторической информации, которая отложилась и в закодированном виде присутствует, особенно в изложениях древних мифов.⁸

Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что связать мифологические предания древних греков (равно как древних иранцев и индийцев) с конкретными историческими данными — дело неблагодарное, безосновательное, и как показывают результаты исследования т. н. «Паросской надписи», ненадёжное.⁹ Однако есть и другое отношение к оценке познавательных возможностей мифа, которое достаточно давно было сформулировано К. Цереньи. По мнению исследователя, миф — не просто сказание, соединённое с ритуалом и актуализацией его формы, не только предание приобретающее смысл настоящего, а прежде всего «давняя история, некогда пережитая предками и дошедшая до потомков».¹⁰ Ещё более точно тезис о сущности информационных возможностей греческих мифов сформулировал А. И. Зайцев. «Нужно изучать то, — указывал этот исследователь, — как сами греки представляли свою мифологию и историю религии. При этом не надо забывать: их представления отнюдь не являются реальной историей. Они — историческая перспектива в их религиозном сознании».¹¹

С точки зрения решаемой проблемы наиболее целесообразным представляется предложенный А. Бартонек метод разделения греческих мифов на две основные группы, первую из которых он определил как «дотроянский цикл сказаний о поколениях греческих героев». Особый интерес среди них, по мнению учёного, приобретают сказания о трёх пришельцах с Востока, благодаря которым получило свой импульс культурное развитие наиболее значительных областей древнейшей Эллады и с которыми связано как становление важнейших династий царей, так и крупных городов.¹²

Самым древнейшим событием греческой истории в них считается рассказ о прибытии в Грецию Даная — одного из прямых праотцов микенской культуры. Оно зафиксировано в известной Паросской надписи и в переводе

на наше летоисчисление датируется XVII–XVI вв. до н. э. Примерно на то же время, согласно этому эпиграфическому источнику приходится появление в Элладе царевича из Тира, сына царя Агенора, Кадма, который в поисках похищенной Зевсом своей сестры Европы очутился в Беотии, где основал Фивы и положил начало знакомству эллинов с новой письменностью.

Казалось бы именно они должны стать начальной точкой отсчёта собственно эллинской истории на Балканах и в Эгеиде в целом. Изучение географических реалий и событий, отложившихся в мифах греков, однако, указывает на срединное, промежуточное по хронологии, место указанных сказаний, которым предшествовали мифы «доданайско-кадмейского» круга, отложившиеся в «Илиаде» Гомера и уводящие своими информационными пластами во времена миграции и формирования самого этноса эллинов. В качестве примера можно сослаться на присутствующие в трудах Диодора и Павсания утверждения, согласно которым в сказаниях эллинов Дионис был персонажем исключительной (исконной) древности (*to arhaion* (Diod., IV, 1, 6), а внуки родоначальника ахейцев-Ахея были современниками и зятьями Даная (Paus., II, 16, 2; 25, 7).

С учётом данного обстоятельства, а также имея в виду присутствие упоминаний об Атридах и Эакидах в текстах Ригведы, наиболее целесообразным, в особенности, опираясь на опыт, произведённый А. А. Молчановым, нам представляется рассмотрение прежде всего тех данных, которые отложились о них, в соответствующих циклах мифов самих греков.¹³ При этом особенно информативной и показательной, по нашему мнению, является, господствующая в них, идея непрерывной династической легитимности тех царских родов эллинских племён, основоположниками которых, в частности, являлись, соответственно, Эак и Атрей. Неслучайно, в общественном сознании Древней Греции необходимую устойчивость приобрело представление, согласно которому Зевс дал дому Эака — Власть, Мудрость — дому Амифаона и Богатство — дому Атрея (Paus., II, 18, 14; Suda s. v. *alce*).¹⁴

Из них фигура Эака и то, что о нём известно по посвящённым ему мифам, и по древности, и по своему историко-географическому и этно-лингвистическому статусу, помимо всего прочего позволяет составить представление о характере и направлениях расселения древнейших эллинских племён на Балканском полуострове и прилегающих к нему островах Эгеиды.

Относительно его происхождения в античной традиции не было единства.¹⁵ В древнейшей версии он рассматривался в качестве сына речного бога Асопа и Эгины — дочери бога реки Ладон, внучатого потомка Океана и Фетиды (Apollod., III, 12, 6; Diod., IV, 72; Pind., Isthm., VIII, 17).¹⁶ Во всех последующих имена родителей Эака менялись: в качестве его матери называлась Перо, Эгина или Эвринома, а отца-Посейдон или Зевс (Callimach., Del., 78). В этом последнем случае обращает на себя внимание и версия, согласно которой его родителями были Зевс и Европа, а сам он считался средним сыном, рождённым между Миносом и Радамантом (Apollod., III, 12,

6; Pind., Nem., VIII, 6; Ovid., Met., VI, 113)¹⁷. Показательно, что преобладающее большинство версий сказаний об Эаке связывают его происхождение с о. Эгина, Эпиром и Фессалией, а всю последующую жизнь и деятельность его самого и его потомков — с Мегарами, Спартой, Афинами и даже с Троей, в строительстве которой он наряду с Посейдоном и Аполлоном принимает участие (Pind., OlymP., VIII, 30). Весьма информативен и т. н. «вещий» сон Эака, среди видений которого обращают на себя внимание сюжеты, связывающие героя с Додоной и Фессалией и Дельфами, почитанием коня и священного дуба, заселения опустошённой засухой земли людьми-муравьями (*myrmydonoí*), упавшими с дуба, произросшего из додонского жёлудя, его переселения на континент и предводительство (вождество) союзом племён, в который объединились мирмидоняне, минийцы, пеласги и ахейцы, наконец то, что он являлся в конечном итоге общим предком Теламона и Пелея, Фока (основателя страны вокруг Дельфов — Фокиды), Аякса (от Теламона и Перибей, внушки Пелопса), Тевкра и, наконец, Ахилла (рождённого Пелеем и Фетидой) и Патрокла, сына сводного брата Эака Мелантия (Il., XVIII, 434; XVI, 143; Paus., X, 1, 1; II, 29, 7; Euripid., Andr., 687; Tzetz., Schol ad Lycophr., 175; Diod., IV, 72; Apollod., III, 12, 6–7; Euseb., Schol ad Il., XVI, 37). Сохранилось в мифологической традиции и представление о существовании пророчества Аполлона, согласно которому Троя будет завоёвана сначала сыновьями Эака в первом (Теламон) и четвёртом поколении (Pind., OlymP., VIII, 30).

В мифах о сыне Эака Пелее обращают на себя внимание свидетельства о связях эакидов с племенами кентавров и лапифов, которые имели место на территории Фессалии. Подобно тому как герои Спарты и Афин сражались на стороне Эака, кентавры во главе с Хироном спасли Пелея во время Калидонской охоты. Данное обстоятельство рассматривается в специальной литературе в качестве свидетельства существования экзогамного союза кентавров из Магнезии и фессалийцев из Иолка. Информативны эти данные и относительно хозяйственной деятельности (или ХКТ) первоэллинов в Фессалии. Считается, что само название *kentauroi* происходит из словосочетания *kentein+tauros* (охотники на диких быков) или от существительного *kentores* (*hippon* — всадники). Во всяком случае, в поэмах Гомера, они, представленные терминами *feres/teres* (дикие охотники, ловцы зверей), отождествляются с горным племенем Фессалии, изгнанными с Ойта и Пелиона лапифами к отрогам Пинда и границам Эпира (Il., I, 268; II, 743; Od., XXI, 295 и сл.).¹⁸ По самому древнейшему преданию, «не слезающие с коней» кентавры имели в качестве своих предков сына Кроноса — Хирона и его супругу Филиру (по другой версии, Иксиона и Нефелу (Il., XI, 831; Ovid., Met., XII, 210), отличались животной страстью к вину и женщинам, по причине чего уподоблялись сатирам в свите Диониса, перед колесницей которого, они, руководимые эротами, трубя в рога и играя на лире, составляли вакхическую кампанию нимфам и вакханкам (Sophocl., Trahin., 1095).

Но самое главное, дочь предка кентавров Хирона, согласно тем же преданиям, была матерью Пелея и Теламона, и бабушкой Ахилла и Аянта. Что касается лапифов (*lapithoi* (каменные, горные)), то они были соседями кентавров и также обитали в горах и лесах Оссы и Пелиона. Правда, предком этих племён считался Пеней — бог реки, протекавшей там же в Фессалии, дочь которого родила от Аполлона сына Лапифа (Diod., IV, 69–70). По мнению мифологов, в лапифах следует видеть одно из древнейших, родственное кентаврам, постпеласгическое племя Фессалии, которое с помощью Геракла было изгнано из мест своего проживания родоначальником дорийцев, сыном Эгимия, Дором ближе к концу II тыс. до н. э.¹⁹

Обращаясь к родословной рода Атридов следует указать на отложившиеся в мифологии представления древних греков о его глубочайшей древности.²⁰ Во всяком случае относительно дома Атридов составителями мифов его эпоним — Атрей определялся потомком в третьем поколении, тогда как в качестве отдаленнейшего предка и основателя этого рода считался Тантал, внук Кроноса и сын Зевса, убийца своего незаконнорождённого сына Пелопа, низвергнутый Зевсом в царство Аида преступник, царь-солнце и царь леса, которому удалось объединить под своей властью Лидию, Фригию, Аргос и Коринф, основать Милет до критян и более того, стать главным персонажем культа, господствующего на всём Пелопоннесе (Hom., Od., XI, 582–592; Pind., OlymP., I, 37–39; Paus., II, 22, 4; II, 22, 4; X, 30, 1; 31, 4; Schol. ad Pind., OlymP., III, 41; Hesiod., Theog. Et schol., 335; Apollod., II, 2–3; Diod., IV, 74; Plin., V, 30). О восточном происхождении Тантала свидетельствует Страбон, упоминающий наряду с ним Пелопа и Ниобу и определяя их этнос фригийским (Strab., XII, 8, 21). Обращает на себя внимание и присутствие в мифах о Тантале упоминаний об обряде «оживления» детей царского рода Зевсом (или напротив, существования в глубоком прошлом эллинов практики принесения их в жертву Зевсу-Дию (Paus., II, 22, 4), связываемой с фактом убийства Танталом своего незаконнорождённого сына Пелопа (Apollod., Epit., II, 4; Paus., V, 1, 3; Gig., Myth., 250)).²¹

Последний рассматривался в качестве официального и законного преемника власти своего отца. Своим покровителем (и одновременно родителем), по данным мифов, Пелоп считал бога восточного происхождения Ареса. Но самым главным в различных версиях сказаний о нём является, присутствующее, устойчивое, указывающее на глубокую древность происхождения, представление о начальном периоде его жизни в Южном и Северном Причерноморье. Согласно нему, он правил лидийцами и фригийцами из резиденции Энет, расположенной на берегу Понта Эвксинского. Впрочем, из Пафлагонии он был изгнан варварами в Лидию, где и обосновался на горе Сипил. Но и здесь его пребывание было временным: царь Трои Ил вынудил переселиться Пелопа в Элиду (путь пролёг через Лесбос, о. Елену и Эвбею), где он заключил династический брак с дочерью царя Писы Эномая Гипподамией, а также взял в жёны дочь Даная Эврифею (Diod., IV, 73; Paus., V, I, 13). Элида времени

Пелопа представляла собой область, в которой в 16 городах проживало 8 племён. Здесь у него от Гипподамии появляются 23 наследника, самыми первыми среди которых традиция называет Питфея, Атрея и Фиеста (примечательно, что 17-ый по счёту сын Пелопа носил имя Эллин).

Известны и некоторые подробности относительно деятельности Пелопа в Элиде. В частности, от Писы напротив Олимпии он обустроил дорогу до жертвенника Посейдона на Коринфском полуострове, предназначив её для состязаний на пароконных колесницах (Apollod., X, 4; Paus., V, 10, 2; 17, 4; VI, 21, 6; Diod., IV, 73). Сообщается также об используемых в данном состязании породах лошадей и типах колесниц: у Эномая они были *северной породы, от Борея*, быстрые, а у Пелопа — подаренные Посейдоном вместе с колесницей, которая могла мчаться и по морю (Apollod., II, 5; Paus., V, 14, 5; Diod., IV, 73). Помимо этого, Пелопу приписываются завоевания Олимпии и Аркадии, поход на Фивы, военные экспедиции в западном направлении (куда, не сообщается (Apollod., III, 5, 5; Gig., Myth., 85, 271), в результате чего он установил свой контроль над Апией-Пеласгиотидой, которую переименовал в свою честь Пелопоннесом (Strab., X, I, 7; Paus., VIII, 14, 7; Apollod., II, 5). Наконец, как свидетельствует «Илиада», со времени Гомера, в общественном сознании ионийских греков он стал рассматриваться в качестве предка всех ахейцев (II., II, 104).

Дальнейшая биография героя связана с внутрдинастической борьбой в Элиде, откуда он вынужден бежать в Микены. Событие это излагается мифами в трёх версиях. Согласно первой из них, в Микенах, правивший там его племянник Эврисфей, на время совершения своего военного похода назначает Атрея царём вместо себя. После поражения Эврисфея, аристократия Микен избирает Атрея своим полномочным правителем. По второй версии, данное событие отодвигается во времена жизни отца Эврисфея-Сфенела, изгнавшего из Микен тамошнего царя Амфитриона и пригласившего Атрея и его сводного брата Фиеста на соправление в соседний город Мидею. Представляет интерес местоположение последнего: *Мидея была расположена неподалёку от Микен и р. Танаос, разделявшей Арголиду и Лаконию (!)*.²² И наконец, третья версия само начало царствования Атрея связывала с периодом после естественной смерти Сфенела и Эврисфея (Apollod., II, 4, 6; Thuc., I, 9; Eurip., Orest., 12). Отсюда, по свидетельству Аполлодора, Атрей изгоняет своего брата в Сикион к Феспроту, дочь которого была жрицей культа Афины Колакасии (Kolokasia (!) и от которой Фиест бежал в землю отцов — Лидию (Apollod., Epit., 14). Впрочем, имело хождение и убеждение, что свой третий брак Атрей заключил именно с ней, от которой родился его сын и убийца Эгисф (Aesh., Agam., 1603; Paus., II, 16, 15; 18, 2–3). Только после этого Атрей заключает династический брак с дочерью критского царя, наследника Миноса, Катрея Аэропой (Европой), которая и родила ему знаменитых наследников: Агамемнона, Менелая и Анаксибия (Hom., II., 107–108; Eurip., Hel., 392; Gig., Myth., 86).

Примечательными представляются и свидетельства мифологической традиции, согласно которым, во-первых, символом царской власти в Арголиде вообще, Микенах, в частности, служило золотое руно, а также то, что во времена убийства Атрея Эгисфом в качестве такового служила серебряная чаша с изображением на дне золотого барашка²³, а во-вторых, сохранённые Страбоном и Лукианом данные об астрономических познаниях Атрея: по свидетельству античных авторов Атрей доказал, что Солнце и Земля движутся в противоположных направлениях (Strab., I, 2, 15; Luc., De Astr., 12).

Относительно обстоятельств смерти Атрея традиция единогласна: он умирает от руки Эгисфа. То обстоятельство, что дети Атрея, Агамемнон и Менелай, находились на попечении этолийского царя Ойнея, а также то, что само убийство имело место в годы правления в Сикионе потомка местных династов в 24-ом колене — царя Полифида (Paus., II, 18, 4), по нашему глубокому убеждению, позволяет, опираясь на представления древних греков о временной протяжённости жизни одного поколения (33, 5 года по Геродоту), определить примерную дату данного события: *2032 г. до н. э.* (или *1982 г. до н. э. (!!!)*)²⁴. Время правления Эака представляется возможным определить на основании генеалогии царей Арголиды, присутствующей у Павсания в описании Аттики. По его данным, от Фарипа, первого царя до Пирра, сына Ахилла можно насчитать 18 поколений. Соответствующие подсчёты, как по максимуму, так и по минимуму, дают даты **1834/1867 гг. до н. э.**, т. е. вполне вписываются в выше определённую. (Paus., III, 11, 1). Наконец, на вероятность выявления указанной хронологической реалии позволяет надеяться и, переданная Ю. Цензором, информация Эратосфена, по подсчётам которого наиболее удалённые во времени, хотя и относящиеся к концу мифического времени, события, отстоят от времени исследующих их историков следующим образом: от Оигесова потопа до воцарения в Арголиде Инаха — 400 лет, от него до Падения Трои — 800 лет и отсюда до 1-ой Олимпиады — 400 лет (Сепс., 21). Если перевести данные «Хронографии» на современный язык, отталкиваясь от времени падения Трои по Эратосфену (1184/3 гг. до н. э.), выявляется весьма близкая дата — *1984 г. до н. э.* Примерно на то же время указывает время жизни Ликаона сына Пеласга, потомка того населения Арголиды, с которым праэллины столкнулись по прибытии на Пелопоннес. Согласно традиции он жил за 18 поколений до Троянской войны, что при соответствующем подсчёте позволяет установить дату: *1843/1783 гг. до н. э.* Но самым показательным и важным в названном отношении нам представляется то, что результаты приводимых подсчётов в сопоставлении с датировками современной науки, вполне вписываются в существующие к настоящему времени определения специалистами времени первого появления ахейцев-эллинов в Балканской Греции между 2230–1900 гг до н. э..²⁵

В суммарном плане информация о родоначальниках ахейцев — Пелопидах и Атридах выглядит следующим образом. Самым древнейшим предком ахей-

цев традиция называет Тантала, сына Зевса (или Тмола), царя Лидии, потом Аргоса и Коринфа. Он носил титул «царя-солнца» и «царя леса». Согласно Страбону, по происхождению Тантал был фригийцем (Strabo., XII, 8, 21).

В доолимпийскую эпоху его преемником стал Пелоп (Пелопс) из Энета на Понте Эвксинском, который правил лидийцами и фригийцами²⁶. Среди жён последнего упоминаются дочери царей Эномая (Писа) и Даная. Изгнан из Малой Азии царём Трои Илом, откуда переселился в Пису (Элида). Путь, которым он достиг Пелопоннеса пересекал острова Лесбос, Елена и Эвбея. После этого завоевал Олимпию и Аркадию, воевал с Фивами. Пелоп — обладатель лошадей и колесницы Посейдона, быстрых северных коней Борея, подаренных тестем Эномаем. Учредил бег на колесницах до Коринфского перешейка. Он — отец 23 детей, среди которых 17-тый носил имя Эллин.

После него главным героем аргосской традиции становится Атрей, сын Пелопа и Гипподамии, который по каким-то неназванным обстоятельствам покидает Элиду и бежит в Микены, где царствует после смерти Сфенела и своего племянника Эврисфея. Правда, перед этим он правит совместно со своим братом Фиестом в Мидее. Впрочем, и его он изгоняет сначала в Сикион, откуда тот бежал на родину отцов — в Лидию.²⁷

Символом царской власти Атрея (как и его соправителя Полиника) в годы царствования в Фивах (они называются также детьми Эдипа) служит Золотое руно. Известно, что вторым браком он сочетался с дочерью царя Крита Катрея Аэропой (или Европой). От неё имел многочисленное потомство, среди которого называются Агамемнон, Менелай и Анаксибий. Третьей женой Атрея называется Пелопия, дочь царя Сикиона Феспрота (эпонима одноимённого племени), которая была жрицей культа Афины Kolaksia и матерью его сына и убийцы Эгисфа. Самое же знаменательное в показаниях мифологической традиции, как уже отмечалось выше, заключается в констатации факта, согласно которому к этому времени в Сикионе правил 24-тый царь, т. е. если просчитать время по поколениям, то устанавливается дата прихода первых эллинов в Элладу — **2022 г. до н. э.!**

Интерес представляют и известия традиции, в первом случае, о том, что вторая дочь Критского царя Катрея вышла замуж за знаменитого мореплавателя и судостроителя, царя Навплия, который основал одноимённый город и поселил в нём «египтян» из экипажа Даная, а во втором — о Салмонее, царе Фессалии, эолийце по происхождению, колонизовавшего Элиду. Дочь последнего Тиро, олицетворявшая собой единство тиринфян и тирренов (или тирсенов, от Tyro, tyrsis), стала матерью, ведущих своё происхождение по линии царей ахейцев, эолийцев (во всяком случае таковым являлся Салмоней) и фтиотийцев, Пелия и Нелея.²⁸

Среди других своих родоначальников ахейцы называли 4-го потомка (праправнука) Даная — Персея.²⁹ Он был сыном Зевса (Прета) и Данаи. Одновременно Персей считался и как потомок Геракла. До появления

в Греции скитался по Ливии. Через своего брата Прета имел родственные связи с Ликией и тамошним царём Иобатом. В Ливии у него родился, считавшийся родоначальником персов — Перс. Самое же важное в том, что Персей считался изгнанником, завоевавшим Аргос и установившим свою власть в Тиринфе и по всей Арголиде. Он же — основатель Микен и реставратор Мидеи. Геродот подчёркивает связь между Данаей, матерью Персея и вторжением данайцев из Аргоса в Ливию (Herod., VI, 61; Apollod., II, 4, 5).

Не менее важна с точки зрения изучаемой темы и, вызывающая со времени античности до настоящего времени многочисленные споры, фигура основателя и царя Фив Кадма.³⁰

Кадм — финикийский (!) царь (Apollod., III, 4, 3; AP. Rhod., Argonaut., IV, 1133–1138). Упоминается свадьба Кадма и Гармонии, на которой не имевшая мужей Деметра вступает в любовную связь Иасием (Иасионом) — царём Беотии. Деметра рождает Плутоса. Впоследствии, согласно традиции, этого Иасия (Иасиона) убивает Зевс (либо брат царя Дардан). Впрочем, существовала и, восходящая к Гомеру, версия, по которой Иасион был разорван собственными конями (Hom., Od., V, 125, 128; Hes., Theog., fr. 969; Diod., V, 49;). Сам Кадм имеет дочь Семелу.

С Кадмом связано весьма примечательное событие и место, где оно произошло. Когда Зевс был побеждён титаном Тифоном в районе горы Кас на севере Сирии, где лишился своего каменного топора и где был похоронен расчленённым в пещере, Кадм обманом возвращает серп Зевсу и тот, возрождённый, отправляется на Олимп, откуда с новыми силами и с использованием колесницы изгоняет титана в город Ниса во Фракии и откуда тот бежит на остров Сицилия, где и низвергается в Тартар, придавленный Зевсом с помощью горы Этна (Apollod., I, 6, 3; Pind., Pyth., I, 15–26).

Утверждалось, что Кадм возвратил в Беотию алфавит пеласгов — письменность, создателями которой считались Ио, Паламед и Гермес, последний из которых перевёл звуки в буквы, придав им клинообразную форму (Gig., Myth., 237; Philostr., Dial., X, 3 (существовала и иная версия: по свидетельству Плиния, алфавит изобрёл египтянин Менон за 15 лет до правления царя Аргоса Форонея (Plin., VII, 57.)).

«Земная» история Кадма более прозаична. Он — сын Телефассы и Агенора, брат-близнец Бела, ещё троих братьев (Килика, Фасоса, и Киней) и сестры Европы. Обращает на себя информация, согласно которой его отец Агенор, рождённый Ливией и Посейдоном обосновался в Финикии (г. Тир) как пришелец из Египта. Именно отсюда в облике быка Зевс похищает его дочь Европу и уводит её на Крит, где она рождает богу Миноса, Сарпедона и Радаманта. На её поиски Агенором и отправлены Килик, Фасос и Киней. Первый пошёл в Ливию, в землю гипахеев, которая после него стала называться Киликией. Фасос искал Европу в Олимпии, после чего осел на одноимённом острове. Финей занимался тем же на Самофракии. Интерес представляет и муслируемое традицией время данного события: оно про-

исходило за 165 лет (т. е. за пять поколений) до рождения Геракла, сына Амфитриона, царя Фасоса. В поисках дочери сам Кадм проделывает путь на Родос (как и Данай) и оттуда на о. Фера, населённый фракийцами-эдонами, после чего через Дельфы приходит в Фессалию и основывает город Кадмейон (Фивы) на месте, указанном клеймлёной коровой, полученном от жрецов общеэллинского оракула.

Кадм был отцом Агавы, вышедшей замуж за иллирийского царя Ликоферса. Кроме того в мифах греков называлась и другая его дочь Ино (будущая Левкотей), которая от беотийского царя Афаманта, брата Сизифа, родила Меликерта и Леарха. Присутствует в них и информация о том, что от законной жены Нефелы Афамант произвёл Фрикса и Геллу. Наконец, мифы свидетельствуют о наличии на теле Кадма (как впоследствии и у всех его потомков) родимого пятна в виде змея (Soph., Antig., 86; Gig., Myth., 273; Apollod., III, 7, 1).

Из того же фиванского цикла в интересующем нас направлении привлекают внимание следующие упоминания: 1) относительно Зета и Амфиона — царей Фив, заключивших браки, соответственно, с дочерью Тантала Ниобой и милетянкой по имени Эдона, причём, первая впоследствии переселилась в Ликию. 2) об Антиопе — дочери беотийского царя Никтея, которая бежала от него к царю Сикиона и от кого её дядя (или муж) Лик, третий царь Фив после Пенфея, сына Агавы, дочери Кадма и Гармонии, одержав победу, вернул обратно в Фивы (Apollod., III, 5, 5; Gig., Myth., 8; AP. Rhod., I, 735–741 Paus., II, 6, 2.).³¹

Весьма информативными нам представляются, присутствующие в мифах, оценки как главных достоинств царских родов эллинов, так и о выполнении Эаком после своей смерти судебных функций в загробном мире. Считалось, что Зевс дал Власть — дому Эака, Мудрость — дому Амифона и Богатство — дому Атрея (Hom., II., 108, 569–580; Suda. s.v. alce). Видимо, по этой причине, Эак-властитель наряду с Миносом и Радамантом превратился в одно из трёх главных божеств подземного царства, которое не имело ничего общего с Аидом древних греков, поскольку Элисиум, где правит Кронос, с рекой памяти и священными белыми тополями, граничащий с островами Блаженных, представлен в мифах местом, обитатели которого, представ перед судом Радаманта и Эака (в спорных случаях свою волю проявлял Минос) *получали возможность повторного рождения*, а те из них, *кто трижды испытал перевоплощение в обоих мирах* гарантированно получали «постоянное место жительства» на соседних островах. Если принять во внимание отождествления островов Блаженных в специальной литературе (1. о. Левка на Понте Эвксинском, против устья Истра, на котором обитают тени Елены и Ахилла (Paus., III, 19, 11; Philostr., X, 37, 40; 2. о. Левкада в Ионическом море напротив устья р. Ахерон и о. Ахерусия, куда переселилась душа Ахилла), то получает право на существование предположение о неслучайности соединения в различных мифологических версиях

региона Северного Понта и Эпира. Последнее вполне могло соответствовать отложенности в генетической памяти древних греков (на уровне бессознательного) представления о своём происхождении, связывающем их этнос с территорией побережий Понта Эвксинского. Весьма показательными представляются в указанном отношении сохранившиеся в трудах Страбона и Плиния указания на наличие ахейской гавани напротив Ольвии, занимающихся морским пиратством ахейцев кавказского побережья, ахейской бухты и местечка Афидны вблизи Термодонта и города Синопа. Но еще более информативным выступает тот пласт сообщений, который роднит представления эллинов и индо-ариев относительно роли и социальных функций т. н. «дваждырождённых», который к тому же достаточно ощутимо вписывается в близость сюжета и действующих лиц цикла греческой мифологии — «Семеро против Фив», Ригведы (XV) и Махабхараты (XXII).³²

Если суммировать рассмотренные данные, то получается, что Эак — сын Европы и Зевса, Асопа и Эгины (Энопы), дочери бога реки Ладон — предводитель союза мирмидонян, минийцев, пеласгов и ахейцев, родоначальник царских родов последних как эллинов в Фессалии, Фтиотиде и Трое, род которого поклонялся культу коня, царь Эгины, Мегар, мирмидонян, современник и союзник Афин, а также автохтонных (пеласгических?) племён кентавров и лапифов, судья европейцев в Элисиуме / Аиде, отец 12 (20) дочерей и 3-х сыновей, с учётом продолжительности одного поколения по Геродоту (33, 5 года), должен был свершать свои действия (при всей условности и ненадёжности хронологии мифов) *или около 1735 г. до н. э., или 1999 г. до н. э.* Если принять во внимание свидетельства мифов о том, что потомки Эака в первом и четвёртом поколениях станут разрушителями построенной им для троянского царя Лаомедонта Трои (или предшественника Трои — города Лаомедонт, на месте которого она была построена), то, соответственно, мы получим следующие даты: 1) *1702 г. до н. э. или 1966 г. до н. э.; 2) 1703 г. до н. э. или 1867 г. до н. э.*, что, по всей видимости, совпадая с известиями о разрушении города Гераклом, вполне вписывается в археологические реалии Трои VI.

Особое место в мифах греков занимает эпоним одноимённого племени Данай³³, фигуру которого, как уже отмечалось выше, составители «Паросской хроники» рассматривали в качестве эллина — первопришельца в Элладу, а исследователи античности Нового времени, связывая его имя с отложившимся в египетских надписях XIII в. до н. э. этнонимом dnn, относили его прибытие в Арголиду, с одной стороны, с огромным ростом числа сокровищ в Микенах в XVI в. до н. э., а с другой, с исчезновением следов культуры гиксосов в Египте в первой половине того же столетия.³⁴

Исключительной особенностью данного героя мифологии, по сравнению с другими персонажами, является легко просматриваемая за различными пластами и версиями сказаний о нём его связь с Восточным Средиземноморьем, Египтом и Ливией. Прежде всего, на это указывает генеалогия Даная, начинающая свой отсчёт от Ио: он — сын Эпафа, рассматриваемого мифог-

рафами также в качестве отца Ливии, Агенора, Бела и Эгипта, т. е. его братьев.³⁵ О тесных связях с Египтом свидетельствуют данные другой версии, согласно которым Данай являлся сыном Бела-царя Хеммиса (слывшего потомком Посейдона и Ливии) и дочери реки Нил-Анхиной, приходившейся ему матерью. Сообщается также, что Данай имел брата-близнеца Эгипта³⁶, а также другого брата-Кефея (Herod., II, 91; Apollod., II, 1, 4). Упоминается в мифах также о 10 жёнах Даная, от каждой из которых он имел по 5 дочерей и среди которых называются египтянки из Элефантины и Мемфиса.

Мифы сохранили свидетельство о ссоре Даная и Эгипта из-за наследства после смерти Бела, бегстве Даная из Ливии, откуда через Родос он прибыл на Пелопоннес и высадился со своими спутниками у Лерны (Apollod., II, 1, 4; Gig., Myth., 169). Согласно ним, в Аргосе он свергает пеласгского царя Геланора, становится правителем Арголиты и учреждает культ Аполлона Ликейского (Волчьего) (Apollod., II, 1, 5; Paus., II, 19, 3–5). Ещё более показательны данные Геродота о происхождении Даная из египетского Хеммиса, откуда он с Линкеем прибыл в Элладу, и куда его, рождённый ещё в Египте, сын Персей, совершил путешествие за головой Горгоны (Herod., II, 91). Более того, по словам «отца истории», жители Хеммиса были убеждены в своём родстве с Данаем и Персеем в подтверждение чего перечисляли свою родословную вплоть до этих эллинов и указывали на наличие четырёхугольного священного участка и храма Персея со статуями в городе Хеммис в Фиванской области близ Неаполя (Herod., II, 91).

Другими словами, из сообщений Геродота можно составить представление, с одной стороны, об эллинском прошлом (или о совместном прошлом с эллинами) отдельного социума в Фиванской области, а с другой — о том, что эти эллины в Египте были данайцами, эпонимом которых впоследствии рассматривался Данай.³⁷ Весьма существенным в указанном отношении нам представляется свидетельство Страбона, согласно которому *Пелопс привёл в Пелопоннес народы из Фракии, а Данай из Египта* (Strab., VII, 7, 1), которое вписывается в утверждение Аполлодора о приходе на полуостров племён, возглавляемых Даном и Ксуфом, по имени последнего из которых они были названы ионийцами (Apollod., III, 8, 1).³⁸

Среди других свидетельств о Данае обращают на себя внимание два: 1) данные о богине-покровительнице данайцев Афине/Атане, в честь которой их эпоним, построил и посвятил ей на Родосе храм (Apollod., II, 1, 4; Herod., II, 182; Diod., V, 58, 1; Strab., XIV, 2, 8; Gig., Myth., 168);³⁹ и 2) указание на Посейдона как божество водных источников Арголиты, жертвоприношения которому совершались у источника Амимона (названного по имени одной из дочерей Даная), который давал начало, не пересыхавшей даже в разгар лета, реке Лерна (Apollod., II, 1, 4).⁴⁰

Итак, Данай — внук Зевса и Ио, сын царя Бела (родителями которого в свою очередь считались Посейдон и Ливия), дважды брат-близнец: Агенора и Эгипта, имел сестру Анхиною (дочь, правившего в фиванском

Хеммисе, Нила (Herod., II, 91; Apollod., II, 1, 4) и брата Кефея. Среди 10 жён Даная (от каждой у него по 5 детей), наряду с другими, в мифах упоминаются египтянки из Элефантины и Мемфиса. По причине многожёнства Данай и Эгипт называются в традиции эллинами, перенявшими чужеземные обычаи, причём, что весьма информативно, сам Данай считался ставшим египтянином не до конца. При этом общим предком Ливии, Агенора, Бела, Эгипта и Даная определяется Эпаф. В связи с этим нельзя не упомянуть и того, что Геродот считал данайцев египтянами, а самого Даная эпонимом ахейцев (Herod., II, 91). Позже, как свидетельствуют комментарии об Иосифе Флавии, эллинистический историк Манефон пытался безуспешно отыскать упоминания о данайцах в египетских источниках (Fl. Jos., AP., I, 15).⁴¹

Отложились в мифах и данные о бегстве Даная из Ливии после смерти Бела и ссоры с Эгиптом. На изобретённой и построенной им пентеконтере, посадив за вёсла своих 50 дочерей, он достигает Родоса, откуда прокладывает курс на Пелопоннес, где высаживается у Лерны. В Аргосе он свергает правившего там царя пеласгов (Апии?) Геланора, захватывает власть и учреждает культ Аполлона Ликийского (Paus., II, 19, 3–5). На этом информация о Данае не заканчивается: в мифах присутствуют различные трактовки вторжения Эгипта на Пелопоннес, осаде им г. Аргос и последующем заключении мира между двумя братьями. Вопрос о времени развёртывания перечисленных «событий», запечатлевшихся на уровне мифологии в общественном сознании Древней Греции, снимается благодаря упоминаниям Эпафа-общего предка Ливии и её сыновей, одним из которых наряду с Эгиптом был Данай. Принятое в науке отождествление Эпафа греческих мифов с именем гиксосского фараона в Египте Апопи, позволяет отнести «легендарное» время развёртывания перечисленных событий к периоду *между 1750–1580 гг. до н. э.*⁴²

Подводя итоги суммарно изложенной мифологической традиции, трудно отделаться от впечатления, что в ней могла найти своё отражение подлинная история происхождения «исконных эллинов», равно как и процесс заселения Балканского полуострова, своей новой родины, множеством смешанных с другими народами (фракийцами, индоариями, фригийцами, лидийцами, тирсенами) греческих племён, имена которых можно реконструировать и по местам их расселения, и по именам главных эпонимов. К этому следует добавить и присутствующую в мифах, весьма показательную географию пребывания греков до прихода на Балканский полуостров. Здесь и различные области Малой Азии (среди них — земли гипахеев (Apollod., III, 4, 1–2; Gig., Myth., 178), Лидия (Paus., I, 44, 11; IX, 34, 4–5; 23, 3; Apollod., III, 4, 3.) и Фракия, и северная Сирия, в особенности, имеющаяся в этой стране гора с весьма символическим названием Кас (Pind., Pyth., I, 15–26; Apollod., I, 6, 3.), и Египет (Herod., II, 99). Наконец, восточное и южное побережья Понта Эвксинского и Закавказье.

То, что такой подход имеет право на существование, находит определённое подтверждение в результатах исследований, достигнутых к настоящему времени, как археологами, так и лингвистами.⁴³

В спектре, выявленной в мифах греков информации, весьма существенное значение приобретает анализ такого важнейшего с точки зрения изучаемой проблемы источника, каким являются данные древнейшей топо- и гидронимии Балкан, Малой Азии и Восточной Европы, отложившихся в мифах, эпических поэмах Гомера и свидетельствах античных авторов.

В первую очередь, в указанном отношении показательна топонимия, которая у Гомера в «Илиаде» бесстрастно фиксирует среди союзников ахейцев выходцев из древнейших городов Балканского полуострова, разделяющихся примерно на шесть групп: 1) Илесий, Гил, Медеон, Мидея, Анфедон в Беотии; 2) Тафры в Локрах; 3) Асина в Аргосе; 4) Гелос в Мессении; 5) Рипы и Ликия в Аркадии; 6) Эллада, Элон и Ормения на севере т. н. Пеласгического Аргоса и др.

Восходящая к различным древним языкам, она указывает на то, что в составе эллинов-первопоселенцев на Балканах находились носители разных диалектных групп, и возможно, культурных общностей. Подтверждение этому выявляется на фоне рефлексов имени ионийцев. Так, установлено, что Айгиалея на Пелопоннесе, Аттика и Саламин в глубокой древности (во времена предшествовавшие Троянской войне) имели одно и то же наименование — Иония. По мнению В. Георгиева, в пользу этого говорит и возможность отождествления с именем ионийцев названия притока Пеней, реки Ион (Ιον на севере Фессалии).⁴⁴ Более того, к настоящему времени усилиями зарубежных и отечественных исследователей, в Эпире, на севере и западе Фессалии обнаружен огромный массив греческой топонимии, указавший на пребывание здесь прагреков в течение нескольких столетий перед началом их продвижения на Пелопоннес.⁴⁵ Это: зафиксированное Геродотом, название реки Апида (Apidanos, вар. Ipidanos) в Фессалии, бравшей исток в ахейской Фтиотиде и катившей свои воды к северу на слияние с Пенеем (Herod., VII, 129, 196). Точно такой же гидроним в варианте Apidon имелся на Пелопоннесе (St. Byz. s. v. Apia, Apidonos). К ним можно добавить упоминаемые античными авторами, в частности для Аттики, р. Илис и её приток Эридан (Airidanos калька с Iordanos). По данным Павсания, это те самые реки, где Борей похитил и сделал своей женой Орифию (Paus., I, 19, 6). Показательно, что аналогичный гидроним (Apidanos), приложенный к реке, впадающей в западное (Эгейское) море, обнаружен в античной традиции и для Трояды и для Восточного Средиземноморья.⁴⁶ Ещё более поразительное и символическое по своему значению свидетельство присутствует в трагедии Еврипида: поэт прямо называет, что *р. Танаос (одного корня с восточноевропейским Танаисом-Доном является естественной границей между Арголой и Лаконией)*. (Eurip., Orest., 462).⁴⁷ Нельзя оставить без внимания зафиксированное в античной традиции сходство

названий рек в Арголиде, Аркадии, Беотии, Фессалии, Эпире, Хаонии и других областях Греции (например рр. Асоп и Ладон).

В свете этого огромный интерес представляют свидетельства Страбона и Стефана Византийского о том, что Пелопоннесские греки, и особенно аркадяне, носили, производный от названия этой реки, этноним апидоны (*apidones* или *apidanees* (Strabo., VIII, 6, 9; St. Byz. s. v. *apidones*).⁴⁸ В связи с отмеченным обстоятельством не могут не привлечь к себе внимания и отложившиеся в данных мифологической традиции и произведениях литературной традиции, с одной стороны, свидетельство о древнейшем названии Пелопоннеса как страны Апии, а с другой — наличие среди созвучных названий в Фессалии топонимов «Ахайя» и «Ахейская фтиотида» как наименования самой юго-западной части этой области (Herod., VII, 196; Strabo., XI, 2, 12). В той же области имеет отношение, приводимый Стефаном Византийским со ссылкой на неизвестное место из трагедии Софокла, и топоним *aia*, присутствующий в контексте фразы *tis Aia Thessalon pankleria* («некая Айя, главный клер (место проживания) всех фессалийцев»), который отечественные лингвисты Л. С. Гиндин и В. Л. Цымбурский считают возможным рассматривать в качестве дублетного обозначения самой Фессалии — исконного ареала ахейских и эолийских племён на Балканах.⁴⁹

Ещё более показательным нам представляется обнаруживающееся сходство генеалогической легенды этногенеза скифов, приводимой Геродотом, с аркадским мифом, согласно которому Одиссей, находясь в земле фенеатов, занимался поиском своих пропавших лошадей и там где нашёл их, построил храм Артемиды Находительницы коней (*Eupiria* (Paus., II, 14, 7). Последнее вполне соотносится с представлениями античной традиции, согласно которым ахейцы были прежде всего воинами-колесничими (Diod., IV, 32).⁵⁰

Помимо названий рек и местностей высокой информативностью относительно интересующей проблемы располагает выявленная и локализованная в северной Греции весьма специфическая, обнаруживающая свои ареальные связи ономастика. Работа в названном аспекте к настоящему времени выполнена названными выше специалистами, что позволяет изложить основные их заключения в конспективном виде.

Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский указывают на присутствие в поэмах Гомера лексических форм, которые, по их мнению, претендуют на роль архаических вкраплений, восходящих к реальной антропонимике Трои VI–VIIa.⁵¹ К числу таких имён они отнесли, изъятые из лексического фонда греков, македонян и хеттов имена *Alexandros*/*Alaksandus*/*Alexenor* и *Kassandra*, которые, с одной стороны, восходя к древнемакедонскому, стоят несколько особняком в рядах греческой просопонимики (вызывали в самой древности негативные ассоциации), а с другой — находят точные цельноформульные эквиваленты в аналогичных словосочетаниях ведийских и авестийских текстов.⁵² Как полагают исследователи, самым интересным представляется то, что имена «Кассандр» и «Кассандра», семантически

омертвевшие для греческого, обретают точные аналогии в гимнах Ригведы и Авесты. В частности, вед. *Naṃat samsah* («слава мужей») и аналогичный термин *paṃatsamsah*, отложившийся в личных именах ведических богов Агни и Пушана, равно как и Авест. теоним *Naijo.saeṇa*, который они вслед за А. Хойбеком, Р. Шмитом и Л. Г. Герценбергом полагают возможным интерпретировать как уменьшительное от * (e)perom k'apsos,⁵³ Важность наблюдений отечественных специалистов, по их собственной оценке, заключается в том, что приведённые примеры **позволяют восстановить**, с одной стороны, **общую греко-индоиранскую поэтическую формулу**, а с другой, в особенности **в контексте греческой лексики, понять, что в ней данная формула базируется исключительно на македонском имени**.⁵⁴ К этому следует добавить и то, на что обратили внимание наши авторы: мужское имя Кассандр не находит аналогий в Греции нигде кроме Македонии.⁵⁵ Последнее, с учётом отличий языка древних македонцев от древнегреческого (соответствием глухих греческих придыхательных звукам в македонском, передававшихся в глоссах буквами, например, *Thanatos* «смерть», др.-макед. *Daṃpos* и др.-инд. *Dhvams* — «умирать») привело авторов к достаточно аргументированному предположению, согласно которому *прамакедонский в глубокой древности отделился от прагреческих диалектов, причём в период до оглушения придыхательных, когда те сохраняли свой ранний консонантизм, близкий к праармянскому и праиндо-иранскому. В этом смысле, как они считают, можно утвердительно образом констатировать, что древнемакедонский доносит до нашего времени рудимент прагреческой поэтической культуры*.⁵⁶

Что это так, по их мнению, доказывает прагреческая формула имени наложницы Приама и её мужского коррелята, которые, находя соответствия македонскому и одновременно микенскому, т. е. возможно, уже прагреческому именному композиту, позволяют в отношении имён Кассандры и Кастianeиры (*Kastianeira* < *k'nsti-ener-ia) сделать **вывод об отношении последних на территории Трои VIa к прагреко-македонскому ономастическому ряду с проекцией на греко-индо-иранский уровень**. На этом основании Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский приходят к окончательному заключению, согласно которому в массе троянской ономастики присутствуют оригинальные греческие имена большой древности, которые должны были бытовать в Трое, по крайней мере, с последней четверти II тыс. до н. э., но могли восходить и к эпохе ещё более значительно ранней.⁵⁷

С интересующей нас точки зрения мысль отечественных специалистов представляется весьма плодотворной, поскольку в своей содержательной части соответствует неоднократно высказывавшимся в специальной литературе (в частности, В. Сакеллариу) мнениям о восточноевропейском очаге формирования прагреческой общности, и следовательно, позволяет распространять векторы их концепции как на Средний Дон, так и на будинов

и гелонов Геродота. В позволительности такого решения убеждает весьма специфическое, входящее в зону нашего внимания, имя первооснователя Трои, царь Лаомедонт, в имени которого оказались закодированными и понятие «народ» (*laoi*), и этноним «меды» (*Medoi*), и название реки (**don[t]os* (Hom., II, I, 396; III, 183; XV, 18–22; Herod., VII, 72; Diod., II, 45–46; III, 52–55; Apollod., II, 5, 9; Strabo., XI, 5, 1–2, 4; XII, 3–4; Plin., V, 31.)).

В продолжение исследовательской логики наших авторов считаем необходимым и весьма существенным обратить внимание на ещё одно имя, которое, несомненно, имеет отношение к прагреческо-македонской диалектной общности. Оно чрезвычайно распространено в античной традиции и связано с фактом колонизации Италии греками под руководством аркадца Эвандра (Paus., VIII, 43, 2; Dion. Hal., V, 90; Gig., Myth., 277; Plin., VII, 57; Schol ad. Hom. II., XIX, 593). Само переселение на Аппенины, согласно одной из версий, было вызвано голодом. По мнению И. Л. Маяк, в ней можно видеть намёк на *ver sacrum*, предпринятое аркадцами вместе с аргосцами, а Э. Перуцци даже полагал возможным выводить из наименования колонистов (*argoioi*) наиболее древнее обозначение греков (*argei*) в латинском языке.⁵⁸ И хотя, вслед за свидетельствами античной традиции, он связывал присутствие Эвандра на территории Италии в период с 1300 по 1200 гг. до н. э., рассматривая *argei* микенским по своему происхождению в своих обоих элементах⁵⁹, тот факт, что у Аполлодора (III, 12, 5) среди побочных детей троянского царя Приама также назван Эвандр, равно как и то, что данное имя присутствует среди антропонимов в табличках линейного письма В наряду с Кассандром и Александром, позволяет, оставляя открытым вопрос о начальной стадии колонизации Италии, отнести его к тому же самому по своему этно-лингвистическому происхождению ряду.⁶⁰ Основанием для такого предположения для нас служит тождественность культуртрегерских функций аркадца пеласгийского происхождения, роднящая его с другими первоэллинами Греции: согласно Орозию, Эвандр был в Италии первым, кто запряг быков для обработки земли, причём в самом тексте он назван как *zeugeus* (зевгей / зевгит-«приставленный к воловьей упряжи (Oros P. 5, 3). Примечательным представляется сходство данного сообщения с данными Паросской надписи о возникновении земледелия в Аттике (царь Кекроп учит ему афинян), последнее из которых находит подтверждение в данных археологии: в XVII в. до н. э. в хозяйстве её населения, как засвидетельствовано многочисленными находками глиняных фигурки быков, коров, уподобленных этим животных украшения, господствовало скотоводство. Как отмечала Т. В. Блаватская, Ахейская Греция не располагает ни одним из известных памятников с изображением быка на пашне. Напротив, лошадь известна в Греции с конца III тыс. до н. э. и двуконная упряжка получила с этого времени самое широкое распространение в памятниках из Кораку, Просимне и Эвтресиса.⁶¹

В развитие обоснования защищаемой идеи можно сослаться и на результаты разработок в науке проблемы происхождения италиков, которым, как самым первым обитателям Италии, римская традиция, начиная с Катона (Serv., Аеп., I, 6) стремилась противопоставить латинов. К настоящему времени установлено, что италики — пришельцы из того же Дунайского ареала.⁶² Правда, в объяснении этимологии самого этнонима *aborigines*, которым они обозначались в произведениях римских авторов, большинство специалистов, в лучшем случае, пришло к заключению о несоответствии объяснения, согласно которому он происходит от существительного «ски-тальцы» основному смыслу объясняемого слова, синонимичного *indigenae*, *indigetes*, и потому невозможности его рассмотрения в качестве этнического определителя.⁶³

Тем не менее, в специальной литературе, начиная с 1960-х гг. получила устойчивое распространение и альтернативная трактовка аборигинов. По мнению, Ф. Лохнер-Хюттенбаха, отождествившего *aborigines* с *boreigonoí* Ликофрона, они представляют иллирийский этнос, поскольку в основе названия племени лежит иллирийский корень *boга* («гора, скала»)⁶⁴. Данное мнение было отвергнуто, но зато оно инициировало поворот внимания в сторону праэллинов, в результате чего произошёл поворот от категорического отрицания пребывания греков в Италии в доколониальный период к констатации их материального присутствия в том числе и на территории Этрурии и Лация. Последнее позволяет, как нам думается, опираясь на оценку Дионисием Галикарнасским этнического облика Энотра как ахейца, усматривать в аборигинах бореигонов Ликофрона, этимологизируя само слово *boreigones* как «гонимые Бореем», указывающим на присутствие протолатинов в контингентах прагреческих переселенцев как из Восточной Европы на Балканы, так и с Балкан в Италию.⁶⁵

Ещё более существенным в доказательстве верности избранной трактовки, нам представляются данные другой версии той же традиции, засвидетельствовавшей родословную героя: он считался сыном дочери реки Ладон и Гермеса, которого его подговорила убить, также считавшаяся его матерью Никострата-Фемида, за что Энотр впоследствии и был изгнан с родины (Paus., VIII, 43, 2; Liv., I, 7; Oros., VIII, 51, 130, 336).

Впрочем, античными авторами сохранена и иная трактовка характера греческой колонизации Апеннинского полуострова, связанная с именем героя. Павсаний указывал, что самой первой экспедицией для основания колонии на Апеннинах была та, которую возглавлял сын пеласго-аркадского царя Ликаона по имени Энотр (Paus., II, 3, 2). Внуком первому, согласно мифологической традиции, приходился Аркад — отец *Атейдана*, возглавившего поток колонистов во Фригию, состоявший из жителей области Азания (Paus., II, 4, 2). Внуком самого Аркада считался Исхий, сын Элата (там же). Сохранялись также предания относительно и его внуки

Авгии, которой вместе с сыном рождённым от Геракла предоставил убежище Тевфрант, царь Каикской равнины около Пергама (там же). Не менее интересны и известия традиции относительно имени сына Пеласга Трапезия, и в особенности, о том, что гг. Дасия и Трапезунт основаны на Пелопоннесе сыновьями Ликаона (Paus., II, 3, 1).

И ещё одно весьма информативное обстоятельство должно быть отмечено в связи с эпонимом Аркадии. Как засвидетельствовано всё тем же Павсанием, могила Аркада, прах которого был перенесён из Менала, была устроена на месте называемом «Жертвенник Солнца» (Paus., II, 9, 2). В связи с этим нелишне отметить и нахождение в том же городе как ипподрома, так и храма Посейдона Гиппия (Paus., II, 9, 5). Нетрудно заметить, что все без исключения приводимые факты уводят не только в глубинные пласты прайстории первых эллинов на территории Греции, но и указывают на вполне конкретное направление, ориентированное на северо-восток от Балканского полуострова. По всей видимости, совсем неслучайно среди «адресатов» в контактах греческих племён значатся амазонки и иллирийцы. В частности, в качестве одной из дочерей Кадма традиция называет Агаву, имя которой идентично названию самых северных из известных Гомеру племён — агавов (Eurip., Bakh., 43, 1350; Diod., V, 48; Paus., IX, 5, 1; Apollod., III, 4, 2.).

Во всяком случае, знакомство с данными античной традиции не позволяет усомниться, что такие реликты как Гиперборейская прародина, контакты с множеством народов Востока и Запада, как и наличие соответствующих представлений о длительности процесса заселения праэллинами Греции и соседних с ней областей, промежуточных землях и районах, которые преодолевались мигрантами по пути следования на новую родину, нашла своё отображение и продолжительное время сохранялась в общественном сознании населения античной Греции. Подтверждением тому служит вывод сделанный Аполлодором. «После долгих блужданий, — подчёркивал эллинистический мифограф, — эллины стали селиться в разных местах. Одни — в Ливии, другие — в Италии, даже на берегах Сангария» (Apollod., EP., 6 (15)).

Понятно, что для того, чтобы подтвердить или опровергнуть тезис о р. Дон как осевой линии, разделявшей в глубокой древности «миры», составлявших единую индоевропейскую общность в границах её очага на территории Восточной Европы, прагреко-фрако-фригийцев и праиндо-иранцев, первоначально составлявших нерасщеплённое диалектное, культурное (по всей видимости, и социальное) и историческое единство, обращение к информации, отложившейся в синхронных по времени и разнотипных археологических источниках, является задачей первостепенной важности.

Тщательнейший анализ их — задача, которая требует специального решения. Однако даже самое поверхностное знакомство с ними позволяет увидеть поразительную близость, если не идентичность всего разнообразия основных типов памятников Фессалии, Эпира, Арголиды, Беотии и Аттики

с синхронными им по времени культурами эпохи ранней и средней бронзы степи и лесостепи Восточной Европы. По всем признакам это была культура мигрантов-завоевателей, заполнивших пространства Северной, Средней и Южной Греции и уничтоживших предшествовавшие здесь развитые культуры типа разрушенной ими Лерны.⁶⁶ Другая их волна оказалась на территории Анатолии, в пользу чего свидетельствует появление камерных погребений в Милете и других местах, а также купольных гробниц знати в Эфесе и Колофоне.

Самое главное в том, что оставленные мигрантами-прагреками памятники засвидетельствовали для времени XX–XVII вв. до н. э. появление таких важнейших хозяйственных и военных новшеств как гончарный круг, техника обработки металлов, боевые бронзовые топоры и колесницы с запряжёнными в неё лошадьми. Как показывает планировочная архитектура городища Мальти-Дорион в Мессении, в Греции этого времени получают широкое распространение укреплённые кольцевыми оборонительными стенами поселения, на площадках которых располагались невзрачные глинобитные прямоугольной, овальной или апсидальной формы жилища с обязательным присутствием комнаты мегаронного типа (Зигуриес и Лерна в Аργοлиде, Орхомен и Эвтресис в Беотии, Рафины и Агиос-Космас в Аттике и др.).⁶⁷ Они располагаются также как и в Восточной Европе, в частности в лесостепном и степном Подонье, на возвышенностях с крутыми и обрывистыми склонами. Довольно типичным, своего рода их эталоном можно назвать поселения, одно из которых открыто на южном склоне Акрополя в Афинах, а другое — Шиловское поселение — на Среднем Дону. Но ещё более примечательно сходство архитектурно-планировочных решений, которое можно наблюдать между Микенами и Аркаимом.⁶⁸

Весьма существенно, что такое сходство также проявляется и в следовании населения двух регионов одним и тем же погребальным обычаям, отражённым как в распространении курганных погребальных сооружений, так и в самом погребальном обряде. Представляющий собой скорченное трупоположение на боку (иногда в катакомбе) и зафиксированный античной традицией (описания присутствуют в словах вызова Гектором Аякса из «Илиады» (Hom., II., VII, 77–82), и в эпизоде с Кимоном в одноимённой биографии Плутарха, (Plut., Cim.), он находит множество более ранних по времени аналогов (XXIII–XVIII вв.) в памятниках древнеямной, катакомбной, днепро-донской и доно-волжской абашевской культуры...).

Особенно показательная информация присутствует в материалах 67 раскопанных, типологизированных и введённых в научный оборот, погребальных комплексов (как на поселении, так и в некрополе) склонов Акрополя (под Телестерием, портиком Филона, Булевтерием и стеной Писистрата.⁶⁹ Установлено, что из 7 типов захоронений (детских в ямах, детских в пифосах, детских в сырцовой облицовке, взрослых в грунтовых, плитовых, смешанной конструкции из блоков и плитчатой облицовки,

наконец, в погребальных камерах с боковым входом и псевдодромосом) подавляющее большинство представляло погребальный, индивидуальный или коллективный обряд в скорченном положении, восходящий к аналогичным захоронениям севера Балканского полуострова энеолита и эпохи ранней бронзы.⁷⁰ Самым характерным показателем такого типа погребений для взрослых, разбросанных от Аттики до Арголиды и Лаконики является их стандартность при самом скромном сопроводительном инвентаре, но с различным числом количества погребённых.⁷¹ Его «стандартный» набор представлен монохромной т.н. серой минийской керамикой, зооморфные сосуды, покрытые листовым золотом медные височные кольца, бронзовые ножи с листовидным лезвием и широкой базой (15см X 4см X 2–3мм), встречающие самую ближайшую аналогию в гробницах Микен, в могилах Сескло, в гробнице Драхмани, в Агия-Триаде и в могильниках Мохлоса.⁷² Вообще же, складывается впечатление, что изделия из бронзы, керамика, украшения, находки кабаньих клыков и остатков кожного шлема представляют собой те прототипы, ориентируясь на которые дальнейшую традицию развивали мастера Микен, Тиринфа, Пилоса и более мелких поселений как на материке, так и на островах (Мессара, Мохлос, Эгина и др.). Что касается самих могильников Элевсина, открытых в самое последнее время, то они составляют прямую аналогию микенским (круги А и В). Примечателен также, выявленный археологами феномен: могилы со скелетами в вытянутом положении являются единичными как на Акрополе, так и в Элевсине. Таким образом, на основании имеющихся данных, можно считать: все вышеперечисленные памятники, как источники, отразили довольно сложный процесс взаимодействия, развивавшийся в условиях перехода мигрантов к оседлости, между пришлым из Восточной Европы и предшествующим ему на Балканах населением. Более того, тщательный анализ археологических данных указывает на их принадлежность к представителям разных ветвей одной монокультуры, памятники которой проявляют удивительное сходство от Днепра, Дона и Урала до Анатолии и Балканского полуострова.

Довольно сложный и щепетильный вопрос представляет собой оценка т.н. «серо-минийской» керамики — особого вида посуды, характеризовавшейся особой техникой обжига, которая придавала поверхности сосуда вид изделия из золота, серебра или меди.⁷³ Широко представленная на северо-западе полуострова Индостан, в Малой Азии, Восточном Средиземноморье и на Балканах, она не встречает аналогов в лепной керамике населения восточноевропейской степи и лесостепи со шнуровым или геометрическим орнаментами и характерными только для этого историко-географического пояса ритуальными сосудами-курильницами.

Ответ на данный вопрос, как представляется, следует искать как в самой сущности, так и в самой типологии миграций племён эпохи ранней и средней бронзы. Во всяком случае, принимая во внимание отрыв от первоначальной родины, неопределённость направлений и цели движения, минимум мате-

риальных ценностей прихваченных в дорогу, голод, давление соседей — всё это весьма существенно ускоряло разрушение прежних, возможно, к тому же и некрепко усвоенных отеческих традиций и, по мере продвижения в новые места обитания, в новых естественно-географических, экономических, социальных и политических условиях, неизбежно «притираясь» к их реалиям, заставляло перенимать, приспосабливать к собственным нуждам достижения автохтонов, сохраняя самые сокровенные и существенные элементы своей культуры — идеологию, связанный с ней погребальный обряд и родной язык.

Сказанного, думается достаточно, чтобы понять нематериальность традиций, которые мигранты, видоизменяя, сохраняют и приспосабливают к новым историческим условиям своего существования, видоизменяя до неузнаваемости образ жизни, тип экономики, и как отображение всех этих процессов, материальную культуру в целом.⁷⁴ По наблюдениям Л. С. Клейна, именно такой характер имела миграция носителей ямной культуры на Балканы, которые с момента самого первого здесь появления в течение довольно продолжительного времени развивались автономно от своих новых соседей и только впоследствии выступили создателями синкретической культуры.⁷⁵ К аналогичному типу со всей определённой можно отнести и более позднюю по времени миграцию этрусков на Аппенинский полуостров, длительность, пути и многообразие которой позволило А. И. Немировскому развить и обосновать «теорию формирования этноса этрусков» (этнос формировался как по пути движения на Аппенины, так и в самой Италии во взаимодействии с различными, уже нселявшими к моменту их прихода народами), основной концепт которой находит многочисленные подтверждения в изученных к настоящему времени типах миграций других народов эпохи древности.⁷⁶ Миграция прагреков на Балканы, как становится всё более и более ясным, не составляла в данном отношении никакого исключения.

Именно поэтому отсутствие прямой связи между сероминийской керамикой и её прародителями-индоевропейцами из Восточной Европы, по нашему мнению, отнюдь не мешает выявлению как направлений, так и конкретных путей их миграций, включая сюда и выявление отдельных волн их состава и основных направлений движения из первичного очага расселения в новые места обитания. Существенную помощь в решении данной задачи оказывает сложившаяся к настоящему времени разработанность проблематики и сама археологическая изученность памятников эпохи бронзы, во всяком случае в Предкавказье, Поволжье, Подонье и на Украине.

Установлено, что проникновение ямных племён на Балканы началось в середине III тыс. до н. э. Именно в этот период археологией отмечен наиболее массовый этап, имевшего несколько волн и различный тип, продвижения этого населения на новые территории. Оно выразилось в появлении курганных могильников в Усатово, скорченности костяков от Буджака до Нижнего Дуная, проявилось в соединении шнуровой орнаментации с мотивами

геометрического орнамента, отражено в появлении амфорообразных керамических форм, вторичном использовании в погребальном обряде погребальных стел предшественников мигрантами, представлявших собой огромный массив разнотипного населения степи и лесостепи Восточной Европы в XX–XVIII вв. до н. э.⁷⁷

Обращает на себя внимание и тот факт, что начало развития миграции немалой части того же самого населения из Днепро-Донской степи и лесостепи, отмеченное археологией для того же самого времени (рубеж III–II тыс. до н. э.) происходило и в диаметрально противоположном направлении — на Восток, в Волго-Уралье, где с окончательным формированием синташтинского комплекса в южных областях этого региона наметился (а возможно уже и произошёл) разрыв не только культурных традиций между прагреками-прафракийцами-прафригийцами (ушедшими на запад) и праиндо-иранцами, но и, как считают специалисты, в виде укреплённых поселений сформировались пункты культурных трансляций последних — исходный общий очаг их последующих миграций на Алтай, в Монголию, Китай, в Среднюю Азию и в Индию. Что такая точка зрения имеет право на существование, подтверждают новейшие калиброванные даты синташтинских комплексов А. Энтони и К. Ренфрю, указывающие на время XX–XVIII вв. до н. э. В самое последнее время и эта хронология подверглась ещё более существенному уточнению: Синташта, Абашево и Зауральский Аркаим, согласно ним, являются практически одновременными и прекращают своё существование между 2140 г. до н. э. (Пепкинский курган) и 1750 гг. до н. э.⁷⁸ К этому следует добавить и то, что, по мнению целого ряда археологов, Синташта — явление привнесённое на Южный Урал в готовом виде.

При всём этом, как показывают исследования О. Н. Трубачёва, какая-то часть индоиранцев (индо-ариев), развивала своё переселение из Днепро-Уралья в противоположном направлении: немного сдвинувшись к югу, она вполне могла остаться в Приазовье, на Кубани, в Крыму и даже в Нижнем Приднепровье, посылая время от времени импульсы в виде переселенцев в Малую Азию (городище Демирчигуйюк в Анатолии), Южную Сирию (поселение Роджем-Хира), Иерихон, и даже в Телль-Магдалию (Северная Месопотамия) и Телль-Нагилу (Египет). Все они сходны по особенностям своей планировки и архитектуре, находя, не вызывающие значительных сомнений, аналоги не только на Балканах (Гла, Орхомен), но, главным образом и в первую очередь, в Восточной Европе — в городищах Шиловское, Ливенцовка, Михайловское, Синташта, Аркаим, городищах Приуралья и Зауралья, что, естественно, указывает на ареал распространения той части индоевропейских племён, которые были связаны с культурной общностью прагреко-индо-иранцев. По всей видимости, её археологическим эквивалентом следует рассматривать многокомпонентную, проявившую способность к распространению своей элитной культуры в разных направлениях, во многих отношениях базовую, концентрирующуюся в своём раз-

витом виде на Среднем Дону и на Средней Волге, т. н. доно-волжскую культурную и диалектно- суперстратную лингвистическую общность.⁷⁹

Родство общеабашевских и синташтинских форм между собой, их восхождение к пострепинским прототипам и появление, в особенности, отдельных керамических форм в Малой Азии, Месопотамии, Северной и Южной Сирии и даже на границе с Египтом, равно как и сохранение присущей им идеологической мотивации в отражении синхронных и асинхронных, разнотипных памятников материальной культуры степи и лесостепи Евразии, Греции, Италии, Индии и Китая — не что иное, как индикаторы того направления путей и того культурного симбиоза, который после своего расхождения проявляли и праэллино-фрако-фригийцы, и праиндо-иранцы, отдельными компонентами смешавшиеся друг с другом в своём движении в разных направлениях: на юг, юго-восток и юго-запад. Во всяком случае, если судить о Греции, то данные топонимастики, надёжно засвидетельствовали присутствие на её территории и первых, и вторых, и третьих, и четвёртых, и пятых. При этом все её представители были коневодами, металлургами, владели колесничным делом и использовали обряд захоронения коней в своих курганных могильниках. А это и представляет возможность усматривать присутствие, олицетворяемых всеми вышеперечисленными показателями этносов (или этнических групп) в составе пришельцев в Индию и на Балканы.

Два источника подтверждают правильность развиваемой автором мысли. Это — «серо-минийская» керамика Балкан (от Фессалии до Лаконики и Аргolidy) и Трояды (Троя III–V). Сравнительное изучение последней в специальной литературе указало, что приблизительно то же самое время, что и в евразийской степи и лесостепи, и в Малой Азии, и на Балканах, знаменуя собой, резкую смену культурных традиций, и появляется этот тип керамики. Сопровождаемый, по определению учёных, страшными разрушениями во многих пунктах, появлением в них после отстройки ряда культурных нововведений (начало коневодства, ящичных погребений в скорченных позах, погребальных холмов-тумулосов курганного типа, он рассматривается в качестве приметы самого крупного переселения на Балканы массивов скотоводческого населения, которое археологами и лингвистами связывалось либо с первой волной греков-ионийцев,⁸⁰ либо с фрако-греками, греками-эолийцами или дорийцами и датировалось концом III тыс. до н. э.-XVI в. до н. э.⁸¹

Однако, уже в 60-е гг. прошлого века, благодаря исследованиям Дж. Кэски, было установлено, что начало разрушениям в Аргolidе было положено намного раньше и датируется раннебронзовыми поселениями этой области Греции (когда здесь появляется «серо-минийская» керамика и дома апсидального типа, т. е. около 2200 г. до н. э).⁸² При этом, особенно показательным представляется обнаружение Дж. Кэски самых масштабных разрушений этого времени именно в Лерне, у которой, согласно традиции, произвёл высадку со своими спутниками один из эллинских героев-эпонимов Данай.⁸³ Последнее позволило вывести наблюдение, что в Лерне какая-то группа

греков (или ещё прагреков) утвердилось, сильно опередив своих сородичей в начале Раннеэлладского периода III.⁸⁴ Тогда же И. М. Тронский высказал плодотворную мысль о возможности сближения указанных пришельцев с наложившими отпечаток и на микенское койне, предками будущих носителей аркадо-кипрского диалекта,⁸⁵ опираясь на которую Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский склонились соотнести их с этносом, который раньше всего отделился от других прагреков, имел прямое отношение с лернейскими первопроходцами-данайцами, которые не только достигли, но позднее прочно утвердились на Пелопоннесе.⁸⁶

Приблизительно такая же археологическая картина восстановлена исследователями для Трояды и более южных областей Малой Азии. Примерно, в 2300–1800 гг. до н. э. придя на разрушенные их предшественниками-лувийцами останки Трои II, прагреки — носители всё той же парадной «серо-минийской» керамики отстроили не только город в новом, пропитанном целесообразной упрощённостью варианте, но и на протяжении последующих 500 лет, проявляя прогресс во всех областях жизни, превратили его в ту Трою, которая по своим основным характеристикам соответствовала городу Лаомедонта мифологической традиции.⁸⁷ Существенно, что её новые жители были коневодами, металлургами-литейщиками, прекрасными керамистами и ювелирами, сохранившими особую близость (если не единство) и традиционные связи со своими сородичами, вторгшимися на Балканы.⁸⁸

Удивительное сходство материальной культуры Среднеэлладской Греции и Трои VI нашло своё объяснение в трёх концепциях. Согласно первой из них, предложенной К. Блегеном, и принявшим его идеи, А. Гётце оно — или результат появления троянцев с севера Балкан, или колонизации Трояды греками из северной Греции.⁸⁹ Напротив, согласно точке зрения Дж. Меллаарта, всё происходило самым противоположным образом: греки, по меньшей мере, какая-то их часть переселилась туда из Трои.⁹⁰ Промежуточная теория была предложена Д. Френчем, обратившем внимание на параллельный и независимый характер эволюции двух культур при возможном обмене идеями и единичными импортными изделиями между их носителями, проживавшими в соседних регионах.⁹¹ Наконец, четвёртая концепция, предложенная, названными выше, отечественными лингвистами, объединив положительные качества своих предшественниц, обратила внимание на практическую одновременность распространения потоков мигрантов, представлявших единую культурную и диалектную группу, как в Трояде, так и на Балканах.⁹² Согласившись с П. Шахермайром по поводу того, что парадная «серо-минийская» керамика, как явление моды, не может считаться показателем этнической близости, Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский указывают: «...мнение о независимых истоках данной керамики ничему не противоречит: конвергенция, склонность к усвоению на новой территории определённых явлений из культурного достояния

также может быть серьёзным этно-историческим условием».⁹³ По их мнению, всё зависело от многих обстоятельств: и культурной непрерывности в эволюции Трои от слоя к слою, поддержанной новыми пришельцами-прагреками, и типом миграции (их приход сюда малыми группами), и возможностью проникновения типа инфильтрации в качестве приглашаемых царями Трои на службу воинов-наёмников.⁹⁴ Самым же существенным среди всех имеющихся фактов, как полагают исследователи, выступает пристрастие троянцев к «серо-минийской» керамике даже в ту пору (вплоть до XIV в. до н. э.), когда в Греции аналогичный стиль уже как сотни лет назад ушёл в прошлое. В результате, они формулируют вывод, согласно которому между Троей и Ахейской Грецией поддерживалась определённая этнокультурная дистанция.⁹⁵

Если же обратиться к оценкам археологов, то здесь необходимо указать на получившую широкую популярность с начала 70-х гг. XX века теорию М. Гимбутас, по мнению которой появление прагреков (как части более широкого движения племён) в Северной Греции (в первую очередь, в Македонии) и их движение отсюда на юг было связано с миграцией т. н. «курганного народа IV», массивы которого, примерно, около 2400–2300 гг. до н. э., вторглись из Причерноморских степей на север Балканского полуострова в полосу цветущих раннебронзовых культур Восточной Фракии (Эзеро, Юнаците, Чернавода и др.), после чего прорывались в Грецию, вводя со своим приходом и распространением «степной» тип погребений в напоминающих курганы холмах-тумулусах.⁹⁶

В более чётком и конкретизированном виде данная трактовка получила развитие в концепции Н. Г. Л. Хэммонда. Изучая следы этого вторжения, он посчитал необходимым выделить 4 отображённых в памятниках материальной культуры Македонии, Эпира, Аргolidы и Беотии, следа миграции 4-х племенных образований (на юго-восток Македонии (в долину р. Галиакмон и предгорья Олимпа; из Македонии в Эпир, к склонам Пинда; из Эпира — по морю и по суше — двумя разрозненными потоками в Аргolidу).⁹⁷ По его мнению, путь прагреков, в особенности тех, которые уходили собственно на юг был отмечен огромными (до 20 м в диаметре) курганами-тумулусами с ограждением захоронений вертикальными плитами.⁹⁸ Этот тип учёный считает оставленным пра-ахейцами. С полным обоснованием своего мнения, автор утверждает, совпадающий с античной традицией взгляд, что Лерна представляла собой древнейшее поселение греков на Пелопоннесе.⁹⁹ Напротив, относительно другого, меньшего в диаметре (до 10 м) типа курганных захоронений, с помещением усопшего в сосуд-пифос и ограждением места захоронения горизонтальными плитами, он связывает с расселением пра-ионийцев.¹⁰⁰ Последнее он прослеживает с конца раннеэлладского периода II на островах Ионийского моря (Левкада, Кефаллония, Эгина и др.), на северо-западе Пелопоннеса, вблизи мессенского Пилоса и в Афидне (Аттика).¹⁰¹ Примечательно, что такая

постановка вопроса встречает подтверждение и в обнаружении, как указывалось выше, огромного архива греческой топонимастики в Эпире, и в рефлексии имени ионийцев в топо-и гидронимии. Вспомним, что Аттика и Саламин, согласно традиции, также назывались Ионией. Неслучайно, на севере Фессалии протекает река Ион (приток Пенея), название которой можно рассматривать в качестве основы самого этнонима ионийцев.¹⁰²

Проанализировав данные лингвистики и коррелируя выводы с результатами археологического изучения памятников Балканской Греции, А. Л. Гиндин и В. Л. Цымбурский вывели наблюдение, что прагреческие первопоселенцы в первую очередь приступили к освоению Фессалии и что именно в этой области располагались *их самые древнейшие поселения*. В связи с тем, что именно здесь еще в I тыс. до н. э. сохранялись реликты ахейской речи и с учётом многочисленных созвучных топониму «Ахайя» названий, присутствующих в античной традиции (например, «Ахейская Фтиотида» как наименование юго-западной части Фессалии (Herod., VII, 196; Strabo., XI, 2, 12 или Аххийявы хеттских источников), они сделали вывод, согласно которому данная основа изначально представляет название народа, но не местности и потому её появление в географических названиях носит вторичный характер. В его обоснование они приводят такие топонимы как Ahais (Hom., II, III, 75), Ahaïie, Ahaïia (в стяжательной форме Ahaia), раскиданные по периферии владений микенских греков и отражённые в памятниках линейной письменности В на Крите (KN С 914). Первичность этникона, по их мнению, доказывается присутствием вкладываемого в географические названия смысла: «ахейская земля», «ахейские поселения». На этих основаниях ими было сделано заключение, что во всех таких местах топонимия явно независима от какого-то бы ни было микенского влияния.¹⁰³

Развивая далее мысль на почве данных лингвистики они приходят к нескольким первостепенной важности открытиям: 1) аркадо-кипрская сущность языковых реалий указывает на то, что первопоселенцы в Фессалии были ахейско-эолийскими племенами, причём, ахейцы и эолийцы — тождество, которое ею и определяется; а следовательно, все эти факты говорят об исторической неразрывности имён ахейцев и эолийцев-двух племенных групп в составе той волны, которая, по Н. Хэммонду была праэолийской и которая на переходе от Ранней к Средней бронзе двинулась из Западной Македонии через Фессалию в Среднюю Грецию и на Пелопоннес;¹⁰⁴ 2) ономастическая модель, отражённая в таких формах, как Ahhija/Ahhijawa/Ahhijawa в Малой Азии, особенно в области, формируемой южными пределами Троады до долины Меандра и от неё на восток, примерно, до Бейдже-султана, совпадающая с зоной распространения т. н. «инегельской» серой керамики, указывает, как на то, что она и есть земля исторических Мисии и Эолиды, так и на то, что именно здесь какая-то часть прагреков, вторгшаяся в Северо-Западную Анатолию около 2300 г. до н. э. и продвинувшаяся от Трои в сторону Герма и Меандра, могла заселить местность, носившую

название Аххийява и принять это название в качестве наименования своего этноса;¹⁰⁵ 3) две близкородственные группы прагреков, называемые в исторический период «ахейцами» и «эолийцами» оформились на земле малоазийской «Пра-Аххийявы»;¹⁰⁶ 4) сохраненное греческим эпосом древнейшее название греков «данайцы» (danaoi) имеет прямые параллели в индо-иранском мире (Авест. danava., вед. Danava, Авест. дапу, осет. Доп, др.-инд. дапу, Иран. Доп, а также названия рек юга России (Дон, Донец, Днепр, Днестр, Дунай; обозначение сыр-дарьинских скифов в Авесте).¹⁰⁷ 5) охватываемое гидронимами с элементом *дапу пространство от Дона до Дуная чётко совпадает с регионом, где должны были обитать носители праиндоевропейских диалектов до начала своего движения на восток-в Среднюю Азию, на запад и юго-запад-в Центральную и Западную Европу, Северо-Западную Анатолию и Северную Грецию.¹⁰⁸ 6) в движении прагреческих племён в конце III тыс. до н. э. приняли участие или этнос, или группа этносов, усвоивших индо-иранское название, происходящее из сближения, прослеживающихся в различных ведийских текстах и в различных вариантах, лексем ар (а) и дапу. *Это название определённо указывает на приход эллинов со стороны причерноморских степей, из региона между Доном и Дунаем в числе народов «курганной группы IV».*¹⁰⁹ 7) появление в Фессалии гидронима «Апидан», а в Аркадии «Апидон» связано с проникновением на Балканский полуостров тех же этносов, которые именовали себя «данайцами», имея в прошлом тесные контакты с праиндо-иранцами между Доном и Дунаем, причём, по пути в Грецию они прошли через Троаду; 8) после утраты прямых контактов с праиндо-иранцами прагреки двигались в сторону Греции не одни, а как свидетельствуют сходства с армянским, фракийским и фригийским, в окружении других народов, чьи диалекты обнаруживают тесную близость к прагреческим и которые составляли, соответственно, правое и левое крылья общего миграционного потока, разделившегося на своём пути на две ветви; три имени греков под Троей — три этапа этногенеза греков: причерноморский, троянско-пропонтийский и фессало-македонский, из которых только последний отразился в исторической памяти народа;¹¹⁰ 9) данные мифов о тевкрах и понимаемое от обратного свидетельство Геродота об их миграции в Грецию, имея непосредственную связь с исторической действительностью и находя многочисленные подтверждения в лингвистике и археологии, указывают на то, что *прагреки с точки зрения античной традиции, именуемые тевкрами, на самом деле представляли собой образ языковой общности, далеко выходящей за рамки тех этнических связей, которые напрямую воспринимались этногенеалогическими легендами греков, а с точки зрения этноархеологии и истории отражают множественность хронологически синхронных и асинхронных памятников материальной культуры эпохи Ранней и Средней бронзы Восточной Европы, Малой Азии и Балкан-результат созидательной деятельности нескольких поколений творцов великих культурных общностей степи и лесостепи Восточной Европы*

этого времени. 10) приблизительно, около 2300 г. до н. э., прагреки, прамакедонцы, прафригийцы движутся со стороны Подунавья из западных областей Северного Причерноморья в Северо-Западную Грецию и на юг Дардании в числе народов «курганной группы IV». Какая-то часть прагреков, достигнув Пропонтиды, отклоняется от общего пути, переходит проливы, и пользуясь временным ослаблением Трои в периоды III–IV, пытается освоить данный регион. В результате такого разделения праэолийцы задерживаются в Малой Азии, тогда как прааркадо-киприоты, напротив вырываются вперёд и проникают на рубеже раннеэллиадского периода III на самый юг Греции, обособившись от оставшихся на севере праионийцев и прадорийцев. На следующем этапе, отступившие из Трояды на Балканы праэолийцы, вторгаются в Македонию и Фессалию, где оказываются в тесной региональной близости с осевшими здесь ранее прадорийцами, после чего уже праионийцы, достигнув Ионийского моря, по его водам перебираются на Пелопоннес и в Аттику, вступая в контакт с уже находящимися здесь прааркадо-киприотами.¹¹¹

Таким образом, различные трактовки путей миграции прагреческих племён из Восточной Европы в Малую Азию, на Балканы и в Италию, безотносительно их типов, направлений и векторов движения, как нам представляется, указывают на север и северо-запад Анатолии, север и северо-запад Балканского полуострова как на промежуточные пункты переселения носителей великих степных культурных общностей (скотоводческих цивилизаций) степи и лесостепи Евразии эпохи ранней и средней бронзы в Грецию. Равным образом, памятники того же типа и того же времени из Южного Зауралья, Алтая, Средней Азии, предгорий Гиндукуша, Ордоса в Монголии и Синцзяна в Китае¹¹² свидетельствуют о таком же продолжительном по времени, связанном в том числе и с населением срубно-андроновской общности, переселении, на этот раз индо-иранцев, в Китай, Северо-Западную Индию и Иранское нагорье, обозначая тем самым пределы распространения культуры коневодческих племён и их носителей в азиатской части степей и лесостепи Старого Света.¹¹³ А это позволяет предполагать, что *р. Дон*, являясь пограничной между племенами арийского (индоиранцы) и неарийского (прагреки) миров в Восточной Европе и была той осевой линией, которая разделяла не только самих носителей индоевропейской общности в первоначальном очаге существования их прародины, обусловила формирование представлений о Европе и Азии, но и послужила границей сначала сосуществования, а затем противоборства и расхождения противников-носителей близких языков, религиозных и культурных традиций в диаметрально противоположных направлениях.¹¹⁴

Имеющее право на существование, опирающееся на результаты сравнительного сопоставления информации разнотипных источников, такое представление, вполне «вписывается» в ту картину, которая представле-

на к настоящему времени результатами этногенетических реконструкций, предпринятых в археологии.

По мнению И. В. Пьянкова, в каспийских и причерноморских степях в конце III-начале II тыс. до н. э. обитали племена катакомбной культуры, которые по ряду признаков исследователь полагает возможным считать праиндоиранскими. К началу II тыс. до н. э. такого типа памятники (и близкие им), представленные восточными вариантами андроновской культурной общности, а точнее, Федоровской культурой, символизируя собой продвижение, выделившихся из общеиндоиранской общности массивов населения ариев праиндийской группы, начинают распространяться далеко на юг, в частности, в долину Зеравшана, где появилась заманбабинская культура и оттуда ещё дальше — в Афганистан и в Северо-Западную Индию. На втором этапе миграции (ко второй четверти II тыс. до н. э.), уже после исчезновения катакомбной культуры и появления памятников «андроновцев», происходит следующая волна распространения индоиранских племён через Среднюю Азию, показателями которой выступает исчезновение высокоразвитых протгородских цивилизаций и приход им на смену более примитивных и архаичных культур круга Намазга VI, носители которых захватывают новые территории в бассейне Аму-Дарьи, отмечая своё присутствие разнотипными синкретическими культурами наподобие Сапалли и Дашлы, с одной стороны, и преемницей заманбабинской — вахшской культурой с другой.¹¹⁵

Из того же самого очага, правда несколько позднее, как считает исследователь, происходило развёртывание миграций племён, входивших прежде в родственные (праиндийскую и праиранскую) диалектные группы, представленных на этот раз памятниками западных вариантов андроновской культурной общности (петровская культура (Южный Урал и Западный Казахстан) XVII–XVI вв. до н. э., а также памятниками алакульской культуры, представители которой достигают в XV–XIII вв. до н. э. самых южных границ Средней Азии с выходом за пределы последней.¹¹⁶

Справедливости ради, необходимо указать на существование в современной специальной литературе значительного многообразия взаимоисключающих трактовок расселения праиндо-иранцев из первоначального очага их совместного проживания после разделения с прагреко-прафракийцами и прафригийцами. Вместе с тем, показательным во всех них представляется не столько конкретика содержания теорий о «подлинных» путях распространения индо-ариев и иранцев на Среднем Востоке и в Южной Азии, сколько понимание причин, исторических условий, разнообразия моделей, форм и самих перспектив их миграций.¹¹⁷

Такой характер носит концепция, предложенная в конце 90-х гг. прошлого века В. М. Массоном. В её обосновании он исходит из типологического родства проникновений в зоны урбанистического облика Древневосточных цивилизаций скотоводческих племён обширной зоны евразийских степей в эпоху бронзы и раннего железного века. Одним из наиболее ранних

событий этого круга, по его мнению, являлось распространение племён индо-иранской языковой группы на двух концах возможного ареала таких взаимодействий — в Северной Месопотамии (куда их проникновение с начала II тыс. до н. э. носило характер просачивания через Кавказ) и в Индостане, границ которого её носители в результате разнопорядковых миграций достигали в XX–XVIII вв. до н. э. В качестве того исходного пункта, откуда последние развивались в Иран и Северо-Западную Индию, исследователь определяет очаг их совместного проживания, локализуемый им на Среднем Поволжье и Южном Урале, а своего рода «маркерами» проникновения рассматривает типологическое родство поселений, погребений, погребального обряда, которые прослежены археологией в таких памятниках как гробница Зардчахалифа, поселение Тугай, памятники Бишкентской культуры в Таджикистане, срубные по обряду погребения бронзового века в Туркмении, Тазагабьябское поселение в низовьях Аму-Дарьи, памятники Семиречья и т. п., самые древнейшие образцы которого восходят к традициям населения, территория обитания которого простиралась в междуречье Среднего Дона, Поволжья и Урало-Казахстанских степей. Опираясь на данные Авесты, в которой первоначальные значения терминов, употребляемых её авторами для обозначения сторон света, отражают понятия «передний», «правый», «задний», он полагает возможным интерпретировать значение их содержания в плане того, что весьма продолжительное время миграции индо-иранских племён развивались в соответствии с этим принципом, а следовательно, имеются все основания для утверждения о западно-восточной преимущественно, с отклонением к югу, их ориентации.¹¹⁸

Не составляют никакого исключения в указанном смысле и трактовки, предложенные исследователями Аркаима и Синташты — наиболее ярких памятников былого единства индо-иранцев на Южном Урале, куда носители близких диалектов сместились со Среднего Дона и Поволжья, и откуда самыми разными путями и направлениями уже после распада единой общности индо-арии и протоиранцы устремились по названным выше направлениям.¹¹⁹ Особо обращает на себя внимание то, что в материалах, которые они используют для исторической интерпретации, присутствуют, проявляющиеся на различных уровнях (топо-и планиграфии, архитектуре поселений, мегаронного типа жилищах и в наличии «перистильных» дворики рядом с ними, орнаментации, оружия, сосуществовании обрядов трупоположения в ящиках с трупосожжениями и т. п.), показатели былого греко-арийского единства. Особо ярким доказательством последнего, по нашему мнению, служит сходная практика подзахоронений умерших в одно и то же погребение в течение длительного промежутка времени, выявленная в синташтинско-аркаимских могильниках и некрополях Аттики в один и тот же период времени.¹²⁰

Ближних взглядов на решение проблемы индоиранской прародины и направлений миграций её населения на юг и юго-восток Азии из Ев-

ропы, придерживаются Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, локализуя её на востоке индоевропейского ареала в районах к северу от Чёрного моря и Кавказа и связывающие её с ареалами распространения более широкого круга памятников эпохи ранней и средней бронзы (ямной, катакомбной, полтавкинской и других археологических культур (XX–XVII вв. до н. э.)).¹²¹ По мнению исследователей, они представляли реальный этнокультурный, возникший на основе интенсивных связей и общего развития, комплекс, из которого, как из общего источника, не ранее II тыс. до н. э. или в пределах 2000–1500 гг. до н. э. развивались два направления разнотипных, длительных по времени, смешанных по своему составу, миграций праиндоариев и праиранцев на Иранское нагорье и в Северо-Западную Индию после распада составляемого ими прежде единства.¹²² При этом нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что представители той и другой её волн, развивавших свою миграцию через Кавказ и Среднюю Азию, имели известное отношение как к «серой» (праиранцы), так и в особенности, к «серой расписной керамике» (праиндоарии), находившейся, как установлено, и в обиходе прагреков на Балканах и в Малой Азии, сходство техники изготовления типов которой, несомненно, восходили к общему первоисточнику.¹²³ Особое внимание привлекает констатация авторами этнической и языковой неоднородности потоков мигрантов, что полностью совпадает с картиной, выявленной А. Л. Гиндиным и В. Л. Цымбурским для свидетельств прагреческого освоения территории северных Балкан и северо-западной Анатолии почти в синхронный период времени.¹²⁴

Отмеченные перспективы, в особенности, та из них, которая имеет непосредственное отношение к ариям Индии, и видимо нашли своё отражение в таком многослойном, хронологически и тематически разновременном памятнике, какой представляет собой Ригведа древних индийцев. Рассмотрение её текстов, в особенности, информации, закодированной в X гимне, как нам представляется, прежде всего в плане этнонимии и ономастики позволяет, как уже отмечалось, с одной стороны, найти, зафиксированные в эпической поэзии ариев Индии, подтверждения данным о пёстром составе мигрантов и их противоборстве как с автохтонным (или прибывшим в те же места несколько ранее) населением, так и между собой, а с другой, — в её рамках найти место «исконным эллинам» Гелона и будинам, о которых сообщает Геродот в своём описании Скифии.

Уже самое первое знакомство с содержанием названного гимна склоняет к допущению возможности использования «отцом истории» в своём изложении о Гелоне, в том числе и традиции, уходящей в глубокое прошлое, и возможно, отражавшей реалии эпохи ранней и средней бронзы в истории населения, проживавшего в годы жизни античного историка в районе Танаиса. В основу его сюжета его автор Васиштха положил наиболее подробное в Ригведе описание битвы 10 царей (стихи 5–20). Несмотря на то,

что данное событие неоднократно упоминается в поэме (например, VII, 33, 83), исторические реалии эпического сражения, несмотря на то, что один из переводчиков Ригведы К. Ф. Гельднер считал их основывающимися на реальном историческом событии,¹²⁵ во многом они остаются неясными по причине, главным образом, разновременного характера информации, воплощённой в реализации своей задачи эпическим поэтом, напоминая ситуацию, которая сложилась вокруг интерпретации гомеровских поэм. Тем не менее, место сражения, его участники, вооружение и техника противостоящих сторон представлены в стихах гимна достаточно для того, чтобы составить о них вполне конкретные представления.

Суть сводится к следующему. Царь племени тритсу Судас (Sudas-«хорошо дающий») был окружён союзными, состоящими из войск 10 племён во главе с царями, носящими общее и весьма примечательное название **aiajyvaḥ** (VII, 83, 7, «не приносящие жертв»), в районе р. Парушни (Parusni). Но ему, не без помощи Индры, которому формально и посвящён данный гимн, удаётся избежать гибели, переправившись на противоположный берег реки через построенный богом брод (согласно RV VII, 33, 3–6 в этом помог ещё и Варуна-близнец Индры), после чего река восстановилась в прежнем объёме, почему в преследовании Судаса враги стали тонуть в ней и их общими усилиями стали добивать и царь, и бог. К этому следует добавить весьма интересное указание на определённую связь, существовавшую между Индрой и племенем Судаса (tritsu), и Варуной, выступавшим в качестве покровителя, пришедшего на помощь Судасу, племени уатиша. Весьма существенным пластом в рассматриваемой информации выступает перечисление противников Судаса. В их числе упоминаются: **turvaca, yaksu, matsya, bhrigu, druhyu, paktha, bhalana, alina, visanin**.¹²⁶ В своей совокупности все они, по всей видимости, входили в более крупные объединения-вождества, поскольку разделены автором на две категории: 1) врагов Судаса (turvaca, yaksu, matsya, bhrigu) и 2) врагов Судаса, ставших друзьями (paktha, bhalanaalina, visanin (VII, 18, 12)).¹²⁷ Более того, из повествования выясняется, что в составе побеждённых были и победители, наделённые названиями апи и druhyu, а среди изгнанников, «бежавших с голосами кастратов», названы: первыми — turvaca и yaksu, вторыми — matsya, bhrigu и druhyu, самыми последними (очевидно, после того как объявили себя добрыми друзьями Судаса и Индры-Варуны) — patha, bhalana, alina, visanin.¹²⁸ Несомненно, весьма важна, отложившаяся в гимне информация, согласно которой, поддержавшие Индру уатиша, победили и ограбили каких-то adja, sigru и yaksu, принеших победителям конские головы (VII, 18, 19, 25). Кроме того, из текста гимна проявляются некоторые этно-бытовые картины жизни ариев в Северо-Западной Индии (или ещё до переселения туда). В частности, Индра наделяется эпитетом «щедрый быками и конями» и выставлен в качестве владельца множества жён — традиция, кото-

рой у эллинов следуют Эгипт и Данай. Согласно смыслу, заложенному в тексте поэмы, для того, чтобы стать героем, «истинный ариец» должен убить (дословно, «поразить») *turvaca* и *yadas* (VII, 19, 8–9). Что касается идеологии и религиозных представлений, то в указанном отношении ещё большее внимание привлекает свидетельство о персонаже (боге или герое) с весьма примечательным именем *Divodasa*, определяемом в качестве отца царя племени *tritsu* (*bharata*) Судаса (VII, 18, 25).

Анализ этнонимии, закодированной в тесте нарратива позволяет наметить линии взаимосвязей между древнеиндийской и древнегреческой (точнее, прагреческой) этнонимией. Прежде всего обращают на себя внимание буквальные её аналоги, имеющие место в письменных источниках Древней Индии и в античной традиции. Самым показательным в названном отношении выступает сходство, практически идентичность названия племени *bhrigu*, участвовавшего в битве 10 царей в Ригведе, с упоминаемым неоднократно в произведениях античных авторов фракийским племенем бригов (*bhruges*), отождествляемом специалистами однозначно с обитавшими в Западной Македонии и Иллирии, фригийцами, откуда они переселились сначала во Фракию, а потом из неё в Троаду, где позднее выступили в качестве союзников Трои Приама и потому были зафиксированы эпическими поэмами Гомера.¹²⁹

В самом деле, часто упоминаемые в индийской мифологии потомки некоего героя *Bhrigu*/*Bhrigu*, связанные с асурами, в Ригведе фигурируют в качестве реального племени. Небезынтересен также факт установления лингвистами отложенности как в языке ариев Индии, так и фригийцев следов довольно тесных контактов, существовавших, как установлено, ещё во времена их прапредков. Относительно причин и времени последних высказывается предположение, согласно которому их необходимо отождествлять с носителями срубной культуры степей Поволжья и Северного Причерноморья. Считается, что в составе единой группы с отдельными племенами «западноандоновской культурной общности» они могли достичь Северо-Западной Индии, оставив следы, в том числе и в области удивительной близости сюжетов сакральной жреческой поэзии праармян и индоариев.¹³⁰

Что касается остальных участников сражения, то к настоящему времени сложились следующие решения: относительно племени *Alipas* в специальной литературе устоялась точка зрения об их соответствии самоназванию эллинов (*Hellenes*); под наименованием *Апи* исследователи склонны усматривать либо обозначение одной из неарийских династий, **либо** этникон особого племени (племенного союза-вождества), находящего ближайшую параллель в *aenianaî* Страбона; *bhalana*/*bhalanas*, хотя и рассматриваются комментаторами текста в качестве основы понятия «перешедшие Болан» (горный кряж восточнее современного Кабула), на наш взгляд, ближе всего встречают аналог в упоминаемых Геродотом

gelonoi, **либо** могут олицетворять и этноним предков позднейших аланов. Что касается *turvaca* и *yaksu*, то, поскольку в литературе до сих пор не сложилось никакого мнения, полагаем возможным, с учётом присутствия в надписях египетских фараонов Хатшепсут, Мернептаха и Рамзеса III упоминаний среди «народов моря» о племёнах *hkst* и *trs*, высказать предположение о тождестве последних этнонимии племён в рассматриваемом гимне Ригведы.¹³¹

Если наши наблюдения верны, то в решении проблемы расхождения далёких предков эллинов, арийцев Индии и Ирана выявляется более разнообразная, неоднозначная, но чёткая и показательная картина: **миграции племён прагреко-фракийско-фригийской общности, и праиндоарийской и праиранской общности, исходя из общего очага и имея самый различный, в том числе и поступательно-возвратного порядка характер, отличались определённым единством и закономерностями, связанными с общностью их ХКТ, технических достижений, идеологии и культуры.** Складывается впечатление, что все они были связаны со сложной, представленной в самых разных комбинациях, смешанностью движения, постоянно обновлявшегося по пути следования в места нового местожительства, их этноязыкового и даже антропологического состава (монголоидные маски шахтных гробниц в Микенах). Другими словами, в составе многочисленных миграционных волн различной интенсивности, протяжённости и типа, разделившихся где-то на Дону и разошедшихся в диаметрально противоположные стороны Старого Света, праариев и прагреков, и те и другие были представлены самым исчерпывающим и непосредственным образом, свидетельством чему и выступают давно накапливаемые в науке факты поразительных сходств практически во всех проявлениях материальной и духовной культуры (в том числе и в выявляемой в самое последнее время общности топонимии и этнонимии) родственных когда-то между собой народов, обитавших на территории степи и лесостепи своей общей Восточноевропейской прародины.¹³²

Весьма симптоматичным в указанном отношении выступает, отмечаемое географическими словарями античности присутствие одноимённых рек под названием Синд в Восточной Европе (Плиний), в Северо-Западной Индии и Западной Малой Азии (Кария), указывающих на направления миграций населения, которое разнесло название своей главной реки в разные концы ойкумены.¹³³

Констатация данного факта, на наш взгляд, имеет и обратное действие: рассмотренные данные позволяют более утвердительно объяснить как происхождение «исконных эллинов» г. Гелона в стране будинов, так и зафиксированный Геродотом, смешанный характер его населения в скифское время.¹³⁴

Наконец, последним по счёту вопросом, заявленным в самом начале, является вопрос о том, в каком отношении гелоны Геродота могут соотносить-

ся с данайцами античной традиции и насколько доказательства такого соотношения опираются на факты и исторические реалии в них отражённые?

Решение этой проблемы чрезвычайно облегчено благодаря результатам, достигнутым в уже цитировавшемся исследовании А.Л. Гиндина и В.Л. Цымбурского. Напомним только, что в предшествующий период были предложены самые разнообразные гипотезы соотношения между собой упоминаемых в поэмах Гомера этнонимов данайцы-ахейцы-аргивяне. Одними учёными они рассматривались в качестве синонимов.¹³⁵ Другие полагали возможным видеть в них отложенность тех социальных изменений, которые сопутствовали этно-и политогенезу древнегреческой народности.¹³⁶ Третьи искали решение в области поэтической метрики¹³⁷. Четвёртые — в обозначении разных социальных подразделений одного и того же племени.¹³⁸ Пятые, например А. дела Сета — в производности гомеровской терминологии от основы «ахейцы».¹³⁹ Л. С. Клейн, маститый и разносторонний отечественный исследователь, формулировал свой подход, исходя из постулата, согласно которому все три этнонима греков у Гомера связаны с сильными восточными влияниями, а отчасти и сформировались на Востоке. Этноним «данаи», самый узкий, по его мнению, возник в эпоху походов «народов моря», а именем «ахейцы (в разных вариантах) называли греков хетты и египтяне, очагом же для генерализации этнонима «аргивяне» был Самос.¹⁴⁰

Приведя самые новейшие результаты рассмотрения топонимстики Трои и Северо-Западной Греции А.Л. Гиндин и В.Л. Цымбурский дополнили и существенно уточнили наблюдения Л.С. Клейна. По их данным, в обозначении жителей страны Ahhijawa хеттских текстов издревле существовала, отложившаяся в языке праилийцев как Lahhijalas, форма *Aiwales < *Ahhijawales, которую в качестве своего названия получили из их уст, представленные на земле «Пра-Аххийявы» близкородственными племенными группами ахейцев и эолийцев, мигранты прагреки.¹⁴¹ Однако во всём остальном они в объяснении рассматриваемого «феномена» на фоне разнотипных реалий конца III тыс. до н. э., отложившихся в различных источниках, зафиксировавших достижение прагреками северных областей Греции с отклонением одной из групп переселенцев из Северного Причерноморья в Троаду, исходили из представления, по которому **сохранённое греческим эпосом древнейшее название данайцы (danaoi) имеет прямые параллели в индо-иранском мире.**¹⁴²

В доказательство выдвинутой точки зрения, исследователи подвергли переосмыслению, имевшие место, начиная с П. Кречмера, объяснения лингвистической природы восточноевропейских гидронимов на -dap и вывели заключение, согласно которому «охватываемое гидронимами с элементом *dapu пространство от Дона до Дуная чётко совпадает с регионом, где должны были обитать носители праиндоевропейских диалектов до начала своего движения на восток-в Среднюю Азию, и на запад — в Центральную и Западную Европу.¹⁴³ В конце III тыс. до н. э., одним из таких

этносов или целой их группой были те, которые усвоили индоиранское название. Объяснение данного факта они видят в находящем историческую параллель в случае с сыр-дарьинскими скифами, на стыке прагреческого и праиндоиранского ареалов на одной из рек, в обозначении которых представлена индоиранская основа -*danu*. При этом они не заявляют категорическим образом, что таким местом проживания обязательно должен быть Дон. Но такое название греков определённо указывает на приход греков в Элладу со стороны северо-причерноморских степей из региона между Доном и Дунаем в составе народов «курганной группы IV». Доказательство тому они усматривают в почти полностью идентичной восточноевропейской гидронимии Арголиты, Фессалии, Аркадии и Аттики.¹⁴⁴ «Мы считаем, — указывают авторы концепции, — что появление в Фессалии гидронима «Апидан», а в Аркадии «Апидон» связано с проникновением на Балканский полуостров этносов, которые именовали себя «данайцами», имея в прошлую эпоху тесные контакты с праиндоиранцами между Доном и Дунаем».¹⁴⁵ Более того, как полагают исследователи, из этого и исходит возможность отождествления мифоисторических племён с прагреческими этносами (праахейцами, праэолийцами), которые после пребывания на Северпо-Западе Анатолии в память о стране Аххия-Аххийява стали ахейцами, а обжив Аргос, в долине Пеней, и окончательно утвердившись в этом районе они приобрели прозвище «аргивян», перенеся с собой название завоёванной ими страны севера Греции — пеласгического Аргоса. Конечный вывод лингвистов весьма лаконичен: «три имени греков под Троей — три этапа этногенеза греков: причерноморский, троянско-пропонтийский и фессало-македонский».¹⁴⁶ Обращает на себя внимание убеждённость авторов в том, что прагреков в чистом виде никогда не было и что они представляли собой конгломерат самых различных племён (фракийцев, фригийцев, индоиранцев, иранцев, эллинов и др.), известных античной традиции, в частности, тому же Геродоту, под именем тевкров — той части культурно-исторической и лингвистической общности, представители которой едва-едва оторвались от греко-индоиранской общности, но уже двигались (после утраты прямых контактов) в окружении других народов в сторону Греции. Именно поэтому, полагают исследователи, тевкры (прагреки, прамакедонцы, прадорийцы, прафригийцы, праармяне, прафракийцы) и выступили тем образом языковой общности, которая вышла далеко за рамки этнических родственных связей, и которые, в свою очередь, напрямую воспринимались этногенеалогическими легендами греков.¹⁴⁷

Соглашаясь с рассуждениями крупных специалистов по существу, заметим, что в специальной литературе предложена и другая трактовка общеиндоевропейского понятия **don-*, согласно которой индоиранское -*danu* является лишь производной от этой общей, первичной и древнейшей основы.¹⁴⁸ Рискнем предположить, что сосуществование в одном районе двух сходных гидронимов, равно как двуязычных племён будинов и «исконных

эллинов Гелона», напоминая diglosson населения архаической (т. е. конца III–нач. II тыс. до н. э.) Греции по Фукидиду, представляет возможность для положительного решения как относительно «гелонов-данайцев», так и р. Дон, как «оси» сосуществования и расхождения носителей диалектов праиндоевропейской общности вообще.

Примечания

¹ Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004; Он же. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 92–114.

² Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. М., 1969. С. 92–102 (МИА № 177); Шрамко И. Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону (За матеріалами розкопок зольника № 5) // Бельське городище та його округу (До 100-річчя початку польових досліджень). Київ 2006.

³ По мнению Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского, её границы, располагаясь между Днепром и Уралом, покрывали пространство степей Юго-Восточной Европы, на котором происходило формирование носителей индоиранской общности, причём, арии занимали восток индоевропейского ареала к северу от Чёрного моря, Кавказа и Каспия. См. Бонгаод-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 2001. С. 160, 167, 172, 173, 176, 177 (3-е изд.). Данная оценка, при сопоставлении со взглядами Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского, распространяющих границу прагреко-прафракийско-фригийского (данайского) субстрата индоевропейской общности от Дона до Дуная, весьма примечательна: она позволяет составить представление о пространственном расположении их носителей в рамках греко-арийского единства и тем самым возвести истоки общих представлений древних эллинов, древних иранцев и древних индийцев к одному и тому же, общему для всех географическому региону, этно-лингвистическому и культурному единству.

⁴ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006. С. 444; Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1989. P. 276. The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe: Selected Articles From 1952 to 1993 / Ed. By Dexter A. R., Jones-Bley K. Washington, 1997; Encyclopedia of Indo-European Culture / Ed by Mallory J. P., Adams D. Q. London, 1997; Kortlandt F. The Spread of the Indo-Europeans. Oxford-Los-Angeles, 2002.

⁵ Огибенин В. Л. Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции и.-е. поэтического языка // Этимология 1971. М., 1973. С. 317; Трубачёв О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. С. 12–28. В самое последнее время этим учёным намечено, как нам представляется, довольно перспективное направление в выяснении этимологии названия гелоны. По мнению О. Н. Трубачёва, **в исконно-европейской этимологии названия золота легко просматривается связь с определением этого благородного металла у индоиранцев (*zharanya — из и. е. *ghel-en-io)**. См.: Трубачёв О. Н. Этногенез славян. С. 14.

⁶ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: Книги IV–VII. Греческая мифология / Пер. с древнегреч., вступ. Ст. и комм. О.П. Цыбенко. СПб., 2005. С. 68, 136.

⁷ Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 27–46.

⁸ Заслуживают внимания оценки данного аспекта современными специалистами. В частности, характеризуя исторический метод Диодора, О.П. Цыбенко особо подчеркивает то обстоятельство, согласно которому «по сути дела, перед нами — одна из формулировок вопроса, актуальность которого время от времени то усиливается, то уходит на задний план на всём протяжении существования исторической науки от античности до наших дней, получая значительные импульсы от археологии как в её широком, «античном» (науки о древностях вообще), так и в узком (науки о материальной культуре) смысле. *Вопрос этот — о начале собственно истории, или, если угодно, о более или менее чётком разграничении исторического процесса и собственно предания подвергнут осмыслению в специальной литературе.* См.: О.П. Цыбенко. Историзованная мифология в «Исторической библиотеке» // Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги IV–VII. Греческая мифология. С. 10.

⁹ Бартонек А. Златообильные Микены. С. 38.

¹⁰ Кереньи К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери / Пер. А.П. Хомик, В.И. Менжулин. М., 2000. С. 271.

¹¹ Записано автором на семинаре А. И. Зайцева для студентов ЛГУ, специализирующихся по кафедре истории Древней Греции и Рима в сентябре 1976 г. во время стажировки. См. также: Зайцев А.И. Греческая религия и мифология: курс лекций. М.- СПб., 2005. С. 12. См. также: Gantz T. Early Greek Myth: A guide to literary and artistic sources. Baltimore, 1993. P. 11.

¹² Бартонек А. Златообильные Микены. С. 39–40.

¹³ Молчанов А.А. Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // <http://annals.xlegio.ru/greece/molchan/legitim.htm>

¹⁴ Гревс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 315.

¹⁵ Toepfler B. Aiakos // PWRE. Bd.1. Coll. 923–926; Schmid W. Aiakides // PWRE. Bd. 1. Coll. 922–923.

¹⁶ Schmid W. Aiakos // PWRE. Bd. 1. Coll. 923–925; Idem. Aiakides // Ibid. Coll. 922–923.

¹⁷ Немировский А. И. Мифы древности. Эллада. М., 2000. С. 74. прим 1.

¹⁸ Friedrich Lubkers Reallexikon des Klassischen Altertums. Leipzig-Berlin, 1914. S. 267–268.

¹⁹ Лосев А.Ф. Лапифы // Мифологический словарь. Т.1. М., 1988. С.

²⁰ Reineke G. Pelopidas // PWRE. 1937. Hbbd. 23. Coll. 375–380.

²¹ Ibidem.

²² Astrom P., Demakopolou K. Signs of an Earthquake at Midea // Archaeoseismology / Ed. By S. Stiros, Jones R. E. Athens, 2000. P. 163–164.

²³ Имелась в мифологической традиции и версия, по которой Золотое Руно выступало атрибутом власти Атрея и его брата Полиника, когда они являлись соправителями в Фивах. Правда, в данном случае они оба рассматриваются в качестве сыновей Эдипа. См.: Грейвс Р. Мифы. С. 174, 245.

²⁴ В правомерности такого подхода убеждают способы определения хронологии в трудах древнегреческих историков. В V–IV вв. до н. э. они приводили более менее точные или приблизительные даты отдельных событий древней истории Эллады, устанавливаемые на основании счёта времени по поколениям или согласованных с олимпийским календарём. Еще раньше, в VI в. до н. э. определение дат по счёту предшествовавших поколений практиковали логографы, в частности, Гекатей Милетский, составивший родословные важнейших эллинских героев. Считается, что установление исторических дат таким способом опиралось на практику счёта по поколениям, существовавшую в некоторых аристократических кланах и опиравшуюся на память о реальных событиях в их семейных хрониках, отстоявших от современности на 10–20 и более поколений. См.: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Л., 1976. С. 17–31; Молчанов А. А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 74–84; Он же. Вопросы источниковедения Ахейской Греции (генеалогические источники) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 151–156; Он же. Генеалогические источники по истории Ахейской Греции (Родословная царей Сикиона и их потомков) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1997. Вып. IV. Ч. 1.: История. С. 72–82; Он же. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 184–209; Он же. Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // <http://anpals.xlegio.ru/greece/molchan/legitim.htm>; Немировский А. И. Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 35–46; Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). М., 2003. С. 209.

²⁵ Молчанов А. А. Персеиды.. С. 150; Хэммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. С. 48–49.

²⁶ Reineke G. Pelopidas // PWRE. Bd. 23. Coll. 375–380

²⁷ Впрочем, такую трактовку традиции следует рассматривать в качестве зеркального отражения реальной исторической действительности. В пользу такого предположения можно опереться на множество данных, называющих Пелопа (Пелопса) как лидийца-Танталида (Tyrt., IX, 6; Pind., OlymP., I, 24) или фригийца (Hecat. Fr. I, 119 (FGH); Herod., VIII, 11).

²⁸ Грейвс Р. Мифы. С. 174

²⁹ Orinsky K. Perseus // PWRE. Bd. 23. Coll. 978–1022.

³⁰ Barchner F. Kadmos // PWRE. Bd. 20. Coll. 1400–1477.

³¹ Немировский А. И. Мифы древности. Эллада. С. 61–62, 148, 152.

³² Примечательно, что аналогичная трактовка идентичности указанных мифов позволила Р. Грейвсу высказать предположение о том, что схожесть Ио (Геры), Исиды, Астарты и Кали в сказаниях разных народов о Луне-корове следует понимать в качестве отображения фактов насильственного замужества жриц этой богини за царями пришлых в Грецию первых эллинов. См.: Грейвс Р. Мифы. С. 152.

³³ Pollack H. Danaos // PWRE. Bd. 4. Coll. 2094–2098; Milkir J. Danaoi // PWRE. Bd. 4. Coll. 2093; Waser A. Danaides // PWRE. Bd. 4. Coll. 2088–2091; Miltner J. Danaoi // PWRE. Bd. 4 / CColl. 2094.

³⁴ Miltner J. Danaoi // PWRE. Bd. 8. Coll. 2094; Orinsky K. Perseus // Ibid. Bd. 20. Coll. 978–979; 1000–1022; Stubbings F. H. Nyksoses // C.A.H. 1975. Vol. II.

Ch.1. P. 633–634. По мнению А. И. Немировского, Данай — герой-эпоним рано исчезнувшей народности Пелопоннеса (первоначально Фессалии) данайцев, а имя этого племени в греческой поэзии выступает синонимом ахейцев. См.: Немировский А. И. Мифы древности. Эллада. М., 2000. С. 202.

³⁵ Bernard J. Agyptos // Roscher W. H. Ausführliches lexikon Griechischen und Römischen Mythologie. 1884. Bd. 1. S. 155–157.

³⁶ Bernard R. Agyptos // Roscher W. H. Ausführliches lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. 1. Coll. 155–157.

³⁷ Примечательно, что Страбон упоминает факт принятия этнонима данайцы побеждёнными Данаем пеласгами (Strab., V, 2, 4), а несколько ранее, Манефон пытался найти упоминания о Данае и данайцах в египетских царских надписях (Fl. Jos., AP., I, 15). Аналогичного порядка представления послужили основанием для ряда исследователей рассматривать определение «данайцы» в качестве синонима этнонима ахейцы, и более того, считать Даная и Эгипта — эллинами, которые по прибытии в Египет приняли (хотя и наполовину) чуждые эллинам обычаи. См.: Грейвс Р. Мифы. С. 16; Немировский А. И. Мифы древности. Эллада. С. ?

³⁸ См.: Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology / Ed. W. Smith. s. v. pelasgoi

³⁹ Смерть трёх данайд-строительниц храма Р. Грейвс трактует как отображение трёхликости (или триадности) луны-богини Данаи, т. е. образа, предшествовавшего в общественном сознании Древней Греции формированию представлений о мойрах. См.: Грейвс Р. Мифы. С. 160. Трудно отрешиться от впечатления, что в данном случае присутствует факт конгруэнтности культов Данаи и Афины (Атаны), отражающего его древнейшее прошлое.

⁴⁰ В связи с этим представляет интерес постулируемый мифами факт отцовства Посейдона в Арголиде: от одной из дочерей Даная-Амимоны у него появился сын Навплий-основатель одноимённого города, в котором он поселил *египтян Даная* (AP. Rhod., Argonaut., I, 136–138; Paus., IV, 35, 2). См.: Грейвс Р. Мифы. С. 159, 245; Schefold K., Hirmer M. Frugriechische Sagenbilder. München, 1964. S. 67.

⁴¹ Немировский А. И. Мифы древности. С. 202.

⁴² Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 177. Полученные данные о «легендарном» времени жизни основных отцов-эпонимов первоэллинских племён на Балканах, являясь условными, тем не менее противоречат оценкам данного аспекта, высказывавшимся в специальной литературе. В частности, по мнению Д. Лауэнштайна, Персей основал Микены в XVIII в. до н. э., вскоре после чего появляется Тантал, много позже, примерно, в XIV–XII вв. до н. э. в Тиринфе воцаряются Геракл (XV–XIV вв. до н. э.), в Афинах — Тесей (1170 г. до н. э.), между которыми исследователь расставнавливает Пелопса (XIV в. до н. э.), Кадма (XV–XIV вв. до н. э. и др. См.: Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии / Пер. с нем. Н. Фёдоровой. М., 1996. С. 71–76, 82–83. Примечательно, что в сохранившихся частях «Паросской хроники» (Jacoby F. FGH. Bd. 2. № 239) время окончательного утверждения эллинов в Греции датируется временем 1581/80 гг. до н. э., положившем начало отсчёта прибытиям Эллина (1521/20 гг. до н. э.), Кадма (1519/18 гг. до н. э.) и Даная (1511 гг. до н. э.) Последнее не должно смущать: из текста прямо следует, что само наименование местности Актика, где воцарился Кекроп, было древнейшим (to arhaion) и что названа она была по имени Актея-её эпонима задолго до начала времени правления Кекропа в Афинах. См.: «Паросская

хроника» // Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги IV–VII. Греческая мифология / Пер. с древнегреч., вступ. Ст. и комм. О. П. Цыбенко. СПб., 2005. С. 291355–356. Об этимологии данного топонима и значении её познавательных возможностей для понимания процесса этногенеза эллинов см.: Гиндин Л. А. Aktike, Attikos // Этимология 1968. М., 1971. С. 215–219.

⁴³ Как указывают Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский, «историческая память имеет весьма сложную структуру, возможно, включающую и такие слои, в реальном содержании которых сам народ едва ли вполне отдаёт себе отчёт. Реконструируя раннюю историю греков по прямым показаниям их фольклорной традиции, мы не продвинемся глубже фессалийского периода (начало II тыс. до н. э...). См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 34–35.

⁴⁴ Georgiev V. I. The arrival of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // Bronze Age Migrations in the Aegean. Proceedings of the First International Colloquium on Aegean Prehistory / Ed. By R. A. Crossland, A. Birchall. Duckworth, 1973. P. 259.

⁴⁵ Ibid., P. 248.

⁴⁶ Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 24.

⁴⁷ Ещё более мощным в указанном отношении выступает ономастический ряд имён греческих речных богов. См.: Brewster H. The River Gods of Greece: Myth and mountain waters in the Hellenic World. London, 1997.

⁴⁸ Иванов Вяч. Вс.

⁴⁹ Гиндин Л. С. Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 21.

⁵⁰ Нефёдкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 110–218.

⁵¹ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое (междисциплинарный аспект) // ВДИ. 1994. № 4. С. 30–32.

⁵² Там же. С. 30.

⁵³ Heubeck A. Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf der Linear B Tafeln // BNF. 1957. Bd. 8. S. 276; Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 119; Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1972. С. 100; Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки. С. 30.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. См. также: Грейвс Р. Мифы. С. 236, 312–313. 343, 465, 468, 472, 511 и др.

⁵⁶ Там же. С. 31.

⁵⁷ Относительно появления прагреков в Трое задолго до Троянской войны исследователи опираются на результаты анализа лингвистических и археологических данных об ареальных связях названия Ilios (реже Ilion)=хетт. Wilusa с фракийским топонимическим рядом, находя многочисленные соответствия и аналоги от Илиона, Сард, Пропонтиды до Македонии, Фессалии, Дельф и Аттики, что и привело их к весьма перспективному заключению о том, что хорошо прослеживаемая повсюду (в Северо-Западной Анатолии, Северной и Средней Греции) «илейская» топонимика отмечает своим присутствием рубежи распространения троянского и эллинского типов «серо-минийской» керамики. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки. С. 32–37.

⁵⁸ Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 82; Peruzzi E. I micenei sul Palatino // *La parola del passato*. 1974. Fasc. 158–159. P. 309, 349.

⁵⁹ Peruzzi E. Mycenians in Early Latium. Roma, 1980. P. 151–152.

⁶⁰ Намёки на подобное решение вопроса присутствуют в специальной работе М. Кристофани. См.: Cristofani M. *Rassegna di attivita scientifiche* // *Studi Etruschi*. 1978. Vol. 46. P. 443–444. См. также: Peruzzi E. *Agricoltura micenea nel Lazio* // *Minos*. 1975. Fasc. 1–2. P. 164–187

⁶¹ Блаватская Т. В. Греческое общество Второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1977. С. 59, прим 1 — 80.

⁶² Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 84.

⁶³ Там же. С. 85.

⁶⁴ Lochnner-Huttenbach F. *Die Pelasger*. Wien, 1960. S. 171–172.

⁶⁵ Ещё в конце 50-х гг XX в. такую мысль высказывал и Л. А. Гиндин. См.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1958. С. 230–231.

⁶⁶ Большинство учёных, занимавшихся данной проблематикой (К. Блеген, Ф. Шахермайр, Дж. Меллаарт, Н. Г. Л. Хэммонд, Г. Милонас и др.) связывают новых насельников Балканского полуострова с массивами индоевропейских, в первую очередь греко-фрако-фригийских, племён, появившихся здесь, приблизительно, после 2350 г. до н. э.

⁶⁷ Goldman H. *Excavations at Eutresis in Beotia*. Cambridge-Massachusetts, 1931; Caskey J. L., Caskey E. G. *The earliest settlements at Eutresis. Supplementary Excavations 1958* // *Hesperia*. 1960. Vol. 29. P. 126–167; Idem. *The Early Helladic Period in the Argolid* // *ibid.* P. 285–303; Mylonas G. E. *Aghios Cosmas. An Early Bronze Age settlement and Cemetery in Attica*. Princeton, 1959; Blegen C. W. *Korakou, a Prehistoric Settlement near Corinth*. Boston, 1921; Idem. *Prosymna, The Helladic Settlement Proceeding the Argive Heraeum*. Vol. 1–2. London, 1937; Mellaart J. *The End of the early Bronze Age in Anatolia and Aegean* // *AJA*. 1958. Vol. 62. № 1. P. 3–15; Из новейшей литературы см.: Mellaart J. *Anatolia and Indo-europeans* // *Journ. Of Indo-European Studies*. 1981. Vol. 9. № 1–2. P. 142–145;

⁶⁸ Из зарубежных работ см.: French E. *Mycenae: Agamemnon's Capital*. Stroud-Glos, 2002.

⁶⁹ Качурис К. А. Погребальные сооружения Элевсина Среднего периода Бронзового века // <http://annals.narod.ru/greece/elevsin/elevsin.htm>

⁷⁰ Там же. Со ссылкой на Froedin O., Persson A. W. *Asine, Svenska Asine Expedition. Resultys of the Swedish Excavations 1922–1930*. Stockholm, 1941. P. 165–170; Wace A. J., Thomson M. S. *Prehistoric Thessaly*. Cambridge, 1912. P. 141–143; Goldman H. *Excavations at Eutresis in Boeotia*. Cambridge, 1931. P. 19. *Tabl. VII, 1*.

⁷¹ Demakopolou K. *The Burial Ritual in the Tholos Tomb at Kokla, Argolis* // *Celebrations of Death and Divinity in the Bronze Age Argolid. Proceedings of the sixth International Symposium at the Swedisch Institute at Athens, 11–13 June 1988* / Ed. By P. Higg, G. G. Nordquist. Athens, 1990.

⁷² Качурис К. А. Указ. Соч.

⁷³ Следует отметить присутствие наряду с «серой» и «кремовой» в культурных слоях Трои VI–VIa, чернолощёной, также подражавшей металлическим изделиям керамики (т. н. буккеры), традиции изготовления которой будут в XI–VIII вв. до

н. э. продолжены ав Этрурии. См.: Рошер Ж.-Н. Этруски. М., 2007. С. 15; Starke F. Troia im context des historisch-politischen und sprachlichen Umfeldes Kleinasien im 2. Jahrtausend // *Studia Troica*. 1997. Vol. 7. P. 328–346.

⁷⁴ Масон В. М. Титов В. С. Клейн Л. С.

⁷⁵ Клейн Л. С. Анатомия. С. 127.

⁷⁶ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983.

⁷⁷ Древние индоиранские культуры Волго-Уралья / Под ред. И. Б. Васильева. Самара, 1995.

⁷⁸ Ко времени рубежа XVII в. до н. э. относят те же самые события и зарубежные специалисты. См.: Вуд М. В поисках первых цивилизаций. М., 2007. С. 75–76.

⁷⁹ Лесная полоса Европейской части СССР в эпоху бронзы. М., 1982; Доно-Волжская абашевская культура. Воронеж, 1995.

⁸⁰ Haley J. B., Blegen. The Coming of the Greeks // *AJA*. 1928. Vol. 32. P. 76.

⁸¹ Mellaart J. The End of the Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *AJA*. 1958. Vol. 62. № 1. P. 15–16. Сравнение процессов, развивавшихся в послехараппской Индии, указывает на их полную идентичность, но асинхронность тем, которые примерно в то же время происходили на территории Малой Азии и Балкан. В связи с этим обращает на себя внимание использование индоиранцами (ариями), вторгшимися в северо-западную Индию такое же длительное время такой же по типу, как и в указанных областях, керамики (серой, красной и черной), не говоря уже о наличии и там и там биритуализма в погребальном обряде пришельцев. См.: Dani A. N. Timargatha and Gandhara Grave Culture // *Ancient Pakistan*. 1967. Vol. P. 219; Stacul A. Excavations near Ghaligai (1968) and Proto-Historical Cultures in Swat Valley // *East and West*. 1969. Vol. 19. № 1–2. P. 120–121; Agrawal D. P. The Archaeology of India. London, 1981. P. 250, 253, 255. См. также: Blegen C. W., Caskey J., Rawson M. The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. Vol. 1–3. Princeton, 1966–1973. Возможно, объяснение этому обстоятельству следует искать в распространении носителей дардского диалекта индоиранских языков как в Индии, так и в Троаде, о чём свидетельствует и другое название последней — Дардания. См.: *Encyclopaedia Iranica*. 2000. Vol. 2. P. 19.

⁸² Caskey J. K. The Early Helladic Period in Argolid // *Hesperia*. 1960. Vol. 29. P. 15–17, 34, 53, 70, 111, 113 etc.

⁸³ См. выше.

⁸⁴ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Троаде. С. 23.

⁸⁵ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973. С. 36.

⁸⁶ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки. С. 23–24.

⁸⁷ Blegen K. *Op. cit.* P. 111, 113

⁸⁸ French D. H. Migrations and “minian” Pottery in Western Anatolia and the Aegean. // *Bronze Age migrations in The Aegean. Proceedings of the First International colloquium on Aegean Prehistory* / Ed. By R. A. Crossland, A. Birchall. Duckworth, 1973; Schachermeyer P. Mykene und das Hethierreich. Wien, 1986. S. 186, 198

⁸⁹ Blegen K. *Op. cit.* P. 172; Gotze A. Kleinasien. Bd. 2. Munchen, 1957. S. 82.

⁹⁰ Mellaart J. The End of the Bronze Age. P. 15. Idem. Anatolia and the Balkans. // *Antiquity*. 1960. Vol. 34. № 136. P. 276. P.

⁹¹ French D. H. Prehistoric sites. P. 76.

⁹² Fields N. Troy c. 1700–1250 (Fortress 17). London, 2004. P. 52–57.

⁹³ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки и Троя. С. 27.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Gimbutas M. Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilization Around 2300 B.C. // *Bronze Age Migrations in the Aegean. Proceedings of the First International Colloquium on Aegean Prehistory* / Ed. By R. A. Crossland, A. Birchall. Duckworth, 1973. P. 248. В 90-е гг. прошлого века исследовательница отказалась от выделения курганной волны IV, полагая на этот раз, что прагреки переселились на Балканы из Восточной и Средней Европы, где входили в единую диалектную общность с прагерманцами, праславянами и прабалтами, распространившись на Среднем и Верхнем Дунае в составе «курганного народа II», от которого к середине III тыс. до н. э. они, обособившись, ушли в северо-западные области Малой Азии и Греции. См.: *Die Ethnogenese der europäischen Indogermanen*. Innsbruck, 1992. S. 9, 15, 20. Такая точка зрения получила ряд критических замечаний как в отечественной, так и в зарубежной литературе. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки и Троя. С. 27; Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. СПб., 2001. С.; Хэммонд Н. Г. Л. История Древней Греции. М., 2003. С. 16; Яровой Е. В. К вопросу о взаимоотношениях скотоводческих и земледельческих племён Северо-Западного Причерноморья в эпоху ранней бронзы // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века. Материалы X международной научной конференции 29 мая — 3 июня 2001 г.* (<http://annals.xlegio.ru/life/mobcm10/mobcm10.htm>)

⁹⁷ Впервые такая точка зрения была сформулирована к 1972 г. См.: Hammond N. G. L. *Epirus*. Athens, 1966; Idem. *History of Macedonia*. Vol. 1. Oxford, 1972. P. 272.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Hammond N. G. L. *Ancient Epirus* // *Epirus. 4000 of Greek History and Civilization* / Gen. Ed. M. B. Sakellariou. Athens, 1997. P. 34–45.

¹⁰⁰ Hammond N. G. L. *Ancient Epirus. Prehistory and Protohistory* // *Epirus. 4000 years of Greek History and Civilization* / gen Ed. M. B. Sakellariou. Athens, 1997. P. 34–45.

¹⁰¹ Hammond N. G. L. *History of Macedonia*. P. 248–250, 258–263.

¹⁰² Georgiev V. I. *The arrival of the Greeks*. P. 259.

¹⁰³ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 16. В дополнение к наблюдениям исследователей можно сослаться на чрезвычайно широкое распространение в пределах рассматриваемого региона (от Днепра и Буга, восточного и южного побережий Чёрного моря, острова Эгеиды и Балканы) топонимов «Ахейская гавань», самый северный из которых зафиксирован Плинием напротив греческого полиса Ольвия в Северном Причерноморье (Plin., IV, 33).

¹⁰⁴ Там же. С. 17. См. также: Bartonek A. *Mycenian koine Reconcidered* // *Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies* / Ed. L. R. Palmer, J. Chadwick. Cambridge, 1966. P. 48.

¹⁰⁵ Там же. С. 19. Из конкретных наблюдений наших авторов несомненный интерес вызывает реконструкция названия Ahhijawa из эолийской формы *Aiwales < *Ahhijawales, а также её присутствие в лидийских диалектах, где Lahhijalas давала производное lailas, употреблявшееся для обозначения страны Аххийяа и её жителей ахейцев, на основании чего и была осуществлена констатация, что этноним получен прагреками из уст пралидийцев, и более того, что какая-то самая южная группа прагреков, пребывавшая в тесных контактах с пра-

лидийцами (что нашло отражение в мифах о Тантале как предке Эака), переняла у последних это имя и стала употреблять его как самоназвание. К этому следует добавить и мысль, согласно которой самое знаменитое из всех мифологических имён-имя царя колхов Айэта отразило понятие Ahhijawa, в первую очередь, его основа Aias, — ntos (отложилось и передаче в этрусском Aivas (<*Aivant) означает «человек из Аи» и возникло ещё в добалканский, малоазийский период истории праахейцев и праэолийцев. Но ещё большую ценность приобретает установленное исследователями тождество пралид. Aiwa- с греческим Aia («земля»), которое с учётом мнения самих лингвистов, рассматривающих данный термин как своего рода дублетное обозначение Фессалии-исконного ареала ахейских и ионийских племён в греческой метрополии, восходящий к анат. Ahhijawa-наименованию ахейской и эолийской прародины до переселения в Фессалию из Западной Анатолии, позволяет дать новую трактовку давно дебатированной в науке проблеме Aia в Колхиде. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява». С. 21 Lesky A. Aia // Gessamelte Schriften. Munkhen, 1966. S. 26; Astour M. C. Hellenosemitica. Leiden, 1967. S. 276; Гордезиани Р. В. Aia в древнейших греческих источниках // Античность и современность. М., 1972 С. 178–186.

¹⁰⁶ Там же. С. 19.

¹⁰⁷ Там же. С. 23.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 24.

¹¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹¹ Там же. С. 20.

¹¹² В указанном отношении весьма примечательны наблюдения, выведенные специалистами из изучения материальной культуры населения окрестностей г. Соншань. Они связаны с выявлением близких сходств с носителями афанасьевской и андроновской культур Южной Сибири и, более того, вполне соответствуют древнекитайским мифам, согласно которым династии Шан (Инь) предшествовала династия Ся, берущая своё начало как раз из окрестностей этой горы. При этом небольшие, также находящие свои аналоги там же, поселения эпохи ранней бронзы в её окрестностях указывают, что временем смены династий был рубеж XX в. до н. э. См.: Вуд М. В поисках первых цивилизаций. М., 2007. С. 119.

¹¹³ Такая постановка вопроса вполне вписывается в своём самом общем виде в представления исследователей, специально занимавшихся разработкой аналогичных проблем. К настоящему времени среди отечественных учёных (археологов, историков, лингвистов) сложилось устойчивое убеждение, согласно которому **древнейшие арии обитали в обширной полосе евразийских степей от Северного Причерноморья до Казахстана и даже много восточнее последнего**. См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 160–163. Именно из этого пояса они и расселялись последовательными волнами, по меньшей мере двумя, причём, более поздняя частично перекрыла более раннюю. См.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии М., 1970. С. 358. Более того, считается, что сам распад общеарийского единства произошёл на рубеже III–II тыс. до н. э. (!). См.: Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 34.

¹¹⁴ Идея о существовании такой границы впервые была высказана Порцигом (1964), по мнению которого она пролегла по р. Днепр. Однако, по мере

накопления новых данных выяснилась, присущая расселению индоевропейцев на территории Восточной Европы «чересполосица», характеризовавшая смешанный характер общностей, разговаривавших на «сатемных» и «кентумных» языках. В объяснении последней В. А. Десницкая предложила понятие «непоследовательной сатемности», которую проявляли в своём развитии носители кентумных языков. На этом основании она пришла к заключению, согласно которому «непоследовательную «сатемность» можно считать признаком довольно широкой переходной полосы в центральной части индоевропейского ареала, к которой помимо балтийского и протобалканского, возможно, принадлежали также иллирийский (с мессапским) и фракийский языки. Тенденция к ассимиляции палатальных — мощная инновация периода, предшествовавшего разрыву территориальных контактов между отдельными частями индоевропейской общности» (1966. С. 11–12) // <http://alterling.narod.ru/CilaRusCa.doc>).

¹¹⁵ Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 38.

¹¹⁶ Там же. С. 35. На этом основании И. В. Пьянков полагает возможным рассматривать носителей петровской и раннеалакульской культур в качестве предкулов создателей протоиранской Хванираты-страны колесниц, мифо-географические границы которой по нашему убеждению полностью покрывают доно-уральское междуречье, проявившись в широком распространении элитарных погребений представителей колесничной аристократии, что и засвидетельствовано соответствующими памятниками. См.: Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988; Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986; Она же. Откуда пришли индо-арии? М., 1994.

¹¹⁷ Баян Л. С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // http://www.rupar.ru/lib/history/eu_tr_4.htm; Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индо-арии. М., 1994; Она же. Культура пастушеских племён Средней Азии в эпоху бронзы и формирование индоиранских (арийских) народов // Вестник РГНФ. 2007. № 4 (49). С. 17–29; Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998; Рындина Н. В., Дегтярёва А. Д. Энеолит и бронзовый век. Учебное пособие по курсу «Основы археологии». М., 2002. С. 150–152; Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 179–189 (<http://histline.narod.ru/safron.13-14.htm>)

¹¹⁸ Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // <http://www.ancientorient/article/masson.htm>; Mallory J. P. Indo-Europeans and Steppelands: The model of Language Shift // Proceedings of the 13-th Annual UCLA Indo-European Conference. Washington, 2002. P. 72–89.

¹¹⁹ Виноградов Н. Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов). Автореферат докт. дис. 2007 (<http://archaeolog.ru/files/vinogradov.doc>); Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. (<http://Kladina.narod.ru/grigorjev.htm>); Зданович Г. Б. Страна городов. Археологическое событие XX века // Родина. 2001. № 11; Он же., Батанина И. М. «Страна городов» — укрепленное поселение эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 54–62; Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпо-

хи средней бронзы. Челябинск, 1997 (<http://kladina.narod.ru/zdanovich1997/zdanovich199...>). Ещё более конкретно по данному поводу высказалась Е. Е. Кузьмина. Формирование синташтинских памятников, по её убеждению, — результат взаимодействия культур Восточной Европы: ямно-полтавкинской, позднекакомбной и абашевской. Памятники петровского типа, по её мнению, являются отражением следующего этапа развития того же общества, которое представляло собой ранний этап уже сформировавшейся общности Андроново. Что касается типологии миграций индоиранцев из южно-уральских степей, то, как полагает исследовательница, памятники Южного Узбекистана (поселение и храм Джаркутан, некрополи Бустан) демонстрируют «элитарную модель», которая проявляет себя и на памятниках Белуджистана и Индии, тогда как поселения и могильники Южного Таджикистана (Кумсай, Туюн, Дашти-Кози) указывают на ассимилятивный характер взаимодействия пришельцев с автохтонным населением, и, наконец, культура Бишкент-Вахш — на интегративный тип, имеющий своим следствием формирование качественно новой культуры. По мнению Е. Е. Кузьминой, в том, что направление движения в данном случае было ориентировано в Белуджистан и Индию свидетельствуют изображения колесниц из Тхора и Гандары. Основным аргументом и одновременно заключением исследовательницы являются те, согласно которым **время индоиранского единства на прародине синхронно эпохе распространения конных колесниц, т. е. первой половине II тыс. до н. э.** См. Кузьмина Е. Е. Культура пастушеских племён Средней Азии в эпоху бронзы и формирование индоиранских (арийских) народов // Вестник РГНФ. 2007. № 4. С. 21–23.

¹²⁰ См. ниже. Важным обстоятельством, подтверждающим такую трактовку источников является присутствие в Авесте (Vid., I, 2) указания на то, что Йима вёл свой народ «против нити солнца», что надо понимать как движение из областей прародины в юго-восточном направлении. Опираясь на него целый ряд археологов полагает возможным (на основании наличия серой расписной керамики) располагать и идентифицировать с иранской ветвью памятники северо-Восточного Прикаспия, Прикарабугазья и Прибалхашья относящиеся к раннесрубной культуре XVIII–XVI вв. до н. э., т. е. к тому времени, когда на противоположном конце социально-политических «миров» эпохи бронзы Евразии — на Балканах, в особенности на Пелопоннесе, происходило завершение процесса складывания культуры Ахейской (микенской) Греции. Примечательно и практически полное совпадение как времени появления праэллинов в Греции (около 2350 г. до н. э.), так и датировки специалистами периода индо-иранского единства (отделение где-то от остальных индоевропейцев где-то около 2500 г. до н. э., совместная лингво-культурная общность и разделение последней между 2000–1600 гг. до н. э. См.: Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1983. С. 80–81; Зданович Г. Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995 // <http://kladina.narod.ru/arkaim1995/arkaim1995.htm>; Бойс М. Зороастрийцы. С. 69–70;

¹²¹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 162–163; они же. От Индии до Скифии // ВДИ. 2004. № 2. С. 58

¹²² Там же. С. 165, 167. Что касается появления Ариев в Передней Азии, то по этому вопросу исследователи допускают возможным два пути их распространения: вторжение отдельных групп племён с севера из степей Восточной Европы

через Кавказ или с Востока — через Среднюю Азию и Иран. См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии (3-е изд). С. 183, 186. Стефанов В. И., Стефанова Н. К. К вопросу о связях населения Зауралья и среднего Прииртышья в доандроновский период // <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a3/1-ste.htm>. Примечательно, что на это время (вторая четверть II тыс. до н. э.), как полагают исследователи, выпадает самое большое число свидетельств о колесницах и ранних формах псалий, охватывающих территорию от Урала до Балкан (С. 173). См. также: Матвеев Ю. П. Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы доново-волжско-уральской лесостепи // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции 21–25 августа 1995 г. Саратов. СПб., 1995. С. 76–78; Клейн Л. С. Откуда арии пришли в Индию? // Вестник ЛГУ. 1980. № 20. С. 35–39; The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe: Selected articles From 1952 to 1993 / Ed. by Dexter A. R., Jones-Bley K. Washington, 1997; Kortlandt F. The spread of the Indo-Europeans Hudson, 2002 (<http://www.kortlandt.nl/publications/art111e.pdf>)

¹²³ Там же. С. 192, 199. Её древнейшие образцы, по убеждению авторов, датируются памятниками Южной Туркмении так же как и в Анатолии: временем конца III тыс. до н. э. (С. 179)

¹²⁴ Там же. С. 181. Сходную трактовку миграций носителей ямной культурной общности даёт Е. Е. Кузьмина, по оценкам которой в пользу юго-западного направления их переселения указывает нарастание их памятников в Молдове, Румынии, Венгрии. См.: Kuzmina E. E. The First Wave of Indo-Iranian migration to the South // Journ. Of Indo-European Stud. 2001. Vol. 29. № 1–2. P. 259–268; См. также Банфи Э. Юго-западное Задунавье как связующая зона. Данные культурной истории раннего и среднего энеолита в свете последних исследований // Stratum plus. 2000. № 2. С. 98; Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Там же. С. 350–387; Пустовалов С. Ж. Курган «Тягунова могила» и проблемы колёсного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // Там же. С. 296–321.

¹²⁵ Geldner K. F. Der Rig-Veda: Aus dem Sanskrit ins Deutsche ubersetzt // Harvard Oriental Studies. 1951. Vol. 33. P. 13.

¹²⁶ Названия племён *bhrigu*, *bhalana*, если следовать заключениям лингвистов, отражают собой процесс ассимиляции волн палатальных языках индоевропейцев, которые, развиваясь под непосредственным воздействием языка финно-угров в областях на юге и юго-западе их ареала (кельтский, латинский, греческий, фракийский, фригийский — в них трёхчленная схема кратных гласных (*e, *o, *a) эволюционировала в схему из двух гласных (*e, *a), тогда как в области расселения праиндоиранских племён она была сведена к одночленной (*o). На этом основании В. А. Десницкая вывела наблюдение о наличии трёх областей в ареале распространения индоевропейских племён: область А (со всеми тремя кратными гласными; область В — с двумя; и область С — с одной). Ещё более существенным критерием суждений о порядке миграций различных индоевропейских племён, по её мнению, является поведение индоевропейских звонких аспирированных смычных *bh, *dh, *gh. Они, — указывает В. А. Десницкая: «в протоалбанском перешли в простые звонкие смычные b, d, g и совпали со звонкими смычными, сохранившимися от общеиндоевропейского состояния. В этом отношении протоалбанский язык, — развивает мысль исследователь,

-эволюционизировал одинаково с большим количеством языков, в том числе помимо...иллирийских, фракийских, также скельтскими и иранскими. По этому признаку указанные языки оказались противопоставленными...венетскому и греческому, утратившими звонкость аспирированного ряда, но сохранившими различие трёх рядов.» Важной инновацией обширного ареала, протянувшегося от иранской языковой области на востоке до кельтской на западе, как она полагает, служит объединение в единый ряд двух прежних рядов индоевропейских смычных — простых звонких и звонких аспирированных. Однако самым важным, указывает А.В. Десницкая, является то, что **в кельтских, славянских, балтийских, иранских, армянском, фракийском, албанском и иллирийских языках произошло объединение звонких аспирированных и звонких простых в один ряд., тогда как в греческом..., индийском...звонкие аспирированные сохранились, рефлексируясь позднее в каждом из этих языков по разному.** «Из этого, констатирует она, **-вытекает, что предки италиков, греков и индийцев должны были в числе первых покинуть свою историческую прародину и поэтому сберечь старый индоевропейский звуковой состав. Утратив контакт между собой и попав в соседство с носителями языков иного звукового состава, они могли подпасть под разные языковые влияния и поэтому, скажем, в греческом языке звонкие аспирированные bh, dh, gh перешли в th, h, g, а в латинском в f и h.** (См.: <http://alterling.narod.Ru.CilaRusCa.doc>). Важность наблюдений А.В. Десницкой, с нашей точки зрения, заключается в возможности самой возможности сопоставления bhrigu и bhalana / bhilana с известными в греческих источниках, начиная с эпических поэм Гомера племенами бригов и гелонов.

¹²⁷ Упоминания о bhrigu и turvaca в одной обойме с yaksu matsya, по всей видимости, отражавшие историческую реальность до перемещения первых двух племён в Малую Азию, по нашему мнению, находит косвенное подтверждение в мифе о Тарконе и Тиррене, изложение которого представил Ликофрон в своей поэме «Александра». Как полагает Ж.-Н. Рошер, эти два героя с в высшей степени этрусскими именами были сыновьями Телефа (хетт. Teleripu-Н.П.), правителя Мисии, упоминаемого Гомером в «Одиссее». См.: Рошер Ж.-Н. Этруски. М., 2007. С. 8. Связь мисийцев с фригийцами и лидийцами отмечена, как указывалось выше, Геродотом. Наличие таких данных в античной традиции было, как можно предположить, было не только не случайным, но отражающим процесс этнической истории населения Малой Азии в той её части, которая была связана с переселением сюда эллино-фрако-фригийцев и turvaca-тирсенов, что и нашло отражение в фиксации хеттскими дипломатическими документами страны Tarhuntassa, расположенной в центральной приморской части юга полуострова между Lukka и Kizzuwadna. В свою очередь, присутствие имени одного из представителей царской династии у хеттов, позволяет составить представление о времени действия, отображённого Гомером и Ликофроном. Скорее всего, как показывают соответствующие подсчёты, оно **выпадает на период между XVIII–XVI вв. до н. э., причём, по всей видимости, начальной точкой отсчёта должен стать 1948 г. до н. э.,** что вполне согласуется с другими датировками, установленным как по данным мифологической традиции древних греков, так и по материалам лингвистики с достаточной достоверностью отражающих фракийские (восточнобалканские) элементы в ономастике и в религии Этрурии. См.: Цымбурский В.Л. Фракизмы в ономастике Этрурии и в её пантеоне //

Славянское и Балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 69–83.

¹²⁸ Witzel M. Arian and nonarian names in Vedic India // Aryans and nonarians. Evidence. Interpretation and Ideology. Cambridge-Massachusetts, 1999. P. 28–29, 51–56, 72, 84, 117.

¹²⁹ Не противоречат такой реконструкции данные антропологии и генетики. См.: Шевченко А. В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы. Л., 1986. С. 121–215; **Особенно показательны выявленные Л. Л. Кавалли-Сфорца факты совпадений аллели группы крови В и галлогруппы R1a1 с направлениями расселения носителей «курганной культуры IV».** См.: Guglilmipo C. R., Piazza F., Menozzi P., Cavalli-Sforza L. L. Uralic Genes in Europe // Amer. Journ. Of Popul. Antropology. 1990. Vol. 83. P. 57–68; Бирнбаум Х. Генетические и типологические методы внешнего сравнения языков (Вопросы языкознания, 1993) // <http://ameshavkin.parod.ru/litved/grammar/ling/bir.html>

¹³⁰ Harmatta 1992 P. 357; Antony D. The Acheaology of Indo-European Origin // Journ. of Indo-EuroP. Studies. 1991. № 19. P. 193–222

¹³¹ Очень близка по духу аргументация Л. С. Клейна. См.: Клейн Л. С. Анатомия. С. 51, 53, 124.

¹³² На очень вероятное по этому вопросу предположение, как нам представляется, можно опереться на **отложившиеся и в древнейших традициях эллинов, индийцев и населения Ирана представления о пограничных реках Танаисе древних греков и Ранхе древних индийцев, что само по себе весьма симптоматично: и те, другие, как из этого следует, в качестве линии разделения представляли, фактически, один и тот же меридиан, соответствовавший, что вполне понятно, самым крупным рекам Восточной Европы — их общей прародины.** См.: Иванов Вяч. Вс. К возможности лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Книга 1. Часть V. Челябинск, 1995. С. 45–47; Он же. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1999. С. 410; Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. 2000. № 4. С. 3–20. Что касается возражений относительно отсутствия сколько-нибудь крупных горных хребтов на территории Восточной Европы, в междуречье Дона и Дуная, то снятию такой проблемы весьма способствует открытие, осуществлённое О. Н. Трубачёвым. Ему удалось установить, что «значение «гора» относится к числу сложных и вторичных значений. «Считается, пишет он, — что оно развилось на базе таких первичных значений как «высокий», «поднимающийся», «куча», «груда». В качестве исходной, — продолжает исследователь, — словарь Бака приводит также значения «склон», «груда» (лат. clivus «склон и холм», гот. Hlains, греч. klino и т. д.)». См.: Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 85. К этому следует добавить и наблюдения того же специалиста относительно этимологии и.-а. слова *gand-aug («местность»), которая повсеместно проявляется в топонимике Восточной Европы (от Курской, Тамбовской, Воронежской, Самарской областей до Кубани), отложившись в современной ономастике и топо-гидронимии типа р. Кандаур, Большой Кандаур, Кандауровых хуторов на Дону и его притоках, в фамилии Кандауров и т. п. // Там же. С. 93.

¹³³ Dictionary of Greek and Roman Geography / Ed. By W. Smith. Cambridge, 1854 (Caria // <http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?doc>); См. Также: [tp://www.Livius.org/cao-caz/caria/caria.html](http://www.Livius.org/cao-caz/caria/caria.html)

¹³⁴ Более того, возникает и альтернативное, в духе «идеи о Вечном возвращении» М. Элиаде, обосновываемому решению предположение, благодаря которому, как нам кажется, можно найти объяснение сопутствующему утверждению «отца истории» об исконности эллинства гелонов, согласно которому все они представляют, осевших среди будинов изгнанников из торговых эмпориев. Очевидно речь идёт о времени после 494 г. до н. э., когда по Геродоту «в Милете не стало милетян», а население греческих полисов, участников антиперсидской коалиции, в том числе представленное потомками праэллинов Пропонтиды по Л. Гиндину и В. Цымбурскому, возвратилось в места происхождения и проживания своих далёких-далёких предков.

¹³⁵ Gladston W. E. Studies on Homer and the Homeric age. Vol. 1–3. Oxford, 1858.

¹³⁶ Славятинская М. Н. Этнонимы в поэтическом тексте // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 119–127.

¹³⁷ Duntzer H. Ahaioi, Paanaioi, Argeioi, Danaoi bei Homer // Berliner Zeitschrift für Gymnasialwesen. 1868. Jg. 22. S. 958–966.

¹³⁸ Взгляды М. Н. Славятинской концептуально предвосхищал и П. Кауэр. См.: Cauer P. Grundfragen der Homerkritik. Leipzig, 1921. S. 279–290 (3 Aufl.).

¹³⁹ Della Seta A. Achaioi, Argeioi, Danaoi nei poemi omerici // Rendicotti della Accademia dei Lincei. Cl. Di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 5. Vol. 16. Roma, 1907. P. 133–210.,

¹⁴⁰ Клейн Л. С. Гомеровские названия греков и Древний Восток // Народы Азии и Африки. 1991. № 1. С. 56. Здесь же (равно как и в монографии того же автора) представлена исчерпывающая библиография и рассмотрена историография проблемы. См.: Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998.

¹⁴¹ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява». С. 19.

¹⁴² Там же. С. 23.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. С. 24. Конкретным фактом такого порядка, по их данным, является, отложившийся в названии *apidanees* (Strabo., VIII, 6, 9) элемента *-danees* < *danaues, фактически синонимичного форме *danaFoi* — самоназванию, привнесённому прагреками из Северного Причерноморья. (С. 25). См. также: Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 23–24.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. С. 35.

¹⁴⁸ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира.. Т. 1. М., 1987. С. 531.

Глава 9

ГЕЛОН ГЕРОДОТА КАК РЕЛИКТ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О НАСЕЛЕНИИ ГРЕКО-АРИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.

Хорошо известно: при анализе событий далёкого исторического прошлого историк лишён возможности подтвердить (или опровергнуть) правоту своих концепций экспериментом. В результате, почти единственным средством проверки в этом случае остаётся указание и перечисление различного рода диахронных и синхронных как по времени, так и по месту концентрации конкретных фактов, различного рода совпадений, в особенности многократных, и более того, друг друга дублирующих. Именно таким способом доказывают правильность дешифровки древних систем письменности, генетическое родство языков и археологических культур.¹

Производство такого рода исследований имело своим следствием констатацию в науке такого парадоксального, на первый взгляд, факта, согласно которому наличие глубоких связей между удалёнными друг от друга культурными очагами и этническими группами представляет собой скорее правило, чем исключение. Причём, связи эти удаётся обнаружить, прибегая к анализу многочисленных совпадений и в мифах, и в свидетельствах эпоса, и в историко-литературной традиции, и археологических источниках древности.² Решение проблемы «исконных эллинов» Гелона Геродота в указанном отношении, как показывают результаты, проделанной автором работы, не составляют никакого исключения.³

Однако для того, чтобы убедиться в этом, нам представляется необходимыми ещё раз обратиться к тексту нарратива «отца истории», где содержится информация в интересующем нас плане.

В развитие своего рассказа об этногеографии и политической истории Скифии в IV книге своего труда Геродот, в числе других аспектов с ними связанных, остановил своё внимание и на описании открывавших и закрывавших пространство от Истра до Танаиса племенах скифского хинтерланда. Среди них его особое внимание привлекли в первую очередь те из них, которые оказали содействие царским скифам в войне с войсками Дария I (514/512 гг. до н. э.), по причине чего «отец истории», как следует думать, и попытался собрать и представить своему греческому слушателю, характеризующие их образ жизни, географические, этнографические, генеалогические, лингвистические, исторические и хронологические факты.

Геродот пишет: «... (IV, 20) Севернее этих царских скифов живут меланхлены (Μελαγχλαῖνοι) — другое, не скифское племя (выше, в IV, 102 мы узнаём, что до страны меланхленов от моря вглубь страны — 20 дней пути- Н.П.).⁴ Севернее меланхленов, — продолжает он, — насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна (δὲ τὸ κατ' ὑπερθε λίμναι καὶ ἔρημος). (21) За рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения (λάκξεις) там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера на 15 дней пути, где нет ни диких, ни сажёных деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом (λάκξεις) будины (Βουδίνοι). Земля здесь покрыта густым лесом разной породы. (22) За будинами к северу (δὲ κατ' ὑπερθε πρὸς Βορέην) сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а потом далее на восток живут фиссагеты — многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки. Они также промышляют охотой... Над иирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю... (24)... Народы, живущие по сю сторону до этих лысых людей (аргиппеев-Н.П.), хорошо известны, так как к ним приходят скифы. Ведь сведения о них можно легко получить... и от эллинов из Борисфенитской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов...».

После представления «этнокарты» периферии Скифии «отец истории» обращается к рассказу о ближайших союзниках скифов в войне с персами — племенах будинов и о жителях деревянного города в их стране под названием Гелон». (108) В их земле, — сообщает историк, обращаясь к подробностям, — находится деревянный город (πόλις) под названием Гелон (Γελονός). Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий, — указывает историк и делает весьма важное наблюдение: городская стена, — пишет он, — вся высокая и деревянная. Из дерева построены дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева сооружёнными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса (триетериды — Н.П.) и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами (το ἀρχαῖον Ἑλλήνης). После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частично на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной... Будины — большое и многочисленное племя; у всех них светло-голубые глаза и рыжие волосы. (109). Будины — коренные жители страны — кочевники. Это единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками (φτεῖροφαγέουσι μοῦνοι). Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб (σιτοφάγοι καὶ κήπους ἐκτιμένοι). По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно...». Далее наш источник рассказывает о большом среди лесной чащи

озере в стране будинов и охоте последних на выдру, бобров и зверей с четырёхугольной мордой, а также о лечебных свойствах бобровых яичек для лечения женских болезней.

Собственно указанными размерами и ограничивается формат известий Геродота о будинах, гелонах, г. Гелон в земле будинов выше савроматов вверх по Танаису. Но их информационная глубина, разноуровневость и сложность с самого начала специальной разработки проблемы в науке имела своим следствием рождение множества вопросов, дискуссии вокруг которых, несмотря на, казалось бы достигнутые результаты, продолжают среди специалистов (археологов, лингвистов, филологов и историков) по настоящее время, символизируя собой сосуществование диаметрально противоположных оценок и взглядов, в первую очередь относительно интерпретации и трактовки содержания самого свидетельства Геродота.⁵ Что касается Гелона, то в специальной литературе господствующее положение заняла лишь одна его интерпретация: деревянный город Гелон и его жители — эллины — это город греческих переселенцев времени греческой колонизации Северного Причерноморья.⁶ При этом относительно самого появления эллинского города на далёкой периферии скифского хинтерланда высказывались весьма вариативные, но близкие по своему существу точки зрения. Одни исследователи, как отмечалось уже, исходили из постулата о примате результатов колонизации греками побережий Северного Понта и внутренних областей последнего (А. А. Иессен, Н. А. Онайко, Б. А. Рыбаков)⁷. Другие находили возможным усматривать связь с экспансией Ахеменидов против греческих полисов Эгейского побережья Малой Азии и бегством их населения в Понт после поражения Панионийского союза от персов в морском сражении 494 г. до н. э. у о. Лада (Д. П. Каллистов, С. Я. Лурье, А. И. Доватур)⁸. Третьи исходили из текста наррации Геродота, в которой по меньшей мере 2 раза встречается упоминание «о скифах и живущих среди них эллинах» (Т. В. Блаватская, В. А. Ильинская, В. П. Петров)⁹. Четвёртые отдавали приоритет гипотезе впервые сформулированной Б. Н. Граковым об ольвийском торговом пути (Б. А. Шрамко, А. И. Тереножкин и др.)¹⁰. Пятые были глубоко убеждены в наличии городов типа Гелона на т. н. «священных путях Скифии», посредством которых в храм Аполлона на Делосе доставлялись гиперборейские дары (Д. А. Мачинский, а в самое последнее время и А. В. Кулишова)¹¹. Высказывались и иные трактовки, связанные друг с другом неудачными и неаргументированными материалами источников попытками точной локализации г. Гелона, игнорируя семантическую сложность самого свидетельства «отца истории» (например, Б. А. Шрамко, Б. А. Рыбаков и др.). Все они основывались либо на новых прочтениях текстов античных авторов (в первую очередь, Геродота), либо на введении в научный оборот новейших данных скифской археологии, что по их мнению выступало доказательством объективности и адекватности исторической действительности оценок проблемы, представляемых их авторами.

Однако, если присмотреться к ним всем повнимательнее, то несмотря на их кажущуюся стройность и фундированность, станут заметными многочисленные нестыковки и противоречия в них присутствующие. Первая оценка представляется слишком общей. Помимо констатации контактов эллинов с населением Восточноевропейской лесостепи до появления скифов в Северном Причерноморье, никаких других фактов нет, а те, на которые опираются её сторонники не имеют никакого отношения к племенам будинов, г. Гелону и его населению. Вторая из них — весьма гипотетична и представляет собой интерполяцию свидетельств античной традиции о греческих беженцах в Западное и Южное Причерноморье после неудачи Ионийского восстания. Третья также опирается на лишённые конкретики свидетельства самого «отца истории». Четвёртая, как и первые три, также представляет собой не больше, чем остроумную гипотезу. Причина скептического отношения к существующим на настоящее время концепциям довольно проста: если в отношении Поднепровья можно говорить о массовости и интенсивности античного импорта, то вряд ли в пользу его наличия могут свидетельствовать всего 64, датирующихся к тому же IV в. до н. э., предмета, выявленных на памятниках лесостепного междуречья Днепра и Дона.¹²

Понятно, что они олицетворяют собой несколько иные связи и потому необходимо новое обращение к переосмыслению текста Геродотового нарратива, в первую очередь, его оригинала, памятуя о том, что перевод есть всего лишь толкование текста, при производстве которого большая часть, если не всё, зависит не столько от филологической подготовки специалиста, сколько отражает научные интересы, знания, научные интересы, концептуальных схем, которых последний придерживается.¹³ Напротив, как следует из всей совокупности материалов, привлечённых нами к её решению, порождает уверенность в надёжности и достоверности кросскультурного анализа фактов в толковании как самого текста свидетельства «отца истории» о г. Гелоне и его жителях, так и того содержания и смысла, который вкладывался им в использованное для обозначения происхождения жителей деревянного города Гелона, находящегося вверх по Танаису на пересечении путей от моря и от Меотийского озера, определение *το ἀρχαῖον Ἑλλήνεις*. Представляется, что решение этой проблемы будет достигнуто только тогда, когда появится возможность найти ему подтверждение в показаниях самых разнообразных и разнотипных источников.¹⁴

Аналитическая работа, проделанная в указанном направлении в плане изучения источников Геродота, древних гидронимии и топонимастики различных районов степи и лесостепи Восточной Европы, Северо-Западной Индии, Малой Азии, Балканского и Аппенинского полуостровов, отложившихся в мифах и эпической поэзии, путём выявления их близости и сходств в интересующем нас аспекте, равно как и рассмотрение собранных фактов в контексте достижений археологии, лингвистики, а также других естественных и гуманитарных наук, позволяет надеяться, что преимущественное

большинство из них дают соответствующие основания для положительного ответа на поставленный вопрос.

В силу указанного обстоятельства полагаем возможным остановиться на одном из самых, с нашей точки зрения, существенных из имеющихся в нашем распоряжении аргументов. Из них первостепенное значение приобретает, имеющая длительную историографическую историю, оценка адекватности данных «отца истории» о Скифии вообще, г. Гелоне и его населении в частности. Со времени Ф. Якоби они давно определены специалистами и это избавляет от необходимости специального их рассмотрения. На первом месте, как подчёркивает Геродот, у него стоят личные наблюдения (*opsis*), затем сведения, добытые личными расспросами (*akoe, istoriae*) или его знакомство с историями (*istoriae*), излагавшимися знатоками и очевидцами¹⁵, а также данные, выявленные им на основе собственных исследований (*gnome*). При этом даже самые принципиальные оппоненты его аутопсии признают, что «рассказ Геродота о городе Гелоне скорее всего восходит к *akoe* или *istoriae*, но никак не к *opsis*».¹⁶ В указанном отношении весьма примечательна оценка, данная труду «отца истории» М. И. Ростовцевым. По мнению этого крупнейшего специалиста по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, историк обратился прежде всего к материалам предшествовавших ему источников, с помощью которых он дополнял свои личные наблюдения. При этом, как полагал М. И. Ростовцев, он невольно соединял знания прошлого с качественно изменившейся действительностью своего времени, в чём и заключалась главная специфика произведения Геродота как исторического источника. По образному выражению учёного, автор Скифского логоса в развёртывании своего повествования сопрягал более широкие и географически и хронологически данные своих предшественников с «узким кругозором» греков Ольвии Понтийской.¹⁷ Иными словами, М. И. Ростовцев был первым, кто поставил задачу расчленения повествования Геродота на разные исторические, восходящие к ранней ионийской традиции, старшим и младшим логографам, кругу ольвийских источников, пласты с целью формирования единых предметно-хронологических фрагментов знаний по древней истории Скифии.¹⁸

Что касается конкретных источников, то к настоящему времени практически не вызывает сомнений использование им данных, извлечённых и критически осмысленных из эпических поэм (в нашем случае — поэмы Аристея Проконнесского), трудов своих предшественников и современников, из архивов Дельфийского храма и эпиграфических источников, а также из рассказов надёжных информаторов (наподобие дяди скифского царя с греческим (ликийским?) именем Тимн). Нельзя исключать и роли свидетельств, полученных «отцом истории» от греческих эмпоров из понтийских гаваней, от которых он заимствовал представления о размерах Понта Эвксинского, и возможно, свидетельства относительно, как бы мы сейчас сказали, представлений эллинов о генеалогии, мифологии, эпической и современной

истории скифов.¹⁹ Список результатов источниковедческих аспектов геродотологии, подтверждающих тезис о более детальном знакомстве «отца истории» с источниками об истории тех стран и народов, о которых он рассказывал и его стремлении к подаче проверенной и критически выверенной (насколько это можно было в его время) информации можно продолжать и продолжать. Во всяком случае, с точки зрения интересующего нас аспекта вполне можно вывести заключение как о точности, так и многоуровневости информационных «полей» и Скифского логоса в целом, и рассказа о г. Гелоне в стране будинов в частности. К этому следует добавить и то, что, во-первых, Геродот сообщает о фактах, которые он лично узнал и критически обработал, а во вторых, выведенное специалистами наблюдение, согласно которому «отец истории» никогда не давал древним этносам случайных определений.²⁰

Не менее важным в процессе поиска ответа на поставленный вопрос представляется выявление аргументации относительно трактовки смысла, заложенного Геродотом в использованную им в тексте рассказа о жителях Гелона фразу το ἀρχαῖον Ἑλλήνες.²¹ Обычно её интерпретировали либо как «издревле были эллины» (Стратановский), «древние» (А.И. Доватур), «с давнего времени» Ф.Г. Мищенко, «давние, прошлые» (Fehling), либо как производную от прилагательного *go palai*. Между тем, внимательное изучение существующих словарей, в том числе и этимологических, показало, что среди других ближе всего передают смысл, вложенный в данное словоупотребление Геродотом, прилагательные «исконные, первоначальные, изначальные».

Проделанный нами сравнительный анализ случаев подобного словоупотребления в других нарративных источниках имел своим следствием констатацию факта о её широком применении в том случае, когда требовалось сделать акцент на исключительной древности чего-либо: будь то вещь или глубокие исторические корни происхождения того или иного этноса. Достаточно сказать, что в тексте Скифского логоса такое определение встречается, по меньшей мере, ещё дважды. В первый раз Геродот обращается к его употреблению первоначального очага Скифии, который он размещает в непосредственной близости от западнопонтийского города Истрия, называя его «древнейшей, исконной Скифией» (ἡ ἀρχαία σκυθία (IV, 99), Второй раз практически идентичное словоупотребление он допускает в описании культа священного меча у скифов и почитании ими бога, напоминающего греческого Ареса (ἀκινάκης σιδήρεος... ἀρχαῖος (IV, 62).²² По мнению К. Абихта, данное определение присутствует в труде «отца истории» как указание на предмет «древнейшего происхождения и формы».²³ А поскольку лексическое содержание прилагательного ἀρχαῖος отнюдь не исчерпывается значением «древний», то в нём следует усматривать и другое, близкое, но более точное значение, отражающее саму сущность слова — «извечный, первозданный, издревле установленный», наконец, «исконный» как это и подчёркивается в этимологических словарях.²⁴ В подтверждение

предлагаемого нами толкования *arhaios* можно сослаться на высказывание Солона, в котором, определяя принадлежность афинян к земле Аттики он называл Афины «исконной (το ἀρχαῖον) землёй Ионии» (Solon., Fr. 4a. West). Широкую распространённость указанных трактовок смыслового значения фразы *to arhaios* подтверждается текстом труда Диодора, который в своём рассказе об изгнании пеласгов детьми Гелиоса (Гелиадами) наделяет последних определением *το ἀρχαῖον*, который по мнению современного переводчика в полном соответствии с заложенным в нём смыслом следует трактовать как «ис покон веков, изначально».²⁵

Такое совпадение значений фразы и смысла, вкладываемого в неё Геродотом и его последователями при характеристике различных объектов, а с точки зрения интересующего нас вопроса, в определение этнической принадлежности жителей г. Гелона в стране будинов, с употреблением прилагательного *αρχαῖος*, восходящего к существительному ἡ ἀρχή, как нам представляется, не только не является случайным, но и заставляет задуматься над тем, а к какому периоду истории местного населения Придонья вообще должно относить свидетельство «отца истории»?²⁶

Поиск ответа на сформулированный вопрос начнём с филологических изысканий, тем более, что, к счастью, такого порядка опыты предприняты (и это очень важно с точки зрения изучаемой темы) нашими отечественными знатоками древних греческих текстов. В частности, наше внимание привлекла трактовка А. Иванчиком гомеровских формул δῆμος τῇ καὶ πόλις τῇ, употреблённый эпическим поэтом для обозначения эллинов и Эллады, Трои и троянцев, народа и города киммерийцев²⁷. По мнению исследователя, упоминание народа и города киммерийцев Гомером ни в коей мере не соответствует общему для античных авторов после Гомера представлению о них как о номадах²⁸. Как полагает учёный, чтобы понять смысл заложенный в них, в дополнение к существующим оценкам формул эпической поэзии необходимо добавить и, основанное на констатации соответствующих фактов, суждение, согласно которому гомеровские формулы не только не являются чисто техническими версификаторскими приёмами, служащими лишь задаче только орнаментации текста, но и несут в себе совершенно определённую семантическую нагрузку.²⁹ В силу данного обстоятельства, считает он, наделённые смыслом гомеровские формулы надо научиться понимать.³⁰

В развитие этого тезиса и ссылаясь на мнения, имеющие к настоящему времени место в специальной литературе, А. И. Иванчик выводит заключение о том, что сочетание δῆμος τῇ πόλις τῇ характеризуют исключительно народы греческой культуры.³¹ Более того, присутствующее в нём слово δῆμος, по его мнению, обозначает не просто народ, организованный в общину греческого типа в отличие от систем ἔθνος или γένος, которые не имеют данной коннотации и могут обозначать любой этнос, а именно гражданский коллектив, состоящее из его членов войско, народное собрание, и территорию, населённую данной общиной³²

Направление суждений отечественного учёного нам представляется возможным распространить и на трактовку свидетельства Геродота о г. Гелоне и его жителях. Напомним, что в их характеристике Геродот, помимо большой территории, занимаемой городом и его жителями, их определения как «ситофагов», упоминания о наличии в этом городе многочисленных алтарей, храмов и храмиков, построенных из дерева, сделал акцент на его названии посредством словарного оборота οὗνομα δὲ τῇ πόλι ἐστὶ Γελωνός. Фактически, если принять во внимание метрический строй всего отрывка о будинах и гелонах, «отец истории» использует эпическую формулу с сочетанием πόλις δὲ τῇ πόλι. Иными словами акцент им сделан на городском в греческом понимании слова облик и города, и его населения, которое «отец истории» к тому же определяет в качестве «исконных эллинов». Складывается впечатление, что внучатый племянник эпического поэта, каковым являлся Геродот, вводя в речевой оборот указанную поэтическую формулу, имел в виду организованную по греческому образцу гражданскую общину-государство, сущность которой он передал с помощью обычного для V в. до н. э. слова πόλις.³³ В конце концов, примечательно, что Геродотом употреблено исключительно прилагательное ἀρχαῖος, а не его синонимы — παλαιοῖς или δαῖτις (в значении «древние»).

Основания для сомнений в правомочности датировки свидетельства Геродота о г. Гелоне снимаются по мере более близкого знакомства как с конструкцией 108–109 глав IV книги его труда, так и в особенности с теми поразительными результатами в определении этнического облика населения указанного региона в эпоху бронзы, которыми располагают современная лингвистика и археология.³⁴

К настоящему времени специалисты и той и другой отрасли знания, фактически, согласились с тем, что междуречье Дуная и Дона являлось территорией взаимодействия пра-греко-фрако-фригийского и индоиранского субстратов в рамках единой греко-арийской общности, распад которой, начавшийся в последней четверти III тыс. до н. э.,³⁵ по всей видимости первоначально произошёл, примерно, по меридиану р. Дон (в лесостепных или степных широтах междуречий Днепра, Дона и Волги) и был связан с расхождением в диаметрально противоположные стороны полиэтнических массивов населения, что и было впоследствии зафиксировано в мифологии и эпической поэзии древних индийцев и греков, сохранилось в воспоминаниях различных античных авторов, проявилось в сходстве основополагающих идей и религиозного пантеона, отложилось в гидронимии и топонимике различных территорий от Средней Хуанхэ до Малой Азии, Балканского и Апеннинского полуостровов, и как показывает генеалогическая хронология, на сравнительно коротком промежутке времени — между 2032–1750 гг. до н. э.³⁶

Осуществление работы в названном направлении, как можно было убедиться выше, способствовало установлению многочисленных фактов такого словоупотребления не только у Геродота, но и в произведениях

других античных авторов, а также в эпиграфических источниках и поэзии архаического века (Солон). А это позволило обосновать точку зрения, согласно которой то ἀρχαῖον Ἑλλήνες должна однозначно трактоваться как выражение понятия «исконные эллины, первоэллины». Тем самым была обоснована, хотя и в качестве гипотезы, сама возможность вычленения в Скифском логосе вообще, в информации Геродота о г. Гелоне и его жителях, таких пластов информации, которые своими истоками нисходят во времена никак не позже определённого самим историком рубежа, установленного им на основании информации устных скифских источников относительно 1000-летней продолжительности истории их «самого молодого» народа в мире.³⁷

Из всех других аспектов использования труда Геродота в качестве источника самым дискуссионным по настоящее время продолжает оставаться именно этот. Причина тому — скептическая оценка числовых данных «отца истории» и гиперкритицизм, направленный на отрицание достоверности генеалогических хронологий вообще, у Геродота в частности.³⁸ Именно поэтому данный вопрос — относительно изложения Геродотом представлений скифов о происхождении их народа (начальной даты генеалогической хронологии) — нуждается в соответствующем комментарии.

Вопрос, который вызывает интерес в первую очередь и сформулированный в науке достаточно давно, можно представить следующим образом: можно ли восстановить по дошедшим до нашего времени свидетельствам ту систему (или системы) относительной поколенной хронологии, которая и стоит в конечном счёте за этими свидетельствами? Отталкивались ли античные авторы от одной и той же поколенной схемы или сами эти поколенные схемы были многообразны, а их отрезки (равно как и разные хронологические модели) многообразно комбинировались в античной традиции? По мнению Ж. Ваншунвинкеля, последнее обстоятельство приводит к констатации невозможности восстановления не только исходных поколенных схем, но и реконструкции относительных дат того или иного исторического события.³⁹ В самое последнее время на основании тщательнейшего анализа ветхозаветной традиции о патриархах А. А. Немировский пришёл к заключению, согласно которому племенной (и вообще архаический) мир хранит достоверные в своей основе устные предания, касающиеся его истории и генеалогии.⁴⁰ Более того, они, в особенности те их сегменты, которые включают этнонимы реальных племён, по мнению исследователя, должны рассматриваться как репрезентативный в своей основе материал, отражающий реальное соотношение, историю и состав племенных структур.⁴¹ Более осторожный характер носят его оценки легендарной хронологии «героического века» Эллады. С одной стороны, он допускает возможным придавать хронологии по поколениям хронологическое значение, с другой — указывает, что относительно историчности ранней греческой традиции проявлять особый оптимизм оснований нет, поскольку она носит условный характер.

Что касается близости эпической и реальной даты Троянской войны, то, по его мнению, это — не чистая условность, а «мифопоэтическое» уточнение и оформление неких, восходящих к исторической реальности воспоминаний.⁴² Вместе с тем для него не вызывает сомнений, что имеющиеся греческие предания о Нине и Семирамиде демонстрируют репрезентативность греческой схемы датировки времени возникновения Среднеассирийской державы, которая слишком хорошо соответствует действительности, чтобы считать её плодом собственно греческого мифологизирования.⁴³ По мнению исследователя, традиция удерживает реальность, но с недостаточной подробностью, тогда как эпос воспроизводит её на редкость хорошо.⁴⁴ Но самый главный вывод учёного, добросовестно изучившего библейские сказания о патриархах, заключается в констатации того, что системное соотношение исторического и эпического рядов является доказательством исторической достоверности эпического ряда в целом. В его обоснование А. А. Немировский пишет: *«Честно говоря, на этом фоне теоретическое отрицание возможности точной и долговременной передачи реальной истории в устной традиции вообще не должно было бы иметь права на существование, не то что провозглашаться во всеуслышание как нечто давно доказанное. Греческие предания о «героическом веке» с шагом буквально в десятилетие соответствуют реальной истории Эгеиды и Леванта, известной по ближневосточным и археологическим памятникам (автор имеет в виду устную арабийскую традицию о гиксосах⁴⁵ и данные лингвистики и археологии, представленные в труде Гиндина-Цымбурского (1998)-Н. П.)...Греческая традиция демонстрирует именно последовательное, системное схождение с исторической реальностью»*.⁴⁶ Тем самым, как представляется, в нашем распоряжении появляются новые аргументы в пользу достоверности дат, восстанавливаемых на основании генеалогической хронологии, нашедшей отражение в ранней греческой традиции, в том числе и в труде Геродота.⁴⁷

В пользу данного предположения можно сослаться на сопоставление данных, присутствующих в произведениях античных авторов относительно времени правления египетского царя Сезостриса / Везосиса и первого «скифо-египетского» конфликта. Оставляя в стороне вопросы точности передачи имени царя, реальности его самого или принадлежности представляемой ими информации к фольклорно-мифологическому уровню, реальности его войны с царём «скифов» Танаосом / Танаусисом, как бы последнее неправильно было прочитано интерпретаторами текстов Юстина / Иордана, остановим внимание на цифровых данных, иллюстрирующих имевшие место в ранней и поздней античной традиции по этому вопросу представления. Сначала вспомним, что по Геродоту годы правления самого первого египетского царя звали Миной (Μῖνα), причём от Сезостриса его отделяло правление ещё 330 царей (Herod., II, 98–102). По мнению Дикеарха, этот последний правил Египтом за 2500 лет до взятия Трои. Расчеты показывают на дату 3740 г. до н. э., что нисколько не противоречит

данным о царствовании т. н. Одинастии в долине Нила.⁴⁸ Если выявленная датировка уводит в глубокое прошлое истории Древнего Египта (подсчёты по методике Геродота восстанавливают дату (11055 г. до н. э. сопоставимую с данными Платона о продолжительности египетской истории (9594 г. до н. э.), то свидетельства Помпея Трога и Павла Орозия возвращают нас практически к той дате, которая восстанавливается по другим источниками как 2032 г. до н. э. При этом Помпей Трог рассказывает, что египетский царь Везосис (Vezosis) потерпел поражение от скифов, царём которых был Танаос, за 1300 лет до основания Рима (Just., I, 1, 6; II, 3, 8–184 Oros., Adv. Pag., I, 4, 1; Iord., Get., 6 (fr. 36a-b Seel). Подсчёт показывает на время 2053 г. до н. э. Возникает вопрос: а случайны или неслучайны совпадения генеалогической хронологии, и если не случайны, то не стоит ли за данными поздней традиции сокрытое, забытое, переоформленное в ней знание относительно гиксосской инфильтрации в дельту Нила и пребывания там Даная и его народа, что и засвидетельствовал в своём труде Геродот?⁴⁹ Несколько ниже мы попытаемся найти ответ на этот вопрос. В данном случае обращают на себя внимание персонажи, присутствующие в генеалогии бога Диониса и имеющие отношение к Северному Причерноморью как минимум. Так, Инах — в греческой мифологии бог одноимённой реки — представляется сыном Океана и Фетиды. Более того, он — царь Арголиды и отец дочери по имени Ио, которая преследуемая Герой, бежала через Боспор Киммерийский в Египет и там родила от Зевса сына Эпафа, являвшегося в свою очередь родоначальником многих героев, в том числе Даная, Египта, Данаи и Персея. Если принять во внимание традиционное отождествление Эпафа греческих мифов с египетским царём гиксосской династии Апопи, появляется возможность определения хронологической привязки развёртывания основных сюжетных линий данного цикла — 1750–1650 гг. до н. э. Ещё более показательна и информативна отложившаяся в нём ономастика. Имена Данай, Даная, Египт и Персей можно воспринимать как отражение полиэтничности гиксосского союза племён, захвативших восточную часть Нильской дельты, часть которого, по всей видимости, составляли, засвидетельствованные соответствующими именами, праэллины (данайцы=ахейцы). Выявление такого обстоятельства позволяет воспринимать указанную информацию как весьма специфическую передачу амальгамы реальных событий истории, по причине давности превращённой в сгусток переосмысленных, в иных местах перевернутых с ног на голову (а потому вызывающих у нас недоверие), конкретных фактов, воспринимаемых в античности с точки зрения современных тому или иному автору знаний. Как можно было убедиться, такой же характер (тип) носит информация, отложившаяся в греческих мифах, излагаемых в эпической поэзии, произведениях мифографов, историков, трагических поэтов и учёных эпохи эллинизма.

Что мифологическая (точнее генеалогическая хронология греческих мифов, опиравшаяся на счёт времени по поколениям) достаточно точно отражает историческую действительность, на наш взгляд, находит

доказательство как в соответствующих пластах генеалогической хронологии составителей Вед, так и в примерном соответствии той и другой с датировками обоснования древних протогреков и протоиндийцев в местах своего нового обитания на Балканах и в Северо-Западной Индии, устоявшимися к настоящему времени методами лингвистики, филологии и археологии. Они показывают поразительное сходство и практическую идентичность генеалогической хронологии древних индийцев (ведических ариев) и древних греков. Так, время правления Икшваку, 57 представителя правившей в Айодхье «солнечной» династии, относится к 2019 г. до н. э., т. е. примерно совпадает с временем прибытия Эака в Элладу (2032 г. до н. э.). Ещё более красноречиво выглядит время правления правнука Икшваку Рамы, выпадающего на 1919 г. до н. э. Представляет интерес и вполне вписывающаяся в установленную хронологию дата жизни Пуруваса и правителей рода Пуру, относившихся к пятому поколению после сына Сомы и Ила, т. е. 1864 г. до н. э.⁵⁰ Наконец, время Вагху, выпадает на 1106 г. до н. э., т. е. отстоит на 100 лет от даты окончания Троянской войны по данным Паросской надписи. В данный круг генеалогической хронологии вполне вписывается и информация о времени жизни пророка Зороастра, сохранившаяся в представлениях его первых приверженцев — 1738 г. до н. э.⁵¹ Составители Вед фиксируют общность происхождения царей разных династий и полиэтническую структуру обществ, которыми они управляли. Заметим, что такая же картина просматривается и в известиях античной мифологической и литературной традиции относительно взаимодействия племён греко-фрако-фригийской и индоиранской общностей на территории будущей Эллады.

Показательными являются в указанном отношении, зафиксированные этногенетическими мифами греков (и совпадающие с датировками современной лингвистики) их представления о самом первом своём появлении на территории Балканского полуострова.⁵²

Первым в указанном ряду можно назвать информацию относительно гибели Атрея от руки Эгисфа. То обстоятельство что дети Атрея, Агамемнон и Менелай, согласно традиции находились на попечении этолийского царя Ойнея/Энея, а также то, что само это убийство имело место в годы правления в Сикионе царя Полифида — (Paus., II, 18, 4), позволяет, как нам представляется, опираясь на представления древних греков о временной жизни одного поколения (33, 5 года по Геродоту), реконструировать примерную дату, зафиксированного в мифах события — 2032/1982 гг. до н. э. потомка местных династов в 24-ом колене. Точно также представляется возможным определить время правления одного из вождей эллинов, с которым они пришли в Грецию. В данном случае полезной оказывается информация мифов о генеалогии царей Арголиды, сохранённая также Павсанием (Paus., III, 11, 1). По его данным от Фарипа, первого царя до Пирра, сына Ахилла, можно насчитать 18 поколений. Производимые подсчёты (как по максимуму,

так и по минимуму), дают даты 1867/1834 гг. до н. э. Примерно, на тоже время указывают подсчёты о времени жизни Ликаона, сына Пеласга, потомка того населения Арголиды, с которым праэллины столкнулись по прибытии на Пелопоннес. Согласно традиции он жил за 18 поколений до Троянской войны, т. е. в 1843/1783 гг. до н. э.

Весомое подтверждение упомянутая генеалогическая хронология встречает в труде Дионисия Галикарнасского, посвящённого истории Рима. Свидетельствуя о древнейшей колонизации Италии, он не только называет переселившихся сюда *аборигинов (boreigones)* и *энотров эллинами*, но и сообщает о заключении между ними и пеласгами общеэллинского союза против сикелов, автохтонного населения Италии до их прихода. При этом, итальянских *пеласгов*, как и *аборигинов*, греческий историк римского времени склонен называть как *arhaios Hellenes*, переселившихся с Пелопоннеса во главе с Ахеем, Фтием и Пеласгом *по причине изгнания оттуда куретами и лелегами* (Dion. Hal., I, 9, 1; 10, 1–2; 11–20). Благодаря Дионисию (а также следует общераспространённой у античных авторов традиции вести счёт исторического времени по поколениям) мы имеем возможность составить представление о примерной синхронности, характеризовавшей этно-иполитогенетические процессы от Индии до Италии. Говоря о сикелах как самых древнейших обитателях будущего Рима, античный автор указывает, что после большой войны его захватывают абorigины за 16 поколений до Троянской войны. Подсчёт $(1240/1180 + (33,5 \times 16)) =$ показывает дату 1776/1716 г.г. до н. э. (Dion. Hal., I, 16). Ещё более показательна датировка времени правления эпонима энотров, Энотра сына Ликаона, в свою очередь, аргосского царя, сына Пеласга, аркадцев по месту жительства, рождение которого Дионисий относит за 17 поколений до Троянской войны, отмечая, что тот был 5-ым царём в роду (Dion. Hal., I, 11, 1). Возможности генеалогической хронологии проявляются и тут: временная шкала древнейшей истории Италии времени её колонизации, как несложно заметить, вполне синхронизируется с той, которая отображает, отражённый в греческих мифах, приход протоэллинов на Балканский полуостров, и основанием для такого заключения является реконструируемая дата правления первого династа энотров $(1776/1716 + (33,5 \times 5)) = 1952/1892$ гг. до н. э. Но и это ещё не всё. Дионисий Галикарнасский одним из первых в античной традиции обратил внимание на сходство правил образования этнонимии у эллинов и этрусков (по имени предводителей-ойкистов), которые, как показывают сопоставление с эпическими поэмами Древней Индии, свидетельствуя если не о родстве, то об общности происхождения, находят удивительную общность с теми, которые практиковались и у их создателей.⁵³

Важность генеалогической хронологии, свидетельствующей о начальных этапах проникновения эллинских племён на Пелопоннес трудно переоценить. Они вполне вписываются в существующие археологические дати-

ровки, фиксирующие начало эллинской истории Балканского полуострова временем 2230–1900 гг. до н. э.⁵⁴

Определённое сходство в плане сравнительного сопоставления с датами античной традиции проявляют хронологические оценки и сама хронология событий, о которых повествует древнейший памятник «Ригведа». В частности, Т.Я. Елизаренкова допускает возможную синхронизацию событий, связанных с битвой 10 царей и время существования Аркаима и Синташты. Во всяком случае, по её мнению, битва «истинных» арийцев и «неправедных» ариев в повествовании самой древней книги «Вед» датируются временем до 2400 г. до н. э.⁵⁵ Что касается зарубежных специалистов, то на фоне разброса мнений как о прародине индоевропейцев, так и о датировке текстов «Ригведы», самым близким к греческим источникам следует назвать мнение, согласно которому, во-первых, греческие, индийские, скандинавские и германские мифы восходят к общему источнику, а во вторых, что основные события арийской истории, и в частности, битва 10 царей (RV 18, 33; 83, 4–8) концентрируются в промежутке 2050 — 1516 гг. до н. э.⁵⁶

Теперь необходимо остановиться на тех новейших данных, которые позволяют прояснить этимологию названия города Гелон.⁵⁷ Напомним, что его мы восстанавливали вслед за О.Н. Трубачёвым из праиндоевропейской основы. Между тем, изменение взглядов относительно этногенетической карты Восточной Европы в IV-первой половине III тыс. до н. э. показало, с одной стороны, на возможность сосуществования в Северном Причерноморье

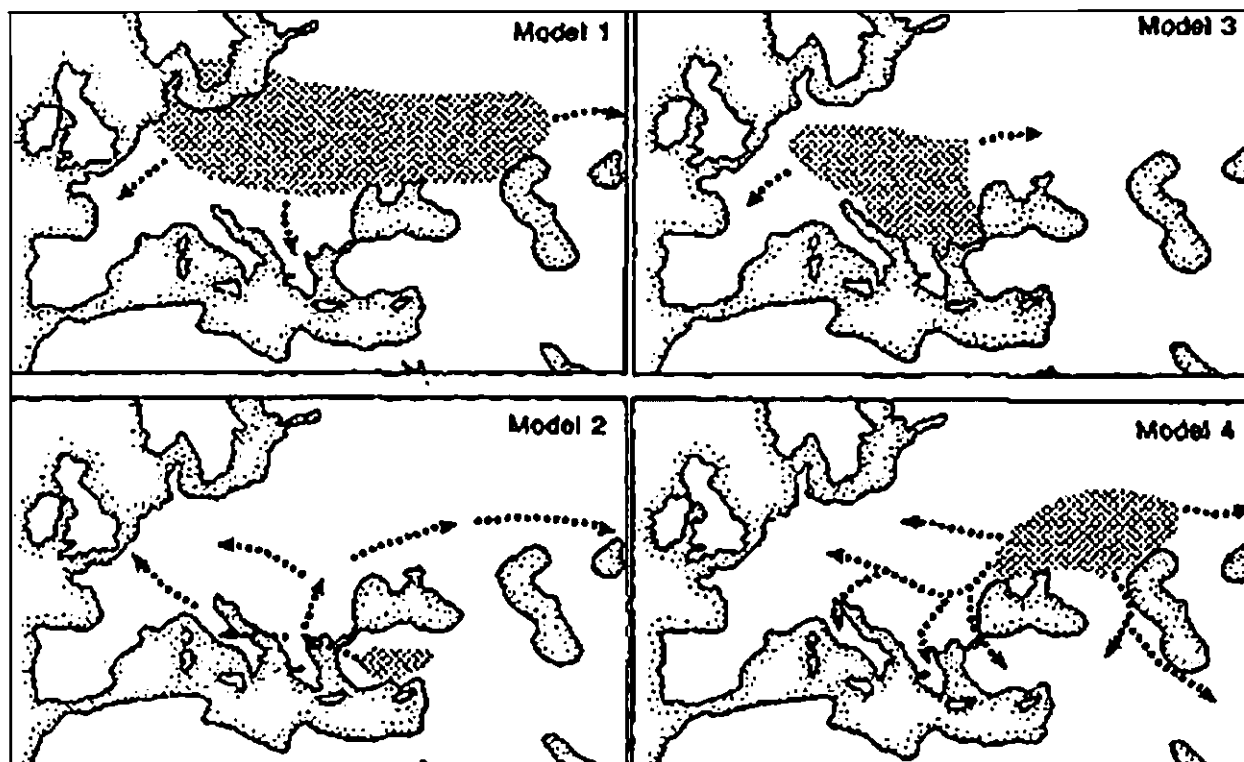

Рис. 1. 4 прародины ИЕ по Дж. П. Мэллори.

пралувийцев-лукка и прагреков с последующим поэтапным движением сначала первых, а потом и вторых к Боспору Фракийскому и на Восток Балкан.⁵⁸ А, во-вторых, было установлено множество лингвистических примеров, доказывающих что троянские грецизмы могут быть отнесены до времени распада греко-македонской общности.⁵⁹ И наконец, в третьих, было выявлено, что многие из этих последних несут явную печать тех пра-греко-индоиранских контактов, которые должны были предшествовать началу движения племён «курганной волны IV» в сторону Эгеиды или ей сопутствовали.⁶⁰ К этому следует добавить, что весьма информативные факты гидронимии Восточной Европы, Троады и Балканского полуострова⁶¹, проанализированные отечественными лингвистами, имели своим следствием констатацию факта о гидронимической основе *danu- как в зеркале, отразившем эллино-индоиранские контакты. По их мнению, сходные названия рек Api-danos (вар. Ipi-danos) в Фессалии (Herod., VII, 129, 196; Strabo., VIII, 3, 32; IX, 5, 6), присутствие такого же гидронима в Троаде, наличие р. Api-don на Пелопоннесе (St. Byz., s. v. Apia) представляют варианты одного и того же композита, восходящего к праформе *Ara-danu, в которой оба элемента, дублируя друг друга, означают «вода, река, течение».⁶² Но самое важное заключается в установлении ими того, что сближение лексем ar (a) и danu в различных вариантах прослеживается в ведийских текстах, на основании чего они сформулировали вывод, согласно которому, прослеживаемое от Троады до Аркадии образование *Ara-danu («ток вод») представляет исключительное цельноформальное соответствие к словосочетаниям, зафиксированным в индоарийских текстах точно также, как и в греческой ономастике присутствуют, сложившиеся на основе индоиранских основ, аналоги троянскому и македонскому имени Кассандр/Кассандра.⁶³ Всё это, по мнению Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского, объясняет присутствие в греческих мифах производного от Аркадского Апидана общего наименования пелопонесских греков, особенно аркадян, Apidones или Apidanees (Strabo., VIII, 6, 9; St. Byz., s. v. Apia), где элемент — danees < *danaues явно представляет собой след древней основы на -и, фактически синонимичной и родственной форме danaFoi, т. е. самоназванию, принесённому Греками на Балканы из Северного Причерноморья.⁶⁴ Заключительный вывод исследователей таков: «... появление в Фессалии гидронима «Апидан», а в Аркадии «Апидон» связано с проникновением на Балканский полуостров ...этносов, которые именовали себя «данайцами», имея в прошлую эпоху тесные контакты с праиндоиранцами между Доном и Дунаем».⁶⁵

Таким образом, достигнутые в лингвистике результаты, позволяют высказать соображение, что данайцы и тевкры, фактически, олицетворяли собой греко-арийскую общность периода её распада, когда после утраты прямых контактов друг с другом прагреки двигались в сторону Греции, тогда как индоиранцы — в направлении на Иран, Северо-Западную Индию, и возможно, Китай, причём, как свидетельствуют ведические тексты и свидетельства греческих мифов, не одни, но в окружении других, как

родственных, так и неродственных народов, чьи диалекты обнаруживали между собой тесную близость.⁶⁶

Сходная картина выявляется также во взглядах археологов относительно историко-культурной интерпретации памятников эпохи бронзы в степных и лесостепных широтах Днепро-Донского региона, в особенности в трактовке генезиса и исторических судеб носителей древнеямной, катакомбной, абашевской и срубной культурных общностей.⁶⁷ Одна из последних по времени трактовок этногенетической истории праиндо-иранских племён была представлена сравнительно недавно В. В. Отрощенко. В конспективном виде её можно представить в следующем виде. Массивный очаг носителей древнеямной культуры, располагавшийся между Чёрным и Азовским морями и широтой лесной зоны в границах между Днепром и Волгой, преимущественно в степном ареале в XXVIII–XXIII вв. до н. э. был источником разновекторных миграций эпохи ранней бронзы.⁶⁸ Заволжская группа ямников-представителей протоххарской ветви (афанасьевская культура) избрала восточное направление и переселялась в новое место своего обитания Сибирь через Урал⁶⁹. При этом, путь ямных племён севернее междуречий Днепра и Урала охватил прафинно-угорскую массу населения лесной полосы Восточной Европы.⁷⁰

Другая часть носителей той же культуры (хетто-лувийская) избрала в качестве плацдарма для дальнейшего переселения в Малую Азию степи и предгорья Северного Кавказа. Особенно представительная часть племён-носителей древнеямной культуры, обитавших в степи и лесостепи севернее Азовского и Чёрного морей между Доном и Дунаем, представляла собой конгломерат прагермано-балто-славян (обитавших выше вдоль Днепра и Припяти в сторону Немана и Вислы), пра-кельто-иллиро-италиков (от Подолья на Запад через Карпатские перевалы), прагреко-фрако-фригийцев (Западное Причерноморье), под воздействием которых праиндо-иранская ветвь древнеямной (греко-арийской) общности, потеряв становища между Днепром и Волгой, вынуждена была мигрировать в диаметрально противоположных направлениях — на Восток и на Запад — через самое идеальное пространство между лесом и степью в районе Киева, с этого времени превратившегося в безальтернативный путь контактов между Востоком и Западом.⁷¹

Следующая фаза развития этногенетических процессов в степи и лесостепи Восточной Европы (в очаге древнеямной (греко-арийской) общности начинается с проникновением под давлением импульса с Северного Кавказа новой, катакомбной археологической культуры, разрастающейся до масштабов культурно-исторической области. (XXIII–XVIII вв. до н. э.)⁷². В её пределах новые насельники (или влиятельные культурные традиции) предпринимают активные усилия по подавлению уже сложившихся ко времени их прихода в ареале расселения древнеямных племён (представителей греко-арийской языковой общности) традиций материальной и духовной культуры. Однако освоить новый ареал катакомбникам удалось не до конца: носители ямной культуры проявили определённую контактность и толерантность, следствием чего

традиции их культуры так или иначе легли как в основу сходной с древнеямной культурой буджакской культуры Западного Причерноморья, так и, на более позднем этапе с проникновением новых массивов населения из калмыцких степей, став базовой основой дифференцирующихся катакомбных культур: донецкой на западе, ингульской в Причерноморье, среднеднепровской, среднеднепровской, предкавказской и нижневолжской⁷³. На этот период (позднекатакомбный в оценке В. В. Отрощенко) и на эту неоднородную историко-культурную, языковую и этническую среду, по мнению исследователя, выпадает время гипотетического раздела арийской языковой общности. Он произошёл в XVIII–XVII вв. до н. э., который в специальной литературе рассматривается в качестве переломного этапа в истории древнейших цивилизаций Старого Света⁷⁴. Скотоводы степи и лесостепи Восточной Европы были также затронуты сопутствующими ему природными, экономико-политическими, демографическими и военными (политическими) катаклизмами, свидетельством чего выступает как распространение хеттского (по терминологии автора) языка в Малой Азии, греческого языка в средней части Балканского полуострова, так и языка индо-ариев в Северо-Западной Индии. С этим периодом В. В. Отрощенко, солидаризируясь с точкой зрения Л. М. Гумилёва, связывает пассионарный взрыв, инициаторами и проводниками которого являлись воины-колесничие, распространившие традиции своей культуры от Среднего Урала до Среднего Нила.⁷⁵ При этом, как полагает В. В. Отрощенко, могильники носителей доно-волжской абашевской культуры на Среднем Дону дают наибольшую в Европе концентрацию склепов воинов-представителей сословия колесничих. Отсюда, по его мнению, пассионарная волна распространяется на Украину и приводит, с одной стороны, к трансформации позднекатакомбных культур (в частности, донецкой) в культуру многоваликовой керамики, памятники которой, продолжая индо-иранские традиции, распространились между Чёрным морем и лесом доходя на западе до Прикарпатья и Волыни, а с другой проявили тенденцию расширения на Запад территорий, контролируемых носителями доно-волжской абашевской культуры, породив властные элиты, признаком которых стало ношение пояса с круглой костяной пряжкой.⁷⁶

Противоположное, юго-восточное направление миграции смешанных волн греко-арийских переселенцев из их первоначального очага также нашло своё первоначальное обоснование в работе И. В. Денисова. По его мнению, археологические памятники степи и лесостепи Евразии, находя соответствия в ведийско-авестийских сказаниях, могут рассматриваться в качестве полноценных источников, отразивших процесс как существования племён индоиранской общности, её распада, так и направлений миграции её основных носителей.⁷⁷ Сопоставляя данные о наборах вооружения действующих персонажей Ригведы с аналогичными археологическими комплексами Доно-Уральского региона, исследователь предложил своё решение проблемы идентификации отдельных их памятников по этническому принципу. В частности, для группы, условно названной им «арии» он счёл возможным отнести 6 разнотипных комплексов

(доно-волжской абашевской культуры, раннесрубной покровской, ветлянского типа, алакульской, уральской абашевской и синташтинской) к отдельным территориальным скоплениям родственных памятников («кустов», «стран ариев», по терминологии автора), протянувшихся от Среднего Дона до Илека и междуречья Тобола и Ишима, среди которых он нашёл возможным выделить и принадлежащие финно-уграм.⁷⁸

Важнейшим наблюдением исследователя и весьма привлекательным в контексте исследуемой нами проблемы является констатация факта взаимного пересечения разнокультурных пластов на одних и тех же памятниках, причём не только на уровне соответствия наборам вооружения, но и на более детальном археологическом уровне разновидностей других конкретных категорий инвентаря в анализируемых погребениях. В результате картографирования материалов В.И. Денисов пришёл к заключению, согласно которому они могут служить своеобразными индикаторами для определения условной этнической принадлежности их носителей.⁷⁹ Протоиндоарийские с небольшим иранским компонентом он склонен идентифицировать с памятниками доно-волжской абашевской культуры, откуда указанные черты (с нарастанием иранского элемента во времени) распространяются на Восток. «Появляясь в комплексах донского абашево, — пишет он, — кинжалы с ромбическим сечением клинка распространяются через Саратовско-Самарское Поволжье и степное Поилечье в зону расселения синташтинских племён Южного Зауралья, доходя до Притоболья».⁸⁰ Что касается кинжалов с линзовидным сечением, то их распространение фиксируется автором в диаметрально противоположном направлении.⁸¹ Констатация данного факта приводит В.И. Денисова практически к тому же выводу, что и наш, только контактную зону, зону пересечения родственных, но разнокультурных элементов автор, хотя и признавая большую древность донских комплексов, сдвигает до Саратовско-Самарского Поволжья.⁸² На этом основании он предполагает возможность синташтинской экспансии на Запад в период постепенного угасания донской абашевской культуры. В результате он приходит к заключению, что процесс взаимовлияния донских абашевцев и южноуральских синташтинцев несколько позже сменился контактами поволжских покровцев (ранних срубников) и поздних южноуральских синташтинцев.⁸³ В правомерности такой постановки вопроса, убеждает, как полагает автор концепции, идентичность, как наборов вооружения, так и остального комплекса артефактов, с наборами вооружения ведийских богов и героев. «Очевидно, — указывает он, — мы имеем дело с близкородственными группами населения в период распада «арийской» общности, представители которой в составе полиэтнических миграционных волн переселялись как на Запад, Восток, так и в южных направлениях».⁸⁴ С точки зрения взаимоотношений индоиранцев с финно-уграми привлекает внимание констатация исследователем близости всех перечисленных комплексов протоиндоариев с материалами Сейминско-Турбинских комплексах могильников Решное, Сейма и Турбино-1, который он считает правомерным соотносить

с самодийским населением (касситами, переселившегося через южный Прикаспий в междуречье Иртыша и Оби). Время связей носителей трёх этно-культурных и лингвистических общностей В. И. Денисов полагает целесообразным отнести к 1700–1500 гг. до н. э., а XIX–XVIII вв. считать оптимальным периодом присутствия протоиндоариев. Последние, по мнению автора, через Арало-Каспийский коридор прошли на юг в Переднюю Азию, а затем в Индию, тогда как, дожившие до рубежа II–I тыс. до н. э. в местах своей прародины протоиранцы через Кавказ, ушли в Переднюю Азию положив начало Мидийскому и Персидскому царствам.⁸⁵

Относительно археологической аргументации развиваемого нами тезиса уместно остановиться и на рассмотрении взглядов С. А. Григорьева⁸⁶. На наш взгляд, этот исследователь, исходя из наиболее распространённой в настоящее время концепции о локализации прародины индоевропейцев в степи и лесостепи Восточной Европы, ближе всего подошёл к пониманию истинной картины, развивавшихся здесь этногенетических процессов, введя в научный оборот весьма красноречивые и показательные факты из области материальной культуры Синташты и абашевской культурно-исторической общности, в связи с которыми, рассматривая первую в качестве родственного сегмента и составной части второй, он полагает возможной саму постановку проблемы локализации очага зарождения арийских племён (индоиранцев) вообще.⁸⁷

С точки зрения интересующего нас вопроса предметом первостепенной важности являются, дополняющие уже изложенную аргументацию, факты археологии и их интерпретация, предложенные этим исследователем. В первую очередь можно привлечь те из них, которые касаются оценки сходства планировочных решений «градостроительной архитектуры» Южного Урала, Среднего Дона, Северо-Восточного Причерноморья, Малой Азии и Восточного Средиземноморья (Сирия). По мнению исследователя, способ строительства, применявшийся при сооружении жилых и оборонительных сооружений в Синташте и Аркаиме находит прямые аналоги в архитектуре жилищ Зауралья, на Михайловском (поздний слой), Шиловском и Ливенцовском городищах, на отдельных поселениях майкопской культуры и особенно проявляет свою аналоговую форму на территории Анатолии и Северной Сирии, а также в сооружениях т. н. мегаронного типа в Южной Греции. При этом он обращает на большую близость синташтинских поселений их восточно-средиземноморским аналогам с середины III тыс. до н. э. Основная аргументация С. А. Григорьева такова: «...на синташтинских памятниках, — пишет он, — мегароны являются стандартным жилищем, на Балканах же (включая Северные) они являются социально значимым сооружением».⁸⁸ Такая оценка учёного объясняется тремя причинами: абсолютизацией своего убеждения о приходе индоиранцев на Южный Урал из Передней Азии, абсолютизацией этнического однообразия представляемой ими общности и недостаточностью располагаемых им фактов, с одной стороны, относительно планировки городищ Фессалии, Арголиты, Беотии и Аттики, а с другой — о погребальном обряде населения данных областей

Балканского полуострова. Последнее и не позволило исследователю увидеть, что практика скорченных костяков и прямого трупоположения на спине, засвидетельствованная для степи и лесостепи Восточной Европы в эпоху бронзы, традиция вторичных захоронений, наличие курганов и ровиков в качестве надмогильных сооружений, погребения лошадей, классические общеабашевские формы керамики при разнообразии орнаментальных схем и реплик, конские псалии с «микенской» орнаментацией — всё это в том или ином виде наподобие амальгамы можно встретить от Северного Причерноморья через Эгеиду, Восточное Средиземноморье, дельту Нила или Малую Азию до Балканской Греции. Более того, сравнительный анализ строительных традиций, отложившихся на городищах степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы (панельно-засыпные фортификационные конструкции), с аналогичными памятниками того же типа из сиро-палестинского региона (Селенкахие III JV, Хаме, Телль-Мардих, Телль-Нагила)⁸⁹, восточной части Нильской дельты (Телль-Нагила и Телль-эль Дабба)⁹⁰, и конечно же островов Эгейского моря (Полиохни, Халандриани) и континентальной Греции (Мальти-Дорион в Мессении, Гла, Криса, Евтресис в Беотии, Тиринф III и Айос-Константинос в Арголиде, Кастри в Эпире и т.п), приводит к убеждению об их идентичности, несмотря на отдельные специфические особенности, присутствующие в их планировочной архитектуре на местах. Однако такое сходство находит весьма красноречивое подтверждение в установленной синхронности датировок присутствующих в них артефактов, что вполне вписывается в идею Д. Г. Здановича об отображённости в материальной культуре и социальной организации обществ степи и лесостепи Евразии единого синташтинско-микенского культурно-хронологического горизонта XVIII–XVI вв. до н.э., подтверждение чему он усматривал в движении общих элементов культуры с востока на запад, и, позднее с запада на восток.⁹¹ Этническое содержание этно-культурных контактов и миграций, развивавшихся как через Нижний Дунай, так и через Кавказ, в настоящее время представляет собой один из наиболее дискутируемых аспектов этногенеза эллинов и носителей культур великих степных общностей степи и лесостепи Евразии. Однако, в силу того обстоятельства, что и на первом, и на втором направлениях просматривается распространение носителей КМК, культура которых сформировалась на степных и лесостепных просторах Восточной Европы (в результате симбиоза переоформленных в предшествующий период иван-бугорских, пост-репинских, общеабашевских и катакомбных полиэтнических традиций и выразилась в распространении близких к микенским геометрических орнаментов), именно их и следует рассматривать в качестве тех праэллинов, присутствие которых в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, Египте, островах Эгейского моря было засвидетельствовано мифами греков, включая сюда и общность родословных Египта, Даная, Бела с одной стороны и фригийской ветви дома Эака-Пелопса с другой.

Таким образом, фиксируемая в археологии эпохи бронзы известная близость материальной культуры (поселений, жилищ, погребальных

комплексов и обрядов с традицией подзахоронений в течение длительного промежутка времени; общность керамических форм и орнаментации при всех локальных её особенностях и т. п.), как нам представляется, служит достаточным основанием, чтобы то *ἀρχαῖον Ἑλλήνες* Геродота трактовать в смысле одной из первых фиксаций в античной традиции восточноевропейского происхождения и «придонского адреса» эллинской прародины.⁹²

Правомочность данной гипотезы вполне вписывается и в достигнутый к настоящему времени уровень объяснения путей миграции тохар по данным археологии. С этим этносом теперь безоговорочно связывают афанасьевскую и карасукскую культуры Южной Сибири и Алтая.⁹³

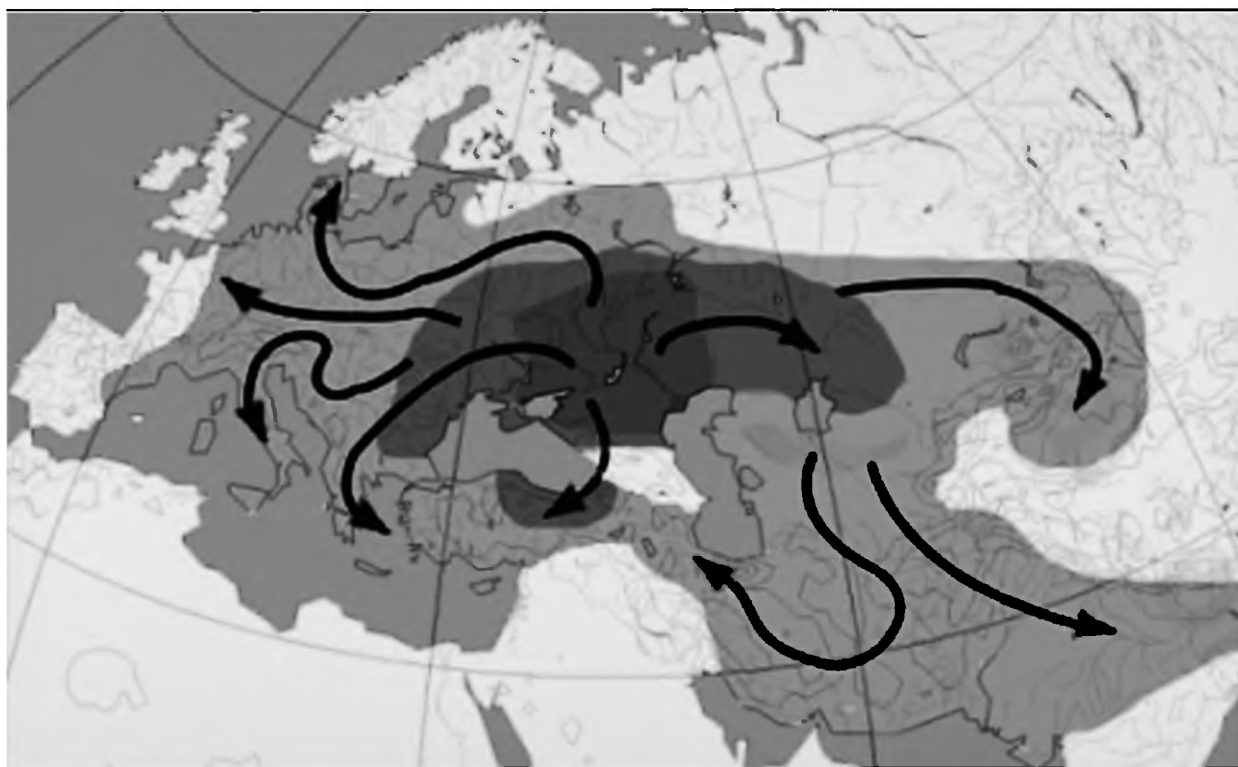
Решение проблемы очагов происхождения и путей распространения протоиндоиранских племён достигнуто и в зарубежной науке.⁹⁴ Всеобщее признание в ней получила та оценка памятников Бактро-Маргианской этнокультурной общности эпохи бронзы, которая рассматривает район их распространения как контактную зону связей, мигрировавших несколькими волнами с севера (в промежутке 2000–1500 гг. до н. э.), степных массивов скотоводческого населения.⁹⁵ Это постепенное движение, по мнению М. Витцеля, начинаясь в степи и лесостепи Восточной Европы (южнее лесной зоны, как пишет автор), имея господствующим направлением Восток и Юго-Восток, распространялось, захватывая районы Кавказа, Средней Азии, Сев. Ирака и Сев. Сирии, Восточного Ирана и Северо-Западной Индии.⁹⁶

Определённые возможности для нового толкования этимологии Гелона и гелонов представляет этноним потомков, зафиксированных, хеттскими источниками, племён *лукка*, — киликийцы.⁹⁷ В греческом *Κίλικες*, благодаря его ассирийским фиксациям с IX в. до н. э. в виде *Nilaka*, *Nilaku*, была вычленена основа *Нил(α)*, представленная в хетт *hila* («двор», в том числе и «храмовый»), *hilamaḡ* («привратная постройка»), ликийское *qla* («храм», «святилище»), соответствующее др. греч. *Γῆλα*, и кроме того, проявившее себя в анатолийских именах *Nilya*, *Nilani* и т. д.⁹⁸ Примечательно и другое — широкое распространение указанных имён в топонимике Малой Азии и Греции (*Γυλάχεια*, *Γύλαξ*).⁹⁹ Но самое показательное заключается не только в этом, но и в том, что отечественные исследователи Аркаима и городищ синташтинской культуры Зауралья полагают возможным находить им исторические параллели в поселениях типа Микены и Гла в Греции, поскольку и те и другие отражают единые представления об оформлении сакрального пространства города, зафиксированные в Ригведе, что и находит своё выражение в фактической идентичности их планировки и архитектуры как родственных строительных комплексов. И те, и другие имеют свою специфическую особенность: сопряжённые стены по кругу, овалу или прямоугольнику, напоминающие описание оборонительных стен г. Гелона Геродотом.¹⁰⁰

Данное наблюдение находит подтверждение как в фактах археологии, так и в свидетельствах мифологической традиции Древней Индии и Греции. Прежде всего обращает массовость квазигородских комплексов да-

леко удалённых друг от друга регионов. В частности, в степном и лесостепном Южном Приуралье и соседних районах, укрепленные поселения аркаимского типа занимают обширную территорию (350 км × 350 км) от предгорий Урала до равнин Западной Сибири.¹⁰¹ Такой же характер носит распределение сходных и синхронных по времени поселений на территории Македонии, Фессалии, Эпира и Арголиты в Греции, Эгейды и Восточного Средиземноморья.¹⁰² Более того, показательна в рассматриваемом контексте и прослеживаемая археологически на памятниках Украины, Румынии, и Микенской Греции (шахтные гробницы Микен) близость традиций погребального обряда и конструкции могильных сооружений.¹⁰³ Ещё более важным выступает сходство структуры погребальных сооружений, точнее, традиции подзахоронений, прослеживающихся в Аттике (Элевсин) и в двух погребальных комплексах Аркаима. В этой связи следует отметить, что у носителей культуры Аркаим-Синташта центральные могильные ямы (обычно по две) представляли собой склепы значительных размеров (до 3-х м глубиной с деревянными камерами, глиняной обмазкой и облицовкой), в которые умерших подхоранивали к их родственникам в течение длительного промежутка времени (иногда времени жизни нескольких поколений), а одиночные погребения располагались в ямах вокруг центральных склепов.¹⁰⁴

Выше, в связи с оценкой направлений распространения на Балканах и в степи и лесостепи Восточной Европы псалиев с т.н. «микенским

Рис. 2. Карта миграций ИЕ по М. Гимбутас.

орнаментом», нами уже обращалось внимание на то, что равно как и другие предметы, несущие на себе «микенское влияние» (Бородинский клад), они, по всей видимости, должны рассматриваться как отображение западного вектора экспансии части носителей, олицетворяемых носителями ямно-катакомбной и абашевской археологических культур, представлявших, как свидетельствует совокупность фактов, греко-арийскую языковую и культурную общность, выплёскивавшей своих носителей и в восточном направлении.¹⁰⁵ Последнее подтверждается наблюдениями, согласно которым передвижение некоторых общих элементов их культуры происходило в два этапа: сначала с востока на запад, и позднее, с запада на восток.¹⁰⁶ Полагают возможным, что одна из миграционных культурных волн, связывающая Балканы и Урал, проходила через Кавказ, доказательством чему убедительным свидетельством выступает совокупность самых разнотипных фактов¹⁰⁷. Что касается мифологии, то и в этом аспекте специалистами были выявлены самые разноуровневые, но вполне вписывающиеся в картину общего источника и параллельного (диффузионного и конвергентного порядка) развития, вполне соответствующие данным археологии.¹⁰⁸

К сожалению, относительно точности существующих к настоящему времени попыток выявления этимологии имени Гелон, говорить не приходится. Имеющие место оценки, как нам представляется, в лучшем случае нащупывают пути производства такой работы, но никоим образом не выступают конечным результатом, тем более в качестве истины в последней инстанции. Причина тривиальна: античная традиция, практически, не сохранила никаких данных, позволивших бы прояснить этот вопрос. Однако ситуация не представляется нам тупиковой. Думается, что определённые возможности можно извлечь из статистики и географии распространения имени Гелон. Выяснение данного обстоятельства показывает, что оно упоминается в античной традиции, по меньшей мере, 7 раз: 1) в эпонимном имени сицилийского города Гела¹⁰⁹; 2) в имени победителя 44-ых олимпийских игр, спартанца Гелона (604 г. до н. э.); 3) в связи с именем сицилийского тирана Гелона Сиракузского (Γέλων(ν) 540–478 гг. до н. э.)¹¹⁰; 4) в названии г. Гелон в стране будинов (438/7 гг. до н. э.); 5) в связи с именем посла из Леонтин в Афинах (433/2 г. до н. э.); 6) относительно имени афинянина, передавшего Нимфей царям Боспорского царства (IV в. до н. э.); 7) в названии г. Гилон/Гелон в Сев. Сирии (III в. до н. э.). Обращает на себя внимание дорийский «облик» выявленных имён и их отложенность в топономастике Греции архаической эпохи.¹¹¹ Не менее важным наблюдением является и то, которое выявляет эпонимный характер имён Gelon/Gelonos, рождающий предположение, что и г. Гелон в стране будинов также как и сицилийский г. Гела должен был называться по имени эпонимного героя. Наконец, нельзя не заметить, что в имени Гелон его корневую основу представляет γελ-, которая, как мы рискуем предположить, отложилась в глагольной основе γελέιν, сформировавшей понятия γλήνη, γλήνος, γαλήνη и в конечном

итоге проявившейся в названии аттической филы гелеонтов (γελέοντες).¹¹² Если наши предположения соответствуют действительности, то в связи с ними зарождается и другой соблазн: соотнесение корня *gel-*, засвидетельствованного как упоминалось выше фиванской табличкой (Th Ft 140) с аналогичными по корню топонимами Эгеиды, Троады, Фессалии и Пелопоннеса с основой на * (g)uilu-/*uījo, поскольку, по оценкам Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского, она, являясь прафракийской, не только представляет след древнейшей основы на -u, но и относится к продолжению формы *daṇaFoi*, восходящей ко временам греко-арийских контактов (*Ara-daṇu) и отложившейся в общем наименовании пелопонесских греков (аркадян) как *Apidones / Apidapees* (AP. Rhod., Argonaut., IV, 260).¹¹³ На возможность последних указывают факты из гидронимии Малой Азии и Балканской Греции: р. Апидон (Herod., VII, 196); рр. Ладон и Келадон (Hom., Il., VII, 33; Ps.-Apollod., Mith. Dybl., II, 5, 3); р. Iardapos в Аттике, Элиде, Крите и Лидии;¹¹⁴ рр. Sindos / Indos в Македонии, Ликии и Писидии.¹¹⁵

На возможную связь с фракийцами, думается, указывают и данные римских авторов о татуировке тела, практиковавшейся у племён периферии Скифии, среди которых присутствуют и гелоны, этноним которых, по всей видимости, происходит от названия города их совместного проживания с будинами — Гелон. О *picti geloni* упоминает Вергилий (Georg., II, 115). О раскрашивании своих тел их дальними соседями агафирсами сообщает современник Вергилия П. Мела (II, 10). Поздний поэт Кл. Клавдиан также засвидетельствовал наличие данной практики у гелонов (*membra qui ferro*

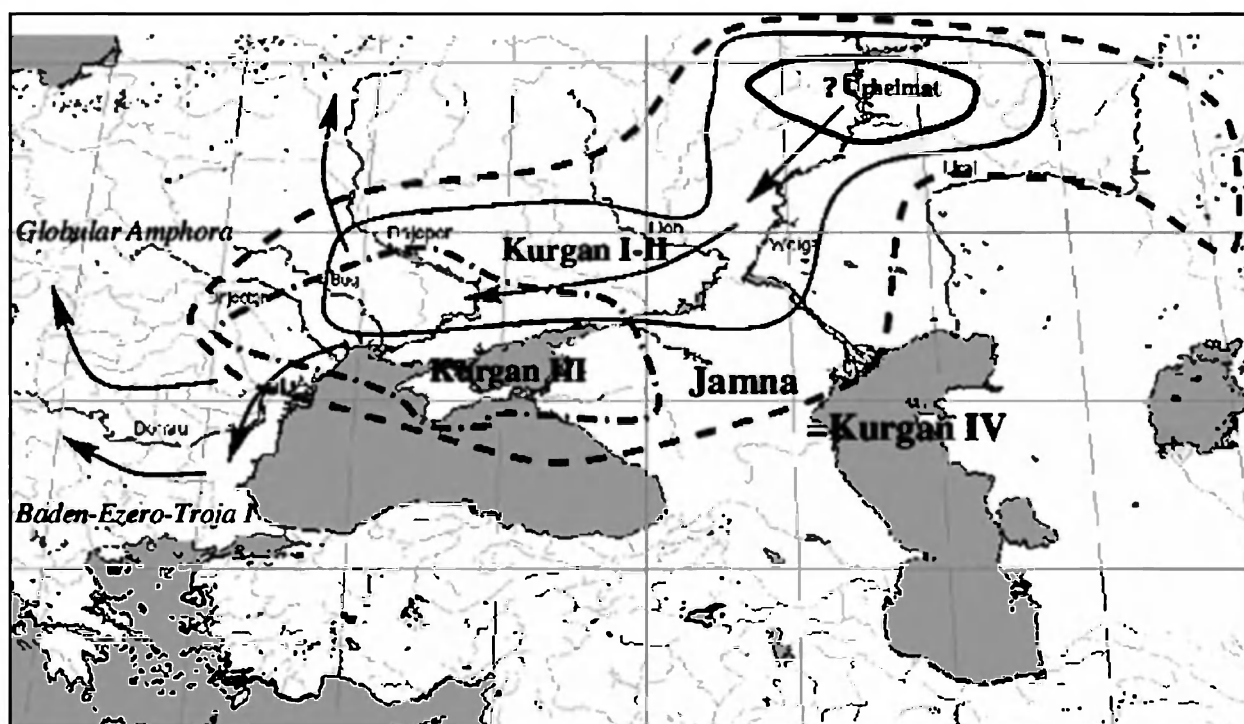

Рис. 3. Область локализации курганных культур ИЕ по М. Гимбутас.

gaudet pinxisse Gelonus («Гелон с удовольствием раскрашивает свои члены железом» (Ruf., I, 314). Наконец, как о носителях *pictum corpus* («раскрашенного тела-гелонах») свидетельствуют Кл. Вибий Секвестр и Аммиан Марцеллин (XXX, 14). Важность перечисленных сообщений состоит не столько в том, что такого рода информация указывает на возможное в прошлом родство гелонов и фракийцев (агафирсы-фракийцы скифского времени), сколько подтверждает сохранение адаптировавшихся к новым историческим условиям своего существования в скифское время фрако-и индоиранских массивов населения эпохи бронзы. Констатация данного факта находит подтверждение в известиях античных авторов, связывающих с фракийской топономастикой как племена Скифии (амадоки Гекатея, озеро и город Амадока Птолемея), так и отдельные персонажи греческой мифологии и литературной традиции. Так, Павсаний в описании Фокиды называет некоего героя Амадока, явившегося из страны гипербореев на помощь Дельфам во времена вторжения галатов в 279 г. до н. э. (Paus., I, 4, 4). Кроме того, он называет гиперборейя Агийей и Пагаса основателями, а их коллегу Птераса — строителем святилища Аполлона в Дельфах, восковую модель которого тот послал своим землякам на родину (Paus., X, 5, 7; 9). Полиэтничность и разноразличие, сохранение языкового страта индоариев в Северном Причерноморье, как показал О.Н. Трубачёв, характеризовало синдо-меотский мир Нижнего Днестра, Буга, Нижнего Дона, Приазовья и Крыма. Хотя и с другим этническим ключом, аналогичная ситуация, по наблюдениям археологов, сложилась также в Южной Сибири и на Алтае в послеандроновскую эпоху. Поэтому на таком историческом фоне исключать из неё гелонов Геродота также, как нам представляется, будет совершенно неправильным. Во всяком случае, сам «отец истории» по ходу изложения своего рассказа о Скифии неоднократно подчёркивал обстоятельство, согласно которому т. н. страна Скифия приобрела это название сравнительно недавно (Herod., IV, 8). А это означает, что оно, встречая подтверждение со стороны Гекатея, сохранившего упоминания о племенах амадоков, было иным, возможно, фракоязычным. Ведь и сам он, упоминая странствующего по ней Абариса, склонен был, как впоследствии и учёные Нового времени, связывать это имя с фракийцами. Данное предположение находит совершенно убедительные подтверждения как в гидронимике Северного Причерноморья, так и в отношении племён Балканского полуострова времени ахейско-эолийской колонизации, развертывавшейся, как было отмечено, на рубеже и в первой четверти II тыс. до н. э. В частности, у одного только Геродота можно выявить 6 подтверждений отстаиваемому нами убеждению: 1) р. Лик, впадающая в Танаис; 2) р. Лик в земле фиссагетов; 3) р. Лик во Фригии; 4) эпоним ликийцев Лик, сын Пандиона 4 5) Лик, сын скифского царя Спаргапифа; 6) Ликомед, афинянин — тот который захватил вражеский корабль у Артемисия (Heroid., I, 2; 104; VII, 193, 197; IV, 123; I, 173; VII, 92; IV, 72; VIII, 11). На полиэтничный, с участием,

фракийского компонента, характер пришельцев, создавших новую цивилизацию, обращали внимание Г. Чайлд и А. Л. Гиндин-В. Л. Цымбурский.¹¹⁶ Дополнительные факты в названном отношении для Северного Причерноморья и Греции выявлены и Ю. В. Откупщиковым. По его мнению, фракоязычными являются имена Abaris и древнее название Пилоса Abarinos, Kaukasion oros — горы в Скифии и в Аркадии, причём, kaukasos, как полагает лингвист, представляет собой древнейший индоевропейский топоним.¹¹⁷ Сюда же, отмечая распространение словообразовательной структуры топонимов с севера на юг и на юго-восток, Ю. В. Откупщиков относит этноним Abantes (Abantis-Эвбея), совпадение имени мифического народа на Кавказе gargareis с древнейшим названием Италии (Gargaria), близость имён Iason и Iasos, представленных в Ахαιе догреческим топонимом Iassos, совпадение старинного названия Колхиды Aia с названием фессалийского города Aia, а также карийского происхождения скифские имена — Scyles и Tymnes.¹¹⁸ Самое же ценное заключается в констатации специалистами факта, согласно которому *создатели новой культуры Балкан, подобно историческим фракийцам, имели обычай раскрашивать своё тело*.¹¹⁹

Об общих истоках и восхождении этногенетических корней древних греков, фракийцев, римлян и индийцев к носителям единой этнолингвистической общности свидетельствует смешанная топономастика, в частности, присутствие её индо-иранских и фракийских реликтов в древнегреческой мифологии. Достаточно сильно она представлена в Аттике, которая по образному определению А. А. Молчанова была «заповедником беглой ахейской знати».¹²⁰ Это — Эридан — бог и река в Аттике (Paus., I, 32, 5). Здесь же сохранилось представление, согласно которому Рамнунт, эпоним аттического дема и божество, считался отцом Елены. Из него же происходили Эноя и Эпох, давшие названия другим аттическим демам (Paus., I, 33, 8). Здесь же почиталось фрако-индоарийское божество Арес, а среди имён афинян упоминаются Гиперборей, Лик, Медонт, Эней, Тевкр, Тевфрант, Лаомедонт, Гелеонт, Мопсоп (имя которого носило древнейшее название Аттики), Скифский (конь порождённый Посейдоном в Аттике или Фессалии (Hom., II., XV, 332–333; Lycophr., Alex., 734; Schol ad Lycophr., Alex., 766; Strabo., IX, 1, 18; 2, 3; Paus., I, 32, 5; II, 30, 9; Eurip., Ion., 1579; Herod., V, 66;)). Ещё более выразителен топономастический ряд, представленный в мифах древних греков именами древних индийцев и персов: Эна-Анаит/Анаитида (персо-армянский религиозный персонаж), тождественный греческому Аиду, Ариманий/Ариман (а также этноним аримы), имена Ахемена, сына Персея, а также убитого последним Галкионея, Перс (брат Мемнона-союзника Трои), Мед (царь персов, дед Кира), Геракл, Дионис, Инд (Diod., XVII, 96, 2; Theophr., IV, 4, 1; Gig., Myth., 6; Non., XVIII, 273; XXVI, 44). В тот же самый ряд вполне вписываются и другие персонажи: Агрий, сын Евлая, Арет (вождь индов и отец 5 сыновей), Атис, сын Лимнеи и дочери Ганга, Главк, сын Арета, Инд-царь Скифии (который первым

нашёл серебро, а Эрихтоний первым принёс его в Афины, возлюбленная Гелиоса, наядя Кето, Лиг и Лик, сыновья индов Марафон, Меланей, Меланион и Меланфий, Пандея (дочь Геракла), Пелет (сын Марафона) и др (Gig., Myth., 274; Cass. Dio., IV, 34, 3; Non., XXVI, 255; Diod., II, 16, 2; 19, 10; III, 65, 4; V, 44, 6–7; Paus., VIII, 29, 4).

Существует и ещё одна возможность интерпретации и трактовки названия г. Гелона. Она связана со свидетельствами Страбона, согласно которым р. Энипей впадает в р. Апидан, в бассейне которой античный автор размещает города Фессалии с примечательными названиями Алопа (Алопея) и Гал, на границе с эпикменидскими локрами в районе равнины Мемфимны и примыкающего к ней моря — г. Нап (названа по причине лесного положения (греч. эквивалент Βεσσα), в области Танагра — ещё несколько городов, обладающих в своём названии общим корнем gel-: г. Гелеон (Geleonos), Гелос (Gelos), Гелеон и Гилесион (Geleonos, Gulesion) Strabo., IX, 2, 14; 17; 4–5; 10; 5, 6–8). Г. А. Стратановский, вслед за античным географом (его мысль такова: города назывались по причине своего расположения на болотах или вблизи озера (Strabo., IX, 2, 17) полагает возможным отождествлять эти названия. Его мысль такова: города назывались так по причине своего расположения на болотах или вблизи озера. На этом основании он полагает возможным производить происхождение названий городов с основой γελ- от др.-греческого ἑλών («болото, болота»)¹²¹. Самое же примечательное в приведённых примерах заключается в известной связи которую проявляют названия этих городов с городами Северного Причерноморья и Скифии (Алопекия — остров и город в устье Танаиса, напы — племя, по Диодору, вторгшееся в Северное Причерноморье совместно с палами, наконец, Гелос, Гелеон и Гилесион созвучны названию геродотова Гелона). Казалось бы, совпадение географии расположения Гелона с этимологией вышеперечисленных топонимов Пелопоннеса должно было бы убедить в его идентичности всем этим названиям и происхождению от понятия «болото», «болотные жители» (применённого к этнониму праармян-пэонийцев). Однако этому мешает самое существенное обстоятельство, связанное с корневой основой Γελ-, а не ἑλ-, что, хотя и исключает такую попытку из числа возможных, тем не менее, оставляет открытой ту перспективу, которую определяет сопоставление данной греческой корневой основы γελ- с санскритским этнонимом **bhalana**, отложившегося в Ригведе и упоминаемого в тесной связи с эллинами-alīpas.

Сформулированное понимание этимологии и природы этнонима и имени Гелона, указывающее на родство греков с индоиранцами до их прихода на Балканы, заставляет по иному и более внимательно отнестись к информации, закодированной в древнейших по времени циклах греческих мифов. Первое обстоятельство связано с известными сообщениями античных авторов о т. н. синдроме «мидизма», который проявился у ряда греческих полисов в ходе греко-персидских войн. Прежде всего, это данные Геродота,

который в сообщении о прибытии послов Дария I в Грецию с требованием «земли и воды» в 491 г. до н. э., указал на то, что оно было выполнено «многими жителями материка» (πολλοί μὲν ἐπιρωτέων (Herod., VI, 49). К ним, судя по тексту, «отец истории» отнёс фессалийцев и зависимые от них полисы Северной Греции, само перечисление которых вызывает ассоциации в связи с этно-и политонимией греческих мифов и Ригведы. Это были: магнеты, *энианы*, перребы, долопы, *фтиотидские ахейцы* и др.).¹²² Аналогичное представление присутствует в труде Диодора Сицилийского (XI, 3, 2). Согласно представляемой им информации, на сторону персов перешли *энианы*, долопы, малийцы, *перребы* и магнеты, *фтиотидские ахейцы*, локры, *фессалийцы* и *беотийцы*. Списки, представленные Геродотом и Диодором, как видно из совпадений «имён изменников», несомненно восходят к общему и, очевидно, достоверному источнику. Но не в этом дело. Гораздо важнее ответить на вопрос, а почему именно эти полисы Пелопоннеса и Средней Греции (вспомним, что перед марафонским сражением, согласно тому же Геродоту, персы ждали сигнала своих сторонников и с афинского Акрополя) определили свою политическую позицию именно таким образом? Только ли противоречиями со Спартой объяснялись их действия или же их политика определялась и какими-то другими причинами?¹²³ На наш взгляд, в контексте рассмотрения избранной нами проблемы ответ будет очевиден: наряду с другими причинами и обстоятельствами принятию такого решения гражданами этих полисов способствовала «генетическая» память о былом родстве и совместном заселении Греции.

На неё указывают факты совпадения этнонимии, отложившейся в древнеиндийской и античной традиции. Особенное внимание обращает на себя совпадение название союза арийских племён Апи с топо-и этнонимикой Балканского полуострова. В частности, оно весьма рельефно проявляется в названии эллинского племени в Фессалии (Herod., VII, 132, 185, 198), в названии македонского города Энея (Herod., VII, 123) и в этнониме племени энетов на северном Побережье Адриатического моря (Herod., I, 196; V, 9).

Второе обстоятельство имеет самое прямое отношение к нашей теме, поскольку с точки зрения полиэтничности состава переселенцев из Восточной Европы в Иран, Северо-Западную Индию, Малую Азию и Балканский полуостров после распада единой греко-арийской общности совершенно иной смысл приобретает свидетельство Геродота о фракийском племени синтиев как мидийских высленцах. С учётом двойственности заложенного в сообщении смысла, допускающего две, противоречащие друг другу трактовки (исход/приход синтиев в Мидию или из неё; фракоязычие синтиев, как части мидийского этноса и его нахождение (до переселения на новые места жительства в северных областях Иранского плато) в Европе, всё-таки полагаем возможным видеть в нём одно из подтверждений существующей в специальной литературе гипотезы, согласно которой мидийцы

переселились в Переднюю Азию из Юго-Восточной Европы.¹²⁴ Такое решение вполне соответствует оценке Геродотом образа жизни племени сигиннов, обитавших, по словам историка, к северу от Фракии, о которых в его распоряжении имелись вполне удовлетворительные данные. Он свидетельствует: «...Одеваются они в мидийскую одежду... Люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы области сигиннов простираются почти до области энетов на Адриатическом море. Они считают себя потомками мидийских переселенцев...» (Herod., V, 9). К этому «отец истории» прибавляет своё понимание этимологии их этнонима. По его данным, словом кельты, живущие севернее Массалии называют мелких торговцев, а жители Кипра — копья (Там же).

Такое решение проблемы приобретает особую важность на фоне предполагаемого родства фракийцев-синтиев, переселившихся из Самофракии на о. Лесбос, с этрусками. Таковыми (точнее, родственными тирсенам) их считал один из гомеровских схолиастов (Schol. Ad Il. Hom. Fr. I, 594). Не менее важная информация выявлена этимологическими исследованиями. В частности, анализируя этимологию имени этрусского бога Sethilans / Sethlans, В.Л. Цымбурский нашёл возможным вывести наблюдение, согласно которому и.-е. *s (H)ei- отражает вариант той же основы в имени одного из племён, соседствовавших с ситонами фракийскими и обитавших на границе с Пеонией¹²⁵, а именно: синтов.¹²⁶ С учётом того, что их прямую ветвь, как засвидетельствовано Страбоном (Strabo., VI, 46) представляли синтии Лемноса, отождествлявшиеся позднейшими схолиастами с лемносскими тирсенами, а также принимая во внимание факт обнаружения на острове известной тирсенской стелы на острове, исследователь полагает возможным вывести заключение о принадлежности их этнонима к той же индоевропейской основе, лежащей в основе имени этрусского бога Seth (i) lants'a. Ещё более важным представляется констатация учёным сопоставимости исхода на — (i)lans в языке этрусов с раннефракийскими основами теоморфных адъективов на -lanas / lenos, что, по его мнению, указывает на очень раннюю (праэтрусскую) адаптацию диалектной и.-е. модели.¹²⁷ «Если будет доказано родство догреческих надписей Кипра (этеокипрские письмена), обнаруживающих грамматическое и лексическое родство с языком этрусов, тевкрам — указывает он, — тогда тевкров можно считать народом родственным этрускам».¹²⁸

Исследование В.Л. Цымбурским отображённости в языке трансформации образа древнего бога — изготовителя магических уз и оков в бога — обуздателя пламени (аналога греческому Гефесту) имеет и прямое отношение к анализируемому нами вопросу. Дело в том, что, соседями будинов с юго-запада на пути к агриппеям и стерегущим золото грифам Геродот называет племя меланхленов (Μελανχλαῖνοι), заключительная часть этнонима которых оканчивается на тождественное -lanas / lenos формообразование. К такому же типу этнонимов Л.С. Клейн относит и название племени тир-

сенов, принадлежащих, по его мнению, к числу племенных названий широко распространённых в Восточной части Эгеиды.¹²⁹ Если наши наблюдения верны, то вполне логичным станет также и предположение о тождестве отображённых в этнонимии племён-носителей названных окончаний тех вариантов связей, которые характеризовали фракийский и праэтрусский языковые контакты, восходящие к и.-е. *s (H)ei, а стало быть, рассматривать меланхленов либо в качестве фракийцев, либо (что весьма симптоматично) праэтрусков. Как бы то ни было, рассмотренные факты, по нашему убеждению, ещё раз подтверждают доказываемое нами предположение относительно как общей прародины, так и полиэтничности и разновекторности смешанных волн мигрантов после распада греко-арийской общности, что и было зафиксировано мифами греков и индо-ариев. На такой тип колониационного движения этрусков обращал внимание один из крупных этрускологов второй половины XX века А. И. Немировский. «... Не может быть исключена возможность того, — писал он, — что индоарьи отделились от говоривших с ними на родственном языке обитателей Малой Азии, о которых известно по памятникам середины II тыс. до н. э., а также выходцев из этого региона этрусков».¹³⁰

Изучение мифа в историческом контексте — тенденция современной науки. Результаты такого подхода весьма впечатляющи: путём сравнительного изучения мифов этимологи смогли добиться раскрытия многих

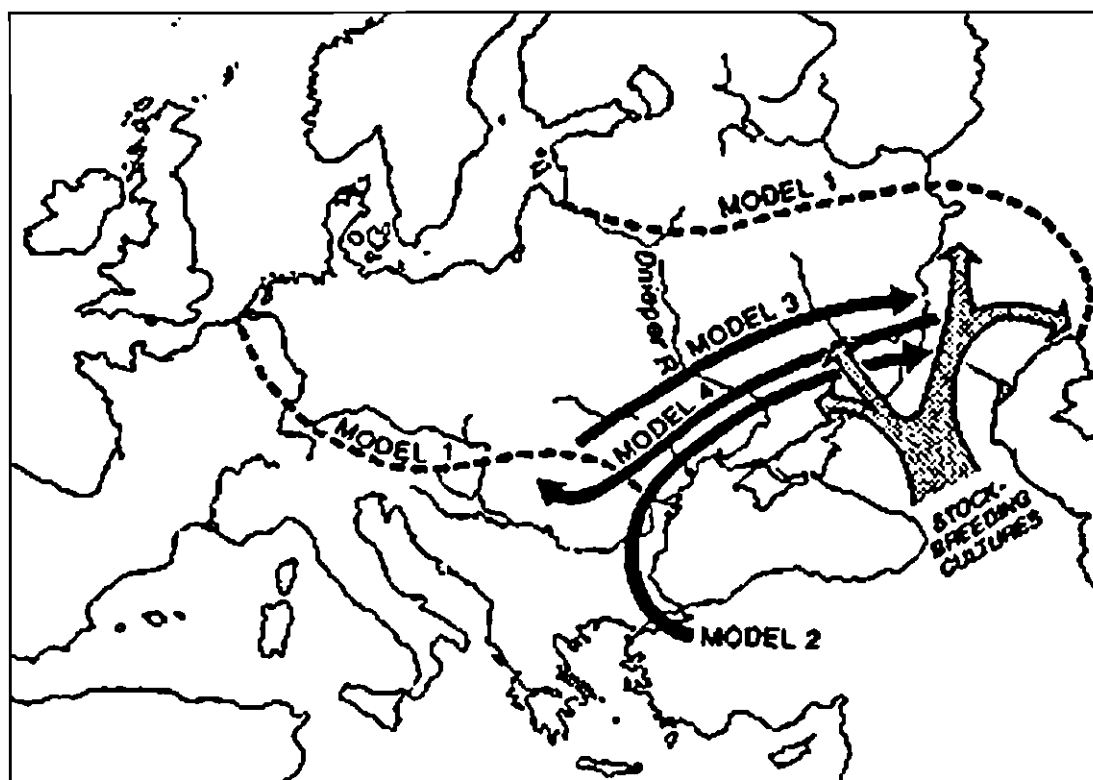

Рис. 4. 4 модели миграций ИЕ по Дж. П. Мэллори.

неясных моментов в истории племенных миграций, слияний и разделений. Немаловажным достижением стало и то, что многие индийские, греческие, этрусские, римские, славяно-германские и скандинавские мифы удалось свести к общему источнику, на основании чего и было развито, выдвинутое ещё А. Шлейхером, П. Тромбетти и О. Шрадером предположение об общей прародине индоевропейских племён в Восточной Европе, откуда её насельники-предки современных индоевропейских народов мигрировали в разные части Старого Света. Самым существенным результатом последнего стала констатация самой возможности нахождения как общих мифологических параллелей, находящих отражение в археологических артефактах, так и выявление в них идентичной греко-арийской гидро-и топониматики, ареалы распространения которой можно рассматривать как в качестве следов общих, свойственных всем её носителям космогонических и космологических представлений, так и в отношении полиэтничности их миграционных волн на Балканы, в Малую и Среднюю Азию, Индию и Китай, включая сюда их темпы, типы и направления при существенном сходстве основной модели их взаимодействия со своими соседями как на оставленной прародине, так и с автохтонным населением новых завоёвываемых территорий по мере своего расселения.¹³¹

Весьма иллюстративны в указанном отношении данные о тождестве данайцев и данавов, приводившиеся нами выше. Однако самым существенным аргументом из тех, которые могут быть предложены в обоснование защищаемого тезиса в данном конкретном случае, являются данные Авесты. В ней, как полагают исследователи, отложилась информация, позволяющая составить представление не только о происхождении имени данавов на основе гидронима *danu-*, посредством которого обозначена Сыр-Дарья, но и о том, что именем данавов названы сырдарьинские скифы, которых можно видеть и в демонизированных данавах Ригведы.¹³² Свидетельства Авесты представляют важность и с другой точки зрения: идентичности её географии с географией Евразийской степи. Целостным образом её определял Ариана Вайджу И. М. Дьяконов. К такому же выводу пришла и Т. Я. Елизаренкова, подвергнув синтаксическому и семантическому анализу ведическое слово *ajga* (поле, пастбище).¹³³

Но в первую очередь, исследователи обратили внимание на тождество социального и политического устройства обществ разных праэтносов-мигрантов, объединяющим признаком которых в их, записанных гораздо позже, мифах выступала отражённая не только в разных цветах одежды представителей разных рангов, троичность социальной структуры общества, но и окружённый оборонительными стенами и укреплениями, округлой или квадратной формы, город. Причём, не просто огороженное место, а центр светской и сакральной жизни, в обязательном порядке обладающий, предназначенной для проведения народных собраний, центральной площадью (например, Индрапрастха «Махабхараты»). Мифологические параллели

Аркаима в указанном отношении являются едва ли не абсолютными.¹³⁴ Во всяком случае его исследователи предпочитают видеть в нём самый близкий аналог Авестийской вары — города Йимы и вслед за М. Элиаде рассматривать саму его сущность в качестве знаковой системы, отражающей космическую модель вселенной¹³⁵. Впрочем, существует значительный пласт литературы, защищающей тезис об индо-арийской основе представлений об устройстве городов-крепостей, нашедших отражение в текстах раннеиндийской литературы. По мнению Т. Бэрроу, ближайший лингвистический аналог такого типа поселениям заключён в названии лёгких, временных укреплений (или земляных валов с деревянными воротами), обозначаемых в Ригведе словом *rig*-136. Мнение это так и не получило признания, поскольку с одной стороны была доказана идентичность поселений Северо-Западной Индии XVIII–XVII вв. до н. э. архитектурным требованиям ведических ариев, а с другой, — средствами лингвистики Г. Грассманом было установлено происхождение ведического *rig*- от глагольного корня индоевропейского происхождения *rig* / *par*, *prnati* в значении «наполнять», сопоставимого, и более того, тождественного лит. *pilis*, лат. *pils*.¹³⁷ Практически, к такому же заключению пришёл и Л. Р. Кызласов в оценке древнейших городищ Урало-Тобольского междуречья XIX–XVIII вв. до н. э.¹³⁸ Обращает на себя внимание интерпретация археолога, согласно которой «храмы огня в городах Сибири эпохи ранней бронзы олицетворяли культ Лунного и Солнечного божеств», которая вполне вписывается в соответствующий цикл мифов о противоборстве представителей Лунной и Солнечной династий, зафиксированных эпической поэзией Древней Индии и греческой мифологией.¹³⁹

Последнее позволяет понять, почему выявляемая всё чаще и чаще близость материальной культуры населения Восточной Европы эпохи ранней и Средней бронзы вообще, урало-сибирских (и добавим среднеазиатских) памятников (Тоголок-21) в частности, с материальной культурой населения Балкан и Северо-Западной Индии первой четверти II тыс. до н. э. требовали своего объяснения, которое в конце концов свелось к констатации факта об этнической конгруэнтности массивов населения этих, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга районов. По мнению В. Рау, ведический Индра разрушал крепости (*rig*-) врагов даса / дасью, которые принадлежали людям с идентичной ариям материальной культурой.¹⁴⁰ В её развитие А. Парпола предложил ещё более фундированную данными письменных и археологических источников в контексте их кросс-морфологического анализа гипотезу, согласно которой племена врагов Индры, называемые в Ригведе *dasa* / *dasyu* *raṇi* на самом деле являются первой волной переселенцев, вторгшихся в Индию около 2000 г., олицетворявших собой носителей археологических культур эпохи бронзы в Маргиане и Бактрии, которые около 1800 г. до н. э. были вытеснены на периферию новой волной завоевателей — племенами ариев-создателей Ригведы, пришедшими из евразийских просторов.¹⁴¹

Самое последнее мнение по данному вопросу высказано отечественным переводчиком и интерпретатором текстов Ригведы Т.Я. Елизаренковой. Она полагает, что совокупность историко-лингвистических фактов (Арканим, Синташта, Петровка в Приишимье соответствующие крепостям типа риг-), позволяет вывести два важнейших заключения: 1) синташтинская культура — предшественница протоиндоариев — андроновцев; 2) а последних следует рассматривать в качестве генетических предков самих индоарийских племён.¹⁴²

Ещё более ценными в контексте исследуемой проблемы нам представляются результаты, на которые вышли в исследовании проблем происхождения и путей расселения основных языковых групп населения Старого Света после распада Ностратической (евро-азиатской) общности в биологической науке. В частности, как показывает знакомство с исследованиями относительно ДНК-генеалогии и расселения древнейшего населения евразийской степи и лесостепи в эпоху бронзы на основании выявления путей и ареалов распространения специфической гаплогруппы R1a1, определяемой мутацией генома M17 (SNP маркер) Y-хромосомы они вполне согласуются с теми, которые в последнее время достигнуты в гуманитарных науках¹⁴³. В частности, по генетическим данным, особенно информативной относительно определения прародины индоевропейцев вообще, греко-арийской общности в частности, оказывается корреляция между распространённостью Y-хромосомного маркера R1a и ареалом, занимаемым индоевропейскими языками в древности, указывающая на их присутствие на территории между Карпатами и Алтаем.¹⁴⁴ Более того, этот относительно молодой маркер R1a (~ 10 тыс. лет) выступает не только показателем принадлежности индоевропейцев к R1a1, но и определителем векторов их расселения из общего очага в Северном Причерноморье и соседних с ним областей в сторону Центральной Европы, Балкан, Малой Азии и Индии¹⁴⁵. Новейшие данные, позволили генетикам выстроить последовательность событий древнейшей истории, участниками которой выступали племена индоевропейской общности. По их данным, 4500 лет назад они появились на Средне-Русской возвышенности¹⁴⁶. 3800 лет назад их потомки с идентичным гаплотипом мигрировали на Урал, построили Синташту. А 3600 лет назад они покинули Южный Урал, чтобы впоследствии появиться в Иране и Северо-Западной Индии¹⁴⁷. В этой последней связи, уместно отметить установление принадлежности 8 из 9 ископаемых гаплотипов культур Южной Сибири эпохи бронзы именно к маркерному R1a1. А если к этому добавить результаты исследований, выявивших эту восточноевропейскую гаплогруппу у аристократических носителей индо-арийской и дравидской культур Индии той же эпохи (соответственно 45% и 29%), становится понятным, что её индоарийские представители пришли в Индию тогда, когда там уже имелось дравидическое население¹⁴⁸. Другое из направлений миграций индоевропейцев-представителей расколовшейся греко-арийской общности имело своим вектором движение через

«кавказские ворота» на юг — в Малую Азию и Аравию¹⁴⁹. Относительно достоверности и адекватности ДНК-генеалогических исследований можно было бы рассматривать в качестве весьма спорных и не говорить о них вообще, если бы не одно существенное обстоятельство: по «гамбургскому счёту» хронология по гаплогруппе R1a1, примерно совпадает как с датировками соответствующих археологических культур на пути их миграций по калиброванным радиоуглеродным датам и определениями времени распространения сходной топономастики средствами глоттохронологии.¹⁵⁰

К тем же самым наблюдениям привели и новейшие генетические исследования полиморфизма ДНК носителей «синташтинской» археологической культуры, выполненные методом геномной дактилоскопии, которые неопровержимо доказали несомненную близость как с индоевропейскими, так и с финно-угорскими массивами населения, что ещё раз указало и на соседство, и на взаимодействие, и даже на присутствие финно-угров в качестве субстрата в конгломерате населения этой культурной общности, адстратную функцию в котором выполняли носители индоевропейских диалектов.¹⁵¹ Заметное место в процессе доказательства принципиальной возможности миграции смешанных полиэтнических групп населения с территории разделения греко-арийской общности на Балканы и в Индию занимает этимология племенных названий, зафиксированных Геродотом и другими античными авторами как до него, так и после, позволяющая составить представление как об этно-и лингвогенезе племён индоевропейской общности, так и о векторах и путях миграции тех из них, которые составляли её греко-арийскую ветвь (греки, фракийцы, фригийцы, индо-арии, иранцы).

Начнём с тех, которые, с нашей точки зрения, претендуют быть с ней идентифицированными и которые в рассказе Геродота о городе Гелоне в стране будинов занимают центральное место. Помимо будинов и гелонов, это — меланхлены, фиссагеты и невры, их ближние и дальние соседи.

Проблема будинов попала в поле зрения историков и археологов достаточно давно. Во всяком случае, в отечественной историографии она впервые была подвергнута специальному исследованию в трудах Э. Эйхвальда, Н. И. Надеждина и Ф. К. Бруна.¹⁵² В зарубежной — она получила отражение в статьях Кисслинга, Низе, Тюмпеля, Томашека и Тоффлера.¹⁵³ Однако, вплоть до настоящего времени она решалась исключительно в археологическом и этнографическом контекстах, демонстрируя разброс оценок от признания будинов в качестве финно-угров до попыток обоснования германских корней их происхождения.¹⁵⁴

Такое состояние представлений относительно этнонимии населения периферийных областей Скифии и заскифских земель, в том числе и Доно-Донецкого междуречья в специальной литературе вполне объяснимо: никому не известно, какими критериям следовал Геродот, придерживавшийся принципа как можно более точного определения того или иного этноса, в представлении этнонимии Скифии и сопредельных с нею территорий.

Основывался ли «отец истории» исключительно на констатации численности населения и размеров занимаемой этносами территории, делал ли он акцент на образе их жизни и хозяйственной деятельности, или же представлял, воспринимаемые из уст своих устных источников понятия-фонемы на языке аборигенов в полном соответствии с правилами фонетики и грамматики греческого языка.

Знакомство с этнонимией Скифского логоса с учётом принципов, которых придерживался Геродот на протяжении всего своего труда, позволяет вывести наблюдение о зависимости, претендующих на универсальность, подходов историка от качества располагаемой им информации. Иными словами, как показывает сравнительный анализ, в палитру оценок «отца истории» входили: 1) территориально-хозяйственный, 2) антропо-этологический, 3) политический и 4) этимологический принципы. Вероятно (хотя и не бесспорно) предположение об отражении этого последнего у Стефана Византийского, исходившего в интерпретации этнонима Βουδῖνοι исходя из его созвучия с греческими словами «бык» (Βους) и δινέειν («кружиться, скитаться»), на основании чего он и вывел наблюдение, согласно которому будины называются так потому, что кочуют на повозках, запряжённых быками (Steph. Byz. Ethnic., s. v. Βουδῖνοι).

Действительно, в слове «будины» присутствуют и вероятная основа — существительное «бык» (βού-), и сопряжённый с ним глагол δινέω («гнать по кругу, кружиться, скитаться, бродить».¹⁵⁵ Соотнесённость данного этнонима со скифами сказалась на оценках отечественных скифологов, которые начиная с М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова только в этом смысле и воспринимали информацию, отложившуюся о будинах в труде Геродота.¹⁵⁶ Но является ли такое заключение единственно верным, соответствующим исторической действительности, и более того, адекватным смыслу, заключённому в его корневой основе и этимологии? В этом одним из первых в отечественной историографии усомнился Э. А. Грантовский, высказавший убеждение об иранской основе этнонима «будины» и его соответствии названию одного из 6 мидийских племён — племени boudioi.¹⁵⁷ Значительно раньше него Г. Вейсбах отнёс budioi к племени фракийских медов, постулируя родство этнонима со словом Budna и предполагая эпонимный характер последнего.¹⁵⁸ Анализ этимологических словарей древнегреческого языка даёт основания для утверждения о том, что в этнониме «будины» нашли своё отражение более глубинные исторические и языковые реалии. В самом деле, словарь П. Шантрэна приводит слово βοу- в значении «великославный, великий, большой».¹⁵⁹ Вспомним, что Геродот определяет будинов как «большое и многочисленное племя» (ἔθνος ἕν μὲγα καὶ πολλόν Herod., IV, 108). Такая характеристика лексемы, приводится Л. А. Гиндиным и В. Л. Цымбурским относительно фракийского этнонима лексему *Bi-thunoι в том же значении «многочисленный, мощный народ» — определение, которое они распространяли на название племени тевкров, составной частью которых являлись

и пра-эллины.¹⁶⁰ Последнее, как нетрудно заметить, довольно близко этнониму Βουδῖνοι у Геродота. Как бы то ни было, но если разложить само это слово на составные части, то помимо выявления другой корневой основы η βοῦς («щит из воловьей шкуры»), мы можем гипотетически предположить первоначальную архитектуру словообразования Βουδῖνοι: действительной корневой основой может быть существительное βοῦδ(ι), ν — суффиксом, а οι — окончанием мн. числа. В словарях древнегреческого языка слова с таким значением встречаются весьма редко (Βύδδχα (вар. βούδχο). Зато они широко представлены в языке индо-ариев. Это: 1) buddho («светлеть, сверкать»); 2) bhuta-nata / *buta-nata («повелители духов»); 3) *budhn / *dubhn; 4) *bhu / *bho; 5. bhud-. Как выше можно было убедиться, именно на указанные параллели было ориентировано высказанное нами предположение относительно этимологии этнонима «будины». По прошествии времени оно нам представляется нуждающимся в своей дальнейшей дешифровке, хотя автор по-прежнему убеждён, что оно не имеет никакого отношения ни к балтскому (также считал и В. Н. Топоров), ни к финно-угорским языкам (взгляды В. Томашека, П. Д. Либерова и др.).¹⁶¹ В правомерности такого утверждения убеждает, выявленная Б. Л. Огибениным словообразовательная схема, иллюстрирующая переход от значений «мужчина, человек» к значению «бык», выявленная исследователем при изучении семантики языка ведических текстов в связи с разрешением проблемы реконструкции поэтического языка индоевропейцев. Он выделил несколько, образующих формальное (метатическое) или фонетическое сходство, морфем с и.-е. основами, среди которых в связи с этнонимией, будинов обращают на себя внимание морфемы типа *pu- / *po («человек») сопоставляемые с др.-инд. *bhu / *bho. Смысл и значение первых двух элементов выявляется автором на основании их сопоставления с греческим словом anthropos («человек»), в котором -po (s) в аттическом диалекте представляло собой понятие pais («дитя, мальчик»), а на ср.-греч. диалекте означало πό-λος (с элементом *po- (u) — «жеребёнок, юноша». А поскольку в связи с тем, что все они появляются в текстах только с корневой основой ugs-, то из этого Б. Л. Огибенин выводит заключение о большой близости указанных понятий к значению «бык» (vrsabha / ursn-bho-).¹⁶²

Выявленный факт покажется, на первый взгляд, стоящим совсем в другом ряду изучения языка индоевропейцев, в особенности проявлений его остаточных реликтов в топонимике, гидронимии, ономастике и этнонимии раннего железного века. Однако, наличие, достаточно надёжно установленного наукой, первоначального значения самоназвания всех без исключения архаических этносов как «люди», констатация распространённости и господства в социальной таксономии общества и представляющих их этносов биогенетических законов и правил установления родства (неродства), заставляет более внимательно отнестись и к смыслу значения этнонима «будины», и одновременно, точке зрения о его индо-арийской этимологии. В пользу такого поворота в выявлении этимологии этнонима boudīnoi свидетельствует одно

из значений и.-е. **budh-*, которое находя родство с др.-инд. *budhna-*, др.-греч. *πιθμήν* («дно, основание, низ»), трактуется В. Н. Топоровым ещё и как «порождение, род», которые имеют аналоги в др.-нем. *bodan*, нем. *boden*, слав. **bъdno* (также из **budn- < *budhn*) и других и.-е. языках.¹⁶³

Но ещё более показательны эпонимные, праиндоевропейского (или индоарийского) происхождения теоморфные черты **budn / *budhn*, находящего соответствие в имени поверженного противника индоевропейского бога — громовержца **Bud (h)n-* идентичного др.-инд. *Ahi Budhnya*, греческому Пифону, сыну Аполлона или Тифону, сыну Тартара и Геи, проживавшего в стране аримов в Малой Азии или под Этной в Сицилии¹⁶⁴. Имя Тифон, как показал Л. А. Гиндин, является результатом метатизирования имени того же Пифона.¹⁶⁵ Причину отсутствия проекций элементов одной мифологической системы в другую, в нашем случае выразившегося в исчезновении героя-эпонима **Bud (h)n-* следует, как нам представляется, видеть во временных изменениях самих критериев и мифологических мотивировок имён и названий, переориентациях мифологических сказаний родственных, но разошедшихся в разные стороны Старого Света этносов. Что касается соответствия **Bud (h)n*, *Ahi Budhnya* и греческого *Python / Typhon* (змееобразных чудовищ нижнего мира, связанных с водой), то можно, заимствуя идею В. Н. Топорова, предположить, что они отображают собой процессы переориентации ранее общих представлений в направлении от индоарийского во фракийский, и от него — к древнегреческому.¹⁶⁶ В пользу такого решения проблемы, равно как и выявления основ этнонима будинов, свидетельствует топонимастика мифологической истории Фессалии и Эпира. В частности, в ней присутствует имя Будея (*Βούδειος*), сына Аргоса, представляющего собой эпоним фессалийского или эпирского городов — Будейона (*Βούδειον*) или Будеи (*Βούδεια* (Steph. Byz. s. v. *Βούδεια*). Ещё одно название местности с корнем *-bud* отмечено для о. Эгина — *βυδδίδα*, восходящего к имени Будиона (*Βυδίον*, отца Ойнона (Энона)).¹⁶⁷ Вывод, который вытекает из рассмотренных фактов, на наш взгляд, вполне очевиден: этноним «будины» вписывается при всех расхождениях в его интерпретации в греческий язык, проявляя себя в сходной топонимастике Балкан, причём в тех областях, куда в первую очередь переселились пра-эллыны мигранты, и потому в трактовке Геродота, мы должны воспринимать его, с одной стороны, как, возможно, фракийское по происхождению, а с другой — как передачу средствами греческого языка понятия, отложившегося в близком к фракийскому оригинале слова.¹⁶⁸

Ещё одно направление, которое приобретает особый смысл и важность в плане обоснования неслучайного характера происхождения перечисленных сходств и аналогов между, казалось бы, далеко отстоящими друг от друга обществами и традициями Древней Индии и Античного Средиземноморья, должно быть связано с исследованием топо-и гидронимии, этнонимии и ономастики, отложившейся в их мифах, эпических поэмах, литературной и историографической традициях.

При этом, в первую очередь, настоятельная необходимость проявляется в сопоставлении между собой топономастического ряда имён Ригведы и античной традиции, в особенности эпонимных, родовых и племенных названий Северо-Западной Индии, Балканского полуострова и Италии. Понятно, что затрагиваемый объём информации огромен по своему потенциалу. Именно поэтому целесообразным представляется акцентация внимания на фактах, проливающих свет на характер греко-индийских, этруско-индийских и фрако-этруских связей, запечатлевшихся в самых разнотипных источниках четырёх древних народов Европы и Малой Азии, поскольку, по нашему убеждению, в них то и следует искать, как отображение былого единства и общности, так и характера и путей пролегания миграционных волн после распада Греко-арийской общности.¹⁶⁹

Первостепенную важность в указанном отношении приобретает анализ данных, сохранившихся в эпических поэмах, прежде всего, Древней Индии и Античной Греции. Причина заключается в том, что, как установлено, к настоящему времени, и те и другие, несмотря на известные различия, отображают и типологическое родство отображённой в них информации, и стадияльное, как бы сказали в прошлом, единство, содержащихся в них идей, представлений и образов.

Из древнеиндийской традиции источниками первостепенной важности являются Ригведа и две великие эпические поэмы — «Махабхарата» и «Рамаяна», отобразившие, исключая более поздние в них привнесения, единый историко-хронологический срез представлений о древней истории у их составителей.¹⁷⁰ Более того, к настоящему времени установлено, что в них, наряду с реминисценциями времён XI–VIII вв. до н. э., информационные возможности достигают 1700–1100 гг. до н. э., т. е., как времени распространения индоарийских племён в долине Инда, так и времени начала составления (записи) самих поэм, что только увеличивает ценность содержащихся в них данных.¹⁷¹

Определённый интерес, несмотря на ведущиеся между специалистами споры относительно их историчности, представляет информация, отложившаяся в Пуранах, первоначальные тексты которых, как полагают, были написаны между 320–500 гг. н. э.¹⁷² Хорошо известно, что относящиеся к жанру былин, они не могут рассматриваться в качестве полноценного исторического источника.¹⁷³ Тем не менее, даже с учётом наличия в них переотложенной, систематизированной и даже определённым образом искажённой под известным углом зрения, отложившейся в них информации, как показывает ближайшее с ней знакомство, позволяет выявить те реликты этнонимии, которые зафиксированы в греческих мифах и античной традиции. Важнейшими с интересующей нас точки зрения представляют те тексты, которые повествуют, с одной стороны, о генеалогии богов и мудрецов, а с другой (и в особенности), — в которых представлены генеалогические истории основных древнеиндийских династий. В частности, Пураны повествуют о за-

падном направлении миграции западной ветви арийских племен Aila, династия которой относили себя к Лунной династии. Сообщается также о том, что области Семиречья оно разделилось на пять ветвей, названных по именам сыновей завоевателя Айяти — Yadu, Turvasa, Druhyu, Апу и Puru. При этом все они отнесены составителями текстов к Пауравам, т. е. рассматриваются как происходящими от племени Puru, место обитания которого локализовано на берегах р. Сарасвати. Ещё одно обстоятельство, заслуживающее внимания в Пуранах, связано с утверждением в них о близком родстве племён Aila и Druhyu, восходящего, как полагают специалисты, к доведийскому и ранневедийскому периодам.¹⁷⁴

В контексте исследуемой нами проблемы особую важность приобретает отложившиеся в источниках Древней Индии данные о топо-гидронимике и топонимике, находящие прямые аналоги в соответствующих пластах и сюжетах мифологии, эпической поэзии и античной литературной традиции (например, др.-инд. семья Ауака (др.-греч. Aiakos), др.-инд. Aila (др.-греч. Aiolos), Atri (Atreios) и Madhu (др.-греч. Medos.). Два последних исчерпывающе представлены в «Илиаде» Гомера, причём, Мед, по её данным, предводительствовал фтийцами (Hom., II., XIII, 693). Если принять во внимание, что Страбон определял гомеровских фтийцев как подвластных Ахиллу ахейцев, то переклички этнонимов Ригведы и «Илиады», включая сюда и несомненную близость др.-инд. Ила и греч. Ilios лишь усиливают убеждение в общности происхождения племён, волею судеб разошедшихся в диаметрально противоположных направлениях со своей общей прародины. На то же самое указывают факты сходства социального разделения общества ведических Ариев и древних греков догомеровской эпохи: разделению на 4 варны древнеиндийского общества в Законах Ману, как можно полагать, прямым образом соответствует таковое же у древних афинян, засвидетельствованное в «Афинской политике» Аристотеля, упоминающей разделение на царей, жрецов, земледельцев и ремесленников в рамках политической системы объединения 4-х племён (Arist., Ath. pol., XV, 2; Heracl., Epin., 1; Aristoph., Pter., 533, 870; Schol ad Aristoph., Pter., 1527). Два разделения арийских племён Ригведы фиксируют и современные специалисты: деление внутри союза племён Пуру и разделение между этим последним с племенами «чужаков» (Yadus, Turvasas, Apus, Druhyus и др (RV. III, 12, 6; 34, 1). Иными словами, приводимые факты достаточно убедительно показывают, что сходство не только самих имен, но и их достаточно одинаковых в социальном плане функций и таксономических позиций: Атри был ведическим мудрецом, а ахейский Атрей — царём-жрецом. Примечательно, что личное имя сына Атри было Датт, которое по своей корневой основе соответствует ирано-персидскому Dat (i), хетто-лидийско-ахейскому имени Att (a), например, личному имени Attarsyas знаменитого фигуранта хетто-ахейской переписки XIV–XIII вв. до н. э.

Не менее значительная по объёму и ценности информация отложилась в типологически сходной с «Илиадой» Гомера «Махабхарате», датирующейся

как и её греческий аналог первой половиной I тыс. до н. э. (по самым последним данным 950 г. до н. э.).¹⁷⁵ Повествующая о противоборстве и войнах двух арийских родов Куру и Пандавов и изгнании первого за пределы р. Инд на Запад, «Махабхарата» свидетельствует о близком родстве социально-политической организации ведических ариев и эллинов кроме того подтверждает фактическое тождество греческой и индоарийской топономастики.¹⁷⁶ Что касается «Рамаяны», то с учётом её древнейшей версии, изложенной в «Махабхарате», представляется вполне резонным использование в решении поставленной задачи присутствующих в ней сюжетов и основных, находящихся общие черты с персоналиями греческой и этрусской мифологии, персонажей.¹⁷⁷

Такая постановка вопроса вполне соответствует новейшим достижениям науки. В самое последнее время приведены убедительные доказательства того, что и информационное поле «Махабхараты» может быть углублено до 1900–1200 гг. до н. э. По мнению С. С. Н. Мэрфи, основанном на результатах раскопок центров хараппской цивилизации (Дварака) Р. Рао, данных лингвистики и сравнительного анализа ведической литературы и «Махабхараты», занимающая в ней центральное место битва при Курукшетре представляет собой не что иное, как художественным образом преувеличенную версию битвы 10 царей Ригведы.¹⁷⁸

Примерно, такая же характеристика выработана в специальной литературе и относительно гомеровских поэм, датируемых в настоящее время второй половиной VIII в. до н. э. Теперь установлено, что излагаемые в них события троянской и ахейской истории, хотя и были преподаны Гомером с наложением на неё современных ему исторических реалий, тем не менее, в плане хронологии его повествование включало в себя множество персонажей и событий предшествующего времени, охватывая тем самым практически идентичный древнеиндийским поэмам промежуток времени 1600–1100 гг. до н. э.¹⁷⁹

Несмотря на специфику и очевидные различия древнеиндийских и древнегреческих эпических поэм их тематическое содержание гносеологически восходит к общему архетипу — рассказу о широко распространённом в мифах древнего мира сюжете о противоборстве двух родов, Солнечной и Лунной династий, сходные версии которого в них, собственно, и были представлены.¹⁸⁰ Из этого вполне закономерно следует убеждение о правдивости большинства излагаемых в них историй. «... [Древнеиндийский] Эпос, — писал А. И. Немировский, — отразил реальные исторические контакты и конфликты, но передал их в обобщённом виде, свёл стычки, длившиеся тысячелетиями, в одну грандиозную битву таким же образом, как и «Илиада» представила столкновение между троянцами и ахейцами в виде грандиозной Троянской войны».¹⁸¹

Наиболее яркое подтверждение приводимой мысли мы имеем возможность обнаружить в Ригведе. В содержании её 7 мандалы собраны гимны, повествующие в том числе и о битве 10 царей, время совершения которой исследователями разных специальностей определяется в широком диапазоне

от 2900 до 1500 гг. до н. э. При всём этом она неизменно квалифицируется как поворотный пункт в истории Индии ведического периода вообще гораздо важнее, с нашей точки зрения, выступает то, что данная битва в исторической памяти составителей Ригведы была последней из числа тех, которые знаменовали собой противоборство Солнечной (племена Тритсу или бхарата-ариев) и Лунной (племена риги) династий (RV. VII, 18, 33 и 83, 4–8; 96, 2.).¹⁸² Особое значение представляет собой, отражённая в её текстах этнонимия основных участников. Их перечень уже сам по себе не оставляет сомнений не только в общности их языка и культуры, но и в принадлежности, если отбросить поздние вставки, к разным волнам северных мигрантов в индийское Семиречье. В самом деле, мы обнаруживаем в этом списке те племенные этнонимы, которые, впервые «отметившись» в индийской эпической поэме, впоследствии, благодаря мифам древних греков и римлян, древнегреческой эпической поэзии, мифографии, логографии и историографии, были выявлены и зафиксированы её представителями в различных областях античной ойкумены, но главным образом, в Малой Азии, на Балканах и в Италии. В первую очередь, данную характеристику необходимо распространить на племена, находящие в своей этнонимии некую общность, и более того, одинаковый грамматический и лексический строй.

Возвращаясь к конкретным фактам, укажем, что это, в первую очередь, относится к представленному в эпической поэме союзу племён, в перечислении которых к себе привлекают следующие: *alina*¹⁸³, *yadu*, *turvasa*, *anu*, *darada*, *bhrigu*, *bhalapa*, *matsya*¹⁸⁴, *parsu*, *parni*, *saka*.¹⁸⁵ Данная этнонимия сравнительно недавно была подвергнута специальному исследованию в трудах М. Витцеля, по мнению которого, относящиеся к древнейшей этнонимике Ригведы, племена *Ану* и *Yadu* должны быть определены в качестве представителей тех индоарийских кланов, которые осели в Индии.¹⁸⁶ При этом, судя по данным Ригведы, *Яду* и *Турваши* олицетворяют собой совместно проживающие племена далёкой северной периферии, граничащие с территориями занятыми *Anus*, *Druhyus* и *Purus*. Замечены различия в упоминаниях об этих племенах у составителей текстов Ригведы: когда все они перечисляются вместе (например, RV. I, 108, 8), рассказы о *Yadus* и *Turvasas* выглядят несколько обособленными от повествования об остальных трёх. По мнению индологов последнее находит объяснение в том, что понятие *Purus* выражает различные ветви родства ведических Ариев, тогда как *Anus* — различных родов древних иранцев. Но самое примечательное заключается в том, что и у тех и у других был общий жреческий род *Bhrigu*. Что касается племён *Druhyu*, то, как полагают, оно представляло собой третий компонент этнокультурного спектра ведических ариев, с одной стороны, выводящего их, как и потомков *Aila*, за пределы индо-иранского ареала в более широкую индоевропейскую общность, а с другой — объясняющего противостояние последних всей совокупности других племён (*Anus*, *Purus*, *Yadus*, *Turvasas*, *Ikswakus*). Соединённые в рамках общего повествования, упоминания об

указанных племенах, с учётом эпического характера основного источника, следует рассматривать как информацию о разнотипных формах взаимоотношений между ними на пути в Иран и Индию, не упуская из виду и противоборство, сопутствовавшее нескольким волнам их разнотипных и разновременных миграций с территории общей прародины. Что касается оценок исходных очагов, направлений и векторов последних, то в данном вопросе сложилась ситуация непримиримой дискуссии, завершение которой так же далеко как и 150–200 лет назад. Только в оценках характера миграционных волн обнаруживается примерно одинаковое состояние взглядов представителей самых различных школ и научных направлений. Это нашло отражение в признании амальгамного, противоречивого, связанного с «эффектом маятника», сложно структурированного в лингвистическом и этно-социальном плане, ассимилятивном и диссимилятивном в этно-политическом отношении и сочетаемости разных уровней системы, хаотичного характера и существа процесса, олицетворявшего собой развитие очередного, третьего или четвёртого по счёту с момента расселения *Homo sapiens*, «Великого переселения народов». При всех различиях и несходстве оценок конкретных миграций индо-иранцев и эллинов, первостепенное на себя внимание всё-таки обращает превалирующие в специальной литературе заключения о доминировании западного направления исхода тех племён неведических Ариев, этнонимия которых впоследствии достаточно рельефно проявляется в античных источниках, восполняющих ту информацию, которая по вполне понятным причинам была утеряна составителями эпических поэм Древней Индии.

Наибольшие аналогии в греко-индийском топонимическом ряду находит этноним *апи* — термин, которым обозначается одно из самых главных племён Ригведы, которое возглавляло их союз, противостоящий племени ведических ариев Судаса и в большинстве случаев упоминается в Ригведе и Махабхарате вместе со своим союзником — племенем *Druhyu* (RV. I, 108, 8; VIII, 10, 5).¹⁸⁷ Цари этого племени Анава/Абхивартин Сайамана (имена, производные от этнонима *Апи*) перечислены авторами Ригведы в гимне о битве 10 царей. Один как герой-союзник царя бхаратов Срнайи, потомок которого Кави Сайамана представлен в качестве противника вождя племени тритсу Судаса (RV. VI, 27). Другой, как глава союза с племенем Турваша, также выступившего против этого последнего (VII, 8, 13; 18, 9; VIII, 4, 1.). Пуранами племя *Апи* называется как мигранты в родовые земли *Руги*. Более того, в них утверждается о достаточно массивной коалиции племён, которые возглавляли их вожди (*paktha*, *bhalana*, *bolan*, *parshi*, *prthu*, *vishanin*, *alina*, *shiva*, *shimyu*, *bhrigu*, *druhyu*). Примечательно, что вся их совокупность (за исключением *druhyu*) называются «сыновьями Ану» (RV. VII, 18–19, 33, 83 и др.)¹⁸⁸ Что касается смыслового содержания слова *апи*, то специалисты трактуют его как передающего понятие, сформировавшееся из праиндоевропейского *ап (человек), ведич. «человеческий, живой».

Относительно этнополитической характеристики апи высказывается мнение, согласно которому оно, как и другие племена региона, уже до (или после) битвы 10 царей, представляло собой коалицию из Апи-Druhyu и Yadu-Turvasa, образованную из ассимилированных ануитами родов и кланов индо-ариев долины Инда, а также дравидического населения, входившего, наряду с другими, в качестве составной части в конфедерацию, возглавляемую племенем-гегемоном Куру.^{189–190}

Возможно формула Геродота «скифы и живущие среди них эллины» имеет непосредственное отношение к будинам и гелонам. В ней будины рассматриваются, по нашему мнению, не просто как иранцы, но включают восходящую к Гекатею поправку, согласно которой «скифы — фракийский этнос», что вполне вписывается в размещение им на территории будущей европейской Скифии племени амадоков (и.-ар. *madha*, др. греч. *medoi*). Что касается гелонов, то, несмотря на указание о прямо противоположном векторе их появления в области вверх по Танаису в 15 днях от Меотийского озера, то они Геродотом в соответствии с образом жизни и проживанием в напоминающем греческий полис городе, представлены как «исконные эллины». Складывается впечатление, согласно которому наряду с рудиментами индоарийской общности в лице синдов и меотов этническая карта Геродота зафиксировала и носителей греко-фракийской общности, оставшихся в местах своего первоначального очага формирования.

Ещё более информативными представляются те места текста Ригведы, которые информируют о союзных отношениях между племенами *matsya*, *turvasa*, *yaksu* / *yadu*, а также о практике отношений гостепреимства, в частности, племён *bhrigu* и *druhyu* (RV. VII, 18, 6). Последние, помимо того, что входили в более широкую коалицию, составляли совместное объединение, которое, в свою очередь, находилось в союзных отношениях, как минимум, ещё с 5 племенами — *praktha*, *bhalana*, *alipa*, *saka* / *shiva* и *visani* (RV., VII, 18, 7).¹⁹¹ Такой характер информации, нарушающий устойчивое постоянство эпических формул, указывает на разновременность тех пластов информации, в которых они упоминаются в самых различных комбинациях. Тем не менее, в основном ядре сказаний, они рассматриваются как представляющие устойчивые, складывающиеся от времени к времени племенные союзы (сложные вождества), что и нашло отображение в фиксации такого типа объединений между Апи-Druhyu, Yadu-Turvasa, Puru-Bharata, коалиции 10 царей и др.).¹⁹² Но и это ещё не всё. В самое последнее время выдвинуто предположение, согласно которому обе враждующие стороны в битве 10 царей относились (во всяком случае, в 9 из 34 эпизодов в Ригведе) к арийскому этносу.¹⁹³ Во всяком случае, как полагает Шр. Таладжер, в восьми из 9 ситуаций термин «арий» прилагается и к ариям, и к их противникам *dasas*.¹⁹⁴ На этом основании индийский учёный считает целесообразным рассматривать племя Puru в качестве ариев Ригведы (RV. IV, 30, 18; VI, 22, 10; 33, 3; 60,

6; VII, 83, 1; X, 38, 3; 69, 6; 83, 1; 102, 3). Что касается племён *bharata*, то, по мнению исследователя, оно представляло собой гегемона союза *Puru* и потому было представлено составителями Ригведы в качестве главного действующего лица и противника как других ариев (остальных *Puru*), так и неарийских племён, которые не были генетически родственны этим последним и потому определялись в гимнах как *Dasa* (RV. 100, 11; 111, 3; IV, 4, 5; VI, 19, 8; 25, 3; 44, 17; X, 69, 12).¹⁹⁵

Не менее показательны факты, излагаемые в поэме в связи с победой Судаса-царя племени Тритсу над своими противниками (RV., VII, 33, 6). Во-первых, она сообщает как об изгнании основных оппонентов царя за пределы Индской долины, так и о наложении дани на ту их часть, которая предпочла миграции частичную потерю своей свободы и зависимость от царя-победителя. Во-вторых, среди тех, кого постигла такая участь, упоминаются цари племён *ayas*, *sigru*, *yaksu*/*yadu* (RV., VII, 18, 20).¹⁹⁶ Но ещё более представительна информация о разрушении Индрой 7 городов врага, в которых хранились все сокровища племени *апи* с последующей передачей последних Судасу (RV., VII, 13, 17 — 18.).¹⁹⁷

Традиционная версия Ригведы, отражая представления о противоборстве Солнечной и Лунной династий, персонифицирует их носителей, как с именем солнца — *Iksvaku* (одним из подразделений племени является народ *Trksi*)¹⁹⁸, так и соответственно с именем *Aila*. Что касается последних, то сторонники Лунной династии разделены на 5 этносов — *Yadu*, *Turvasa*, *Druhyu*, *Апи* и *Puru*. Примечательны и комбинации, в которых перечисленные племена упоминаются вместе. В первом гимне — это *Yadus*, *Turvasas*, *Druhyus*, *Anus*, *Purus* (RV. I, 108, 8; точно в таком же порядке, но без *Purus* и в VIII, 10, 5.). В нём же упоминается один *Turvasa* (RV. I, 47, 7). В шестой мандале — *Druhyus*, *Purus* и *Trksis*, а в восьмой — только *Anus* и *Turvasas*. Их изучение в специальной литературе позволило установить, что *Anus* и *Druhyus* чаще всего упоминаются в качестве враждебных друг другу (RV. VI, 62, 9; VII, 18, 6, 12–14). Напротив, проживавшие в одной области к северо-западу от *Puru* и занимавшиеся изготовлением колесниц для Индры, люди *Апи* отождествляются П. Гриффитсом с другим племенем этого же района *Bhrigu*. Заключительная ремарка исследователя категорична: *апи* и *bhrigu* есть взаимозаменяемые этнонимы, поскольку *бхриги* принадлежали к тому же самому племени. Аналогичным образом дело обстоит и с племенами *Яду-Турваша*, которые названы пришедшими издалека (RV. I, 36, 18; VI, 45, 1), «с другого берега» (RV. V, 31, 8) или «из-за моря» (RV. VI, 2, 12). Судя по сохранившимся текстам, они то враждовали между собой, то объединяли свои силы для оказания помощи племенам ведических ариев-*purus*, и в особенности племенам *bharata* среди них. (RV. VI, 27, 7; VII, 18, 6; 19, 8; IX, 61, 2).

Обращает на себя внимание, что *Turvasa* (называется древним царём (RV., I, 47, 1) племени *Yaksus*/*Yadu* (причём, *yaksu* довольно часто представляет эпитет к *yadu*). Данное обстоятельство нам представляется

симптоматичным: несмотря на то, что созвучие слов (и выводы, на них основанные) чаще всего приводят к некорректным итоговым результатам их сопоставления между собой, рискуем предположить, что имена *Yadu*, *Aila*, *Iksvaku*/*Iksiaku*, *Trksis*, *Druhyu*, *Turvasa*, возможно, соответствуют греческим именам, Аид, Эол, Иксиак/Иксион, Тевкр, Дор, Туруш/Тирсен и т.п.¹⁹⁹ Кроме того, и это особенно важно, перечисляются два царя племени *Yavaṇ*, обнаруживающих родство с иранским ономастиком: *Muga* и *Naraka*, друживших с царём Запада *Bhagadatta* (RV., I, 58). И наконец, всё расставляет по своим местам присутствующее в тексте убеждение, согласно которому цари древнейших династий (и солнечной, и лунной) ведут своё происхождение от двух родов *Aila* и *Yksiaku*/*Yadu* и что в их составе насчитывается 101 патриархальная община (RV., I, 54–58; 60, 1; III, 5, 10).²⁰⁰

В перечислении основных кланов сенсационным (с учётом не только фонетической близости ономастического ряда) представляется упоминание родов *su gasena* и *madhu* (в связи с ними назван и *Madhu* — старейшина племени и династов *Yadu*)²⁰¹, а также *partha*, *alinas*, *andhaka*, *vrisni*, *aila*, *yavaṇa*, *kalayavaṇa* и *madhura*.²⁰² Все они так или иначе находят себе кальку в греко-этрusco-италийском ономастическом ряду (в частности *andhaka* можно увидеть в имени известного политического деятеля V в. до н. э. в Афинах Андокида). И ещё одна важнейшая информация должна быть отмечена. Упоминаемые в *Махабхарате* яваны и млеччи в целом ряде случаев представлены составителями поэм в качестве составной части двух кланов *Yadu-Kuru* одного и того же племени — *Yadu*!

Возвращаясь к текстам Ригведы нельзя не обратить внимания на упоминание в них среди перечисляемых старейшин жреческих родов уже знакомых имён, находящих прямые аналогии в античных источниках. К семи, самых древнейших из них, относились наряду с другими *Bhrigu* и *Atri* (род последних возвысился, как полагают исследователи, после упадка правящей династии *bharata* (RV. I, 13, 9; 142, 9; 188, 9; III, 4, 8; V, 5, 8; VII, 2, 8; IX, 5, 8; X, 110, 8.)).²⁰³ Самое же интересное среди указанных свидетельств заключается в том, что названные жреческие роды, в том числе *Bhrigu* и *Atri*, происходя из племени *Puru*, совершали жертвоприношения только «небесной танцовщице» — богине по имени *Ila*!²⁰⁴

Примерно одинаковый с Ригведой список участников сражения (на этот раз при Курукшетре) содержится и в *Махабхарате*.²⁰⁵ В ней представлены: *bharata*, *kuru*, *yavana*, *wapaya*, *mlccha*, *bhrigu*, *meru*, *saka*, *ladaka*, *matsya* и *su gasena*. Понятно, что ко времени составления этой поэмы ведические арии, разделившись со своими противниками где-то между 2900–1500 гг. до н. э., прошли достаточно большой путь развития, что, применительно к долговременной памяти общественного сознания наложило свою печать на сам характер отложившихся в ней свидетельств: новые реалии, переход к производству железа, оседлый образ жизни, зарождение государственности — всё это не могло не сказаться на развёртывании эпического повествования.

В известном смысле, информационная сущность Махабхараты идентична исторической информативности «Илиады» Гомера, хотя ряд исследователей (и в их числе Т.Я. Елизаренкова) склонны отрицать это. По мнению Х. Вильсона, кроме бхаратов-куру, все остальные принадлежали к индоевропейской группе народов, которых подобно пеласгам греческих мифов, в индийской эпической традиции (во всяком случае в текстах Махабхараты и Рамаяны) называли варварами — *mleccha*, что дословно означает «варвар», «говорящий с акцентом».²⁰⁶ К ним относились, судя по данным эпических поэм, *Yavana*, *Sakas*, *Pahlavas*, *Sindhus* и *Hunas*.²⁰⁷ Указанное наблюдение весьма симптоматично в плане выявления типологического родства взаимоотношений как ведических ариев, так и эллинов-пришельцев на Балканы, к своим предшественникам: и там и там они были отнесены к таксономической ступени варваров, что и нашло отражение в мифах и эпической поэзии двух некогда родственных, но разошедшихся друг с другом народов.

Такое заключение находит, как нам представляется, поддержку в «Истории» Геродота, зафиксировавшем топономастику Балканского полуострова и сохранившего весьма исключительную информацию, объясняющую поведение некоторых племён Пелопоннеса и Арголиды в период персидской агрессии 492–480 гг. до н. э. «Отец истории» знал о том, что *эниены* — племя проживающее в Фессалии (Herod., VII, 132, 185, 198). Город с такой же начальной основой *Энею* (по соседству с Фермейским заливом, пограничный с Паленой и последний после гг. Липакса, Комбрия, Лисы, Гиглна, Кампса и Смила) он локализует в Македонии (VII, 123). Там же, по его данным, находятся территории племени *энетов* (Herod., I, 196; V, 9). Примечательно, что Страбон рассматривал энетов (генетов) как выходцев из малоазийской Пафлагонии, отмечая что такое название носили понтийский город Амис и г. Напа на равнине Метимны, причём последний, как полагал античный автор, был назван по причине лесного положения (Strab., XII, 3, 8). Более того, «отец истории» упоминает в **Фессалии** реку со сходной начальной основой в названии — **Энипей**, которая является **притоком р. Апида-на** (Herod., VII, 9). Из области эниенов у него течёт р. Сперхей (Herod., VII, 198). Наконец, в перечислении племён, согласившихся дать царю персов «землю и воду» Геродот называет племена, появление которых в его списке с точки зрения рассматриваемого вопроса о полиэтничности миграционных волн в Северо-Западную Индию, на Иранское нагорье, Балканский полуостров и в Италию в первой половине II тыс. до н. э. выглядит весьма и весьма симптоматичным, потому что среди них упоминаются и *эниены* (а также фессалийцы, долопы, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев). Все они обитали на территориях колонизованных в своё время их предками-праэллинами (прагреко-фрако-фригийцами). Если наши наблюдения верны, представляется возможность высказать осторожное убеждение о значимости приводимых нами фактов в разрешении вопроса

о происхождении племенных и этнических названий древних (исконных) эллинов. Определённую уверенность в этом обеспечивают свидетельства Страбона, сохранившего предание, согласно которому в древности Атика называлась Иадой (Iada), а её обитатели носили название иаонов или аонийцев (Strab., IX, 1, 5; 2, 3). В своём рассказе о племенах Кавказа, античный географ связывал их с древнейшим населением Балканского полуострова. Так, например, в описании черноморского побережья Кавказа, наряду с рассказом о пиратстве местных племён ахейцев, зигов и гениохов, он информирует читателя, что расположенная в этих местах область Ахея получила своё название от имени фтиотийских ахейцев из войска Иасона, тогда как Гениохия, была названа по имени Гениоха — возницы Диоскуров, приведшего сюда лаконцев для поселения (Strabo., XI, 2, 12). И хотя вектор переселений тех и других у античного автора направлен из Средиземноморья к восточному побережью Понта Эвксинского, с учётом установленных к настоящему времени аббераций в общественном сознании населения Древней Греции, направление эллинских миграций следует воспринимать диаметрально противоположным образом.²⁰⁸ Именно на это обращали неоднократно внимание А. Л. Гиндин, А. И. Немировский, О. Н. Трубочёв, а в самое последнее время и В. Л. Цымбурский.²⁰⁹ В том же самом убеждают известия Страбона об Иберии и Армении, в которых присутствуют указания на фессалийское происхождение последней по имени спутника Иасона Армена (Strab., XI, 4, 7). По мнению античного географа, помимо этого, оба эти мифологических героя участвовали в колонизации Иберии, Албании и Мидии (Strabo., XI, 2, 15; 3, 6; , 4, 7; 8, 7). Но самое важное сообщение Страбона особенно при сопоставлении с данными Геродота, с нашей точки зрения, выглядит определяющим. Он указывает, что и тот и другой возглавляли племя энианов, которые, были выходцами из Фессалии и которые поселились в новых местах своего проживания над армянами (Strab., XI, 4, 14). Более того, он приводит весьма существенный аргумент, согласно которому фессалийская р. Пеней первоначально называлась Араксом, имя которой идентично названию кавказской реки (Strab., XI, 14, 13). То, что Страбон придерживался такого мнения, на наш взгляд, свидетельствует его сообщение о европейских энианах, проживавших во Фтиотиде и занимавших гору Эту (где по преданиям умер Геракл и откуда отправились Гераклиды возвращаясь в Пелопоннес), гранича с одной стороны, с эпикнемидскими локрами, а с другой, — с дорийцами (Strabo., IX, 4, 10).²¹⁰ Среди народов Кавказа Страбон упоминает и диких фракийцев-сарапаров, и мидийцев, и массагетов-рыбодов, и множество святилищ Иасона по всем этим местам. (Strab., XI, 4, 7). Уникальным по информативности следует рассматривать и заключительный вывод античного автора. «...Сопоставляя все эти известия, — пишет он, — выводят заключение о родстве мидян и армян в какой-то степени с фессалийцами и с потомками Иасона и Медеи» (Strab., XI, 14, 15).

Количество примеров, которые присутствуют в индийской и античной традициях, насколько можно было убедиться, так велико, что отложившиеся в ней данные (о родстве представителей Солнечной и Лунной династий, отнесение к одному и тому же этносу ведических ариев, что и бхараты, остальных племён, имеющих отношение к племенному союзу Риги, присутствие этнонимов и личных имён, встречающих родственные аналоги в греческих мифах, эпических поэмах Гомера и античной литературной традиции и др.) укрепляют в правомерности заключения, согласно которому тексты индийской традиции отображают ситуацию, характеризовавшую взаимоотношения племён как времени распада греко-арийской общности, так на путях их миграции в Иран и Северо-Западную Индию с последующей колонизацией районов, примыкавших к новым местам их обитания. Только с учётом данного обстоятельства, как нам представляется, могут быть поняты и интерпретированы те её рудиментарные отголоски, которые отложились в топо-гидронимии и ономастике Древней Малой Азии, Балканского полуострова и Италии.

Имеется и ещё один аспект, имеющий непосредственное отношение к выявляемым в древнеиндийской и античной традиции сходствам. В данном случае он связан с вызывающим соответствующую ассоциацию гомеровского определения галактофаги (γλακτοφάγοι), присутствующего в «Илиаде». Этот народ (или народы) наблюдал уставший от сражения под Троей Зевс. Блестящий анализ данного сюжета с помощью ювелирной методики источниковедения не так давно был продемонстрирован А. И. Иванчиком, по мнению которого, в эпической поэме речь ведётся как о блаженном народе, именуемом помимо названного ещё и абиями, так и о племенах к северо-востоку от Истра, причём, с точки зрения хронологии, по мнению исследователя, информация Гомера датируется временем накануне греческой колонизации Северного Причерноморья (VIII–VII вв. до н. э.).²¹¹ Рассматривая упоминания античной традиции, в сопоставлении, с одной стороны, о фракийцах и мисийцах, а с другой — о млекоедах, галактофагах и абиях, А. И. Иванчик приходит к заключению, согласно которому агавы, гиппемолги и абии (ἄγαυον, ἱππημόλγων, γλακτοφάγοι и ἄβιον δίκταλον) представляют собой два географически близких, но разных народа степных кочевников.²¹² Такая интерпретация, как нам представляется, в свете уже известных нам «перекличек» между персоналиями и сюжетами эпической поэзией Индии и Греции, может быть существенным образом переосмыслена. Вне зависимости от направления взгляда Зевса — на Восток или на Север — данная Гомером характеристика галактофагам, млекоедам и абиям, по нашему убеждению, вполне соответствует реалиям рисуемого Ригведой общества. А следовательно, вполне уместно допущение, согласно которому в «Илиаде» отложилось реальное, опирающееся на достаточно точные факты, знания архаических греков относительно этнической карты областей тогдашней их ойкумены, расположенных за Истром. Достаточно напомнить, что молоко

священной коровы выступало непреложным атрибутом привилегий как арийских богов, так и представителей варн дваждырождённых (RV. I, 23, 24, 43, 44, 73; IX, 33, 67; Законы Ману. V, 8–25). По мнению специалистов, именно в таком смысле следует трактовать свидетельства Гомера и Гесиода относительно абиев/габиев, поскольку, согласно Николаю Дамасскому, из племени галактофагов, называемых абиями, происходил Анахарсис. Как полагает А.И. Иванчик, если агавы — это переосмысление индоарийского мифа о молоке божественной коровы, потребители которого как раз и достигают статуса двух высших Варн, то абии — не что иное, как собирательный этноним и обозначение гипербореев (абии — галактофаги, агавы и гиппемолги).²¹³ К настоящему времени не составляет никаких сомнений прямая связь греческого γλακτοφάγοι — «млекоеды» с и.-е. обозначением молока (*melg/pelg, mleg/mlec) — словом, обладающим полисемантическим значением (в том числе и гриб млекоед), на основе которого и были созданы гомеровские определения северного блаженного народа. Последнее не кажется нам экстраординарным: название города Микены, как установлено к настоящему времени также происходит от mikos (гриб). Поэтому, если наши наблюдения верны, возникает резонное предположение о необходимости иной трактовки и этнонима mleccha в «Ригведе».

Такая постановка вопроса противоречит взглядам всех современных специалистов, и тем не менее она имеет право на существование.

Нашлось в Махабхарате и место для этрусков-расенов, точнее си gasepa, которые, когда matsya и casa отправились на Восток, мигрировали в диаметрально противоположном направлении — в местность Karapta, где и осели в долине р. Тиса (Tysa (Mhb., XIV, 38). Более того, во второй её песне данная информация получает существенное расширение. «Северные bhud, а также 18 других племён, — следует из текста, — бежали на Запад; туда же ушли си gasepa, sukutta, matsya» (Mhb., II, 13).²¹⁴ В правомерности подобной интерпретации взаимоотношений мигрантов-ариев и мигрантов — прагреков, соответственно, с доарийским и с догреческим субстратами — их предшественниками убеждают данные о народах, обитавших в Малой Азии, островах Эгеиды и на Балканском полуострове до прихода греков в произведениях греческих историков. В материковой Греции, согласно их данным, среди других наиболее многочисленными племенами являлись пеласги (pelasgoi/pelastoi) и лелеги (lelukka хеттских источников), куреты (kuru Ригведы и Махабхараты), молосцы (возможно, mleccha Ригведы и Махабхараты), тевкры (turvasa или Trksis Ригведы и Махабхараты), а также тирсены (си gasepa Ригведы и Махабхараты), последние из которых определялся в древнегреческих источниках как родственный этрускам народ пеласгов. Проживание пеласгов на территории Балканской Греции засвидетельствовано Гомером (например, в упоминании им Пеласгийского Аргоса) и Геродотом, считавшим данный этнос древнейшим на территории Аттики (Herod., I, 54). Если вспомнить определения догреческого населения этой области, дан-

ные Геродотом и Страбоном (иады = др. инд. *iadu* Ригведы и Махабхараты) и прибавить к этому мнение Фукидида, согласно которому тирренский язык в прошлом был языком древних Афин и что оттуда тирренцы были изгнаны на Лемнос (Геродот приписывает и первое и второе пеласгам), то из этого можно вывести наблюдение о зеркальном отражении в общественном сознании древних греков идентичного, отложившегося в Ригведе и Махабхарате, представления ведических ариев, как о родстве родов *Yadu* и *Tugvаса*, составлявших одно племя, так и союзных отношениях их представителей с вождями племени *su gasena*. Более того, однонаправленности их исхода из Северо-Западной Индии на Запад.²¹⁵ Может быть, здесь следует усматривать истоки той картины, которую античная традиция сохранила относительно состава древнейшего населения Македонии, Фессалии, Эпира Аттики, Арголиты и Аркадии. Каким образом носители сходной этнонимии достигли Балканского полуострова, опираясь только на свидетельства древнеиндийских и античных источников, при современном состоянии знаний представляется весьма сложной задачей. И причиной тому — специфика эпической поэзии Древней Индии, мифологические сюжеты в которой не излагались в линейной последовательности. Более того, составители Ригведы и Махабхараты, подобно своим греческим *vis-a-vie* со свидетельствами о Гиперборее и священных дарах в храм Аполлона на Делосе, представляя их в статичной репрезентации, упоминали о них как о чём-то известном.²¹⁶ Возможно, следует согласиться с теми исследователями, которые в рамках развиваемой ими (и совершенно иной) концепции, приходят к заключению, согласно которому обратный отток индоевропейского населения из Евразийской лесостепи и степи не оставил никаких следов. Такой же характер могло носить переселение отражённых в текстах Ригведы и Махабхараты побеждённых племён из Индии на Запад, если только в них речь не шла о разнотипных, разнородных и полиэтничных миграциях с территории общего очага проживания.²¹⁷ По всей видимости, такой характер был присущ процессу переселения в Грецию как праэллинов и народов составлявших с ними общий поток европейским путём (через Подунавье), так и праэллино-фрако-этрusco-фригийцев через Малую Азию азиатским путём в Индию, на Балканы и в Италию. О такой перспективе, если внимательно присмотреться к рассуждениям об аборигинах, сообщает Дионисий Галикарнасский: «Говорят, первое название аборигинам было дано потому, что *они породили тех, кто жил после них*, так что мы могли бы назвать их родоначальниками или прародителями. Другие же утверждают, что *какие-то бездомные скитальцы, собравшиеся из разных весей*, по воле божества, *встретились друг с другом именно в этом месте*... Оказывается, что племя аборигинов несколько не отличается от тех, кого древние называют лелегами (le lukka хеттских источников — Н.П.); ибо они (речь идёт о предшественниках Дионисия — Н.П.) *в большинстве случаев давали наименование аборигинов бездомным, полукровкам и не проживавшим ни в какой земле*

постоянно...» (*Dion. Hal., I, 10*). Если принять во внимание эллинское происхождение аборигинов и энотров, которым их наделяет античный автор, а также его утверждение о неизвестности ему более ранних, чем аборигины и энотры, переселений в Италию (*Dion. Hal., I, 13*), то становится очевидной заключённая как в труде Дионисия, так и исходящая из мифов греков взаимосвязь отложившихся в источниках разного вида представлений о практике смешанного характера потоков переселенцев, в каком бы направлении они не перемещались, с одной стороны, и взаимодополняемость их, с другой. Примечательна оценка Дионисия, данная им энотрам. Он пишет, «...это были сами эллины, населявшие некогда Ахайю и переселившиеся оттуда за много поколений до Троянской войны (за 16, тогда как сам Энотр, являясь 5-ым царём, за 17 поколений, т.е. примерно, в 1977 г. до н.э.). Наконец, в подтверждение развиваемого тезиса можно сослаться на информацию того же автора, согласно которой аборигины, лигуры, какие-то эллины и лелеги как пришельцы из разных мест, уже проживали на территории Италии ко времени прихода сюда этрусков, что можно рассматривать и в качестве подтверждения отстаиваемой нами мысли, и в качестве информации, объясняющей языковую близость этрусков как с эллинами, ликийцами, так и с кельтами (*Dion. Hal., I, 10–11, 13, 17, 20*).²¹⁸ Подтверждением указанной ситуации является информация отложившаяся в труде Страбона. В описании Италии он упоминает приток Тибра реку Нар, которая впадает в него у г. Интеррамна по дороге в Аримину (*Strab., V, 2, 9*). Сходная типологическая картина зафиксирована в библейской «Таблице народов» (Быт., 10, 2), из которой следует, что народ *tyras* (тирсены) является северным соседом *yavana* (ионийцев), *tubal* (?) и *meshech* (мосхов-фригийцев) и южным — ликийцев.²¹⁹ Если это сопоставить это с точкой зрения Геродота, размещавшего тирсенов в Южной Халкидике и Македонии (*Herod., I, 87*), то полиэтнический, несходный по избранному пути движения в новые места поселения родственных между собой племён из первоначального очага обитания опирается на довольно прочный и устойчивый постулат, выработанный в античной традиции относительно оценки характера миграций эпохи древности.

Подводя итоги, хотелось бы высказать несколько заботящих автора соображений. Специалистам работающим над сходной проблематикой хорошо известны, по меньшей мере, три опасности, поджидающие учёного, сопоставляющего данные разнотипных источников: 1. поиск прародины индоевропейцев «по месту жительства»; 2. забвение правила, согласно которому фонетическое сходство ещё не есть сходство грамматическое (а следовательно и историческое); 3. неправильная трактовка имеющих место лингвистических и археологических заключений относительно рассматриваемой тематики и её воздействие на существующие исторические оценки. В отношении последнего аспекта весьма предметно высказался Э.В. Грантовский. Имея в виду обобщающий труд Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова

он писал: «Они не дают аргументации положения о времени распада арийского единства, основанных на историко-лингвистических данных. Вместо этого, они предпочитают сослаться на одно из мнений, высказанных в связи с археологическими материалами. Этот случай принадлежит к той распространённой, но явно неприемлемой практике сопоставления языковых и археологических данных, при которой оно сводится к ссылкам на выводы представителей смежных дисциплин, представляющимися подходящими к собственным взглядам, без обращения к тому, что лежит в основе таких выводов. При этом случается так, что археолог опирается на какую-либо из существующих лингвистических гипотез, внешне...как бы совпадающую с его мнениями, но по сути лежащих в её основе положений несовместимую с выводами и аргументацией данного учёного. И напротив, лингвист в поддержку своих взглядов порой ссылается на отождествление отдельных этнических групп с археологическими культурами, которые по самим археологическим данным имеют иное происхождение, не сочетающееся с его собственными лингвистическими выводами, или постулируемые по археологическим материалам миграции, которые предполагаются по основаниям, несовместимым с мнениями того же исследователя либо с существующими историко-лингвистическими данными вообще».²²⁰

Надеемся, что хотя бы в отдельных случаях автору данного труда удалось избежать перечисленных выше ошибок. Такое убеждение основывается прежде всего на том, что он не ставил перед собой задачу разрешения глобальной и чрезвычайно сложной, требующей соответствующих знаний, умений и навыков проблемы. Нет, свою задачу он формулировал много скромнее: обратить внимание научной общественности на скрытые, закодированные и не востребованные наукой познавательные возможности информационных полей древнеиндийской и античной традиций относительно происхождения, былого родства, путей этнического наполнения миграционных волн индоевропейских племён, прокатившихся во II тыс. до н. э. по Евро-Азии. Что касается конкретных заключений, то они таковы.

Схождение археологических, глоттохронологических и генеалогических датировок исхода носителей великих степных культурных общностей и их появления в Индию, Грецию и Италию; расширение специалистами хронологии и информационного поля эпических поэм Древней Индии и Греции до единого промежутка времени, определяемого 1700/1600 — 1100/1050 гг. до н. э. относительно событий миграции и этно-топономастических рядов; совпадения, выявленные в генеалогических хронологиях древнеиндийской и античной традиции с использованием временного промежутка жизни одного поколения по Геродоту (33, 5 лет); выявление следов полиэтнического состава переселенцев, отображённого в письменных и археологических источниках, топономастике, место занимаемое богом Дионисом в тернарных группах богов от Индии до Италии и многое другое ставит вопрос о восхождении перечисленных реалий к общему источнику.²²¹ В качестве

такового, как нам представляется, следует рассматривать культуры степных общностей Днепро-Волжского Междуречья Восточной Европы, пересечение занимаемых которыми ареалов происходило по р. Дон как осевой линии этно-культурных контактов, последующего разделения Греко-индоиранской общности и нескольких, последовавших вслед за этим, разновременных и полиэтнических по своему составу, волн их миграций за пределы бывлой прародины.

И ещё одно обстоятельство должно быть рассмотрено в связи с вопросом о достоверности реконструируемой нами исторической картины.

Существует мнение, что Евразия античной традиции находится всегда в рамках мнимых географических реальностей и границ.²²² По мнению А. В. Подосинова, такую характеристику можно распространить как на определение территории проживания скифов, которые мыслились в том числе и соседями индийцев, так и на идентификацию большинства (кроме главных), протекающих по ней рек, например, Лика, Оара, Сиргиса, текущих по Геродоту через земли меотов в Азовское море.²²³ Причина проста и потому понятна: в познаниях об их истоках в античности не было ясности.²²⁴

Полученные нами данные позволяют скорректировать заключение известного специалиста. «Мнимые реальности», по нашему глубокому убеждению, выглядят «мнимыми» потому, что в известиях античных авторов отложилась тысячелетняя информация о племенах и народах, с которыми эллины и племена Италии контактировали как до, так и после своего переселения со своих прародин в новые места обитания. Причём, она неоднократно подвергалась переосмыслению с точки зрения новых исторических реалий, сохраняя, тем не менее, достоверные факты, хотя и в сильно закодированном виде. Присутствующие в ней, достаточно часто пересекающиеся (и покрывающие) друг друга разновременные пласты и создают впечатление искусственности, недостоверности и ошибочности свидетельств, передаваемых в произведениях античных авторов. Когда же дело доходит до сопоставления как отдельных фактов, так и более пространных реалий в виде устойчивых сходств языка, религиозных представлений, топо-гидронимии, ономастики, этнонимии и имён богов и героев-эпонимов, рассредоточенных в пределах огромной, казалось бы, протяжённости, ареала — степь и лесостепь Евразии-Китай-Индия-Иран-Малая Азия-Эгеида-Балканы и Аппенины — становится понятными общие истоки происхождения тех племён индоевропейской общности, которые, как показывают данные хронологии, на рубеже III–II тыс. до н. э. вынуждены были покинуть свою первоначальную прародину, и мигрируя, конвергируя, ассимилируя и ассимилируясь по пути разного типа передвижений обосновываться в новых местах проживания, неизменно напомиравших покинутые очаги бывлых мест проживания.²²⁵ Такой приблизительно, характер, как нам представляется, имел распад между племенами греко-индоиранской общности в степи и лесостепи Восточной Европы,

следствием чего стало распространение некогда родственных в социокультурном (и языковом) отношении этносов на Восток, Юг, Запад и Юго-Запад — распространение, продолжавшееся с перерывами, практически, на протяжении всего II тыс. до н. э. и имевшее своим следствием формирование карт Древнего Востока и Античной Европы, какими бы условными не выступали данные понятия.²²⁶

Своего рассмотрения требует и один из важнейших аспектов, имеющий отношение к антропологической характеристике (и представлениях о ней) у древних греков. Изучение произведений крито-микенской живописи обратило внимание специалистов на присутствие в ней мужских и женских персонажей, отличительной особенностью которых выступали рыжевато-коричневые волосы и голубые глаза. То же самое было выявлено и при изучении языка гомеровских поэм, в первую очередь «Илиады», в которой её герои и героини определяются словом ξάνθος, т. е. рыжеволосыми, или точнее, рыжекудрыми (златокудрая Елена, рыжекудрые Менелай и Одиссей).²²⁷ Длительное время считалось, что ξάνθος выступает в качестве тропа для обозначения «золотистости», которая, в свою очередь, являлась своеобразным маркером героического или божественного статуса.²²⁸ Специальные исследования, произведённые биологами, однако, показали, что ген, ответственный за соломенный, светлый цвет волос присутствовал не только в остеологическом материале, но и, как засвидетельствовано представлениями о преимущественной рыжеволосости богов Олимпийского пантеона²²⁹, этот цвет пользовался признанием в среде греческой аристократии.²³⁰ Если учесть, что такой ген по анализам ДНК восходит к древнейшему населению областей к северу от Чёрного моря, то предположение о нахождении очага происхождения праэллинов в лесостепи и степи Восточной Европы приобретает дополнительную прочность.

Произведённые нами наблюдения, позволяют сформулировать тезис о необходимости пересмотра содержания как самой информации, отложившейся в античной традиции, так и результатов её интерпретации, предложенных ранее. Удивительная близость топонимстики, этнонимии, сюжетов мифологии и фольклора, сходство персонажей религиозного пантеона, выявление тождеств форм политогенеза и социально-политической организации общества, одинаковое место города в социально-экономической структуре Древней Индии, Малой Азии, Греции и Италии, наконец, само родство языков и основных его понятий — всё это вместе взятое диктует настоятельную необходимость как обоснования качественно новых оценок, так и исторического объяснения всех перечисленных аспектов.

В первую очередь решение такой задачи должно распространяться на концепцию «арии/эллыны-варвары», нашедшую отражение в текстах великих эпических поэм Древней Индии и свидетельствах античной традиции, а также на переоценку сущности взглядов, с одной стороны, на процесс

заселения Балканского и Аппенинского полуостровов мигрантами из Европы и Малой Азии в начале II тыс. до н. э., а с другой — о взаимоотношениях пришельцев с автохтонным населением Индостана и «Средиземноморского треугольника».

Данная потребность особенно актуализируется пересмотром взглядов на природу Индской цивилизации, предшествовавшей появлению ригведийских ариев. Мнение о том, что она представляет собой одну из древнейших письменных цивилизаций, а следовательно олицетворяет собой раннеклассовое общество, развивающееся в рамках бюрократической государственности к настоящему времени отвергнуто. Протоиндское письмо и письменность населения — носителя культур Мохенджо-Даро и Хараппы рассматриваются теперь в качестве знаковых систем, выполнявших экономические, политические, социальные и религиозные функции, посредством которых они выступали уникальным и универсальным средством обеспечения взаимоотношений между полиэтническим племенным миром населения Индостана, его ближними и дальними соседями в середине III — начале II тыс. до н. э.²³¹ В контексте исследуемой нами проблемы особое значение приобретает достигнутая специалистами в ходе указанных исследований констатация факта, согласно которому комбинации знаков табличек Хараппы как символическая система, напоминая современный искусственный язык эсперанто, могли обслуживать в то время самые различные этно-лингвистические общности и субстраты.²³² Последнее, как нам представляется, напоминает ситуации *diglossoi*, зафиксированные Геродотом для г. Гелона в стране будинов и Фукидидом относительно взаимодействия пришлых эллинских племён с аборигенами-пеласгами. Однако самое важное открытие современной науки состоит в том, что указанные системы протописьменности такого типа (как и алфавитное письмо) возникли в Юго-Восточной Европе (западная граница — культура Винча-Кастри)²³³ и предшествовали знаковому письму Индской цивилизации в течение нескольких тысячелетий.²³⁴ С учётом имеющихся мнений относительно общности знаковой системы протописьменности от Балкан до Китая (и даже Японии), последствия чего проявились в близости этногонических мифологических представлений (в частности, о рождении Солнца) на широких просторах Евро-Азии, предположение о первоначальном очаге исхода полиэтнических массивов населения в Грецию, Иран и Индию после разделения греко-арийской общности выглядит уже не столь фантастичным как могло показаться на первый взгляд. Более того, становится понятным, что недостающие звенья ведической информации по этногенезу, во всяком случае, индо-иранцев, эллинов и этрусков содержатся в россыпях свидетельств греческих мифов и античной традиции. При этом каждое из них способно к воспроизведению закодированной в них исторической информации при условии их рассмотрения в конкретном контексте.

Возможность декодирования информации источников с целью реконструкции этногенетических истоков как древних эллинов так и ведийских ариев, включая сюда фракийцев, иранцев, фригийцев и других древних индоевропейских племён, расселившихся в новые места своего проживания с общей прародины, таким образом, не выглядит вовсе невероятной. Подводя итоги исследованию сходной проблемы, В. Л. Цымбурский указывал на правдоподобность поиска прародины древних эллинов в Северном Причерноморье высказывал мысль, согласно которой её надо локализовать именно «...на месте континентальных степных протяжённостей Северного Причерноморья, изобилующих гидронимами на основы *danu- тех самых, откуда...предки-прагреки несколькими веками ранее унесли величальное имя «данайцев...».

«Не различить ли, — ставил вопрос безвременно умерший учёный, — в греческой колонизации Северного Причерноморья — второго [после Трои — Н. П.], уже вполне бессознательного этапа той же реконкисты с выдвижением греков на земли «настоящей прародины» и восстановлением здесь греко-иранского, а если поверить причерноморской Indo-arice О. Н. Трубачёва, то и греко-индоарийского общения?»²³⁵

Примечания

1 Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 2001. С. 177; Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1989. P. 276.

2 Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006. С. 444;

3 Писаревский Н. П. Гелоны Геродота: этнос, социум или фикция античного историка // Этнография Центрального Черноземья России. 2006. Вып. 5. С. 4–15; Он же. О локализации Гелона (К интерпретации Herod., IV, 24, 108–109) // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 72–85; Он же. Этно-социогеография страны будинов (К интерпретации Herod., IV, 20, 100–102, 105, 107–109, 119, 125) // Вестник ВГУ. 2007. С. 72–89; Он же. «Празднество в честь Диониса» у населения г. Гелона, что в стране будинов вверх по Танаису (К интерпретации Herod., IV, 108) // Этнография Центрального Черноземья России. 2007. Вып. 6. С. 5–26; Он же. Данайцы, гиксосы и «исконные эллины» города Гелона в стране будинов (К интерпретации Herod., IV, 108–109) // Этнография Центрального Черноземья России. 2008. Вып. 7. С. 5–23 и др.

4 5 Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

6 Блаватская Т. В. Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // СА. 1986. № 4. С. 25–28; Гиндин Л. А. Членение скифских племён по данным лингво-филологического анализа (Геродот. Кн. IV.) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М., 1984. С. 37–42; Русяева А. С. Проникновение эллинов на территорию украинской Лесостепи в архаическое время. // ВДИ. 1999. № 4. С. 90–92.

- ⁷ Наиболее яркий пример — Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- ⁸ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982.
- ⁹ Петров В. П. Скифи. Мова і етнос. Київ, 1968.
- ¹⁰ Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну I класичну епохи? // Археологія. 1947. Т. 1. С. 23–38; Он же. Скифы. М., 1971; Тереножкин А. И., Ильинская В. А. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983; Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 73–95; Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 156–163.
- ¹¹ Кулишова А. В. Священные дары в Дельфы: современные интерпретации роли и значения посвящений // ВДИ. 2008. № 3. С. 144–151.
- ¹² Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965; Он же. К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. М., 1977. С. 100–104.
- ¹³ Молев Е. А. Эллыны и варвары на северной окраине античного мира. М., 2003. С. 12.
- ¹⁴ В указанном отношении весьма симптоматичным представляется этимология этнонима «будины» и, очевидно, политонима «гелоны», восходящих к и.-е. основам. Первый к *bghu-/*bgho- или к budhnja/*bu-dun (человек), второй — к исконно европейской этимологии названия золота, отобразившегося в и.-е. основе *ghel-en-io, на основе которой было образовано его индо-иранское название *zharanya, кстати, зафиксированного Геродотом и другими античными авторами в качестве цели набегов кочевников. См.: Огибенин В. Л. Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции и.-е. поэтического языка // Этимология 1971. М., 1973. С. 317; Трубачёв О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 14; Топоров В. Н. Pithon, Ahi Budhnya, Бадьяк и др. // Этимология 1974. М., 1975. С. 36–38; Он же. Ахи Будхнья // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 137. Возможно, что название будины связано и с понятием *bhuta-natha/*buta-nata (повелители духов). См.: Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 232. Имеются и альтернативные толкования. В частности, Э. А. Грантовский считал необходимым связывать данный этноним с иранск. Boudinoi (из и.-е. *bhudh-, др.-инд. budhnja — одно из 6 мидийских племён). См.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970. С. 66. Альтернативную трактовку этнонима «гелоны» и названия их города, как нам представляется, можно вывести из фактов, представленных в самое последнее время В. Л. Цымбурским. В анализе этнонима ликийцев (греч. Kilikes, ассир. hilaka/hilaku, через и.-е. основу *hil (a) и хетт. hila (двор), ликийское q̄la) им приведены ряды слов, позволяющие сделать предположение о близости этнонима и политонима Геродота понятиям, нашедшим отражение в языке ликийцев. Уместно в данном случае вспомнить, что по Страбону древнейшее святилище Аполлона в Троаде располагалось у г. Кила, название которого вполне соответствует и хетт. Hila, и лик. Q̄la, и греч. Gla, обладающих одним значением «храм, святилище». Самое же интересное заключается в том, что упоминаемая Геродотом и эпиграфическим источником священная роща Гилея (hylaia), как

нетрудно убедиться относится к названиям такого же порядка, которые нашли отображение и в ономастике — древнеанатолийских (ликийских) именах *hilya*, *hilani*. См.: Цымбурский В. Л. Этно-и лингвогенез как преломление индоевропейской проблемы // ВЯ. 2003. № 3. С. 5–8;

¹⁵ Следует отметить, что достаточно давно установлено, что часто встречающиеся в выражениях у Геродота *logos*, *legousi*, *legetai* не всегда указывают на устную традицию, но включают в себя и письменные источники. См.: Jacoby F. *Herodotos* // PWRE. Suppl. II. Coll. 205–520; Жебелёв С. А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 311–314; Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М., 1981. С. 16. Более того, к настоящему времени достигнуто понимание, что античный автор во всех случаях предпринятого им исследования следовал правилу использования всей совокупности используемых им источников, т. е. согласно обычной своей практике объединял информацию фольклорного рассказа с данными, почерпнутыми в трудах своих предшественников, своими собственными наблюдениями, умозаключениями и учёными экскурсами. См.: Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.-Берлин, 2005. С. 193.

¹⁶ Медведев А. П. Исследования по археологии. С. 83; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 83; Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древние государства Восточной Европы. Материалы и исследования. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 282. Из новейшей литературы см.: Hoot J. *Herodotus and Greek history*. London, 1984. P. 179 (о *logosax*); Vandiver E. *Geroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History*. Francfurt am Main, 1991; Payer P. *Comment resistor's a la conquete: temps, espase et recit chez Herodote* // *Revue de Etudes Greques*. 1995. P. 108, 308–338; Pritchett W. K. *The liar school of Herodotus*. Amsterdam, 1993. P. 49; Thomas R. *Herodotus in Context Etnography, Science and the Art of Persuation*. Cambridge, 2000. P. 199; Bichler R., Rollinger R. *Herodot. Hildesheim-Zurich-New-York*, 2000. P. 163; Alonso-Nuaes J. *Herodotus and his World*. Oxford, 2003. P. 145–152; Из отечественных работ последнего времени см.: Суриков И. Е. «Несвоевременный Геродот (эпический прозаик между логографами и Фукидидом // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151. (о влиянии на «отца истории» эпической поэзии — С. 148).

¹⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1924

¹⁸ Мачинский Д. А. М. И. Ростовцев и Геродот // http://annals.xlegio.ru/life/skif_bos.htm

¹⁹ Hoot J. *Herodotus and Greek history*. London, 1984. P. 179; Payer P. *Comment resistor's a la conquete: temps, espase et recit chez Herodote* // *Revue de Etudes greques*. 1995. P. 108, 308–338; Кулишова А. В. Священные дары в Дельфы: современные интерпретации роли и значения посвящений // ВДИ. 2008. № 3. С. 144–151. Более того, исследования, предпринятые в самое последнее время имели своим результатом установление хорошего знакомства Геродота документальной литературой (хрониками и инвентарными списками), фрагментами трудов логографов (в том числе и не сохранившихся до нашего времени), множественными священными историями и историями отдельных местностей, причём, те из них, которые упоминаются «отцом истории» в сопровождении глагола *akoio* и считающиеся специалистами

«устными», на самом деле, как убедительно доказано, на самом деле относятся по своему типу к письменным источникам. Тот факт, что Геродот располагал и значительным фактическим материалом, что он никогда не давал случайных определений древним этносам, географическим и историческим фактам как раз и выступает основанием для утверждения, согласно которому Геродот сообщает только то, что он лично узнал и критически обработал. См.: Немировский А. И. Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 19; Чепель Д. С. Kroisos-Logos в «Истории» Геродота (I, 6–94): к вопросу об историографической концепции и источниках у Геродота // Индоевропейское языкознание и классическая филология. М., 2007. С. 324–325.

²⁰ Круглов Е. А. Аристей, Геродот и автохтоны Урала (<http://www.edu.ru/kruglov/article.html>).

²¹ От *archaioi* (arch). При этом требует объяснения не столько филологическая, сколько историческая, информативная в последнем отношении, сторона вопроса. Нетрудно заметить, что в самом сообщении Геродота о жителях г. Гелона и определил их эллинского происхождения, «отец истории» находит свои соображения в объяснении встреченного им феномена. Он пишет, что эти «исконные эллины» были выселенцами из южных понтийских эмпориев, ни одного из которых он не называет. Казалось бы этим обстоятельством и снимается сама необходимость поиска исторических корней «исконных эллинов», проживавших вверх по Танаису выше участка савроматов. Однако не всё так просто. Ещё в конце 50-х гг. прошлого века поиском решения данной проблемы занималась Т. В. Блаватская, связавшая отсутствие упоминаний о Боспоре с направлениями афинской внешней политики. Она находила возможным трактовать лакуну в известиях Геродота напряжёнными между Боспором и Афинами отношениями. См.: Блаватская Т. В. К вопросу о боспоро-афинских отношениях во второй половине V в. до н. э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 195–204. Сравнительно недавно, в пользу приблизительно аналогичного решения проблемы высказались Г. А. Кошеленко и Е. В. Молев, предложившие сходные, но разноаспектные аргументы. См.: Кошеленко Г. А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. Итоги исследований 1996–1997. М., 1999. С. 141. Альтернативные оценки опирались на комплекс историко-филологических и источниковедческих наблюдений. В последнем отношении Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский высказали мысль, согласно которой «историческая память имеет весьма сложную структуру, возможно, включающую и такие слои, в реальном содержании которых сам народ едва ли вполне отдаёт себе отчёт». По их мысли, реконструируя раннюю историю греков по прямым показаниям их фольклорной традиции, мы вряд ли продвинемся глубже фессалийского периода. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 34–35. К решению нашей проблемы данный вывод имеет прямое отношение. Представляется, что определение южнопонтийского происхождения периферийных эллинов по Танаису являлось следствием поиска Геродотом объяснения, опиравшегося на господствующие в его время представления «о скифах и живущих среди них эллинах». Второе наблюдение было сделано относительно характера фиксации исторической информации в нарративах античных авторов. По мнению сторонников синергетического подхода к исследованию природы письменных текстов, в них отражаются мир представлений индивида — его автора, реализующего через текст нарратива представления, сложившиеся в общественном сознании. Более того, само формирование последнего, пройдя через три стадии (уро-

вень события, уровень истории и уровень наррации) порождает модель нарративного конструирования, представляющей повествование как отбор отдельных элементов и их свойств, осуществляемый на основе смысловой линии автора-нарратора. См.: Шмид В. Нарративные уровни «события», «история», «наррация» и «презентация «наррации» // Общие вопросы строения художественного текста. СПб., 2002. С. 25. Такая оценка применима и к Геродоту — основоположнику художественно-исторического направления античной историографии. См.: Немировский А. И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 50, 71–72. Именно в рамках поэтического переосмысления фактов «отцом истории» следует объяснять как сам интерес его к мифологии и фольклорной традиции древних народов, так и неизбежные при такой целевой установке случаи осовременивания им далёких исторических событий — прямого следствия его проафинской политической ориентации. Во всяком случае, тот факт, что помимо Ольвии он не называет ни одного понтийского полиса нам представляется весьма и весьма симптоматичным: он позволяет сузить круг источников Геродота до Ольвии и её эмпория Борисфена. См.: Паркер В. О чём умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4. С. 98.

²² Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. 1. Leipzig, 1884–1890. S. 477–486.

²³ Более подробно см.: Дарчиев А. В. Рождение громовержца. К интерпретации сообщения Приска о священном мече скифов // <http://www.oset/dartciev/html>

²⁴ Pape M. Griechisch-Deutsches Bandwörterbuch in drei banden. Braunschweig, 1908. Coll. 366–367; Lübker F. Reallexikon des Klassischen Altertums. Leipzig-Berlin, 1914. S. 95–96; Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la Langue Grecque. T. 1. Coll. 119–120; Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Coll. 158.

²⁵ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги IV–VII. Греческая мифология / Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии О. П. Цыбенко. СПб., 2005. С. 10, 68, 136.

²⁶ Гипотетичная по своему содержанию гипотезу, рациональным зерном которой мы рассматриваем саму привязку странствий Геракла по той стране, которая, как указано Геродотом, впоследствии стала называться Скифией, ко II тыс. до н. э., была высказана Ю. А. Шиловым в отношении Бельского городища в Полтавской области, в обосновании рассмотрения которого в качестве геродотова Гелона, правда, для I тыс. до н. э. соответствующая археологическая аргументация была представлена Б. А. Шрамко и его последователями. К сожалению, приводимой и теми и другими аргументации недостаточно. Вместе с тем, с учётом этимологии имён древнейших мифологических персонажей, так или иначе связанных с Троей — Ила, Эака, Лаомедонта — сама постановка Ю. А. Шиловым с хронологической точки зрения является весьма и весьма симптоматичной, знаменуя собой поворот вектора внимания к области отложенности представлений о своём происхождении и древнейшей истории в общественном сознании эллинов эпохи архаики и классики. См.: Шилов Ю. А. Троя-Илион и этногенез славян // pdf <http://rusrespublic.ru/>

²⁷ Ракурс восприятия и оценки информативности античной традиции о номадах Северного Причерноморья накануне колонизации — ракурс поиска истины в плане обнаружения начал идеализации скифов посредством скрупулёзного анализа аутентичных текстов произведений античных авторов, начиная с Гомера.

Задача им поставленная, как нам представляется, в целом решена: представлена «железная» аргументация относительно многообразия и независимости друг от друга источников античной традиции о номадах и вместе с тем её преимущество. В то же самое время именно по этой причине автор упустил из внимания саму возможность отображения в ней древнейших, почти стёртых в общественном сознании, отложившихся на уровне археологии и топонимастики, представлений о былой общности греков, мидийцев, фракийцев, этрусков, сикелов, римлян и носителей индоиранских пастушеско-скотоводческих культур. См.: Писаревский Н. П. Этно-социогеография страны будинов (к интерпретации Herodot., IV, 20, 100–102., 105, 107–109, 119, 125) // Вестник ВГУ. Сер. История, политология социология. 2007. № 1. С. 72–89.

²⁸ Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература, история. М.-Берлин, 2005. С. 56.

²⁹ Там же. См. также: Edwards A. T. Achilles in the Underworld. Iliad, Odyssey and Aethiopis // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1985. Vol. 26. P. 19–33; Idem. Homeric Style and Oral Poetics // A New Companion to Homer / Ed by I. Morris, B. Powell (Mnemosine. 1997. Suppl. 163.). P. 272–277.

³⁰ Иванчик А. И. Накануне колонизации. С. 57.

³¹ Там же. С. 58. Ср.: Schmidt M. Denos // Lexicon des frugriechischen Epos, herausgegeben von B. Snel, N. Erbse. Bd. 2. Göttingen, 1991. S. 275–278; Jennings W. Les Lyciens dans l'Iliade: sur les traces de Pandaros // Questiones Homericae. Acta Colloquii Namurcensis / Ed by L. Isibaert, R. Lebrun. Luvain-Namur, 1999. P. 119–147; Gindin L. A. Troja, Thrakien und die Volker Altkleinasiens. Versuch einer historisch-philologischen Untersuchung. Innsbruck, 1999. S. 198–200.

³² Там же. С. 59; Jennings W. Op. cit. P. 147. В отношении Тегей, Скотуссы и Эпидавра в текстах античных авторов выявлены синонимичные понятию *polis* определения: *ekklesia*, *demos*, *halia*. См.: An Inventory of Archaic and Classical Poleis. P. 40, point 5.

³³ Помимо всего остального, текст Геродота представляет собой эпическую формулу, дополненную логикой мифографического объяснения происхождения названий греческих колоний античными авторами (эпоним+народ=этноним и название поселения). См.: Fehling D. Herodotus and his "Sources". Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989. P. 33–38.

³⁴ Данный аспект — совершенно особая тема, рассмотрение которой является актуальной задачей дальнейших исследований. Поэтому, позволим себе остановить внимание только на одном, но приобретающем особый смысл со всех точек зрения, факте. В 1993 г. в Фивах было обнаружено 250 табличек XVI в. до н. э., среди которых две представляют интерес с точки зрения возможного восхождения сведений Геродота о г. Гелон к языку населения г. Фивы. Это — табличка Th Ft 140, в которой упоминается название города совпадающего по всем своим параметрам с названием Геродотового Гелона — *Ge-lo-ni*, причём, в качестве поселения, находящегося где-то на севере Греции. Отмеченное сходство названий в греческом языке, равно как и упоминание Страбоном г. Гал на побережье локров, населением которого были фтиотийцы-ахейцы-мирмидоняне, больше того, совпадение архитектуры обустройства городища Гла с Аркаимом на Южном Урале, равно как и сходство погребальных обрядов населениях двух удалённых друг от друга обла-

стей, как нам представляется, диктует совсем иное направление поиска, чем это имело место до настоящего времени.

³⁵ Современные специалисты относят время распада индо-иранской общности к XIX–XVIII вв. до н. э., хотя некоторые из них допускают продолжение её существования в рамках единства с племенами греко-фрако-фригийской общности в певых веках II тыс. до н. э. См.: Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 68; Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / *пер. с англ. и примеч. Акад. И. М. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 70; Kamerkar M., Dhundisha S. From Iranian Plateau to the Shores of Gujarat: The Story of Parsi Settlements and Absorbition in India. Bombay, 2002. P. 3–5; Mistree Rhojeste P. Who the Zoroastrians A Zoroastrian Studies Publication, K. R. Cama Oriental Institute Bldg. Mumbai, 2005. P. 2; Encarta. Электронная энциклопедия. Encwish@microsoft.com 2006. (WA98052–6399).

³⁶ Веллас Г. Я., Писаревский Н. П. Скотоводы степи и лесостепи Восточной Европы, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 1991. Это поразительное сходство покрывают и племена будинов, и население г. Гелона. В 7 мандале Ригведы (гимны 18, 33, 83, 4–8) в рассказе о битве 10 царей упомянуты не только alinas (эллины), bhrigus (фригийцы/бриги), bhalanas (гелоны), dasa (?), parsu (персы), anu (аоны/хаоны), matsya (?), находящие многочисленные аналогии в мифологической этнонимии древних греков. См.: Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы. М., 1999. С. 223–226. Более того, по определению В. А. Десницкой этнонимия указанных племён, отражая процесс ассимиляции волн палатальных в языках индоевропейцев позволяет гипотетически восстановить области распространения аспирированных смычных, в особенности *bh, *dh, *gh, совпадающих с ареалом зон распространения областей и направлений миграций племён времени греко-арийского языкового и культурного единства. Примечательно, что радиусы последних совпадают с теми, которые установлены в археологии. Из этого становится понятной не случайность многочисленных совпадений ономастики, топонимии и гидронимии в мифах древних индийцев, древних греков и римлян, причём первые, если разобраться, показывают свой более древний характер и служат объяснениями родословных греческих, этрусских и римских эпонимов. См.: Писаревский Н. П. «Исконные эллины» деревянного города Гелон в стране будинов (к интерпретации Herod., IV, 108–109) // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж, 2006. С. 168–183.

³⁷ Romm J. Herodotus. New Haven, 1998. P. 56–58. Это — единственная, присутствующая в описании Геродотом Скифии, дата. Установлено, что, как и в отношении хронологии времени правления ассирийского царя Нина, «отец истории», как и его предшественники и последователи, опирался на т. н. генеалогические даты, которые являются более точными, чем, скажем, относительные даты археологии. См.: Немировский А. А. Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады // Studia Historica. 2003. Vol. III. С. 3, -18; По мнению А. А. Немировского, поскольку элементы сюжетного ядра мифов и эпоса остаются неизменными, то понимание природы исторического эпоса как основного событийного каркаса исторического в своих главных чертах (с поправкой на позднейшие напластования) есть представление о нём, как о добротном историческом источнике. С точки зрения точной и долговременной передачи в устной традиции исторических и генеалогических реалий, греческие предания с разницей буквально

в десятилетие соответствуют реальной истории. См.: Немировский А. А. У истоков древнееврейского этногенеза: Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001. С. 9–19, 21, прим. 36, 23, 26; В таком же ключе высказывается и В Паркер, указывающий, что среди правил одно из самых важнейших для историка античности выступает то, что доверять ранним источникам надо больше, чем поздним и полагаться таким образом с большей уверенностью на самый приближённый к описываемым событиям источник. См.: Паркер В. О чём умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4. С. 93; Vanschoonwinkel J. *L'Egee et la Mediterranee Orientale a la fin du IIe millenaire. Temoignages archeologiques et sources ecrites*. Louvain-la-Neuve, 1991. P. 35–38.

³⁸ Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 102–112. Относительно зафиксированного Геродотом тысячелетия скифской истории и того, что их народ моложе всех в специальной литературе существует гиперкритические оценки. Причина проста: соотнося свои взгляды источниковедческими оценками имевших место упоминаний античными авторами споров между египтянами и скифами относительно их старшинства и опираясь, как им кажется, на незыблемые данные археологии о времени первого появления скифов в Северном Причерноморье, считается, что время 1590–1550 гг., на которое намекает «отец истории» является нереальным. Между тем, если допустить, что фраза «моложе всех» ориентирована не на египтян, а на соседей скифов в Лесостепи, что вполне позволительно с позиций умеренно критического подхода, то появляется основа для понимания того, что они, как пришельцы, являлись более молодыми, чем местные автохтоны, т. е. агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены, будины, гелоны, фиссагеты и массагеты. Иными словами и в этом случае становится понятным, что Геродот рикогда не давал древним этносам случайных определений. См.; Иванчик А. И. Накануне колонизации. С. 190–244; Круглов Е. А. Аристей, Геродот и автохтоны Урала: этногенетический аспект; Зданович Г. Б., Петров Ф. Н. Исследования прошлого в поисках будущего (http://www.sva-slava.ru/nasledie_pamjatniki/issledovania_proshlogo.htm; <http://arcaim-centewr.ru>)

³⁹ Vanschoonwinkel J. *L'Egee et la Mediterranee Orientale a la fin du IIe millenaire. Temoignages archeologiques et sources ecrites*. Louvain-la-Neuve, 1991. P. 35–37.

⁴⁰ Немировский А. А. В. У истоков древнееврейского этногенеза: Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 26.

⁴² Немировский А. А. Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады // *Studia historica*. 2003. Vol. III. С. 18.

⁴³ Немировский А. А. У истоков. С. 20.

⁴⁴ Там же. С. 21.

⁴⁵ В ней представлена общая схема истории Египта до Моисея, в которой перечисляются представляющие интерес с точки зрения совпадения с египетскими надписями времени Хатшепсут имена: Rijjan, его сын Dagim, Kasan — царь Mad'an и наконец Musa. См.: Абд ар-Рахман ибн Абд ал Хакам. Завоевание Магриба и ал-

Андалуса. М., 1985. С. 30–31. Нетрудно заметить определённое сходство перечисленных имён, во всяком случае, Рийяна с именем самого могущественного царя гиксосов Хиана / *Хийарана, на что обратил внимание А. Кемпински (Kempinski A. Some Observations on the Hyksos (XV) Dynasty and its Canaanite Origins // *Pharaonic Egypt. The Bible and Christianity*. Jerusalem, 1990. P. 131). И хотя автор считает гиксосов семитическим по происхождению, имеют место и альтернативные взгляды, оценивающие их как полиэтнический конгломерат Восточносредиземноморских племён. Более того, само имя Хийаран, засвидетельствованное в Угарите пока не получило семитской этимологии. См.: Helk W. *Das Hyksos Problem* // *Orientalia*. 1993. S. 60–66. По мнению исследователя оно в этом и не нуждается, поскольку восходит к семитизированному хурритскому имени Heigappe («золотой, рыжий»), эллино-индоиранские основы которого просматриваются довольно отчётливо (*Ibid.* P. 64–65). См. также: Цымбурский В. Л. Этно-и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы // ВЯ. 2003. № 3. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 21, прим. 36; С. 23.

⁴⁷ Такое мнение находит поддержку. В. Паркер, в частности, указывает: «Среди правил, которым следуют серьёзные исследователи древней истории, одно из важнейших — доверять ранним источникам больше, чем поздним, и полагаться с большей уверенностью на самый приближённый к описываемым событиям источник». См.: Паркер В. О чём умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4. С. 93.

⁴⁸ По мнению египтологов, во второй половине IV тыс. до н. э. в Египте начался процесс консолидации вожеств, завершившийся сложением единого государства от первых порогов Нила до дельты, что позволяют проследить памятники носителей археологической культуры Нагада II–III. См.: Шеркова Т. А. Рождение ома Хора. Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 171; Весьма близких оценок придерживается и американский специалист-египтолог П. А. Клайтон (Clayton P. A. *Chronicle of the Pharaohs. The Reign-by-Reign Record of the Rulers and Dynasties of Ancient Egypt*. London, 2003. P. 11–12.).

⁴⁹ В своё время на это обратил внимание В. Берар, считавший встречу гомеровского Менелая с Протеем на острове Фарос как отражение и переложение египетской версии контакта фараона Пруты с греческим пришельцем. См.: Berard V. *Les Phéniciens et l'Odyssee*. Vol. 2. P. 65–66. При внимательном рассмотрении имён главных персонажей такой истории невольно бросается в глаза сочетаемость и и.-е. этимологические корни их имеет — греч. Menelaïos и иранского Pruti/Porata, что с учётом присутствия в табличках Карнарвона и надписях Хатшепсут городов Tanis, Abaris, Sk (Sa-ka) недвусмысленно указывает на хронологию и истоки той информации, дошедшей до нашего времени в изложении Помпея Трога, Юстина и Иордана.

⁵⁰ В данном случае можно отметить и весьма показательное, с нашей точки зрения, совпадение с именами бога и рода от древнеиндийского эпонима Пурувас (Пуру, Пуруша) названий Пелопоннеского города и имени древнейшего Лаконского бога, зафиксированных Павсанием в описании Спарты. Речь идёт о г. Пиррих, произошедшего по данным античного автора от имени бога Пирриха (Paus., XIV, 2, 2–3).

⁵¹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 2008. С. 87; Doctor, Sam N. Yima/Yama and the deluge // *Journal of the K. R. Cama Oriental Institute Bldg*. 1998. № 62. P. 72–74.

⁵² Иванов В.Б. Три ветви авестийской фонетики (http://devanagari.ru/texts/avestan/ivanov_2.pdf). В правомерности такого подхода убеждают присутствующие в трудах древнегреческих историков способы определения хронологии. См., например: Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1994. С. 151–156; Он же. Персеиды, Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов (<http://annals.xlegio.ru/greece/molchan/legitim.htm>; Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 35–46.

⁵³ Баданин М.А. Древнейшие цивилизации и пророки (<http://e-puzzle.ru/lib/badanin.doc>).

⁵⁴ Молчанов А.А. Персеиды. С. 150; Хэммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. С. 48–49; Reineke G. Pelopidas // PWRE. Bd. 23. Coll. 375–380. Несмотря на то, что традиция путалась в определении родословной Эллина-эпонима одноимённого народа (Эллин — сын Девкалиона и Пирры (Paus., X, 31, 1; Apollod., I, 7, 2); Эллин — сын Пелопа/Пелопса и Гипподамии (Apollod., Myth. Bybl., II, 5, 1; III, 12, 6; Epit., II, 10), сохранилось два устойчивых представления, согласно одному из которых (из фиванского цикла мифов), первое племя, назвавшее себя эллинами, пришло из Фессалии (Paus., VIII, 6, 6), а по другому — т.н. Паросской хронике- переименование конгломерата народов в эллинов произошло в 1511 г. до н. э. См.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 121.

⁵⁵ Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи Ригведы. М., 1999.

⁵⁶ Geldner K. F. Der Rig-Veda: Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Harvard University Press, 2003 (reprint 1951 ed.); The Rig Veda. An Antology. Selected by Wendy Deniger O'Flaherty. New-York, 1982. P. 39.

⁵⁷ Имевшие место в историографии оценки исходили, во-первых, из рассмотрения гелонов в качестве одного из скифоидных племён, а во вторых — пытались локализовать место их проживания на территории, которая принадлежала будинам. Разброс мнений по данному вопросу был значительным. Если Н.И. Надеждин размещал гелонов в западной части Волыни, то М.И. Артамонов локализовал территорию проживания последних в Среднем Поднепровье, куда те переселились из Побужья, получив гостепреимство, обитавших там же будинов. И.В. Фабрициус связывала с гелонами носителей археологической культуры Тясминского бассейна скифского времени, отмечая здесь наличие, представленной в соответствующих памятниках (Пастерское, Шарповское, Будянское, Макеевское городища и др.), развитой урбанистической культуры. Б.М. Шрамко размещает их в бассейне р. Ворскла, в то время как Л.А. Ельницкий отводил гелонам области на Западном Кавказе, откуда они, по его мнению, переселились в области Днепро-Донской лесостепи. См.: Надеждин Н.И. Геродотова Скифия. С. 93; Артамонов М.И. Этногеография Скифии. С. 161; Фабрициус И.В. До питання про топографізацію племён Скіфії // Археологія. 1951ю Т. 5. С. 51, 71; Шрамко Б.М. Бельское городище — Гелон Геродота. С. 83; Ельницкий Л.А. Скифские легенды как культурно-исторический материал. СА. 1970. № 2. С. 70–72. Наряду с этим устойчивым оставалось мнение, согласно которому гелонов следует локализовать в междуречье Днепра и Волги. Так, ещё Т. Байер размещал в Лесостепи Поднепровья и к западу от Днепра. Ф. Брун помещал гелонов к западу от Дона. См.: Bayer Th.

De Scythie situ. S. 417; Брун Ф. Опыт согласования. С. 79–81. В поле зрения исследователей оказывалась и территория лесостепного Придонья. Одним из первых такую мысль высказал Ж. Потоцкий, локализовавший гелонов в районе Воронежа. См. В кн.: Нейхардт А. А. Скифский рассказ. С. 123, прим. 279). Такого же мнения придерживался и Ст. Мароньский (Herodotus Gelonen keine preussisch-slavische Volkerschaft. Heidelberg, 1883. 23–24.) К. Бэр и Н. И. Забелин отстаивали мысль об их проживании либо на Среднем Дону, либо между Доном и Волгой. Ф. Г. Мищенко локализовал их на побережье Днепра и в Задонье. В. Н. Семенович также имел ввиду бассейн р. Дон, размещая гелонов в верховьях Доно-Окского междуречья. См.: Брун Ф. Опыт. С. 79; Baer K. Historische fragen. S. 84; Забелин Н. И. История русской жизни в древнейшие времена. Т. 1. С. 238–243; Мищенко Ф. Г. Противоречия в известиях Геродота о первом появлении скифов и сарматов в Европе // Филологическое обозрение. 1899. Т. 17. С. 112; Семенович В. Н. Гелоны и мордва // Материалы и исследования по исторической географии верховий Дона и Оки. Вып. 1. Гелоны. М., 1923. С. 134–142.

Соответствующая локализации, амплитуда разброса мнений относительно этнического происхождения гелонов была такой же широкой. Следуя за Геродотом, значительная часть учёных считала гелонов эллинами. Другие исследователи конструировали смешанное эллино-скифоидное население (эллино-скифское или эллино-будинское). М. И. Артамонов относил гелонов к фракийскому, родственному агафирсам и скифам населению. Такую же позицию, не высказывая соображений относительно их этнической принадлежности, занимает Б. А. Шрамко. Примечательно, что большая часть археологов склонна связывать с гелоно-будинскими, по их определению, племенами территорию Среднего Дона и примыкающие к нему с юго-запада области до Северского Донца и полагают возможным идентифицировать с г. Гелоном городища посульско-ворсклинского и среднедонского бассейнов, с подачи М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова отдавая предпочтение Бельскому городищу. См.: Нейхардт А. А. Скифский рассказ. С. 124–127. В последние годы своей жизни исследователь памятников эпохи бронзы и скифского времени на Среднем Дону П. Д. Либеров высказывал представляющее интерес и для нас соображение, согласно которому в народе гелонов следует видеть обособленную группу местного населения варваров, которая исторически сложилась на базе населения местных культур предшествовавшего времени. См.: Либеров П. Д. К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. / Отв. Ред. М. М. Кобылина. М., 1977. С. 103. Что касается зарубежной историографии, то в ней в отношении гелонов наиболее устойчивым вплоть до настоящего времени остаётся представление об их арийском происхождении. См.: Kiessling. Geloni // PWRE. Hbhd. 13. Coll. 1014–1018; Tumpel K. Gelonos // Ibid. Coll. 1018; Niese B. Gelon // Ibid. Coll. 1006–10013; Friedrich Lubkers Reallexikon des Klassischen Altertums. Leipzig-Berlin, 1914. S. 405 (арийское племя к востоку между Танаисом и Волгой среди финно-угров будинов); Georges K. E. Ausführliches Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch. Bd. 1. Basel, 1951. S. 2909; Представлена в историографии точка зрения о возможном греческом происхождении корневой основы названия гелонов (от glene, glanos, galena, включая и глагол gelein, которые воплотились, в частности, в названии аттической филы гелеонтов (Geleontes). См.: Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1950. Coll. 294–295.

⁵⁸ Цымбурский В. Л. Этно-и лингвогенез Трои. С. 11.

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ Там же. С. 13. Особая близость была отмечена для гидронимии Троады, Фессалии, этнонимии Пелопоннеса (Abydon, Apidanos, Epidanos, Apidon, Apidane (аркадяне), все основные компоненты которой восходят к композиту *Hepi-danu («водный поток»), аналог др.-инд. danu («поток», «жидкость») и Авест. Danu («река»). По мнению В. Л. Цымбурского, эта устойчивая гидронимическая формула представляет такой же рудимент контактов прагреков с индо-иранцами, как и эпическое обозначение ахейских героев термином danaoi («данайцы»), идентичное с метрической метатезой долготы Авест. Danava, названию неких приречных кочевников и ведич. Danava как имени группы демонов. «Перед нами, — подчеркивал он, — явный след передвижения прагреков из Северного Причерноморья, изобилующего гидронимикой от данной основы на Балканы (С. 14–15). Что касается лингвистической аргументации, то в названном отношении представляет интерес сближение Л. С. Баюн ликийской письменности В с языками т. н. «аугментной» общности — индоиранскими и греческим, что, по мнению В. Л. Цымбурского, указывает на длительное пребывание его носителей на дальней окраине хетто-лувийского ареала в контакте с народами, говорившими на таких языках, имевшего место в том числе и на территории Троады с конца III и на протяжении II тыс. до н. э. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и Восточное Средиземноморье. М., 1998. С. 264–268.

⁶¹ О реках и племенах Ахейской Фтиотиды, Фессалии, Аркадии, Аргоса и Троады см.: Rohden P. V. Apidonos // PWRE. Bd. 1. Coll. 2802; Hirschfeld G. Apidones // PWRE. Bd. 1. Coll. 2802

⁶² Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 24.

⁶³ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое (междисциплинарный аспект) // ВДИ. 1994. № 4. С. 24–25

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Иванов Вяч. Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, Эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 14; Gimbutas M. The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilization around 2300 B. C. // Bronze Age Migrations. P. 134–139. Представляет несомненный интерес убежденность Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского в параллелизме (или тождестве) этнонимов «данайцы» и «дануна». По их мнению, в «дануна» юга Малой Азии и Восточного Средиземноморья можно видеть некое изначальное индоевропейское племя, происходящее из того же северопричерноморского ареала, что и греки-данайцы и одновременно с ними проникшие в Эгейский бассейн. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое. С. 24.

⁶⁷ Отрощенко В. В. Этнічна ситуація в Україні за доби бронзи // Толочко П. П., Козак Д. Н. Моця О. П., Мурзин В. Ю., Отрощенко В. В., Сегеда П. Е. История України. Київ, 2006 (http://recult.by.ru/docs/eidu/eidu_04.htm)

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Денисов И. В. Некоторые проблемы археологии бронзового века Волго-Уралья и ведийско-авестийские сказания // В центре Евразии: сборник научных трудов. Отв. ред. В. А. Иванов. Стерлитамак, 2001. С. 4–21.

⁷⁸ Там же. С. 6–7.

⁷⁹ Там же. С. 10.

⁸⁰ Там же. С. 15.

⁸¹ Там же. С. 16.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 17.

⁸⁴ Там же. С. 19.

⁸⁵ Там же. С. 20–21.

⁸⁶ Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.

⁸⁷ До сих пор считалось, что археологическим эквивалентом прародины индоиранцев выступал ареал распространения памятников эпохи ранней и средней бронзы в границах древнеямной и абашевской культурно-исторических областей. См.: Сафонов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. Новой постановкой вопроса следует назвать концепцию С. А. Григорьева, согласно которой синташтинская культура формируется на местной волго-уральской базе, но её основными слагающими компонентами выступают абашевская и полтавкинские культуры с отдельными вкраплениями воздействий ташковской культуры и культур энеолитического облика. Вместе с тем, правильно определяя процессы взаимодействия носителей различных культур в Восточной Европе, первоначальный импульс, определивший направление движения указанных массивов населения автор предпочитает локализовать на Ближнем Востоке. См.: Григорьев С. А. Синташта. С. 23.

⁸⁸ Григорьев С. А. Синташта. С. 24.

⁸⁹ В совокупности со свидетельствами эпической поэзии и эпиграфических источников Передней Азии, согласно которым арийские племена под названием *uṣṣa māda* (последняя часть считается синонимичной и.-ар. *maṣṣa*) появляются в Месопотамии во времена Саргона Древнего и Нарам-Суэна (2316–2200 гг. до н. э.), заявив о своём присутствии и в источниках древних хеттов информацией о столкновениях с воинством Хаттусилиса I (вт. пол. XVIII/XVII вв. до н. э.). По всей видимости эту волну и следует связывать с полиэтническим массивом скотоводческих племён (или колесничного войска из Восточной Европы), которая через Кавказ и Малую Азию продвинулась в Восточное Средиземноморье, дойдя в составе гиксосского объединения «вечных кочевников» до восточной части дельты Нила, где была зафиксирована т. н. табличками Карнарвона. См.: Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тыс. до н. э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 198, 200; Перепёлкин Ю. Я. Египет во Второй Переходный период // История Древнего Востока. Зарождение и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М., 1988. С. 130.

⁹⁰ Считается, что присутствие керамики абашевско-синташтинского облика на границах с Египтом, практика захоронений с лошадьми, отмеченная у гиксосов,

а также наличие индоиранской колесничной лексики у египтян (вне зависимости от путей её внедрения) позволяют утверждать об участии арийского компонента в гиксосском вторжении в Египет (ок. 1750 гг. до н. э.). См.: Григорьев С. А. Синташта. С. 27.

⁹¹ Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи Средней бронзы. Челябинск, 1997 (www.KLADINANAROD.RU); Близость архитектуры разноудалённых друг от друга поселений и их типа, равно как близость конструкции погребальных сооружений Синташты, Аркаима и шахтных гробниц Микен XVII–XVI вв. до н. э. выступают, как это было впервые обосновано Ю. В. Андреевым, показателем того, что они не только предшествовали микенской цитадели, но и были её прототипом и сосуществовали с ней, проявив устойчивость своих традиций вплоть до «урбанистической революции» VIII в. до н. э. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 17–31; Он же. От Евразии к Европе. СПб., 2002. С. 26–27.

⁹² Факты археологии соответствующие данному выводу не только представлены, но и нашли своё объяснение в специальной литературе. В частности, проявления культурного эталона орнаментальных схем в виде композиции круг со знаком V-образной формы от Крита до Бородинского клада и изделий Сейминско-Турбинского типа, от Триполья-Кукутени до орнаментации шнуровой керамики позднего Абашево и срубно-андроновской культурных общностей, а также изучение динамики культурных изменений на территории степи и лесостепи Восточной Европы в эпоху бронзы, имевшего своим следствием выделение среди других и Волго-Донского региона в качестве «третичного» очага культурогенеза. По мнению археологов в этом очаге (как и в двух других — Карпато-Дунайском и Кавказском) зарождались традиции, распространение которых формировало блоки культур, а в их материальном комплексе формировались и разворачивались во времени и пространстве та или иная археологическая эпоха. См.: Бочкарёв В. С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции. Саратов, 1995. С. 18–19; Петров М. А. Некоторые компоненты раннеземледельческой художественной традиции в искусстве Евразийских степей, Кавказа и Закавказья I тыс. до н. э. (<http://www.edu.ru/petrov/article.htm>); Кияшко А. В. Динамика культурных изменений на территории Восточноевропейских степей в эпоху бронзы // Нижневолжский археологический сборник. 2000. Вып. 3.

⁹³ Клейн Л. С. Миграции тохаров в свете археологии // *Stratum plus*. Культурная антропология. Археология. 2000. № 2. С. 178–187.

⁹⁴ Во всяком случае, в ней представлены серьёзные попытки фундаментального обоснования места нахождения очага формирования языка и культуры древних иранцев, с которым связывается памятники относящиеся к Бактрийско-Маргианской культурной общности и квазигороду Шахр-и-Сохте. См.: Witzel M. The Home of the Aryans // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2006. Vol. 14. Iss. 3. P. 1–53.

⁹⁵ Witzel M. Linguistic Evidence for Cultural Exchange in Prehistoric Western Central Asia. Philadelphia, 2003. P. 48–50. Fig. 2–4.

⁹⁶ Ibid., P. 55. См. также: Lambert-Karlovsky C. C. Language and Archaeology. The Indo-Iraniens // *Current Anthropology*. 2002. P. 63–88; Koivulehto J. The Earliest

contacts between Indo-European and Uralic speakers // Carpelan et al. Early Contacts between Uralic and Indo-European. Helsinki, 2001. P. 235–263; Shishlina N. I., Hiebert F. T. The Steppe and the Sawn: Interaction between Bronze Age Eurasian Nomads and Agriculturalists // The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia, Philadelphia, 1998. P. 222–237 (JIES Monograph 26).

⁹⁷ Необходимость обращения к данному уровню информации диктуется установлением В. Л. Цымбурским факта, согласно которому троянские грецизмы содержат множество примеров, с одной стороны, своего восхождения ко времени распада греко-македонской общности, с другой — отображают собой те прагреко-индоиранские контакты, которые должны были предшествовать началу движения племён «курганной культуры IV» из Северного Причерноморья в сторону Эгеиды. Ещё более показательным (и полезным) с нашей точки зрения выступает заключение Л. А. Гиндина, считающего что в Причерноморье пралувийцы-лукка соседствовали с прагреками в степных областях, после чего поэтапно мигрировали в направлении восточных Балкан и к Проливам. См.: Цымбурский В. Л. Этно-и лингвогенез Трои // ВЯ. 2003. № 3. С. 9.

⁹⁸ Цымбурский В. Л. Этно-и лингвогенез. С. 8. Ещё одно обстоятельство, имеющее прямое отношение к разбираемому пассажи, напрямую связано с названиями племён Восточного Средиземноморья в Ветхом Завете, приводимых в трудах Евсевия Памфила и Блаженного Иеронима, где упоминаются как иудейское племя (клан) Гилон (Gilon (Евсевий (354) и Гелон (Gelon (Иероним (354) также как колено иудейское; упомянуто также 2 Гилона (Gilon/Gelon), первый из которых был городом из которого происходил Ахитофел, а второй — Ахитофел-уроженец города с таким же названием. (<http://mystudies.narod.ru/library/e/euseb/he/he.htm>).

⁹⁹ Например, в наименовании новооснованных городов И. С. Суриков вычленил название города Gulakeia (от основы Gulakx, впервые засвидетельствованного документами 357 г. до н. э. При этом его тираном назван Калинф (лик. Qal / Gal, имя которого восходило, как показывают ассирийские надписи, к основе sili-/hili-, отложившихся в, в свою очередь, в их греческом переосмыслении в именем Gulakx. Благодарим И. С. Сурикова за любезно предоставленные нам факты и комментарии к ним.

¹⁰⁰ Зданович Г. Б., Батанина И. М. «Страна городов» -укреплённые поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. // Аркаим: исследования, поиски, открытия // Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск, 1995 (KLADINA.NAROD.RU). Планировочную структуру Аркаима составляли центральная площадь (25 м X 27 м), два кольца оборонительных сооружений, два круга жилищ и одна, совмещённая с ливневой канализацией, улица. В общем и целом, жилая часть поселения составляла площадь около 15 тыс. м², по периметру которой трапециевидные в плане дома располагались длинными осями радиально к центральной площади поселения. См.: Зданович Г. Страна городов // Родина. 2001. № 11. С. 9.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Блаватская Т. В. Греческое общество Второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1977; Хэммонд Н. История Древней Греции. М., 1993. С. 30; Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. СПб., 2000; Hammond N. G. L. Epirus. Athens, 1967; Iden. Ancient Epirus // Greek Lands in History. Epirus. 4000 years of Greek history and civilization / Gen. ed. M. B. Sakellariou. Athens, 1997. P. 35–37; Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.

¹⁰³ Зданович Г. Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995. (kladina.narod.ru).

¹⁰⁴ Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: археологический памятник арийских племён Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992; Зданович Д. Г. Аркаим: древность, модерн, постмодерн // Комплексные общества Центральной Евразии. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 8–51.

¹⁰⁵ Оценка данной проблемы носит дискуссионный характер. Достаточно сказать, что до настоящего времени так и не выработано единого мнения относительно генетического, языкового и культурного родства носителей абашевской (днепро-донской и доно-волжской), синташтинско-аркаимской, и петровской археологических культур, поскольку, главным образом, археологи — авторы раскопок Синташты и Аркаима, отрицают, отображённую в соответствующих памятниках, полиэтничность населения различных вариантов единой языковой и культурной общности расселявшейся в XXI–XVIII вв. до н. э. на территории степи и лесостепи Евразии. Сомнение, которое у Г. Б. Здановича имеет место относительно поразительного многообразия форм и орнаментации керамики из поселений Аркаим, Синташта, Куйсак и им подобных и потому не поддаётся типологической классификации, легко снимается констатацией того, находящего всё большее и большее признание среди специалистов факта, согласно которому материальная и духовная культура племён Приуралья эпохи ранней и средней бронзы своими истоками восходит к традициям абашевской культуры, осью сложения которой в развитом виде была р. Дон, откуда её носители распространялись как в западном, так и в восточном направлении. В самое последнее время непосредственные следы этого процесса выявлены вплоть до Иртыша и Оби, о чём свидетельствуют прежде всего керамические комплексы, доказывающие свою общность не по отдельным признакам, а всей их совокупности. См.: Зданович Г. Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 24; Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции в эпоху бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996; Кузьмина О. В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992. С. 75; Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев. Екатеринбург, 1995. С. 25–30, 46–47; Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976. С. 111–112; Зданович Д. Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим. (KLADINA.NAROD.RU); Стефанов В. И., Стефанова Н. К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период (<http://www.edu.ru/archeologia/stephanov2/article.pdf>)

¹⁰⁶ Зданович Г. Б. Арии на Урале (KLADINA.NAROD.RU).

¹⁰⁷ Григорьев С. А. Синташта и арийские миграции. С. 52.

¹⁰⁸ Решая задачу оценки таких параллелей, И. М. Дьяконов предостерегал от абсолютизации выявляемых в них сходств. По его мнению, никогда не существовало единой и неизменной индоевропейской ментальности ни в области мифологии, ни в иной социально-психологической области. Более того, как полагал исследователь, декодировать греческую мифологию на предмет индоевропейского её происхождения чрезвычайно трудно (Дьяконов И. М. Предыстория армянского

народа. Ереван, 1968. С. 111, 114). См. также: Иванов Вяч. Вс. К возможности лингвистической интерпретации Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 45–47; Пьянков И. В. Аркаим и авестийская вара // Там же. С. 280–282; Стеблин-Каменский И. М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Кн. 1. Часть V. Челябинск, 1995. С. 166–167; Вольф М. Н. Онтологические аспекты иранских влияний на раннюю греческую философию // дисс. на соиск. учён. степ. канд. философских наук. Новосибирск, 2003. ([http:// Вольф_Диссертация](http://Вольф_Диссертация)).

¹⁰⁹ Tumpel K. Gelonos // PWRE. Hbhd. 13. Coll 1018; Niese B. Gelon // PWRE. Hbhd. 13. Coll. 1006–1013.

¹¹⁰ Античная традиция также сохранила и идентичное мужскому женское имя дочери Бела Ламии, матери правительницы Ливии Силлы или Афины — дочери Тритона и молочной сестры Паллады, храм которой Геродот под именем Нейт упоминает в Саиссе (Herod., IV, 180; Arist., Eth., VII, 5; Diod., XX, 41; Strab., I, 2, 8), называемых Gelw / Gellw

¹¹¹ По всей видимости не случайны упоминания о гелонах в трудах Скилака, Эфора, а также в перипле Понта Эвксинского Анонима, которые названы со ссылкой на Гекатея Милетского. См.: Kiessling A. Geloni // PWRE. Hbhd. 13. Coll. 1014–1018.

¹¹² Frisk H. Griechisches Etymologisches wörterbuch. Bd. 1. Coll. 294–295. В греческих мифах круга о Понте присутствует и личное имя Γαλήνη, представляющее морскую богиню Главку-прообраз Ино-Левкотеи. А в мифах о Гелиосе упоминается первоначальное имя богини зари Эос — Ἀλία или Ἀλιεία (Hom., II, III, 104, 278; XIX, 196, 259). В античной традиции обнаруживаются и другие аналоги: 1) Эсхил упоминает имя Галион (‘‘Alion (Aesh., Ag., 1323); у Пиндара называется Αἶα καὶ Ἄλον (Pind., Nem., fr. 84). См.: Preller L. Griechische Mythologie. Bd. 1. Berlin, 1875. S. 350, 454, 501. Интерес представляют и свидетельства Страбона, который не только упоминает разбросанные в различных частях Пелопоннеса и Аттики одноимённые города Гелос, Гелеон и Гилесион, но и прокомментировал известия относительно происхождения и мест проживания скифского племени гелов. По мнению географа они жили между амазонками (совершившими поход на Афины) и албанцами, обитающими в горах над кавказской Албанией. Страбон называет гелов гаргареями — племенем, которое в древности вместе с какими-то кочевниками — фракийцами и эвбейцами, — сначала воевали с амазонками (их кочевья доходили до этих мест), а затем вступили с ними в связь. Обращает на себе внимание сходство предания Страбона с известиями Геродота о происхождении племени савроматов (Strabo., VIII, 1, 3).

¹¹³ Гиндин А. Л., Цымбурский. Пра-греки в Трое. С. 24, 25, 28–29. Установлено, что имя греков-данайцев в форме tin3jw появляется в египетских источниках уже во времена Тутмоса III и Аменхотепа III (ок. середины XV — середина XIV вв. до н. э. (1484–1350), фигурируя в увязке с названиями городов Крита и ахейского Пелопоннеса. См.: Claiton P. A. Chronicle of the Pharaons. The Peign-by-Reign Record of the Rulers and Dynasties of Ancient Egypt. London, 1998. 132; Helk W. Die Beziehungen Aegyptens und Vorderasiens zur Aegeis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979. S. 29–31; Гиндин А. Л., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. С. 159; Цымбурский В. Л., Файер В. В. Рецензия на книгу: Л. С. Клейн. Анатолия «Илиады». СПб., 1998. 560 с // ВДИ. 2001. № 1. (www.abbyu.com).

¹¹⁴ Ipidon, Apidanos // PWRE. Bd.1. Coll. 2801; Hirsfeld. Apidon // PWRE. Bd. 1. Coll. 2802.

¹¹⁵ Откупщиков Ю. В. Opera philological minora. С. 173–175.

¹¹⁶ Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. И. А. Емеца. М., 2008. С. 82; Гиндин А. Л., Цымбурский В. Л. Троя и Пра-Аххийява. С. 19–21.

¹¹⁷ Откупщиков Ю. В. Opera philological minora (Античная литература. Языковедение). СПб., 2001. С. 170–173, 180, 188, 190, 205.

¹¹⁸ Там же. С. 202–203, 205, 216, 217, 223–224.

¹¹⁹ Чайлд Г. Арийцы. С. 81, 85–86.

¹²⁰ Молчанов А. А. Социальная история Греции во II тысячелетии до н. э. М., 2000. С. 186.

¹²¹ Страбон. География в 17 книгах / Пер. с греч., вступ. Статья и комм. Г. А. Стратановского. М., 2004. С. 612, примеч. 30.

¹²² Возможно не только фонетической близостью, как нам представляется, следует объяснять сходство, зафиксированного Геродотом и Страбоном на Пелопоннесе и в Передней Азии греческого этнонима эниены/энианы (Herod., VII, 132, 185, 198) с этнонимом Ригведы **anu/anavas**, покрывающим союз племён (в него входили: **alinas, bhrigu, bhalana, dasa, matsya, parsu, purus, panis/parni, turvas, yaksus, druhyus** и др.) принимавшего участие в т. н. битве 10 царей (РВ. VII, 18, 33, 83). Но ещё более важным в тексте данного гимна представляется трактовка составителями его этимологии имени героя-эпонима, которое, надо думать, легло в основание самого названия племени или вождества Anu («чужаки»). См.: Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. 1. Oxford., 1912. P. 39; Geldner K. F. Der Rig-Veda: Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Harvard university press, 2003. P. 23.

¹²³ Рунг Э. В. Дипломатическое выражение персидского империализма: обычай требования земли и воды и позиция греков // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / ПЕод ред. проф. Э. Д. Фролова. 2007. Вып. 6. С. 49–52; Westlake H. D. The medism of Thessaly // JHS. 1936. Vol. 56. P. 12–25; Keaveney A. The Medisers of Thessaly // Eranos. 1995. Vol. 93. № 1. P. 30–38.

¹²⁴ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 2008.

¹²⁵ Соседство с пеонами-прото-армянами выступило результатом этногенетических процессов, развивавшихся в Северной Греции в начале II тыс. до н. э., открывающегося расселением раннегреческих племён в составе племенного союза тевкров от Фессалии до Пелопоннеса. В это же время родственные им фригийцы-бриги и протоармяне-пеоны сконцентрировались к западу от Стримона на периферии Фракии и частично Македонии (по Геродоту фракийцы до переселения в Азию назывались по имени реки-стримониями, так как жили на р. Стримон (Herod., VII, 75). Поскольку дальнейшее движение на Запад через гористые местности Иллирии или на освоенный греками юг оказался для фригийцев и пеонов малоперспективным, они пытаются распространить своё влияние на более восточные области Фракии, в результате чего складывается возможность для их переселения в Анатолию, после чего они стали называться вифинцами, одна из частей которых обособилась позднее в особое племя медобитунов, смешавшаяся с теми медами-фракийцами, чья основная масса продолжала оставаться жить на Стримоне. См.:

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява». С. 33. Вообще же фракийская этнокарта Балкан, в частности Македонии, как свидетельствуют античные авторы разных времён, выглядела следующим образом. Север Балкан занимали иллирийцы (Synkestae, Eordaei, Agrianes), а южнее их располагались племена фракийцев — Paeones, Bryges, Pieres, Edones, Bottiaei, Bisaltae, Sinti, Maedi, с которыми смешалась какая-то волна переселенцев македнов или золийцев, осевших между рр. Галиакмоном и Аксиосом в Эмафии. Её южную часть освоили боттии. К югу от Галиакмона находилась Пиерия К востоку от Аксиоса обитали мигдоны, давшие название области. Между Аксиосом и Стримомом расселились первоначально эдоны, впоследствии вытесненные соседями за Стримон. Между Стримомом и Нестом, на востоке от Крестонии располагалась, заселённая племенем синтиев Синтика, а к северу от неё — Дантилетика и Медика, впоследствии граничившие по берегу моря с греческими колониями. Полагают, что этноним синтиев ведёт не к фракийскому языку, но к индо-ариям. См.: Дикшит С. К. Введение в археологию. М., 1960. С. 472–477; Трубочёв О. Н. О синдах. С. 41; Он же. Indoarica. С. 81.

¹²⁶ В данной связи сообщение Геродота о том, что пеоны — потомки тевкров из Трои, а племя гергифов — остатки исконных тевкров, по нашему мнению, отражает процесс ухода тевкров с Балкан под Трою и последующего возвращения потомков ушедших на первоначальные земли тевкрской колонизации на Балканах (Геродот: Троя в земле тевкров (Herod., V, 13, 122; VII, 20, 75). Исследователями предложена и иная трактовка свидетельств «отца истории» относительно колонизации тевкрами Греции. Она такова: тевкры задолго до Троянской войны переправились в Европу по Боспору, покорили всех фракийцев, дошли до Ионийского моря и на юге — до р. Пеней. См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и «Пра-Аххийява». С. 25.

¹²⁷ Цымбурский В. Л. Этрусский Sethilans/sethlans (www.ABBYY.com).

¹²⁸ Там же. Название тевкры, как полагает исследователь, происходит из и.-е. или хеттского языка: teu-t/Нг (племя, народ), где k представляет собой отражение ларингала Н. См. также: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и Восточное Средиземноморье. СПб., 1998. С. 146.

¹²⁹ Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». С. 51.

¹³⁰ Немировский А. И. Мифы древности. Индия. М., 2001. С. 252.

¹³¹ Присутствие индоевропейского языкового субстрата в Северном Китае начала II тыс. до н. э. первоначально было установлено лингвистами, затем нашло подтверждение в данных археологии. В первом случае констатации данного факта способствовало выявление в древнекитайском и.-е. изоглосс. Сопоставляя словарный фонд древнекитайского и протоиндоевропейского языков китайский филолог Чун Тунчанг выявил 1500 родственных слов, составлявших 2/3 их словарного фонда. При этом выявились одинаковые обозначения понятий, характеризовавших важнейшие сферы языкового отражения (обозначение животных, систем родства, личные местоимения, гидро- и топонимия, политические и религиозные термины и т. п.). По мнению исследователя и.-е. влияние на древних китайцев следует связывать с обстоятельствами основания первой китайской государственности около 2400 гг. до н. э., основанной, как полагает учёный, индоевропейскими завоевателями во главе с вождями-пастухами, отличавшихся от автохтонного населения светло-рыжей пигментацией тела и волосяного покрова за что и получили определение huan-ti («светлый небесный бог»). Пришельцы

привнесли в общество аборигенов пастушеско-скотоводческий ХКТ, одомашненных быка и лошадь, повозки и пароконные колесницы, произведя тем самым революционный переворот в их экономике и образе жизни Завоевателей (как и в Индии) совершенно не интересовали окружённые оборонительными стенами города по причине чего они продолжали вести образ жизни «на колёсах», окружая места своих становищ повозками в качестве укреплений. Такая картина подтвердилась данными раскопок погребений эпохи Шан (Инь), в которых были выявлены захоронения представителей колесничной знати. См.: Kwang-chih Ch. China on the Eve of the historical period // The Cambridge History of Ancient China from the Origins of Civilization to 221 B. C. / Ed. By M. Loewe and E. L. Shaugessy. Cambridge, 1999. P. 55–63; Раскопки около 1000 курганов подтвердили светложелтую пигментацию пришельцев (во всяком случае, 16 захоронениях). Т. н. «гадательные» кости из поселений и погребений теперь рассматриваются в качестве знакового письма подобного индскому и восходящему к традициям степной письменности населения Юго- Западной и Восточной Европы. Разногласия среди специалистов остаются относительно того, в «чистом» или смешанном виде арии-мигранты появились на территории Северо-Западного Китая. См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976; Гумилёв Л. Н., Кузнецов Б. Н. Бон (древняя тибетская религия). М., 1970; Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. М., 1982. С. 100; Кузнецов Б. И. Древний Иран и Тибет. История религии бон. СПб., 1998; Он же. Бон и мадаизм. СПб., 2004. С. 1124 Клейн Л. С. Миграции тохаров в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2. С. 185.

¹³² Абаев В. И. Скифский быт и реформы Зороастра // Arhiv Orientali. 1956. Vol. 24. № 1. S. / 42–44. К такому же заключению ещё раньше пришёл и П. Кречмер (Kretschmer P. Zum Balkan-Studien // Glotta. 1936. Bd. 24. S. 238. Ту же концепцию отстаивает В. Л. Цымбурский, по мнению которого «имя данайцев правдоподобнее рассматривать как отражение ранних греко-индо-иранских контактов в ряду с авестийским названием группы Danava, др.-инд. danu («поток») и названиями многих рек Причерноморья от той же основы. См.: Цымбурский В. Л. Файер В. В. Рецензия // www.ABBYY.COM

¹³³ Дьяконов И. М. 1971. 137; Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы. С. 54.

¹³⁴ Лобанкова И. П. Мифологические параллели феномена Аркаим // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Философия. Социология. Культурология. 2008. Вып. 5 (<http://www.lib.esu.ru/vch/00/toc.pdf>).

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Burrow T. On the significance of the term arma-, armaka in Early Sanskrit Literature // Journal of Indian History. 1963. Vol. 41. Pt. 1–3. Trivandrum. P. 159–166 (автор датирует появление ариев в Индии XVII в. до н. э.). Мнение Т. Барроу было опровергнуто В. Рау, доказавшим, что pur- Ригведы — это крепости из одного или нескольких концентрических валов, круглых или овальных по форме, сооружённые из земли или камня. См.: Rau W. The Meaning of pur- in Vedic Literature // Abhandlungen der Marburger gelehrten Gessellschaft. Jg. 1973. Munchen, 1976. S. 9, 41.

¹³⁷ Вполне сопоставимого, как нам представляется, с греческим обозначением города-общины poleis, входящего, как и первые, к и.-е. корню *plh (наполнение, насыпание). См.: Grassman H. Worterbuch zum Rig Veda. Bd. 9. Coll. 823. По мне-

нию Т. Я. Елизаренковой в круге и.-а. лексики прослеживается не только понятие, соответствующее греческому *poleis*, но и некоторые другие, проистекающие из той же тенденции, что свойственна и древнегреческому языку — тенденция к нерасчленению места и форм проживания людей и их самих как таковых, нашедшая отображение в понятиях *dam-*, *damā-* (дом, семья); а также в определении *vgjapa* («жертвенная (храмовая) община», «место для жертвоприношений»). См.: Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы. М., 1999. С. 230. Что такая оценка имеет права на существование, по нашему убеждению, доказывает топонимика Лаконики, отложившаяся в описании Эллады Павсанием. Имеются в виду название г. Пирриха в 40 стадиях от р. Скирос, соседнего с г. Тевфрон и имя одноименного с городом бога Пирриха («рыжего»), по свидетельству Плутарха, одного из так называемых Куретов (Paus., III, 2–3). Судя по изложению, эти города были названы по именам переселенцев, причём название второго города являлось производным от имени первопоселенца — афинянина Тевфрана. Последнее убеждает в присутствии индо-арийского элемента в полиэтничном составе прагреческих племён, мигрировавших на Балканы. Примечательным представляется и сходство данного имени с названием малой народности Северного Кавказа, проживающих до сих пор на границе с Грузией — тевкраны. Отличающей их особенностью в сравнении с соседними народами (чеченцев, мегрелов и грузин) является фракязычие и рыжеволосость. Их небольшая община в настоящее время проживает в г. Воро-неже.

¹³⁸ Кызласов Л. Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веке) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 3. (KLADINA.NAROD.RU/kizlasov/kizlasov.htm).

¹³⁹ Там же. К весьма близкому заключению в определении генезиса древнегреческого полиса путём исследования эволюции, наполнявших данное определение понятий пришли и авторы обобщающего труда под редакцией М. Хансена. По их мнению, термин *πόλις* является полисемантическим по своему содержанию, включающим по меньшей мере 5 значений (в урбанистическом, политическом, территориальном, урбанистически-политическом и урбанистическо-территориальном смыслах). См.: An inventory of archaic and classical poleis / Ed by M. H. Hansen and T. H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 44–45.

¹⁴⁰ Rau T. Ibid., P. 48–49.

¹⁴¹ Цит. По : Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы. М., 1999. С. 223.

¹⁴² Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи. С. 223–226.

¹⁴³ Y-хромосома — единственная из всех 46 хромосом, которая передаётся по отцовской линии потомкам мужского пола по цепочке времени длиной в десятки тысяч лет. При этом сын получает от отца такую же хромосому, который тот в свою очередь получил от своего отца, при редком воздействии отдельных мутаций. Но ещё более важным выступает то, что одна и та же метка в Y-хромосоме показывает не только на общего предка (общую предковую гаплогруппу), но и на одну и ту же историю миграций. Её ценность определяется тем, что эта метка не «ассимилируется», потому что гаплотипы и гаплогруппы не несут в себе тенденции к «растворению» в популяции так, как это свойственно носителям языков, генов и разных культур. См.: Клёсов А. А. Основные положения ДНК-генеалогии (хромосома Y), скорости мутаций, их калибровка и системы расчётов // Вестник РАН ДНК-генеалогии. 2005. Т. 1. № 2. С. 252–348; Он же. Откуда появились славяне

и «индоевропейцы» и где их прародина? // Вестник РА ДНК-генеалогии. 2008. Т. 1. № 3. С. 474–477; Voight B. F., Kudaravalli K., Wen H., Pritchard J. K. A Map of Recent Positive Selection in the Human Genome // PLoS Biology. 2006. Vol. 4. Is. 3. P. 447–457 (www.plosbiology.org); Назарова А. Ф., Алтухов С. М. Генетический портрет народов мира (таблицы локусов и аллелей). М., 1999. С. 196–23–27.

¹⁴⁴ Связываемая с этой гаплогруппой т. н. Курганная культура IV М. Гимбутас, показала тенденцию своего распространения в диаметрально противоположных направлениях — на Восток и на Запад. Показательно, что ДНК-генеалогические исследования, предпринятые в науке относительно другого маркера — аллели группы крови В в Европе совпадают с предполагаемой картой распространения гаплогруппы R1a1 (YDNA), а следовательно и с маршрутами миграций её носителей в составе племён великих культурных общностей эпохи бронзы из Северного Причерноморья и примыкающих к нему районов Восточной Европы. См.: Zanolini D. G. The Evidence for Kurgan Wave One As Reflected By the Distribution of “Old Europe” Gold Pendants // Journ. Of Indo-European Studies. 1982. Vol. 10. P. 233–234.

¹⁴⁵ Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1989. P. 185; Kivisild T., Rootsi S., Metspalu M., King R., Cavalli-Sforza L. et al. The genetic heritage of the earliest settlers persists both in Indian tribal and caste populations // American Journ. of Human Gen. 2003. Vol. 72. P. 313–332.

¹⁴⁶ Pericic M., Lauc L. B., Klaric A. M. et al. High-resolution phylogenetic analysis of south-eastern Europe traces major episodes of paternal gene flow among Slavic populations // Mol. Biol. Evol. 2005. Vol. 22.

¹⁴⁷ В погребальных памятниках ареала распространения памятников андроновской археологической культуры по остеологическим материалам была установлена принадлежность умерших к той же, по всей видимости, восточноевропейской индо-иранской гаплогруппе R1a1.

¹⁴⁸ Индия от Южного Урала находилась на кратчайшем удалении, и к ней вели вполне проходимые пути и преодолеваемые маршруты. В этой связи уместно вспомнить, что по Геродоту прямой путь через Малую Азию до Кавказа укладывается всего лишь в 30 дней. «От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов, — пишет он, — 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии — не дальше, только между этими странами живёт одна народность-саспиры. Минувя их можно попасть в Мидию» (Herod., I, 104).

¹⁴⁹ Wells R. S., Yuldasheva N., Ruzibakiev R., Underhill P. A. et al. The Eurasian heartland: a continental perspective on Y-chromosome diversity // Proceedings National Acad. of Science US. Vol. 98. P. 10244–10249.

¹⁵⁰ Wiik R. Where did European men come from? // Journ. of Genetic Genealogy. 2008. Vol. 4. P. 35–85.

¹⁵¹ Хуснутдинова Э. К. Молекулярная этногенетика народов Волго-Уральского региона. Уфа, 1999. С. 163–165.

¹⁵² Эйхвальд Э. О древнейших обиталищах племён славянских, турецких и монгольских по Геродоту // Библиотека для чтения. СПб., 1838. С. 53 и сл.; Надеждин Н. И. Геродотова Скифия, объяснённая через сличение с местностями // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 1–114; Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях. СПб, 1869; Кроме того следует упомянуть труды, посвящённые идентификации рек Скифии Геродота:

1) Думшин Г. О реках Скифии по Геродоту // Труды студентов Ришельевского лицея. Одесса, 1852 (получивший высокую оценку); 2) Ф. К. Брун. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 100 и сл. См.: Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 34–35.

¹⁵³ Tomaschek W. Budinoi // PWRE. Hbbd. 5. Coll. 989; Kiessling F. Geloni // PWRE. Hbbd. 13. Coll. 1014–1018; Tumpel K. Gelonos // PWRE. Hbbd. 13. Coll. 1018; Niese B. Gelon // PWRE. Hbbd. 13. Coll. 1006–1013; We3issbach A. Dudioi // PWRE. Hbbd. 5. Coll. 991

¹⁵⁴ Например, о вероятной принадлежности будинов к предкам мордвы, черемисов и вотяков писал В. Томашек. См.: Tomaschek W. Budinoi // PWRE. Hbbd. 5. Coll. 989. Историографию вопроса см. в кн.: Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота. С. 61–162. О германском происхождении в самое последнее время высказывался и В. Л. Цымбурский. По его мнению, восточнее Приазовья, между Днепром и Доном, прагреки группировались с близкородственными им прафригийцами и праармянами, сосуществуя с праиндоевропейскими группами, непосредственно ими неохваченными. Обилие армяно-германских изолексов, по его мнению, даёт основание локализовать прагерманцев до их передвижения на запад где-то к северу от греко-фригийско-армянского очага примерно на Среднем Дону. См.: Цымбурский В. Л. Этно-и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (К 75-летию со дня рождения Л. А. Гиндина) // ВЯ. 2003. № 3 (www.ABYYU.com). Мысль о соседстве пра-иранцев и пра-германцев развивается и В. Стецюком. По его мнению, пра-иранский мир располагался где-то к востоку от Днепра. Одним из показателей этого он называет наличие в составе германцев среди других пятой, фонетически родственной этнониму Γελωνοί этнической группы гиллеонов (γιλλῆονι), а также присутствие 253-х германо-иранских изоглоссов (нем.-95, осетинский — 173, шведский-193). На этом основании он выводит заключение о совместном проживании пра-иранцев и северных пра-германцев (скандинавов) с фракийцами, индо-ариями, пра-фригийцами, пра-армянами и финно-уграми в междуречье Днепра и Дона (ареал древних индийцев, по терминологии автора — это междуречье Днепра и р. Ипути, граница ареала северных германцев — линия, соединяющая верхнее течение р. Оскол, р. Дон и его притоки — реки Сосну и Тихую Сосну; ареал иранцев-носителей катакомбной культуры, как порлагает автор гипотезы, располагался на всём пространстве Днепро-Донского междуречья. Более того, примеры греко-иранских и греко-финно-угорских связей в языке, по его наблюдениям, дают основание для предположения, согласно которому какое-то эллинское племя осело в этом регионе в пограничной зоне между иранской и финно-угорской общностями. При этом оно, став родоначальником Срубной культуры, отнюдь не иллюстрировало собой возвращение микенских греков на свою историческую прародину, но отображало, уходящие в глубокое прошлое, общие истоки происхождения и само родство с этим общим прототипом. В указанном регионе (Днепро-Донское лесостепное междуречье), эллины какое-то время проживали на территории своей прародины (или неподалёку от неё), позднее они были вытеснены германскими племенами (будинов?) и вынуждено было двинуться в восточном направлении, найдя удобные места для поселения в районе Сев. Донца. Отсюда они, по мысли В. Стецюка, распространили свой погребальный обряд среди местных иранцев-носителей

культуры МВК. См.: Стецюк В. Исследование предисторических этногенетических процессов в Восточной Европе. Кн. 1. М., 2004. С. 193–194.

¹⁵⁵ Такую же трактовку даёт и словарь П. Шантрэна: bou-dinoi (dine, dineoj, dineoo- «гонять по кругу» (фр.-tourbillon). См.: Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la Langue Greques. Histoire des mots. Т. 1. Paris, 1968. P. 285.

¹⁵⁶ Артамонов М. И. Этногеография Скифии. Л., 1949. С. 161–162; Он же. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 43. Обращает внимание идентификация будинов и гелонов с фракийским этносом агафирсов; что касается Б, Н. Гракова, то последний рассматривал данный этноним как чуждый греческому языку, но трактовал его также как и его византийский источник: βουδῖνοι, по его мнению есть сложносоставное существительное, образованное посредством соединения существительного «бык» (βού-) и глагола δινέω («кочевать, кружиться на телегах с бычьей упряжью»). См.; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 131.

¹⁵⁷ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970. С. 142; Он же. Иран до Ахеменидов. М., ?

¹⁵⁸ Weissbach G. Budioi // PWRE. Hbhd. 5. Coll 991, 1893.

¹⁵⁹ Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la Langue Greques. Histoire des mots.

¹⁶⁰ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое (междисциплинарный аспект) // ВДИ. 1994. № 4. С. 35.

¹⁶¹ Топоров В. Н. Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени: балт. Pus (k)ait-: др. инд. Pusan, др. греч. Ραπ // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 (книга 1). М. 2006. С. 235–264; Им же высказана мысль о фракийском происхождении греческого корня put / tuf родственного др.-инд. *budh / *dubh («дно, основание») и находящего аналог в др.-инд., корне budhna, — присутствие которого он допускает в названии г. Византия (Busantion — *Budh-i-ant), рассматривая последнее в качестве фракийского по своему происхождению (ассимиляция дентального согласного в нём, по мнению В. Н. Топорова, является для него обычным случаем) и как отражение того же индоевропейского корня *budh-, отложившегося в древнегреческой и древнеиндийской ономастике — Python, др.-инд. Ahi Budhnya, с/- хорв. Бадньак. Такая закономерность проявляет себя, по его мнению, в названии по имени хтонических чудовищ тех мест, поселений и городов по имени, с местом убийства которых в общественном сознании связывалось процветание и богатство этноса. См.: Топоров В. Н. Ещё раз об и.-е. *BUDH- (*BHEUDH) // Там же. С. 223; Tomaschek W. Budinoi // PWRE. Hbhd. Coll. 989.

¹⁶² Огибенин Б. Л. Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции индоевропейского поэтического языка // Этимология 1971. М., 1973. С. 317.

¹⁶³ Топоров В. Н. Ещё раз об и.-е. *budh- (: *bheudh-) // Там же. С. 226.

¹⁶⁴ Специалисты локализуют ареал проживания аримов от Лидии (гора Гида) до Киликии, Сирии и острова Питекусы, жителям которого дали название этруски. См.: Касьянова М. И. Что такое аримы? К вопросу о локализации мифа о Тифоне в поэме Нона Паннополитанского «Деяния Диониса» (<http://www.edu.ru/kasian/article/21/201/2010.htm>). Выводы исследовательницы, равно как и приводимые ею факты, не оставляют сомнений, во-первых, во фракоязычности аримов, у которых гостил предок эллинов Кадм, о чём свидетельствует Страбон, размещающий их в Европе за мисийцами (Strabo., XIII, 4, 6; XVI, 4, 27), а во-вто-

рых, в том, что странствие Тифона и аримов, как следует из географии мифа, по всей видимости следует воспринимать в качестве отражения в нём маршрута движения той волны эллинов-мигрантов из Восточной Европы, которая проложила свой путь на новую родину через Восточное Средиземноморье и Египет. Примечательно, что Аримы определяются и как гора, и как город (*polis*), что указывает на его эллинскую природу в соответствии с определительными нормами греческого языка.

¹⁶⁵ По свидетельству В. Н. Топорова. См. также: Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Т.1. М., 1987. С. 530.

¹⁶⁶ Топоров В. Н. Ещё раз об и.-е. **budh-* (: **bheudh-*) // Там же. С. 218.

¹⁶⁷ Tumpel K. Budeios // PWRE. Hbbd. 5. Coll. 989; Toepffler J. Budidai // PWRE. Hbbd. 5. Coll. 1897.

¹⁶⁸ Такая перспектива вполне вписывается в наблюдения специалистов, согласно которым, если воспринимать предания наоборот, то в них можно увидеть сохранённую устную версию распространения греков на Балканский полуостров. В частности, согласно Страбону на этот путь понадобилась жизнь 4-х поколений (Strabo., XIII, 1, 3). Как полагают А. Л. Гиндин и В. Л. Цымбурский в данном случае Страбон опирается на традицию, которая приписала после Троянской войны эолийцам маршрут, едва ли не точно повторяющий в обратном порядке тот путь, по которому племенной союз тевкров (т. е. предков эллинов) через Фессалию, Эгейскую Фракию и проливы — почти тысячелетием раньше — попал в Грецию. См.: Гиндин А. Л., Цымбурский В. Л. Троя и Пра-Аххия-ва. С. 22–23.

¹⁶⁹ Определённую возможность в указанном направлении представляет сопоставление ведущих персонажей религиозного пантеона древних индийцев и греков. В дополнение к фактам, представленным Ж. Дюмезилем и Д. С. Раевским, можно остановить внимание на примерах, которые в самое последнее время рассматриваются едва ли не самыми красноречивыми. И если относительно тождества Индры-Геракла-Геркулеса такая работа уже начата, то по отношению к др.-инд. Богине жертвоприношений Иле/Идее какие-либо попытки объяснения совпадения её имени с наименованием горы Иды в Малой Азии и на Крите, с именем сына Аполлона, наконец, с названием Илиона Трои, нам неизвестны. Между тем скр. Ии, как нам представляется, не просто созвучно с именем Ила (*Ilos/Ilus*) — царя Трои, изгнавшего сначала Тантала, а затем и Пелопа из Пафлагонии (Pfus., V, 13, 7; Diod., IV, 74), а также царя дарданов и деда Дардана (Hom., Hymn. Ad Aphr., 45–200), отца Ганимеда и Титана (Hom., Hymn ad Aphr., 218–238; Hes., Theog., 984). В античной традиции назывлся и женский персонаж — дочь Энея Илия (*Iliā*), считавшаяся матерью Ромула (Gyg., Myth., 94, 124). Сочетание и мужского и женского имён Ии объясняется тем, что жена Будхи, мать Пуруваса, жена прародителя людей Ману была превращена Митрой и Варуной в мужское божество, но вследствие проклятия Шивы она вновь приобрела женскую сущность. Такое совпадение — не простая близость фонетики. Своими корнями, как показал М. Витцель, оно уходит в глубинные пласты исторического прошлого человечества. А в том, что касается конкретных индивидуальных, по выражению исследователя, мифов, то их содержание впервые было сформировано на территории Евразии эпохи энеолита, откуда впоследствии распространилось как в западном (Италия), так и в восточном направлении (Япония). См.: Witzel M. Vala and Iwato. The Myth

of the Hidden Sun in India, Japan, and beyond // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2005. Vol. 12. Iss. 1. P. 42–43; 61–64.

¹⁷⁰ Witzel M. Early Sanskritization. Origins and Development of the Kuru State // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 1995. Vol. 1. Iss. 4. P. 1–26.

¹⁷¹ Frawley D. The Rig Veda and the History of India. Delhi, 2001. P. 69; Kazanas N. A new date for the Rigveda // *Journ. Of Indian Council of Philosophical Research*. 2001. № 6 (<http://www.Omilosmeleton.gr/pdf/rie/.pdf>); Lal B. B. The Homeland of the Aryans. Delhi, 2005. P. 127; Talageri Shr. The Rigveda. A Historical Analysis. Delhi, 2000. P. 94–97; Witzel M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2004. Vol. 7. № 3. (EJVS 7–3.htm)

¹⁷² Ibidem.

¹⁷³ Ali S. M. The Geography of the Puranas. New Delhi, 1983.

¹⁷⁴ Witzel M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2004. Vol. 7. Iss. 3. (EJVS 7–3.htm).

¹⁷⁵ Murthy S. S. N. The Questionable Historicity of the Mahabharata // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2003. Vol. 10. Iss. 5. P. 1.

¹⁷⁶ К этому следует добавить и ещё два, выведенных в специальной литературе, наблюдения. Во-первых, то, которое рассматривает ведических ариев исключительно как риги древних текстов, включая сюда и отождествление bhārata с одной из частей племенного союза риги. Во-вторых, близости (если не идентичности) как мифопоэтической традиции древних индийцев и греков, так и одинаковости этнонимии и нормативов образования у них племенных названий. См.: Павлюк М. В. Творения фонопарних етнонімів // *Філологічні науки*. 2008. С. 61. 63; Talageri Shr. G. The Rigveda. A Historical Analysis. New Delhi, 2000 (<http://voil.org/books/rig/ch7.htm>). Mahabharata (<http://www.philosophi.ru/library/asiatica/indica/itihasa/mahabharata/eng/index.html>); Hiltebeitel A. The Ritual of Battle: Krishna in the Mahabharata. New-York, 1990; Patil N. B. Folklore in the Mahabharata. Delhi, 1983; Laine J. W. Vision of the God. Narratives of Thejphany in the Mahabharata. Vienna, 1989. Хьюз Б. Елена Троянская. Богиня. Царица. Блудница. М., 2006; Гринцер Д. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974; Он же. «Махабхарата» и «Рамаяна». М., 1970; Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М., 1974; Она же. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991;

¹⁷⁷ Datt Pom. Ramayana. The Epic of Rama, Prince of India. London, 1902 P. 183; Brockington J. The Sanskrit Epics // Flood, Gavin, Blackwell companion to Induism. 2003. P. 116–128.

¹⁷⁸ Rao S. R. The Lost city of Dvaraka. Delhi, 1999; Witzel M. Harappan horse myths and the sciences (<http://hindunet.com/thehindu/op/2002/03/05/stories/2002030500130100.htm>); Murthy S. S. N. The Questionable Historicity of the Mahabharata // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2003. Vol. 10. Iss. 5. P. 1–3. Idem. A note on the Ramayana // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2003. Vol. 10. Iss. 6. P. 1–18. Примечательна датировка исследователем времени «Рамаяны» — 800/600 — 500/200 гг. до н. э. Среди других его наблюдений обращают на себя внимание четыре: 1. оценка эпической поэмы как рукотворного мифа, представленного в форме фантастической истории, основанной на мифе о похищении Индрой колеса Солнца; 2. наблюдение, согласно которому Рама — слепок Индры, включая сюда и этимологию этого имени «человек»; 3. вывод, что династическая

история эпической поэмы вряд ли является действительной, поскольку поэма была написана с целью прославления династии государства Кошала; 4. констатация тесных параллелей между идеологией «Рамаяны» и греческой мифологии, в частности, обоснование прямых параллелей между Афиной древних греков и Ситой древних индийцев. См. также по этой тематике: Biedermann H. Dictionary of Symbolism. Wordworth-London, 1996. P. 29; Brockington J. L. The Sacred Thread. New Delhi, 1997. P. 14–20.

¹⁷⁹ Homeri Ilias. Volumen prius rhapsodies 1–XII continens, recensuit Martin L. West. Stuttgart-Leipzig, 1998; Homeri Ilias. Volumen alterum rhapsodies XIII–XXIV continens, recensuit Martin L. West. Muni, 2000; Хьюз Б. Елена Троянская. С. 236–33–34; Backes J.-L. Dictionnaire des Mythes Littéraires, éditions du Rocher. Paris, 1995 (1988); Idem. Companion to Literary Myths, Heroes and Archetypes. Oxford, 1992. P. 522. Ту же самую характеристику можно распространить и на эпическую поэзию Древней Индии. Более того, её современными исследователями достигнуто заключение о близости, если не идентичности, логики развития представлений, отражённых в самых различных памятниках письменности, начиная с Ригведы и заканчивая поэмами Гомера. См.: Sthrmann R. The roots of the interpretation of dreams in India and Greece — a comparative investigation // Electronic Journal of Vedic Studies. 2009. Vol. 16. Iss. 2. P. 15–44.

¹⁸⁰ Уместно вспомнить, что в своё время Р. Грейвс и Вяч. Вс. Иванов, отмечая, что в древнем греческом мифе солнце уступило первенство Луне, указывали на устойчивость данного представления, объясняя его историческими условиями нашествия эллинских племён в Малую Азию и на Балканы в начале II тыс. до н. э.: сначала эолийцев/ионийцев (первая волна), а за ними — ахейцев/дорийцев (вторая волна). По их мнению, поклонявшиеся арийской триаде богов (Индре, Митре, Варуне) вооружённые группы пастухов относительно мирно смешались с доэллинским населением Фессалии и Центральной Греции и бросили вызов триаде господствовавших в новых местах расселения женских богинь. Впоследствии, совместив магию и религию солнца (символе мужской плодовитости) с «лунной» (как символически олицетворяющей циклы жизни), им удалось, первоначально, установить примерный паритет между поклонениями Солнцу и Луне, что и нашло отражение как в идеологии (популярность преданий о титанах и гелиадах), так и в практической плоскости, найдя отражение в существовании института передачи власти от дочерей местных династов через заключение брака вождю-пришельцу. Типологическое родство сказаний о Сваямваре, мифе о Калидонской охоте и свидетельство Гомера о соревновании женихов на Итаке во времена отсутствия Одиссея за должность царя, сохраняемой Пенелопой — убедительные тому подтверждения. См.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 7–11; Иванов Вяч. Вс. Индоевропейские миграции // Stratum plus. 1997. С. 20–25; The Encyclopedia of Religion / Ed. By M. Eliade & Ch. J. Adams. London, 1987. P. 287. Относительно датировки Ригведы такое представление сложилось со времени публикации труда Л. Рену. См.: Renou L. Les Littératures d l'Inde. Paris, 1951. P. 5; Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 434–435. Что касается гомеровских поэм и их датировки см.: Latacz J. Troy and Homer: Towards a solution of an Old Mystery. Oxford., 2004. P. 151; Хьюз Б. Елена Троянская. Богиня. Царица. Блудница. М., 2006. С. 23.

¹⁸¹ Немировский А. И. Мифы древности. Индия. М., 2001. С. 287. К такому же мнению склонен и М. Эдвардс, полагающий, что, хотя для Индии характерно иное, чем для Запада восприятие истории, выразившееся в том числе и в отсутствии хроник и исторических источников в классическом их понимании, тем не менее, в сохранившихся произведениях придворных поэтов и летописцев присутствует мифологизированное изображение реальных событий. См.: Эдвардс М. Древняя Индия. Быт. Религия. Культура / пер. с англ. С. К. Меркулова. М., 2005. С. 10. Неслучайность сходства эпических поэм Древней Индии и Древней Греции помимо общности происхождения, возможно, была связана с одинаковыми обстоятельствами появления мигрантов на территории новых мест обитания. Для индоариев Северо-Западной Индии археологически доказано их сосуществование в XVIII в. до н. э. с центрами увядавшего Хараппского царства. Что касается Балкан, то в оценке эпических поэм дальновидным представляется предположение Д. В. Панченко, в развитие идей Л. С. Клейна, обратившего внимание на то, что эпическая традиция, восхваляющая быстрого Ахиллеса, никоим образом не происходит из мира цитаделей и дворцов и что она принадлежит тем, кто достиг Греции тогда, когда там уже были возведены и дворцы и цитадели. Тем самым, как полагает он, следует иметь в виду принципиальную неоднородность эпической традиции, с которой работал Гомер. См.: Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы. М., 1999; Панченко Д. В. «Ахиллес быстрый». С. 224.

¹⁸² Ригу представляло собой или отдельное большое племя, или конфедерацию родственных племён, которую возглавляло в качестве гегемона. Последнее, по всей вероятности, связано с руководящей ролью его вождей в противоборстве с бхаратами и их вождем Судасом. Не менее важно и то, что оно находилось в тесных взаимоотношениях с племенами Yadu и Shurasena. Во всяком случае современник Александра Македонского индийский царь Пор (Puru) по данным Арриана, Диодора, Страбона и Мегасфена, возводил к ним свою родословную. Место обитания Ригу правый берег Инда (Сарасвати). См.: Cremonesi M. A. Excavating the eternal: an indigenous archaeological tradition in India // *Antiquity*. 2008. Vol. 1. P. 75–76.

¹⁸³ Индоарийское племя, участвовавшее в битве 10 царей и потерпевшее поражение от царя племени Тритсу Судаса (RV. VII, 18, 7). Традиционно отождествляется с элинами. См.: Macdonell A. A., Keith A. B. *Vedic index of Names and Subjects*. Vol. 1. P. 39. См.: Frawley D. *The Rig Veda and the History of India*. Delhi, 2001 (http://www.xomba.com/the_father_of_yadu_yayati_ancient_indian_history); http://www.xomba.com/the_history_of_the_abhirs_and_yadavas_of_ancient_bharat_varse_1).

¹⁸⁴ Если вернуться к этимологии этнонима массагеты из предыдущего раздела нашей работы, то, кажется, вероятным сопоставление его с названием племени Ригведы matsya (machcha, mese), которое определялось как «рыбеды», а в палийской литературе, в свою очередь, отождествлялось с племенем suhasena (Mhb., I, 63; VI, 9. См.: Frawley D. *The Rig Veda and the History of India*. Delhi, 2001. P. 124. То же самое следует отнести и к соседям массагетов дахам (dahae / dahaeans), представлявших конфедерацию иранских племён к востоку от Каспийского моря. См.: de Blois F. Dahae I: Etymology // *Encyclopaedia Iranica*. 1993. Vol. 6. P. 581. Но ещё более показательны указания, присутствующие в гимнах Ригведы относительно родства matsya и suhasena, царём которых был Yadu — эпоним одноимённого племени (Rv. III, 36; 62).

¹⁸⁵ Большинство из них находит массу аналогий в топонимике, присутствующей в произведениях античных авторов предмет интереса которых представляла отнюдь не Индия. В частности, это касается племён эниенов, которых, скажем, Геродот размещает на Пелопоннесе, а Страбон в Закавказье. То же самое относится к bhrigu- европейским фригийцам Фракии до их переселения в Малую Азию, и конечно же к племени alipa, в котором все специалисты единогласно усматривают тождество этнониму Hellenes. Аналогичным образом обстоит дело и с интерпретацией племенного названия darada, идентифицируемого в специальной литературе чаще всего с дардами — лингвистической общностью, представители которой обитали в Индостане, а затем распространились по Малой Азии (Дардан и Дардания греческих мифов). Отдельная их ветвь, очевидно, из первоначально-го очага-прародины в Восточной Европе, самостоятельно проникла на Балканы через Северное и Западное Причерноморье. Пути миграций дардов отложились в хеттских и древнегреческих источниках (договор Муваталла II с Алаксандусом, египетской версии «Битвы при Кадеше», в «Илиаде» Гомера и др.). Современные учёные-лингвисты (на основании родственных по происхождению топонимов и гидронимов установили близость между дардскими языками Индии и Средиземноморья. По их мнению, дардская и индоиранская топо-и гидронимия является не просто родственной, но представляет собой две ветви одновременно выделившихся из единого протоиндоарийского языка диалектные группы. В. Л. Цымбурский, в частности, находил возможным отождествлять дардов Малой Азии и Балкан с курганной группой IV по М. Гимбутас, рассматривая появление данных миграционных волн в связи с той, которая избрала вектором своего движения восточное направление. См.: Цымбурский В. Л. Дарданская загадка // Вопросы классической филологии. 2009. Вып. 15.

Ещё одно важное наблюдение в последнее время было сделано относительно соотношения между собой пеласгов античной традиции и млеччхов Ригведы и Махабхараты. Присутствие индоарийско-прафракийской топо-и гидронимии на Балканах и в Средней Италии привело исследователей к констатации факта тождества последних если не в этнолингвистическом отношении, то в плане восприятия своих предшественников на Балканах и в северо-западной Индии пришельцами праэллинами и праиндоариями (Yadu-Attika, область Cas-Энотрия, boreigones/aborigines, лес Kas в современной Индии). Немаловажным подтверждением такой оценки служит выявление родственных связей между пеласгическими и праэллинскими языками, которые находят объяснение только с учётом их происхождения из единого индоарийского языка основы.

¹⁸⁶ Witzel N. Aryan and non-Aryan Names in Vedic India. Data for the linguistic situation, c. 1900–500 B. C. // Electronic Journal of Vedic Studies. 2004. Vol. 7. Iss. 7, 3–52. При этом сам их список, приводимый автором, весьма впечатляет: Aja, Anu, Anava, Andhra, Alina, Aya, Aratta, Andhra, Bhalana, Ikshvaku, Kasi, Trtsu, Turvasa, Turva, Druhyu, Parsu, Puru, Bhalana, Bhrigu, Bharata, Madra, Yadu/Yaksu, Yadva, Sakala, Surasena, Sindhu/Salva, Savara, Surasena/Suraseunka и др. Среди них 60 имён исследователь считает неиндоарийскими по своей этимологии, в том числе и племена Andhra, Aratta, Alina, Ikshvaku, Bhalanas, Yadu и др. Наконец, показательным представляется, с одной стороны, то, что племена Yadu и Turvasa упоминаются в различных комбинациях с другими (для времени древнейшего собрания гимнов Ригведы) племенами (II, IV, V, VI книги, датированные автором 1900–1200 гг. до н. э.),

а с другой — установление исследователем господства неиндоарийской этнонимии в её сравнительно поздних книгах (III, VII, VIII). Констатация данного факта весьма симптоматична в сравнении с данными античной традиции. Дело в том, что Страбон сохранил известие, согласно которому Аттика в глубокой древности носила название Yada, а согласно сообщению Дионисия Галикарнасского тиррены некогда населяли и Лемнос, и Афины (Dion. Hal., I, 24, 3). «Ведь название Тиррения, — указывает он, — было тогда распространено по Элладе, и вся западная Италия, лишённая наименования по народам, получила это обозначение, как это случилось повсюду в Элладе и относительно так называемого Пелопоннеса...» (Dion. Hal., I, 24, 5). Такой же тип образования племенных названий для ведической Индии отмечен и М. Витцелем, по мнению которого, типичный индийский случай проявил себя в том, что древнейшее имя греков Yavana, упомянутое в Махабхарате (до того они назывались Alipasa), было либо заимствовано пришельцами, либо эти последние наделили собственным этнонимом новые, сложившиеся в Северо-Западной Индии племенные образования. См. также: Sturhrman R. The roots of the interpretation of dreams in India and Greece — a comparative investigation // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2009. Vol. 16. Is. 2, 15–44.

¹⁸⁷ Племена Ригведы представлены разделившимися на множество ветвей, из которых все они принадлежали к двум группировкам: потомкам Солнечной (Ikṣvaku) и Лунной (Aila) династий. Представители последней, составляя союз племён, подразделялись, в свою очередь, ещё на несколько этносов — Yadu, Turvāsa, Druhyu, Anu и Puru. Что касается первых, то они рассматриваются в качестве сторонников потерпевшей поражение династии (передали царскую власть puru-кауравам), за интересы которой вступилась боковая ветвь икшваков — Trkṣasi. При этом само слово ikṣvaku Ригведы дословно означает «Солнце» (RV., X, 60, 4). Что касается самого этнонима trkṣi, то он встречается в гимнах только дважды (в каталоге племён и один раз в качестве эпитета (RV. VI, 46, 8; X, 60, 4).

¹⁸⁸ Witzel M. Autochthonous Arians (EJVS 7–3.htm).

¹⁸⁹ Witzel M. Substrate Languages in Old Indo-Aryan. EJVS. 1999. Vol. 2. (EJVS.2-3.htm).

¹⁹⁰ Mayrhofer J. Etymological Dictionary. Part 1. P. 74. Наряду с этим, высказывалось соображение о балтийских корнях этнонима anu. См.: Велтура Л. Э. Вольгер и балтистика как комплексная дисциплина // Тезисы докладов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2006 г.). СПб., 2006. С. 10 ([http://www. Genling.pw.ru](http://www.Genling.pw.ru)). Участие праславян-прабалтов в миграциях в Индию и из неё допускают и зарубежные учёные. См.: Witzel M. Substrate.

¹⁹¹ Обращает на себя внимание довольно частое и всегда одинаковое упоминание в связи с Индрой племён turvāsa и Yadu, причём, как следует из контекста, бог рассматривается авторами данного, одного из самых древнейших, гимна в качестве их покровителя. Сосуществование Индры-покровителя племени tritsu и одновременно защитника turvāsa-yadu, по всей видимости, следует воспринимать в качестве индикатора одновременности текстов Ригведы. Что касается этнонима saka, то считается, что праиранские племена Ригведы имеют отношение к фракийскому этносу. Если такое суждение соответствует действительности, становится понятным присутствие в ранней античной традиции определений скифов как фракийского этноса, причём, такое отождествление с учётом данных Ригведы производилось античными авторами не по факту нахождения резиденции скифских царей

неподалёку от Истрии, а с учётом уходящей в глубины мифопоэтической памяти и фольклора древнейшей традиции, заложенной в этой эпической поэме. См.: Исмагилов Р. Б. К этимологии *massagetae* и *thyssagetae* // Маггулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 81–82; <http://scriptores.ru/vvedas/rigveda01044073.htm>

¹⁹² Witzel M. Autochthonous Arians (EJVS 7–3. htm).

¹⁹³ Talager Chr. The Rigved. P. 84.

¹⁹⁴ Ibid. P. 86.

¹⁹⁵ Ibid. P. 91–93. Своё видение данной оценки изложено в рецензии на труд Шр. Таладжера. См.:

¹⁹⁶ В связи с этим именем рождается ассоциация, связанная с героем-эпонимом древних греков Эакон — строителем Лаомедонтовой Трои совместно с Посейдоном и Гераклом. Он воспринимался общественным сознанием архаической Греции в качестве «человека из Эи», этимология названия и странствий которого исследована В. Л. Цымбурским. См.: Цымбурский В. Л. Эя и Троя (Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима Aia // *Hrda Manasa*. Сборник статей к 70-ю проф. Л. Г. Герценберга. СПб., 2005 (YGGY 2005). Другая ассоциация напрашивается при знакомстве со словарём Стефана Византийского, упомянувшего среди прочих (миргетов, матукетов, иамов) и названный им скифским народ *Aidoi*, что по законам лингвистики, первоначально могло как *Iadoi* (Steph. Byz. s. v. *Aidoi* (186)). Если предлагаемая интерпретация этнонима верна, то мы сталкиваемся с засвидетельствованной в традиции констатацией прародины тех *Iadu* Ригведы, имя которых, в свою очередь, идентично, как отмечалось выше, древнейшему названию Аттики.

¹⁹⁷ Mackdonell A. A., Keith A. B. *Vedic Index of names and Subjects*. Ch. 1. London, 1912. P. 22, 39, 41–47; Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы.

¹⁹⁸ Слово *Ikṣvaku* в смысле «солнце», как показали произведённые подсчёты, упоминается в Ригведе один раз (RV. X, 60, 4). Что касается этнонима *Tṛkṣi*, то он упоминается только дважды: первый раз в каталоге племён (RV. VI, 46, 8), а второй в качестве эпитета к имени сына царя Трасадасью (RV., VIII, 22, 7).

¹⁹⁹ Племена *Yadu*, как отмечалось, в древнейших текстах определяются любимцами Индры (RV., I, 54).

²⁰⁰ В данной связи примечательным представляется древнейшая ипостась *Budha*/*Budna*, сын которого и Илы Пурувас, называется основателем Лунной династии. Если сравнить данное сообщение с теми, которые иллюстрируют происхождение Солнечной династии, то нельзя не заметить присутствия и в том и в другом случае персоны небесной танцовщицы Илы, имя которой в семантическом плане, по всей видимости, имеет какое-то отношение к названию Трои/Илиона в Малой Азии, который, в свою очередь, как доказано В. Л. Цымбурским А. Л. Гиндиным, для своего времени (рубеж II–I тыс. до н. э.) слыл центром перераспределения волн греко-фрако-армяно-фригийских племён на их пути в новые места проживания на Балканах и Апеннингах. См.: Гиндин А. Л., Цымбурский В. Л. Троя и Пра-Аххийява. С. 20–28.

²⁰¹ Отождествляемое лингвистами с фракийским этнонимом *Medoi*, *Madhu*/*Madroi* проявляют тенденцию возможности своего сближения с засвидетельствованными в античной традиции, начиная с Гекатея, гидронимом и этнонимом в Скифии — озером Амадока и племенем амадоков (Ptol., III, 5–6, 10, 13–14). Такие совпадения вряд ли являются случайными, поскольку, по всей видимости,

представляют один и тот же оригинал названия, варьировавшийся по произношению на разных языках. Примечательно, что амадоки обитали в окружении, называемых Стефаном Византийским в качестве скифских, племён *myrgetoi* (миргеты) и *matiketoi* (*madu-getoi* / *matsya-getoi*), этимология которых может восходить к реалиям как Ригведы, так и Махабхараты.

²⁰² Согласно Арриану, Диодору Сицилийскому и Страбону, Мегасфен в своём труде «Индика» упоминал племя соурасенов, определяя его в качестве одной из ветвей племени ядавов (*yadu*), которые проживали в его время в районе Матхуры и поклонялись пастушескому (!?) богу Гераклу. См. также: Ganguli K. M. *The Mahabharata of Krishna Dwaipayana Vyasa*. Dehli, 2004. P. 112 / Примечательно также, что одним из родоначальников этого народа Ригведа и Махабхарата называют *Bhad gasena*, сына Римбаха (*Rymbakh*) и небесной танцовщицы Илы. Он также имел 100 сыновей (эпическое определение понятия «много»), среди которых небезынтересны в связи с возможными своими связями с *yadu* и аналогами имени *Bharasena*, *Hava*, *Ylavart* и др. См.: Barnett L. D. *Hindu Gods and Heroes*. Philadelphia, 2006. P. 210–212.

²⁰³ Talager Chr. *The Rigved*. P. 111–112.

²⁰⁴ Ibid. P. 117.

²⁰⁵ Племена Куру, оттеснив или покорив родственные им племена, которых они называли млеччхами образовали союз племён. После длительной междоусобицы и столкновения на поле Курукшетры с династией Пандавов, о чём и рассказывается в Махабхарате, династия Куру утратила своё влияние, положив начало самостоятельному развитию отдельных городов-государств (Кошала, Каши, Видеха, Магадха и др.). См. Эдвардс М. Древняя Индия. С. 20.

²⁰⁶ Wilson H. H. *The Visnu Ourana: A system of Hindu Mythology and Tradition*. Philadelphia, 2006 (<http://books.google.com>). В отечественной историографии интерпретация слова осуществлена Вяч. Вс. Ивановым. По его мнению, давно уже предложенное в науке отождествление санскритского *mlecsha* — «варвар» и шумерского географического названия *Meluhha* является не только отображением оппозиции ариев-индоарийцев чужеземцам-*mlecsha*, впервые засвидетельствованном «Шатапатхабрахманой» (III, 28), но и находя из него своё объяснение в контексте фразы из гимна «Энки и мировой порядок» (*urudu-meluhha* (медь из Мелухха), представляет возможность предполагать о смысловом значении санскритского *mlecsha* как обозначения «меди, сплав с оловом». Последнее, как полагает исследователь, вполне соответствует химическому составу сплавов меди с примесью никеля как в Шумере (2–3% — 8%), так и в долине Инда (3, 3% — 5%), и, в связи со своим происхождением, может рассматриваться, как связанное с фиксацией ввоза никелистых бронз или руды в Шумер из Индии до последней трети III тыс. до н. э. См.: Иванов Вяч. Вс. К истории значений санскритского *mlecsha* // Иванов Вяч. Вс. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2. М., 2008. С. 563, 567, 569. Примерно такая же трактовка дана М. Витцелем, который, опираясь на опубликованную А. Парполой печать «переводчика из Мелуххи», известную несколько ранее надпись с упоминанием «деревни Мелухха», а также на перечни товаров из этой страны (лес и корабли мелуххийской постройки, красные собаки, слоны, сезамовое масло и др.), пришёл к заключению о тождестве наванию *Meluhha* однопорядкового шумерского определения Индии, сформированного на основе переосмысления самоназвания, проживавшего там

племени, с которым население Месопотамии аккадского периода поддерживало довольно тесные и частые связи. См.: Witzel M. Substrate Languages in Old Indoiranian. P. 24–25; Possehl G. Shu-ilishu's Cylinder Seal // University of Pennsylvania Museum's Asian Section Essays. 2008. Vol. 48. № 1. P. 42–43.

²⁰⁷ Полагают, что yavanas представляет собой санскритизированный вариант греческого названия Ионии (Αἰονία), что означает «герои». Эти племена называются проживающими среди гандхарвов, а также на далёком западе от yavana в области Paṇama Yona (греч. Иония), что указывает на один из каналов связей населения Малой Азии и Северо-Западной Индии в первой половине I тыс. до н. э. Однако ещё раньше, в ведическую эпоху, так именовался главный род племен turvasa, находившийся в родственных отношениях с «сыновьями племени yadavas. Совместно с племенем Апи, они относились к mleccha (Mhb., I, 85; VI, 9). Интерес представляет и то, что царь Бхагадатта (Bhagadatta), правитель области под названием Pragiyotisha называется и царём яванов (yavanas), причём, в перечне великих царей он занял место среди царей yayati, Nahusha, Puru, Bharata и Yadu (Mhb., II, 14; 50; V, 19; 198; VI, 20; VII, 116–118; VIII, 73; XIII, 165). См.: Henry M. Yavana Dynasty and Kingdom (www.experiencefestival.com/a/Yadu_dynasty/id/177732).

²⁰⁸ Лингвисты рассматривают армян в качестве обособленной, как и прагреки, ветви индоевропейцев пути и контакты которых затрагивали и другие индоевропейские группы. Родственность тем и другим пеонов, фригийцев, индийцев и праславян — едва ли не общее место в современных трактовках этногенетических процессов в Восточной Европе в начале II тыс. до н. э.

²⁰⁹ В частности О. Н. Трубачёв считает, что традиция похода аргонавтов на север есть не что иное, как более ранняя традиция «о возврате греков». См.: Трубачёв О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 15, 17. Точно так же полагают и большинство зарубежных учёных. См.: Schmid W. P. Griechenland und Alteuropa im Blickfeld des Sprachhistorikers. Thessalonike, 1983. S. 408; Basic J. The Emergence of the Sklavenoi (Slavs), their arrival on the Balkan Peninsula, and the role the avars in this events: revised concepts in a new perspective. Ann Arbor, 1984. S. 65.

²¹⁰ Исчезновение энианов, как сообщает Страбон, было связано с их уничтожением этолийцами и афаманцами (Strabo., IX, 4, 11). Произошло это, по всей видимости, уже после падения Трои, поскольку этноним энианы, точнее, enien упоминается в надписях Рамсеса III из Мединет Абу на 5-ый год его правления как участники коалиции «народов моря», в которую входили Plst, Pwrtj, Rws, Rk, Srdn, Tkr, Nrs, Skls Dwnp, Wss (пеласги, пуласати, ахейцы, ликийцы, шерданы-сарды, тевкры-троянцы, тирсены, шекелеш-сикулы, данайцы. См.: Barnett R. D. History of the Middle East and Aegean region c. 1380–1000 B.C. The Sea-peoples // САН. 1953. Vol. 2. P. 371–378. По мнению Б. А. Тураева, пуласты, тевкры, сикелы, дануна и Wss совершали нападения из страны Амурру, где в городе Hasaiwaihu (вариант — Nakaiwas/akaiwasa находился центр их политического союза племен. См.: Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л., 1934. С. 333; Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998. С. 202; Сафронов В. А. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // ВДИ. 2006. № 4. С. 128.

²¹¹ Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.-Берлин, 2005. С. 21–22.

²¹² Там же. С. 22. При этом по мысли автора слово ἄβιοι у Гомера употреблено в отличие от других в качестве этнонима. С другой стороны, он пишет: «Смысл не изменится ни на йоту от того, какое из слов будет истолковано как этноним, а какое, определяемое двумя другими словами, как эпитеты. Если следовать такому пониманию, то окажется единственное в пассаже «идеализирующее» слово относится к одним лишь абиям. Они идеальны и потому рассматриваются как справедливейшие» (См.: Иванчик А. И. Указ. Соч. С. 22).

²¹³ Иванчик А. И. «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблема возникновения идеализации скифов // Древние города Восточной Европы. Результаты исследований 1996–1997 гг. М., 1999. С. 12, 43.

²¹⁴ Махабхарата. Книга Вторая. Фтхарва или Книга о собрании / Пер. с санскрита и комм. В. И. Кальянова. М., 1992 (<http://www.yogalady.com.ru/books/mahabharata/mb.02doc>).

²¹⁵ Точки зрения по данному вопросу диаметрально противоположны. Свидетельство тому взаимоисключающие концепции, представленные в специальной литературе. См.: Гиндин А. Л. Древнейшая ономастика Балкан. София, 1981; Гиндин А. Л., Цымбурский В. Л. Гомер и Восточное Средиземноморье. СПб., 1996; Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978; Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988; Он же. Opera philological minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 202–204; Beekes R. Pre-Greek: The Pre-Greek loans in Greek. New York, 2007. P. 192–198.

²¹⁶ Елизаренкова Т. Я. Ведийский язык. М., 1982. С. 37. Возможно, имея в виду именно это обстоятельство, исследовательница, называя Ригведу полноценным источником по истории распространения арийских племён в Северо-Западной Индии во II тыс. до н. э., рассматривала его как «единственный, но не исторический». См.: Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи Ригведы. М., 1999. С. 195–196.

²¹⁷ Смешанный характер населения Восточной Европы в древние времена не являлся сюрпризом для Страбона, который обращал внимание на неслучайность смешения Гомером мисийцев с абиями, галактофагами и гиппемолгами, а также отмечал, что в его время скифы и сарматы смешаны с фракийцами (Strabo., VII, 3, 2). Аналогичные оценки присутствуют у античного географа и в описании Греции, Малой Азии и Италии. (область эпикнемидян в Фокиде; г. Курис (Цере по имени которого Римляне называют куритами; рр. Рион и Антирион; м. Аракс напротив о. Итака; гг. Хелонат и Киллена на рр. Селлеис и Пене; Тамирис — фракийец; луг Иардана и Ахеи; беотийский город Рамнунт; Исос — город в Мегарской области. Гг. Гелос, Гелеон и Гилесион («болотные») северные этолийцы, акарнанцы и некоторые из эпирских и македонских племён; малии и фтиотийские ахейцы; г. Эллада (называвшийся ранее Пиррой) на р. Энипей; энеты-основатели г. Энеты (совр. Амиса) и пафлагонцы; синтии, бригийцы, меоны; ализоны-каллипиды и македонское племя ализонов; (Strabo., V, 3, 1; VIII, 1, 3; 2, 3; IX, 1, 5; 2, 3; 5, 6–8; XII, 3, 15; 20 См. также: Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999. С. 363.

²¹⁸ Обращает на себя внимание формула *arghaioi Hellenes*, дважды используемая автором «Римских древностей» и употребляемая им, когда он хочет подчеркнуть первоначальность, исконность племён пеласгов, которых он считал автохтонным населением Пелопоннеса (Dion. Hal., I, 17).

- ²¹⁹ Клейн Л. С. *Анатомия «Илиады»*. С. 53.
- ²²⁰ Грантовский Э. А. *Иран и иранцы до Ахеменидов*. М., 1998. С. 87.
- ²²¹ Цымбурский В. Л. *Имя Диониса* // *Colloquia classica et indogermanica III*. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 14–20.
- ²²² Подосинов А. В. *Античные и раннесредневековые представления о речных путях срединяющих бассейны Балтийского и Чёрного морей* // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 2003 г.: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*. Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М., 2005. С. 194.
- ²²³ Там же. С. 195.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Данное заключение подтверждается исследованиями этноархеологов, выделяющих т. н. «культуру субсоциума» пассионарной элиты («большая традиция» в концепции социокультурных цепей Ш. Айзенштадта), заслуга которой заключалась в порождении тех культурно-языковых феноменов в рамках господствующего ХКТ, подражание которым имело своим следствием складывание целой сети многочисленных вариантов подражательства покорённых этнических групп в виде «малых традиций». См.: Шнирельман В. А. *Археология и лингвистика: проблемы корреляции в контексте этногенетических исследований* // *ВДИ*. 1996. № 4. С. 89–93; Гумилёв Л. А. *География этноса в исторический период*. Л., 1990. С. 19, 33, 141; Eisenstadt S. *Revolution and the transformation of society: comparative study of Civilizations*. New-York-London, 1978. P. 9, 86–93.
- ²²⁶ Это подтверждается наблюдениями лингвистов и археологов. По мнению, Т. Барроу, разделение арийского на индоиранский и иранский произошло в ходе миграций ещё до того, как они распространились в Индии и Иране. См.: Barrow T. *The Sanskrit language*. London., 1955. P. 30; Idem. *The Proto-Indoaryans* // *Journ. of Royal Asiatic Society*. 1973. № 2. P. 123–140. Примерно, аналогичную картину расселения индоевропейцев предлагает И. В. Пьянков, по мнению которого оно началось, причём во все стороны, из Днепро-Волжского Междуречья. Одна из таких волн направилась в сторону Индии и Ирана, тогда как другая, на западе того же региона, избрала своим основным направлением запад и юго-запад. См.: Пьянков И. В. *Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии* (<http://refernax.ru/08/doc>).
- ²²⁷ Renak P. *Children's Work: Girls as acolytes in Aegean ritual and cult* // *Coming of Age: Constructions of childhood in the ancient world* / Ed. by J. G. Younger. Athens, 2005. P. 90.
- ²²⁸ Bryce T. *The Trojans*. London, 2005. P. French E. B. *Mycenae Agamemnon's Capitak*. CCamdridge, 2002. P. 62; Wardle A., Wordl K. *Cities of Legend: The Mycenaean World*. London, 1997. P. 17.
- ²²⁹ Godison L., Morris K. *Ancient Goddesses: the Myth and Evidence*. London, 1998. P. 125; Angel J. R. *Ecology and Population in the Eastern Mediterranean* // *World Archaeology*. Vol. 4. 3 1. P. 88–105.
- ²³⁰ Godar L., Sacconi B. *La geographie des Etats Myceniens*. Paris, 1999. 197–199. См. также: Хьюз Б. *Елена Троянская*. М., 2006. С. 104.
- ²³¹ Farmer S., Sproat R., Witzel M. *The Collapse of the Indus-Script Thesis: The Myth of a Lterate Harappan Civilization* // *Electronic Journal of Vedic Studies*. 2004. Vol. 11. Iss. 2. P. 19–57; Harrman H. *Early Civilization and Literacy in Europe: An Inquiry into Cultural Continuity in the Mediterranean World*. Berlin, 1996.
- ²³² Ibid., P. 33.

²³³ Winn S. M. M. Pre-Writing in Southerneastern Europe: The Sign System of the Vinca Culture, 4000 B.C. Calgary, 1981; Idem. Neolithic Sign System in Souteastern Europe // *The Life of Symbols* / Ed. By M. I. Foster and L. J. Botscharov. Boulder-Colorado, 1990. P. 263–283 (<http://www.prehistory.it/ftp/winn.htm>).

²³⁴ Ibid., P. 38–39. Fig. 8. Последнее очень важно с точки зрения признания того, что цивилизации могут существовать без иероглифической, клинописной, слоговой или алфавитной письменности и что в данном случае знаковые системы вполне компенсируют отсутствие урбанистических центров, монументальных общественных и храмовых сооружений, наконец, бюрократии и государства. (Р. 47). Очень важно, что лингвисты вполне допускают наличие в данной системе протописьменности отражённых в них реалий представлений индо-ариев относительно окружавшей их действительности. См. также: *Ancient Cities of the Indus Valley* / Ed. By J. M. Kenoyer and R. Meadow. Oxford, 1998; Koenraad E. *The Vedic Harappans in Writing: Remarks in Expectation of Decipherment of the Indus Script*. 2000 (<http://koenraadelst.bharavatvani.org>).

²³⁵ Цымбурский В. Л. Эя и Троя. (Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима Aia) // *Hrda manasa*. Сборник статей к 70-ю проф. Л. Г. Герценберга. СПб., 2005. С. 18. По всей видимости в формулировке вопроса о том, что Евразия античной традиции находится всегда в рамках мнимых реальностей, как это и продемонстрировал А. В. Подосинов, необходимо акцентировать внимание только на географическом его аспекте. См.: Подосинов А. В. Античные и раннесредневековые представления о речных путях соединяющих бассейны Балтийского и Чёрного морей // *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*. Отв. Ред. Т. Н. Джаксон. М., 2005. С. 192–208.

Вместо заключения

Разработка проблем прародины, ранней истории и миграции племён индоевропейской общности (ИЕ) — одна из актуальнейших и дискуссионных проблем археологической науки и лингвистики — в последние годы вышла на качественно новый уровень своей разработки. Ценность моноцентрических концепций лингво- и этногенеза древних обществ вообще, племён ИЕ общности, в частности (вторжение, миграция, исход, конвергенция, диффузия) к настоящему времени почти исчерпана. Очевидным становится понимание данного процесса, как броуновского по своему содержанию процесса, реализовавшего свои потенции в расселении племён и складывании этнографической карты Старого Света к середине II тыс. до н. э.* Аналогичные наблюдения можно распространить и на сами методы, пути и средства анализа — синтеза — интерпретации источниковой базы, равно как и на историческое объяснение названных процессов в контексте накопленных к настоящему времени фактов, что по самому принципиальному вопросу нашло своё выражение в утверждении только двух теорий происхождения ИЕ — анатолийской (неолитической) и евразийской (степной).** Понятно, что предпринимаются и попытки синтеза положений этих двух концепций, а также иные, альтернативные, поиски индоевропейской прародины, но одна тенденция является определяющей — потребность в переходе на базе достижений археологии и лингвистики на уровень исторического осмысления проблемы. Этому способствовала и разработка шкалы радиоуглеродных (калиброванных) дат, позволившая сдвинуть все без исключения культуры

---

* Герценберг Л. Г. Новые книги // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2007. Вып. 11. С. 53; Дыбо А. В. Язык — этнос — археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М., 2003. С. 65–79; Клейн Л. С. Прародина и миграции индоевропейцев, СПб., 2007. С. 47–49; Van der Linden M. The Roots of the Indo-European Diaspora: New Perspectives on the North Pontic Hypothesis // Proceedings of the 15th Annual UCLA Indo-European conference. Washington, 2004. P. 138–154; Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Proto-Indoeuropean World. Oxford, 2006.

** Dergachev V. Two Studies in Defence of the Migration Concept // Ancient Interactions: East and West in Eurasia. Cambridge, 2002. P. 93–112; Gray R. D., Atkinson Q. D. How old is the Indo-European family? Progress or more moths to the flame? // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages. Cambridge, 2006. P. 91–109; Harke H. Archeologists and Migrations: A problem of attitude (and Comments and Reply) // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. Nr. 1. P. 19–45; Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: “Old Europe” as PIE Linguistic Area // Language in Prehistoric Europe. Heidelberg, 2003. P. 34–42.

евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы в III тыс. до н. э. и даже дальше.* Наконец, нельзя не отметить знакомство широкого круга западных археологов и лингвистов с публикациями материалов Хвалынского и Синташтинского могильников с колесницами, указавших на индоевропейский характер евразийской степной истории в эпоху энеолита — бронзы.** В указанном отношении, выдержавший за последние три года два издания, обобщающий труд крупного американского археолога, принимавшего в том числе и непосредственное участие в раскопках разнотипных памятников эпохи бронзы на территории России, Дэвида В. Энтони, является весьма показательным.

В противовес всем имеющимся, он на основании «перекрёстного допроса» данных лингвистики и археологии предпринял попытку обоснования новой концепции - концепции складывания протоиндоевропейского языка (ПИЕ) и его диалектов в обществах носителей археологических культур степи и лесостепи Евразии между 4500–2500 гг. до н. э., которые и являлись движущей силой их распространения от «Старой (т. е. неиндоевропейской — Н. П.) Европы» до Китая.***

Во введении автор формулирует основы собственной позиции относительно предполагаемой прародины ИЕ и заявляет о том, что, разделяя и уточняя взгляды М. Гимбутас и Дж. Мэллори,**** он связывает протоиндоевропейцев (ПИЕ) данного региона с носителями доямных и ямных культур степей Восточной Европы (121–132, 361–366). Что касается Анатолийской теории, связывающей выделение ИЕ с серединой VI тыс. до н. э., то она, по его мнению, противоречит распространению понятий «колеса» и «колесницы» в индоевропейских диалектах (С. 63–80). К этому Д. Энтони добавляет диаметрально противоположное точке зрения А. Парполы предположение, согласно которому на северо-востоке евразийских степей, возможно, на юге Урала, происходили длительные и регулярные контакты ИЕ общности с финно-угорскими языками уральских народов, объясняющие присутствие в них заимствованной ИЕ лексики (С. 93–97).

---

* Епимахов А. В., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102; Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Феномен Майкопской общности и её радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 252–275.

** Стефанов В. И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. 2009. № 6. С. 18–24.

*** Mallory D. W. Op. cit. P. 20. Последнее весьма актуально в связи с имеющимися попытками переориентации на противоположный основной вектор развития этно-лингвистических и культурных связей между земледельческим и скотоводческим населением западных и восточных областей евразийской степи. См. Манзура И. В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. Т. 2. С. 237–295.

**** Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.

Основу взгляда Д. Энтони составляет доказательство представления о ПИЕ языке как материнском языке, распад которого около 3700/3400 гг. до н.э. на территории степей Евразии имел своим следствием формирование и распространение между 3400 и 2300 гг. до н.э. отдельных ветвей ИЕ языков и их носителей (С. 98–101). Первыми, по мнению исследователя, от ПИЕ общности отделились анатолийские языки, затем тохарские, а после них — кельтские (итало-кельтские (С. 43–47)). Считая вопрос сложным, тем не менее, он считает возможным в качестве очередных по счёту рассматривать языки греко-армянской ветви и, вопреки существующим представлениям о существовании греко-арийской общности, основываясь, в основном, на археологических данных, полагает, что индоиранские, балто-славянские и пра-германские языки олицетворяли некий диалектный континуум, находившийся внутри себя к тому же в постоянном контакте и единстве, но распавшийся окончательно на стадии т.н. Позднего Триполья между 2500–2300 гг. до н.э. (С. 48–49). Последние группы диалектов, как полагает Д. Энтони, локализовались ещё в понто-каспийских степях, откуда, собственно, и началась их миграция на запад и север ещё в IV тыс. до н.э. (С. 50–58).

Основными причинами распада ПИЕ языка и возникновения на его основе диалектного разнообразия дочерних лингвистических ветвей автор считает прогресс в экономике степного населения: возникновение стадного по форме, пастбищного по содержанию, выпаса крупного рогатого скота и овец, domestикацию лошади, изобретение колёсного транспорта, колесниц и верховой езды (ок. 3300 г. до н.э.), придавших новый, связанный с разделением земледелия и скотоводства, с зарождением общинных ремёсел, импульс динамике общественного и языкового развития, выразившегося в образовании дихотомии двух взаимодействующих хозяйственно-культурных типов (ХКТ). (С. 59–82). Особую роль Д. Энтони отводит преимуществам верховой езды, возникшей, по его мнению, на самых ранних стадиях развития пастушеско-скотоводческих обществ и обусловившей экономические, социальные и политические преимущества их представителям. Данное обстоятельство имело, как полагает исследователь, во-первых, весьма существенное значение потому, что пастух верхом на лошади может обслуживать значительное количество голов, находившегося в его собственности (или общины) скота, количество которого позволяло извлекать добавочную прибыль. Во-вторых, оно инициировало, в том числе связанную с миграциями и войнами, подвижность населения. А в-третьих, оно закладывало основы социальных взаимоотношений между племенами, развивавшихся на «взаимном договоре» как между членами общины (гость-хозяин, патрон-клиент), так и между ними, включая сюда и связь человека с божествами-покровителями. Самым же важным социально-политическим следствием указанных перемен в истории скотоводческих племён степи и лесостепи Евразии Д. Энтони называет появление престижной собственности, социальное расслоение пастушеских обществ и выделение своего рода «элиты

всадников» - носителей ИЕ языка (языков), который (которые), навязанный (навязанные) автохтонному населению, стал (стали) доминантным (доминантными) не только в экономическом и социальном планах, но, благодаря данному обстоятельству, и господствующим (господствующими). Более того, он склонен связывать с пастушескими скотоводами евразийских степей зарождение, основанной на распределении, социальной иерархии.

Иными словами, непосредственной причиной, как возникновения, пришедшего на смену диалектам предшествующего автохтонного населения, материнского ПИЕ языка, так и его членения на отдельные ветви с последующим распространением по просторам степной Евразии, автор считает наличие «престижа социальности» у завоевателей в глазах местного населения (в работе приводятся аналогичные феномены, относящиеся и к более позднему времени). (С. 321–327).

Следует подчеркнуть, что констатация данного факта построена исследователем на совершенно определённой методологической основе. Давая оценку соотношению языка с памятниками материальной культуры, автор особо подчёркивает противоречивость, многоаспектность, многоуровневость, непосредственный и опосредованный характер данного процесса: протоэтнос, по убеждению исследователя, всегда формировался как слияние нескольких этносов и культур точно также, как и язык соотносился с носителями нескольких археологических культур, т.е. сам этот процесс являлся полиэтническим (и полиантропологическим) по своему содержанию.

В концепции Д. Энтони важное место отведено рассмотрению миграции, которую, несколько абсолютизируя её значение и роль, он считает определяющей формой расселения ИЕ племён и объясняет её историческое содержание как строго определённую стратегию мигрирующей группы или социума, в ходе которой происходит складывание устойчивых границ их материальной культуры (С. 108–113). Без учёта миграции, по убеждению автора, «мы не поймём ИЕ проблемы вообще» - вывод, который нашёл отклик в сходном по тематике труде Л. С. Клейна.*

В результате скрупулёзного анализа всей совокупности данных Д. Энтони приходит к заключению, согласно которому в истории степного населения Евразии могли иметь место три, связанных с расселением потомков ПИЕ общности, потока миграции. Самой ранней из них была экспансия её диалектов на Восток. За ней последовала миграция на Запад. И только на заключительном этапе (ок. 2500 г. до н.э.) — на юг (в Иран и Северо-Западную Индию). (С. 340–367). Показательно, что исследование ведётся автором в контексте отождествления различных археологических культур степи и лесостепи с отдельными ветвями ИЕ языка.

В указанном отношении привлекает внимание идентификация и соотношение автором памятников абашевской и синташтинской археологиче-

---

* Клейн Л. С. Прародина и миграции индоевропейцев. СПб., 2007. С. 12.

ских культур, а также срубной, одной из великих в оценке В. М. Массона, общности, которые можно назвать примечательными (и представляющими интерес) с точки зрения их соотнесения с памятниками, отображающими складывание и распад племён и языков греко-арийской общности на территории евразийской степи и лесостепи. С первой из них он связывает *абашевскую эру* в Уральско-Тобольском междуречье, которая имела место на стадии Позднего Абашево в период до того, как носители синташтинской культуры построили здесь свои крепости (С. 385). Именно здесь, по мнению автора, впервые становятся весьма существенными орнаментальные, олицетворяемые геометрическим меандром, мотивы абашевской керамики, производимой в Уральском регионе (С. 386. Рис. 15.7.). Только на памятниках этого региона встречаются баночные сосуды абашевского типа, которые, равно как и меандрообразный орнамент, а также металлическое оружие и дисковидные псалии, с одной стороны отображали воздействие сибирского Абашево на Синташту, а с другой — обратный культурный импульс со стороны Синташты на Абашево (Там же.). Другой особенностью данной культуры Д. Энтони называет отсутствие захоронений животных в больших масштабах, значительное разнообразие орнаментации и металлических изделий. К этому он добавляет и наблюдение, связанное с констатацией нетипичности оборонительных сооружений для абашевских поселений в сравнении с Синташтой (С. 387.). В связи с этим автор, преувеличивая место носителей синташтинской культуры в процессе этногенеза степного населения, связываемого им с индоиранцами, Д. Энтони предлагает своё видение её истоков и источников. Первым по счёту он называет Полтавкинскую культуру, которую он считает Волго-Уральским продолжением ямного горизонта. В Урало-Тобольское междуречье её носители-группы пастухов-скотоводов двинулись между 2800–2600 гг. до н. э. Признаком, на который опирается учёный, выступает декоративный ряд полтавкинской орнаментации, присутствующий и на синташтинской посуде, единичные погребения в окружённых каменными оградами курганах и то обстоятельство, что один из полтавкинских могильников расположен в 400 м южнее будущего Аркаима. Вторым по счёту источником и истоком традиций синташтинской общности учёный называет родственную и современную ей Потаповскую археологическую культуру Средней Волги (2100–1800 гг. до н. э.) с аналогичным ритуалом и обрядом погребений, металлом, оружием, погребениями лошадей и колесничной атрибутикой, которая в свою очередь пришла на смену предшествовавшей Полтавкинской культуре. Третьим, одним из важнейших факторов формирования культуры Синташты, как уже отмечалось, автор рассматривает воздействие материальной и духовной культуры носителей абашевской археологической общности (С. 387.). Насколько можно понять, из логики рассуждений автора следует, что симбиоз указанных компонентов определил, происшедший между 2300–2000 гг. до н. э., процесс обособления локальных вариантов синташтинской культуры.

Последнее вполне вписывается и в оценки Е. Е. Кузьминой, одной из первой обратившей внимание на билингвизм населения — носителей Абашевской культуры.* Сам же исследователь полагает возможным относить к этому времени контакты абашевцев с носителями финно-угорских языков, что выразилось в появлении в них заимствованных слов из ИЕ словаря (С. 382.). Некоторая прямолинейность трактовок зарубежного археолога, вытекающая из недостаточного знакомства с абашевскими и родственными им памятниками других территорий, по нашему мнению, связана ещё и с невниманием к тому, что формы и орнаментация сосудов отображают самые различные состояния общества, а следовательно и развития диалектов той или иной языковой ветви, проявляющихся в соотношении адстрата и субстрата. Тем не менее, направление, избранное автором следует считать весьма и весьма перспективным.

Принимая во внимание позицию автора, согласно которой археологические культуры ПИЕ были многокомпонентными и отображающими язык и культуру обрядность в большей степени, чем их этническую атрибуцию, нельзя не обратить внимания на факты, позволяющие, на наш взгляд, выделить среди них прото-греческие и прото-индоиранские признаки. В самом деле, в качестве иллюстрации своего мнения о позднем выделении языка эллинов из Анатолийской ветви, сформировавшейся, напомним, по мнению автора, в степях Евразии, Д. Энтони, после рассмотрения взаимоотношений Триполья, Майкопской и Новослободненских культур, посылавших свои импульсы в степь и лесостепь, а также роли, которую сыграли шнуровая и ямные культуры, ближе к дате распада Греко-индоиранского прадиалекта, приводит такие показатели, как, засвидетельствованные для Урало-Тобольского междуречья, меандрообразный орнамент и каменные оградки курганных захоронений, хранивших в себе скорченные на разных боках погребения с охрой или меловой обкладкой тел умерших в сопровождении керамики. (С. 388–405.). Тот факт, что аналогичные по типу сооружения характерны для Балканской Эллады начала II тыс. до н. э. (поселения Гла, Эвтресис, курганные могильники Фессалии, Эпира, Лерны и Элевсина), с учётом наблюдений Д. Энтони и принимая во внимание свидетельства античной традиции о близости языков эллинов и гипербореев, как нам представляется, позволяет усматривать в Поздней абашевской культуре Урало-Тобольского междуречья материальное воплощение мифологических представлений древних греков о местоположении их Гипербореи.

Впрочем, существует и альтернативная трактовка представленных Д. Энтони наблюдений: рассматривать абашевскую эру как пра-греко-индоиранскую археологическую общность с её вариантами (культурами), отображающей диалектное разнообразие её носителей в рамках родственного пра-языка, подтверждение чему можно усматривать в возникновении

---

* Kuznina E. E. The origin of the Indo-Iraniens. Vol. 3 / Ed by J. P. Mallory. Leiden, 2007. P. 169–170, 222.

у племён абашевской общности (в особенности на Среднем Дону) знаковой протописьменности.* В связи с названными аспектами, как нам представляется, нельзя также игнорировать и данных относительно планиграфии, конфигурации и архитектуры поселений евразийской степи и лесостепи (от Сев. Донца до Тобола) энеолита — бронзы вообще, Синташтинских городищ-крепостей в частности, круглые и квадратные (овальные) формы которых впоследствии присутствуют, в том числе и в Северо-Западной Индии и Северо-Западной Греции. Их, наряду с другими, можно рассматривать, как один из показателей векторов миграции племён абашевской эры из евразийской лесостепи и степи. Иными словами, приведённые Д. Энтони факты, внося дополнительную ясность, позволяют уточнить существующие к настоящему времени представления относительно этногенеза эллинов (и фрако-фригийцев), ведических ариев и древнейших иранцев.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, эти маркеры этничности не совсем совпадают с теми, которые действительно присущи абашевской культуре (сказалось недостаточное знакомство автора с трудами отечественных и украинских археологов), тем не менее, с учётом того, что формирование определённого единства культур абашевской общности (включая сюда и Синташту), если рассматривать её материальные компоненты в качестве отображения этапов этно- и политогенеза, они, по всей видимости, как раз и отображают характерную особенность миграционных волн её носителей на Восток, Юго-Восток и Юго-Запад: полиэтнических по своему содержанию, разнотипных по форме и темпам, включавших моменты конвергенции, дивергенции и диффузии, а также подвергавшихся воздействию «эффекта маятника». В этом смысле рассуждения автора на данную тему следует признать весьма и весьма плодотворными.

Обобщающий труд Д. Энтони содержит множество и других, ценных и плодотворных в своей совокупности идей и решений, достигнутых автором с точки зрения необходимости привязки данных лингвистики и археологии друг к другу на базе шкалы калиброванных датировок. Фундаментальность поднятых Д. Энтони проблем археологии племён ПИЕ языковой общности, тщательность и скрупулёзность анализа, осторожность, проявляемая автором при формулировке предлагаемой читателям новой и оригинальной концепции позволяет назвать публикацию его обобщающего труда существенным вкладом в исследование проблем происхождения и истории индоевропейских племён в современной науке.

---

* Захарова Е. Ю. О преемственности графических знаковых систем абашевского и срубного населения // Эпоха бронзы Дону-Донецкого региона: материалы 5-го Украинско-Российского полевого семинара. Киев — Воронеж, 2001. С. 38–40; Писаревский А. Н., Писаревский Н. П. Древнейшее письмо скотоводческих племён степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы (К интерпретации знаков на перекрестии рукояти бронзового кинжала срубной культуры) // Норция. 2003. Вып. 6–7 / Под ред. д. и. н. Н. П. Писаревского. С. 46–88.

* * *

Эта книга не была рассчитана на последовательное изложение этногенетической истории населения скифского времени на территории степи и лесостепи Евразии. В ней подвергнуты анализу лишь несколько вопросов, связанных в большей или меньшей степени с проблемой «исконных эллинов» города Гелона в стране будинов: проблемой его локализации, вопросом об этимологии и происхождении этнонима / политонима «гелоны», проблемой определения сущности упоминаемого Геродотом культа Диониса, справляемого раз в три года на его территории будинами (триетериды) и др.

Однако постепенно, по мере углубления в тему, автору показалось весьма вероятным, родившееся в процессе анализа информации разнотипных источников, предположение о древнейших корнях «исконных эллинов» Гелона, которое, найдя подтверждение в свидетельствах греческих мифов, эпических поэмах Гомера, мифологии и гимнах Ригведы и Авесты, заставило в ином свете посмотреть на археологические культуры Доно-Дунайского, Доно-Волжского и Волго-уральского регионов эпохи бронзы и с учётом результатов, достигнутых современной индоевропейской лингвистикой, восточной филологией и археологией, в особенности, концепций Г. М. Бонгард-Левина, Э. А. Грантовского, Л. А. Гиндина, В. Л. Цымбурского и их зарубежных коллег по «цеху», перевести, накапливаемые по мере разработки отдельных аспектов, наблюдения в плоскость поиска подходов к решению глобальных проблем индоевропеистики как комплексной дисциплины вообще: поиску аргументов в отношении локализации прародины племён индоевропейской общности, определению критериев границ её очага, подбору аргументов для формулировки представления относительно области, занимаемой греко-арийскими племенами в её пределах как до, так и после их, практически, одновременного разделения и расхождения на юго-запад и юго-восток в поисках новой родины, и следовательно, обоснования точки зрения о происхождении эллинской народности в связи с утверждением Геродота о проживании в его время «исконных эллинов» на северо-восточной периферии Скифии в городе Гелоне — главном городе обширной страны племени будинов. Работа, произведённая в указанном направлении, по нашему глубокому убеждению, оказалась небесполезной.

Рассмотренные факты позволили придти к заключению, согласно которому этногенетическая история населения степи и лесостепи Восточной Европы в скифское время вообще, Среднего Дона, в частности, имеет более длительную, разностороннюю, противоречивую с точки зрения развития, ретроспективу. Во всяком случае, если верны представленные доказательства относительно этнолингвистической природы названия «Гелон», она своими истоками восходит в глубокому прошлому даже в хронологических рамках бронзового века. Констатация данного факта, как нам представляется, позволяет по-иному трактовать свидетельство «отца истории» по поводу тысячелетней истории скифов, под именем которых (правда, не всегда) он

упоминал и отдельные нескифские племена. Не настаивая на том, что между населением Среднего Дона скифского времени и племенами того же района в эпоху бронзы существовала прямая непосредственная связь, мы полагаем, что с точки зрения этногенетической и этнолингвистической истории, как показали, в частности, выводы относительно сохранения в скифское время индоарийского диалектного субстрата на Нижнем Дону, в Приазовье и Северном Причерноморье, она, хотя и опосредованно, хотя и в изменённом до неузнаваемости виде, по всей видимости, сохранялась довольно продолжительное время, что и нашло отражение в сосуществовании в степном и лесостепном Подонье в VI–IV вв. до н. э. конгломерата потомков фракоязычных, эллинских и индоиранских племён предшествующей исторической эпохи. Что такое предположение имеет право на существование, на наш взгляд, свидетельствует, фиксируемая средствами науки в бассейне Дона и примыкающих к нему территорий, топо-гидронимика и ономастика. Более того, результаты анализа позволяют подтвердить, сделанное ещё М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым, предположение о существовании в это время большого союза племён (по современной терминологии «сложного вожества» из меланхленов, невров, фиссагетов во главе с будинами), главным городом в стране которых (именно таково одно из значений греч. слова *polis*) был Гелон, заселённый, как считал Геродот, изначальноными по своему происхождению или «исконными эллинами».

Анализ свидетельств «отца истории» о будинах, г. Гелоне и эллинах на периферии скифской ойкумены, которые, как это и следует непосредственно из источника, были его современниками, в контексте этногенетической истории населения данного региона, позволило вывести наблюдение, согласно которому в наррации Геродота отложились два хронологически разновременных пласта исторической информации. Первый из них «покрывал» собой, по археологической терминологии, время раннего железного века (РЖВ), тогда, как второй, более древний уводил в глубокое прошлое зарождения и миграций племён эллинской народности на свою «историческую» родину. Заданное указанным соображением направление, с учётом результатов исследований в области миграций пра-греков в Малую Азию и на Балканы, обусловило возможность расширить и уточнить имевшееся ранее представления об их характере и формально-организационном типе.

Прежде всего, наличествующие в источниках данные, как нам представляется, позволяют говорить о смешанном, конгломеративном, полиэтническом и полиархическом типах их содержания, проявившегося, в частности, в том, что в составе мигрантов принимали участие не только пра-эллины, пра-фригийцы и пра-фракийцы, но и их непосредственные соседи в границах очага т. н. греко-арийской общности — индоиранцы (арийцы), а также, как свидетельствуют новейшие данные, часть ближайших к ним финно-угорских племён. Более того, такая «модель» была свойственна и этим последним, в особенности индо-ариям и пра-иранцам, направившим векторы

своего переселения в сторону Китая (среднее течение р. Хуанхэ), северо-западной Индии, западного и восточного Ирана. Если в первом случае присутствие различных этносов в миграционном потоке доказывается всей совокупностью свидетельств греческих мифов, эпических поэм Гомера, античной традиции и данных топонимстики, засвидетельствовавших присутствие эллино-фрако-фригийских и индоиранских имён и названий рек, озёр и местностей, то во втором — оно проявилось в самой отложенности в *Ригведе* и *Авесте*, *Махабхарате*, источниках Древнего Китая эпохи Шан (Инь) и историческом труде Сыма Цяня той самой этнонимии, которая, очевидно, в своём преимущественном большинстве характеризовала этногеографию, социальную структуру и формы политической организации племён греко-арийской общности в период до её распада и расселения её носителей в диаметрально противоположных направлениях в границах основных очагов формирования древнейших цивилизаций Старого Света. В качестве частного проявления указанной тенденции необходимо рассматривать те, отложившиеся в греческой мифологии и в произведениях античных авторов, данные о родстве эллинов с далёким северным народом гипербореев, из страны которых в Элладу пришли не только боги — Зевс, Артемида и Аполлон, фракоязычные дельфийские жрецы Абарис и Олен, но и откуда регулярно на Делос этим народом доставлялись обёрнутые в солому священные, предназначенные Аполлону, дары. Близость эллинов и гипербореев, где бы ни локализовать территорию обитания последних, нашла подтверждение как в замечательных открытиях памятников материальной культуры эпохи бронзы «квазигородской» цивилизации в сибирском Зауралье, так и в античной традиции, сохранившей память о районах их обитания на Балканах (в Эпире, в области Додонского оракула Зевса), по соседству с эллинами, что совпадает мнениями античных авторов, обращавших внимание на удивительную близость, которая имела место между языками этих двух древних народов, надо думать, до переселения последних в страну, получившую название Эллада.

Рассмотрение данного вопроса в контексте археологии, в плане сопоставления археологических комплексов носителей, по определению В. М. Массона, «великих культурных степных общностей» как между собой, так и с поселениями, погребениями, керамической культурой мигрантов в северо-западной Индии, Малой Азии и Балканском полуострове (в особенности в Троаде и в Аттике) дало основания для формулировки нами вывода, во первых, о синхронном по своей хронологии начале расхождения праэллинов и индоиранцев, развивавшего свой отсчёт в пределах XXI–XVIII вв. до н. э., во вторых — о различной длительности и типах миграционных потоков (волн) тех и других, что нашло отражение в более длительном освоении индоиранцами пространств Средней и Южной Азии по сравнению с расселением праэллинов в северо-западной Малой Азии (Троада) и на Балканах. И, что самое важное, в-третьих, о русле Дона — Синда — Танаиса как «ми-

ровой оси» разделения мира праэллинов и праиндоиранцев, в пользу чего свидетельствуют как факты родства в языках тех и других понятий «река, вода», прямых заимствований их друг у друга, так и следы переноса данного гидронима в новые места обитания (р. Инд — приток Скамандра и р. Сангарий в Малой Азии, р. Иордан в Палестине, р. р. Танаос, Ладон, Эридан / Иордан, Апидан в Балканской Греции и др.)

Тем не менее, необходимо обратить внимание на одно, пространственно-временного порядка, различие, проявившееся в аритмии и различной продолжительности достижения праэллинами и праиндоиранцами своих новых родин, в пользу чего свидетельствуют конкретные факты: известно, что складывание ахейской государственности на Балканах происходит уже в первой четверти II тыс. до н. э. и также давно установлено, что аналогичный процесс в северо-западной Индии и на Иранском нагорье носил прерывистый и более поздний характер (XI–IX вв. до н. э.).

Знакомство со специальными исследованиями, обращает внимание и ещё на одну из важнейших сторон исторического процесса - на сходство «моделей» первоначального распространения праэллино-фрако-фригийцев в Балканской Греции и различных волн и их ветвей у индоиранцев в Средней Азии, Индии и Иране. Факты свидетельствуют: они - одинаковы. Причина этого весьма проста: происходя с одной и той же территории, из общего очага формирования, сохраняя во многом одинаковый хозяйственно-культурный, социальный тип и опираясь на мобильность, представленную использованием боевого и вспомогательного колёсного транспорта при известной идентичности отображения характера миграций в искомые места обитания в памятниках материальной культуры, и праэллины, и арии проявили одинаковую способность адаптации к различным историческим условиям и приспособления к своим собственным нуждам отдельных достижений материальной и духовной культуры местного населения.

Вместе с тем, и праэллинам, и праиндоиранцам была присуща определённая её инвариантность. В том, что касается эллинов, то она проявилась в маршруте переселения, который условно можно назвать по имени соответствующего эпони́ма «данайским». Конкретные его направления ещё предстоит выяснить, но уже сейчас совокупность археологических артефактов и данных греческих мифов, представивших возможным переосмысление эпиграфических источников, прежде всего, из Египта, не оставляет никаких сомнений, что в своей заключительной части он включал в себя Северную Сирию, Восточное Средиземноморье и северо-восточную часть дельты Нила как промежуточный этап достижения эллинами Арголиды. Близость этнонима корневой основе названий индоевропейских рек, наличие той же практики переноса «любимых» гидронимов в новые места обитания (Иордан, Эридан), но самое главное отложенность упоминаний о данавах-Iaksos в Ригведе, составлявших совместно с другими коалицию противников (вратьев) «истинных арийцев» в Северной Индии, появление

этого последнего на Ближнем Востоке — всё это вместе взятое, по нашему глубокому убеждению, подтверждает давно высказывавшуюся гипотезу о смешанности состава гиксосских племён, осуществивших вторжение в Дельту в 1750 г. до н. э., и более того, присутствию в их числе, как указывают греческие имена гиксосских царей XV–XVI династий (Тимэй, Ион), праэллинов, ведомых, согласно Геродоту Данаем. Иными словами в новом свете представляется теперь не только история данайцев и их взаимоотношений с различными народами по пути движения на Балканы, но и то, что гиксосы (др. инд. Iaksos, др. египет. hk'hst) представляли собой ярко выраженный индоевропейский, возглавлявший движение разноэтничных пастушеских племён в сторону Египта, адстрат, носители которого засвидетельствованы эпиграфическими памятниками почти всех сколько-нибудь крупных стран Передней Азии под именем *danuna-adana-adanava-didana-danaoi*, а в Ригведе — *danava*.

Выявленная основа оказалась весьма полезной и в объяснении того, почему Геродот считал «исконных эллинов» Гелона выходцами из южных понтийских эмпориев. Обратив внимание на распространение названий «ахейская гавань» в Причерноморье, приняв во внимание генеалогии, по меньшей мере, двух ветвей царских родов эллинов, восходящих к территории Синопы и её окрестностей, с учётом накопленных к настоящему времени знаний в области лингвистики и источниковедения в области греческой мифологии, мы пришли к заключению, что, получая информацию о проживании каких-то эллинов в далёкой глуши заскифских земель, тем более в масштабах большого, контролировавшего большую территорию, города (полиса), «отец истории», также как и мы считал такого рода рассказы полным абсурдом и пытался найти им рациональное толкование, надеясь как на свои познания, так и на интуицию. Именно здесь следует усматривать источник возникновения комментария, привязывающего к обитателям Гелона южнопонтийские эмпории. Но всё дело в том и заключалось, что они в который раз подвели первого историка Эллады: как и в случае с переселением тевкров, на что обратили внимание Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский, как в отношении различных версий развёртывания похода аргонавтов в мифах и систематизациях последних в научной поэзии эпохи эллинизма (Аполлодор, Аполлоний Родосский), так и в отношении «исконных эллинов» Гелона Геродот перевернул всё с ног на голову. В результате, переданная этим античным автором история должна восприниматься современным читателем ровно с точностью наоборот, поскольку, по всей видимости, является представленной в её зеркальном отражении.

Собственно, в этом и усматривается автором самое важное значение отложившейся в труде Геродота, эпизодичной по своему типу, фрагментарной, весьма скупой и невыразительной, информации об «исконных эллинах» - жителях деревянного города (и, возможно, одновременно, и общины-полиса) Гелона в варварской стране будинов на периферии Скифии.

Содержание

Введение.....	5
Глава I. Гелоны Геродота: этнос, социум или фикция античного историка?	12
Глава II. Обитатели Гелона: «празднество в честь Диониса»	29
Глава III. Полис Гелон и Афинская архэ.	54
Глава IV. О локализации Гелона и историко-географических координатах эллинского города в стране будинов.....	84
Глава V. Данайцы, гиксосы и «исконные эллины» города Гелона: возможные истоки этногенетической истории.....	108
Глава VI. Эллины и гипербореи в контексте свидетельства Геродота и мифопоэтических представлений древних греков.....	136
Глава VII. Этно-социогеография страны будинов в зеркале Скифского рассказа.	172
Глава VIII. Будины, гелоны-горожане и происхождение эллинской народности	201
Глава IX. Гелон Геродота как реликт мифопоэтической традиции о населении греко-арийской языковой и культурной общности эпохи бронзы в Восточной Европе.....	256
Вместо заключения	347

Николай Петрович Писаревский

Гелон Геродота.
Эллинский город в стране будинов

*Исследования по этнической предыстории населения Среднего Дона
и степи и лесостепи Восточной Европы скифского времени*

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *И. Р. Поздняков*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (отдел реализации),
aletheia@peterstar.ru (редакция)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 12.04.2010. Формат 60х88 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №